

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ

В. Шеремет

ВОЙНА И БИЗНЕС

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ

БИБЛИОТЕКА
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ БИЗНЕСА

В. Шеремет

ВОЙНА И БИЗНЕС

*Власть, деньги и оружие.
Европа и Ближний Восток
в новое время.*

МОСКВА

«ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА БИЗНЕСА»

1996.

*Библиотека Технологической школы бизнеса
Серия “Социокультурные метаморфозы”
Книга 1*

Под общей редакцией
генерал-майора, доктора исторических наук,
академика АЕН РФ *В.А. Золотарева*

Шеремет В.И.

Ш49 Война и бизнес. Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время / Под ред. В.А. Золотарева. – М.: Технологическая школа бизнеса, 1996. – 714 с. ISBN 5-86073-013-6

В первой книге новой серии “Социокультурные метаморфозы” представлена военная тема: Власть, Деньги и Оружие. Автор — известный востоковед, специалист по истории международных отношений В.И. Шеремет — раскрывает эти проблемы на региональном материале (Ближний Восток, Балканы, Россия, Западная Европа), показывая исторические корни и тенденции многих конфликтов современности.

ББК 63.3(0)53

От редактора

Высокая честь писать о таком авторе, как В.И. Шеремет. Он же — Селим-челеби, В. Самборский... Да мало ли имен у этого человека.

Писать о нем, как и о любой другой крупной личности, очень непросто. Умен, добр, отзывчив, духом крепок. Ученый. Учитель от Бога. Профессионал. Свободно чувствует себя в разных странах, в различных эпохах. Он непринужденно расположился в XIX веке, который прожил в своих работах весь — день за днем. Он и в XXI век проникает с уверенностью прогнозиста-аналитика.

Еще сложнее точно определить жанр его новой книги, которую Вы держите в руках. Ближе всего к “Войне и Бизнесу” подходит определение: документальное историко-публицистическое повествование.

Читателю представляется редкая возможность приобщиться к анализу ранее не публиковавшихся документов, войти в соприкосновение с самыми строго охраняемыми тайнами дипломатических и военных служб России, Турции, Англии, Франции, Австрии. И при этом собственное сложившееся мнение читателя, например о Екатерине II, соотнести с мнениями о ней турецких послов в Петербурге. Увидеть по-новому М.И. Кутузова — не только привычно в пороховом чаду сражений, но за мирным кальяном в гаремном саду турецкого султана Селима III. Кутузова — не традиционного, не схематичного, а умного и тонкого, щедрого и гибкого, практичного и коварного. Празднование 250-летнего юбилея М.И. Кутузова не случайно совпало с изданием этой книги.

Автор-документалист проведет читателя через прохладу султанских дворцов и тишину дубовых королевских кабинетов, через поля сражений и гомон торговых рядов, познакомит с виднейшими мужами эпохи. И при этом оставит читателю возможность сделать свой выбор в пользу того или иного ва-

рианта развития событий, понять мотивацию многих сегодняшних конфликтов в странах Ближнего Востока и Балкан.

В центре повествования — реальные события гражданской и военно-политической истории, имевшие место в Турции — Османской империи в XVIII–XIX вв. Это страна, историческая судьба которой переплелась с судьбой народов нашей страны так же органично и тесно, как жизнь матери-турчанки Фатимы и ее знаменитого сына — русского бунтаря Степана Разина, как жизнь русской женщины-полонянки Роксоланы и ее сына — султана Селима II.

Автор — дальний потомок выходцев из Российской и Османской империй, Шеремет В.И., однофамилец (быть может, и дальний родственник?) прославленного турецкого адмирала Шеремет-бея, сподвижника Ф.Ф. Ушакова в борьбе против иноземного вторжения; правда, личного противника Кутузова.

Жизнь свою исследователь самозабвенно посвятил трем вещам — науке, преподаванию и тому, что условно можно назвать полевыми исследованиями на Востоке. В молодости “баловался” переводами художественной прозы. О чем в зрелые годы почему-то предпочитает умалчивать. Во всяком случае с художественно-историческими и историко-публицистическими работами В.И. Шеремета заинтересованный читатель может познакомиться на страницах альманаха “Геополитика и Безопасность”, журналов “Служба Безопасности. Новости разведки и контрразведки”, “Военно-исторического журнала”, “Наука и Религия”, “Славяноведение”, “Новая и новейшая история”, “Modern Greek Studies” (США), еженедельника “Россия” и других продолжающихся изданий. Виталий Иванович Шеремет окончил Восточный факультет Ленинградского государственного университета в 1963 г. Он начал свою научную работу на Восточном и Историческом факультетах Университета, продолжил ее в Педагогическом университете имени А.И. Герцена. В те годы и сложилась его деятельность — научного работника и в то же время преподавателя. В последние годы его работы в Санкт-Петербурге, пока он не был избран членом-корреспондентом Академии естественных наук РФ по Отделению военной истории и теории, он заведовал кафедрой в одном из вузов города, где и сейчас его вспоминают с теплотой и уважением.

Он доктор исторических наук, профессор гражданской истории, ведущий научный сотрудник Института военной истории Министерства обороны РФ, Института славяноведения и балканистики Российской Академии наук, член-корреспондент и профессор военной истории и теории АЕН РФ, доктор по-о-космологии, вице-председатель Комиссии по военной истории

народов Востока общества востоковедов Российской Академии наук, член редколлегий ряда изданий. К тому же — член Правления Фонда Безопасности России Ассоциации ветеранов разведки, контрразведки и правоохранительных органов.

Читатель, конечно, обратит внимание, что в книге впервые в нашем востоковедении так широко и умело использованы бесценные, доселе неведомые читателю документы русской военной разведки за целое столетие.

Но автор еще и член Центрального Правления Ассоциации Европейских исследований, которая изучает, в частности, генезис интеграционных процессов в нашей старой доброй Европе. Вполне понятен тот широкий подход к проблемам, на уровне Старого Света и Востока в целом, который автор демонстрирует в своей книге.

Профессор Шеремет сочетает талант преподавателя, любимого студентами за энциклопедичность знаний, яркость создаваемых образов, неизменную доброжелательность, с изучением глубинных направлений и тайн Востока. Он снискал и в России, и за рубежом репутацию блестящего специалиста в этой области.

Диапазон его исследований огромен. От русско-турецких отношений за пятьсот лет и общеевропейских кризисов XVIII в. до острейших проблем второй мировой войны и прогнозов предотвращения геополитических конфликтов в веке XXI.*

В 1970–1980-х гг. он был первым ленинградским преподавателем, прочитавшим курсы политических и экономических связей России с ее южным соседом — Турцией. Значение отношений между этими двумя странами в конце XX века очевидно.

В Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова профессор В.И. Шеремет впервые прочитал курс истории международных отношений на Балканах, проиллюстрировав корни геополитической катастрофы, происходящей пыле на территории бывшей Югославии.

Ряд этих положений вошел в публикуемую книгу. Другие — во второй том, под названием “Босфор”, также издаваемый Технологической Школой Бизнеса. Обе они несомненно послужат и как учебное пособие к курсам истории мировых цивилизаций.

* За две теплые московские ночи 1992 года (“белой” петербургской, видимо, хватило бы и одной) на моих глазах им было создано блистательное предисловие к емкой и объемной источниковедческой работе “Россия, Семилетняя война и Фридрих Великий”, заказанной немецким издательством, так и не увидевшей свет. Знает ли издатель, какие сокровища хранятся в его сундуке с рукописями?

В гражданских и военных вузах Петербурга (Ленинграда), Москвы, Новгорода были очень популярны лекции профессора Шеремета о проблемах ментального противостояния в мировой военной истории.

После этого он делает решительный научный шаг к полномасштабным обобщениям в области исторической конфликтологии, и шире — к глобальным проблемам мировой цивилизации и ноокосмологии. В результате крупных исследований была опубликована первая в России книга, посвященная этим проблемам, достаточно редко анализируемым и в других странах, — “Империя в огне. Войны и реформы на Балканах и ближнем Востоке” (М.: АВИАР, 1994). Автор использовал не только методы исторической конфликтологии, но также и свою методику исследования всемирного исторического процесса. Среди главных из этих новых методов надо назвать применение принципов нелинейной причинности и ноокосмологии к исследованию цивилизационных процессов.

Подобное применение нетрадиционных методов к изучению обширных социальных проблем — вещь характерная для петербургской школы востоковедения. В.И. Шеремет — один из последних учеников выдающихся русских востоковедов, специалистов по ментальной и материальной истории Востока, академиков В.В. Струве, И.А. Орбели, А.Н. Кононова.

В. Шеремет занимается изучением проблем, введенных в научный оборот такими корифеями российской и мировой науки, как В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, сочетая владение принципами ноокосмологии, развитыми этими учеными, с глубоким знанием и пониманием Востока, где человек традиционно был гораздо ближе к общему информационному полю Земли, нежели в индустриальных обществах Запада.

Только в изучении ноосферы и шире — ноокосмологии — мы можем найти связь между “длинными волнами” макроэкономики (теория, разработанная А. Кондратьевым в 1920-х гг.) и проблемами взаимного влияния Запада и Востока в эпоху смены формационных циклов.

Сочетание фундаментальной подготовки в стенах питерской востоковедной школы и знания архивных документов Российской империи и дипломатических документов европейских кабинетов дало автору шанс показать читателю доселе сокрытые завесой времени и пеленой обстоятельств картины жизни минувших эпох.

Привлекая редчайшие и малодоступные материалы на старотурецком языке, переписку Екатерины II, Павла I, Александра I, Наполеона Бонапарта, Николая I с турецкими султанами, воспоминания турецких, русских и европейских государ-

ственных деятелей, их личные дневники (например, Александра Сергеевича Меншикова), в предлагаемом уважаемому читателю труде автор увлеченно и живо воссоздал драматическую историю борьбы за власть, деньги и оружие в Европе, в России, на Балканах и на Ближнем Востоке в контексте глубоких культурных, социальных и политических метаморфоз XVII–XIX веков.

Русско-турецкие отношения показаны в книге необычно — через призму восприятия турками событий в России и наоборот. Благодатной почвой для такого повествования послужила, в частности, дружба “домами” замечательного русского дипломата, лицейского товарища Пушкина А.М. Горчакова и турецкого реформатора Иззет-паши.

В живой литературной форме в книге вскрыта предыстория ближневосточного вопроса, на примерах жизни двух поколений турецких ученых и сановников показана история превращения янычарской империи в Турцию — члена европейского сообщества, участника “Крымской коалиции держав”. Прослежены, иными словами, социокультурные сдвиги.

Книга издается в преддверии крупных международных юбилеев. В ней отражена неизвестная страница состоявшегося 180 лет назад Венского конгресса (глава «“Венский концерт”, или “Почему молчал турецкий барабан в Вене в 1815 году”»). Турецкая общественность широко отметила 150-летие реформаторского движения. Началу реформ посвящена глава “Свобода и равенство приходят из “Обители роз”. Наконец, приближается 200-летие первого равноправного договора Османской империи с европейской державой — союзного договора Павла I и Селима III, по которому Черноморские проливы были друженно открыты для русского флота. Россия и Турция содействовали стабилизации обстановки на юге Балканского полуострова, в Восточном Средиземноморье.

Эта книга предназначена для самого широко и любознательного читателя. Здесь показано, насколько тесно связаны внешне такие далекие вещи, как война и торговля. Насколько выгодна война тем, кто в ней непосредственно не участвует, но владеет “абсолютным оружием” — властью и деньгами.

*В. Золотарев, генерал-майор,
профессор, доктор исторических наук,
Член Президиума Академии естественных наук Российской Федерации*

*Светлой памяти моей матери
Александры Дмитриевны Шеремет
(урожденной Самборской) посвящаю*

Автор

ВВЕДЕНИЕ

Уважаемый читатель!

Предлагаемая Вам книга выходит в свет в самое подходящее время. Вы устали от потока информации, но тем не менее хотите знать суть, истоки и перспективы явлений, которые заложены в современном информационном поле.

Книга “Бизнес и война” явилась результатом усилий двух, казалось бы, разноплановых субъектов действия. Как автор я, вероятно, из последних непосредственных учеников великих востоковедов петербургской (ленинградской) школы академиков В.В. Струве, Л.А. Орбели, А.Н. Кононова. Сам уже давно доктор наук и профессор. Мой издатель — Президент “Социокультурной инициативы” и Директор Технологической Школы Бизнеса (TBS) И.А. Кузьмин, автор серии блестящих трудов по социокультурной проблематике. Издателем и мною двигало общее стремление — показать на убедительном, при этом достаточно экзотичном, но вполне близком любому российскому читателю примере взаимоотношений России и ее южного соседа — Османской империи (Турции) некоторые основные закономерности и генезис явлений, определявших (и определяющих во многом и поныне) социокультурные, экономические, военно-политические и некоторые другие стереотипы.

Мне лично оказались очень близки концепции TBS, и первая среди них: *“производить (и писать!) только то, что необходимо потребителю (читателю)”*. Образовательная концепция TBS — развитие целостного образа мышления у современного делового человека — полностью согласуется с цивилизационным исследовательским подходом автора. Действительно, взаимоотношения России и Турции веками строились на балансе интересов. Торговля (бизнес) и война (конфликт) были их составляющими на протяжении очень долгого времени.

Поиски ответов на вопросы настоящего и путей в будущее неразрывно связаны с изучением прошлого — вот простая методология данного исследования. Этот подход довольно удачно был реализован при базовой разработке темы (1992–1994 гг.), что оказалось возможным лишь при организационно-материальном участии Ассоциации военных историков и археографов России (АВИАР). Под редакцией академика АЕН РФ генерал-майора В.А. Золотарева и благодаря его подвижнической верности науке осуществлялась международная программа “Гуманизм и геомилитаризм. Уроки прошлого грядущему”. В рамках этой программы увидела свет моя работа “Империя в огне. Сто лет войн и реформ Блистательной Порты на Балканах и Ближнем Востоке” (М.: АВИАР, 1994).

Выпущенная ограниченным тиражом книга стала достоянием сугубо специальных библиотек и узкого круга военных историков, ориенталистов и балканистов. Тем не менее обсуждение в целом и по частям работы имело место в профессиональной среде. Ряд ценных замечаний и пожеланий устно и письменно высказали сотрудники Управления Отечественной истории Института Военной Истории Министерства обороны РФ, а также мои коллеги по С.-Петербургскому отделению Института Востоковедения РАН, Восточному факультету С.-Петербургского университета, Институту Славяноведения и Балканистики РАН. Их пожелания и критика были учтены мною при разработке темы и подготовке данной книги с чувством неизменной благодарности.

Наконец, несколько слов о *предмете изложения*. Бизнес, понимаемый в самом широком смысле этого термина, и война как крайняя форма реализации конфликтности в отношениях между странами и народами входят в состав движущих сил цивилизационного процесса. Вплоть до эпохи информационных обществ все основные изобретения и нововведения происходили в военном деле, а уже затем включались в мирное существование социума.

В доиндустриальную и собственно индустриальную эпоху (а именно о переходной фазе между ними, т.е. конце XVIII — второй половине XIX в., идет речь) то общество, которое было способно быстро и сравнительно полно адаптировать их в массовом производстве, для массового потребителя, неизменно одерживало верх в конкурентной борьбе на мировом рынке, в процессе его формирования либо динамичного развития.

Опыт Османской империи XIX в., ее делового партнерства с Россией и с западноевропейскими странами, а также войн с ними очень показателен. “Военный потребитель” никогда не был и не может быть массовым потребителем. Общество, в данном случае — османское, замкнувшееся на военных реформах и сделавшее упор на милитаризованное производство, не способно к адекватным своим внутренним задачам социокультурным метаморфозам; оно вынужденно подпадает под метаморфозы внешнего происхождения. Вариант зависимого развития в таком случае — еще не худший.

Рассмотрение отношений Турции с Россией и с другими державами приводит также к следующей парадигме:

— менталитет общества как основа социокультурных метаморфоз не выстраивается на отчуждении человеческой жизни, на неприятии права другого социума на самодостаточное развитие. К примеру, османы безуспешно пытались разгромить освободительное движение сербов, греков, болгар, арабов, курдов и т.д. Итог был печально однозначен для империи.

— менталитет общества (либо его частей) как адаптивный фактор социального прогресса возникает на групповом уровне при наличии достаточного отчуждаемого продукта; роль торгового, шире — экономического общения при этом превосходит военный фактор.

Когда говорят пушки, музы молчат. Это общеизвестно. Однако, есть и продолжение: когда говорят пушки, денежные купюры продолжают шелестеть. В руках деловых людей. Этот (формальный!) парадокс раскрывается в книге.

“Бизнес и война” — это книга не о странах, а о явлениях. Вместе с тем в качестве опыта исследования выбрана именно Османская Турция. Это одна из великих мировых держав нового времени и долгое время (XVI — 20-е годы XX в.) — ведущая страна мусульманского мира, сохранившая политическую независимость.

Прежде всего это объясняется геополитическим фактором: обладание мировыми водными путями — Черноморскими проливами, а также выходами судоходных рек — торговых артерий в Черное и Средиземное моря, в бассейн Индийского океана. Османская империя и ее правопреемница — Турецкая республика — единственное государство Востока, сохраняющее без временных перерывов общеевропейскую геополитическую реальность с середины XV в. (падение Константинополя в 1453 г.) до наших дней.

В балкано-анатолийском регионе сложился “лабораторно чистый” образец общества, в котором военная организация вобрала в себя государственную структуру и, следовательно, определяла систему отношений “война—экономика—политика”.

Османский пример дает понимание простой истины. Если война есть продолжение политики иными средствами, а политика есть концентрированное выражение экономики, то война предстает как опосредованное выражение экономических интересов тех или иных подсистем. Османская милитаризованная подсистема общественных отношений напрямую выходила в сферу торговли, займов, кредитов и пр. и потому исключительно значима для темы “бизнес и война”.

Наконец, социокультурные сдвиги в османском обществе с такой полнотой отражают борьбу традиционной военно-бюрократической, при этом религиозно монотонной мусульманской среды (с ее вертикальной системой подчинения) и новых социальных сил, немусульманских и нетурецких (с их горизонтальными деловыми связями), что они могут стать хрестоматийным образцом.

Итоги этих конфликтов и сотрудничества, сдвигов реформаторского процесса и отставаний, запаздываний в социокультурных и политико-экономических сферах относятся уже к началу XX в. Этому посвящена другая книга “Босфор. Россия и Ближний Восток в годы первой мировой войны”, издаваемая также TBS.

Сложившаяся диалогия (или трилогия, если иметь в виду также “Империю в огне”) имеет одинаковую источниковую базу. Это богатейшие материалы отечественных архивов, хранящие, в частности, материалы русской военной разведки, изученные автором; это турецкие хроники и публикации документов XVIII–XX вв.; обширнейшая литература на русском, турецком, балканских, славянских и западноевропейских языках.

Список литературы и справочник терминов да будут Вам, о читатель, надежными проводниками в долгом странствовании по этим страницам.

Мир Вам и Привет!

Автор

Ленинград–Петербург–Москва
1964–1995

Часть первая

КОГДА БЕССИЛЬНЫ ЯТАГАНЫ

Глава 1

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОД ГРОХОТ ПУШЕК

**“Страна погибает. Еще немного, и уже
нельзя будет ее спасти” (Селим III)**

Довольно трудно вообразить себе великого везира, задумчиво посасывающего кальян над томиком политической экономии Адама Смита. Но если бы это случилось, выводы главы османской администрации, хозяина дворца “Высокая Porta”, были бы неутешительны.

Великий везир окинул бы мысленным взором огромную империю, раскинувшуюся на просторах Западной Азии, Юго-Восточной Европы и Африки. Около 20–25 млн человек более чем 60 национальностей и дюжины различных вероисповеданий (конфессий) были подданными султана. Он же являлся одновременно халифом — верховным главой подданных-мусульман, которые, будучи представителями самых различных национальностей (турки, арабы, курды, боснийцы, албанцы, грузины и т.д.), образовывали привилегированную и господствующую конфессию. Мусульмане, по данным глубоко исследовавшего эти проблемы М.С. Мейера (1991), на рубеже XVIII и XIX вв. составляли более трети во всех провинциях — вилайетах — Европейской Турции. В азиатских и африканских вилайетах — до 80–85%. Ниже будет идти речь о некоторых социально-демографических проблемах в контексте главной темы. Важно подчеркнуть, что при плотности населения в Малой Азии не более 10 человек на 1 кв. км, 12–15 человек в Европейской Турции и средней по империи не более 7 человек на 1 кв. км, темпы прироста населения не превышали 0,2–0,4% и сохранялись таковыми на

протяжении двух столетий, вплоть до реформаторских перемен в середине XIX в.*

Ядро этническое Османской империи составляли турки. Ядро территориальное — Малая Азия, или Анатолия.

Восточные границы Османской империи простирались до современного Ирака, включали все арабские страны. Османы контролировали значительную часть западного Закавказья, включая побережье Черного моря. Крым до 1783 г. был в вассальной зависимости от Стамбула. В Европейской Турции, обычно называвшейся Румелия, т.е. страна людей “руми” — христиан, османы до начала XIX в. владели огромной территорией. Она включала Балканский полуостров — от полуострова Морея на юге до Белграда, Белградского пашалыка на севере, где османские владения на сербской земле граничили с австрийскими. Молдавия и Валакия, или Дунайские княжества и болгарские земли давали османам возможность контролировать западное побережье Черного моря. Западнокавказские и крымские владения довершали превращение Черного моря в закрытое, или, как говорили в султанском дворце, в “турецкое озеро”. Адриатическое побережье формально тоже контролировалось османами.

Если учесть, что весь южный берег Средиземного моря — Египет (Мыср) и далее до Гибралтара — находился в прямой или вассальной зависимости от турецкого султана, станет ясно, почему в титулатуру султанов входил титул повелитель Черного (Кара дениз) и Средиземного (Ак дениз) морей. Красное море и Персидский залив принадлежали османскому престолу. *Следовательно, остальные торговые пути морями, реками (Дунай) и сушей на тысячелетнем пути Запад—Восток лежали в пределах Османской империи. Это обсто-*

* См. Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 85–87. На мой взгляд, это наиболее полное исследование темы в современной отечественной османистике. К этой монографии я отсылаю всех, кто хотел бы вникнуть в частности. — *Здесь и далее примеч. автора.*

ительство было из главнейших, определивших те социокультурные, военно-политические и иные сдвиги, о которых пойдет речь ниже.

Что же касается государственного строя, то это была типичная восточная деспотия. Наш герой, великий везир — правая рука султана, поехал бы на этом месте. Может быть, слегка дотронулся бы до огромного, украшенного драгоценными камнями белого тюбана — не слетела ли под умелым ударом султанского палача голова, — потер слегка шею, всегда открытую.

Возможно, что тот же ловкий дильсиз — личный султанский раб без языка и с проткнутыми барабанными перепонками легче и быстрее выполнил бы султанскую волю и накинул первому министру беспощадную шелковую петлю.

— Иншалла — Бог даст! Конец XVIII века на дворе. Впрочем, голову потерять можно и не только во дворце.

— Аллах акбар! Велики трудности, стоящие перед Благословенным престолом. И заключались они в начале описываемой эпохи в следующем.

Османскую систему эпохи военной экспансии турок в Юго-Восточную Европу XIV–XVI вв. характеризовало централизованное военизированное государство с функционально развитым административным аппаратом, которое осуществляло, наиболее успешно на исламизированных территориях, землевладение; контролировало поступление и распределение ренты-налога.

Со второй половины XVIII в. единая форма земельной собственности — государственная, все чаще дополняется другой — частнофеодальной собственностью, реализуемой через ренту. В феодальном классе появляются и новые подгруппы (аяны, чифтликчи)*, связанные с частным владением земель, с повышением нормы эксплуатации крестьянина на издольной основе, нередко с применением барщины, что было и вовсе не характерно для османского аграрного строя.

* Аян, чифтлик, цифтликчи — см. *Глоссарий*.

Сипахи** — главная военная сила империи, осуществлявшие также определенные права на доходы со своих наделов, пользовались ослаблением центральной власти. Они сосредоточивали усилия отнюдь не на защите османских территорий, а на перераспределении налогов, на отчуждении в свою пользу все большей их части, на превращении своих условных держаний в безусловные владения, неконтролируемые Высокой Портой. Наиболее интенсивно этот процесс протекал на Балканах. Здесь их наделы — “тимары и зеаметы” чаще попадали в руки лиц, не принадлежавших феодальному кругу эксплуататоров, дробились и исчезали, либо наоборот укрупнялись и превращались в фактическую собственность верхушки местного военно-бюрократического аппарата. Раньше, чем в других областях империи, на Балканах проявилась тенденция к созданию товарного хозяйства с использованием издольщины — чифтликов; рождалась крупнопоместная сельская знать.

Выпадая из круга эхл-и орф (людей престола), эта категория землевладельцев, не связанная с военной службой, была обязана новому отношению к земле как объекту своим положением хозяйствования, прочным местным связям и денежным накоплениям. Таким образом формировались элементы новой структуры, стоявшей вне системы пожизненной военной службы султана, что давало право на земельный надел. Такая система получила название военно-ленной.

По мере падения влияния центральной власти и роста товарно-денежных отношений росли размеры и численность налогов, постоянных и чрезвычайных. Система откупов, или ильтизам, особенно беспощадная в отношении христианского населения, получила широкое развитие во второй половине XVIII в. и стала, по словам М.И. Кутузова, возглавлявшего чрезвычай-

* Сипахи, сипахий — условный владелец военного лена (тимира или зеамета), обязанный являться на войну со своими латниками — джебелю, “людно, конно и оружно”.

чайное посольство в Турцию в 1793 г., причиной “единого неудовольствия народа”. Другой современник — профессиональный военный, посетивший Османскую империю в эти же годы, отметил удручающую картину состояния деревень, где массовое бегство крестьян в города, особенно характерное для селений вдоль главных дорог Европейской Турции, по которым передвигались по обыкновению мародерствовавшие войска Высокой Порты или вооруженные до зубов отряды бунтовавших пашей, сочеталось с малоземельем нетурецкого населения Румелии из-за трудности получить в пользование и освоить пустующие земли. Складывался порочный круг. Сипахи уклонялись от военной службы, справедливо полагаясь на гарантированный доход от своего лена-надела. Однако верховным собственником всей земли в империи оставался султан, который в конце концов, опираясь на профессиональную часть армии — янычар, мог насильно, приводом, доставить сипахию в армию и притом лишить надела. Немусульмане не имели земли в собственности, но и не служили в армии. С них можно было получить еще один, чрезвычайный военный налог. Но армию все это отнюдь не укрепляло.

Высокие размеры многочисленных налогов, “янычарские” методы их выкачивания, концентрация наиболее плодородной земли в руках мусульманского населения в сочетании с растущим социальным расслоением как турецкого, так и нетурецкого населения обостряли противоречия в первую очередь между христианским населением и османским государством. Падало само значение сипахийского воина, превращавшегося в помещика, далеко от ратного дела, от интереса престола.

Османская феодальная система самым отрицательным образом сказывалась также на перерастании ремесленного производства в более прогрессивную раннюю капиталистическую промышленность. Страна отличалась не только обширной территорией и огромным по тому времени населением, но и богатством разведанных полезных ископаемых. Так, в донесениях русских консулов в Турции во второй половине XVIII в. сообща-

лось, что “железа... довольно в Македонии и Боснии, медные заводы имеются около Эрзерума.., имеются в достатке серебряные и свинцовые руды... особенно полезные для военного дела”. В сопредельных европейских странах развивалась мануфактура. В передовых странах Европы уже начался промышленный переворот, революционизировавший в частности производство оружия. В Османской империи господствовало мелкое ремесленное производство, в том числе и изготовление оружия, огнестрельное.

И тут великий везир любовно погладил украшенную бирюзой из Бадахшана рукоятку старинного кинжала-ханчера. Нет, искусством выделки клинков, холодного оружия дамасских кузнецов, стамбульских ювелиров европейские гяуры превзойти так и не смогли. Говорят, где-то на севере, в стране Мужикистан, у этих свирепых русских, появился какой-то уральский булат, соперник этому... Молва...

Впрочем, великий везир не без удовольствия щелкнул тугим замком оружейного ящика и полюбовался парой изящных и дальнобойных пистолетов.

— Аллах алем! Бог знает, может и пригодятся. В руке лежат надежно и запал не сыреет, как в своих, турецких.

Вздыхнул, убрал любимые игрушки всякого приличного мужчины и снова углубился в документы — реестры, дефтеры-отчеты, хроники...

Османские хронисты прошлого века и немалая часть турецких историков в новейшее время были склонны объяснять отставание от Запада в сельском хозяйстве, промышленном производстве и военном деле преимущественно бесчисленными бунтами немусульман, междоусобиями ленников-сипахиев, падением чувства долга и ответственности в профессиональной части армии, т.е. в янычарском корпусе.

Однако все это было лишь следствием. Отставание во всех сферах хозяйственной жизни и неизбежная расплата — ослабление военной мощи империи — были

проявлением застойности военно-ленной системы. Что же касается османского центра власти — султана и Высокой Порты на исходе XVIII и в начале XIX в., то он (центр) использовал неэффективные в новых условиях методы военно-принудительного характера для сдерживания распадавшегося хозяйственного организма. Это касалось и сельского хозяйства, которое пытались подстегивать с помощью сипахиев-ленников, и ремесленного производства, основанного на цеховой, достаточно военизированной организации.

Эснафы, или торгово-ремесленные объединения, рассматривались Портой как единственное средство снабжения национального ремесленного производства дефицитным сырьем, чтобы противостоять проникновению дешевых “машинных товаров” из Европы и сохранять существующую систему производства, распределения и контроля за жизнью городских ремесленных слоев.

Современные турецкие историки неоднократно возвращаются к тем или иным особенностям и недостаткам цеховой организации. Важно, однако, подчеркнуть другое. Ничтожная покупательная способность населения и отсутствие единого рынка в сочетании с растущим потоком иностранных промышленных товаров, особенно заметным с 20-х гг. XIX в., не могли компенсировать правительственные меры в поддержку цехового производства, тем более, что рутинные методы руководства эснафами были ближе к командованию янычарским войском, чем к собственно производству. В областях с относительно компактным турецким населением эснафам отводилась роль единственного регулятора экономической жизни городов (и отчасти деревни) в том, что касалось сырья и продовольствия. В Европейской Турции с преимуществом нетурецкого населения функция цехов была значительно многообразнее. Здесь эснафы вписывались в систему национально-религиозных общин — “миллетов”. Вплоть до начала массовых национально-освободительных движений балканских народов миллеты служили как бы вторичной

административной структурой в многонациональных областях империи. В Греции, Сербии, Болгарии, турецкие власти опирались на верхушку миллетов, в состав которых входили и старейшины смешанных цехов, прежде всего, в фискальных интересах, а также для снабжения армии провиантом. Через эснафы рекрутировались необходимые кадры шорников, оружейников, строителей на периоды военных кампаний.

Стремясь любой ценой задержать размывание османской общественной пирамиды, султан Мустафа III в ответ на обращение ряда цехов в 1773 г. издал особый ферман (грамоту), в котором в категорической форме потребовал от местных властей соблюдения и защиты традиционных прав и привилегий цехов на основании законов “старого времени”. К последним относилось и наблюдение за благонадежностью подданных.

Как показали исследования балканских и турецких историков, в османской цеховой системе формировались капиталистические элементы. Не имея никакой правозащиты, молодая балканская буржуазия использовала миллеты и эснафы в качестве минимальных гарантий предпринимательской деятельности. В недрах этих организаций зрели ядра национальных вооруженных формирований.

При всей отсталости османского промышленного развития к 30-м гг. XIX в. отчетливо проявилась социальная дифференциация внутри эснафов, ускорилась организация рассеянных мануфактур под цеховой вывеской, создание отдельных предприятий фабричного типа. Наиболее заметны эти тенденции были: из европейских владений — в Греции, Болгарии, Сербии; из азиатских — в Египте и Сирии. В этих наиболее подвинутых с точки зрения производственного процесса областях зародилась и окрепла к середине XIX в. сфера военного и интендантского производства и затем массового производства типового вооружения.

В свою очередь, в середине XIX в. военное производство, как будет показано ниже, стало одним из глав-

ных и прочных канатов, притянувших турецкий хозяйственный корабль к причальной тумбе промышленного капитализма.

Другим рычагом воздействия государства на экономическое развитие страны служила вплоть до начала 40-х гг. XIX в. система государственных монополий, или ед-и вахит. Введение особыми султанскими указами — хатт-и шерифами периодически (при неурожаях, массовых эпидемиях, войнах) фиксированных цен и монополий на продажу определенных видов продовольствия (ячмень, пшеница) и производственного сырья (шерсть, порох, свинец, сталь и др.), равно как и ограничений на экспорт этих товаров осуществлялось в интересах регулирования доходов казны, снабжения продуктами населения столицы и крупнейших городов во избежание голодных бунтов и контроля за производством и ввозом военных материалов и оружия.

Селим III и Махмуд II считали систему монополий и жесткой регламентации деятельности эснафом главным средством оживления сельскохозяйственного и ремесленного военного производства. Однако уже в начале XIX в. стало совершенно очевидно, что система ед-и вахит превратилась в дополнительный источник злоупотребления крупнейшими откупщиками и местных властей. Крайне пагубно ед-и вахит сказывалась на местной промышленности Балкан, связанной в первую очередь с рынками соседних европейских государств, а не с другими областями Османской империи. Как правило, здесь сочетались в одних алчных руках откуп монополий — ильтизам и скупка определенного вида сырья или продукции по ценам (нередко многократно) ниже рыночных. Что же касается цен на предметы первой необходимости и продукты, то, произвольно устанавливаемые откупщиками — мюльтезимами, эти цены, как правило, не соответствовали низкой покупательной способности населения. Монополии не сыграли существенной роли и в сдерживании притока оружия в страну. Вплоть до организации отлаженного национального производства огнестрельное оружие вливалось в страну

несколькими потоками. Наиболее “полноводными” были потоки оружия через сербо-австрийскую границу и через Закавказье. Холодное оружие предпочиталось ввозному огнестрельному вплоть до первой мировой войны. Ильтизам и ед-и вахит наносили столь ощутимый урон национальному производству и имущественному положению податного населения, что были названы в числе “главных пороков, подлежащих исправлению”, в Гюльханейском хатт-и шерифе 1839 г.

Застойный характер османского общества в полной мере сказывался также и на развитии обмена, формировании внутреннего рынка и на внешнеторговых связях. К началу XIX в. исследователи уверенно относят наличие богатой и предприимчивой, достаточно консолидированной торговой буржуазии у греков, формирование таковой у других балканских народов. Однако дальнейшему упрочению торговых связей между отдельными областями и складыванию единого рынка мешали произвол представителей военно-бюрократической турецкой верхушки на местах и многочисленные внутренние таможи, а также разноречивость в системе мер и весов, фальсификация властями куруша и падение его курса в 10–12 раз с 70-х гг. XVIII в. к 30-м гг. XIX в.

В этих условиях молодая городская буржуазия, особенно балканских провинций, активно перестраивалась на внешнюю, посредническую торговлю, в том числе оружием. Ускорившееся на рубеже XVIII–XIX вв. вовлечение Османской империи в международную торговлю было тесно связано с бурным промышленным переворотом в Европе, ростом повстанческих движений балканских народов. Для представителей растущей торговой буржуазии Европейской Турции тесные экономические и политические контакты с западными коммерсантами, осуществлявшиеся под сенью капитуляций, означали неизмеримо больше, чем связи с партнерами-турками, не защищенными национальным законодательством. *Обострялась еще одна грань этнополитического противостояния. Турок — военный и военный администратор (правитель-вали и его ок-*

ружение) против нетурка-предпринимателя, торговца, т.е. формальная власть против реального капитала.

По мере усиления позиций европейского торгового капитала в Османской империи укреплялась и расширялась система капитуляций, под защитой которой действовали негоцианты Франции, Англии, Австрии, России и их представители из греков, евреев, армян, болгар. Капитуляции из разовых пожалований султана на торговые операции европейцев, причем только в портовых городах Османской империи, к началу XIX в. превратились в серию закрепленных в договорах Порты с ведущими европейскими державами преимуществ лиц, торговавших под флагом этих держав, перед торговцами-турками. Этими преимуществами были: экстерриториальность, право выбора валюты в расчетах, минимальные ввозная (3%) и вывозная (5%) пошлины, освобождение от ряда налогов, уплачивавшихся торговцами-турками, при транспортировке грузов из порта в порт и т.д. Символические ввозные пошлины (3% от объявленной стоимости ввоза) сочетались с весьма вольной установкой цен на ввозимые европейские товары*. Это делали обычно мусульманские судьи — кади по согласованию с местными оптовиками, обычно нетурками, располагавшими бератами — разрешениями вести торговые операции на правах иностранцев.

К исходу первой трети XIX в. во внутренней торговле Османской империи сложилось фактическое разделение сфер. За купцами-турками осталась внутренняя торговля. Несмотря на султанские ферманы 1810 и 1819 гг., поощрявшие крупных торговцев-мусульман вести активную внешнюю торговлю, по существу все экспортно-импортные операции оказались в руках инонационалов, приобретающих двойное подданство, османское и державы, с которой они вели многомилли-

* Для сравнения отметим, что внутренние пошлины достигали 12% и более; с товаров, привозившихся турецкими торговцами для продажи в портах, — 33%.

онную торговлю. Компрадорская нетурецкая буржуазия имела столь же мало общего с угнетенными соплеменниками, как и Порты со своими подданными — нетурками. Тем не менее, через лучших представителей инациональной торговой буржуазии — греков, болгар, сербов, армян — проникали в Османскую империю гуманистические идеи Французской и Американской революций, в их рядах закладывались организованные формы борьбы, создавалась вооруженная оппозиция султанскому режиму, которая после освобождения стала ядром национальных армий.

В турецкой историографии неоднократно отмечалось, что во второй половине XVIII в. Высокая Порта утратила по существу контроль над процессами экономического развития. В государственном управлении царили произвол и коррупция. Султан Селим III в самом начале своего правления писал великому везиру: "...От чрезмерного угнетения мир впал в разруху. Вздохи и стенания реайи достигают небес. Реайя осталась без сил. Нет ни судей, ни наибов, ни аянов, которые бы не чинили насилия. Все они как раз из тех людей, каким обычно не поручают дела управления".

Описывая кризис административной системы Османской империи конца XVIII в., турецкие авторы "Тариха" — официальной кемалистской "Истории" — образно говорили, что порядки и обычаи управления пришли в расстройство как в центре, так и в эялетах (на местах). "Было достаточно денег и кинжала, чтобы все устроить, всего добиться. Тот, кто обладал средствами или опирался на вооруженную силу янычар и сипахиев, действуя подкупом или угрозой, мог достичь самых высоких чинов, даже места великого везира и шейх уль-ислама..."

Нарастали внутривластные осложнения. Обострилась борьба между отдельными прослойками феодального класса, в том числе между окраинными феодалами и поставленными там пашами, между пашами-наместниками и центральной властью. Османская империя, сложившаяся в централизованное государство в пе-

риод крупных военных побед турок, утратила былую мощь и относительное единство, достигнутые в ходе успешных завоеваний. Экономически раздробленные многонациональные владения испытывали давление со стороны сепаратистов-феодалов, как правило, использовавших рост освободительных движений на местах. Ваххабиты создавали в Аравии свое государство. В Сирии утвердился Джеззар-паша. В Египте хозяйничали мамлюки; в Ираке кюлемены, в Алжире местные деи, каждый из которых, как писал османский историк Ахмед Расым, “вредил общему делу единства государства”.

Боснийские феодалы Омер и Осман Пазванд-оглу, укрепившиеся в Видине, Али-паша Тепеделинли в Янине использовали в своих целях растущее освободительное движение народов Европейской Турции и, как писал упомянутый выше известный историк османской эпохи А. Расым, действовали то вместе со славянами и греками против центральной власти, то вместе с ней против прежних союзников. Даже в самой Анатолии мощные феодальные роды Караосман-оглу, Чапан-оглу, Баттал и др., враждовавшие между собой и все вместе с Портой, были независимы от центральных властей в Константинополе. Подробно описывая отдельные восстания пашей-сепаратистов во второй половине XVIII — начале XIX в., турецкая историография находит объяснение этому процессу в личных амбициях Янинского правителя Али-паши, покорителя мамлюков и ваххабитов Мухаммеда Али и других, упоминает проiski европейской дипломатии, поощрявшей в своих целях мятежных пашей, нередко сетует на сокращение доходов Высокой Порты в связи с прекращением победоносных войн и уменьшением налоговых поступлений с реайотов, благосостояние которых, как пишут турецкие историки, “было подорвано проигранными войнами и плохим управлением”.

В действительности в основе дезорганизации управления и распада внутренних административных связей лежало углубление общего кризиса системы. Проявление

нием этого кризиса было также положение в армии. В последней трети XVIII в. армия Османской империи номинально составляла не менее 200 тыс. человек феодального сипахийского ополчения и постоянного войска, в том числе до 75 тыс. янычар. Турецкие историки, однако, отмечают низкий качественный уровень османской армии, полную дезорганизацию сипахийской конницы и янычарского корпуса, ставшего повсюду объектом общей ненависти как христианского, так и турецкого населения и послужившего причиной ряда восстаний сербов, греков, болгар. Тяжелые поражения турецкой армии в войнах с Россией и Австрией в последней трети XVIII в. поставили правящие круги Османской империи перед необходимостью серьезных преобразований в армии.

Растущие внутривластные проблемы, прежде всего освободительные движения подвластных народов и сепаратизм местных правителей, упадок хозяйственной жизни страны заставили султана Селима III и его окружение искать путей возрождения Османской империи. В многочисленных трактатах — рисале видных государственных деятелей, “мужей меча” и “мужей пера” XVII и первой половине XVIII вв. можно проследить осознание необходимости преобразований в Османской империи с акцентом на военную сферу. Перемены назрели. С чего начать и с кого? Вот над этими вопросами и размышлял более всего великий везир.

Христианский адресат османских реформ

Согласно распространенной точке зрения, реформаторский процесс в Османской империи и более ранние попытки реформ в XVIII в. были призваны обновить и укрепить систему военно-административных методов управления империей. Такого взгляда придерживались отечественные османисты (А.Ф. Миллер, А.Д. Новичев, А.Д. Желтяков, Ю.А. Петросян, М.С. Мейер), балканские историки (Ахмед С. Алиичич, Стр. Димитров, И. Тепич и другие), американские и израильские ис-

торики (Ст. Шоу, П. Шугар, Б. Йелавич, Я. Ландау и другие). Это, несомненно, так, но это лишь часть проблемы.

Зададимся вопросом об объектах реформ с точки зрения османского населения и тотчас вспомним, что Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г., Стамбульский хатт-и хумаюн 1856 г. и серия менее популярных и общеизвестных реформаторских документов имели конкретного этнорелигиозного адресата — христианских подданных Высокой Порты. Естественно, в этих документах упоминались и другие немусульмане; однако именно коренное население румелийских земель, иначе говоря Европейской Турции, продолжало жить более компактной массой, чем любой иной этнос на завоеванных турками-османами землях. На румелийских территориях противостояние экономически более развитой христианской периферии и исламского, османского центра власти выглядело наиболее рельефно для современников и намного более тревожно для Высокой Порты.

Другой аспект проблемы состоял в том, что за века османского владычества на Балканах противостояние малочисленных турок-мусульман (в качестве феодалов и военно-административной силы подавления) христианам-земледельцам и мелким ремесленникам претерпело существенную трансформацию. Приведенная парадигма противостояния была характерна только для XV — первой половины XVII в. К XIX в. мусульманское (но в основе — местное, а не турецкое) население увеличилось весьма значительно. Оценки Кемаля Карпата, А. Желязковой, В. Мутафчиевой, К. Джамбазовского дают картину мусульманского (подчеркиваю — только в конфессиональном смысле) преобладания: в Албании — до 70%, в Косово — до 72%, в Македонии — до 40%. Высокий процент исламизированного населения был и в других румелийских землях (Босния, отдельные районы Болгарии). Не о таких ли мусульманах, принявших ислам, но сохранявших этническое чувство более свято, нежели догматы Мухаммеда, писала в начале XVIII в. английская путешественница леди Мэ-

ри Уортли Монтегю, что они “очень благоразумно соблюдали обе религии, ходили в мечеть в пятницу, а в воскресенье — в церковь”.

Различны были мотивы и условия исламизации, положение новообращенных в системе военной и государственной структуры Османской империи. Речь идет о том, что румелийские земли, населенные христианами и мусульманами, этническая общность которых, несмотря на все усилия Порты, не могла быть произвольно стерта, стали первым и до последней трети XIX в. главным объектом реформаторской деятельности османского центра власти. Речь шла о сохранении османского господства в наиболее сложном для управления и взрывоопасном регионе империи.

Еще один аспект проблемы заключался в том, что Балканы в значительной степени оставались цивилизационной контактной зоной между Востоком и Западом. Это обстоятельство издавна понималось Портой и стимулировало отношение к румелийским землям как к плацдарму дальнейшей борьбы за расширение мира ислама в период расцвета и могущества дома Османов. Позднее, в XVIII–XIX вв., эти же земли воспринимались как передовые рубежи обороны исламских владений, а поэтому подлежали первоочередному укреплению через реформы. Зададимся вопросом: какие османские земли были наиболее готовы к переменам западного образца? Ответ очевиден.

Идея уравнивания мусульман и христиан перед лицом Османского Закона была выработана долгими годами приспособления, более или менее удачного, турецкого управления к румелийскому мультинациональному обществу.

Как известно, османский центр власти физически вобрал в себя многих представителей балканской аристократии (чего стоят знаменитые династии драгоманов Маврокордато, везиров Соколовичей). Поэтому активно используемые османами западные институты (византийские пронии и цехи, элементы горного права в саксонском варианте) не только органично легли в руме-

лийской зоне на османо-тюркские нормы землевладения и организации городской жизни, но создали реальную предпосылку того, что модернизаторские предписания султанов-реформаторов могли быть поняты правильно и реально воплощены в жизнь именно на Балканах. Причем почти без оппозиции, характерной для турецко-османских территорий, где ортодоксальный исламизм отрицал любую “гяурскую, франкскую” новацию — от багинета (штыка) и макарон до строгого присутствия должностных лиц на месте службы. Наконец, всемирно признанный авторитет в области балкано-османских штудий Омер Лютфи Баркан отмечал, что некоторые принципы хозяйственного регулирования, уже имевшиеся на Балканах, легко вписывались в предлагаемые новации, причем далеко отходили от установлений ислама.

Я бесконечно далек от того, чтобы считать, что танзимат и реформы пришли с Балкан, но турки-османы XVIII–XIX вв. в сфере управления и организации хозяйственной жизни чаще адаптировали воззрения и навыки покоренных народов, чем генерировали собственные новации, и наибольших успехов в этом они добились именно на Балканах.

Следовательно, существовали благоприятный и необходимый объект реформаторских устремлений и объективные условия их восприятия. *Христианский мир Османской империи первым испытал воздействие преобразований “сверху”, и румелийские земли, населенные христианами, авангардно выдвинутые в территории западноевропейских держав, стали первыми аванпостами этих новаций.*

С точки зрения конфликтологии, именно на Балканах османский центр власти и христианская периферия стояли на “пороге взаимного страха”, на первой фазе непримиримого конфликта. Стороны осознавали все элементы напряженности и противостояния в своих отношениях. Найти совместное решение, как было показано выше, представлялось объективно невозможным. Факторами сдерживания были: сохранявшая достаточ-

ный потенциал для подавления внутреннего врага османская армия, разобщенность балканских народов, слабое (или мало ощутимое до середины XVIII в.) иностранное воздействие на балкано-османское противостояние.

Итак, Балканы, христианские и поверхностно исламизированные, стали первым объектом преобразовательных начинаний султанов и Высокой Порты. Причем отчетливо эти тенденции прослеживаются с начала XVIII в.

Османский центр власти оказался у “порога страха” в итоге военных поражений. Проблема охраны дальних рубежей воочию предстала перед османскими правящими кругами после сокрушительной для турок войны с государствами “Священной лиги” 1684–1699 гг. Дмитрий Кантемир одним из первых на Балканах, а также посол России И. Неплюев и австрийский посол Тальман уловили тогда новую тенденцию в Высокой Порте: остановиться, оценить свои позиции в европейских владениях и затем укрепить именно здесь свою власть и вооруженные силы.

Внешний фактор был главным и первым побудительным мотивом османских преобразовательных инициатив. В начале XVIII в. их содержание было чисто военным. Однако важно отметить, что авторами первых проектов были: в 1710 г. поляк Понятовский (из окружения Карла XII, прибывший с ним в Стамбул); после 1725 г. князь Ференц II Ракоци, а также анонимный выходец из Трансильвании, принявший ислам и получивший имя Ибрагим и прозвище “Мютеферрика”, т.е. “доверенный советник” при высочайшей особе; в 1732–1747 гг. реальное значение для Порты имели проекты австрийского наемника Александра Бонневалья, перешедшего на службу к туркам.

При всех различиях авторов проектов и самих проектов, их отличали две главные особенности: приобщение христиан Европейской Турции к защите западных рубежей Османской империи и широкое использование христианских эмигрантов из Европы в военном деле.

Речь шла о французских гугенотах (1717 г., проект Рошфора), об отрядах из венгров и поляков (проект Ференца II Ракоци), о создании подразделений из румелийских христиан (Александр Шкарлат и Николай Маврокордато).

Довольно широкому распространению представленных христианскими советниками проектов сопутствовало распространение в первой трети XVIII в. среди верхов османского общества моды на европейский стиль в архитектуре и культуре парков и цветников, в быту (одежда, часы, оружие, экипажи, книги и т.д.), отчасти в манере поведения. Все это стало именоваться стилем “алаяфранга” и “эпохой тюльпанов”.

Однако и военные проекты, исходившие от христиан, и отдельные элементы образа жизни затрагивали очень узкий слой стамбульской правящей элиты и отражали не осознание необходимости слияния “исламского духа” и османского строя с христианским миропониманием, а стремление освоить быстрее (и приятнее) опыт христианского Запада ради удержания имперских рубежей. Широкое распространение имела идея о великом правителе, по примеру Петра I, сумевшего привлечь на службу иностранцев и иностранные нововведения во имя возвышения России.

После смерти виднейших представителей христианских модернизаторских инициатив Ибрагима Мютеферрики и Александра Бонневалья, т.е. с конца 1740-х и до конца 1780-х гг., наступил мрачный период отторжения преобразовательных начинаний на европейский манер. Во внешней политике он совпал с курсом на поиски выгодного партнера среди христианских держав (например, Фридриха II Великого) при уклонении от реализации обязывающих союзнических отношений. Итоги этого курса были бесконечно тяжелы для империи в целом и безмерны для румелийских земель, где разворачивались широкомасштабные и многолетние военные действия с Австрией и Россией. Одновременно в конце XVIII в. возросли все виды дискриминации христианских подданных Высокой Порты.

Однако уже к середине 90-х гг. XVIII в. наметился новый этап реформаторских начинаний, и соответственно менялась роль христианского фактора в них.

Ужесточение режима конфессиональной и социальной заданности вызвало двоякую реакцию румелийских немусульман: с одной стороны, это была новая волна исламизации в группах состоятельных горожан и землепользователей, а с другой — подлинная борьба, исполненная драматизма и еще не получившая освещения в литературе, за получение берата (грамоты) на право пользоваться иммунитетами иностранного подданного на имперских землях. Эти два способа ненасильственного сопротивления давлению османского центра сопутствовали и в известной степени стимулировали активное сопротивление христиан. В те же годы усилилось вооруженное повстанческое движение; идеи национального освобождения нашли отражение в творчестве и активной деятельности Корайса, Паисия Хиллендарского, Досифея Обрадовича, Ригаса Велестинлиса. Обретавшее идейное оформление и материальную вооруженную силу национальное возрождение балканских народов совпадало по времени с обострением Восточного вопроса как фактором воздействия Запада на османов и обратной реакцией Порты на Восточный вопрос (см. ниже). Эта реакция трансформировалась от жестокого (по возможности) отражения европейского давления до адаптации к нему османских структур.

В новых условиях, на рубеже XVIII–XIX вв. появилась и новая серия проектов реформ. Их отличие от проектов начала XVIII в. состояло, во-первых, в беспощадной констатации прогрессирующего военного упадка империи; во-вторых, в поиске выхода через военное обновление, но собственными силами; и, наконец, в том, что все проекты исходили от турок-мусульман, как правило, “мужей меча”.

Более двадцати дошедших до нас льяиха — докладных записок представителей военно-бюрократической элиты Селиму III и сефарет-наме — отчетов о посольствах в западных странах содержали не только общие

картины упадка, но и конкретные предложения реставрации аппарата управления и обновления армии с учетом реального европейского опыта. Подавляющая часть этих сочинений была написана на турецком языке и предназначалась непосредственно для Селима III, который, собственно, и потребовал от своих сановников правдивой картины положения дел в государстве. Однако некоторые из них были опубликованы в Стамбуле на французском языке. Это демонстрировало всей Европе, что Османская империя осознает существующие в ней недостатки и готова бороться с ними.

Проблема превращения в современное государство, или, по терминологии турецких авторов — “европеизации”, овладевала умами правящих кругов Османской империи весьма постепенно. При этом понимание пагубности отрыва от европейского военного дела и промышленного развития пришло раньше, чем понимание причин застойности и упадка османского общества. Происходившее на протяжении всего XVIII в. накопление знаний, весьма отрывочных и разобщенных, о военной и политической жизни Европы, которые привозили чрезвычайные турецкие послы к европейским дворам, сочеталось с многовековыми убеждениями в незыблемости шариатских социальных морально-правовых норм, их качественном отличии и превосходстве над политикой и моралью “франков”. Так, отчеты о своих посольских миссиях в Европу в 40–50-е гг. XVIII в. и памфлеты о положении в стране видного государственного деятеля Турции Ахмеда Ресми-эфенди (умер в 1783) содержали разбор внутренних причин слабости Османского государства по сравнению с западными державами и среди них войн, влекущих, по мнению Ресми-эфенди, за собой не столько выгоды, сколько бедствия для всего османского населения. В его сочинениях прозвучали призывы к проведению мирной политики, соответствующей “шариату и разуму”^{*}.

^{*} В русском переводе известна книга Ресми-эфенди “Суть достопримечательного”, изданная в Константинополе только в 1890 г. См.: *Сенковский О.И.* [Барон Брамбеус]. Собрание сочинений. СПб., 1869. Т. 6. Сенковский пользовался рукописным списком памфлета.

Предназначенные для турецкого читателя труды Ресми-эфенди содержали рекомендации усваивать все лучшее в организации военного дела Западной Европы и России эпохи Петра I, но в рамках исправленного новым управлением османского государственного строя. Причем только в таком виде европейские новации наилучшим образом соответствовали бы интересам османов и международному престижу империи.

На рубеже XVIII–XIX вв. с “Образом новых военных установлений в Османской империи” и “Диатрибой о современном военном искусстве и инженерном деле” выступили активные участники реформ Селима III, видные государственные деятели Махмуд Раиф-эфенди и Сеид Мустафа-эфенди. К этим, впервые предназначенным не только для турок, но именно для европейского читателя, опубликованным по-французски обзорам примыкает и изданное в переводе с турецкого “Разъяснение о введении низам-и джедид” Челеби Мустафы-бея, одного из ближайших сподвижников Селима III в деле реорганизации армии.

Подробно рассматривая те или иные стороны военных реформ и военного производства, сообщая о нововведениях в области просвещения, авторы подчеркивали важность сохранения славных боевых и культурных традиций прошлого. Они утверждали, что реформированная, усвоившая лучшие военные достижения Запада и лишь некоторые государственные правовые нормы (например, конституционную монархию Махмуда Раифа-эфенди), Османская империя вновь станет одной из ведущих держав мира. Готовность учиться современному военному делу соседствовала с гордостью за принадлежность к народам Востока, некогда бывшим “очагами просвещения”.

Высокой патриотичностью, но при большей критической остроте констатирования недостатков в системе управления, в финансах и в армии проникнуты другие документы. Это были докладные — ляйиха Селиму III великого везира Коджа Юсуф-паши, румелийского казаскера, т.е. главы шарнатского судопроизводства в Ев-

ропейской Турции, и Татарджика Абдуллы-эфенди, известные нам по “Истории” А. Джевдета.

Смысл и значение этой группы записок в том, что они обосновывали введение европеизированной армии и соответствующих служб потребностями укрепления внутреннего единства страны, требовали использовать реформированную армию против произвола местных властей и против янычарской вольницы. Особую тревогу у составителей этой группы записок вызвали рост освободительного движения на Балканах и поражения Турции в войнах с Россией в 1768–1774 и 1789–1791 гг. В отличие от современных ему официальных историографов, да и ряда последующих турецких историков, Татарджик Абдулла-эфенди основную причину восстаний христианской реайи видел в усилении “сверх меры и обычая” гнета и притеснений, чинимых пашами и янычарскими ага-командирами. Новая система управления, построенная на дисциплине в армии и среди представителей органов власти на местах, помогла бы избежать как новых восстаний, так и вооруженного вмешательства России.

Процесс “европеизации”, начатый при Селиме III, затянулся, как известно, на многие десятилетия. Уже в самом начале реализация первых актов о реформах была затруднена внутренними и внешними осложнениями. Отношение к реформам, к их глубине и широте охвата явилось в конечном итоге наиболее ясным отражением явлений общественно-политической жизни страны на рубеже XVIII и XIX вв. В работах А.Ф. Миллера, А.Д. Новичева, Стр. Димитрова, Ст. Шоу раскрыты основные этапы и содержание реформаторской деятельности Селима III и Махмуда II, нацеленной на восстановление военного потенциала Османской империи и укрепление центральной, абсолютной власти. Поэтому нет надобности повторяться.

Однако для нашей темы важно подчеркнуть, что в основу армейских реформ 1792–1806 гг. было положено укрепление тимариотского, военно-ленного землевладения. Развивая известное постановление от 1777 г.

о строгом соблюдении военной службы как условия держания тимаров и заеметов, Селим III в 1792 г. издал “новый закон”, по которому все ленники-тимариоты старше 15 лет объявлялись не только военнообязанными, но и должны были выполнять все повинности по содержанию определенного числа воинов-латников на доход от своих ленов. В противном случае держания изымались и подлежали перераспределению, фактически — продаже в пользу короны. Поскольку в ряде пашалыков, особенно в Европейской Турции, разложение сипахийского ленного землепользования зашло достаточно далеко и многие сипахи либо утратили лены, либо превращали их в собственность, и Селим III вполне осознавал этот процесс, в “новом законе” предусматривалась возможность выкупа у государства прав на тимар, заемет и освобождение тем самым и от обязанности нести службу в армии. Средства от этих спекулятивных операций, имевших весьма мало общего с военным османским строем, поскольку само государство-собственник земли предпринимало операции с землей как с товаром, поступали в контролировавшуюся лично Селимом III “казну новых доходов” для субсидирования реформ.

Декларация о сохранении ленов расходилась с практикой. Серьезный шаг к ликвидации самого тимариотского землепользования был сделан вопреки этим заявлениям. Однако проведение в жизнь “нового закона” встретило бешеное сопротивление местных сипахи, вообще держателей ленов всех уровней доходов. Не было реальной военной силы и достаточно обученного аппарата для составления кадастра земель и проведения в жизнь суровых угроз в адрес непокорных феодалов. Главное же состояло в том, что охваченные острой борьбой за перераспределение власти при султане-реформаторе эхл- и орф, т.е. правительственные круги, фактически не контролировали проведение в жизнь обнародованных мероприятий. Необходимость воевать с наполеоновской интервенцией в Египте в 1798 г., затем изнурительная война, предпринятая в 1806–1812 гг.

против России, заставляли Порту прибегать вновь и вновь к военной силе сипахиев. Фактически независимые местные правители и феодалы повсеместно уклонялись от выполнения султанских хаттов, пользовались военной обстановкой для возвращения бежавших крестьян и усиления ангарьи — барщины. Несколько хатт-и шерифов Махмуда II (в частности 1816, 1818, 1828 гг.) о запрете ангарьи в Румелии не выполнялись.

Тем не менее будущие реформы 1839–1876 гг. были подготовлены еще в конце XVIII в., и исключительно важную роль в этом сыграли реформы в армии. Османская армия в период правления Мустафы III (1757–1774) и Абдул Хамида I (1774–1789) представляла собой аморфную, почти неуправляемую систему, разбивавшуюся о дисциплину и выучку европейских армий и едва справлявшуюся с внутренними карательными функциями. Не доведенные до конца начинания Селима III именно в военном деле имели зримые итоги. Они, в частности, заключались в создании после 1793 г., наряду с сипахийским и янычарским войском, отрядов европейски обученных рекрутов. Правда, процесс замены феодального ополчения регулярной армией, набираемой на системной основе воинской повинности, так же, как и ликвидация основы сипахийского войска — тимариотского землевладения, растянулся более, чем на треть века, но начало было положено.

Решительное уничтожение летом 1826 г. янычарского корпуса и близких им феодальных формирований, а также воинствовавших дервишей — монахов ордена “бекташи”, бывших в первых рядах ниспровергателей всех “гяурских” новшеств Селима III и Махмуда II, проводилось силами новых регулярных войск и, видимо, впервые — при участии вооруженного для расправы с янычарами населения Константинополя.

Создание и укрепление “нового победоносного войска” на принципах, заложенных в 90-х гг. XVIII в. Селимом III, продолжалось в 20–30-х гг. XIX в. Махмудом II с большей последовательностью и успехом, поскольку одновременно ликвидировалась экономическая основа

сипахийского ополчения — ленное землевладение. Успеху военных реформ Махмуда II содействовали в большей степени, чем первым начинаниям Селима III, и представители мусульманских богословских кругов — улемы, и шариатские судьи — кади, обычно турки по национальности, настроенные против эхл-и орф, “людей престола”, нередко нетурецкой национальности; против военно-бюрократической верхушки, включая янычарских ага — командиров, виновных, по мнению как шейх уль-ислама, так и султана, в нарушении принципов ислама, в уклонении от защиты османских земель, в попустительстве врагам престола и провоцировании восстаний в христианских провинциях и т.д. Объяснения такого рода, выдвинутые в труде современника — официального историографа Порты в середине 20-х гг. XIX в. Шейх-заде Эсада-эфенди, неоднократно повторялись затем в трудах турецких историков османской эпохи (А. Лютфи-эфенди и А. Джевдет-паши). Встречаются они и в новейших исследованиях турецких авторов 1960–1990-х гг.

Таким образом, внутренние аспекты конфликтной фазы в истории Балкан и Ближнего Востока, определяемой как “порог страха”, заключались на рубеже XVIII–XIX вв. в необходимости для османского центра власти преодолеть внутримперские центробежные силы, противостоять полярно ориентированным тенденциям: освободительной борьбе христиан, децентрализаторским акциям ленников-феодалов, экономической дезинтеграции.

Слитые с государственными армейские структуры были единственной социополитической силой, которая могла развиваться эволюционно, без губительного для всей системы революционного скачка. В этом был залог успехов преобразований, но и крылась огромная опасность, ибо сама традиционная армия не выдерживала испытаний внешних аспектов этой же конфликтной фазы периода 1760–1810-х гг.

Социокультурный аспект данной в заглавии проблемы был бы неполным без размышлений о том, как же складывались отношения двух властелинов — османского султана и главы православного мира всего Востока и значительной части Юго-Восточной Европы — константинопольского патриарха.

Учет этой давней, уходящей в глубь веков проблемы поможет понять всю сложность и трагическую остроту в районе столкновений славян по крови, но разошедшихся по вере — жителей югославянских земель, а также с пониманием присмотреться к христиано-мусульманским конфликтам на Кипре, в Ливане, в других “горячих точках” Ближнего Востока.

Как говорилось выше, такие черты омусульманивания, как физические насилия, расправы с непринявшими доктрину “покорности” — ислама, лишение их политических прав и экономических свобод и перспектив самостоятельного развития — все это неотъемлемые проявления османского исламского господства на христианских балканских землях, захваченных этнически и религиозно чужеродными захватчиками.

Духовная сторона проблемы взаимоотношений христианского населения Балкан и силового османского центра — он же центр исламизации — остается если не совсем в стороне от главных дорог исследований, то, по крайней мере, находится где-то на обочине их интересов. Вместе с тем эта проблема из категории столкновения цивилизаций, из того комплекса проблем, где духовный фактор теснейшим образом переплетен с политическим. Тем более, если учесть неразрывную связь “государство—религия” в системе османских политических структур, привнесенных на балканскую почву. В балканистической и османистической, особенно детально в туркоязычной литературе сложились представления о двух основных методах исламизации балканских народов. Это, во-первых, через бродячих дервишей — проповедников орденов бекташи, накш-бенди и др., следовавших как бы во втором эшелоне экспан-

сии, правда, часто и среди первых волн завоевателей; и это, во-вторых, через передачу в юридическое ведение и полный хозяйственный контроль недвижимости, включая большие земельные наделы. Это были вакуфы, вакуфные земли, т.е. вся недвижимость, управлявшаяся представителями мусульманской иерархии.

Болгарская исследовательница (М. Стайкова, 1991 г.) называет эти методы омусульманивания “методами колонизации”. Вполне справедливо, поскольку процесс осуществлялся сверху, централизованно и в интересах “верхов” — османской правящей элиты. Остается, однако, в тени столь многообразная проблема, как взаимоотношения подавляющей христианской массы юридических подданных Высокой Порты и султана, а также вопрос об отношениях двух иерархов. Речь идет о суверене — владыке светском, т.е. собственно султани, и владыке духовном — вселенском патриархе.

Неопределенность или неоднородность ситуации, когда колонизируемые османами-мусульманами христианские земли оказывались в двойном, по существу, подчинении, была одной, и при том немаловажной причиной, по которой так хотелось Стамбулу иметь подданных “однозначных” — мусульман и тем снять двойной стандарт подчинения, столь досаждавший и “силовому центру” в османской столице, и распорядителям власти на местах.

Тогда-то и возникает вопрос о соотношении уровней влияния на ситуацию и, соответственно, на взаимоотношения между султаном и патриархом. Предстает дихотомия, от степени гармонизации членов которой во многом зависела жизнь физическая и жизнь духовная миллионов христиан на турецких Балканах и в других покоренных турками землях.

Не следует забывать, что массив доступных источников содержит более чем на три четверти светские документы, и это при том, что на печскую и константинопольскую патриархии приходится подавляющая часть доступных османских свидетельств. Оценим с благодарной признательностью проделанную русскими, болгар-

рскими, югославскими, американскими коллегами работу и углубимся, насколько возможно, в отношения константинопольского патриарха и османского центра власти.

Учтем два обстоятельства.

Первое. Патриарх имел власти и влияния больше на периферии империи, где были компактно размещены многочисленные приходы. Османский центр власти после Сулеймана Кануни (XVI в.) заметно утрачивал абсолютное влияние по мере убывания от столицы к окраинам империи.

Второе. Константинопольский патриархат в самой столице Османской империи имел к приходу завоевателей-турок развитую систему приходов, совпадавшую с системой городских кварталов. В основных чертах, конечно. Приход и его функции формировались на основе общего канонического права. Квартал (махалле) был воспринят турками как естественное звено организации огромного города потому, что такая структура в принципе одобрялась шарнатом и восходила к квартальной структуре мухаммеданской эпохи.

Это совпадение — великого и вечного града Константина и священных городов Мекки и Медины — отнюдь не случайно. Оно восходит к специфике, темпам и формам жизни средневекового города Передней Азии. Многонациональный и густонаселенный Константинополь XV–XIX вв. с его развитой системой православных приходов был абсолютно понятен туркам в своей логике организованности жизни, к чему так стремились османы, и вполне удобен. Как “мужам меча”, организовавшим управление в городе, так и “мужам пера”, деятельно изучавшим организацию жизни города до и после покорения его османскими полчищами. Последнее обстоятельство чаще всего выпадает из поля зрения современных историков. Однако оно часто повторялось в старых османских хрониках.

Что же привлекало османские власти в структуре и деятельности константинопольской патриархии? Во-первых, мощный и даже во внешних проявлениях оче-

видный пласт латинофобских настроений в греческих духовенстве и в той части светской прослойки, которая уцелела после захвата турками Константинополя в 1453 г. и относительно приспособилась к новым хозяевам — османам.

Во-вторых, поддержанный всеми османскими султанами после Мехмеда Фатиха-Завоевателя (1443–1481) константинопольской патриархат в глазах Высокой Порты был действительным и управляемым противовесом Охридской архиепископии, Печскому патриархату, другим антиосмански настроенным учреждениям Православия на Балканах.

Итак, важно подчеркнуть, что в основе отношения османского центра власти к константинопольскому патриархату лежали сугубо политические отношения управления.

Однако! Константинополь времен османов и до них представлял собой социальный организм с мощной саморегулирующей системой внутренних связей. Квартальная константинопольская приход-община замыкала на себя, кроме культовых, все (или почти все) административно-хозяйственные и культурные функции. В рамках прихода-общины проживало как имущее, так и неимущее население (это спорное, на мой взгляд, утверждение высказывают молодые турецкие социологи), что было важно для османской фискальной службы. И другое: в приходе-квартале решающий голос во внутренней жизни принадлежит зажиточным прихожанам из торгово-ремесленных кругов. То есть тем, кто реально наполнял налоговую сумку османских дефтердаров. Заметим здесь, что среди списков регулярно удалявшихся из столицы “бекаров” — бродяг, бобылей, — как правило, не было христианских имен.

Следовательно, вторая сторона отношения султана к константинопольскому патриархату — сугубо меркантильная.

Обе стороны — султан и патриарх хорошо вписывались в систему капитуляционных отношений в Османской империи. Можно сказать, что константинополь-

ская патриархия сфокусировала в себе определенные принципы капитуляционного режима.

Патриархия Константинополя на добрую сотню лет, т.е. до первых формальных актов 1539–1569 гг., составила для Мехмеда Фатиха и его преемников проблему свобод и ограничений для немусульманских подданных Высокой Порты.

Далее. Патриархия, признав новые власти, вошла в систему ценностей, политических действий и хозяйственных правил османов. Патриархат оказался в османской налоговой структуре, когда налоги платят прямо государству. Как мусульмане, так и иноверцы. Последние, сверх прочего, — налог “баш хараджы” за право не служить в османском войске.

Патриархия Константинополя, как известно, не призывала к самоубийственному неповиновению османам (за редким исключением, например, в 1821 г.). И на нее распространялась защитительная функция османского исламского государства. Гибкость, переходившая в лавирование и порой в откровенное приспособленчество к нормам османского права, сделала именно константинопольскую патриархию эталоном отношения османского центра власти к православным патриархиям в XVI–XIX вв.

Построив отношения с христианской периферией на принципах капитуляций, Высокая Порта на тех же основах сформулировала отношения с христианскими церквями на местах. Причем отношения с ними (на Балканах, на Леванте), как правило, строились с учетом уровня отношений данной церкви с Константинопольской патриархией. Это был, конечно, чисто капитуляционный подход.

Ситуация стала меняться в эпоху танзимата (акты о реформах 1839, 1856 гг.). И то лишь потому, что церковь как административно-регулирующая подсистема утрачивала свое значение, а этнорелигиозные общины — миллеты — перерождались в иные структуры.

Таким образом, сами *капитуляции* в экономике и политике империи просуществовали вплоть до эпохи

первой мировой войны; то учреждение, которое первым втянулось в капитуляцию, первым это иго и сбросило. Это была Православная Церковь. В этом освобождении решающую роль сыграли такие факторы, как:

— долгая борьба христиан за автокефальность православных церквей;

— мощный католический прозелитизм, связанный с 30–40-х гг. XIX в. с вовлечением имперских земель в мировые хозяйственные и культурные связи*;

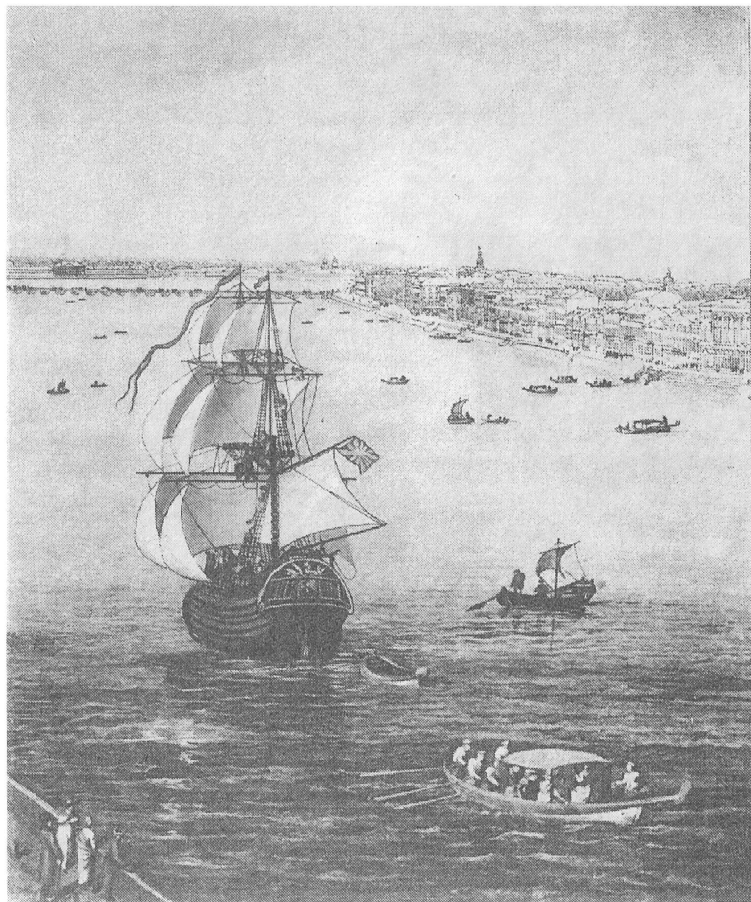
— политические, революционно-освободительные процессы на землях, населенных христианами;

— многочисленные изнурительные войны Османской империи с западными христианскими державами.

Наконец, константинопольской патриархии осталась та почетная и достойная роль светоча Веры и Культуры, которая была закреплена в декретах кемалистской республики после 1923 г. и сохраняется поныне.

Заключая краткий экскурс в отношения патриарха и султана, позволю себе конфликтологическое резюме. *Константинопольская патриархия, греческая по составу иерархов и всей направленности деятельности, была своего рода метрополией, копией, подобием центра власти, для славянских и арабских церквей (имитировавших османские центры власти в аналогичных структурах подчинения). Именно в качестве такового демпфер-фактора, компенсировавшего напряжения социальных подсистем, выступала несколько веков константинопольская патриархия в системе связей Высокая Порта — султан как имперский центр власти с христианскими подданными.*

* О взаимоотношениях султана с его католическими, протестантскими, иудейскими подданными рассказывается в другой работе автора, которая готовится к печати.

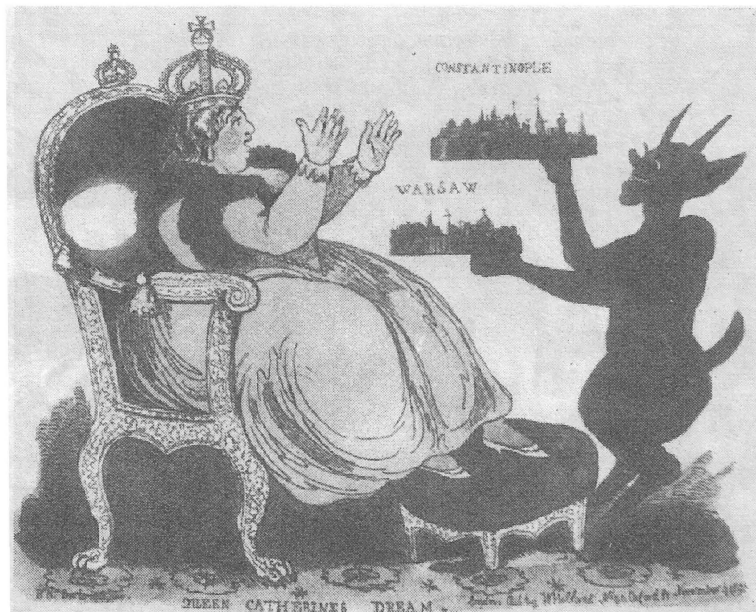
**Британский корабль с турецкими товарами
в водах Невы, вблизи таможни, 1820 г.
*Художник А. Тозелли***

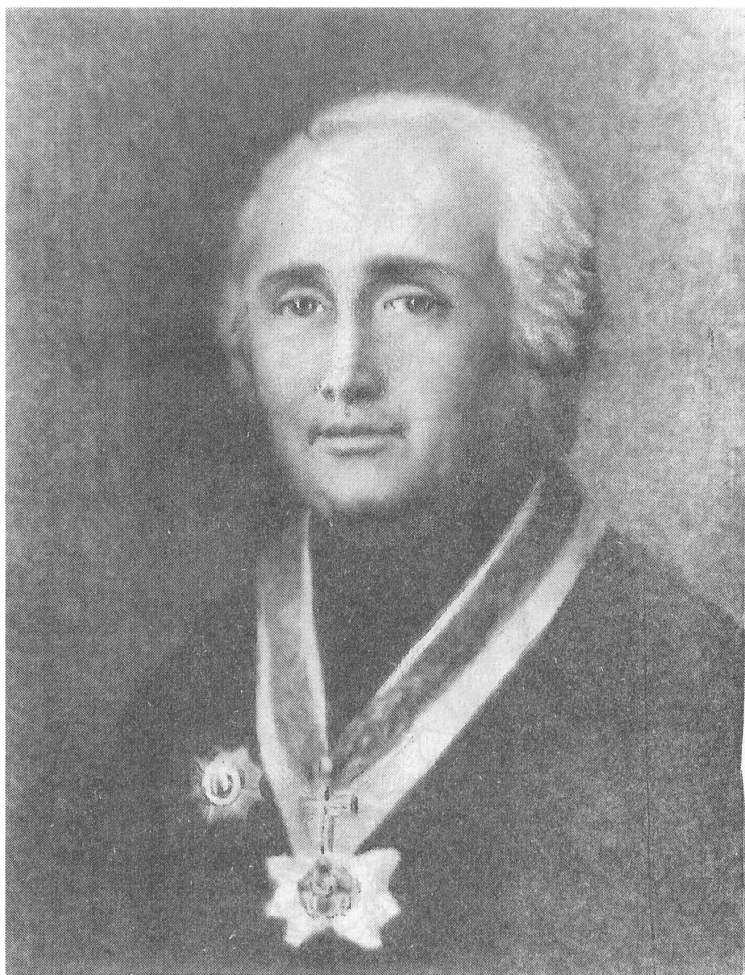
Князь Г.А. Потемкин, 1789 г.
Художник Дж. Б. Лампи

Екатерина II в русском народном уборе, 1773 г.
Художник В. Эриксен

Карикатура “Мечта императрицы Екатерины II”
 Опубл. в Лондоне 4 ноября 1791 г.

**А.А. Самборский (1732–1815), теолог и дипломат, выполнял
на Балканах и в Западной Европе деликатные поручения
Александра I, будучи его духовным наставником
*Художник В.П. Боровиковский***

**М.А. Милорадович, герой русско-турецких войн,
предательски убитый 14 декабря 1825 г. в Петербурге**

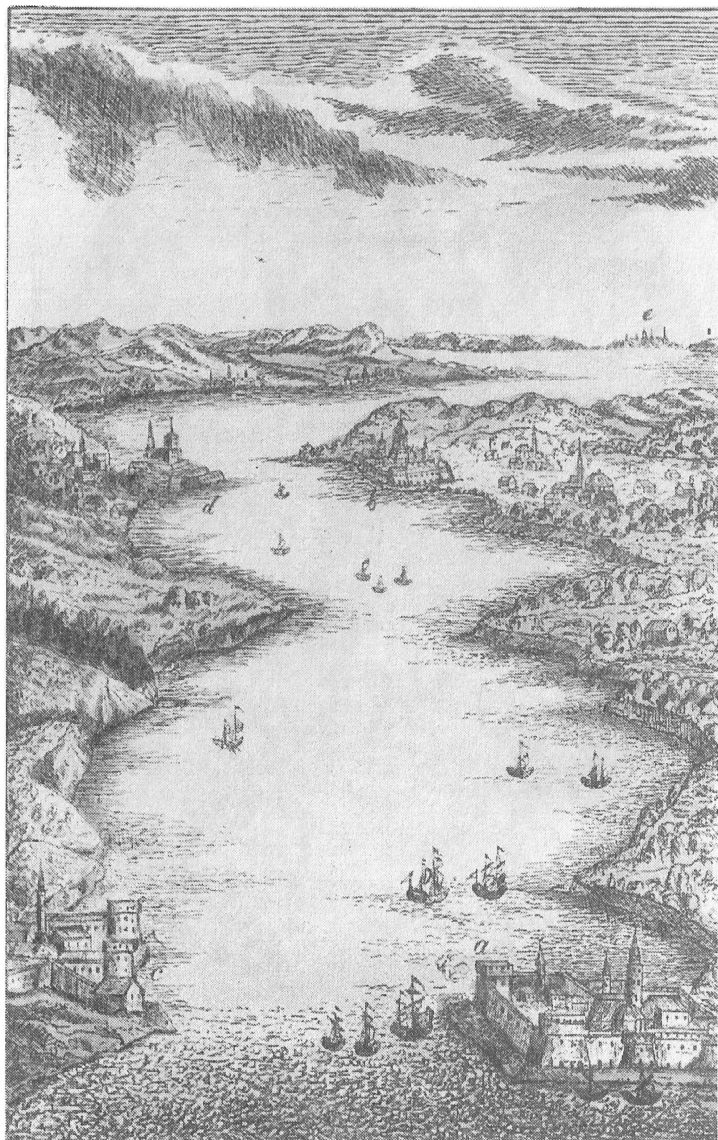

Alexander I

Портрет Александра I

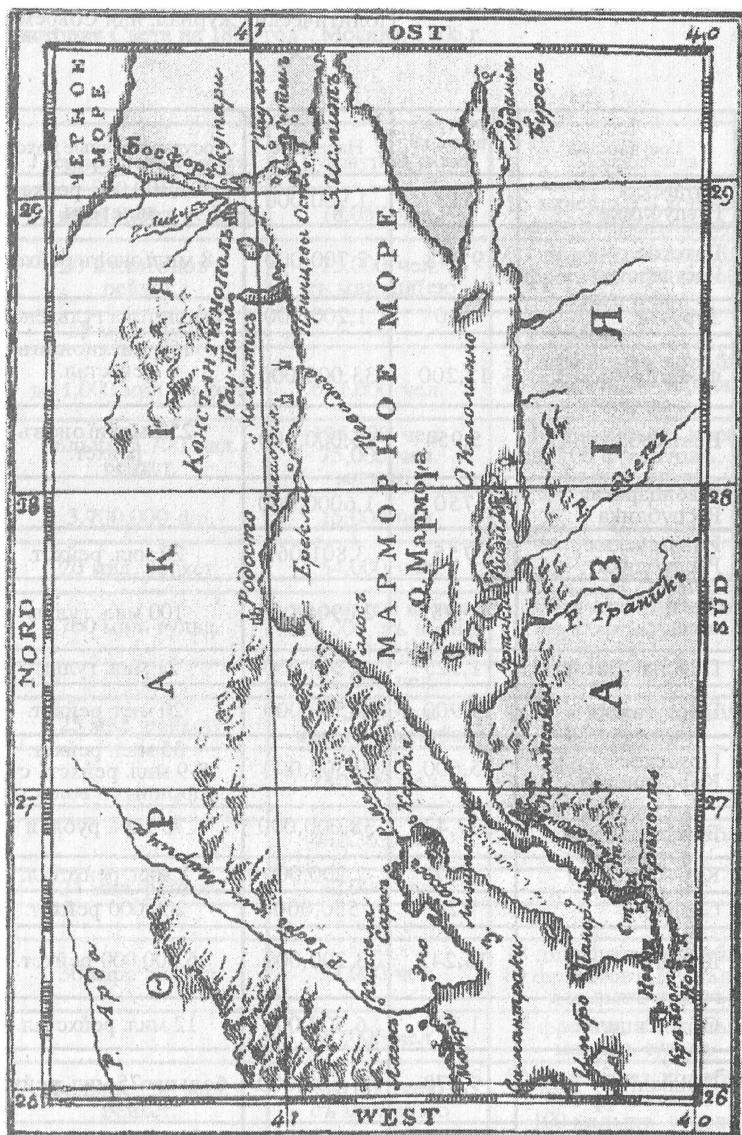

Наполеон Бонапарт

Дарданеллы

Рисунок русского военного топографа начала XIX в.

Черноморские проливы

Рисунок русского военного топографа начала XIX в.

Государства	Простран- ство въ кв. мил.	Населеніе	Государственные доходы
Батавская Республика	513	1,900,000	21,300,000 рейхс- талеровъ
Датское Государство	9,348	2,700,000	8 миліоновъ рейхст.
Этрурія	440	1,200,000	4 милііона гульденовъ
Франція	12,200	33,000,000	160 миліионовъ рейхстал.
Великобританія	5,954	15,000,000	250 милііоновъ рейхст.
Швейцарская Республика	750	1,6000,000	
Италіанская Республика	755	3,801,062	20 мил. рейхст.
Австрійскія области	11,989	25,906,000	100 мил. гульд.
Пфальц-Баварія	1,125	2,240,000	21 мил. гульд.
Португаллія	1,900	3,500,000	20 мил. рейхст.
Прусское Королевство	5,600	9,300,000	35 мил. рейхст. 8-9 мил. рейхст. съ коронныхъ волостей
Россія	307,474	38,000,000	75 мил. рублей
Кур-Саксонія	717	2,200,000	8 мил. рейхстал.
Сардинія	420	550,000	200,000 рейхст.
Швеція	13,242	3,200,000	6,300,000 рейхст.
Объ Сициліи	1,809	6,500,000	12 мил. рейхстал.
Гишпанія	9,278	11,500,000	больше 75 мил. рейхст.
Турція	43,000	30,000,000	26 мил. піастровъ, кромъ особыхъ дохо- довъ коронныхъ
Съ веро-Амері- канскія вольныя Области	86,400	6,800,000	25 мил. рейхст.

таблица

история Света на 1805 год". Москва, 1806 г.

Государственные долги	Сухопутная сила	Морская сила
80 милліоновъ рейхст.	18,057 чел.	16 линейныхъ кораблей, многія небольшіі суда
20 милліоновъ рейхст.	75,000 чел. съ милиціею	20 линейныхъ кораблей, 8 фрегатовъ, 24 шлюбки, бриги и проч.
55 мил. гульд.		
до 1,000 мил. рейхст.	611,000 чел.	30 линейныхъ кораблей, 24 фрегата, до 900 малыхъ судовъ
больше 3,700 мил. рейхст.	136,899 чел. 75,000 чел. милиціи	210 линейныхъ кораблей, 106 фрегатовъ, 503 малыхъ судовъ
3,700,000 фр.	15,000 чел.	
20 мил. рейхст.	54,000 чел.	
700 мил. гульд.	въ мирное время 320,000, въ воен- ное 420,000	5 фрегатовъ и несколько малыхъ судовъ
	32,000 чел.	
25 мил. рейхст.	47,000 чел. кромѣ милиціи	18 линейныхъ кораблей, 18 фрегатовъ
	280,000 чел.	
	437,363 чел.	60 линейныхъ кораблей, 30 фрегатовъ
24 мил. рейхст.	32,000 чел.	
30 мил. рейхст.	53,000 чел.	18 линейныхъ кораблей, 10 фрегатовъ, 160 галеръ и малыхъ судовъ
	40,000 чел.	4 фрегата, нѣсколько малыхъ судовъ
больше 250 мил. рейхст.	110,000 чел. съ милиціею	50 линейныхъ кораблей, 30 фрегатовъ, 100 малыхъ судовъ
	160,000 чел.	15 линейныхъ кораблей, 12 фрегатовъ и каравеллъ
100 мил. рейхст.	20,000 чел.	35 военныхъ судовъ

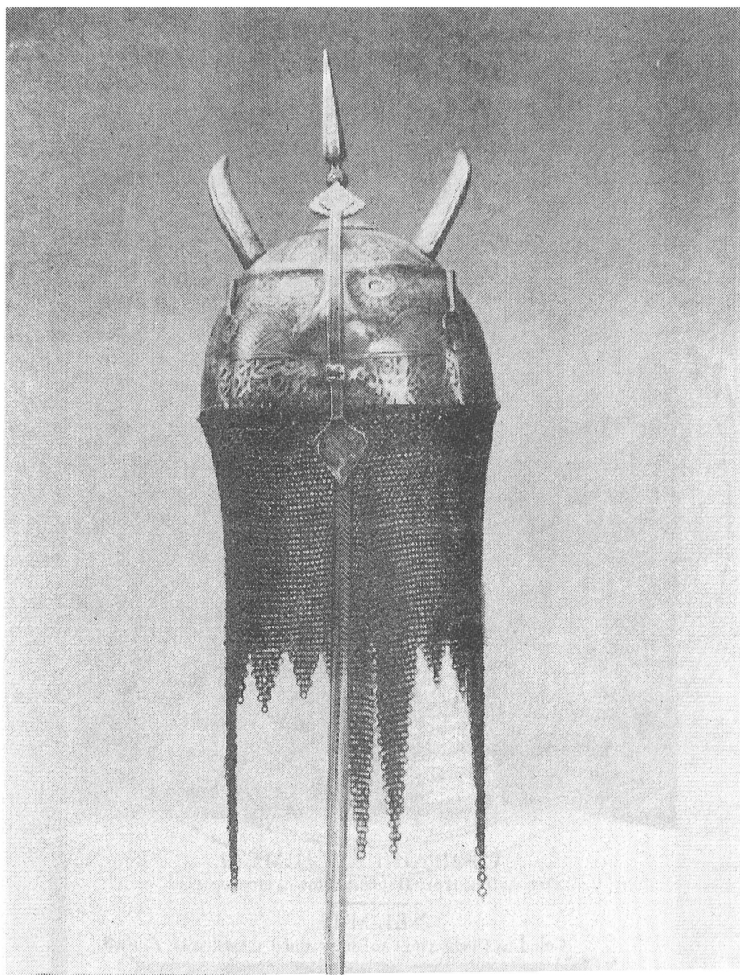
زشتویک منْعَقِلْ اَوَّلَانْ مَجْلِسْ مِکَامِلْ
رَبِیعِ الْاَیْرِ
۱۲۰۵ هـ

Систовский мирный конгресс 30 декабря 1790 г.
Рисунок турецкого участника конгресса

Султан Селим III

Шлем турецкой работы. Инкрустация серебром и золотом.
XVIII в.

Глава 2

“ВПЕРЕД, КО ВРАТАМ ЦАРЕГРАДА”

Черное море: “русские берега у турецкого озера”?

Целое поколение турок-османов, родившееся в 1740–1750-х гг., до седых волос не знало мирной жизни. Войны внешние и военные экспедиции в разные внутренние области великой империи полностью поглотили это поколение, да и не только в Османской империи. Султаны и Порты все еще верили в решающее слово ятагана.

Вместе с тем последнее тридцатилетие XVIII в. явилось для правящих кругов Османской империи временем серьезной переоценки внешнеполитического курса. Выпадали из-под контроля целые регионы империи; это происходило под воздействием роста антитурецких освободительных движений, иностранного вмешательства, сепаратизма правителей отдаленных областей, нередко вступавших в прямые контакты с державами за спиной Высокой Порты.

Активизировалась и ближневосточная политика великих держав Европы.

На протяжении XVIII в. Османская империя оставалась, наряду с Польшей и Швецией, одной из трех опорных столпов в политике Парижа. В свою очередь Высокая Порта видела во Франции традиционного союзника.

В Константинополе внимательно следили за распространением британского влияния в империи Великих Моголов.

Еще более опасным для Высокой Порты, считавшей себя единовластной “владычицей Черного моря в качестве турецкого озера”, было твердое стремление России получить проход через Черноморские проливы

и разрушить османскую гегемонию в Причерноморье. В этом бескомпромиссном столкновении Высокая Порта рассчитывала прежде всего на поддержку Франции, с полным основанием считая ее естественным противником Англии в сопредельных туркам странах Востока и одновременно — противником России в стремлении той к Черному и Азовскому морям и далее — в Средиземное море.

Дипломатические отношения с Парижем строились на основе односторонне дарованных Портой державам привилегий — капитуляций, воплощавших основные принципы наибольшего благоприятствования. Нараставшее экономическое отставание Османской империи от западноевропейских стран, а также значительно меньшая, чем в странах Дальнего Востока, но проявлявшаяся вполне определенно тенденция к самоизоляции в области науки и культуры, наконец, военные неудачи конца XVII — первой половины XVIII в. — все это отнюдь не способствовало выработке стабильных приемов и методов османской политики.

Международно-правовые нормы и обычаи сношений между западными державами и суверенными государствами Востока строились в эту эпоху на основе прецедентов и традиций. Османская империя не составила исключения. Однако расширение политических связей с европейскими державами с середины XVIII в. требовало соответствующего дипломатического обеспечения. Отсутствие постоянного представительства Османской империи в европейских столицах не могли заменить социальные посольства по конкретным поводам ко дворам европейских монархов. Отчеты послов — скорее литературные произведения, чем строгие дипломатические документы, не давали Порте всесторонней информации об изменениях в политике держав. Посланники западных держав в Константинополе давали султану и Порте выгодную для своих держав информацию, не гнушаясь дезинформацией. Маневрирование в весьма узких пределах профранцузской ориентации приносило Османской империи в первой половине XVIII в.

столь же мало пользы, как и военное участие в борьбе за австрийское наследство в 1740-х гг. и в закулисных дипломатических комбинациях периода Семилетней войны (1756–1763 гг.).

С точки зрения диагностики конфликта можно сказать, что невыработанность внешнеполитического курса и участие в военных столкновениях в Европе, как правило, бесконечно далеких от национальных интересов страны, отражали общую отсталость империи, кризис центральной власти и падение авторитета султанов, быстро сменявших друг друга и подпадавших под влияние противоборствующих феодальных группировок.

Во второй половине XVIII в. для внешней политики Османского государства основное значение приобрела борьба за возврат или сохранение отдаленных областей империи, прежде всего, в Европейской (Балканской) Турции; за укрепление основного ядра османских владений в Малой Азии; наконец, за сохранение военного и хозяйственного (дань, торговля на особо выгодных условиях) влияния на вассальных землях Северного Причерноморья и Кавказа.

Подобные целевые установки политики Порты расходились с интересами ее временных западноевропейских партнеров по всем направлениям, кроме одного — северного.

Жизненные интересы России требовали защиты безопасного развития южнорусских и центральных областей, выхода к Черному морю. Частичное совпадение интересов Османской империи с интересами Англии и Франции заключалось в противодействии этих держав дальнейшему становлению России как мощной морской державы, обладавшей к тому же возможностью оказывать через общность православной религии влияние на судьбы православного населения в Центральной и Юго-Восточной Европе, находившихся под османским управлением.

Вместе с тем англо-французский антагонизм и затем англо-русские противоречия (90-е гг. XVIII в.) оставляли османской дипломатии большую свободу для манев-

ра и выбора союзников, для создания определенных условий безопасности во имя решения внутривосточных задач. Формирование внешнеполитического курса Османской империи в целом, и в отношении России в частности, затянулось на многие десятилетия. Оно совпадало с глубинными процессами преобразований эпохи Селима III (1789–1807) и Махмуда II (1808–1839), отражало их во многом непоследовательный и противоречивый характер. При этом в Константинополе хорошо понимали исключительную важность османских территорий — моста из Западной Европы в Восточную Африку и Индию, на Дальний Восток.

Пути европейцев на Средний и Дальний Восток, равно как и рынки Юго-Восточной Африки и Леванта, держала в своих ослабевших руках Высокая Порта. Поглощенные борьбой в отдаленных колониях Канады, Вест-Индии и Ост-Индии, Англия и Франция в конце XVIII в. заботились скорее о нейтральности Порты и сравнительной налаженности османами путей к индийскому, персидскому, восточноафриканскому регионам, чем о захвате Османской империи. Западные державы видели в ней перспективный резерв дальнейших колониальных разделов и комбинаций и одновременно — преграду активной ближневосточной политике России.

Однако Османская империя неизменно сохраняла положение субъекта международных отношений, а ее дипломатия демонстрировала определенную гибкость. Порта самостоятельно определяла главные приоритеты своей внешней политики и пути их достижения, включая военные меры. При этом территориальная целостность и успех внутренних преобразований приходились на период союзных и дружественных отношений с Россией. Обострение внутреннего кризиса, как правило, было следствием очередной войны в коалиции или под воздействием западноевропейских держав, что в полной мере проявилось в период войн 1768–1774 и 1787–1791 гг.

Взаимоотношения Порты с западноевропейскими державами и с Россией во второй половине XVIII в. раз-

вивались в рамках Восточного вопроса или, как пишут турецкие историки, “Западного вопроса” с позиций Османского государства.

Восточный вопрос понимается как условный собирательный термин группы противоречий и проблем в истории международных отношений последней трети XVIII — начала 20-х гг. XX в. Оформление его как узловой внешнеполитической проблемы Западных держав, Турции и России относится к 60–80-м гг. XVIII в. Общемировым фоном развития Восточного вопроса были: промышленный переворот в Англии, Франции, позднее Австрии (с 1867 г. — Австро-Венгрии) и России, становление капиталистических отношений на покоренных турками-османами территориях Юго-Восточной Европы, уходящее истоками на Балканы, реформаторское движение в Османской империи (Турции) и ее вовлечение (поначалу лишь наиболее развитых балканских и левантийских периферий) в мировые хозяйственные связи и в мировое разделение труда. В рамках Восточного вопроса выделяются три основные составные части:

1. Взаимодействие Турции с Россией и в европейскими державами (впоследствии и с США) по поводу османского господства, прежде всего, на Балканах, в Черноморских проливах и на Леванте.

2. Политика статус-кво России и других великих держав в отношении так называемых контактных зон на Балканах, где османское владычество соприкасалось с территориями или владениями держав.

3. Национально-освободительные и религиозные движения нетурецких народов Османской империи, находившие в определенные периоды помощь и поддержку со стороны России, в иные периоды — других держав.

Отличительной чертой Восточного вопроса были его исключительный динамизм, определявшийся многообразием и противоречивостью интересов всех его участников, асинхронностью исторического развития процессов в Европейской Турции и на других террито-

риях империи османов, нараставшим стадияльно-формационным разрывом между державами с одной стороны, и Османской империей — с другой.

Поливариантность проектов решения Восточного вопроса со стороны России, Турции и всех других заинтересованных сторон, а ими были по существу все европейские государства (включая с середины XIX в. и малые — Швецию, Данию, Испанию и другие), и несовпадение общеевропейских исторических вех с региональными делают крайне условной ею периодизацию.

1-й этап — от 60-х гг. XVIII в. до Венского конгресса 1815 г.

2-й этап — до Парижского мира 1856 г.

3-й этап — до окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

4-й этап — до окончания первой мировой войны и революций — 1817 г. в России и 1918–1923 гг. в разгромленной и распавшейся Османской империи*.

На 1-м этапе Восточного вопроса Россия обеспечила своему торговому флоту постоянный выход в Черное и Средиземное моря, оградила свои политические и экономические интересы в Северном Причерноморье; в 1799–1805 гг., в период действия русско-турецкого союзного договора, первой из великих держав получила право прохода своих военных кораблей через Проливы; получила и реализовала право на покровительство христианскому православному населению Османской империи, а также покровительствовать Сербии и Дунайским княжествам; была признана Турцией и державами де-факто политика России на Северном Кавказе и в Закавказье. В свою очередь мирные (с 1791 г.) и союзные (в 1799–1806 гг.) отношения с Россией обеспечили Османской империи успех начального этапа реформ Селима III и помогли устоять под ударом Наполеона Бонапарта в 1798–1799 гг.

Что касается османских государственных деятелей эпохи зарождения Восточного или Западного вопроса,

* Этот этап Восточного вопроса рассмотрен мною в книге “Босфор. Россия и Ближний Восток в годы первой мировой войны”. М, 1995.

то они, как и долгие годы спустя турецкие авторы, акцентировали лишь одно, “русское” направление в политике Порты 1760–1800-х гг., сводя к нему и основное содержание указанной проблемы.

Борьба с Россией трактовалась как основное направление внешней политики Высокой Порты. *Ключевым был вопрос о выходе России в Черное море, к Босфору и Дарданеллам. Возникал упоминавшийся выше “порог страха” в кругах, ответственных за принятие решений на национальном уровне.*

Османская империя осуществляла противодействие России на двух направлениях: через Крым, с помощью Крымского ханства, и через Северный Кавказ и Каспийское побережье при поддержке некоторых ногайских, кабардинских феодалов, беков и ханов Северного Кавказа и Закавказья.

Наиболее важными направлениями политики Порты в этот период были европейское и крымско-черноморское. Во-первых, реальная власть Константинополя на европейских территориях империи вблизи границ Австрии, России и других держав была слабее, чем например, в Малой Азии, и для ее укрепления были необходимы решительные и более срочные меры как в отношении своевольных пашей и аянов, так и в отношении бунтующей реайи, т.е. подданных-христиан. Решать эти проблемы было привычно для Порты в ходе военных действий в Балканской Турции с помощью местных мусульманских ополчений и переброски янычарских и сипахийских формирований из других регионов. Кроме того, Мустафа III (1757–1774), как и его ближайшие предшественники, стремился играть, по словам видного турецкого историка Акдеса Н. Курата, если не ключевую, то по крайней мере значительную роль в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Наиболее благоприятным предлогом для участия в европейских делах было, в глазах Мустафы III, нестабильное положение в Польше.

Турецкие историки султанской эпохи поддерживали тезис о защите Османской империей независимости

и неделимости Польши как главной причины войны с Россией в 1768–1774 гг. При этом Барские конфедераты описывались как “истинные патриоты Польши и примерные реформаторы”. В действительности, речь шла о частичном и временном совпадении интересов наиболее агрессивной части правящих кругов Османской империи и участников Барской конфедерации из числа магнатов старошляхетской формации. Эти силы надеялись отторгнуть в союзе с Францией и Турцией часть восточноукраинских земель от России. По инициативе участников Барской конфедерации Мустафа III подписал в конце 1768 г. секретное соглашение о передаче Подолии Порте, а части восточноукраинских земель — силам конфедератов. Немаловажную роль в сближении султана и конфедератов сыграло также обещание Франции финансировать военные действия турецких войск против России, если таковые начнутся.

Верхушка улемов во главе с шейх уль-исламом Пирри-заде Сахиб Моллой, особенно рьяно ратовавшим за возвращение Подолии, утраченной Турцией по Карловацкому миру 1691 г., и большинство везиров поддерживали воинственно настроенного султана и оттеснили умеренных государственных деятелей, призывавших сосредоточить внимание на внутренних проблемах страны и воздержаться от войны с Россией. Среди сторонников мира были великий везир Коджа Рагиб-паша и его преемник Мухсин-заде Мехмед-паша, реисулькютаб Гиритли Ресми-эфенди. Все они посещали в разное время европейские страны в составе османских посольств и выступали за обновление турецкой армии с учетом военного опыта европейских стран, в том числе России, но без прямого участия в военных конфликтах.

В начале октября 1768 г. в присутствии султана состоялось мушавере — совещание высших сановников Османской империи. Под давлением султана и шейх уль-ислама было принято решение объявить войну России. Населению зачитывали фетвы: священной целью войны объявлялась защита османских границ, включая

Крым и подвластные Порте грузинские земли на Кавказе, а также фактически независимые черноморские — на Балканах. 23 джемазиульэввелы 1182 г.х. (4 октября 1768 г.) новый великий везир Хамза-паша* огласил перечень претензий к России, составленный незадолго до совещания с помощью посла Франции в Константинополе де Вержена. На него, в свою очередь, оказывал большое влияние другой яркий противник России, укрывавшийся в это время в Турции — видный польский магнат А. Потоцкий. Среди претензий значились нарушения турецких границ, достаточно неопределенно сформулированные, и постройка крепостей между Днестром и Бугом, отнюдь не запрещенная Россией Белградским договором 1739 г., а также повторявшиеся много раз впоследствии обвинения в “подстрекательстве Россией христианских подданных Турции” и, наконец, разорение русскими местечка Балта во владении крымского хана.

Все претензии отнюдь не предназначались для дипломатического обсуждения с русским правительством.

Некомпетентность и узость круга лиц, обладавших реальным правом принятия решений, отразились на стремительном движении от “порога страха” к фазе неконтролируемых “ложных образов” и напрямую — к третьей фазе конфликта — ступени “разрушения механизма сопротивления противника и нанесения удара в нервный центр”.

Утром 6 октября 1768 г., когда во всех мечетях Константинополя читали суру, т.е. главу Корана “Фатиха” (“Победа”), русскому дипломатическому представителю А.М. Обрескову в ультимативной форме было предложено вывести русские войска из Польши; русский посланник под гарантией представительств Дании, Пруссии, Англии и Швеции должен был взять на себя от имени правительства России обязательство не вмеша-

* Непримируемый противник России, очень слабый военачальник Хамза-паша был назначен великим везиром еще в октябре 1768 г. по настоянию улемов. Все даты даются по новому стилю.

ваться в “польский вопрос”. Естественная просьба А.М. Обрескова, не имевшего необходимых инструкций на случай столь резкого обострения отношений, дать ему возможность получить в двухмесячный срок указания из Петербурга была представлена как стремление затянуть решение вопросов. Посланник России и его сотрудники были отправлены в заточение, где и пробыли вплоть до мая 1771 г.

Спустя полгода после объявления войны, в марте 1769 г., турецкая армия выступила из Адрианополя, традиционного места сбора сипахийского войска, и в конце апреля — начале мая 1769 г. прибыла в район Хотина. Предполагалось, что здесь произойдет ее соединение с татарско-турецким войском Ибрахим-паши. Он был послан в звании сераскера — главнокомандующего — в конце осени 1768 г. в Крым во главе небольшого отряда янычар для формирования там войска. Третья группа турецких войск должна была выступить из Восточной Анатолии в направлении Кизляр—Астрахань, что, впрочем, осуществить вообще не удалось.

Одновременно Порты предприняла определенные усилия по дипломатическому обеспечению войны с Россией. Выяснилось, что лишь Франция поддерживает ее военные планы. Вопреки ожиданиям Порты английский король Георг III не поддерживал претензии Турции. Австрийский представитель в Константинополе Иоганн Амадей Тугут выразил от имени своего правительства сожаление по поводу разрыва Турцией отношений с Россией. Он предложил свои “мирные, посреднические услуги”. Тем самым была заложена возможность обращения Турции к австро-прусскому посредничеству позднее, летом 1770 г. Определенные надежды Порте внушала лишь уклончивая позиция прусского посла. Порты знала, что связанный союзным договором с Россией король Фридрих II Великий (1740–1786) стремился к расширению Пруссии за счет участия в разделе Польши и втайне противодействовал России. Сближаясь с Австрией по широкому кругу европейских проблем, Фридрих II с осени 1768 г. исподволь готовился участво-

вать в предстоящих мирных переговорах между Россией и Турцией.

Однако для Порты все эти комбинации мало что значили. Пока европейские державы готовились использовать, каждая в своих интересах, войну на Востоке, Высокой Порте приходилось думать о своих границах в Закавказье. Озабоченный внутренними распрями в Иране шах Керимхан Зенд не мог и не стал, несмотря на несколько турецких предложений о военном союзе против России, поддерживать Турцию. Мустафа III настойчиво, но безуспешно призывал к совместным военным действиям против России всех азербайджанских ханов. Однако наиболее значительные и сильные из них, такие, как Карабах и Куба, укрепляли местные связи с соседними закавказскими царствами и ханствами, были заняты в первую очередь борьбой с Ираном и проиранскими правителями в южном Азербайджане, взаимными распрями. Они уклонялись в очередной раз от участия в войне с Россией. Тем не менее сотни страниц рапортов кизлярского и астраханского губернаторов, донесений консулов из различных закавказских городов свидетельствуют о том, что с весны 1768 г. и вплоть до конца войны Турция не оставляла надежды на мощную экспедицию через район Кизляра и Терека на Астрахань силами многочисленных мусульманских правителей Закавказья и Северного Кавказа. При этом широко пропагандировались идеи “газавата” под знаменем халифа правоверных султана Мустафы III и предотвращения выхода России на Ближний Восток.

Параллельным направлением закавказско-астраханского стратегического плана Турции должна была стать непокорная Грузия. Однако ни Ираклий II, осторожно, но независимо державшийся с Турцией, ни Соломон I, подписавший в 1766 г. договор о формальном протекторате Турции, не считали себя обязанными придерживаться турецкой ориентации в русско-турецкой войне или тем более оказывать помощь султану в войне с Россией, на покровительство или защиту которой они рассчитывали. Слабость стратегических и политичес-

ких позиций Порты в Закавказье была очевидна. К сентябрю 1768 г. в Турции стало известно, что уже в июне 1768 г. Соломон I обратился к России с просьбой о “покровительстве или подданстве, как другие цари были приняты”.

Полагаться на полунезависимых правителей балканских или арабских пошалыков и вовсе не приходилось. Из вассальных правителей, на немедленное выступление которых мог рассчитывать Мустафа III, оставался только крымский хан. Впрочем, и здесь возникли осложнения.

Нежелание крымцев вставать под знамена присланного из Константинополя чужака — турецкого сераскера — заставило Мустафу III вернуть из ссылки и поставить во главе крымского воинства Кырым Гирея из рода Чингизидов, неоднократно в прошлом возглавлявшего набеги татар и ногайцев на русские земли. В качестве военного советника с ним в поход был отправлен находившийся на турецкой службе барон Ф. де Тотт. В его задачу входило обеспечение контактов между ханом и польскими конфедератами. Дипломатическое представительство Франции при Кырым Гирее осуществлял П. де Рюффен, впоследствии посол Франции в Турции. Взысканный милостями султана* Кырым Гирей, помимо разрушительного деморализующего рейда по русским и украинским землям, которые Порта надеялась приобрести, должен был также подавить про-

* Кырым Гирей-хан получил в подарок от султана коня, личное оружие и... несколько прелестных невольниц из “запасников султанского сераля”. Таковых тщательно отбирали и холили, чтобы при случае подарить от имени султана за верную службу. Нежные гурии вдохновляли нового хозяина, но при случае могли подсыпать малую толику яда в чашечку кофе неверного слуги престола. Восток...

После присоединения Крыма к России бывший хан был награжден орденом св. Андрея Первозванного, ему была выделена ежегодная пенсия. Сначала хана заставили переселиться в Россию, но потом ему было разрешено выехать в Турцию. После его приезда туда в 1768 г. султан Абдул Хамид I выслал его на о. Родос, где он и был удушен в 1787 г., после начала новой войны с Россией.

русскую оппозицию среди части мурз и “принцев крови” и не допустить вовлечения Крыма в политическую и экономическую сферу влияния России.

Война, начатая Турцией как превентивная в борьбе с растущим влиянием России и как метод решения внутриполитических проблем, оказалась столь неумело и слабо подготовленной, что до сих пор приводится в турецкой историографии как образец упадка и разложения в янычарских и сипахийских войсках, как “образец чистого безумия со стороны Мустафы III”. Более чем полумиллионная, по спискам-дефтерам, армия не превышала весной 1769 г., когда фактически начались военные действия, и половины списочного состава. Тем не менее для России это был грозный противник, благодаря многовековым навыкам массированного применения кавалерии и высокой приспособленности к климатическим и географическим условиям как Дунайского, так и Кавказского театров военных действий. К преимуществам османской стороны можно было отнести также большой, до 250 вымпелов в 1769 г., флот. Он безраздельно господствовал на всей акватории Черного моря от устьев Дуная до Керчи и Тамани и базировался в удобных гаванях Крымского полуострова.

Наличие обширных планов наступательных операций в турецком военном ведомстве оказалось не подкрепленным необходимыми войсками, однако оборонительный потенциал оказался неожиданно высоким.

В первый период военных действий с апреля по сентябрь 1769 г. русским войскам под командованием А.М. Голицына после ряда неудачных маневров удалось занять крепость Хотин только тогда, когда она была покинута турецким гарнизоном. Кубанский русский корпус П.Ф. Медема и Закавказский экспедиционный корпус русской армии Г.-К. Тотлебена в то же время столкнулись с ожесточенным сопротивлением турецких иррегулярных войск.

В действиях Кубанского корпуса успех наметился фактически с весны 1770 г., не в последнюю очередь — благодаря благожелательному отношению местного

населения. Несмотря на усиленную агитацию Кырым Гирея, турецких эmissаров и части местных феодалов, население Кабарды отказывалось идти воевать под знаменем халифата. Кабарда добровольно вошла в состав Российской империи. Одновременно начался добровольный переход ногайских племен в подданство России. Действия корпуса П.Ф. Медема и Второй русской армии П.И. Панина, прикрывавшей южнорусские земли в направлении Азова и Таганрога, с осени 1769 г. были поддержаны ногаями.

Менее успешными были действия корпуса Г.-К. Тотлебена в Грузии. Расколотаая турецко-иранскими соглашениями на два царства и ослабленная международной борьбой феодалов Грузия в планах Екатерины II занимала подчиненное место по сравнению с Крымом и Дунайскими княжествами. В Петербурге с удовлетворением воспринимали сообщения о желании населения Имеретинского и Картли-Кахетинского царств вступить под покровительство России. Однако это могло повлечь за собой войну с коалицией Турции и Ирана. В Петербурге было решено поддержать благожелательный нейтралитет Ираклия II, а к Соломону I в Имеретию был направлен упомянутый отряд Г.-К. Тотлебена. Численность отряда составила в 1770 г. около 3700 человек. Предполагалось, что население обеих частей Грузии “собственный жребий свой обретет в вооруженной борьбе против Турции”. Не исключался при благоприятных условиях поход отряда Г.-К. Тотлебена, при поддержке грузинских войск, в Малую Азию, что в тех условиях было уже из области восточных сказок Петербурга.

Неверная ориентация Тотлебена, вопреки инструкциям, на оппозиционные Ираклию II и Соломону I силы князей Дадияни и их сторонников, нередко объединявшихся с турецкими пашами, безуспешная долгая осада Поти, где погиб не от пуль, а от болезней почти весь русский отряд (май–октябрь 1771 г.), определили фактическую неудачу экспедиции Закавказского корпуса.

Относительную неудачу, поскольку ни занятие Закавказья, ни присоединение каких-либо территорий не входили в ближайшие планы России. “Усердие русскому духу, выказанное населением” в Грузии, в Северном Азербайджане и на Северном Кавказе, а также в Прикаспии, заставило Высокую Порту стянуть большие силы в Закавказье, сняв их с Дунайского театра.

Попытка опереться на третью силу в конфликте — а именно на формально не вовлеченные народы, а лишь номинально зависимые от султана привела османскую сторону к той ситуации, когда конфликт развивается по своей внутренней логике, выйдя из-под контроля центра. Вызывая “образ врага” — в данном случае России — и формируя степень абсолютной ответственности противника за приписываемые ему действия, Высокая Порта фактически вызвала к жизни трудно управляемый фактор в региональном конфликте: этно-социальные и религиозно-политические предпочтения своих подданных. Поскольку внутренний конфликт империи “метрополия — периферия” был на грани взрыва, осложнения внешнего характера последовали с неизбежностью.

Покровительства и защиты России в предвоенные годы искали грузины и армяне, сербы и греки, другие османские подданные. В ходе войны, по мере продвижения русских войск в глубь османских территорий и появления андреевского флага в османских водах, к России обращались не только христианские народы. Мамлюкский правитель в Египте Али-бей и эмир Ливана Юсеф Шехаб обращались к А.Г. Орлову, руководившему средиземноморской экспедицией, за помощью войсками в войне с Портой. Али-бей получил помощь оружием и боеприпасами. При поддержке русского десанта в 1773 г. шейх Дагер и эмир Шехаб изгнали, по крайней мере на время, турок из Дамаска. Однако действия этих феодалов-мятежников носили спорадический характер, нередко выливались в местнические конфликты и не могли всерьез рассматриваться в Петербурге, так как не могли существенно изменить положение подвластных Порте нетурецких народов на Леванте.

Обращения за помощью и защитой, исходившие от балканских народов, особенно те, в которых выражалась готовность с оружием в руках поддержать единую Россию, рассматривались Екатериной II более благожелательно, учитывались при выработке курса в русско-турецких отношениях, особенно в период их обострения. Так, Совестьательный Совет, собранный Екатериной II для обсуждения вопросов войны и мира с Турцией (позднее известный как Особый комитет по Восточному вопросу), изучал планы военных действий с Турцией и проекты мирного договора с учетом перспективы массовых вооруженных выступлений, прежде всего в Греции и Черногории. Русскими исследователями отмечено, что предпринятый поход эскадры балтийских кораблей в Средиземное море и поддержка греческого восстания, равно как и обращения — “манифесты” к подданным Турции на Балканах и в Закавказье, содержали “разглашения целей защиты христианского закона” и призывали христиан к борьбе с турками-работниками.

Камуфлируя истинные цели войны — занять берега Черного моря и вскрыть Проливы — и рассчитывая на “учинение Турции чувствительной диверсии” восстаниями на главном театре военных действий — вблизи “нервного центра” Османской империи, т.е. в Балканской Турции, царизм отнюдь не призывал к полному освобождению христианских подданных султана. Вместе с тем уже в самом начале войны “манифесты русской царицы” содержали обещание защищать их интересы в будущем. Таким образом, два разнородных направления антисултанских движений — народное и феодально-сепаратистское искали поддержки царского правительства. На втором этапе войны 1768–1774 гг. Россия не только не поддерживала сепаратизм феодальных правителей, сколь бы значительным ни было это движение, но оказывала или предлагала помощь Порте против них. С точки зрения конфликтологии, русская сторона, вполне осознанно соскользнув на фазу “вооруженного противоборства”, гораздо лучше сохраняла

контроль за ситуацией, сдерживала конфликт (со своей стороны) на ступени “ограниченного разрушения”.

Выгодность этой ситуации в политическом плане воспоследовала с очевидностью. В отношении освободительных движений на Балканах и на Ближнем Востоке позиция России изменялась в соответствии с общим фоном развития международных отношений в Европе и на Ближнем Востоке. Несмотря на непоследовательность, нередкие отступления от взятых перед османскими христианами обязательств, эта политика объективно содействовала активизации борьбы балканских подданных Османской империи, ибо совпадала с их национальными чаяниями.

Совместная вооруженная борьба, в том числе в годы первой екатерининской войны, содействовала формированию организационных принципов и навыков регулярных военных действий греков, сербов, черногорцев, арабов Ливана и других народов. Обстоятельство принципиально важное, если учесть, что на протяжении нескольких веков османская государственная система последовательно подавляла саму память об оружии в руках покоренных народов.

Боевым действиям, подготовке и проведению мирных переговоров между Россией и Турцией в 1770–1774 гг. посвящена обширная отечественная литература. Известны обширные публикации русских архивных материалов, мемуаров и дневников. Это единственная из войн между Россией и Турцией, известная широкому кругу русских читателей с конца XVIII в. по переводам турецких авторов — участников военных действий и мирных переговоров. При очевидной разработанности темы, позволяющей нам не останавливаться на ходе военных действий и поэтапной выработке мирных переговоров, некоторые положения историографии требуют особого внимания. Это касается, во-первых, влияния беспримерных по героизму и мужеству побед русского оружия в 1770–1773 гг. на окончательное согласие Порты приступить к мирным переговорам; во-вторых, выявления степени самостоятельности Порты во

внешнеполитической ориентации во время военных действий и мирных переговоров.

“Османская история” (Анкара, 1945–1948) патриарха турецкого османоведения Исмаила Х. Узунчаршылы в части русско-турецких отношений конца XVIII в. служит более полусотни лет для современных турецких историков и ряда западных османистов основой для многих выводов; к ней обращаются читатели-турки по вопросам этого действительно переломного для Османской империи периода. Ничуть не умаляя значение в качестве первоисточника турецких документов “Османской империи”, следует заметить, что неточности из этого труда вошли в работы 1980 — начала 1990-х гг. Описывая военные действия в июле 1770 г., И.Х. Узунчаршылы отдавал должное русским солдатам под командованием П.А. Румянцева, но называл преувеличенные данные о силах русской армии, о потерях. Делались позитивные выводы о слабости командного состава османских войск и о превосходстве регулярной русской армии над иррегулярным войском сераскера Халиль-паши. Как писал И.Х. Узунчаршылы, горсточка русских солдат (17 тыс. человек) победила 100-тысячную армию необученных и недисциплинированных. Третья часть обротившейся в беспорядочное бегство османской армии пала, в руки победителей попало более 140 пушек и огромный обоз с продовольствием. Тем не менее едва не вся компания 1770 г. сводилась к одному сражению. И.Х. Узунчаршылы называл место боя Картал (Ларга) и далее — Картал, или Ларга. Ночное сражение 7(18) июля 1770 г. в долине р. Ларги при ее впадении в р. Прут, предпринятое П.А. Румянцевым с авангардными турецкими частями под командованием Каплан Гирея, и неожиданное для великого везира Халиль-паши наступление русских на его главные силы в 2–3 км от оз. Кагула, на р. Кагул, левом притоке Дуная, на рассвете 21 июля (1 августа) 1770 г. за несколько часов до запланированного массированного удара по русским войскам 120-тысячного конного турецко-татарского корпуса — суть два разных сражения. Победи-

ло русское военное искусство: прогрессивная маневренная тактика ведения боя, принятая П.А. Румянцевым.

Другое сокрушительное поражение Турции в июне 1770 г. на море, в Чешменской (Чесменской) бухте остается и поныне в поле зрения турецких историков. Признание общеизвестного факта — разгром османского флота русской эскадрой, более чем вдвое уступавшей противнику по численности и огневой мощи, — дополняется, однако, таким образом, чтобы принизить инициативный характер действий русского флотского командования и отвагу русских моряков, представить исход сражения как фатальную предопределенность. Исследования отечественных и зарубежных авторов однозначно трактуют операцию при Чесме, задуманную и исполненную при деятельном участии контр-адмирала Эльфинстона, англичанина на русской службе, С.К. Грейгом, Г.А. Спиридовым и А.Г. Орловым, как образец русского военно-морского искусства нового времени.

Эти сухопутные и морские сражения вынудили Порту искать мира. Однако анализ конфликтных ситуаций на примере русско-турецких войн, особенно войны 1768–1774 гг., убедительно доказывает, что та сторона в конфликте, которая соскользнула на последнюю ступень тотального разрушения, включая саморазрушение, и не контролирует либо слабо контролирует его, представляет серьезную опасность не только как противник, готовый к фатальной экспансии конфликта, но и как партнер с неадекватной реакцией на позитивные предложения по разрешению конфликта.

В действительности, в заключении мира нуждались обе стороны. Для Османской империи он дал спасительную передышку, для царского правительства — возможность сосредоточить все силы для борьбы с нараставшей народной войной под руководством Е.И. Пугачева и предотвратить углублявшуюся конфронтацию с европейскими державами.

Мирную инициативу еще в сентябре 1770 г. проявила русская сторона, направив к великому везиру Халиль-

паше одного из офицеров штаба П.А. Румянцева и надлежащими полномочиями. Пока Халиль-паша затягивал ответ и сочинял “дружественное послание русскому маршалу” Румянцеву, османское правительство получило заверение Австрии и Пруссии о готовности выступить посредниками на переговорах между Россией и Турцией.

Стремясь закрепить достигнутый успех, Порта заключила с Австрией так называемый “Тугутов” тайный договор (по фамилии австрийского посла в Стамбуле, сыгравшего ключевую роль в заключении договора). Ценой уступки Австрии Малой Валахии и выплаты ей 10 млн курушей на военные действия в Европе Османская империя рассчитывала, что Австрия “политическим давлением или военными действиями” заставит Россию отказаться от занятых османских территорий. Посредничество Австрии и Пруссии Россией, однако, было отвергнуто. Переговоры не состоялись, но, как отмечено в турецкой хронике, Австрия “так и не оказала реальной помощи, хотя получила Буковину и большие денежные средства”. Следует подчеркнуть, что, воспользовавшись попыткой Порты поставить русско-турецкие переговоры под контроль третьей стороны, Австрия в первый, но не последний раз под условием военного союза вырвала у Османской империи капитуляционное право наибольшего благоприятствования. Этот прием впоследствии неоднократно применялся европейской дипломатией в отношении Турции.

Последующие годы, вплоть до подписания Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 г., были и для Османской империи, и для России годами поиска приемлемой формулы мирного договора. России приходилось идти на определенный компромисс при выработке окончательных условий мирного трактата. Турция отчаянно боролась за свой статус владычицы “Белого (Средиземного) и Черного морей”, за безоговорочный суверенитет, причем не на землях, непосредственно входивших в состав Османской империи, о них не шла речь на переговорах. Порта стремилась удержать за собой насе-

ленные частично исламизированными народами Крым, Северный Кавказ, часть Закавказья, т.е. территории, непосредственно примыкавшие к русским владениям и постепенно входившие в состав Российского государства, чаще всего по доброй воле народов.

В зарубежной историографии неоднократно повторялась мысль, высказанная американским османистом Г.-Л. Льюисом, что война 1768–1774 гг., вообще войны XVIII в. в определенной мере способствовали формированию более осторожного внешнеполитического курса Селима III и Махмуда II. Сдвиги в этом направлении начались в 70-х гг. под влиянием военных и политических неудач Мустафы III. Его планы на военное сотрудничество с Австрией и Пруссией рухнули в 1772 г., когда Иосиф II в одностороннем порядке прервал действие “Тугутова договора”. Основными причинами этого стали активное участие Вены в разделе Польши и внушительные победы русского оружия над Турцией. Порты еще пыталась поддерживать честолюбивые амбиции Барской конфедерации поляков; сообщила, например, конфедератам, что неудача фокшанских переговоров с Россией связана с твердой решимостью Порты отстаивать независимость Польши. Однако это был не более, чем дипломатический демарш в интересах больше Франции, чем самой Турции. Судьба Польши решалась Австрией, Россией, Пруссией без участия Турции.

Что же касается переговоров в Фокшанах, которые в августе–сентябре 1772 г. вели с турецкой стороны реисулькютаб Осман-эфенди и от столичных улемов мулла Айя Софьи (Святой Софии) Яссинджизаде-эфенди, с русской стороны — Г.Г. Орлов и А.М. Обресков, то ни в русских, ни в турецких материалах не нашел отражения вопрос о Польше. Важно подчеркнуть другое — обе стороны отвергли как “неосновательные” претензии послов Австрии и Пруссии на посредничество. Складывался принцип прямых переговоров между Россией и Османской империей, который более всего отвечал интересам обеих сторон.

На переговорах в Фокшанах и затем в Бухаресте (октябрь 1772 — март 1773 гг.) были сформулированы основные положения будущего мира. При этом русская сторона отступила от первоначального требования полной независимости Крыма. Однако потребовалось еще одна военная кампания, в ходе которой турецкая армия потерпела сокрушительные поражения под Базарджиком, Козлуджи и Шуменом, чтобы в июне 1774 г. турецкое командование запросило перемирия.

В начале июля в местечко Кючук-Кайнарджи для подписания мирного трактата выехали опытный дипломат Нишанджи Ресми Ахмед-эфенди и новый рейс-сулук-таб Ибрагим Мюниб-эфенди. С русской стороны участвовали П.А. Румянцев и генерал Н.В. Репнин, через два года возглавивший посольство в Турцию. Поскольку основные положения были согласованы на предшествующих переговорах, то на завершение оформления договора потребовалось всего пять дней.

10(12) июля 1774 г. мирный трактат был подписан. Самый обширный и детализированный из всех русско-турецких договоров, Кайнарджийский договор послужил основой всех последующих мирных трактатов между Россией и Турцией. Он включал двадцать восемь гласных и два сепаратных артикула (статьи). В группе территориальных вопросов была утверждена полная независимость Крымского ханства в политическом отношении*. Сохранялась в формулировке общего характера религиозная зависимость мусульман от халифа-султана Османской империи.

К России перешли Керчь, Еникале и Кинбурн, а также Азов — крепости ключевого значения с обширными прилегающими территориями. Большая и Малая Кабарда и, следовательно, осетинские земли, зависимые от кабардинских феодалов, утверждались как вошед-

* В трактате перечислялись собственно татарские и ногайские племенные группы, населявшие Крымский полуостров и кочевавшие в Причерноморье и на Кубани. Часть из них ориентировалась на Россию, другие — на Крымское ханство. Прямых связей со Стамбулом они не поддерживали.

шие в состав Российской империи. Отныне Крым и все Северное Причерноморье перестали быть плацдармом турецко-татарской агрессии в отношении южнорусских земель. Военному и политическому давлению османского халифа-султана на южном направлении Россия противопоставила последовательную военно-хозяйственную политику закрепления на новых землях, расширения связей с дружественными народами Северного Кавказа и через них с Закавказьем.

Балканское направление в русско-турецких отношениях после 1774 г. приобрело самостоятельное значение и было закреплено в другой группе артикулов. Возвращенные под сюзеренитет султана Дунайские княжества должны были получить ранее упраздненные привилегии — фиксированная дань, свобода вероисповедания, владение недвижимостью в городах, несменяемость господарей, запрещение туркам селиться на территории княжеств.

Важное политическое значение имели статьи (артикулы) о праве русских дипломатических представителей в Константинополе “говорить в пользу сих княжеств”.

Два артикула (7 и 14) предусматривали строительство православной общедоступной, вне резиденции русского представительства, церкви в Галате на улице Бейогу с правом “делать по всем обстоятельствам” в пользу этой церкви представления. “Блистательная Порта обещает твердую защиту христианскому закону и церквям иного” (арт. 7). Тем самым обеспечивалась определенная правозащита всех христианских подданных Турции.

За счет переселенцев с территории Османской империи на юг России существенно расширились возможности применения вековых трудовых навыков греков, молдаван, валахов и т.д. в многотрудном деле — освоении приобретенных Россией причерноморских земель. Укреплялось сотрудничество балканских и северокавказских народов с русским.

По двум артикулам (11, 12) на Российское государство распространялись все льготы и привилегии, которые

имели другие европейские державы на основе капитуляционных соглашений, предоставленных им Портой в 1535–1740 гг.

Черное и Средиземное море открывались для русского торгового судоходства. Через Проливы получили право проходить торговые суда под российским флагом, но не свыше определенного тоннажа. Учреждалась консульская служба. Царское правительство отступило от выдвигавшегося до марта 1774 г. требования военного судоходства в Проливах. Однако были обеспечены равные с Англией и Францией права на военный флаг в Средиземном море, а также узаконенное строительство российского флота в черноморских портах крепостях России. Договор 1774 г. превращал Россию в средиземноморскую державу.

Отдельная группа артикулов фиксировала морально-политические аспекты отношений двух соседних держав. Турция признавала императорскую (падишахскую) титулатуру русских царей (арт. 13). Повышался до ранга посланника (эльчи) статус русского представителя в Константинополе (арт. 5). Контрибуция в 15 тыс. кесе (4,5 млн сереб. руб.), включенная в сепаратный артикул, носила скорее престижный характер, нежели имела серьезное значение для финансов России*.

Стороны оговаривали также ряд вопросов по скорейшей нормализации отношений, включая обмен чрезвычайными посольствами.

Кючук-Кайнарджийский договор сохранял свое значение на протяжении всего времени существования Восточного вопроса. Он был отменен только в 1921 г., по советско-турецкому договору.

* Военные расходы России в 1771 г. оценивались в 25 млн рублей. В 1773 г. А.М. Обресков называл турецким представителям сумму контрибуции в 40 млн рублей.

Султан-халиф против царя-покровителя. Или об опасностях эпистолярного экспансионизма в политике

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира обе стороны приступили к его исполнению. В том, как началось выполнение основных статей договора, проявились два различных подхода к перспективе дальнейшего развития всего комплекса внутренних и международных проблем, складывавшихся в зоне Проливов, Восточного Причерноморья, Балкан и Закавказья.

Османская империя стремилась отсрочить или утопить в оговорках главные статьи трактата 1774 г. и придать ему характер дискуссионный, с привлечением Запада. Россия боролась за сохранение сложившейся системы, за скорейшее “заведение непосредственной торговли” с Турцией, за освоение новых территорий Юга России, за выполнение условий договора о Крыме и о Дунайских княжествах. Однако и Россия не исключала допуск третьей стороны в конфликтные ситуации.

Оба подхода повлекли массу осложнений.

Однако в начале состоялся обмен чрезвычайными посольствами, главной целью которых было доставление ратификационных грамот. И это было важно для обеих стран. Послом в Россию был назначен личный представитель султана — бейлербей Румелии Абдул Керим-эфенди. Миссия его в Петербурге носила чисто протокольный характер, так как размен ратификационных грамот был уже завершен в Константинополе. Сам посол был почти в ужасе от русских просторов и долгих дорог.

Иные задачи были у чрезвычайного русского представителя, участника недавней войны, генерала Н.В. Репнина, получившего в апреле 1775 г. пространные инструкции Екатерины II для посольства в Константинополе. Характер и содержание инструкций отражали основные направления турецкой политики России в регионе. Человек пунктуальный, хорошо знавший Турцию с позиций военного, Н.В. Репнин по дороге

в Константинополь (в Киеве, в Бухаресте и других городах) “прилагал все усилия, старался узнать, согласно повелению, какие артикулы более нужны как туркам, так и прочим живущим на берегах Черного и Средиземного морей, как из сего пользу взаимную извлечь...”

Главное внимание уделялось двум центральным проблемам этих лет — независимости Крыма и свободе торгового судоходства в Черном море. Проблема крымских и ногайских татар трактовалась как невмешательство обеих сторон в “дело татарской вольности”.

Свобода русского торгового судоходства в Черном море и проход судов под торговым флагом России через Босфор и Дарданеллы были представлены Порте как наилучшая возможность укрепления добрососедских отношений, источник доходной торговли, прежде всего между подданными обеих держав. В то же время Н.В. Репнин должен был подчеркнуть, что Черное море будет рассматриваться Россией как закрытое для любых судов третьих держав.

Впервые в инструкциях полномочного представителя правительства России появился пункт, который будет более ста лет присутствовать в аналогичных документах: “...точное везде наблюдение, дабы единоверные наши нигде утесняемы не были по причине их вероисповедания, и чтобы Вы во всяком случае ходатайствовали за оное и за православные церкви при Порте вследствие мирных артикулов VIII, XIV, XVI и XVII, требуя скорого поправления в беспорядках”.

Далее в общей форме говорилось о защите интересов балканских подданных Турции, о строительстве портов и крепостей на новых границах России. В осторожной и деликатной форме Н.В. Репнин должен был нейтрализовать влияние посланников Франции, Швеции, Австрии, действуя в согласии с представителями Пруссии, Англии и Венеции в Константинополе.

Ориентация на прямые контакты во всем, что касалось собственно России и Турции как суверенных черноморских держав, отнюдь не означала ни искусственной изоляции Порты в европейской политике, ни созда-

ния в Константинополе нового центра силового воздействия на поверженного противника с опорой на приобретенные права покровительства христианским подданным султана.

Посольство Н.В. Репнина отправлялось в путь в неблагоприятное время. Война с Россией повлекла дальнейшее углубление феодальной смуты в Османской империи, ослабление власти Порты даже в центральных малоазиатских вилайетах, дезорганизацию в армии. Для военных действий с Ираном, вскоре открывшихся, удалось собрать едва половину необходимых войск. Страна была на грани финансового краха.

Осложнилось внешнеполитическое положение Османской империи. Кючук-Кайнарджийский трактат в такой же мере ослабил международные позиции Порты, в какой усилил авторитет и значение в Европе екатерининской дипломатии.

Австрия укрепляла свои крепости вблизи Хотина, накапливала войска на границах балканских пашалыков. Перманентная напряженность сохранялась на тысячах километров ирано-турецкой границы. Некоторую помощь инструкторами для армии и продажей кораблей для воссоздаваемого после Чесмы турецкого флота оказывала Порте Франция, но ее поддержка сокращалась по мере нарастания социальной напряженности внутри самой Франции и сближения России с Австрией.

По существу лишённые поддержки извне, без надежной армии султан и его окружение были вынуждены считаться с мощной оппозицией договору в кругах столичных улемов, выступавших вместе с монашескими дервишескими орденами и верхушкой эснафов и, как обычно, опиравшихся на толпы константинопольского люмпена. Сюда же примыкали феодалы-тимариоты, аяны всех рангов, недовольные Мустафой III и его преемником Абдул Хамидом I (1774–1789). И все они требовали сохранения Крыма в составе османских владений, не считаясь ни с положением дел в империи, ни с реальностью обстановки на самом Крымском полуострове.

Крым стал острой проблемой региона. Итогом длительных, до 1779 г., переговоров Н.В. Репнина, затем А.С. Стахиева и А.В. Маркова с великими везирами и высшими должностными лицами империи при участии султана явилось подписание 10(21) марта 1779 г. Айналы-Кавакской изъяснительной конвенции. Все остальные статьи Кючук-Кайнарджийского договора были подтверждены. Главные артикулы конвенции подтверждали полную административную независимость Крыма от Порты. В августе 1779 г. представитель прорусской группировки в правящих кругах Крымского ханства Шахин-Гирей получил специальную “благословительную грамоту” халифа-султана на сотрудничество с Россией. Представителем Крымского ханства при Высокой Порте стал бывший посол в России Абдул Кадыр, назначенный реисулькютабом. Турецкая сторона формально отказалась от противодействий независимости Крыма, объявила о прекращении поддержки наследственного принципа престолонаследия в ханстве, что давало Порте в прошлом возможность существенно влиять на выбор хана, так как ханский домен, фамильные земли Гиреев находились в Балканской Турции и были под неусыпным контролем Константинополя.

Однако и Турция добилась от России серьезных уступок. Очаковская область, земли между Днестром и Бугом, возвращались Порте, но без права заселения турками. Режим торгового судоходства в Проливах и тоннаж русского флота строго контролировались и устанавливались на уровне таковых Англии и Франции. Самое существенное достижение османской дипломатии заключалось в юридическом признании халифата как основы идейно-политической зависимости татарского населения Крыма и прилегающих районов от турецких султанов. Провозглашенная в конвенции (ст. 2) возможность для крымского населения посылать в Константинополь прошения к султану с просьбой “духовного его благословения как хану, так и всей нации татарской” использовались протурецкими кругами в ханстве и в Турции как повод для бесчисленных посольств

к “Высокому Порогу” как от бесчисленных мулл и улемов, так и от соперничавших мурз-чингизидов, несмотря на то, что конвенция устанавливала образец таких жалоб, ограничивая их сугубо религиозным содержанием.

Взятое на себя Портой по договору 1774 г. обязательство “не препятствовать, каким бы то образом ни было, исповеданию христианского закона совершенно свободно” в пределах Османской империи, по конвенции 1779 г. уравнивалось обещанием России “не прекословить и не противиться всему тому, что необходимо нужно или свойственно быть может их, татарам с турками, единоверию...”. Русский царь стал покровителем христианских подданных султана, который, в свою очередь, получил определенные духовные права на миллионы мусульманских подданных царя. Это обязательство затем десятилетиями обыгрывала турецкая дипломатия.

В глазах османских правящих кругов иной, кроме основанной на принципах подчинения исламу, договоренности с “неверными” и быть не могло. Следовательно, независимость Крыма, утвержденную трактатом 1774 г. и закрепленную конвенцией 1779 г., улемы при желании всегда могли объявить противоречащей шариату и несуществующей, что и делали вплоть до Крымской войны (1853–1856). Решение вопроса о Крыме на международно-правовом уровне несло, следовательно, в себе элементы самых острых разногласий ввиду применения турецкой дипломатией полузабытого с XVI в., но возрожденного и весьма действенного в борьбе с немусульманским, в политическом и военном отношении более сильным противником идейного оружия “халифата” — верховной безоговорочной власти турецкого султана над десятками и десятками миллионов мусульман от Днестра до Енисея. Вооруженный конфликт приобрел иные, идеологические очертания. В конечном итоге не было снято острое противостояние России и Османской империи, поскольку противоречия не нашли удовлетворительного разрешения.

Что касается интересов России, то они были ограждены подтвержденным договором, а конвенция 1779 г.

давала возможность завершить подготовку к окончательному воссоединению Крыма и южнорусских земель. Спорные проблемы казались четко очерченными. Методы их решения определялись: согласованно решать острые вопросы (Крым, новый торговый тариф и т.д.). Однако и Турция, и Россия имели особые мнения. Турция с некоторым применением европейской помощи возрождала флот, армию и укрепляли пограничные крепости. Россия усиливала свое военное присутствие в районах Керчи, Еникале, Кинбурна, Кабардинских земель. Эти меры были вполне оправданы, если учесть нарочито замедленный вывод турецких войск из Крыма и острейшую борьбу за власть среди царевичей Дома Гиреев, а также непрерывные нападения отдельных отрядов крымского хана при поддержке Турции на сопредельные Крыму южнорусские территории.

Выяснилось, что бесконечное число воинствующих монахов — дервишей — пожелало вдруг навестить исламские святыни на отходящих к России землях. Туда же зачастили военные и финансовые мужи из Константинополя.

К началу 1783 г. стало ясно, что Крым, Тамань и Прикубанье оказались на грани междоусобной войны местных феодалов. Часть из них готовилась перейти в полное и безусловное подданство России. Другие столь же решительно требовали сохранения власти турецкого султана-халифа. Новая угроза войны нависала над всем российским Причерноморьем.

В этой обстановке в апреле 1783 г. был издан “Манифест о присоединении Крыма, Тамани и Кубанской земли к России”. Пять месяцев спустя “полудержавный властелин” Юга России Г.А. Потемкин сообщал в Петербург о “добровольной и спокойной обстановке”, в которой население Крыма приняло присягу на верность России. Одновременно в Крыму были отменены многочисленные налоги, аналогичные османской системе, и принудительная служба в турецко-татарской армии.

В России были готовы к тому, что Турция может объявить войну. Однако обескураживший Порту мир-

ный характер принятия мусульманским населением Крыма русского подданства, отсутствие надежных бое-способных войск, а также “умиротворяющее воздействие” Англии, Франции и Австрии на Порту при “одоб-рительном умолчании” Пруссии, опасавшихся, что в случае новой войны Россия может приобрести непред-виденно большую часть балканских земель, определили выжидательный характер действий Турции.

В конце декабря 1783 г. Я.И. Булгаков подписал в Константинополе акт о Крыме, по которому, как он докладывал в Петербург, “артикулы о татарах навеки уничтожены, и последние наши распри с Портою кон-чены”. В январе 1784 г. в Константинополе был обна-родован сенед — султанский указ, — гласивший, что Османская империя принимает и признает вхождение Крыма в состав Российской империи.

Крымский вопрос отныне стал делом внутренней по-литики российского государства. Россия получила ре-альную и обеспеченную возможность продолжать со-здание военного флота для обороны Юга страны, раз-вивать богатейший экономический потенциал Украи-ны и Причерноморья.

Свобода коммерческой навигации в Проливах и вы-ход на рынки Средиземноморья являлись неотъемле-мой частью всей Восточной политики России. Это хо-рошо понимали в Константинополе и отнюдь не соби-рались в этом России содействовать.

Еще в период подготовки Айналы-Кавакской кон-венции турецкие представители ставили вопрос о жест-ком контроле за торговым судоходством в Черном мо-ре и Проливах. В 1782 г. Османская империя, проде-монстрировав свою позицию как крупной морской дер-жавы, примкнула к вооруженному нейтралитету евро-пейских держав против британских каперов. Этими дей-ствиями она еще раз привлекла внимание держав к про-блеме Черноморских проливов. Однако после 1784 г. время для демаршей было для Порты неудачным. Анг-лия и Франция находились в остром конфликте. Между Россией и Австрией шло сближение. Россия же была,

кроме всего прочего, занята окончательным решением вопроса о Крыме и реализацией Георгиевского договора (подписан в августе 1783 г.) о покровительстве над Восточной Грузией, и обострение отношений с Турцией могло только мешать важному направлению русской политики.

Высокий уровень принятия решений в России по военным и политическим вопросам, близкая к оптимальной соотношенность целевых установок в политике с реальными силами армии и флота для их обеспечения — все это оказывало сдерживающее влияние на латентный конфликт в балкано-ближневосточном регионе.

Впрочем, сдержанность в сфере силовых решений отнюдь не означала, что Екатерина II вовсе отказалась от зондирующей дипломатии и от того, что мы бы назвали эпистолярным экспансионизмом.

Последнее тридцатилетие XVIII в. выявило во внешней политике России несколько новых аспектов как общеевропейского, так и религиозного характера. С наибольшей полнотой они воплотились в Восточном вопросе. Идеологическим фоном противостояния России и Османской империи явились две новации в политическом репертуаре Екатерины II и Абдул Хамида I — “греческий проект” и “халифат”, т.е. духовная власть турецкого султана над всем мусульманским миром, о котором говорилось выше.

Ввиду противоречивости литературы по затронутым вопросам и крайней политизированности идеи главенства стоящего у власти исламского лидера над мусульманским социумом (в приложении не только к XVIII в.) необходимо дать компактное осмысление “греческого проекта” и халифата в рамках Восточного вопроса.

“Греческий проект” — совокупность гипотетических и реальных внешнеполитических планов России на Балканах и Ближнем Востоке на первом этапе Восточного вопроса. Он сложился в обстановке победы России над Османской империей в войне 1768–1774 гг.

и выхода России в Черное и Средиземное моря, а также в условиях значительной активизации освободительных движений балканских подданных Порты, прежде всего греков.

Инициатива и авторство базовой модели “греческого проекта” принадлежали личному секретарю Екатерины II графу А.А. Безбородко, который одновременно ведал сношениями России с Балканами и Востоком. Первые наброски проекта появились в 1780 г. среди условий предполагавшегося союзного договора России с Австрией. Во время личных контактов Екатерины II и императора Австрии Иосифа II при обсуждении вопросов вероятной войны России с Османской империей из-за Крыма также обсуждались варианты раздела османских владений в Европе в случае разгрома и падения султана Абдул Хамида I.

Как писал И.Х. Узунчаршылы, прусские дипломаты в Константинополе сообщили об австро-русском сближении и готовящемся военном союзе еще до того, как Екатерина II и Иосиф II встретились в Могилеве.

Узунчаршылы первым из турецких современных историков отметил, что инициативная роль в сближении с Россией принадлежала Австрии, стремившейся к захвату сербских земель. — *Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı tarihi.*

В современной западноевропейской и американской историографии либерального направления “Греческий проект” рассматривается как ответ России на франко-прусские планы отбрасывания России в Европе; как нереальный, но в целом благоприятствующий общему усилению России в Черном море. См.: *Anderson M.S. The Eastern Question 1774–1923. London — New York. 1966.*

По мнению другого исследователя, проект служит показателем крушения идеи Панина — “Северной системы”. — *Ransel D.L. The Politics of Catherinean Russia. The Panin Party. New Haven–London. 1975.*

Умеренный скептицизм в отношении возможности осуществления планов Австрии и России в рамках упомянутого проекта высказывают и некоторые другие ис-

следователи истории России. — *Cronin V. Catherine, Empress of all the Russias. New York. 1978; Madariaga I. de. Russia in the Age of Catherine the Great. London. 1981.*

М. Эткин увидел в проекте скорее мессианскую, чем практическую направленность, в отличие от реальной закавказской политики России. Но все же он счел его выражением активизации восточного направления международной политики России. — *Atkin M. Russia and Iran 1780–1828. Minneapolis. 1980.*

Согласно “греческому проекту”, могли быть созданы два государства: совершенно не зависимая от России Греческая (Восточная) империя во главе с внуком Екатерины Константином Павловичем, с условием его отречения от притязаний на российский престол, со столицей в Стамбуле (Константинополе); и зависимая от России, но самостоятельная Дакия. В порядке компенсации Австрия могла бы получить Сербию, Боснию и Далмацию, Франция — Египет. Сохранение всех азиатских владений за османской династией считалось само собой разумеющимся.

В проекте, носившем в целом утопический характер, не конкретизировались способы его реализации, не учитывалась возможная реакция других держав Европы на тот факт, что при самых незначительных территориальных приращениях Россия получила бы гарантированную свободу военных и коммерческих навигаций в Черноморских проливах и политическое преобладание на Балканах, освобождаемых от турецкого господства. Австрия восприняла этот политический зондаж как стратегическую программу передела Европы и потребовала защиты своих интересов при возможных осложнениях отношений с Пруссией и Францией, что совершенно не входило в планы России.

Присоединение Крыма к России (1783 г.), антирусская позиция Франции, охваченной вскоре Великой буржуазной революцией, и Англии, вовлеченной в войну со своими американскими колониями, наконец, война с Турцией 1787–1791 гг. свели на нет практическое

значение для Европы и Турции “греческого проекта”. Отдельные звенья его получили свое воплощение в содействии России укреплению автономии Дунайских княжеств, в поддержке вооруженной борьбы за свободу сербов и греков в 1804–1829 гг., других балканских народов. Однако не раздел Османской империи и воцарение в Проливах, а политика “сохранения слабого соседа” определила политику России в этом регионе более, чем на столетие.

Впрочем, противники России пользовались “греческим проектом” как идеологическим оружием на международной арене в течение всего XIX в. Одновременно он стимулировал возродившийся в 70–80-х гг. XVIII в. в турецкой политике оружие — “халифат”, т.е. идею безоговорочной верховной власти турецкого султана над всем мусульманским миром.

Вместе с тем, проект оказал воодушевляющее воздействие на тех общественных деятелей на подвластных туркам Балканах, которые рассчитывали на помощь России в освобождении от османского владычества. А это обстоятельство, в свою очередь, побуждало султана и Высокую Порту к распространению идей халифата среди мусульманских подданных России.

Происхождение термина “халифат” в его политическом звучании было столь же искусственным, как и “греческого проекта”. Халифами — повелителями правоверных (мусульман) считалось достаточно номинально правители-халифы Аббасидской династии, а после занятия Сирии и Египта (1517 г.) их титул и земли унаследовали османские султаны. В 1779–1782 гг. драгоман шведского представительства в Стамбуле Хасаноглу Мурат-эфенди (перешедший в мусульманство Мурад-джа д’Оссон) по предложению турецкого ведомства иностранных дел (в связи с войной с Россией, восстаниями и утратой ряда земель) разработал основные идеи халифата.

Главными из них были: абсолютная власть турецкого султана как над истинными правоверными, так и над

принявшими ислам христианами на Балканах; территориальная неограниченность (весь земной шар!) духовного владычества султана-халифа; абсолютная прерогатива назначать или сменять духовных лиц высшего ранга как в “Богоспасаемом пределе” — т.е. в Османской империи, — так и на территориях, “временно занятых иноверцами”, и получать отовсюду шариатские налоги в пользу султана-халифа. Это относилось к Крыму, землям в Причерноморье (позднее — в Юго-Восточной Европе) и на Северном Кавказе.

Особо подчеркивалось, что власть султана-халифа распространяется на мусульман-суннитов Средней Азии, Афганистана и Индии, но регулируется отдельными хаттами — актами, по сравнению с теми, которые издаются в отношении земель, занятых Россией. Такой двойной стандарт должен был исключить столкновение с Англией.

Вооруженное воплощение идей халифата — джихад, т.е. “священная война” с иноверцами (или газават), — применялось впоследствии всякий раз при осложнении политических отношений между Россией и Османской империей. В отличие от забытого “греческого проекта” потребовался специальный декрет Кемаля Ататюрка, создателя демократической Турции, чтобы упразднить принципы халифата.

Столь пространная ремарка потребовалась не только для полноты картины в османо-русском конфликте двухсотлетней давности. *Важно подчеркнуть, что в современной политической истории гальванизация проектов джихада — газавата, к которой прибегают отдельные исламские лидеры Ближнего и Дальнего Зарубежья, не может иметь иного исхода, как спонтанное возрождение из тлена и праха какой-либо подобной, провоцирующей эскалацию конфликта идеи в немусульманской среде. Причем на огромной территории. А это уже опасность глобального характера.*

Очаковский кризис. Стимуляция напряженности внешних параметров конфликта

Итак, в 80-х гг. XVIII в. перед Османской империей стояли сразу три сложнейшие региональные проблемы: крымская, балканская и грузинская. Во всем, что касалось противодействия России в Закавказье, Порты предпочитала действовать без согласования и без помощи западных держав. Подтвердив в январе 1784 г. факт воссоединения Крыма с южнорусскими землями, Порта решительно отказалась признать Георгиевский договор России с Ираклием II и покровительство России над Восточной Грузией, ссылаясь на свой Кючук-Кайнарджийский договор с Россией и на турецко-грузинский договор 1776 г. с Ираклием II (по турецкому написанию — Эрекли-ханом), который признал покровительство Османской империи перед угрозой кровавого иранского нашествия.

Дело в том, что Порта не могла реализовать прямой контроль над грузинскими землями и прибегла в 70–80-х гг. к тактике соглашений с отдельными грузинскими владетелями на условиях их внутренней автономии, но при сохранении общего османского сюзеренитета. Порта в 1783–1785 гг. предприняла при этом ряд мер по повышению боеспособности своих войск в Ахалцихском, Эрзурумском и Карском пашалыках. Ахалцихский вали Сулейман-паша во исполнение воли халифа-султана призывал всех мусульман Кавказа к джихаду (газавату) против русских и грузин, нарушавших, по мнению Турции, договор Ираклия II с султаном и потому “подлежавших наказанию”. Впоследствии османские хронисты и историки не раз упрекали Высокую Порту за то, что она своевременно не объявила грузинские владения Эрекли-хана (Ираклия II) мусульманскими и, “позволив аджарским беям бесчинствовать в Грузии, толкнула грузинов искать спасения в России”.

Общее направление кавказской политики Порты состояло в том, чтобы сплотить под зеленым знаменем

султана-халифа мусульманских правителей Северного Кавказа и Закавказья, по возможности привлечь Среднюю Азию и татар Поволжья, подготовить выступление Кабарды и Бухары против России, добиться для Восточной Грузии статуса, аналогичного Крыму, — независимости от обеих сторон.

Крымский и балканский вопросы Порты предпочитала все же согласовывать с западными державами. Османское руководство противопоставило идейной направленности “греческого проекта” знамя халифата, а растущему влиянию России в Дунайских княжествах и Греции — свои торговые и политические связи с Пруссией и Швецией. С Пруссией — как противницей Австрии, являвшейся партнером России по “греческому проекту”. Густаву III с помощью английских дипломатов и через чрезвычайное османское посольство в Швецию подробно обрисовали перспективу потерять Финляндию подобно тому, как “Турция утратила Крым”.

Дипломаты Порты, как видим, хорошо знавшие ситуацию в Европе, учитывали, что усиление России в бассейне Средиземного моря крайне беспокоило Англию. Английскому посланнику в Константинополе Р. Энсли подробно рассказывали о “подстрекательствах” русских консулов на Балканах и в Искандеруне, а также среди “неблагодарных” мамлюков Египта — выходцев из “русской Грузии” и Черкесии, поддерживающих якобы связи с Эрекли-ханом и через него — с Россией.

И находили слушателя внимательного и заинтересованного: Р. Энсли готовил англо-шведско-турецко-пруссский союз против России. Наибольшей поддержки и понимания Р. Энсли добился в ведомстве командующего флотом — капудан-паши Гази Хасан-паши, энергичного сторонника преобразований и ярого противника России, а также в канцелярии реисулькютаба Фейзи-эфенди. Последний делился с Р. Энсли информацией из России и охотно прибегал к опыту и богатейшей информации британского посланника при составлении документов, предназначенных вызвать в Европе сочувствие к Порте.

Через английское посольство в распоряжение Порты в 80–90-х гг. поступали и переводились греками-драгоманами посольства английские и французские брошюры и памфлеты, рисовавшие восточную политику России как направленную к уничтожению Турции, спасение которой — суть главная забота Англии (Дж. Сазерленд, У. Итон) или Франции (К. де Пейсоннель, Ф. Арну) — в зависимости от места службы этих авторов.

В английских изданиях все громче звучала “русская угроза” Индии и “теплым морям”. Во французских изданиях чаще акцентировалось усиление России в торговом и военном отношении на Черном море, поскольку французская дипломатия надеялась на проникновение в Причерноморье раньше Англии. Показательна в этом отношении памятная записка посланника Франции в Турции М.-Г. Шуазеля-Гуффье к Высокой Порте от 11 мая 1786 г. В ней в энергических выражениях обрисовывалась трагическая для будущего турецкой экономики и Османской империи вообще перспектива морского прогресса России. Остановить Россию и тем спасти Порту мог был только широкий и беспрепятственный проход кораблей Франции в Черном море. Посланник умалчивал — военных или торговых.

Наиболее полное представление о политических целях Турции дает ультиматум, врученный 27 июля 1787 г. Я.И. Булгакову реисулькюттабом Сулейманом Фейзи-эфенди. В нем содержалось требование удалить русских консулов из Дунайских княжеств и выдать бежавшего в Россию молдавского господаря; отказаться от протектората над Грузией и вывести оттуда все русские войска; основать турецкие консульства во всех портовых городах и гаванях Крыма. Четыре других требования касались экономических вопросов — передать Порте очаковские соляные промыслы; ввести военный досмотр русских торговых судов, идущих через Проливы, и ограничить список разрешенных к купле-продаже русскими торговцами товаров; обеспечить турецким торговцам равные с русскими купцами права

в их коммерческой деятельности во всей России. Вопрос о Крыме был сформулирован в беседе с русским посланником еще через несколько дней однозначно — “когда возвратите Крым?” Подобное сочетание территориальных и экономических претензий будет проследиваться далее в серии представлений турецкой стороны к России в XIX в.

Я.И. Булгаков отверг пункты ультиматума о Дунайских княжествах, Грузии, Крыме. По остальным просил отсрочки для консультаций с правительством.

Позиция России была хорошо известна Порте. Еще в начале января 1787 г. Я.И. Булгаков сообщил Сулейману Фейзи-эфенди, что Россия будет всемерно избегать вооруженного столкновения с Турцией, но войска ее “в полном движении у границ”. Россия, как говорил посланник, была готова рассмотреть все экономические претензии Османской империи и торжественно заявила, что стремится к миру, а не к территориальным расширениям*.

Условием добрососедских и взаимосогласованных решений должно было стать прекращение “турецких поползновений на Грузию, прекращение своеволия и нападений закубанцев”, совместная разработка соляных промыслов Очакова, создание русского консульства в Варне. Русский посланник подчеркивал неизбежность позиции России в вопросе о Крыме и выражал озабоченность развитием южнорусской торговли, включая свободный проход через Проливы. Подобная постановка вопроса отражала позицию умеренных кругов в царском правительстве, которые при поддержке Екатерины II, отказавшейся от дальнейшего муссирования “греческого проекта”, ратовала за первоочередное хозяйственное освоение Юга России, включая и Крым, и сугубо политические, мирные способы укрепления влияния России на Балканах, в Восточном Средиземноморье, в Закавказье.

* Трехтысячный отряд русских войск, находившийся в Восточной Грузии согласно соглашению (1786 г.) между Россией и Ираклием II, был выведен в Россию в начале сентября 1787 г.

Однако мирные переговоры мало входили в расчеты османских правящих кругов и англо-французской дипломатии. Просьба Я.И. Булгакова отложить ответ на ультиматум до получения новых инструкций была отвергнута. Русский посланник отправился в угрюмые казематы Семибашенного замка, привычную обитель русских посланников, на нищенское тюремное содержание в 25–27 пара в день, т.е. на 1 фунт хлеба и овощи. Правда, стража, кривясь и прикрывая нос и рот, приносила гяуру по кувшину вина в день.

Война 1787–1791 гг. выявила несколько новых моментов в генезисе конфликтов Османской империи с Россией. Впервые Порта начинала войну, подготовив заранее, как надеялись в Константинополе, общему-сульманский джихад на Северном Кавказе, в Закавказье и Прикубанье. Призыв халифа к войне был также послан эмиру Бухары. Впервые в августе 1787 г. в Англию, Испанию, Неаполь, Пруссию, Данию, Голландию, Австрию, Швецию и Венецию были направлены послания с объяснением объявления войны России как предпринятой по требованию подданных султана, поднявшихся на защиту “Богоспасаемого предела”. Для того, чтобы оплатить предполагавшееся военное сотрудничество Швеции, были предприняты первые попытки военных займов в Голландии и Испании.

Новая война с Россией велась армией несколько подновленной и подученной европейскими инструкторами (А. Бонневаль, Ф. де Тотт и другие). Были отремонтированы укрепления крепостей на Черноморском побережье, в Боснии, Сербии и на Далматинском побережье. Возрожденный флот уже в 1785 г. превышал 30 современных многопушечных кораблей, через пять лет их число должно было удвоиться. Как писал И.Х. Узунчаршылы, в необходимой степени была изменена и улучшена организация сипахийских формирований, реорганизованы саперные части, введена полевая конная артиллерия и т.д.

В войне 1787–1791 гг. Россия, так же как и в предшествующей войне, сосредоточила основные силы на ев-

ропейском театре, “полагаясь на действия в Закавказье примирительные и политические, стремясь не столько подвинуть новых кавказских поданных на военные действия, сколько содействовать утверждению их верности и привязанности к России”.

Общая стратегия Порты на Кавказе заключалась в опоре на мусульманских правителей Северного Кавказа и Закавказья и на организацию защиты Еревана, Гянджи, других крупных центров и крепостей со значительным исламским населением. Попытки Абдул Хамида I и сменившего его на османском престоле в 1789 г. Селима III поднять на войну с Россией население северокавказских и прикубанских аулов с помощью ферманов, всевозможных обещаний и весьма ощутимых денежных субсидий бекам и мурзам остались безрезультатными. В сентябре 1790 г. кавказский корпус Баттал-паши, составленный из турецких нерегулярных войск и незначительного отряда, снаряженного за счет местных мусульманских беев, потерпел полное поражение. В первых числах июля 1791 г. сдался турецкий гарнизон Анапы. Реальных сил сдержать возможное наступление России в Восточном Причерноморье Порты не имела.

Во всем, что касалось поставок пушек для флота, армии, включая кавказские крепости, лично участвовал английский посланник Р. Энсли, потеснивший французских советников. Однако поддержка Англии не оказала существенного влияния на положение турецкой армии. На общий исход войны не могли оказать сколько-нибудь существенного влияния боевые действия с переменным успехом на австро-турецком фронте*. Военные

* Вступив в войну в соответствии с русско-австрийским договором, Австрия ограничила свои действия районами Сербии, Боснии и Дунайских княжеств. Затяжные сепаратные переговоры, которые ретисульттаб вел в Систове с декабря 1790 г. по август 1791 г. с представителями Австрии, завершились подписанием мирного договора (4 августа 1791 г.), по которому стороны возвращались к границам 1787 г. с некоторыми изменениями границы в пользу Австрии (за счет Боснии). Во время переговоров Порты перебросила часть войск на русский фронт, но безрезультатно.

действия на европейском театре начались с неудачного для турок десанта под Кинбурном в сентябре 1787 г. Несколько поражений османского флота, значительно превосходившего только что созданный русский черноморский флот, по существу, лишили сухопутную османскую армию и осажденные турецкие крепости на Дунае поддержки с моря. На суше инициатива была всецело в руках русской армии. Суворовские чудо-богатыри в ноябре 1788 г. овладели Яссами и Хотинном, в январе 1789 г. Очаковом и в декабре 1790 г. — Измаилом. Крупнейшие опорные пункты османской армии, веками считавшиеся оплотом и символом могущества Османской империи, пали. В сентябре 1789 г. в сражениях при Мачине и Рымнике войска под командованием А.В. Суворова нанесли сокрушительные поражения отборным частям янычарского корпуса. Янычары как часть вооруженных сил Османской империи после этого окончательно потеряли свое значение и стали использоваться как внутренние войска и полиция городов. Отдельные примеры мужественной стойкости в обороне спешенных сипахи и янычарских рот в кампаниях 1789–1790 гг. не могли возместить случайного подбора высшего командного состава, отсутствия согласованности действий в родах войск османской армии и откровенного нежелания основной части янычар “следовать воинскому долгу, несмотря на призывы командиров”.

Передовое русское военное искусство было неоспоримым. Оно произвело глубокое впечатление на европейцев, находившихся в числе советников при османской армии, и это в немалой степени предостерегло те силы в Англии, Пруссии и Голландии, которые угрожали России с Севера.

В Османской империи активизировалась часть реформаторски настроенных правящих кругов, которые выступали за скорейший мир с Россией, за обновление административного аппарата и создание армии нового, европейского типа.

Международный аспект войны 1787–1791 гг. еще более значителен. Во-первых, тем, что впервые новый

узел межгосударственных противоречий — Восточный вопрос привлек практически все европейские страны. Во-вторых, тем, что в эти годы сложилась доктрина статус-кво, просуществовавшая вместе с Восточным вопросом до эпохи Версальского мира в 20-х гг. XX в. В-третьих, события внешне локальной русско-турецкой войны породили (не в последний, как будет показано, раз) военную тревогу общеевропейского масштаба, так называемый “очаковский кризис”*.

Перед этим позволим себе краткое теоретическое размышление. *На уроках войны 1787–1791 гг. сделать вывод: вовлечение третьей стороны в вооруженный конфликт, тем более на стадии “тотального разрушения, включая саморазрушение”, может быть конструктивным при четко определенных условиях. Из них главное: геополитическая незаинтересованность страны (стран)-арбитра; строгая ее (их) нейтральность; демонстративность и доступность для проверки всех шагов страны-арбитра по купированию конфликта; полное доверие и принятость обеими (!) конфликтующими сторонами участия и “личности” (страны) арбитра; наличие объективных сил и средств для пробуждения в обеих втянутых в тотальную стадию конфликта сторонах (в их силовых центрах, “нервных узлах”, в группах принятия решения) стремления к деэскалации конфликта.*

Рассмотрим стремительную глобализацию конфликта и роль “третьей стороны”, не удовлетворявшей ни одному из перечисленных условий.

“Очаковским кризисом” в историографии называют период недолгой, но бурной борьбы, развернувшейся в дипломатических кругах Европы и Османской империи в 1790–1791 гг. Основной движущей силой кризиса была Великобритания.

* Выражаю благодарность Л.В. Зелениной, любезно представившей мне материалы по этому вопросу из своей монографии. “Восточный вопрос в геополитике Великобритании. Конец XVIII — начало XIX вв.”, подготовленной к публикации.

В ее правительстве, как отмечено выше, с тревогой следили за ходом событий русско-турецкой войны. После падения крепостей Очаков и Измаил Лондон принял решение потребовать от России возвращения Османской империи всех захваченных ею земель, кроме Крыма. Это было продолжением политики осторожного стимулирования османской воинственности, которой самозабвенно предавался английский посол в Константинополе. Ситуация несколько осложнилась, когда скончались султан Абдул Хамид I, придерживавшийся проанглийских взглядов, и его конфиденгент в этом вопросе Гази Хасан-паша. Молодой Селим III был настроен не столь воинственно, и в декабре 1789 г. начался первый тур русско-турецких переговоров о мире. Однако они были прерваны турецкой стороной, получившей от кабинета У. Питта-младшего обещание прямой военной поддержки.

В январе 1790 г. при посредничестве Англии Османская империя заключила союзный договор с Пруссией. В феврале 1790 г. вновь начались мирные переговоры с Россией, но опять были сорваны — на этот раз Берлин и Лондон требовали согласия Стамбула на обязательное участие своих посредников в переговорах с Россией, причем как в настоящем, так и в будущем. Против подобного положения активно выступили стамбульские улемы — мусульманские богословы, с влиянием которых султан не мог не считаться. Ситуация осложнялась еще и тем, что новый союзник не столько стремился к военному выступлению на стороне Турции против России, сколько пытался заручиться возможностью использовать европейские провинции Османской империи в качестве разменной карты при разделе Польши.

Таким образом, изначально были нарушены необходимые условия конструктивного посредничества: державы Европы пытались решать свои геополитические проблемы за счет заинтересованных в примирении сторон. Так, Пруссия заключила еще 29 марта 1790 г. союзное соглашение с Польшей, а в июне 1790 г. король

Пруссии Фридрих Вильгельм II (1786–1797), связанный договором с Турцией, потребовал от Австрии, как от союзницы России, добиться мира с Турцией (шла австро-турецкая война) и австрийского посредничества при заключении русско-турецкого мира.

При этом Австрия и Турция должны были возвратиться к границам Пожаревацкого мира 1718 г. Австрия уступила бы Польше Галицию, а благодарные поляки отдали бы благодетельной Пруссии пять своих крупных пограничных городов.

Найти в этой комбинации “добрые услуги” затруднительно. Немудрено, что австрийский император Леопольд II (1790–1792), встревоженный перспективой столкнуться уже не с утомившимися от грабежей янычарами, а с прусскими гренадерами или, упаси Бог, навлечь недовольство Екатерины II, обратился за посредничеством к Англии и к Голландии.

Действительно, они поддерживали идею мира, по крайней мере в Центральной Европе. 27 июля 1790 г. Австрия и Пруссия подписали Рейхенбахскую конвенцию, главным содержанием которой было обязательство Австрии добиваться мира с Османской империей, не вовлекая ее больше в европейские территориальные комбинации.

Некоторое снижение уровня напряженности не устраивало Фридриха Вильгельма II. Пруссия была готова немедленно или разорвать прусско-турецкий союз (крайне непопулярный в Турции), или сохранять его, судя по ситуации в Европе. С учетом крайне сложного положения Порты Пруссия предложила Турции такой вариант “взаимных разменов”, в которых и речи не было об османском суверенитете. Грузия должна была “остаться” за Турцией взамен Очакова и Бессарабии, которые должны были отойти к России, их граница определялась (по прусским планам) по Дунаю. Интересы Австрии и Польши компенсировались бы за счет Дунайских княжеств. Пруссия получила “свой лакомый кусок” — Данциг и Торн, независимость которых была бы гарантирована Россией. Даже склонная к различ-

ным комбинациям Екатерина II назвала “этот прожект неудобноисполнимым”.

Османская империя выигрывала лишь умозрительные выгоды от распространенного в Европе мнения, что Порты — на стороне гонимых поляков, земли которых хотят поделить между собой великие державы. Процентом от этого можно считать, что польские повстанцы 1791, 1830, 1848 и 1860–1861 гг. находили убежище в Турции и поступали на военную службу.

Реальным выигрышем для Порты было объявление Швецией войны России. Правда, за этот успех пришлось заплатить высокую цену — в Стокгольме на английских кораблях было отправлено 150 млн курушей — сумма, равная годовой дани, получаемой султанской казной с Египта, жемчужины османской короны. Таким образом, война на севере Европы была оплачена османскими подданными, а потенциал конфликта на Ближнем Востоке и в Европе лишь увеличился. *Это был, увы, не последний пример того, как деньги Ближнего Востока превращаются в масло, подливаемое в европейские пожары.*

Дело в том, что очень сложным оказалось положение У. Питта, стремившегося обеспечить Стамбулу максимальную внешнюю поддержку, вплоть до военного вмешательства Великобритании в русско-турецкие дела. Ему удалось предпринять определенные шаги за рубежом: в Берлине и Гааге ему оказали помощь; Копенгаген и Мадрид обещали придерживаться “строжайшего нейтралитета”; союзница России в этой войне Австрия начала переговоры о мире с Высокой Портой и вскоре подписала с ней сепаратный мирный договор; Швеция уже объявила России войну. Однако в самом Лондоне дела обстояли отнюдь не так гладко.

27 марта 1791 г. британскому посланнику в Санкт-Петербурге был направлен подготовленный У. Питтом текст ультиматума. В нем содержалось требование очистить земли между Бугом и Днестром. Дата вручения ультиматума должна была быть определена в парламенте. На следующий день начались дебаты. Палата

лордов большинством голосов дала одобрение на подготовку британского флота к военным действиям против России. Но в палате общин оппозиция выступила против вотиrowания военных кредитов.

Речи произносили Ч.Дж. Фокс и Э. Берк — по оценке Уинстона Черчилля, “два величайших оратора своего времени”. Им возражал сторонник У. Питта Р.Б. Дженкинсон (позже — лорд Хоксбери, с 1809 г. — лорд Ливерпул). Он заявил, что действия России нарушают равновесие сил в Европе. Берк отвечал ему, что, во-первых, Турция не является составной частью баланса сил в Европе; во-вторых же, “любую христианскую державу надо предпочесть этим дикарям-разрушителям”. Планы Питта Берк и Фокс называли “антикрестовым походом”*.

Дебаты продолжались до конца весны. Несмотря на поддержку Георга III, Питт потерпел поражение. Палата общин проголосовала против затребованных им военных кредитов. Подготовленный ультиматум так и не был вручен Екатерине II. К середине августа 1791 г. британские дипломаты начали надеяться, что им, вероятно, удастся “не слишком позорно выбраться из очень неприятной ситуации”. Этому способствовал тот факт, что внимание Европы было теперь в основном привлечено к событиям во Франции, развернувшимся после неудачной попытки (21 июля) бегства королевской семьи.

Для России завершающую точку в очаковском кризисе поставило распоряжение Екатерины II послу в Великобритании С.Р. Воронцову за любые деньги купить для нее мраморный бюст лидера оппозиции в палате общин Чарльза Джеймса Фокса. Бюст этот был вскоре доставлен в Санкт-Петербург и поставлен в одном из залов Большого дворца в Петергофе, где и сейчас по-

* Чарльз Джеймс Фокс, третий сын известного политического деятеля Великобритании Генри Фокса, к 25 годам промотал выделенное ему отцом содержание и, чтобы не попасть за долги в тюрьму, добился избрания в парламент. В момент очаковского кризиса он был во главе вигской оппозиции.

глядывает на посетителей с непередаваемым выражением явного превосходства и скрытой усмешки.

* * *

В июле 1791 г. османское правительство, окончательно разуверившись в выступлении западных держав и их посредничестве и учитывая крайне тяжелое внутреннее положение, было вынуждено пойти на мир с Россией. Мирные переговоры проходили в Яссах в ноябре-декабре 1791 г. и завершились подписанием мирного трактата 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.). Большая подготовительная работа была проведена по инициативе и при личном участии Г.А. Потемкина. Главный энтузиаст и талантливый организатор освоения юга России безвременно скончался, не успев принять участие в заключении мира*.

Опубликованные письма А.А. Безбородко, возглавлявшего русскую делегацию на мирных переговорах в Яссах, свидетельствуют о том, что турецкие представители держались активно и наступательно. Русская позиция отличалась сдержанностью и отражала общую линию на сохранение и закрепление достигнутых ценой огромных материальных издержек и людских потерь успехов. Это была линия светлейшего князя Г.А. Потемкина. Проявлением этой линии является, в частности, исключение грузинской проблемы из повестки дня переговоров. Подтверждение Кючук-Кайнарджийского договора во всем его объеме сохраняло суверенитет Порты в Западной Грузии. Однако четко фиксировалось невмешательство центральных и местных властей Турции во внутренние дела грузинских земель.

В то же время подтверждение договора 1774 г. и Айналы-Кавакской конвенции 1779 г. закрепляло установ-

* Следует также подчеркнуть, что именно Г.А. Потемкину принадлежал первый проект союза с Османской империей как средства стабилизировать обстановку в Причерноморье и улучшить, говоря современным языком, геополитические позиции России. Проект неоднократно дискутировался в Петербурге, был предан забвению в начале царствования Павла I, но вновь и вновь вспоминался.

ленный статус Дунайских княжеств, которые по требованию России освобождались от уплаты недоимок за годы войны и на два года вперед. Надежды населения княжеств добиться по договору независимости остались на уровне отдельных планов. В сходном положении оказалось население Имеретии, Картли-Кахетии и других грузинских царств, надеявшихся на полный отказ Турции от притязаний на Западную Грузию.

Территория между Бугом и Днестром, включая Очаков, отходила к России. Бендеры, Килия, Аккерман, Измаил возвращались Турции. Граница определялась по Днестру. На северо-востоке пограничной оставалась р. Кубань. Уступкой турецкой стороне, содержавшей зерно будущих осложнений, можно считать предоставление турецким властям права “удерживать” левобережное население от “хищнических набегов” на российские владения на правобережье Кубани.

Попытка Турции потребовать возвращения Крыма как предварительного условия переговоров в июле 1790 г. была тогда же решительно и окончательно отвергнута русской стороной. Отсутствие вопроса о Крыме в Ясском договоре еще раз свидетельствовало о том, что этот ставший внутренним для России вопрос обсуждению ни с кем подлежать не может.

Ясский договор закрепил за Россией Черноморское побережье от устья Кубани до устья Днестра — район древнерусских поселений был возвращен России. Внешнеполитическая программа России, намеченная в 1870-х гг., — добиться обеспеченного выхода к Черному морю — была решена. При этом все вопросы на мирных конгрессах обсуждались строго на двухсторонней основе, что создавало для двух черноморских держав перспективу сбалансированного взаимоприемлемого решения без вмешательства третьей стороны.

Тяжелое военное поражение в войне, в которую турецкие правящие круги втянулись в коалиции с антирусскими силами, заставило Турцию вплоть до Крымской войны отказаться от участия в союзах, направленных против России. Одновременно начинался жизненно

важный для Османской империи период выработки новых принципов внешней политики, новых политических ценностей и реформирования армии. Преимущественное внимание к внутренним проблемам и временный отказ от вооруженной борьбы за потерянные в 1774–1791 гг. земли стали главными элементами в политике Высокой Порты на рубеже XVIII–XIX вв.

Международные отношения пополнились в итоге изложенных событий понятием “политика статус-кво” в отношении, в первую очередь, к Балканской Турции, но применимым и к другим подвластным Порте территориям.

Политика статус-кво нашла свое первое воплощение в акциях и заявлениях Англии, затем Австрии, Пруссии, других европейских держав. Она может рассматриваться как проявление одного из системных качеств межгосударственных отношений эпохи становления и расцвета промышленного капитализма — предотвращение появления новых равноправных субъектов международной политики, поскольку серией соглашений между державами искусственно сдерживалось национально-государственное возрождение балканских, арабских, затем и других народов, входивших в Османскую империю. Подобная концепция оказывала консервирующее воздействие на процессы социально-политического отставания Османской империи.

Политика (доктрина) статус-кво получила наиболее полное развитие после завершения промышленного переворота в Англии, затем Франции и других европейских странах; фактически она исчерпала себя на стадии нового подъема, совпавшей с наиболее разрушительной для Османской империи фазой Восточного вопроса в 1870-х гг., когда ссудный, а затем финансовый капитал западноевропейских держав широко внедрялся на Балканах, охваченных процессом национально-государственного возрождения. Одновременно развернулась вооруженная колониальная экспансия тех же держав Западной Европы в арабских, африканских и средне-восточных владениях Высокой Порты.

Завершение фактически раздела Османской империи в начале XX в. на зоны влияния, индивидуального или коллективного, обеспечивало с наибольшей полнотой непосредственное, а не через османский центр власти, воздействие на дальнейшее экономическое развитие освободившихся (балканских) или еще находившихся в прямой зависимости (арабских) стран.

Глава 3

ВРАГ МОЕГО ВРАГА — МОЙ ДРУГ?

Сафьяновый портфель. Дипломатия и военная разведка

В числе важнейших мероприятий Порты после Ясского мира была организация постоянных дипломатических представительств в европейских столицах. Их главной задачей стал сбор международной информации, чтобы, как говорилось в одной инструкции, избегать одновременной ориентации Порты и предотвращать вмешательства держав при переговорах Порты с одной из них. В числе первых состоялся обмен чрезвычайными посольствами с Россией и Англией. Тем самым определились главные внешнеполитические ориентации султана Селима III. Посольство в Россию в марте 1793 г. возглавил лично доверенный Селима III, его стремяной — кетхуда августейшего стремени 35-летний Мустафа Расых-эфенди.

Расыху-эфенди вменялось в обязанность всемерно свидетельствовать о мирном и дружеском расположении Османского государства к России, добиваться скорейшего освобождения пленных, содействовать решению вопросов восстановления торговых отношений, собрать максимум сведений о взаимоотношениях европейских держав в связи с Французской революцией.

Почти одновременно с миссией Расыха-эфенди в октябре 1793 г. в Лондон было направлено посольство во главе с видным сотрудником ведомства иностранных дел Юсуфом-эфенди. Порта полагала найти в Англии дальнейшую помощь в военных преобразованиях. Однако турецкий посланник вскоре выяснил, что готовится англо-русское соглашение об использовании англий-

ских вооруженных сил против Порты в случае нападения Турции на Россию. Подобных намерений Порты не имела, да и иметь не могла в виду отсутствия сил, но недоверие к Англии было посеяно, а обмену посольствами с Россией стали придавать еще большее значение.

Естественно, что обе державы — Россия и Турция, пережившие подряд две тяжелейшие войны и едва начавшие оформлять свои политические и экономические отношения на основе Кючук-Кайнарджийского и Ясского договоров, уделяли большое внимание личностям своих чрезвычайных представителей. Если Селим III доверил эту миссию одному из ближайших конфиденентов, но без существенного дипломатического опыта и без знания русского языка, то в России к делу подошли иначе.

Чрезвычайным и полномочным послом в Константинополь Екатерина II назначила еще 6 ноября 1792 г. М.И. Голенищева-Кутузова. Выбор был сделан императрицей, как всегда, наилучший: 47-летний герой взятия в декабре 1790 г. Измаила (орден св. Георгия III степени) и “громкого дела при Мачине” в июле 1791 г. (орден св. Георгия II степени) находился на Дунайском театре почти непрерывно с 1768 г. Он отличился еще в сражениях 1770–1772 гг., в том числе при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле (орден св. Георгия IV степени).

С 1776 г. М.И. Кутузов находился в непосредственном подчинении у А.В. Суворова, командовавшего в то время русскими войсками в Крыму. При А.В. Суворове развернулось второе после полководческого дара блестящее дарование М.И. Кутузова — умелое использование данных военной разведки в дипломатической деятельности. Именно в эти годы М.И. Кутузов по собственной инициативе (хотя есть косвенные данные, что подвигнул его на сей труд сам Суворов) начал изучение турецкого языка, “дабы в переговорах с крымцами и турками по охране побережья Крыма все невозможнейшие пользы извлечь”.

Язык, обычаи и навыки арабской графики для чтения османских документов без толмача М.И. Кутузов

приобрел непосредственно у башкятиба, сиречь старшего письмоводителя двора крымского хана. Тот оказался и человеком симпатичным, и знал много; “грамоту турецкую постигаю, — признавал сам Михайло Ларионович, — на живых бумагах, только вчера полученных из османской столицы...”

А у башкятиба замечались то ковшик серебра с золотом, то табакерка дивной работы... Получены они были им за усердие в обучении кривого на один глаз, полноватого в талии, но живого и отменно внимательного к местным жителям и к их заботам русского подполковника.

При А.В. Суворове (и М.И. Кутузове) Крым постепенно, мирно и практически бескровно вживался в русскую сферу влияния.

Став в 1784 г. генерал-майором и командиром Бугского егерского корпуса, М.И. Кутузов все же находил время для практики в турецком языке, а также заботился о приближении к своему штабу “людей неприметных, но смысленных и к дознанию полезных вещей способных”. Двое таких людей сопровождали М.И. Кутузова в ходе посольства в Константинополь, совершенно затерявшись среди свиты в 650 человек, но появляясь в нужный момент.

Известная любовно-шутливая оценка А.В. Суворовым военно-дипломатических успехов М.И. Кутузова в многолетних переговорах с крымскими татарами: “Ой, умен, ой, хитер, его никто не обманет”.

Несомненные дарования Кутузова в столь деликатной сфере военной деятельности, как систематический сбор разведывательных данных о турецком противнике, подметил другой выдающийся русский военный и государственный деятель — Г.А. Потемкин. Именно распоряжением Потемкина 7(18) апреля 1790 г. Кутузову было приказано организовать наблюдение за тылами турок в Придунавье (война 1787–1791 гг.).

Кутузов успешно наладил агентурную и оперативную разведывательную службу, летучую почту. Это внесло немалый вклад в успех суворовской измаильской

операции, о чем свидетельствуют малоизвестные документы из военных архивов. Есть основания предполагать, что Потемкин, незадолго до своей безвременной кончины, сообщил Екатерине II о незаурядных дарованиях будущего коменданта Измаила (в 1790 г.) и будущего чрезвычайного посла в Турцию — всего три года спустя.

Только такой человек мог возглавить посольство в страну, с которой война продолжалась, с малыми перерывами, со времен Петра I.

Главная задача М.И. Кутузова была “сохранить мир и доброе согласие с Портой, нужное для отдохновения в трудах и беспокойствах, империей нашей понесенных”. Эта миссия была выполнена с присущим ему блеском. Он расположил к себе умного, образованного и проницательного султана-реформатора Селима III, предотвратил нежелательное в тот момент для России сближение Константинополя с Парижем и, по существу, заложил предпосылки первого союзного договора России с Турцией (1799 г., обновленного в 1805 г.). Он содействовал развитию торговли, удачно разменял пленных. Еще многое сумел сделать, находя в том и для себя “превеликое удовлетворение”. “...Дипломатическая карьера сколь ни шутовата, но, ей-Богу не так мудрена, как военная. Ежели ее делать как надобно”, — писал он жене.

М.И. Кутузов во многом преуспел благодаря тщательно организованной им службе информации. Так, после размена посольств в первых числах июня 1793 г. в районе г. Дубоссары на р. Днестр М.И. Кутузов растянул недалнюю, всего недельную, дорогу от Днестра до Константинополя на три месяца и прибыл в османскую столицу только 26 сентября (7 октября) 1793 г. Добрался до особняка посольства, передохнул, а после вечернего намаза к нему было допущено “неустановленное лицо из турок, с которым посол имел разговор на ихнем басурманском языке, всех прежде удалив...”

Информация была и впрямь наиважнейшая — завтра предстояла встреча с великим везиром, и “лицо” со-

общило М.И. Кутузову о привычках второй персоны в имперской иерархии, включая: “Ахмет-паша немного знает по-французски, чем очень гордится, терпеть не может шербету и не сидит на мягком...” Встреча посла с великим везиром Меликом Ахметом-пашой состоялась и “поразила всех сердечностью и взаимным политесом”.

Когда же во время первой аудиенции везиры и сам султан Селим III слегка посетовали, что так долго двигалось посольство, М.И. Кутузов застонал, заохал и будучи отличного здоровья (как бы иначе перенести две сквозные раны в голову), назвал хворобы, которыми маялся и более молодой султан, — прострел в спине и жжение в правом боку.

Ах, поэт и реформатор Селим III! Знать бы ему, что наш Михайла Ларионыч не двинулся в путь, пока в любимом сафьяновом портфеле аккуратно не улеглись словесные портреты всех придворных и “характеристические черты” самого султана. Вряд ли знал султан, что более двух десятков молодых людей, составивших позднее ядро Военно-топографического бюро при Главном Штабе России, тщательно снимали во время неспешных стоянок войск, колодцы и прочее, что пригодится русской армии при движении к османской столице.

Нельзя было спешить и потому, что М.И. Кутузову надлежало понять самому и доложить в Петербург о привычках и намерениях едущего гораздо скорее в русскую столицу турецкого посла. А то, что при Расыхе-эфенди среди проводников по России, рекомендованных ему крымскими мурзами, оказался отменно знакомый Кутузову, знавший и по-русски, и по-турецки человек, так на то и есть служба...

С большим вниманием российский посол отнесся к реформаторским начинаниям Селима III. Именно через М.И. Кутузова были получены первые достоверные сведения о военных преобразованиях, особенно в области военного судостроения. Ненавязчиво, но твердо проводил он мысль о необходимости для Рос-

сии иметь сильный флот, базирующийся в Крыму. О судьбе Крыма говорил как о неразрывной отныне с судьбой России. Говорил почтительно, но твердо. Султан Селим III отмалчивался.

Проход русских военных кораблей через Черноморские проливы Кутузов затронул в переговорах с турками как бы между прочим, один раз. Встретил жесткое сопротивление со стороны реала-бея (вице-адмирала) Шеремет-бея, в ведении которого находились Проливы и оборона побережья, и больше к этой теме не возвращался. Упомянул только одно: будь русские и турки заодно — никто на Проливы бы не покусился...

Кутузов установил контакты с большим кругом придворных, особенно тех, кто ориентировался на реформы. Среди них были Рамиз-эфенди и Манук-бей (А. Манукян), нашедшие потом, в период янычарского бунта 1807 г., убежище в России. Как доказывал султану современник-турок, у российского посла перебивалась целая колония армянских купцов. “Зачем приходили — не ясно, но многие уходили воодушевленные...”

Этим современником был реала-бей Шеремет-бей, один из немногих противников Кутузова в Константинополе. Причем Шеремет-бей не доверял ему настолько, что на свой страх и риск учредил наблюдение за всеми передвижениями русского генерала. Но сделано это было непрофессионально. М.И. Кутузов быстро заметил, что, вопреки обычаям, несколько одних и тех же дервишей бродят в христианском квартале, вблизи российского особняка. Щедрые подаяния были опущены в их уныло пустовавшие кружки. И снова “...прибегал турок Ахметка, сидели запершись, а чаю истребовали шесть чайников...”

Когда, казалось, зашли в тупик переговоры по торговому тарифу и по определению размеров пошлины за проход Проливов, М.И. Кутузов вновь уединился над документами из заветного зеленого портфельчика. На этот раз перелистал ...список имен и приметы самых любимых и влиятельных султанских жен, всесильных затворниц гарема. Рискнул один войти в сад гаре-

ма. Мужества этому человеку было не занимать, а учтивостью и турецким красноречием, обильно приправленным драгоценными украшениями, точно рассчитанными на личные вкусы его обитательниц, он покориł “розарий падишаха”.

Султан-валиде, матушка Селима III*, и две ее спутницы вполне поняли прозрачные намеки на важность развития торговли в Константинополе. Приветливо ободрили тучного, важного, одетого в парадную форму русского посла, в продолжении целого часа скромно не поднявшего от земли своих глаз на прелестнейших женщин Востока.

Неслыханная дерзость произвела потрясение в османской столице. Но как смеялся умница Селим III, когда начальник охраны с самым серьезным и потеряннм видом докладывал ему, что русский посол — главный евнух самой императрицы Екатерины II. А достовернейший слух об этом и о подарках от императрицы султанским женам, что роздал Кутузов, пустили вместе тот же шустрый Ахметка и еще два-три молодых человека из картографического бюро при после. Турецкая одежда очень шла к их загорелым черноусым лицам, а разговорную практику где и шлифовать, как не на всеведущем и любопытном Капалы чаршы — Крытом рынке Стамбула.

Мне потребовалось не менее двадцати лет, чтобы достоверно узнать имена двух женщин, которые вместе с Михри-шах встретили русского посла. Одной из них была Нахш-идиль (в девичестве — Эме де Ривери, 1763–1818), любимая супруга предшественника Селима III на троне султана Абдул Хамида I и, что более важно, мать султана-реформатора Махмуда II (1808–1838). Бездетный (из-за перенесенной в юности свинки) Селим III воспитывал маленького Махмуда как родного

* Матерью Селима III, султан-валиде была Михри-шах, образованная и умная женщина. Дочь православного священника из Грузии; похищенная разбойниками и проданная в рабство еще ребенком, она стала любимой женой, другом и негласным советником Мустафы III. Пользовалась при дворе Селима III очень большим влиянием.

сына, чему всячески способствовала и Михри-шах. Через Нахш-и диль, симпатизировавшую ему во всех начинаниях, Селим III поддерживал негласные контакты с Францией. Ведь любимой кузиной Нахш-и диль была сама Жозефина де Богарнэ, во втором браке — Бонапарт...

Второй собеседницей была родная сестра Селима III, дочь Михри-шах Хадиджа-ханум, блестяще образованная женщина, знавшая европейские языки и обычаи, принимавшая в своих покоях жен европейских дипломатов.

Все торговые вопросы были улажены в неделю. По случаю невиданной и не повторившейся в османской истории беседы иностранного посла с затворницами гарема Селим III вручил М.И. Кутузову для передачи Екатерине II бесценный набор для верховой езды — седло и сбрую. Таинственным мерцанием старого золота, изумрудов и рубинов Вы, читатель, сможете полюбоваться, если зайдете в Оружейную палату Московского Кремля.

Мог ли неискушенный в дворцовых коварствах Европы турецкий посол Мустафа Расых-эфенди сравниться с самим Голенищевым-Кутузовым! Окруженный нескончаемой чередой военных смотров, разводов караула, балов и маскарадов, потрясенный теплой прелестью обнаженных плеч русских красавиц Мустафа Расых-эфенди посылал домой все более короткие депеши (они опубликованы в Турции). Потом замолчал на два месяца, увезенный императрицей весной 1794 г. в увеселительную поездку по случаю масленицы. Видимо, он на какое-то время утратил контроль за своим штатом, “начавшим нарушать порядок благочиния”.

В поведении людей из окружения турецкого посла проявились такие отклонения от общепринятых норм, что наша императрица, отнюдь не ханжа, написала канцлеру А.А. Безбородко гневное письмо. Надлежало принять меры, чтобы турецкий посол “...запретил своим людям шалить в доме князя Вяземского [резиденция посольства. — В. III.] так, как они шалили на Моск-

ве в доме князя Волконского [временная остановка посла — *В. III.*], где перерезали все фамильные портреты и бюсты князя Михаила Николаевича разбили. А если шалить станут — выслать без церемоний”.

В конце концов порядок наладился. Мустафа Расых-эфенди получил указание Селима III считать основные вопросы подлежащими разрешению в Константинополе. При отъезде он был “отмечен знатными подарками” и расставался с Петербургом с явным сожалением, хотя другом России так и не стал.

Османский официальный придворный летописец меланхолично записал: Расых-эфенди по возвращении из России был обласкан султаном и возведен в звание бей-лербея [наместника — *В. III*] Румелии. “Он в точности выполнил поручение падишаха. А если и не обладал умением разобраться в сложной внутренней обстановке [в России — *В. III.*] и в тонкостях отношений между государствами, так на то воля Аллаха...”

М.И. Кутузов же вплел новые ветви в свой заслуженный лавровый венок военачальника и дипломата. Тогда, в 1793–1794 гг. заветный сафьяновый портфель пополнился бесценными наблюдениями, которые весьмагодились при заключении Бухарестского мира 1812 г., по окончании очередной русско-турецкой войны.

Между Сеной, Невой и Босфором. Дипломатия и демонстрация военной силы

Мирные отношения в Причерноморье были сохранены и упрочены. Закладывались возможности дальнейшего сближения России и Турции. Во время переговоров как в Петербурге, так и Константинополе обе стороны осторожно обходили кавказский вопрос, который оказывал существенное влияние на общую ориентацию международных отношений на Ближнем Востоке в 1790-х гг. Порты учитывала, что сближение России с Англией на почве борьбы с революционной Францией, а с Австрией и Пруссией на основе польских разде-

лов отвлекло внимание Петербурга от “азиатских пределов”. Позиция Порты заключалась в продолжении закулисной поддержки части северо-кавказских феодалов против России. Паши восточноанатолийских вилайетов как бы вне зависимости от центральных властей оказывали помощь (продовольствием, кордонами, выдачей беглецов) иранским войскам, грабившим часть Закавказья, принявшую сторону России.

В России основное внимание было приковано к возобновлению союза с Австрией и к заключению союза с Англией (1795 г.). При этом учитывалась возможность военных действий Турции против русских владений на Кавказе, недостаточно надежно прикрытых ввиду перманентных бунтов казаков, насильно переселенных с Дона на Кавказ. Предпринятый в 1796 г. поход В. Зубова в Закавказье был направлен против персидской интервенции. Одновременно турецким властям в сопредельных областях была продемонстрирована готовность России вооруженной рукой оградить свои интересы в этой районе.

При всей настороженности к России, высказывавшейся им в первые годы своего правления, Селим III уклонился от предложения Ирана о союзе против России, как, впрочем, и от какой-либо определенной реакции на представление нового посланника России в Константинополе В.П. Кочубея (племянника М.И. Кутузова) по поводу откровенно проиранской позиции комендантов пограничных крепостей. Выжидательная линия Селима III основывалась на необходимости сохранять позитивные, а затем союзные отношения с Россией, но заставить Ираклия II вновь обратиться к Порте за поддержкой.

Турецкие хронисты отмечали, что Селим III руководствовался в 1790-х гг. задачами внутренних реформ, но также были склонен участвовать в создании “системы равновесия сил” вблизи своих балканских владений. Его особые опасения вызывали революционные призывы Французской республики. Современные турецкие авторы, оценивая влияние Великой Французской рево-

люции, обычно подчеркивают ее общегуманистический характер, отмечают техническую и военную помощь французов в реформах Селима III. Социальные мотивы французской революции, по оценке турецкой историографии, существенного отзвука иметь не могли, так как “в Османской империи не было привилегированного сословия, главного врага французского народа” (Э.Б. Шапольо). Ограниченное воздействие республиканских идей французской революции на Турцию принято объяснять также отдаленностью Франции и отсутствием общих границ, занятостью Порты войнами с Россией и Австрией в конце 1780–1790-х гг.

В течение нескольких лет, пока не стабилизировались русско-турецкие отношения и не определилась позиция Англии в отношении Турции, Порты уклонялась от признания молодой французской республики и ее представителя в Константинополе М.-Л. Декорша, так как против этого решительно возражали и Россия, и Англия. Получив сведения о признании нового режима во Франции своим бывшим союзником Пруссией и согласовав общие принципы и размеры технической и военной помощи, ожидаемой из Франции в дополнение к действовавшим в Константинополе с 1792 г. нескольким специалистам, Порты в мае 1795 г. возобновила дипломатические отношения с Францией. Современники сообщили, что в Турции возлагали большие надежды на миссию генерала Обера дю Байе осенью 1796 г., в состав которой входило около двухсот специалистов по оружейному делу и кораблестроению; они везли пушки новейших образцов и боеприпасы. В Турции появилось несколько французских топографов. Известно описание дорог из Константинополя к Очакову одного из них, Лафита Клаве. Его заметки чисто военного характера о положении в Крыму придают достоверность сведениям о том, что дипломатическому признанию республиканского посла и самой миссии Обера дю Байе предшествовали заверения Франции о восстановлении франко-турецко-шведского союза, о возврате Крыма под власть Турции, о планах франко-турецкой экспедиции против черноморских портов России.

Авторитетный османский историк XIX в. Ахмет Джевдет-паша, опираясь на архивные документы Порты, объяснял позицию Селима III неуверенностью в том, что Россия и Англия будут сохранять сложившееся положение в Юго-Восточной Европе, и поэтому султан стремился к союзу с другими державами. Вместе с тем, как подчеркнул А. Джевдет, Османское государство хотело остаться нейтральным в войне европейских держав против Франции. Естественно, что на решение о признании Франции повлияли также двухлетние (1793–1795 гг.) безуспешные попытки посланника Порты в Лондоне Юсуфа-эфенди согласовать с британским правительством хотя бы основные позиции союзного договора и столь же бесплодные и затяжные переговоры Азиза-эфенди в Берлине о возобновлении турецко-прусского союза.

Сообщения Юсуфа-эфенди и Азиза-эфенди из европейских столиц, результаты деятельности турецкой миссии в Париже во главе с Сеидом Али-эфенди — все более убеждали Селима III, что Франция планирует отторжение Албании, Греции, Македонии, Леванта, и что военный союз с Францией неминуемо втянет его в войну с Англией и Россией. Крайне беспокоили Порту сведения о связях мятежных албанских пашей с Францией.

К августу–сентябрю 1797 г., когда Наполеон Бонапарт вышел непосредственно к балканским границам Турции, захватил Ионические острова и наметил поход на Левант с целью создания обширной колониальной империи на берегах Черного и Средиземного морей, а в Венеции произошли революционные события, чрезвычайно взволновавшие султана влиянием на Грецию и Сербию, Османская империя активизировала выбор нового союза. Им могла быть, по мнению Селима III, или Англия, или Россия.

Демонстрируя хорошее знание обстановки в Европе, в переговорах с посланниками Англии и России реис-улькюттаб делал акцент на конечные цели Наполеона — поход в Индию через Палестину и Иран, в Юго-Восточную Европу через Константинополь.

Однако уклончивая линия Лондона, занятого антифранцузской борьбой в Европе и расширением сферы деятельности Ост-Индской кампании в зоне Красного моря и Персидского залива, в Константинополе была хорошо известна и очень тревожила султана. Оставалась одна Россия.

Идею сближения с Россией поддерживали капудан-паша Кючук Хюсейн-паша, теоретик реформ кяхя-бей Челеби Мустафа-эфенди, реисулькюттаб Решид-эфенди и его преемник Ахмед Атиф-эфенди. Против были настроены — бывший посол в Лондоне, известный реформатор на западный манер Махмуд Раиф-эфенди, бывший посол в Петербурге ярый ретроград Мустафа Расых-эфенди и близкий ему по взглядам, тесно связанный с янычарами реала-бей османского флота Шеремет-бей, а также часть греков-фанариотов, десятилетиями служивших интересам Франции на Востоке, например, семейство Суццо — драгомань, консулы и прочие. “Три беды знавала Османская империя, — писал современник. — Чума, землетрясения и драгомань”.

Сближение России и Турции, завершившееся первым союзным договором, проходило достаточно сложно. Не сразу и не до конца изживались недоверие и напряженность. Обмен чрезвычайными посольствами в 1793—1795 г., кутузовские трезвые и глубокие оценки положения в Турции, многие из которых становились известными Селиму III и Дивану, содействовали взаимопониманию и укреплению позиций склонной к сближению с Россией “мирной партии” в правительственных кругах Турции.

Позитивную линию М.И. Кутузова продолжил в Константинополе его племянник В.П. Кочубей. Он вместе с братьями Воронцовыми, Н.Н. Новосильцевым, А.Я. Италинским и А.А. Безбородко четко определил во второй половине 1790-х гг. линию защиты и сохранения “слабого соседа”. К сближению с Турцией царское правительство объективно приводили как внешние обстоятельства, и прежде всего Французская революция, изменившая расстановку сил в Европе и на Ближнем

Востоке, так и внутренние — расстроенное хозяйство России после двух тяжелых войн с Турцией и сокрушительной Крестьянской войны под руководством Е.И. Пугачева.

Заявление Павла I о пересмотре внешней политики России понимались в Турции как отказ от “греческого проекта” Екатерины II, тем более, что Селим III персонафицировал враждебность России в двух скончавшихся людях — Г.А. Потемкине и царице.

Сам В.П. Кочубей в качестве посланника дружественной державы и русские дипломаты в европейских столицах, встречавшиеся с посланцами султана гораздо чаще и активнее, чем это принято считать, доводили до сведения Порты и Дивана, что с середины 1797 г. Россия определила перспективы дальнейшего сближения с Австрией. Однако они подчеркивали, что в широком круге европейских и ближневосточных проблем не было ничего даже близкого к “греческому проекту”, столь тревожному для Селима III. Порте предоставлялась разносторонняя информация об укреплениях французов на Ионических островах, о приготовлениях морской экспедиции в Тулоне и т.д. В.П. Кочубей и очередной посланник России В.С. Томара “всемерно старались вселить в турок уверенность в дружеском расположении российского кабинета к Османской империи”.

Следует подчеркнуть, что в Константинополе с недоверием воспринимали предложения французской дипломатии о “возвращении” Ионических островов в обмен на расширение капитуляционных прав для торговцев — подданных Франции и покровительствуемых ею лиц, обычно из греческого населения островов.

Наполеон придавал островам — идеальной военной базе в Средиземном море — ключевое значение в дальнейшем подчинении Османской империи. “Обладание Ионическими островами даст Французской республике возможность либо сохранить Османскую империю, либо захватить часть ее”, — писал Бонапарт членам Директории 16 августа 1797 г.

Французский историк П. Пизани к этому же времени относит другое высказывание Наполеона: “Зайдя во фланг Османской империи, Франция сможет разговаривать с ней или как с врагом, или как с другом, смотря по обстоятельствам, и играть важную роль в драме Восточного вопроса, первый акт которой определился Яским миром 1791 г.”.

Русская дипломатия, соответственно препарировав данные, сообщала турецким мужам пера о планах Ш.-М. Талейрана по разрушению Херсонеса и Севастополя.

В планы Директории входило также создание ударной силы из турецкого десанта и франко-турецкой эскадры для действий против России на черноморском побережье. После того как Директория отвергла посредничество Павла I в бельгийском и пьемонтском вопросах и репрессировала русского консула на о. Закинф, в Петербурге приняли решение о разрыве неофициальных переговоров, которые велись с Францией в Берлине; одновременно активизировалась деятельность нового посланника России в Константинополе В.С. Томары.

Акцент делался на совпадение интересов России и Высокой Порты. Указ царя от 4 апреля 1789 г., сообщенный туркам, гласил: “Принимаясь за оружие, император Павел I желает оградить свою империю от нравственного влияния зловердных республиканских замыслов”. Ахмед Атиф-эфенди, активно “подвигавший дело сближения с Россией”, аргументировал это перед Августейшим Диваном необходимостью бороться против французских безбожников и цареубийц.

Во время переговоров в Константинополе Ахмед Атиф-эфенди говорил В.С. Томаре, что в отличие от “обыкновенных — за земли — войн с Россией, война с Францией — это вопрос о существовании Османской империи и ислама вообще, так как французы идут сокрушать всеобщие правила, престолы, веру и все, что есть священного на свете, идут разорить Мекку и Медину, восстановить власть иудеев в Иерусалиме...”

Россия в балкано-малоазиатском регионе противопоставила жесткому наполеоновскому курсу экспансии

и последующих территориальных разменов курс на сохранение сложившегося по Ясскому миру положения, подтвержденную делами готовность обсудить и решить все торговые вопросы. Кроме того, ослабленная в военном отношении Турция проявляла большую заинтересованность в возвращении Ионических островов и переходе под суверенитет султана бывшего венецианского побережья с помощью державы, чья военная мощь столь наглядно явила себя на глазах одного поколения турецких мужей меча и пера.

По мере того как цели и методы восточной политики Франции расходились с интересами царизма в Средиземноморье, а политика Франции все более определенно угрожала новым границам России, все более четкий характер приобрел курс России на союз с Османской империей. Генеральная линия России на стабилизацию положения в Восточном Средиземноморье получила развитие в совместной с Турцией борьбе против наполеоновского движения на Восток. Курс Селима III и той части его окружения, которая готовила и проводила военно-политические реформы, включал необходимым условием союз с Россией как единственную возможность отстоять суверенитет и целостность османских территорий.

Осуществление планов французской буржуазии в отношении балканских и египетских владений Порты, как бы в вознаграждение за утраченные колонии в Индии и Канаде, означало бы крушение собственных планов царизма по мирному закреплению влияния на Балканах. Разгром Турции Наполеоном и захват Францией Проплинов поставил бы под угрозу торговые и политические интересы России как черноморской державы, грозил России уничтожением всего, что было достигнуто в результате двух войн по договорам 1774 и 1791 гг.

В 90-х годах шло быстрое развитие торгового оборота русских черноморских портов, которые в начале XIX в. выдвинулись на первое место в стране по вывозу пшеницы. Создание условий для дальнейшего развития торговых связей Причерноморья, успешная борьба с нараставшей французской угрозой экономическим

и политическим еще не окрепшим позициям России в Средиземноморье — таковы были задачи, разрешить которые надеялось царское правительство, подготавливая союзный договор 1799 г. с Турцией.

Было еще одно обстоятельство — идеологического характера, которое сближало султана и царя.

Царское правительство видело свою задачу в укреплении и восстановлении повсюду феодально-монархического порядка и стремилось противодействовать распространению революционных идей. Социально-политические интересы русских помещиков и турецких феодалов совпадали в их общем страхе перед распространением революционных идей среди подвластных народов. Павел I считал своим долгом бороться с революционной Францией даже в союзе с Турцией, “басурманской”, но верной монархическим принципам.

Итак, реальная опасность потерять свои владения, а может быть и независимость и, вместе с тем, стремление не допустить проникновения революционной идеологии на свою территорию привели Османскую империю к союзу с Россией. Борьба с растущим влиянием идей Французской революции и стремление оградить свои политические и экономические интересы на Ближнем Востоке привели Россию к союзу с Османской империей.

Источники свидетельствуют о том настороженном, но благожелательном внимании, с каким в Высокой Порте в марте—апреле 1798 г. выслушивались сообщения драгоманов российского посольства о готовности русской эскадры совместно с османским флотом отразить в случае необходимости вторжение наполеоновского флота в Черном море и оказать Турции всю необходимую для борьбы с Наполеоном помощь. Командующий черноморским флотом Ф. Ф. Ушаков еще с мая 1797 г. организовал крейсерство между Одессой и Севастополем на случай прорыва французской эскадры в Черное море. В боевую готовность были приведены сухопутные войска на Юге России. О всех этих приготовлениях было сообщено Порте. В письме Павла I Селиму III прозвучало и предположение о возможности

совместного отражения французской агрессии. Турецкие историки считают, что это было первое предложение о военном союзе, отклоненное Селимом III, который до последнего момента не допускал возможности агрессии Франции, страшился появления русских военных кораблей в Проливах и полагал обойтись укреплением фортов в Проливах.

30 июня — 1 июля 1798 г. экспедиционный корпус Наполеона Бонапарта высадился в Александрии. 21 июля 1798 г., мамлюки были наголову разгромлены в битве под Каром у подножия древних пирамид. Наполеон двинулся в Сирию. Над Малой Азией нависла угроза. Селиму III предстояло сделать решительный шаг к спасению империи, принять руку помощи.

Турецкая историография весьма неохотно говорит о первом союзном договоре с Россией 1799 г., признавая, однако, его спасительный характер для египетских и балканских владений Османской империи. Вместе с тем выделяется особая якобы заинтересованность в договоре России. Если Порты, по мнению турецких историков, могла выбирать союзника, то для царя выбора не было: с победой Франции России “пришлось бы распротиться со своими чаяниями в Проливах и Восточном Средиземноморье”. На этом основании утверждается, что Россия стремилась применить сухопутные силы на Балканах, а флот направить исключительно в Архипелаг, но не к Египту. Опиравшийся на материалы переговоров А. Джебдет-паша писал, однако, что именно английский посланник в Турции Чарльз С. Смит предлагал использовать русскую и турецкую эскадру исключительно в Египте, адмирал Г. Нельсон должен был действовать против Франции в Адриатике самостоятельно, но и Порты, и русские представители этому воспротивились. Можно также встретить искаженную трактовку самих обстоятельств заключения русско-турецкого договора, явившегося будто бы следствием союза Турции с Англией, связанной в свою очередь договором с Россией (Тахсин Инал). Известно, однако, что прежде был заключен и скреплен боевыми действиями именно русско-турецкий союзный договор, к которому

присоединилась Англия. Англо-русский договор (январь 1799 г.) был временным и мог в качестве третьей стороны включать только Пруссию (см. ниже).

В работах отечественных и зарубежных авторов отмечалось, что Селим III, правильно поняв смысл предварительных предложений Павла I, обратился через русского посланника В.С. Томару к царю за военной помощью в начале августа 1798 г., после битвы у пирамид и разгрома французского флота при Абукире 1 августа (н. ст.) 1798 г. 16 сентября 1798 г. русская эскадра под командованием Ф.Ф. Ушакова (1745–1817) получила разрешение стать на Константинопольском рейде. На борт адмиральского корабля была доставлена специальная декларация о порядке прохода русских военных кораблей через Проливы в период войны России и Турции против Франции. Документ был заранее (в июне–июле 1798 г.) подготовлен В.С. Томарой и реис-сультантабом Атифом-эфенди.

Следовательно, еще до подписания официального союзного договора русские корабли получили разрешение на “совершенную свободу проходить и возвращаться через Босфор и Дарданеллы, заходить для пополнения запасов продовольствия в турецкие порты”. *Эти положения в точности соответствовали статьям будущего договора* (курсив мой. — В.Ш.).

В деятельной, доброжелательной атмосфере с 24 сентября 1798 г. по 3 января 1799 г. проходили переговоры о заключении союзного договора*. Их вели В.С. Томара

* Османские источники отметили исключительно радушный прием, оказанный населением и властями Константинополя русским военным морякам. На флагманском корабле инкогнито побывал Селим III и щедро одарил Ф.Ф. Ушакова; обстоятельство весьма показательное, если учесть, что именно контр-адмирал Ушаков 31 июля (11 августа) 1791 г. нанес турецкому флоту сокрушительное поражение в районе Варны при мысе Кадиакрия. Эскадра Ушакова тотчас взяла курс на Константинополь. Ушаков, кажется, всерьез готовил десантную операцию в Золотом Роге, и только известие о перемирии остановило “сие предприятие”; о “не ко времени случившейся остановке” он долго сожалел, тихо доживая в глухой мордовской деревушке Алексеевка Темниковского района. — *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М., 1988. С. 36–42.

и Ф.Ф. Ушаков (до сентября), Ахмед Атиф-эфенди и казаскер Румелии Ибрагим Исмет-бей. На заседаниях присутствовал в качестве наблюдателя английский посланник Чарльз С. Смит. Он информировал Порту о заключении англо-русского союза. С 30 сентября 1798 г. Порты прервала все дипломатические отношения с Францией, ее представитель П. де Рюффен отправился в заточение в печально знакомый русским дипломатам Семибашенный замок, правда, содержание ему определили не в пример лучше, с мясом и кофе, вина давали два кувшина, а не один как русскому посланнику.

В основе обсуждения лежал проект договора, разработанный при непосредственном участии Павла I. К ним были приложены заранее подписанные царем, чтобы не оттягивать союз на месяцы дороги в Петербург и обратно, ратификационные грамоты.

Проект России, положенный в основу договора, подписанного 23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г.) В.С. Томарой и Ахмедом Атифом-эфенди, носил чисто оборонительный характер. Это обстоятельство особо отметил утвердивший договор по форме и по существу Августейший Диван, собравшийся в присутствии Селима III за два дня до подписания договора и заслушавший комиссию улемов, которые дотошно изучали проект договора, но нашли его вполне соответствующим нормам исламского права.

При обсуждении проекта договора прежде был утвержден без каких-либо затруднений и согласованный заранее режим прохода русской эскадры через Проливы и ее пребывание в территориальных водах Турции. В.С. Томара при этом подчеркнул, и турецкая сторона согласилась, что после 1774 г. на Черном море произошли коренные изменения в расстановке сил. Наличие у России новых портов, собственного флота и факт помощи этого флота в трудный для Турции момент “неоспоримым образом, — говорил В.С. Томара, — узаконивают наше с Турцией равное участие во владении Черным морем”.

Стороны признали необходимым считать Черное море закрытым для военного флота любой 3-й сторо-

ны, согласились тесно взаимодействовать для обороны своих черноморских владений (ст. 4).

Оборонительный характер договора подчеркивался еще двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что вступал в силу при нападении Франции на Османскую империю (факт уже свершившийся). Во-вторых, тем, что Россия гарантировала Османской империи целостность всех ее владений (интегритет) в границах, предшествовавших наполеоновской агрессии (ст. 3).

Без существенных затруднений стороны согласовали и другие объявленные гласными статьи: обмен военной информацией, незаключение сепаратных договоров, отсутствие взаимных территориальных претензий, выделение сухопутных и десантных вооруженных сил для ведения войны с Францией.

Более сложными, но не угрожавшими срывом переговоров, оказались вопросы субсидарного и многостороннего характера договора. Однако и они были решены на взаимоприемлемой основе. Русская сторона пошла на частичные уступки в таможенном тарифе, выразила готовность взять полностью на себя содержание сухопутного корпуса для отражения вторжения Франции в глубь территории Европейской Турции, если бы таковое свершилось. В свою очередь, Порты обязалась обеспечить на сумму 0,6 млн курушей провиант и боеприпасы для эскадры Ф.Ф. Ушакова, что соответствовало примерно двухкратной норме османского флота.

Поддерживая предложение России об открытом для других стран характере договора, Атиф-эфенди настаивал, по личному указанию Селима III, чтобы к договору были приглашены обязательно Пруссия, а также и Англия. Однако русский посланник В.С. Томара имел в виду главным образом Австрию. Поскольку франко-австрийский Кампоформийский договор, заключенный в октябре 1797 г., расценивался Портой как предательство Австрией интересов Турции, в ходе переговоров русские представители предпочли не упоминать персонально будущих участников договора. Сомнения турецкой стороны были сняты, и в договоре появились Англия, Австрия и Пруссия как будущие члены союза. Так

шаг за шагом были согласованы все положения союзного договора, включившего 14 гласных, 3 секретных статьи и особый пункт о возможном переходе русского вспомогательного сухопутного корпуса на правый берег Днестра в случае вторжения Наполеона.

Со времени Константинопольских переговоров и подписания союзного договора 26 реджеба 1213 г. х. (3 января 1799 г.) начинается, по мнению турецких историков, особая страница во внешней политике Порты, основанная на балансе между соперничавшими державами и продолжавшаяся вплоть до революции Кемаля Ататюрка. В целом же османские хронисты и турецкие историки оценивали договор как поворотный в отношении между Россией и Турцией, оказавший в качестве союза черноморских держав серьезное влияние на всю европейскую политику и включивший Османскую империю в европейскую систему “поддержания равновесия сил”. Большое значение, и вполне справедливо, придавалось инициативе турецкой стороны в практической организации совместной русско-турецко-английской эскадры, что рассматривалось как еще одно свидетельство признания Османской империи равным партнером великих держав.

Касаясь режима Проливов, турецкая историография подчеркивает временный 8-летний период соглашения о проходе русских (и затем английских) военных кораблей через оба пролива — Босфор и Дарданеллы. При этом выделяется особое положение России и Турции как двух черноморских держав, для которых Черное море было внутренним, а потому закрытым. Режим проливов отныне дополнил черноморскую проблему внешней политики Турции, стал для нее ключевым.

При объективной оценке договора 1799 г. следует отметить, что заключение англо-турецкого (5 января 1799 г.) и турецко-неаполитанского (21 января 1799 г.) союзных договоров осуществлялось на основе русско-турецкого договора. Россия как черноморская и средиземноморская держава явилась инициатором мер по пресечению дальнейшего распространения наполеоновского продвижения на Балканах и в Восточном Среди-

земноморье. При ведущей роли России оформилась 2-я антинаполеоновская коалиция, в которой не подчиненным, а равным участником была Османская империя. Гарантом ее суверенитета выступило русское правительство. Отличие этой коалиции от различных союзов эпохи Семилетней войны и периода 1760—1780-х гг. заключалось для Турции в том, что теперь речь шла о защите собственных территорий и о самом существовании Османского престола.

Оборонительный русско-турецкий союзный договор 1799 г. и согласованное военно-политическое взаимодействие двух черноморских держав дало необходимые гарантии против враждебных России сил в пределах ее причерноморских владений.

Первый взаимовыгодный и равноправный договор России и Турции закрепил в европейской политической жизни их статус суверенных черноморских держав, имеющих особые права по защите Черного моря от агрессии третьих стран.

Впервые режим Черноморских проливов решался на уровне международного договора. Сохранились все суверенные права Турции на Проливы, на преимущество в определении их режима. Временное предоставление русским военным кораблям права прохода через Проливы было достигнуто на основе полного равенства и взаимоуважения без негативного вмешательства извне и создавало реальные условия дальнейшего развития русско-турецких отношений на обоюдовыгодной двусторонней основе.

Остававшиеся нерешенными некоторые вопросы пограничного и торгового характера не заслонили главного содержания и направленности договора — борьбы против иностранной интервенции в Восточном Средиземноморье. В то же время следует учитывать, что султанский феодально-теократический и царский феодально-крепостнический режимы составили основу легитимистского союза против распространения республиканских идей, освободительных движений среди балканских подданных Селима III, вблизи владений Павла I.

Дипломаты России и Турции еще согласовывали окончательные формулировки союзного договора, когда соединенная эскадра кораблей русского (10 вымпелов) и турецкого флота (28 вымпелов) приступила к освобождению Ионических островов. Общее командование было возложено на Ф.Ф. Ушакова, его заместителем был назначен, в ранге патрона-бея, т.е. контр-адмирала, опытный и энергичный Абдул Кадыр-бей. Обе эскадры выделяли по два фрегата и десять канонерок, чтобы при необходимости направить их к Александрии на помощь английской эскадре, главной целью которой была определена блокада египетского побережья, оккупированного Наполеоном.

При определении этого плана столкнулись две противоборствующие линии — русская и английская. В.С. Томара и Ф.Ф. Ушаков отстаивали Ионические острова как направление главного удара. Ч.С. Смит и командующий английской эскадрой Г. Нельсон требовал направить всю русскую эскадру под Александрию. Британскому кабинету и самому У. Питту были не чужды планы присоединить Ионические острова, как и Мальту, к английским владениям. О том, насколько важно для англичан было использовать русскую эскадру под Александрией и не допустить самостоятельных действий Ф.Ф. Ушакова, свидетельствуют письма Нельсона Ушакову и Кадыр-бею. Нельсон — Ушакову 14 декабря 1798 г.: “...С истинным сожалением вижу, что еще 26 ноября не прибыла никакая эскадра, чтобы помочь капитану Гуду, который нуждается в подкреплении. Египет — первая цель, Корфу — второстепенная”. Нельсон — Кадыр-бею 17 декабря 1798 г.: “Я надеялся, сэр, что часть соединений турецкой и русской эскадр придет к Египту, первой цели войны для оттоманов, а Корфу — это второстепенное соображение...”

Англии был хорошо известен приказ Директории от 12 апреля 1798 г. Наполеону — принять меры для полного и исключительного овладения Францией Красным морем. Директория непрерывно требовала от участников египетской экспедиции топографических сведений

о местах древнего канала Суэц—Красное море, настаивала на скорейшем строительстве торговых судов и выходе их в Красное море. Надлежало “силой и договором” укрепиться на юге Аравии, развивать торговлю с Индией.

С учетом всех этих обстоятельств от русской эскадры требовали помощи в ограждении британских интересов в Красном море с такой же настойчивостью, с какой от Турции требовали права наибольшего благоприятствования для Левантийской компании и свободного плавание британских торговых кораблей в Черном море. Занятие Муклы в апреле 1799 г., укрепление острова Мальта, активизация действий эскадры адмирала Бланкета в Красном море и подготовка десанта сипайских частей для высадки в Кусейре (Египет) свидетельствовали о дальних планах Англии в отношении Египта и аравийского побережья, с учетом ослабления Турции и появления новой морской силы в Восточном Средиземноморье — русского флота. “Русские должны были бы заняться районами к востоку от Кандии, — требовал Г. Нельсон. — Я никогда не хотел, чтобы они были к западу от нее. Все эти острова должны быть нашими”. О том, насколько опасным для себя считали англичане самостоятельные действия эскадры Ушакова, свидетельствуют многие документы.

В дальнейшем Нельсон сделал все возможное, чтобы поселить в Кадыр-бее и личном представителе Селима III на объединенной эскадре Ахмет-бее недоверие к Ф.Ф. Ушакову лично и внушить мысль об опасностях, грозящих Турции со стороны России. В донесениях Ф.Ф. Ушакова неоднократно говорилось о “кознях” англичан.

В связи с этим как победу “русского курса” в турецких правительственных кругах можно рассматривать Ионическую экспедицию и совместные действия России и Турции по созданию Республики Семи Соединенных островов в этом районе.

Совместные действия в Ионическом архипелаге, вероятное устройство островов после освобождения об-

суждались в ходе встреч В.С. Томары и Атифа-эфенди еще в июле 1798 г., т.е. до прихода русской эскадры. “Важность сего плана для Порты, — писал Ф.Ф. Ушаков Г. Нельсону в августе 1798 г., — ясно доказывается положением тем островов и вернейшими известиями о намерении французов: сильно в них укрепясь, напасть на империю Оттоманскую со стороны Албании и морем”.

В середине сентября 1798 г. объединенная эскадра под общим командованием Ф.Ф. Ушакова уже была в Ионическом море. В октябре были взяты крепости на островах Цериго и Занте. Повсюду народные восстания поддерживали союзную эскадру. В начале ноября капитулировали французские гарнизоны на островах Кефалония, Итака и Св. Мавра. Уже на этих островах в соответствии с заранее намеченным планом Ф.Ф. Ушаков предоставил населению право самоуправления. Управление было поручено лицам “из выборных обществом дворян и из лучших обывателей и граждан, общими голосами признанных способными к управлению народом”. Всем жителям, которые “были в сочувствии французам”, Ушаков объявил политическую амнистию. Не в пример английским и австрийским военачальникам Ушаков избегал каких бы то ни было судов и казней. Население островов оказывало самый восторженный и радушный прием русским морякам. Вместе с русскими в десантах участвовали и турки. Население встречало их настороженно — греки боялись турок еще больше, чем французов. Турки же “неохотно взирали на сию чистосердечную и взаимную привязанность двух единоверных народов”, — читаем мы в записках участника событий лейтенанта Е. Метаксы.

В ноябре 1789 г. над всеми островами, кроме Корфу, развивались русские и турецкие флаги. 20 ноября эскадра Ушакова и Кадыр-бея подошла к о. Корфу. Как писал И.Х. Узунчаршылы, османы в XVI–XVII вв. безуспешно пытались овладеть этим островом. Изгнать французов с острова было совершенно необходимо, так как он находился вблизи османских владений, и овла-

дение им обеспечивало бы безопасность западной части Румелии. Порта придавала огромное значение захвату острова и послала особого представителя Махмуда Раифа (известного реформатора, настроенного проанглийски — *В.Ш.*) на турецкую эскадру.

Ни Махмуд Раиф-эфенди, ни сам Абдул Кадыр-бей, человек большой личной храбрости и верности союзническому долгу, не могли организовать сколько-нибудь планомерную осаду или тем более взятие этой перво-классной крепости с четырехтысячным гарнизоном. Преодолевая пассивность турецкого командования, яростное противодействие Г. Нельсона, стремившегося отвлечь русскую эскадру от взятия этой центральной опорной базы Франции в Средиземноморье, нередко сравниваемой с Мальтой по своему стратегическому положению, Ф.Ф. Ушаков подготовил и осуществил одну из самых блестящих операций в истории русского флота. 3 марта 1799 г. французский гарнизон о. Корфу капитулировал. В истории военного искусства была вписана новая “русская” страница. Было опровергнуто устойчивое мнение современников — военных теоретиков — о том, что приморские крепости берутся только с суши, а флот обеспечивает лишь тесную блокаду таких крепостей.

Ф.Ф. Ушаков предложил блестяще осуществленный новый подход: мощная обработка укреплений корабельной артиллерией и подавление большого числа батарей и прислуги с последующим гренадерским десантом. В отличие от историков наших дней Ушаков не забывал, что в штурме отлично проявили себя регулярные солдаты нового турецкого войска — низам-и джедид, посланные Селимом III в свой первый серьезный поход.

Оставалось наладить управление на Ионическом архипелаге. Проекты устройства Семи Островов, исходящие от России и от Турции, действительно серьезно разнились. Борьба вокруг определения будущности островов отражала наличие серьезных расхождений между Петербургом и Константинополем по вопросу о судьбе территорий Порты, о которых шла речь в договорах и конвенциях 1774–1791 гг.

В конфиденциальной форме В.С. Томаре в октябре 1798 г. было сообщено, что Порты считает статус Дунайских княжеств с назначаемыми из османской столицы господарями наилучшим для Ионических островов. Воспользовавшись поспешными “авизами” В.С. Томары, Порты требовала присоединения так называемой Венецианской Албании* и трех островов. Полная вассальная зависимость Семи Островов должна была, с точки зрения Порты, во-первых, обеспечить пресечение с помощью турецких войск (как это делалось в Дунайских княжествах) неповиновения как островитян, так и греков на побережье. Во-вторых, удовлетворить Россию провозглашением общего покровительства христианскому населению согласно предыдущим договорам.

Россия предлагала статус, аналогичный статусу полунезависимой Рагузинской (Дубровницкой) республики, с полным правом внешних сношений и внутренним самоуправлением под суверенитетом султана, но под гарантией царя. Оговаривались отмена хараджа, вывод турецких войск в мирное время и право на прямые торговые операции ионитов в русских портах. По существу, это давало бы островам независимое от Турции положение, создавало бы для России возможности шире развивать политические, культурные и экономические связи с островной и материковой Грецией, другими владениями Турции, со странами Южной и Западной Европы. В.П. Кочубей, В.С. Томара, Ф.Ф. Ушаков, даже осторожные братья Воронцовы решительно воспротивились турецкой идее статуса Дунайских княжеств для островов, “как могущего навсегда отвратить греков от России”. Кроме того, в русских правительственных кругах осознавали недостаточность и слабую защищенность привилегий княжеств.

Итогом длительных и достаточно сложных переговоров явилось подписание в Константинополе 1 апреля

* Так называлась узкая прибрежная полоса, принадлежавшая Венецианской республике. После того, как Венеция пала, эта территория стала яблоком раздора в Восточном Средиземноморье.

1800 г. конвенции о создании Республики Семи Соединенных Островов. Победила русская концепция — “рагузейский тип республики” под вассальной зависимостью Турции, но с правом собственного флота и конституции. Россия гарантировала конституцию и привилегии Республик, из которых важнейшими были внутреннее самоуправление, вывод турецких войск после окончания войны, право торговли под своим флагом в Черном море (право, полученное ионитами первыми в Европе после 1774 г.). Сюзеренитет Порты подчеркивался символической данью в 75 тыс. курушей. Харадж отменялся, и, следовательно, население не могло считаться в буквальном смысле реайей. Парга, Превеза, Войница и Бутринто (Венецианская Албания) получили право особой административной единицы — привилегии, аналогичные Дунайским княжеством. Ряд статей должен был защищать албанское население побережья от произвола турецких властей, но, как писал Ф.Ф. Ушаков, “все равно отчаяние населения было безгранично”. К нему приходили делегации от жителей с просьбой защитить их от турок и принять эти города под прямое покровительство России. Все эти просьбы Ушаков направлял царю. В ответных рескриптах Павел I находил защиту албанцев “делом поздним и ненужным”.

В 1799–1800 гг. для царского правительства было выгоднее сохранить союзные, дружественные отношения с Османской империей, чем поддерживать угнетенное население адриатического побережья. Интересы жителей Венецианской Албании были принесены в жертву русско-турецкому союзу. Никаких особых прав или преимуществ для России оговорено не было. Более того, в конце 1798 г. Павел I выражал согласие на неограниченный вассалитет островов от Османской империи. В феврале 1800 г. В.С. Томаре было предписано от имени царя официально подтвердить, что Россия не стремится “ни к присвоению, ни к завладению властью правительства тех островов”.

Сложное положение в Египте и Сирии, опасность вызвать новые волнения на Ионических островах

и в материковой Греции вынудили Порту подписать упомянутую выше Константинопольскую конвенцию.

Вместе с тем была предпринята довольно удачная (и, видимо, единственная) попытка применить режим капитуляций для “исправления” излишне независимого статуса Республики Семи Островов. По инициативе подписавших конвенцию войскового муллы-казаскера Иismet-бея и реисулькюттаба Атифа-эфенди был составлен документ, получивший в русской и европейской литературе название “Исторический диплом”. В формальном соответствии с капитуляционной грамотой, выданной в 1651 г. Мехмедом IV нобилитету Рагузы, и на том основании, что Республика Семи Островов подобна Рагузинской, Порта “милостиво” объявляет острова в вассальной зависимости, как бы покоренные силой османского оружия. На положении данника, в качестве особой милости Богоспасаемого Предела, жители острова будут врагами его врагов и друзьями его друзей и не должны помогать разного рода бунтовщикам и мятежникам из Морен, Архипелага, Химары, Эпира и др., равно как и не должны принимать на поселение христианских подданных султана, откуда бы родом они не были. “Тягостными и трудновыполнимыми” назвал в марте 1804 г. эти положения А.А. Чарторыйский, нацеленными на уничтожение “гражданской и политической свободы этого государства”. Однако тогда, в мае–июне 1800 г. В.С. Томара во имя сохранения второй коалиции, ввиду роста народного движения на островах против власти Турции, и, наконец, учитывая уход эскадры Ушакова с Корфу (17 июня 1800 г.), подписал “Исторический диплом”. Россией этот документ утвержден не был и без санкции страны — гаранта силы не имел.

Одновременно с подготовкой и оглашением указанного “Диплома” турецкое командование на островах предприняло массовые разрушения фортификационных сооружений, которые должны были занять иониты. Из писем и донесений Ф.Ф. Ушакова, командиров кораблей и неустановленных лиц из местного населения,

хранящихся в российских архивах, следует, что это были не случайные действия, как оправдывался Кадыр-бей, а скорее продуманный план уничтожения всех оборонных сооружений островов Корфу, Видо, Цериги и других.

В марте 1800 г. Ф.Ф. Ушаков написал письмо сераксеру в Константинополь: “Многократно жаловался я прежде Кадыр-бею, что команды его служителей остров Видо весь разрушили, деревья даже истребили, и батареи во множестве испорчены. Когда эскадра турецкая была в Корфу, турками и албанцами все приведено в худость, и теперь командою Вашей люди ежедневно спускаются в великом множестве для рубки деревьев. И батареи начисто разорены и истреблены, пушки со станков сбросаны, колеса сняты, оси и платформы изрублены. Остров Видо был наилучшим украшением и защитой острова Корфу, теперь же полностью разорен Вашей командою. Также поступлено с другими островами. Я о сем доношу и требую, чтобы батареи привести в прежнее состояние”.

В турецкой историографии не точно излагалась социальная политика Ф.Ф. Ушакова. Так, И.Х. Узунчаршылы и позднее Э.З. Карал и другие авторы писали о постоянном вмешательстве Ф.Ф. Ушакова во внутренние дела Республики, о том, что он вел пропаганду среди греков, поддерживал “местных якобинцев” и, в целом, вызвал общее недовольство островитян, добивавшихся покровительства Османской империи. По поводу этих высказываний заметим, что относительно либеральная конституция Ушакова 1799 г. (“Временный план об утверждении правления”) не могла удовлетворить все слои ионического общества. Доминировал принцип происхождения (нобилитета) при определении права на власть, но некоторые права получила также и зажиточная, в основном связанная с морской торговлей городская буржуазная верхушка.

Отзывы современников и документы свидетельствуют, что Ушаков предоставлял жителям максимум самостоятельности во внутренних делах. “Вмешательст-

во” его состояло в настойчивом требовании избрать судей и других должностных лиц “искусных, честных, справедливых и достойных выбором и баллотирацией”. Все обращения Ушакова к жителям носили характер обсужденных предложений и подписывались совместно им и Абдул Кадыр-беем. Меры по организации управления разрабатывались на месте и служили интересам широких слоев населения; впервые были предприняты меры правовой защиты трудящегося населения, “жителей третьего класса”.

На островах действительно разгорался острый социальный конфликт. Часть знати и группа фанариотов, тесно связанных с Портой, летом 1799 г. в Константинополе, как это бывало не раз, вступила в тайные переговоры с Портой за спиной Республики и ее выборных органов. В феврале 1800 г. Ушаков писал по этому поводу В.С. Томаре: “Эти люди ищут своей выгоды, а другие мстят за то, что при баллотирании не удостоены на те места, куда хотели. Тех, кто вас беспокоит, я и Сенат не знаем, кто они такие”. Закулисные переговоры нобилитета и Порты помогли турецким властям при подготовке новой, так называемой Константинопольской конституции, отменявшей действовавший и одобренный Ушаковым “Временный план правления” и восстанавливавшей диктатуру верхушки дворянства.

Острые социальные конфликты на островах в 1800–1801 гг. непосредственно затрагивали интересы России и Турции. К тому же Франция упорно пыталась вернуть утраченные позиции в Ионическом Архипелаге, обращаясь то к России, то к Турции. С островов поступали сведения о том, что в сентябре 1801 г. в ряде мест вспыхнули народные восстания как против нобилитета, так и против поддерживавших их турок. Царское правительство пыталось найти выход. Занять крупными военными силами острова Александр I не решился. Однако нужно было как-то оградить влияние России и противодействовать покушениям Турции на Ионические острова. С этой целью по предложению России летом 1802 г. в Константинополе имели место

переговоры об изменении статуса Республики Семи Островов. Россия предложила провозгласить полную независимость островов от Османской империи. Стороны не пришли ни к каким позитивным результатам, так как Порта не желала терять даже те ограниченные права, которые были определены в Апрельской конвенции 1800 г. Позднее конституция республики претерпела изменения, но уже без вмешательства Турции. В 1803 г. была введена разработанная новым российским посланником в Константинополе А.Я. Италинским и полномочным представителем России в Ионической республике графом Г.Д. Мочениго новая конституция, которая была направлена на смягчение внутренних противоречий и закрепление политического порядка, благоприятного интересам России.

Судьба республики была предметом обсуждения на Парижских совещаниях русского посла во Франции с Ш.-М. Талейраном и турецкого посла с Талейраном в октябре 1801 г. Конституционное устройство и суверенитет республики были зафиксированы в особых статьях Парижских договоров между Россией и Францией (подписан 8 октября), между Турцией и Францией (подписан 10 октября), а также в особой статье Амьенского договора между Англией и Францией от 27 марта 1801 г.

В конце 1806 г. Наполеон снова захватил Ионические острова. По Тильзитскому миру 1807 г. Россия признала протекторат Франции над островами.

Освобождение Ионических островов совместными усилиями России и Турции при всех отмеченных негативных моментах свидетельствовало о принципиально новом подходе к решению ближневосточных проблем, к Восточному вопросу в целом, прежде всего в России — инициаторе сближения. Несомненные сдвиги в сторону более гибких и позитивных решений по этим вопросам проявили правительственные круги Османской империи. Определились тенденции и перспективы отношения в России и Турции к росту освободительного движения на Балканах.

Компромисс двух феодальных монархий в борьбе против наполеоновского режима превратился в союз

и стал основой международного соглашения по широкому кругу вопросов. Вопреки намерениям и Петербурга, и Константинополя на Ионических островах были заложены основы будущей греческой государственности.

Падение французских опорных баз в Ионическом море и крушение египетского похода Наполеона означали, что пришел к концу его “восточный роман”, как называли современники неудержимый и страстный порыв Наполеона Бонапарта в Восточное Средиземноморье. Преодолеть союз России, ставшей средиземноморской державой и одержавшей во имя этого серию блистательных побед, с Турцией, двинувшейся по пути реформ и преодолевшей пагубное гипнотическое воздействие “образа врага”, оказалось не под силу даже Наполеону Великому. Он полагался на зов сердца, оно тянуло его на Восток, и на свое военное счастье, но, увы, но не знал исторической конфликтологии.

Конец “нечаянного союза”

В международных отношениях на Балканах и на Ближнем Востоке в первые годы XIX в. закрепились основные тенденции 1790-х годов: курс России на сохранение Османской империи и стремление решать все вопросы на двусторонней основе. Менее последовательной была линия Османской Турции. Помимо сложностей внутриполитического положения в связи с реализацией проектов низам-и джедида, сказывалось сильное влияние клерикальных кругов и всех тех сил в стране (и немалых), которые продолжали связывать воссоединение Крыма с южнорусскими землями и территориальные потери Турции 1770–1780-х гг. с ослаблением “исламского духа” в стране и в самом султани Селиме III. Поскольку период его начинаний приходится на сближение России и Турции и установление атмосферы стабильности и безопасности на русской границе (чем эти преобразования и были обеспечены, с точки зрения внешних условий), то нападки на реформы сопровождались упреками в адрес союза с Россией. Критики “рус-

ского союза” говорили о том, что Россия продвигается в Закавказье через Восточную Грузию, которая в 1801 г. вошла в состав Российской империи, упрекали Россию и Францию — вместе и порознь — в стремлениях к разделу Османской империи.

Некоторое сближение Павла I с Наполеоном в 1800–1801 гг. было очень относительным, непрочным, при том, что французские планы раздела Турции отвергались. Россия последовательно выступала за полный вывод и французских, а английских войск из Египта и восстановление там полного и неограниченного суверенитета султана. Вместе с тем появились обстоятельства, осложнявшие отношения с Турцией.

В 1800 г. наметился разрыв России с Англией в связи с оккупацией о. Мальты и подготовкой к захвату Египта. Проявились расхождения с Австрией, совершившей очередное предательство русского союза в период легендарного итальянского похода А.В. Суворова. Стало заметно некоторое ослабление противоречий с Францией и постепенное сближение с ней. Все эти события и сведения о них сочетались с обильной информацией, поступившей в Петербург из балканских пашалыков Турции, из Сирии, Ирака, о заговорах и восстаниях пашей, о глубоком недовольстве режимом Селима III в самых разнообразных кругах османского общества.

Напряженная политическая атмосфера царила в самой России. И в этой обстановке родился проект раздела Турции Ф.В. Ростопчина и почти одновременно — план военного похода в Британскую Индию франко-русского корпуса под командованием сподвижника Наполеона генерала Массена. Химерический по сути, непоследовательный по форме ростопчинский проект раздела османских владений между Россией, Австрией и Пруссией мог отвечать только одной цели — показать Англии, что для нее нет места на Ближнем Востоке. “Записка” Ростопчина всего лишь пополнила копилку планов раздела Турции и ни современниками, ни авторами новейшего времени всерьез не воспринималась.

Отношение к “индийскому походу” оказалось иным, особенно в той его части, которая касалась начавшего-

ся в феврале 1801 г. рейда донских казаков через Оренбург на Хиву и Бухару. Окончившийся тотчас после смерти его вдохновителя Павла I поход на Индию реально означал для Турции не больше, чем проход русских коней на Грумант. В политической жизни Ближнего Востока он, однако, воспринимался как угроза мусульманской Индии, хотя на деле за всеми “угрозами для Индии от России” четко прослеживалась холодная и уверенная рука Альбиона.

При всех изменениях курса русской дипломатии начала XIX в. стремление правящих кругов России сохранить “добрую гармонию” с Османской империей оставалось неизменным. Александр I, изменив внешнеполитическую ориентацию убитого отца, оставался верен принципам сохранения Османской империи, фактическим мирным первооткрывателем которой стал император Павел Петрович.

Ближайшей задачей, которую решали Александр I и его окружение после восстановления мира с Англией (март–июнь 1801 г.), было подтверждение политики союза с Османской империей. Главная забота царской дипломатии состояла в том, чтобы не допускать всеобъемлющего влияния Франции или Англии на турецкое правительство и использования этого влияния во вред интересам России.

Необходимо учитывать, что уже в эти годы сравнительно медленно, но неуклонно нарастали торговые противоречия России на Ближнем Востоке с Францией и Англией. Торгово-промышленные круги Франции видели в овладении морской торговлей через Проливы и сухопутной через Малую Азию на Грузию, “Черкесию” и Персию ключ к преимущественным позициям в случае морской войны в Средиземном и Черном морях, равно как и мирный путь к утраченной французами Индии.

Британская дипломатия в Константинополе сосредоточила усилия на закреплении своего военно-морского присутствия в Восточном Средиземноморье через конкретную и действенную помощь по реконструкции флота под руководством Уильяма С. Смита, в 1798 г.

ставшего советником Порты при обороне Акки от французов и получившего за это от турецких властей ранг “эльчи” — посланника, а также Джорджа Ф. Келлера, помогавшего реформировать навигационную службу Турции и планировать военные действия с Францией. Оба они — офицеры британской королевской службы — получали дотации Левантийской компании за содействие британскому торговому флагу в Проливах. Живой интерес в Адмиралтействе Великобритании и в деловых кругах вызвали записки Уильяма Итона, коммерческого советника посольства Англии в Константинополе в эти годы. Он одним из первых в Англии провозгласил задачей безотлагательное преимущественное внедрение английских кредитов в Турцию и использование британского торгового флота в борьбе за политическое и экономическое влияние на территории всей Османской империи.

К числу внутривнутриполитических факторов, настоятельно требовавших укрепления стабильных и добрососедских отношений России с Османской империей, были прежде всего задачи дальнейшего хозяйственного развития Юга и Центра России. Бесспорно воздействие экономических интересов тех кругов, которые вели активную и возрастающую торговлю через южные порты.

Царское правительство полагало, что для выполнения этих задач необходимо поддерживать дружественные отношения с Турцией. В 1801–1805 гг. ставка сторонников союза с Турцией на сохранение статус-кво в Восточном вопросе лежала в основе политики России в регионе. Один из руководителей внешней политики России в эти годы Н.П. Панин подчеркивал, что Россия заинтересована в сохранении именно слабой Турции, и что России “нужен союз с такой Османской империей, слабость и плохое управление которой — драгоценный залог безопасности”.

Канцлер А.Р. Воронцов был того мнения, что “с тех пор, как Россия оставила помышление о распространении границ своих за счет владений оттоманских, Турецкая империя, ослабленная прежними успехами оружия

нашего и внутренними ее неустройствами, сделалась лучшим для России соседом". Братья Воронцовы разделяли убеждения В.П. Кочубея, по совету дядюшки — М.И. Кутузова, следившего за Турцией, в том, что "...нет соседей покойнее турок, и сохранение сих естественных неприятелей наших должно действительно вперед быть коренным правилом нашей политики". Со всей откровенностью сановные чины России говорили, что им нужна слабая Турция, "с ее режимом деспотизма и невежества" (слова Н.П. Панина), так как слабая Турция больше нуждалась в сильном покровителе. Идея — кто станет покровителем османов — материализовалась и обрела зримые очертания в первые годы XIX в.

Правительство Александра I заявило, что будет всемерно "сохранять и поддерживать Османскую империю". Русским дипломатам за границей были даны указания принять это положение за основное правило деятельности. Принятый политический курс определял и характер деятельности русских дипломатов в Турции в 1801–1805 гг., отличительной чертой которой было стремление сглаживать, откладывать решения наиболее острых противоречий, искать компромиссные пути.

С турецкой стороны прослеживается стремление противопоставить двухсторонним отношениям в рамках союзного договора — участие Османской империи в международных соглашениях, а союзные отношения с Россией уравнивать с Францией, Англией, Пруссией, отчасти с Австрией. Подобная политика широкого компромисса не могла обеспечить Турции стабильного политического курса "равновесия в европейской политике" (А. Курат) уже потому, что Франция и Англия, каждая в своих интересах, но равно беспощадно готовили захваты османских владений.

Франция после египетского похода и серии неудач на Красном море переключилась на западнобалканские пашалыки. Англия настойчиво внедрялась в Египте и Аравии, на побережье Персидского залива. Коренную противоположность политических устремлений за-

падных держав и ближневосточной политики России продемонстрировали Парижские и Амьенские переговоры 1801–1802 гг. При этом следует отметить следующее обстоятельство.

Русско-турецкие отношения во время периода существования союзного договора (1799–1806 гг.), включая короткий период непрочного мира в Европе в 1801–1803 гг., отражали всю многогранную сложность эпохи активизации восточной политики государств Европы и потому подвергались интенсивным атакам как со стороны Франции, так и со стороны Англии, непоследовательного союзника России в Европе и неизменного противника в Азии.

В то же время сам союз двух черноморских держав был сдерживающим и стабилизирующим фактором и в общеевропейской, и в собственно ближневосточной политике европейских держав и в качестве такового послужил мишенью как для противников России в Европе, так и для тех кругов в Османской империи, которые строили планы реваншистского характера, полагаясь на помощь Западной Европы.

Союз с Россией обеспечивал после 1791 г. внешнеполитическую безопасность и гарантировал общую стабильность в Восточном Средиземноморье и в пределах всего Ближнего Востока, необходимые для реформ Селима III.

Однако реальная помощь в военно-административном аспекте этих реформ приходила из стран, противостоящих России по широкому кругу Восточного вопроса. Острие этих реформ — османская армия нацеливалась против России именно теми силами, от которых Россия предполагала оградить своего союзника.

Такова была специфика конфликта, находившегося в латентной фазе.

Авторы упоминавшихся турецких работ среди событий этих лет выделяют проблему улучшения франко-турецких отношений и события, связанные с подготовкой и заключением Парижского договора 1802 г., подчеркивая центральную роль Турции в отношениях ев-

ропейских держав. Однако в это положение необходимо внести определенные коррективы. И русско-турецкий, и англо-турецкий договоры 1799 г., включали статьи об уходе всех иностранных войск (т.е. и Франции, и Англии) из Египта после завершения войны. Упомянувшиеся британские специалисты в Константинополе, командование британского отряда в Египте, новый посланник Т. Элгин избрали, однако, иной путь.

С весны 1801 г. при поддержке и на средства Англии в Египте началось формирование регулярного войска разгромленных мамлюков для борьбы с войсками Селима III. Одновременно посол Англии в Константинополе настойчиво требовал для мамлюкских беев автономных прав в районе Верхнего Египта. Опираясь на сепаратистские силы в Египте, Англия действовала вразрез с договором 1799 г. и при этом деятельно добивалась компенсации за участие в антинаполеоновской деятельности и искала противовес русской политике борьбы за расширение прав Дунайских княжеств, которую вела Россия в эти годы.

Россия, отвергнувшая все намеки Наполеона “о политическом бессилии и ничтожестве Порты и необходимости перемен на Ближнем Востоке”, выразила готовность поддержать предложение Первого консула о посредничестве на франко-турецких переговорах об эвакуации Египта. Франция надеялась смягчить ситуацию и английскому военному присутствию в Египте противопоставить твердые, как ей было известно, намерения России добиваться возвращения Египта Порте. Россия полагала, что ее посредничество, осуществляемое к тому же непосредственно в Константинополе, существенно укрепит союзные отношения с Турцией и в целом политические позиции России в Османской империи, позволит свести к минимуму выгоды экономического характера, которых Наполеон мог бы добиться в Черном море. Предполагалось также, что удастся более жестко контролировать и действия Англии во всем регионе.

Очевидно, что подобная линия могла бы вполне соответствовать интересам и России, и Турции. Если

учесть, что Россия активно поддерживала независимый Неаполь в его борьбе с Наполеоном, и с февраля 1802 г. по предложению В.П. Кочубея, возглавившего министерство иностранных дел у Александра I, началось превращение Ионических островов в опорную базу России, тем более очевидно, насколько важно было согласованное с Турцией посредничество России.

13 октября 1801 г. В.С. Томара доложил Александру I о желании “правительства турецкого, чтобы... базы примирения Порты и Франции... писаны были в Париже при медиации в. в-ва...” Дело в том, что, видя откровенно захватнический характер действий Англии в Египте и не доверяя Франции, получив к тому же отказ Пруссии оказать “добрые услуги старому другу, — Порте”, видные государственные деятели Турции, недавние противники сближения с Россией капудан-паша Кучюк Хюсейн-паша, реисулькюттаб “ингилиз”, т.е. “англичанин” Махмуд Раиф-эфенди, такой активный реформатор, как Челеби Мустафа-эфенди решительно высказались в поддержку русского посредничества. Инструкции турецкому посланнику в Париже Али-эфенди были согласованы в Константинополе с В.С. Томарой. Али-эфенди получил предписание действовать по согласованию с русской дипломатией во Франции. Тщетно, однако, русское правительство добивалось, чтобы “Али-эфенди заимствовался во всем опытными советами графа Маркова”. Шарль М. Талейран, который вел переговоры с турецкой делегацией, сумел исключить какое бы то ни было посредничество русского посла.

Предварительный мирный договор, подписанный Ш.-М. Талейраном и Али-эфенди 9 октября 1801 г., давал Турции гарантии неприкосновенности Ионической республики и возвращения Египта в обмен на полное восстановление капитуляционного режима. Те же гарантии содержались во франко-английском договоре от 1 октября 1801 г. Это обстоятельство, известное турецкому посланнику по информации Талейрана, и то, что Россия в июне 1801 г. отказалась совместно с Англией гарантировать турецкий суверенитет над Египтом,

а также тот факт, что Франция фактически разорвала подписанную днем позже после франко-турецкого соглашения, франко-русскую конвенцию от 10 октября 1801 г., предусматривавшую (ст. III) русское посредничество в Константинополе, должно было убедить Порту, что Франция предпочитает договор с Турцией сближению с Россией. Позднее Порта отказалась утвердить прелиминарии Талейрана — Али-эфенди, но главная цель Франции была достигнута — посредничество России было сорвано.

Не вполне последовательными были действия В.С. Томары в Константинополе, где он поддержал по приказу Александра I нового посланника Наполеона при Порте О.-Ф. Себастиани, требовавшего ратификации договора Талейрана — Али-эфенди. Несвоевременным и абсолютно далеким от интересов Турции было настояние В.С. Томары, чтобы Батавская республика была признана Портой в качестве вассала Франции. Все это очень неудачное комбинирование осложнило положение русской дипломатии в Константинополе.

Ситуацией немедленно воспользовалась английская дипломатия. Все последующие переговоры о возвращении Египта Порте проходили в Амьене, без участия России, но при активной роли Англии. Определенной компенсацией за отход Турции от согласованной ранее с Россией линии действий можно было рассматривать включение Турции в систему разменов заморскими владениями, которые Англия, Франция, Испания, Голландия на правах колониальных держав закрепили по Амьенскому трактату 27 марта 1802 г.

Англия закрепила за собой Цейлон и Тринидад. Египет возвращался Турции. Ионическая республика была признана державами. Ряд пунктов закрепил территориальные приращения Франции в Европе.

Однако дальнейшее дипломатическое наступление Парижа на Турцию при подписании окончательного франко-турецкого договора 7 июля 1802 г. было существенно ослаблено благодаря России. Наполеон поставил открытие Черного моря непременным условием

окончательного мирного договора с Турцией. Вот здесь и потребовалось вмешательство России, без которого сам выход Турции из войны с Францией затягивался бы неопределенно долго. Все попытки нового турецкого представителя на переговорах в Париже (с марта 1802 г.) Ахмеда Галиба-эфенди избежать допуска торговых судов Франции в Черном море, защищая принцип закрытия Проливов для любых иностранных судов, наталкивались на жесткую линию Ш.-М. Талейрана. С понятной заинтересованностью следили за переговорами и в Англии, добивавшейся такого же права. Задержку в переговорах разрешил Ахмед Галиб-эфенди, предложивший единственно реальный и разумный шаг — получить согласие России по этому вопросу.

Россия вновь обрела фактическое влияние на положение дел. В русских торговых кругах живо интересовались проблемами средиземноморско-черноморской торговли. Одновременно Александр I надеялся, играя на коммерческих интересах Наполеона, сделать его более уступчивым в политических вопросах. Необходимое согласие русского правительства как суверена северного Причерноморья было получено. Однако французское правительство, по существу не использовав открывшиеся для торговли возможности, начало тут же требовать пропуска в Черное море военных кораблей под предлогом защиты от пиратов, о которых и не слышали в Черном море. Это “несообразное домогательство” было отвергнуто и Галибом-эфенди в Париже, и русским правительством.

В ответ на возраставшие со дня на день притязания Наполеона русское правительство предложило объявить еще раз публично, “на всю Европу”, Черное море “...озером, или морем запертым, в которое и входу нет, как через канал (Босфор и Дарданеллы. — *В. III.*), и владение коего принадлежит только тем державам, кои берегами своими оное окружают”. Подобная точка зрения вполне отвечала интересам Турции. В апреле 1803 г. Порты твердо обещала Италинскому исключить проход через Босфор для военных кораблей всех держав, кроме России.

Петербург не хотел углубления конфликта вокруг Проливов и не претендовал на постоянный проход своих военных кораблей через Проливы. “Но само собой разумеется, — писал А.Р. Воронцов А.Я. Италинскому, — что по общему нашему с Портою делу для восстановления и удержания внутреннего устройства в Республике Семи Соединенных Островов, когда нужно будет, в пособие находящихся уже там, отправить из черноморских портов наших несколько военных судов, Порты в проходе их чрез Константинопольский пролив (Босфор. — *В. III.*) в Дарданеллы, туда и обратно, препятствовать не будет. При настоянии таковой или подобной сему надобности министр российский предварительно о том изъясниться имеет с турецким министерством, а через установление такового порядка даваемое от Порты позволение от прочих держав почитаемо будет случайным и не служащим им в пример”.

Решительно выступив против появления военных кораблей нечерноморских держав в Черном море, Россия занимала вполне благожелательную позицию по поводу открытия Черного моря для торгового судоходства и тем самым обеспечила успешное завершение франко-турецких переговоров. Имелась возможность для всестороннего обсуждения вопросов торгового судоходства на новой конференции в Константинополе. В.П. Кочубей находил, что в “пропуске купеческого флага” в Черное море не только нет “неудобства” для России, но напротив, “стечение торгующих разных наций в черноморских портах наших может быть полезно...”

В предписании В.С. Томаре от имени царя говорилось: “...Не имею я ничего вопреки желанию Первого консула, и что не только никакого препятствия не будет мною учинено, если откроется в Константинополе негоциация о проходе в Черное море судов французских, но что Вы еще получите повеления поддерживать подвиги поверенного в делах Рюфеня”. Однако создать зону гарантированного международного коммерческого судоходства России не удалось. В 1802 г. в русские черноморские порты вошло одно торговое судно под

французским флагом, в 1803 г. — 12, в 1804 г. — 1, в 1805 г. — ни одного.

Негативное отношение Англии к новому туру переговоров в Константинополе и объединенные усилия Талейрана в Париже и французского посланника в Турции П.-М. де Рюффена сорвали инициативу русского правительства по активизации коммерческого режима Проливов. Впрочем, Черное море для французской торговли все же было открыто, хотя и на основе не международного соглашения, а подтверждения капитуляционного режима. Согласованием действий России и Турции на заключительном этапе франко-турецких переговоров удалось избежать появления военного флота Франции в Черном море как прецедента превращения Проливов в международный военно-морской путь следования из Европы на Восток.

Кроме того, при содействии России в 1802 г. право на торговое судоходство в Проливах получили Неаполь, Испания, Рагуза, Голландия, Ионическая республика.

* * *

Итак, Россия и Турция, преодолев с огромными сложностями, но, к счастью для народов обеих стран, с неразрушительными последствиями период вооруженного противоборства, путем согласований позиций и взаимных уступок добились, по крайней мере, на время, создания зоны безопасности в Проливах. И это — в разгар наполеоновских войн! Убедительный пример для последующих эпох.

Деэскалирующий европейскую напряженность эффект русско-турецкого союза был очевиден. Но — недолговечен. Почему?

В начале поиска ответа на этот вопрос рассмотрим, как Высокая Порта, опираясь на “русский союз”, решала острые внутривосточные проблемы. Особое значение в это время имеет издание султанских указов — хатт-и шерифов для Молдавии и Валахии, несколько облегчивших положение населения. Переговоры с Рос-

сней по этому вопросу начались еще в период парижских и амьенских дебатов. Население княжеств бедствовало, так как здесь был театр военных действий, более, чем в других землях Балканской Турции, и находилось на грани восстания. Турецкое правительство требовало новых чрезвычайных податей и налогов, помимо установленных ранее поборов; назначенные Портой местные власти — и турки, и фанариоты — безнаказанно грабили население; мятежный видинский паша за счет грабежа княжеств пополнял свои ресурсы для борьбы с Портой. Русский посланник в нотах правительству Турции от 16 июля и 2 августа 1802 г. настоятельно и неотложно просил Порту “принять совместно с ним меры, которые могли бы предотвратить дальнейшие бедствия и исправить зло, причиненное в прошлом, обеспечив на будущее выполнение договоров” 1774 и 1792 гг. Предполагалось, что должен быть установлен семилетний срок правления господарей с правом отзыва их только в случае доказанного преступления. Следовало точно установить размеры и характер налогов с условием отменить те из них, которые были введены после 1783 г., и запретить введение новых. В.С. Томара предлагал освободить Валахию на один год от податей и “восстановить там корпус национальной милиции” — сил самообороны местного населения, возвратить незаконно занятые турками земли и т.д. В Петербурге предполагали заключить двухсторонний акт о статусе княжеств, который обладал бы силой договора.

Формально выступления в защиту княжеств царь объяснял желанием сохранить в силе ранее заключенные договоры и “тем особенным участием, которое он принимает в благосостоянии Османской империи”. Настоятельность Петербурга объяснялась тем, что неустойчивость положения в княжествах при частой смене господарей создавала угрозу русскому влиянию в Молдавии и Валахии. Среди доведенного притеснениями до крайности населения находили благодатную почву европейские революционные идеи. Тем более, что французские агенты постоянно пропагандировали в княже-

ствах свободолобивые лозунги французской революции. Александр I в рескрипте к В.С. Томаре заявил, что это его весьма беспокоит, и он, может быть, двинет войска за Днестр для защиты княжеств “от совершенной их гибели”.

Турецкое правительство полностью разделяло опасения России в отношении угрозы революции и приняло предложения России, но не в виде отдельного соглашения, а в виде дарованных Селимом III “августейших указов”. 24 сентября 1802 г. реисулькюттаб Махмуд Раиф-эфенди известил В.С. Томару об издании двух хатт-и шерифов, одного — для Молдавии, другого — для Валахии. В этих документах подтверждались соответствующие статьи Кючук-Кайнарджийского и Ясского договоров и вводились дополнительные статьи. Период правления господарей устанавливался в семь лет. Отстранение их от должности могло иметь место лишь в случае “явного неповиновения султанским распоряжениям”, оскорбления центральных властей и других “тяжелых проступков”. Новые налоги, подати и реквизиции, введенные после 1783 г., подлежали аннулированию. “Все должности в стране, — говорилось в хатт-и шерифе, — будут предоставляться коренным жителям...” и т.д.

28 февраля 1802 г. русский посланник А.Я. Италинский уведомил Порту, что “е.и. в-во не сомневается в том, что хатт-и шериф и нота (реисулькюттаба от 24 сентября 1802 г. — *В. III.*), врученная его посланнику, заменят его (договорный акт, которого хотел бы царь. — *В. III.*) и явятся актом, столь же аутентичным и столь же священным для обеих империй”.

Сложный и важный вопрос о Дунайских княжествах был решен положительно. Издав по настоянию России названные хатт-и шерифы, Порта пошла на некоторое ограничение своего прямого правления в княжествах. Вместе с тем большее влияние в Константинополе приобрели силы, боровшиеся против усиления России в Молдавии и Валахии, и этим не замедлила воспользоваться французская дипломатия в Турции.

Внешние политические условия, в которых развивались в 1803–1805 гг. русско-турецкие отношения,

во многом определялись настойчивым желанием Наполеона вбить клин между Россией и Турцией по широкому кругу проблем: от территориальных (Балканы, Закавказье) до торговых.

Режим Селима III ждали новые испытания. В стране повсеместно вспыхивали восстания. На грани взрыва были все балканские территории. В 1804 г. развернулось Первое сербское восстание. Россия, отказывая в поддержке самому опасному для Порты мятежнику — Осману Пазванд-оглу, ограничивалась предложением о военной помощи против мятежных пашей Румелии и движения кырджалиев, но фактически соблюдала договорные отношения.

В правительственных кругах влиятельная группа реформаторов продолжала выступать за союз с Россией. Это был главный распорядитель финансов “кассы новых доходов” Хаджи Ибрагим-эфенди; новый реисулькюттаб, идеолог реформ, автор труда о низам-и джедиде Махмуд Раиф-эфенди, а также крупный теолог и поэт Иззет Молла, отец видного деятеля Танзимата Фуад-паши, о котором еще будет идти речь; кяхья (личный представитель) влиятельной матери султана Юсуф-ага; значительная группа фанариотов — “денежных кошельков” и политических авантюристов, связанных с торговлей на Черном море. Самой заметной и влиятельной фигурой среди них был богатый и влиятельный нотабль — аян из Румелии, ставший выдающимся государственным деятелем Мустафа-паша Байрактар, неизменно выступавший за мир с Россией и решительно добивавшийся прекращения войны позднее, в 1807 г.

Влияние этой группы уравновешивалось и нередко превосходилось профранцузской группировкой Челеби Мустафы-эфенди, непосредственного исполнителя реформ в армии, великого везира Хафиза Халета-эфенди, официального историографа и одно время руководителя иностранного ведомства Васыфа-эфенди. Эти люди были связаны с непосредственным вещественным (оружие, техника, инструкторы) проявлением участия Франции и Англии в реформах. Сложность ситуации

заклучалась в том, что, помогая практически делу реформ, французская дипломатия в столице и консулы в городах Османской империи негласно поддерживали ярых противников реформ, особенно из числа влиятельных феодалов на окраинах империи.

Не следует забывать о самой многочисленной “партии” противников реформ: о янычарах, о местных феодалах — крупных и мелких сепаратистах, улемах и муллах разных рангов, отнюдь не собиравшихся “сворачивать в сверток почтения и ставить в угол забвения” знамя войны на потерянные “исламские” земли на Балканах, в Крыму, на Кавказе. В восстании сербов они винили Россию. Восстание ваххабитов в Аравии и смуты в Египте и Палестине объясняли ослаблением страны в войнах с Россией и “гяурскими” реформами. Именно они-то и погубили в конце концов реформы Селима III; они же объективно примыкали к антирусским кругам в Августейшем Диване. Симпатии этих кругов приобрел личный представитель Наполеона маршал Франции Г.-М. Брюн, прибывший в январе 1803 г.; он добивался заключения военного союза с Портой с условием возвратить ей Крым, а позже, но также безуспешно — признания Турцией императорского титула Наполеона. О возврате Крыма постоянно напоминал в беседах с турецкими риджалами О.-Ф. Себастиани, который побывал по поручению Наполеона в Сирии, Египте, на Ионических островах, завязывая новые и укрепляя старые связи с местными профранцузскими кругами. В донесениях этих послов, публиковавшихся в европейской печати, многозначительные намеки на слабость и неизбежность распада Османской империи перемежались в откровенно антирусскими выпадам. Так, министр иностранных дел Франции даже предполагал, что серия фиктивных новостей в офицозе “Монитор” возможно, “охладит прорусскую позицию Турецкого кабинета”...

“Посол французский Г.-М. Брюн действительно старается уговорить Порту разорвать союз с Россией и Англией, — писал А.Я. Италинский, — но я уверен, что он не преуспееет в том; поступки его в таком намерении не

могут от меня быть утаены”. В Константинополе выслушивал авизы Г.-М. Брюна, готовы были принять помощь военной техникой и специалистами, но сохраняли “приверженность к русскому союзу”.

В мае–июле 1803 г. Александр I и Селим III обменялись посланиями, в которых изложили свои взгляды на международное положение и заверили друг друга в стремлении сохранять мир и спокойствие как в интересах двух стран, так и в интересах европейского равновесия. Селим III подчеркивал свою готовность быть посредником в конфликте Франции и Англии. Логика событий привела бы к турецко-русскому посредничеству, тем более, что и Россия, и Турция стремились сохранить мирные и союзные отношения, старались отложить решение спорных вопросов. В иных случаях Турция соглашалась с требованиями России ради сохранения сильного союзника перед угрозой французского давления. Примером тому могут служить отношения обеих держав в связи с Закавказьем. Порты признала покровительство России над Западной Грузией, русское правительство отказалось от присоединения Поти и т.д. Сформулироваться с устойчивую политическую линию эта тенденция не смогла. И вот почему.

В мае 1803 г. возобновились военные действия между Англией и Францией, Восточное Средиземноморье вновь стало театром военных действий. Наполеон I начал открыто угрожать Турции новым вторжением. Во французском “Монитёре” был опубликован отчет генерала Себастиани о поездках по Леванту. В нем, в частности, говорилось, что шести тысяч французов достаточно, чтобы захватить Египет, содержались провоцирующие конфликт в Проливах идеи. К осени в Петербург стали поступать сведения о перегруппировке французских войск на Отрантском полуострове для высадки в Превезе и близ Морейского перешейка. Там действовал Али-паша Янинский, обещавший французам свою помощь, и другие сепаратистски настроенные феодалы, готовые в любую минуту взбунтоваться против Порты. Осенью 1803 г. генерал Сен-Сир получил указания о во-

енных приготовлениях и установлении прочных связей с профранцузскими элементами в Архипелаге и на Балканах. Вторжение в пределы Османского государства предусматривалось Наполеоном, может быть и не как ближайшая задача, но вполне определенно.

В сентябре-октябре 1803 г. Россия вела переговоры с Англией о создании новой, взамен рухнувшей второй, антифранцузской коалиции. Правительство Александра I на этих переговорах придавало большое значение задачам совместной обороны Балкан и Ближнего Востока. В сентябре 1803 г. канцлер А.Р. Воронцов все факты о готовящемся вторжении французов предлагал использовать в борьбе с влиянием Наполеона на Порту. А.Я. Италинский в беседах с турецкими государственными деятелями постоянно повторял, что Россия всеми средствами поддержит существование и нерушимость Турции. Это вполне объективно отражало ближневосточную политику Александра I, который “располагался, поколику возможно, сохранить и настоящие мои с Турцией связи и предохранить, сколько от меня зависеть будет, целость ее”.

В зарубежной историографии широко распространено мнение, что поворот Османской империи к сближению с Францией относится к периоду после Аустерлицкого сражения. В частности, Э. Карал, Т. Инал, А. Курат, Дж. Гюрсель объясняли это тем, что турки убедились в слабости союзников России и Англии и в непобедимости Наполеона. Действительно, Бонапарт снова получил побережье Далмации. Он второй раз угрожал границам Османской империи, что и послужило причиной, в их трактовке, ее сближения с Францией. Энвер Карал считал, что именно Аустерлицкая победа Наполеона явилась точкой внезапного поворота Порты к Франции.

Однако предпосылки для этого сближения начали складываться еще в период Парижских и Амьенских переговоров, но вплоть до 1806 г. Османская империя придерживалась курса на сохранение дружественных отношений с Россией и Англией. В постепенном пово-

роте к Франции, помимо военных и дипломатических успехов Наполеона в Европе, определенную роль сыграло личное давление Наполеона на посланника в Париже Мехмета Халета-эфенди, человека влиятельного при дворе Селима III, но личности слабой и колеблющейся. Очень важным фактом было, конечно, провозглашение Наполеона императором (май 1804 г.). В глазах Селима III это обстоятельство было после “хаоса революции и безбожия” восстановлением привычного и законного порядка в стране, которой с юношеских лет были отданы его симпатии*.

Соображения государственного характера взяли в нем, как обычно, верх. Он разобрался в намерении Наполеона втянуть турок в антирусские акции, учел рост выступлений пашей-сепаратистов на Балканах и размах сербского восстания. Распространение реформ на балканские провинции также было значительно сложнее без благожелательной или по крайней мере нейтральной позиции России. Селим III и находившиеся у власти представители реалистично мыслящих реформаторских кругов, внимательно и компетентно следившие за международной политикой, сознавали, что перевес в 1804 г. был на стороне антинаполеоновских сил. Было жизненно важно для всех реформаторских начинаний султана-реформатора продлить ту мирную передышку, которой Порта добилась благодаря союзным отношениям с Россией.

Еще в 1803 г., т.е. до истечения срока договора 1799 г., Высокая Порта официально выразила желание

* Султан Селим III (род. 1761) был человеком незаурядных дарований. Красавец и редкостный силач, он шутя одолевал в борьбе 3–4-х дюжих дворцовых охранников. И горе им, если султан мог заподозрить, что эти мастера рукопашного и “ятаганного боя” поддались. Он немного говорил по-французски; тайно, запершись в Серале, жадно прочитывал французские газеты и книги. Недаром его сподвигники трактаты о реформах печатали по-французски. При этом было очень набожен. Знал наизусть Коран, и диван его стихов, лично им разрисованный, вошел в сокровищницу литератур Востока. Человек абсолютной честности и личного мужества, он не верил предупреждениям о заговоре (1808 г.), погиб как герой, с клинком в руке, уложив с десяток нападавших заговорщиков.

подтвердить союзный договор с Россией. Вместе с тем в качестве определенной компенсации за отказ признать императорскую титулатуру Наполеона, т.е. по существу поддержать его политику, Порты ожидала от России конкретных гарантий своей внешнеполитической безопасности. При этом осторожно зондировалась позиция французской стороны по поводу дальнейших планов Наполеона в Европе. Осторожный и гибкий Селим III не считал, что конфронтация с Францией слишком затянется. В сентябре 1804 г., чрезвычайному послу Г.-М. Брюну дали понять, что титул Наполеона будет в конце концов признан, а тем скорее, если Османская империя, — дружественно расположенная и к России, и к Франции, — сможет оказывать “добрые услуги” в их отношениях.

О том, каким виделся в этих условиях Селиму III обновленный договор с Россией, свидетельствует одно из его посланий — хаттов великому везиру. “Мой везир, — писал он, — я уже говорил тебе о том, каким образом следует продолжить и обновить наш союз с русским государством. Будет очень хорошо еще раз подчеркнуть оборонительный характер союза. Сейчас у нас в Францией мирные отношения, не следует действовать против нее и вмешиваться в европейские дела. Я выполню мой договор с Россией. Отклонения от исполнения договора недопустимы. Это признает и в этом уверяет также и русский посол. Если Франция объявит войну моему государству и России, моему союзнику, то, по требованию договора, мы выступим против Франции. Так я понимаю этот вопрос и таковы мои намерения”.

В декабре 1804 г. был разработан русский проект нового оборонительного союзного договора с Турцией. Проект содержал 16 гласных статей, 8 секретных и одну сепаратную. Посланник А.Я. Италинский в ходе переговоров с турками мог вносить модификации в текст, но три основные положения обязательно должны были войти в договор: заключить военный союз с Турцией, который исключал бы всякую возможность ее сближе-

ния с Францией; Османская империя должна была вступить в антинаполеоновскую коалицию, а также признать за Россией право делать представления Порте с целью облегчения положения ее христианских подданных. В статьях, 1, 2, 6 проекта говорилось о том, что стороны окажут друг другу помощь в случае войны с Францией. Предусматривалось подтверждение Турцией права России проводить свои военные суда через Проливы и оставить войска на о. Корфу. Стороны должны были взять на себя обязательство не заключать сепаратных договоров и гарантировать владения друг друга (ст. 7 секретная и 15 гласная). Статья 6 (секретная) была направлена на защиту населения бывшей Венецианской Албании от произвола мятежного Али-паши Янинского. В дополнениях к инструкции говорилось, что, возможно, будет поднят вопрос о независимости сулиотов.

В так называемой “статье о греках” (8 секретная статья проекта, опубликованного в “Известиях МИД”, где приведена не полностью) обращает на себя внимание, по словам известного отечественного турколога А.Ф. Миллера, двусторонняя форма обязательства России и Турции не делать никакого различия между подданными мусульманского и христианского вероисповедания. В этой статье за тридцать с лишним лет до танзимата (1839–1876 гг.) четко выражена мысль о необходимости уравнивать в правах христианских и мусульманских подданных Османской империи. В целом, проект договора был продиктован стремлением царского правительства не допустить выступления Турции на стороне Франции, закрепить русские позиции в Средиземноморье как стратегические, так и идеологические (влияние России среди балканских народов).

В начале 1805 г. между Россией и Турцией внешне царило полное взаимопонимание. Селим III счел возможным переслать Александру I письмо Наполеона к нему от 30 января, содержавшее резкие выпады против России. Александр I в ответном послании султану от 17 июля 1805 г. благодарил и заявлял о намерении

поддержать с Османской империей дружественные отношения. До осени в Петербурге полагали, что Франция откроет военные действия против Англии, и посланнику А.Я. Италинскому было предложено настаивать на скорейшем подписании договора с Турцией, чтобы обеспечить, по крайней мере, нейтралитет турок. Осенью 1805 г. выяснилось, что Наполеон нанесет удар другим членам коалиции (Австрия, Россия). Тогда же активизировались наступательные действия Ирана против России в Восточной Армении и Восточном Азербайджане. Теперь нужна была не просто нейтральность, а активное участие турок в антинаполеоновском блоке. Русское правительство согласилось, ради скорейшего оформления союза, на изъятие статей о равноправии христиан и мусульман.

29 джемазиульахара 1220 г.х. (23 сентября 1805 г.) в Константинополе А.Я. Италинский, реисулькюттаб Ахмед Васыф-эфенди и казаскер Румелии Ибрагим Исмет-бей подписали новый союзный договор с Россией сроком на 9 лет. На следующий день его дополнил специальный хатт-и шериф, подтвердивший все привилегии, полученные Дунайскими княжествами. Через несколько дней был оформлен англо-турецкий союзный договор, аналогично тому, как это имело место в 1799 г.

Согласно договору, Россия и Турция принимали на себя обязательства о взаимопомощи (статьи 1–2 гласные). Турция вступала в коалицию держав против Франции (статья 1 секретная). Для ведения успешной борьбы с Францией в Средиземном море России было необходимо свободно маневрировать Черноморским флотом, иметь опорные пункты на стратегически важных островах Архипелага. Все это могло быть осуществлено только в случае свободного прохода русских военных кораблей через Босфор и Дарданеллы. Статья 5 (секретная) предусматривала пребывание русских войск на Ионических островах, а статьи 1 и 4 (секретная) подтверждали право России проводить через Проливы свои военные корабли.

Большое значение имела статья 7 (секретная). Обе договаривающиеся стороны согласились рассматривать Черное море как закрытое и считать как *casus foudensis*, если какая-нибудь держава попытается проникнуть туда, прибегнув к силе оружия.

Ахмеду Васыф-эфенди удалось добиться исключения из договора первоначального требования А.Я. Италинского на время войны с Наполеоном ввести в княжества и Паргу 10–15-тысячный русский корпус или взамен создать отряд валашских волонтеров. В письме Александру I 1 сентября 1805 г. Селим III назвал это предложение А.Я. Италинского преждевременным, так как агрессия Франции еще не совершена. “Предоставление реاية привилегий и равенства в правах противоречит нашим политическим и религиозным принципам”, говорилось в письме.

В ответном письме Александра I Селиму III 3(15) ноября 1805 г. император согласился с изъятием статей о правах христиан и о русском корпусе, но заметил, что они имели целью обеспечение благополучения и интереса Оттоманской империи”. В отношении княжеств была выражена надежда, что Селим III издаст “повеление относительно какой-либо действенной меры, способной обеспечить Молдавии и Валахии спокойствие и безопасность, которых они теперь лишены”. Александр I подчеркнул, что “существование и благоденствие” княжеств гарантированы в договорах, заключенных между Россией и Турцией.

В договор вошли новые, по сравнению с договором 1799 г., статьи. Статья 3 (секретная) давала право русскому посланнику делать представления в пользу христианского населения, хотя конкретно имелись в виду только жители бывшего Венецианского побережья. В статье 5 (секретной) Турция обязывалась соблюдать привилегии населения Ионических островов согласно конвенции 1 апреля 1800 г., а также изменить те из статей пресловутого Исторического диплома, которые противоречили этой конвенции.

Значение договора 1805 г. состояло в том, что попытке наполеоновской агрессии в отношении любого

из владений Османской империи в Европе, Азии или Африке были бы противопоставлены объединенные вооруженные силы новой антифранцузской коалиции держав. Благодаря союзам 1799 и 1805 гг. Османской империи дольше, чем любой крупной европейской державе, удалось сохранять мир в это бурное время и осуществлять реформы, заложившие основу танзимата.

Определенным достижением османской дипломатии, но успехом регрессивного характера, было исключение из первоначального проекта договора статьи о правовом равенстве христиан и мусульман. Порта уклонилась от участия в войне с Ираном на стороне России, ограничив свои обязательства Европейским регионом. Как видим, халифат и азиатские мотивы в этом концерте не звучали.

Для России принципиальную важность имело сохранение Турции в составе антинаполеоновского лагеря. Практическое участие турок в коалиции было незначительно. Однако союзная Турция держала открытыми Проливы для военных и транспортных кораблей России, и это во многом определяло успешный ход боевых операций русского флота в Средиземном море в 1805–1806 гг. Россия могла свободно маневрировать своим флотом. Таким образом, снималась опасность нападения Франции на Северное Причерноморье России и экспансии в Дунайских княжествах. В России высоко оценивали фактическое признание Турцией присоединения Грузии, Мингрелии, Имеретии к Российской империи.

Обычно турецкая историография от времен хроник XIX в. и до последних лет рассматривает союз 1805 г. в контексте и в связи с новой войной 1806–1812 гг. Так, современные исследования повторяют османского историка конца XIX в. Ахмеда Расыма, писавшего, что Селим III “тяготился договором и с радостью и облегчением встретил известие о победе Наполеона при Аустерлице” (2 декабря 1805 г.). Видимо, точнее было бы сказать, что силы, оппозиционные реформам, использовали обновление договора в 1805 г. для новых нападков на Селима III. Реформа в армии продвигалась, не-

смотря на яростное противодействие улемов и янычар, среди которых получила популярность новая поговорка — “скорее я стану москвитом, чем низам-и джедитом”. Создание и укрепление “нового войска”, особенно в Балканской Турции, равно грозило и местной реакции, и связанному с ней Парижу. Низам-и джедид должен был либо победить и вернуть в лоно Османской империи потерянные земли, либо погибнуть вместе со своим вдохновителем, султаном-”отступником”. Поражение России при Аустерлице в 1805 г., казалось, этому благоприятствовало.

Не менее значительным была для определения ориентации Порты инициатива “старого и наиболее верного союзника” — Пруссии, объявившей по Шенбруннскому договору с Францией (декабрь 1805) территориальные гарантии Европейской Турции — то, чего постоянно добивалась Порта. Впрочем, скорое падение Пруссии под ударами наполеоновских войск свело на нет эту гарантию. Наиболее существенным обстоятельством, как пишет современная турецкая историография, окончательно определившим переориентацию Порты, был повторный выход Франции к Балканским землям, охваченным восстаниями христианских подданных и бунтами противников реформ. После Аустерлица в письме к великому везиру Селим писал: “Мой везир, как я вам говорил устно, пусть реисулькюттаб дает понять Фонтону, что мы признаем Наполеона императором. Как можно возражать против императорского звания Бонапарта, победившего столько стран и разгромившего двух императоров. Когда французская нация и император наши друзья, нет смысла не признавать этого факта. Так говорит народ, и в словах его правда”.

Ужесточение Портой режима Проливов (с осени 1806 г. Проливы были закрыты для военных кораблей, введены ограничения для торговых) и произвольное смещение господарей Дунайских княжеств послужили непосредственным поводом войны 1806–1812 гг. 14 лет мирных и дружественных отношений с Россией и Англией сменились шестилетней упорной войной, в кото-

рую повергла страну реакция в лице клерикальных и феодальных кругов, погубивших реформы Селима III, его самого и тех, кто защищал сбалансированный курс внешней политики Османской империи.

Селим III, один из наиболее дальновидных руководителей Османского государства, не сумел довести до конца намеченные реформы и, потерпев крушение в области внутренних преобразований, вовлек страну в бездну новых внешнеполитических осложнений, поддавшись искушению иметь сразу двух активных союзников — Францию и Иран, сближение с которым наметилось на базе отторжения у России Закавказья.

Захватнические войны императорской Франции 1800-х гг. вовлекли в свою орбиту борьбы с растущим освободительным движением в оккупированных Наполеоном землях османских “мужей меча”, ополчившихся и против реформ, и против свободы своих подданных. Поражение Турции, поддавшейся экспансионистским замыслам Наполеона, было предрешиено. Ни одна из целей войны Портой достигнута не была. Не удалось добиться военного союза с Францией под условием обширной военной помощи (ставший позднее обычным прием османской дипломатии). Не получила Порта от Франции и достаточно твердых гарантий территориальной целостности всех — и европейских, и азиатских владений. Османская территория, национальные интересы страны стали объектом усиленных дипломатических комбинаций великих держав. В системе Тильзита и Эрфурта, в бесконечных словесных разделах Османской империи ее национальный суверенитет и целостность были разменной монетой. Однако вернемся в самое начало 1806 г.

В литературе не раз упоминалась инструкция Наполеона I вновь назначенному посланнику в Константинополе О.-Ф. Себастиани от 20 апреля 1806 г. Согласно личным указаниям Наполеона I, он должен был добиваться франко-турецко-иранского союза против России, убедить Порту закрыть для русских кораблей Проливы и порты, ликвидировать все привилегии Молда-

вии и Валахии, введенные по требованию России. Наполеон — “друг и брат” Селима III — уверял, что не стремится к разделу Османской империи, а хочет ее усиления, укрепления как противовеса России. Наполеон предупредил султана устами своего доверенного посланца, что французская армия имеет намерение пройти через османские земли до Днестра для “соприкосновения” с русской армией. Угроза звучала столь же определено, как и обещание вернуть Порте Крым и Причерноморье.

Смещение осенью 1806 г. господарей К. Мурузи и А. Ипсиланти, восстановленных по требованию России и позднее снова снятых, требование к Семиостровной Республике выступить войной против России в качестве верноподданного вассала Османской империи сочетались с произвольным изменением договорного статуса Проливов и для русских судов, и для судов всех других торгующих с русскими черноморскими портами держав. Было бы слишком однозначно трактовать поворот Турции от союза с Россией к войне с ней только под влиянием Франции. Многосложное стечение обстоятельств, характеризовавших развитие Восточного вопроса в эти годы, определило воинственный курс Османской империи.

Новая фаза обострения Восточного вопроса крайне осложнила положение России. Россия, как и Турция, оказалась в середине 1806 г. между двумя огнями. Шла напряженная война в Европе и, одновременно, немалых сил требовала (с 1804 г.) иранская кампания. Иран и Турция занимали важное место в колониалистских замыслах Наполеона I. Главным препятствием созданию новой колониальной империи Франции на Ближнем Востоке оказывалась Россия. Позиции, которые завоевала Россия на Балканах и в Средиземноморье, препятствовали как восточным, так и европейским планам Наполеона I.

На протяжении первых шести лет XIX в. изменились взгляды в правительственных кругах Петербурга на Восточный вопрос и на его составную часть — взаимо-

отношения России и Турции. От памятных записок А. Чарторыйского 1803–1804 гг., в которых рассматривалась возможность крушения Турции под ударами наполеоновской Франции, но предпочтение отдавалось сохранению Османской империи и созданию под сюзеренитетом султана нескольких греческих государств или их федерации, мысль государственных деятелей России шла дальше и вглубь проблемы. Первое сербское восстание, начавшееся в 1804 г., массовые восстания в различных частях Балканского полуострова, отчетливый рост греческого самосознания и организованной борьбы греков с османским гнетом заставили Петербург искать решение вопроса: как сохранить мир с Портой, но одновременно оградить и развивать русское влияние среди ее балканских, прежде всего христианских подданных.

Опыт Семиостровной республики, опыт Дунайских княжеств давали, казалось, ответ. Негласному Комитету при Александре I виделось возможным улучшение положения прежде всего греков и сербов в рамках османского суверенитета, на основе статуса, аналогичному тому или другому варианту. Подобные полумеры, однако, не устраивали ни тех, для кого они планировались, ни Османскую империю, ни британского союзника России, имевшего собственные, далекие от русских варианты решения Восточного вопроса, включавшие Египет, о. Крит и Мальту, аравийское побережье.

К 1806 г. сложилась в общих чертах правительственная программа первоочередной опоры на “единовременные” народы Балкан. Однако здесь крылись коварные подводные камни. По мере социальной поляризации и на Семи Островах, и в Морее отчетливее становилось видно, что наиболее обездоленные слои греческого общества идут за Россией. Тянулись на Ионические острова корабли арматолов и клефтов, собирались на островах вооруженных отряды, готовые сражаться за свободу против турецкого ига. Они были готовы вооруженной рукой поддержать Россию. Россия действовала осторожнее, чем в период екатерининских войн,

но последовательнее, объективно содействуя подъему и формированию национальной государственности греков, жителей Дунайских княжеств, сербов. Подъем и спад греческого освободительного движения на протяжении жизни одного поколения (1770–1790 гг.), когда призывы и манифесты России чередовались с уступками султану, наконец, настороженность и сомнения зажиточной, торговавшей с Западом части греческого общества, связи нобилитета и фанариотов с Портой и морским ведомством, возглавлявшимся упомянутым реала-беем Шеремет-беем, и не в последнюю очередь явные симпатии торговых кругов Греции к экономическому и политическому прогрессу буржуазной Франции, — все это свидетельствовало, что программа поддержки царизма греками отстает от уровня развития греческого освободительного движения. Царизм искал опоры среди славянского населения, находившегося на более низком, чем греки, уровне социального развития и общественного самосознания.

Решение Восточного вопроса просматривалось в России с легитимистских позиций. Османская империя должна быть сохранена, но часть ее балканских (и только балканских) владений могла бы получить независимость. По согласованию с европейскими державами интересы собственно царизма могли распространяться на Дунайские княжества и Сербию.

* * *

4 октября 1806 г. Александр I предписал Молдавской армии временно занять Дунайские княжества. Несколько ранее, 24 сентября 1806 г. было принято решение о субсидировании вождя сербских повстанцев Карагеоргия, подготовлено оружие и боеприпасы для передачи сербам. Депеша нового министра иностранных дел России А.Я. Будберга А.Я. Италинскому в Константинополь от 7 сентября 1806 г. не оставляла сомнений в решимости России обеспечить привилегии Дунайских княжеств и равно оградить экономические интересы

России, серьезно нарушенные изменением режима Проливов и “ложным истолкованием Портой вполне ясных и точных статей наших договоров”. К исходу декабря 1806 г. Дунайские княжества и Бессарабия были заняты русской армией под командованием И.И. Михельсона. Впереди была вторая (после Днестровской) — Дунайская оборонительная линия Османской империи в Европейской Турции. Сильные дунайские крепости сдерживали дальнейшие действия Молдавской армии.

Грузинский корпус генерала И.В. Гудовича на Кавказском театре в течение конца 1806–1808 гг. вел главным образом отвлекающие бои.

После сосредоточения основных сил османской армии во главе с великим везиром Ибрагимом Хильми-пашой в районе Шумлы и отправления экспедиционного корпуса для подавления сербского восстания, 18 декабря 1806 г. был обнародован султанский ферман о войне с Россией. Одновременно были распространены воззвания о священной войне — джихаде. В фермане и в опубликованном на турецком и европейских языках 5 января 1807 г. “Манифесте о войне” на Россию возлагалась ответственность за захват “мусульманских земель Крыма и Гюрджистана (Грузии)”, вмешательство во внутренние дела Османской империи, т.е. в управление Ионическими островами и Дунайскими княжествами.

Таким образом, обе стороны достаточно определенно сформулировали свои притязания.

Следует отметить, что в России предполагали ограничить развитие событий. И.И. Михельсон распространял воззвание к пашам и аянам, весьма напоминавшее аналогичное обращение Наполеона к мамлюкам в 1789 г. и возвещавшее, что русские войска пришли защитить Турцию от Наполеона и предотвратить избиение янычар, которое грозит со стороны нововведений, предлагаемых Наполеоном.

План командования Молдавской армии (около 40 тыс. человек) на 1807 г. предусматривал только “сильное сопротивление” турецким войскам на Дунае и свидетельствовал об общем превентивном характере

действий России, нацеленных на скорейшее восстановление прежнего порядка в княжествах.

Огромная по формальной численности (более 260 тыс. человек) армия Османской империи отражала общее состояние страны. Беспорядок в командовании, разнородное вооружение, массовые дезертирства отличали армию. Однако планы Ибрагима Хильми-паши на 1807–1808 гг., составленные при участии французских специалистов, носили наступательный характер и были направлены на окружение и разгром главных сил русской армии под Бухарестом. Отвлекающая операция должна была проводиться в направлении Измаил-Галац.

Напористость в действиях турецкого командования скорее отражала последствия переворота в Константинополе, стоявшего трона (а через год — и жизни) Селиму III, чем реальное положение на театре войны. Плохо управляемые массы иррегулярной турецкой пехоты и конницы терпели сокрушительные поражения.

На море эскадра Д.Н. Сенявина блокировала Дарданеллы и в сражении при Афоне 1 июля 1807 г. разгромила превосходившую турецкую эскадру, составленную из кораблей обновленной, французской конструкции. Вероятно, действия эскадры Д.Н. Сенявина были бы значительно эффективнее, если бы не двойная игра Англии. Британская дипломатия по существу поддержала Порту, а не своего союзника — Россию на первом этапе конфликта. После начала войны Англия предприняла попытку самостоятельно, бомбардировкой Константинополя добиться благоприятного режима Проливов.

Крах Дарданелльской операции Англии (февраль–март 1807 г.) и стремление Лондона уравновесить присутствием британского флота в Проливах пребывание Молдавской армии в княжествах, спасительное для Турции отсутствие взаимодействия между Д.Н. Сенявиным и Ч. Дакуортом, оборонительная тактика русской армии, принятая в Константинополе за слабость России, в сочетании с активной подготовительной деятельностью Себастиани, едва не привели к заключению фран-

ко-турецкого военного договора, к которому стремились Турция. Во французском проекте этого договора содержались гарантии возврата Крыма, Дунайских княжеств, всех территорий, утраченных по Ясскому миру. Наполеон требовал участия турецких войск в экспедиции в Крым и наступления в зоне действия Франции на Днестре.

В это же время в мае–июне 1807 г., в Константинополе получили русский проект мирного договора. Составленный в конце 1806 — начале 1807 гг. проект отражал стремление России к восстановлению мирных и союзных отношений между Россией и Турцией, Турцией и Англией (ст. 13), к подтверждению всех прежних договоров. Сербия должна была бы получить внутреннюю автономию (ст. 5). В Петербурге предполагали, что Порты может предложить и иные варианты. Их можно было обсудить, но при условии “не предавать этих храбрых сербов в жертву”. Привилегии Дунайских княжеств подлежали подтверждению. Россия и Англия, либо одна Россия, если договор с Англией не будет восстановлен (допускалось и такое требование Турции), гарантируют территориальную целостность Османской империи (ст. 3) и постараются заставить Францию отказаться от владения Далмацией (ст. 2). Высылка О.-Ф. Себастиани считалась достаточной гарантией возврата Порты к прежним доверительным отношениям. В проекте и инструкциях выходцу с Корсики, новому сотруднику МИД России К. Поццо-ди-Борго, уполномоченному вести переговоры с Турцией, указывалось на необходимость подчеркивать отсутствие у России каких-либо планов территориальных приращений.

По сравнению с обширными обещаниями Наполеона, сулившего Турции Крым и Грузию, русский проект мира выглядел в глазах нового султана Мустафы IV и воинственных кругов Порты “слишком скромным”. Проект был дополнен требованием Грузии и Анаклии (часть Абхазии), отмены привилегий княжеств и вывода русских войск из Семиостровной республики.

Переговоры не состоялись. Однако и война приоткрывалась. В развитии Восточного вопроса вновь наступил крутой, “тильзитский” поворот.

Готовясь к встрече с Наполеоном I в Тильзите в июне 1807 г. и к переговорам о мире и союзе, Александр I, наряду с гарантиями ненападения на Россию и реставрации оккупированной Пруссии, был намерен требовать невмешательства Франции в русско-турецкие отношения.

Туманные суждения Наполеона о разделе Турции встретили следующее возражение Александра I: “Оттоманская империя настолько дезорганизована, что Россия никогда не будет иметь менее опасного соседа с этой стороны, и, следовательно, любое изменение, ведущее к уничтожению этой империи, было бы ей невыгодно”. Вместе с тем в проекте и дополнениях к инструкциям к Поццо-ди-Борго повторялись уже высказывавшиеся в правительственных кругах России мнения, что безопасность Причерноморья может быть обеспечена только в том случае, если Россия или Турция будет владеть Константинополем. Дунайские княжества и Сербия с одинаковым статусом могли бы в обозримом будущем перейти под сюзеренитет России. Аналогичный княжествам статус мог бы быть установлен в “бывших венецианских владениях с прилегающей территорией — зоне интересов Франции”.

Гипотетические конструкции двух монархов, Наполеона I и Александра I, в отношении Балкан и Ближнего Востока, как показало развитие событий, были скорее дипломатическими шарами, чем программой действий. Тем не менее Тильзитские соглашения оказали конкретное влияние на отношения России и Турции. Один из спорных объектов — Ионические острова и Котор отошли Франции. Эскадра Д.Н. Сенявина должна была уйти из Восточного Средиземноморья.

Мир между Россией и Турцией должен был быть заключен при посредничестве Франции. Предварительным условием была своего рода нейтрализация Дунайских княжеств — уход Молдавской армии и невступление туда османских войск. Россия теряла важные поли-

тические и стратегические позиции в Средиземноморье. Турция же была предана своим фактическим союзником.

Заключенное 24 августа 1807 г. в Слободзее, близ Журжево, перемирие, которое было предусмотрено Тильзитом, в острых дискуссиях опытных и лично хорошо знакомых С.П. Лашкарева (бывшего поверенного в Константинополе) и Галиба-эфенди (бывшего реисулькюттаба), которого поддерживал советник французского представительства в Турции Г. Гильемино (впоследствии посланник в Турции), выяснились существенные разногласия. Турецкая сторона требовала исключить сербский вопрос из обсуждения, вывести русский отряд из Сербии и восстановить систему управления в княжествах до подписания мира. Русская сторона возражала по всем пунктам.

В Петербурге были особенно недовольны положением о выводе в 35-дневный срок русских войск из княжеств, что означало утрату стратегической инициативы. Соглашение о перемирии было подписано, но не утверждено ни Александром I, ни Мустафой IV, так как не удовлетворяло неопределенностью своих положений ни Россию, ни Османскую империю.

14 сентября 1807 г. И.В. Гудович и Хаджи Юсуф Зияпаша подписали соглашение о перемирии на Кавказском фронте.

Сложилась реальная возможность завершения войны. Достаточно влиятельные круги в России (в их числе посол в Париже П.А. Толстой) понимали, что целью Наполеона было скорее “превратить Россию в азиатскую державу”, чем содействовать русско-турецкому урегулированию. В Константинополе, в окружении великого везира Челеби Мустафы-паши и реисулькюттаба Мехмеда Халета-эфенди сложилось убеждение в необходимости прямых переговоров с Россией о мире, возможно, в самой турецкой столице. Мустафа-паша Байрактар предложил командующему Молдавской армией А.А. Прозоровскому продолжить переговоры о мире без посредников.

Сообщения турецкого посланника в Париже Мухиба-эфенди, который вел переговоры о мире с П.А. Толстым при посредничестве Ш.-М. Талейрана, свидетельствовали о затяжном и бесплодном характере бесчисленных встреч и отложенных бесед. Поэтому Мустафа-паша Байрактар и получил в конце мая 1808 г. полномочия в качестве Дунайского сераскера подписать окончательный мир с Россией на основе статус-кво. А.А. Прозоровский, основным достоинством которого, как сказал А.П. Ермолов, было долголетие, не сумел найти ни нужного тона, ни соответствующих аргументов. В стремлении Мустафы-паши к миру он увидел лишь усилия “поссорить нас с двором французским... и представить сему последнему ясное доказательство неискренности нашей к Франции”. По собственному признанию, он с “умыслом писал Мустафе-паше с твердостью и решительностью, ...имея надежду, что он (Мустафа-паша) после сего сам прервет перемирие”.

Уже став великим везиром при новом султани Махмуде II (июль 1808 г.), Мустафа-паша Байрактар еще дважды, не обращая внимания на вызывающий тон посланий русского командующего, предлагал прямые переговоры. Ренсулькютаб Галиб-эфенди по приказу Байрактаара просил австрийского посланника барона Штюрмера посредничать в переговорах с Россией, полагая, что посредничество Франции лишь затягивает непосредственные переговоры. Все было тщетно.

Байрактар уже не получил письма А.А. Прозоровского от 2 ноября 1808 г. с согласием на прямые переговоры. Кровавый и жестокий бунт янычар, на который так рассчитывал и которого так ждал О.-Ф. Себастиани, погубил везира-реформатора, далеко не друга и не сторонника России, но ясно видевшего пути и методы обновления Турции.

Конечно, ни Байрактар, ни даже Прозоровский не знали в точности, какие “виды” имели французский император и русский царь на османские земли. Да и знали ли они сами!

Чем более настойчиво Александр I требовал от Наполеона формального согласия на закрепление за Рос-

сией занятых территорий, тем более широкий размах приобретал Восточный вопрос в трактовке Наполеона и его министров, захватывая Евфрат, простираясь до Индии. Если Россия отказывалась от каких-либо приобретений за Дунаем, тем более от Константинополя и Проливов, то Наполеон предлагал все новые варианты разделов Турции. В марте 1808 г. он добился согласия Александра I на участие в походе на Индию при условии движения русских войск через Константинополь и, частично, через Ашхабад.

Эрфуртская конвенция от 12 октября 1808 г. отдавала Дунайские княжества и Финляндию России (ст. 5). Экспансионизм царизма, казалось, получал признание. Переговоры с Турцией Россия впредь могла вести без посредничества Франции (ст. 9). Гарантия целостности двух владений Турции (ст. 11) и нейтрализация Австрии (ст. 10) внушали Александру I надежду на скорое завершение Восточного вопроса на намеченных им условиях.

Предложенные Россией новые условия мира включали независимость Сербии под совместным протекторатом России и Турции, границу по Дунаю и подтверждение присоединения Грузии, Имеретии, Мингрелии к России. Яссы предполагалось сделать местом переговоров. В ноябре—декабре 1808 г. к власти в Константинополе пришли фанатичные сторонники янычар, требовавшие крайних мер в отношении восставших рейятов. Они с удовлетворением воспринимали провокационные слухи из французского правительства о том, что русские войска по заключении мира придут усмирять их как возмутителей, но что впереди у них возврат Крыма и Юга России, и наотрез отвергали любые русские предложения.

Великий везир Арнаут Мемиш-эфенди и Прозоровский уведомили друг друга, что делегации для переговоров назначены. Однако и на этот раз мир заключен не был. Власть в руках воинственных элементов в правительственных кругах Османской империи и расчет на нового союзника — Англию, заключившую с Портой мирный договор 5 января 1809 г., определили неудачу нового тура русско-турецких переговоров.

Возобновляя военные действия в марте 1809 г., русское правительство предполагало нанести Турции удар “сильный и решительный”. По мнению Александра I, был необходим переход за Дунай и “быстрое движение на Царьград”. Кампании 1809–1810 гг. обеспечили, при всей непоследовательности в действиях русского командования и смене 3-х главнокомандующих, очищение от турецких войск всего северного берега Дуная от Гирсова до устья рек. Впервые в истории войн с Россией сильно укрепленные турецкие крепости, такие, как Мачин, Кюстенджи, Гирсово, не были взяты штурмом, а капитулировали, оставаясь в сравнительно благоприятных для обороны условиях. Сказывалось нежелание и неумение янычар воевать. Крупное поражение понесла турецкая армия на позициях под Руцуком в сентябре 1810 г.

На Кавказе русские войска в 1809–1810 гг. овладели Поти, Анапой, Сухуми, т.е. побережьем от р. Кубани до р. Риони. 1 марта 1810 г. Александр I подписал грамоту владетелю Абхазии Келеш-бею (Георгию Шервашидзе) об удовлетворении его прошения принять Абхазию под покровительство России.

Одновременно с военными действиями не прекращались поиски формулы мира, но весьма специфические. Османская империя вступила при английском посредничестве в середине 1810 г. в союзные отношения с Ираном для совместных действий против России в Закавказье. Английские посланники в Турции — Р. Эдер, смещения и высылки которого тщетно добивался А.А. Прозоровский в 1809 г., а затем Ч. Стрэтфорд-Каннинг, — запугивали Порту народным восстанием в случае мира с Россией и при этом деятельно ратовали за смещение мятежного багдадского пашы, мешавшего британскому продвижению в этом районе. Более всего в Англии боялись появления русских войск у Проливов и присоединения Турции к континентальной блокаде как последствия мира. При этом Лондон не слишком полагался на то, что заключенный с турками мирный договор. Основания для этого были. Причем, у всех сторон.

Британским уполномоченным по ведению мирных переговоров с Османской империей в конце 1808 г. был назначен упомянутый выше сэр Роберт Эдер, что само по себе было необычным фактом. Эдер был членом британского парламента от оппозиции, родственником крупнейшего деятеля партии вигов Ч.Дж. Фокса. Но глава Форин Офис, консерватор Дж. Каннинг смотрел больше на способности своих сотрудников, нежели на их “партийность”. Надо сказать, что Р. Эдер успешно справился с возложенной на него миссией.

Сложности начались сразу же после прибытия миссии в Дарданеллы — переговоры проходили на борту английского фрегата, но не в Константинополе, а в нескольких часах пути от него, фактически под жерлами пушек Дарданелльских фортов. С турецкой стороны переговоры вел Мехмед Эмин Вахид-эфенди, член Совецательного Дивана. Эдер неоднократно отмечал его антианглийские настроения и профранцузскую ориентацию. Вначале Вахид-эфенди вообще отказался принять верительные грамоты Эдера, ибо они были адресованы на имя Мустафы IV, а на престоле Османов уже сидел молодой султан Махмуд II. Но этот пункт удалось уладить.

21 ноября 1808 г. Эдер вручил Вахиду-эфенди проект договора, подготовленный в Лондоне. Вопреки обычной неразворотливости ведомства реис-эфенди, уже 26 ноября ему был предъявлен контрпроект, в котором, в частности, строго соблюдался принцип равного возмещения за понесенные в войне убытки гражданских лиц, и Турции, и Англии. Сопоставление этих документов позволяет наконец внести ясность в вопрос об авторстве статьи, закрывающей вход военным кораблям в Босфор и Дарданеллы — она четко исходила от турецкой стороны, что обычно историография не замечала.

Договор был подписан 5 января 1809 г. Текст его был составлен на турецком и французском языках. Последнее обстоятельство вызвало серьезное недовольство при английском дворе и некоторую затяжку с его ратификацией — Великобритания уже более 15 лет вое-

вала с Францией и не желала подписывать документы на языке своего старого противника. Эдери пришлось объяснять, что у Высокой Порты нет драгоманов, владевших английским языком, а никто из османских саванников не осмелится поставить свою подпись под документом, в котором он не уверен.

Подписание Дарданелльского договора обеспечило Великобритании на ближайшее время безопасность в Средиземноморье и возможность прорыва континентальной блокады, а на будущее — вполне ее удовлетворивший торгово-судоходный режим Проливов. Другие проблемы взаимоотношений с Османской империей были практически отложены Лондоном вплоть до начала Венского конгресса. Османы в свою очередь были удовлетворены: Проливы были закрыты для военных кораблей самой могущественной морской державы мира. К тому уже прозвучало то, что более всего хотели слышать в Стамбуле — упоминание о неделимости османских земель*.

Тем временем Наполеон I, заявив в Законодательном собрании 3 декабря 1809 г. о присоединении к России Финляндии, Молдавии и Валахии как о свершившемся факте, им вполне разделяемом, Порте по этому же вопросу давал совершенно противоположные заверения: что никогда и ни в чем России не уступит, турок в обиду не даст, финнов защитит и т.д.

Учтя эти обстоятельства, на предложения П.И. Багратиона, имевшего полномочия на ведение переговоров и подписание договора, обсудить уже известные условия мира (сентябрь 1809 г.), Порта через год с лишним, в октябре 1810 г. представила, наконец, свои условия. Они свидетельствовали об ориентации Порты на союз с Англией и умении воспользоваться сложной международной конъюнктурой.

* Эту важную для раскрытия темы информацию о Дарданелльском договоре 1809 г. я почерпнул, с любезного согласия автора, в монографии Л.В. Зеленина "Восточный вопрос в геополитике Великобритании" (гл. 2), находящейся в производстве.

В качестве предварительных условий мирных переговоров Турция требовала гарантий целостности всех ее владений в Европе и на Кавказе, удовлетворения требований Ирана к России. В Турции уже было известно, что Россия не ищет увеличения грузинских территорий и готова отказаться от 12-миллионной контрибуции. В обмен на эти уступки и за отказ России от Дунайских княжеств Порты была готова выплатить денежную индемнизацию, а также посредничать в урегулировании русско-английских отношений, вплоть до заключения союза между Турцией, Россией и Англией. По согласию с Англией Порты бралась обеспечить России некую, без уточнения, часть британских колониальных земель в Северной Америке.

Крайне напряженные отношения в Европе и война с Ираном не позволяли России входить даже в обсуждение предлагаемых Портой сделок за счет Британской Северной Америки или Британской Индии. К 1811 г. рассеялись, как преждевременные, планы приобретения Ахалциха и Карса, с которыми выступало командование Кавказской Армии; заметно смягчилась позиция Петербурга в отношении “приобретения” княжеств. Война приобрела затяжной и непредвиденно долгий характер. Новый проект договора, сообщенный Н.М. Каменским (очередным командующим Молдавской армией) турецкой стороне весной 1810 г., отражал стремление России только закрепиться на Дунае. Однако он вновь был отвергнут.

Реализация мирных проектов оказалось возможной только после серии сокрушительных поражений, которые нанес турецкой армии вновь назначенный главнокомандующим М.И. Кутузов летом–осенью 1811 г. К весне 1812 г. турецкие войска потерпели также ряд поражений в Сербии. Сербь официально просили установления русского протектората. Падение Ахалкалаки в декабре 1811 г. открывало русской армии доступ к внутренним районам Восточной Анатолии.

Мир с Россией был одобрен большинством участников решительного заседания СовеЩательного Дива-

на, собравшегося под председательством Махмуда II в ноябре 1811 г. Обещания Франции и Австрии гарантировать турецкие земли и тем принудить Турцию продолжать войну были отклонены.

Три очередных тура переговоров в октябре–декабре 1811 г. в Шумле и в Журжево с января по май 1812 г. оказали существенное влияние на выработку окончательного текста мирного трактата, подписанного в Бухаресте 28 мая 1812 г. Через месяц, 28 июня трактат ратифицирован Александром I. А в вопрос о ратификации Портой секретных статей вмешался английский посланник, так как они в определенной степени затрагивали интересы Англии на Среднем Востоке. Стрэтфорд-Каннинг не исключал к тому же возможности превращения русско-турецкого договора в союзный договор с участием Англии и Ирана против Франции. Отныне все внешнеполитические соглашения Османской империи так или иначе просматривались Англией через призму ее имперских интересов. Секретные статьи о Закавказье не были ратифицированы султаном Махмудом II и в силу так и не выступили. Размен ратификаций состоялся в Бухаресте 14 июля 1812 г.

Договор имел 16 явных и 2 секретные статьи. Все трактаты, акты и конвенции, за исключением подлежащих изменению статей, подтверждались во всем объеме (ст. 3). Граница была установлена по р. Прут (ст. 4) (Турция первоначально настаивала на р. Буг и р. Кудук или на р. Днестр). Дунайские княжества, привилегии которых подтверждались, были возвращены Османской империи. Бессарабия отошла к России. Опытный дипломат Галиб-эфенди сумел добиться восстановления довоенной азиатской границы. Первоначально Турция предлагала границу по р. Риони в замен на границу по Днестру.

Вместе с тем несомненной победой М.И. Кутузова явилось право пользоваться побережьем в районе р. Риони и Анаклии, т.е. Россия приобрела укрепление Редут-кале. Около 200 км Черноморского побережья отныне прикрывали Западную Грузию и новые земли —

Абхазию и Гурию (ст. 6), добровольно присоединившиеся к России.

Сербия получила (ст. 8) автономию в вопросах внутренней политики на основе принципов, ранее примененных к Ионическим островам и Дунайским княжествам. Сложная международная обстановка и очевидное стремительное приближение наполеоновского нашествия не позволяли добиваться независимости Сербии.

Из других положений договора следует отметить, что торговые соглашения были только подтверждены. Россия фактически отказалась от борьбы за отмену системы ед-и вахит (монополий) и за повышение статуса своих торговых представителей в Турции. Таким образом Россия, освободив силы на юго-западе, сосредоточила все силы на отражении наполеоновской агрессии.

Турецкие историки рассматривали значение Бухарестского мира преимущественно с точки зрения усиления влияния России на Балканах. Т.Я. Озтуна, например, отмечал, что после 1812 г. Сербия, получив под давлением России автономию типа Дунайских княжеств, “начала отдаляться от метрополии”. Затем он подводил читателя к выводу о том, что недовольство сербов Бухарестским миром, а главное, тем, что Россия бросила их под давлением Наполеона на произвол судьбы, послужило поводом нового сербского восстания 1815 г.

По концепции Энвера З. Карала, разочарованный Бухарестским миром Карагеоргий выдвинул требование полной независимости, что и повлекло введение в Сербию карательных войск Порты и новый этап сербского восстания. При этом подчеркивалось, что, устранив наполеоновскую опасность, в чем была немало важная роль Бухарестского мира с Турцией, Россия вернулась к политике поддержки сербов против османского правительства, хотя в центре ее внимания, считал Э.З. Карал, были после 1815 г. уже не сербы, а греки (имелась в виду война Греции за независимость).

Говоря объективно, Бухарестский мир знаменовал выход Турции из числа возможных союзников русского

похода Наполеона. Турецкие историки объясняют нейтралитет Турции в 1812 г. крайней ослабленностью империи, опасениями в отношении далеко идущих планов наполеоновских завоевателей и той угрозой, которую начал представлять для Восточной Анатолии Иран, связанный договорными отношениями с Англией. В стране к власти пришел Махмуд II, будущий танзиматор, которому в 1810-х гг. было важнее всего укрепить собственное положение в хаосе янычарских смут и восстаний и предотвратить распад империи изнутри под ударами сербского, болгарского, греческого, арабского движений национального возрождения.

Ведущая промышленная и морская держава — Англия, чьи эмиссары уже обосновались на Балканах и в зоне Персидского залива, заявляла о намерении поддерживать интегритет Турции. Держава, победившая Наполеона, — Россия свидетельствовала Порте свои охранительные тенденции совместно с Англией. Внешнеполитическая ориентация Махмуда II на ближайшее тридцатилетие останется в значительной мере проанглийской. Взаимоотношения с Россией будут поставлены в зависимость от уровня развития освободительных движений на Балканах и степени готовности османской армии противодействовать русскому вмешательству на стороне этого движения. Взаимоотношения с Францией и Австрией также будут подчинены проблеме интегритета османских владений и просматриваться с учетом русской политики Парижа и Лондона.

С точки зрения исторической конфликтологии в политике Османской империи первого десятилетия XIX в. проявлялось меньше активности, чем во второй половине XVIII в., отмеченной поисками коалиционных комбинаций на европейском театре.

Усиливалось стремление к двухсторонним отношениям с Россией.

Поиски гарантов территориальной целостности империи стали главной заботой Высокой Порты. *После Бухарестского мира определенно прослеживается курс Порты на сближение с Англией и Австрией, двумя из трех ведущих держав “европейского концерта”.*

Противоречия Англии и России в зоне Проливов и на Востоке, Австрии и России на Балканах, России и Ирана в Закавказье были включены в сферу пристального внимания османских государственных деятелей. Использование этих противоречий составило метод дипломатии Порты на Венском конгрессе. Однако главным направлением в русско-турецких отношениях все же стало балканское.

На второе место передвинулось кавказское.

Крымское направление использовалось скорее в пропагандистских целях. Впереди был Венский конгресс 1815 г.

Глава 4

ПОСЛЕДНИЕ БИТВЫ ЯНЫЧАР

“Венский концерт”, или почему замолчал турецкий барабан в 1815 году

После Бухарестского договора 1812 г. политическая судьба Османской империи на какое-то время снова стала разменной монетой в дипломатических построениях великих держав. Тому способствовали два обстоятельства. Одно из них — продолжавшаяся война с Белградским пашалыком, другое — борьба за власть в правящих кругах империи.

Империя пережила тяжелую гражданскую войну в балканских провинциях. В Белградском пашалыке в 90-х годах XVIII в. янычары воспользовались ослаблением имперского центра власти и введением европейских начал в армии и управлении для того, чтобы установить свою систему на манер режима фактически независимых правителей Алжира, Туниса и Египта. Попытка Селима III опереться на сербов в борьбе против мятежных янычар была изначально непоследовательной. Кроме того, сербы выдвинули собственную идею автономии в рамках Османской империи. В разгоревшейся вооруженной борьбе правительственные войска выступили вместе с восставшими сербами против янычар, но затем непрочный союз распался. Сербы то получали периодически поддержку от местных мусульманских правителей, то лишались ее и оставались одни в окружении недоброжелательно-нейтральной Австрии на севере и откровенно враждебных пашей на востоке и юге своей несчастной страны.

Непрочное согласие восставших сербов во главе с Карагеоргием и Высокой Порты, достигнутое к концу

1806 г. (Ичков мир — образец компромисса Стамбула и повстанцев, достигнутый благодаря взаимной гибкости в подходе к конфликту), было нарушено. Воспользовавшись началом русско-турецкой войны 1806–1812 гг., сербы теперь стремились к удалению всех мусульман из Белградского пашалыка и восстановлению государственности в полном объеме.

Реализовать эту программу в начале XIX в. было нереально. Единственное, чего они добились, — это туманного обещания султанских властей предоставить Сербии автономию, что и вошло в статью VIII Бухарестского трактата.

Руководители повстанцев отказались выполнять условия мирного договора. Переговоры между сербами и Портой шли больше года с полным соблюдением принятого тогда протокола международных встреч. Порте фактически пришлось признать сербов Белградского пашалыка субъектом международных отношений и воюющей стороной. Война в Белградском пашалыке из гражданской трансформировалась в локальную, но затяжную, с перерывами продолжавшуюся девять лет — с 1804 по 1815 гг.

В 1806–1809 гг. в Европейской Турции действовало несколько полуавтономных мусульманских правителей, стремившихся максимально обособиться от султанского центра власти. Но были и такие, которые поддерживали слабые центростремительные тенденции. Наиболее выдающимся среди последних был влиятельный аян — нотабль из Рушука Мустафа-паша Байрактар, поддерживавший прогрессивные начинания султана-преобразователя Селима III.

Смута, заговоры янычар и их противников, смена в течение года на троне двух султанов — Селима III (смещен в 1807 г., убит в 1808 г.) и Мустафы IV (род. 1778, смещен в 1808, убит через два месяца) — крайне ослабили имперский центр власти. К тому моменту, когда на троне оказался сын Абдул Хамида I (правил 1774–1789 гг.) султан Махмуд II (правил 1808–1839), реформаторский процесс, казалось, пошел вспять. Порта

напрягала последние силы в затяжных столкновениях с собственными подданными на Балканах, в Аравии и Месопотамии, в войне с Россией и в бесплодных усилиях стимулировать кавказских инсургентов против России и против Ирана, который, в свою очередь, был готов захватить часть подконтрольных Порте владений в Ираке и на побережье Красного моря.

Махмуд II (род. 20 июля 1785 г.) — сын попавшей в плен к алжирским корсарам в 1784 г. красавицы-креолки норманнского происхождения с о. Мартиника Эме де Ривери и султана Абдул Хамида I. Он получил неплохое домашнее воспитание. Его мать, родом из богатой семьи мартиникских плантаторов, кузина Жозефины — Таше де ла Пажери (в первом браке — виконтессы де Богарнэ, во втором браке — мадам Бонапарт, супруги Наполеона Бонапарта), была хорошо образованной женщиной, воспитанницей монастырского пансиона для благородных девиц в г. Нанте. В годы учебы в Нанте (1776–1784 гг.) Эме получала поощрения за успехи в математике, географии, литературе, владела несколькими языками. Оказавшись в гареме султана в качестве личного подарка от потрясенного красотой голубоглазой и золотоволосой пленницы алжирского дея Мухаммеда бен-Османа султану, перед которым своевольный старый дей провинился так, что уже ощущал тугой шелковый шнурок на своей шее, Эме де Ривери узнала свою судьбу.

Она приняла покровительство Михри-шах, матери султана Селима III, получила в серале новое имя — Нахш-и диль, овладела не только турецким, но и персидским языком (она на память читала Хайяма, Саади и Фирдоуси), прониклась интересами Богоспасаемого предела. Удивительное сочетание редкостной красоты, глубокого и гибкого ума, разностороннего образования возвысили ее из среды обитательниц султанского гарема. Она стала любимой женой стареющего, измученного недугами и войнами Абдул Хаида I.

Своего единственного сына Махмуда, будущего султана-реформатора, Эме дольше обычного держала при

себе. Ребенок был слабеньким, много болел, так как родился до срока (итог очередной дворцовой интриги со стороны соперницы — матери будущего султана-неудачника Мустафы IV, родом из Курдистана).

Бездетный Селим III (судя по описаниям, в юности он переболел свинкой) относился к маленькому Махмуду, последнему из рода Османов, с большой нежностью. Он учил будущего султана владению оружием и тонкостям государственных премудростей, заложив в душу мальчика интерес к “новому войску” европейского образца. Мать, в свою очередь, дала сыну первые знания о Европе и Америке, о быте и нравах “франков”. Маленький Махмуд с детства знал родной язык матери — французский (они нередко беседовали по-французски в своем кругу — Михри-шах, Нахш-и диль и два султана, правящий и будущий), а о подвигах Карла Великого и о рыцарях Круглого Стола он узнал раньше, чем о деяниях легендарных воинов Востока Рустема и Салах эд-Дина...

Мать Селима III и мать Махмуда II до конца своих дней состояли в нежной и доверительной дружбе. Чем могли, деликатно и осторожно помогали сыновьям-султанам... Михри-шах, Нахш-и диль и любимая доверенная сестра Селима III Хадидже-ханум — вот кто были три изящные женщины, которые как бы случайно оказались у фонтана в саду Сералия, когда к ним уверенно направился Михайло Ларионович Кутузов, тоже “нечаянно” оказавшийся в запретном для посторонних султанском саду. Знал, точно знал наш хитрец, кому дарил от имени Екатерины II изумруды и рубины...

Многое ведомо хранилищам султанских архивов во дворце-музее Топкапы в Стамбуле...

Впрочем, и русская военная разведка “кое-что” знала о том, что происходило на Босфоре.

Неудивительно, что после малоприличного развода Наполеона I с Жозефиной немедленно последовал политически внешне неоправданный временный разрыв Стамбула с Парижем. Махмуд II остро прореагировал на оскорбление в адрес своей двоюродной тетушки.

Монахини из Благовещенского монастыря в Нанте, где восемь лет жила и училась Эме де Ривери и который серьезно пострадал в годы Революции, получили в 1806 г. неожиданный богатый подарок. 12 роскошных ковров им привез из Турции посол Франции в Стамбуле, упоминавшийся выше О.-Ф. Себастиани. Даритель, а им был Махмуд, пожелал остаться в тайне — под именем “некий богатый и знатный турок”. Стоит заметить, что ковры отбирали Эме де Ривери (т.е. Нахш-и диль) и супруга посла Фанни Себастиани. Обе дамы “состояли в большой конфиденции”, как заметил “некто” из русского посольства, доглядывавший за передвижениями супруги французского посла*.

Несомненно, что эти крайне противоречивые и разнообразные события оказывали неоднозначное влияние на Махмуда II. Необходимо было во многом разобраться, определить будущий курс империи. Пока же в 1808 г. надлежало “выжидать и присматриваться”, как любил повторять 23-летний султан.

Он умел ждать и накапливать сведения, оценки, прогнозы, этот новый султан на древнем троне Османов. Известия из Европы были крайне противоречивы, но в большинстве их содержалась одна и та же мысль — в европейских столицах готовят новые планы походов на Восток, к Проливам, на Балканы.

Больше всего планов рождалось в Париже. Однако и в Петербурге появились легковесные планы походов на Константинополь, “дабы упредить Бонапарта”, планы военных действий в Адриатике, с выходом во фланг и в тыл наполеоновской Франции. Все, что касалось проектов раздела Османской империи между Россией и Францией или использования ее европейских и азиатских владений как военно-политических плацдармов, было, как давно и убедительно показали исследователи, не более, чем дипломатическими маневрами.

* Поразительные обстоятельства из жизни двух кузин-императриц изложены в историческом романе В. Самборского “Прекраснейшая”. Журнальный вариант см.: Наука и религия. 1995. № 7–12; 1996. № 2–10; имеется художественно-публицистический очерк на эту тему. (См.: Султанша — сестра императрицы // Геополитика и

Однако порой эти химеры вырывались на свободу. Тогда они порождали новые осложнения в отношениях между державами, недоверие в правительственных кругах Османской империи к политике европейских держав, а к России и Франции — в особенности.

Как известно, в повестке дня Венского конгресса не стоял “турецкий вопрос” в том значении, какое ему в то время придавалось — решить судьбу европейских владений Высокой Порты “общим согласием держав”. Однако Восточный вопрос как неотъемлемая часть структуры международных отношений не только принимался во внимание, но и оказывал существенное влияние на общую расстановку сил, прежде всего на позиции Австрии, Англии и Франции.

Их сближение, оформленное в секретный союзный “оборонительный” договор от 3 января 1815 г. против России и Турции, имело в основе стремление его участников добиться благоприятного разрешения польско-саксонского вопроса и других проблем, касавшихся Западной и Центральной Европы.

Антинаполеоновская коалиция перестала существовать. Ш.-М. Талейран и К.Ф. Шварценберг вырабатывали планы военных действий против России и Пруссии. Английский премьер Р.Г. Каслри после рождественских праздников 1814 г. освободился, наконец, от сковывавших его энергическую натуру долгих переговоров с США и активно включился в антирусские комбинации, оплачивая голландских и ганноверских наемников.

Однако все трое вскоре поняли, что без Османской империи бороться с Россией и Пруссией крайне сложно или просто невозможно. Ш.-М. Талейран, например, считал, что турецкая армия должна сковать Россию на Нижнем Дунае, и только тогда будут возможны успешные действия союзников против сильной русской армии в Польше.

Австрия собирала войска для возможных военных действий под Веной и тоже была заинтересована по крайней мере в благожелательном нейтралитете Порты, сильная армия которой находилась в Сербии. Кро-

ме того, Австрия активно действовала на Адриатике, а Порты не могла оставаться безучастной к событиям в сопредельных районах; как известно, в июне 1814 г. австрийские войска заняли Боку Которскую, которую Черногория считала своей неотделимой территорией. Однако и Порты крайне неодобрительно отнеслась к очередному австрийскому продвижению на Балканы. В начале 1815 г. Австрия выдвинула еще более тревожные для Порты притязания на Ионические острова. Остров Корфу к тому времени уже был занят Англией.

Высокая Порты как своего рода элемент балансирования на канате европейских противоречий учитывалась Талейраном еще до начала работы Венского конгресса. “Было бы полезным, чтобы ее существование... гарантировалось”, — писал он накануне Венского конгресса, не упоминая, однако, о сохранении целостности ее территории и вообще пренебрегая непосредственным привлечением Османской империи, формально — великой державы, к решению общеевропейских проблем.

Более конкретными и решительными были действия К. Меттерниха. Австрийский интернунций (посланник) в Константинополе И. Штюмер с начала 1813 г. заверял султана и Высокую Порты, что сохранение османского интегритета от посягательств со стороны России — цель и задача Габсбургской монархии. По совету И. Штюмера в Вену в качестве поверенного в делах Османской империи был направлен фанариот из Бюро переводчиков при Порте И. Маврогени, вскоре всецело подпавший под влияние К. Меттерниха. Другим каналом австрийского влияния на Порты с осени 1813 г. стал валахский господарь И. Караджа. Им обоим официальным и неофициальным образом внушалась одна и та же мысль: Османская империя есть важнейший элемент системы европейского равновесия, и Австрия делает все возможное, чтобы оградить ее от “злоумышленных планов России на Восток”, и будет защищать интересы Порты, как свои собственные.

Таким образом, взгляды Талейрана и Меттерниха на роль Османской империи в системе складывавшихся

международных отношений определялись однозначно — гарантии сохранения ее суверенитета и неразрывной связи с политическими планами Парижа и Вены и в полной зависимости от таковых. Реальные действия Парижа, Вены и Лондона на Балканах и в Средиземном море свидетельствовали о том, что собственно статус-кво эти державы следовать не собирались. Впрочем, в документах периода подготовки и работы Венского конгресса это понятие в применении к Османской империи не встречается вовсе.

В Константинополе внимательно следили за подготовкой к Конгрессу, но оценивали политику Франции как ненадежную, Австрии же — как потенциально враждебную к Османской империи. Махмуд II внимательно следил за сообщениями И. Маврогена из Вены, изредка принимал И. Штюмера и гораздо чаще — английского посланника Р. Листона. Назойливости суетливого первого секретаря французского посольства П. Рюффена, служившего в этой должности с 1805 г. и изрядно досадившего Порте многократной переменой позиции*, равно как и вкрадчивой манере И. Штюмера, представлявшего венскую политику с 1802 г., Махмуд II предпочитал достойную многозначительность представительного 70-летнего британского посланника Р. Листона, который прибыл в Константинополь в июне 1812 г.

Впрочем, дело было не столько в личных симпатиях, сколько в том, что английский посланник наиболее определенно высказывался в пользу интегритета османских владений на Балканах. Уклончивости и неопределенности высказываний посланников Австрии и Франции по сербскому вопросу Р. Листон противопоставил поддержку некоторых действий Порты, направленных на достижение согласия с вождями сербского освободительного движения. Р. Листон осторожно высказывался в поддержку планов Махмуда II добиться пере-

* После отъезда из Константинополя О.-Ф. Себастиани в 1808 г. в турецкой столице долгое время не было французского посла.

смотрa статей Бухарестского договора о разграничении в Закавказье. В то же время, имея в виду Россию, Р. Листон недвусмысленно давал понять, что Англия не позволит реализовать ничьи “честолюбивые проекты” в отношении Османской империи. Порта, поддерживая этот стиль переговоров, имела в виду как Россию, так и другие великие державы.

Уверения Листона о том, что Англия не позволит поставить на Венском конгрессе вопрос об османских владениях, в Константинополе были восприняты с удовлетворением. Как известно, на конгрессе Порта оказалась в позиции заинтересованного наблюдателя, но не участника. Впрочем, официальное приглашение на общеевропейский конгресс державе, которую и Талейран, и Меттерних называли в числе европейских, так и не было направлено.

Примечательно, что на заседаниях комиссии, созданной уполномоченными восьми держав Европы 10 декабря 1814 г. для определения старшинства дипломатических представителей, аккредитованных при правительствах европейских держав, равно как и при попытке комиссии разделить все европейские государства на определенные группы по их политическому значению, Османская империя в расчет как суверенная держава не принималась. Ее вообще как бы не существовало.

По существу, в начале работы Венского конгресса в фактической изоляции оказались и Россия, и Турция. Первая — ввиду скрытой, но активной и даже тайно оформленной в тройственное соглашение оппозиции в лице Англии, Франции и Австрии, которые были готовы любой ценой противодействовать укреплению позиций России на Балканах и на Ближнем Востоке. Вторая — ввиду сомнительной чести получить право все-таки называться европейской державой, ради которой Высокая Порта, не участвуя в выработке основных решений, должна была принимать к исполнению предложения трех западноевропейских держав.

Несогласованность действий России и Турции, нерешенность ряда собственно русско-турецких проблем,

о чем будет сказано особо, ослабили тонкую ткань новых международных соглашений, которая ткалась на конгрессе. В то же время нестабильность в отношениях России и Турции использовалась и подогревалась извне.

Проблемы сербского освободительного движения и распространение покровительственных гарантий на определенные владения Османской империи, введение системы арбитража в отношениях ее с Россией — все это осложняло положение империи в эти годы.

Опираясь на тройственный договор от 3 января 1815 г., скрывавшийся с равным усердием и от России, и от Турции, Р. Каслри в беседе с Александром I 12 февраля 1815 г. сформулировал предложение, которое, если бы оно осуществилось, поставило бы все развитие событий на Балканах и Ближнем Востоке под контроль трех держав — Англии, Франции и Австрии. Дело заключалось в следующем.

Р. Каслри предложил после окончания работы конгресса опубликовать декларацию от имени держав-участниц, в которой провозглашалась готовность держав использовать “все свое влияние, а в случае необходимости и оружие против той державы, которая попытается его (т.е. порядок, установленный Венским конгрессом. — *В. III.*) нарушить”. Проект был разработан в канцелярии Меттерниха и одобрен Талейраном. Тогда же Каслри предложил Александру I включить в систему общих гарантий и Османскую империю.

Если учесть, что в конце 1814 — начале 1815 гг. Сербия была на грани нового восстания, которое могло иметь непредсказуемые последствия, если вспомнить, что Али-паша в Янине, равно как и ряд других балканских правителей, лишь номинально зависел от Порты, а судьбы Ионических островов решались без участия Порты и даже без учета ее мнения (хотя представитель султана И. Маврогени постоянно находился в Вене), становится очевидным следующее.

Речь шла о форме коллективной опеки, протектората “перворазрядных” держав над Османской империей. Р. Каслри был согласен с идеями Меттерниха и Та-

лейрана. Оставалось совсем немногое — убедить Александра I и уговорить Махмуда II.

17 февраля 1815 г. К. Меттерних сообщил об этом плане И. Маврогени и отметил, что русский царь был в целом с ним согласен (правда, на словах) еще в Париже в 1814 г. Еще больше спешил Р. Каслри. 14 февраля 1815 г. он направил Р. Листону в Константинополь депешу, в которой говорил о распространении на Османскую империю коллективных гарантий держав как об окончательном решении конгресса, согласованном с Александром I. Более того, желая оказать мощное давление на султана, Каслри сообщил посланнику, будто бы царь согласился на посредничество союзников — Англии, Франции и Австрии — при решении спорных вопросов между Россией и Турцией. Однако в Архиве внешней политики Российской империи на копии этой депешы, которая благодаря действиям русской военной разведки оказалась в Петербурге одновременно с ее прибытием в Константинополь, есть личная пометка крайне удивленного императора: “Ничего подобного я никогда не говорил”.

Английский историк К. Бартлетт в политической биографии Р. Каслри отмечал, что в период пребывания Александра I в Лондоне в июне 1814 г. разговор о Турции не поднимался. Не зафиксировано таких переговоров и в других опубликованных источниках.

Россию и Турцию обманывали. Турцию, кроме того, еще и запугивали согласием держав, которого на самом деле не было. В рабочей записке К.В. Нессельроде, составленной не позднее 12 августа 1814 г. и озаглавленной “Основы всеобщего урегулирования”, сохранение и неизменное положение границ Османской империи как в Европе, так и в Азии рассматривалось как принципиальное положение российской политики. Отмечалось, что и Австрийская империя должна “сохранять в неизменности” свою границу с Турцией.

В 20-х числах марта 1815 г. Р. Листон вручил Высокой Порте памятную записку, в которой говорилось, что “принимаемая в Вене система единения и мира” бы-

ла бы несовершенной, если бы общественное спокойствие могло быть нарушено из-за разногласий между какой-либо европейской державой и Блистательной Портой. Поэтому для ее завершения необходимо, чтобы положение о всеобщей безопасности распространялось равным образом и на целостность османских владений... Но этому мешает одно обстоятельство, — говорилось далее в документе: нельзя гарантировать владение территорией, границы которой не определены.

Документ содержал по крайней мере две натяжки. Во-первых, границы были уже определены Бухарестским договором 1812 г., и речь шла о недовольстве Высокой Порты ее собственными уступками в пользу России. Во-вторых, в нем говорилось, что Александр I готов на посредничество Австрии, Франции и Англии в решении “территориального спора”, по терминологии документа. Высокую Порту ставили по существу перед готовым решением.

“Поскольку... рассмотрение спора между Портой и Россней могло бы занять немалое время, а закрытие конгресса близится, союзные державы были склонны немедленно принять акт о гарантии оттоманских владений, только сославшись в нем на принимаемое на себя Портой обязательство передать ее спор относительно статьи Бухарестского договора на решение трех держав”.

Следует подчеркнуть, что некий компромисс между исходными положениями России и Турции действительно содержался в одной из статей Бухарестского трактата, но это была статья VIII, где речь шла о Сербии, а отнюдь не те статьи, где определялось размежевание владений держав как в Европе, так и в Азии.

Записка Р. Каслри искусно смешивала проблему отношения к восставшей Сербии с размежеванием на установленных границах, т.е. с вопросом заведомо бесконечным.

Махмуд II проявил подлинную государственную мудрость. По его распоряжению реис-эфенди не дал никакого ответа на предложения Англии. Спустя несколько

дней он в устной форме заявил Листону, что между Россией и Турцией “нет никаких вопросов, которые надо было бы обсуждать, и никаких споров, которые требовали бы посредничества третьей стороны”. От арбитража держав реис-эфенди отказался в самой решительной форме, сказав, что единственное, в чем могли бы содействовать Порте державы, — это скорейший вывод русских войск, согласно Бухарестскому договору. В этом, по словам реис-эфенди, и мог бы состоять подлинный смысл гарантий держав, если они действительно заинтересованы в сохранении целостности Османской империи.

Такой постановкой вопроса Высокая Порта недвусмысленным образом продемонстрировала нежелание быть вовлеченной в очередную коалицию с западными державами, причем с неопределенным для Порты политическими последствиями. Окончательно отвергалась перспектива участия Османской империи в деятельности Священного Союза на подчиненной, второстепенной роли, которая ей предназначалась секретным соглашением западных держав от 3 января 1815 г.

Заявление же реис-эфенди об отсутствии спорных вопросов в русско-турецких отношениях действительно не соответствовало. Они реально существовали и требовали решения. Некоторое, ограниченное борьбой вокруг Бухарестского договора посредничество держав Порта также допускала. В этой неопределенности состояла слабость политической линии султана Махмуда II.

Суть претензий Османской империи к России сводилась к пересмотру или отказу России от статьи VI Бухарестского договора и статьи XXIII Кючук-Кайнарджийского договора, касавшихся разграничения в Закавказье. Накануне приезда нового посланника Г.А. Строганова Порта уточнила свои требования о возврате ей Анакры, Кемхала, Сухум-кале, Базарджика и некоторых других укреплений, а также, и это было главным — Мингрелии и Гурии. В ноябре–декабре 1815 г. Порта попыталась добиться ускорения решения с рус-

ским посланником А.Я. Италинским вопросов по разграничению в Закавказье. При этом, чтобы воздействовать на А.Я. Италинского через английского посланника, была использована заинтересованность Англии в возможно скорейшем присоединении Порты как номинального сюзерена к договору держав от 5 ноября 1815 г. (н. ст.) об Ионических островах, поставленных решением Венского конгресса под протекторат Великобритании.

Турецкая дипломатия исходила из весьма реалистичного представления. Именно Англия, а не Россия, утвердившись на Ионических островах, вблизи османских владений на Балканах, приобрела “угрожающее влияние” в Средиземном море, получила не только более выгодные, чем прежде, торговые позиции, но и возможность более активно вмешиваться во внутренние дела Османской империи. Однако ни Англия, ни Россия не считали нужным обсуждать с бывшим союзником по антинаполеоновской коалиции вопрос статуса Ионических островов. Высокой Порте позволялось лишь присоединиться к решению держав — “окончательному и подлежащему выполнению целиком и полностью”, как говорилось в ноте А.Я. Италинского Порте от 5 марта 1816 г.

Высокая Порта напрасно уповала на поддержку Англии, формально не вошедшей в Священный Союз. Расстановка сил на континенте определилась. Турецкая карта в дипломатическом пасьянсе 1815 г. оказалась лишней.

Следует также учесть, что Высокая Порта не была включена в состав Священного Союза христианских держав не столько по формальным признакам инаковерования ее монарха, сколько в очевидности революционных потрясений христианских подданных султана с непредсказуемыми последствиями для судеб Османской империи и сопредельных территорий Австрии и России, а также земель и отдельных крупных областей (Ионические острова и др.), которые находились в сфере интересов Англии и Франции — двух

других, кроме России и Австрии, заинтересованных в Восточном вопросе держав Европы.

Не получив поддержки Англии, Порты прибегла к односторонним силовым акциям в попытке решить комплекс противоречий в русско-турецких отношениях. В пограничных районах Закавказья и Северного Кавказа появились турецкие эmissары. Они готовили вооруженные выступления среди местного населения в пользу присоединения к Турции, распространяли, как докладывал русский главнокомандующий на Кавказе генерал Ртищев, слухи, что “все народы Кавказа мусульманской веры в соответствии с Бухарестским трактатом подлежат переселению в Турцию”.

В беседе с А.Я. Италинским в конце ноября 1815 г. турецкий драгоман заявил, что “Порта считает себя свободной от своих обязательств (по Бухарестскому договору 1812 г.) в связи с тем, что сербы в свое время отказались признать и выполнять постановления договора”. Объясняя этот весьма опасный для мирного развития русско-турецких отношений акт, драгоман сказал, что Порта опасалась вмешательства России “в Турции в случае распрей”, точнее — нового восстания сербов против турецких властей.

Демарши Порты как в одном, так и в другом направлениях успеха не имели. Повстанческого движения горцев против России вызвать не удалось; сербский вопрос, по мнению царя, доведенному до сведения Махмуда II, мог быть решен посылкой султаном в Сербию представителей центральных властей — “людей благоразумных, честных и гуманных”.

Изложив эту примирительную позицию своего правительства, 6 (18) мая 1816 г. А.Я. Италинский в ходе беседы с реис-эфенди подчеркнул, что Россия готова немедленно начать переговоры с Портой по всем спорным вопросам. Поскольку с личностью А.Я. Италинского Порта могла связывать нежелательные на данном этапе отношений между двумя странами воспоминания о войне 1806–1812 гг., в итоге по ее представлению в Петербург новым посланником в Стамбуле был

назначен Г.А. Строганов, которого перевели с аналогичного поста в Стокгольме.

Это, вероятно, был единственный успех непоследовательной и сумбурной османской дипломатии в этот период. Впрочем, “сумбурным и нестабильным” турецкий внешнеполитический курс выглядел только на первый взгляд.

Пограничные конфликты и дипломатическое противостояние*

Непоследовательность в позиции Высокой Порты в русско-турецких отношениях 1812–1820 гг. объяснялась в значительной мере неопытностью молодого султана Махмуда II, однако, более всего — противоборством двух соперничавших при султанском дворе группировок. Одна из них возглавлялась опытным дипломатом и влиятельным в армии сановником, бывшим в 1814–1815 гг. на посту реис-эфенди Галибом-эфенди, а также знатоком европейской политики, его преемником Саидом-эфенди. Они ратовали за разрыв всех отношений с Россией, за решительный отказ от любых мирных переговоров с ней. Во главе другой группировки стояли фаворит султана Халет-эфенди и кяхья-бей, 80-летний, но бодрый и энергичный Юсуф Агях-эфенди, слывший знатоком в равной степени как мусульман-

* Политика России в Закавказье в XVIII–XIX вв. в контексте международных отношений не является специальной темой данной работы. Основные аспекты проблемы, включая военные, освещены в отечественной литературе: *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958; *Абдуллаев Г.* Азербайджан в XVIII в. и его взаимоотношения с Россией. Баку, 1965; *Семенов Л.С.* Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX века. Ленинград., 1963; *Семенов Л.С.* Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX в. Ленинград, 1975. Гл. 4: Англо-русское соперничество на Ближнем Востоке; *Ибрагимбейли Х.М.* Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М., 1971; *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия в внешней политике России. М., 1984.

ского фикха, так и Кодекса Наполеона. Они отвергали, по крайней мере на время, жесткость тона и однозначность решений в отношениях с могущественным соседом. Они трезво оценивали слабость турецкой армии и острый внутренний кризис империи.

Характеризуя политическое положение в турецкой столице, А.Я. Италинский еще в феврале 1813 г. писал в Петербург, что обуздание янычарской вольницы, укрепление централизаторских начал своего правления и укрощение своеволия местных феодалов наряду с неизменной заботой о государственных финансах — суть внутренней политики Махмуда II. Во внешней политике после Бухарестского мира Махмуд II считал, по оценке А.Я. Италинского, получавшего достоверную информацию из источников, близких к Бюро переводчиков при Высокой Порте, что “его (Махмуда II. — *В. III.*) истинные интересы требуют изоляции от европейских держав, что он должен оставаться в стороне от их ссор”. Столкновение Франции и России в 1812–1814 гг. рассматривалось Махмудом II как выгодное интересам Османской империи, ибо “ослабление двух европейских колоссов позволило бы самой Турции уберечься от каких-либо покушений с их стороны”.

Поражение наполеоновской Франции и падение Парижа, события “100 дней” и окончательное крушение Наполеона, перемены курсов европейских кабинетов, многочисленные проекты послевоенного устройства Европы, в которых Высокой Порте отводилась роль стороннего наблюдателя за собственной судьбой, — все это наряду с внутривосточными проблемами определило изоляционистский курс Махмуда II, продолжавшийся вплоть до начала 1820-х гг. На определение курса отстранения от европейских дел и достижения договоренностей с Россией ушло три года.

Это был сложный период. Разногласия раздирали Диван. Ноты России следовали одна за другой. Запад молчал. Единственным светлым пятном на мрачном политическом горизонте оказалась ситуация в Сербии. Новое восстание, вспыхнувшее в 1815 г., быстро завер-

шилось, — обе стороны пришли к компромиссу. Паша-лык, руководство которым теперь возглавил Милош Обренович, получил значительную автономию.

В феврале 1817 г. раздосадованный политическими неудачами Махмуд II обратился к членам Августейшего Дивана и к соперникам-улемам с хатт-и хумаюном, в котором потребовал внести определенность в вопрос — если воевать с Россией, то какими силами; если нет, то завершить затянувшиеся бесплодные дискуссии. Великий везир и шейх уль-ислам поддерживали “партию мира”, а Махмуд II дополнительно предписал новому реис-эфенди Джанибу-эфенди: “следует ясно показать России, что мы желаем покончить дела дружеским образом”.

На “мирном” выборе султана сказались: безрезультатность переговоров с Тегераном о совместных действиях против России; многочисленные выступления пашей-сепаратистов в Восточной Анатолии в 1815–1817 гг. и, что было самым главным, осознание того, что вооруженная борьба сербского народа за независимость, увенчавшаяся сравнительным успехом, пошатнула всю систему турецкого владычества на Балканах.

Несомненное влияние на султана оказало и его окружение, а также осторожная, но настойчивая требовательность русского посланника относительно строгого соблюдения Портой всех договорных обязательств, включая положения 1802 и 1812 гг. о статусе Молдавии и Валахии.

Смена лиц на переговорах и линия Порты на мир с Россией определили новый этап дебатов по всему кругу вопросов. Переговоры активизировались после рамазана, начавшегося 15 июля 1817 г. Порты к этому времени окончательно уяснила необоснованность заверений английского посланника о том, что Священный Союз является тем “препятствием, которое Россия встретила бы при осуществлении в будущем любого проекта, направленного против Османской империи, и что, следовательно, Порты отнюдь не обязана принимать предъявленные ей требования”.

Важно подчеркнуть, что, стремясь выбить козырь из рук воинственной группировки, требовавшей любым способом, вплоть до военных действий, обеспечить поставки хлеба в столицу, население которой голодало несколько лет подряд и где могли произойти непредвиденные и опасные для трона Махмуда II выступления на почве голодных бунтов, русский посланник еще в 1813 г. предлагал меры, после того даже не обсуждавшиеся в Петербурге. “Речь идет о том, чтобы прийти в настоящее время на помощь Оттоманскому правительству, организовав немедленную поставку ему 100 тыс. четвертей хлеба в расчете на потребности нынешнего года и одновременно объявить ему, что мы и впредь ежегодно будем охотно обеспечивать по просьбе Порты снабжение ее столицы в той мере, в какой это позволяет нужда Российской империи”. Таким образом, по справедливому мнению А.Я. Италинского, можно было достигнуть “счастливого разрешения затруднительного дипломатического спора с учетом взаимных интересов”. При этом принималась во внимание перспектива развития хлебного транзита через Проливы в Европу — обстоятельство, немаловажное для учета интересов России в торговле с Англией и Испанией. “Предлагаемая мера, — писал русский посланник, — станет для Порты явным доказательством наших дружественных чувств; ...она сделает дружбу с Россией первостепенной потребностью для жителей турецкой столицы”.

Предложение А.Я. Италинского тогда получило быстрое воплощение. В начале марта 1813 г. соответствующее соглашение о поставках хлеба по льготным ценам для голодающего населения турецкой столицы было подписано. В апреле–июле 1813 г. Александр I и Махмуд II направили соответственно друг другу личные послания с выражением самых мирных намерений обеих держав. Это отнюдь не сняло напряженности во всех аспектах отношений между двумя странами. Однако русский хлеб в снабжении населения столицы стал постоянным и долговременным (до 1850-х гг.) фактором русско-турецких отношений.

В определившейся тенденции к нормализации русско-турецких отношений и решению спорных вопросов путем переговоров наряду с отказом обеих сторон — в России, и Турции — от посредничества третьих стран решающее значение имел не оформленный документально, но практически сложившийся после Бухарестского мира 1812 г. и нейтралитета Высокой Порты в Отечественной войне России курс Петербурга на сохранение османского интегритета в рамках 1812 г.

Новому посланнику в Стамбуле были подготовлены инструкции, помеченные 1 июня 1816 г. Обстоятельностью и взвешенностью анализа развития русско-турецких отношений этот документ выгодно отличался от ряда наставлений, которыми и раньше (например, А.Я. Италинского) и позднее, в середине XIX в., снабжали представителей России в Османской империи. Посланнику России Г.А. Строганову предлагалось взглянуть на положение страны объективно, не поддаваясь искушению видеть в ней “чудовищного и дряхлого колосса”, готового рухнуть “под собственной тяжестью или под не менее тяжким бременем анархии”. С другой стороны, предупреждался Г.А. Строганов, — “лица, стремящиеся воспользоваться исключительным правом легкой эксплуатации богатств Востока, без труда убеждаются в нерушимой прочности османского государства”. *Азиатский департамент МИД, составляя цитируемые инструкции, недвусмысленно предупреждал, что европейские державы сформулировали два основных принципа своей европейской политики: “1) удерживать это государство в состоянии «унижения» и деградации, в котором оно сейчас находится; 2) завладеть им как инструментом, которым они могли бы воспользоваться в целях осложнения внешних сношений России”.*

Оценивая политику Англии в Османской империи как антирусскую и нацеленную на закрепление своих ведущих позиций в области торговли и мореплавания, авторы инструкции обращали одновременно внимание на стремление Австрии, вкупе с Англией, “вызывать

у Порты страх перед якобы грозящими ей опасностями со стороны России, оказывающей поддержку христианским подданным Османской империи, и на этом основании предлагать ей свою поддержку в спорах с Россией”.

Этот ключевой пункт в отношениях России и Турции рассматривался достаточно определенно с точки зрения царской дипломатии — оказывать покровительство православным христианам — турецким подданным, снимая при этом вопрос, что оно “несовместимо с существованием Турецкой империи или вредит интересам других европейских держав”.

Посланнику России предлагалось в самой категорической форме “тщательно устранить всякую возможность или повод к войне между Россией и Турцией”.

В то же время посланник обязан был озаботиться сохранением стратегических позиций России на северо-восточном побережье Черного моря и обеспечить мирное урегулирование вопросов разграничения. Особое внимание обращалось на необходимость пресечь пиратские набеги турецких работорговцев на земли России в Причерноморье. Категорически отвергались домогательства Порты в отношении Гурии и Мингрелии.

В отношении балканских подданных инструкции отражали общий уклончивый курс Петербурга: Россия не прочь была бы стать “гарантом в сербских делах”, имея в виду Второе сербское восстание; тем более выгодным считалось присутствие как русского представителя при сербском правительстве, так и представителей других европейских держав в качестве посредников между восставшими сербами и Портой. Главным же считалось “способствовать превращению их (сербов. — *В. III.*) в мирных и покорных подданных монарха, под чьим скипетром они находятся”.

В общих и в серии дополнительных инструкций по конкретным вопросам положения дел в Сербии и в Дунайских княжествах обращает на себя внимание настойчивое предложение — рекомендовать Порте самой устранить основания для недовольства ее немусульманских подданных угнетенным положением, “чтобы привлечь

эти народы в свое лоно, чтобы вырвать их, наконец, из-под иностранного влияния". Через три недели Г.А. Строганову по приказу Александра I была направлена дополнительная инструкция, призывавшая посланника сделать все возможное, чтобы путем уважения гражданских прав и религиозных привилегий христиан привязать их к "родной земле", т.е. к Османской империи. Общий вывод многочисленных инструкций Г.А. Строганову сводился к удовлетворенности России прежними русско-турецкими договорами. Все предписания были проникнуты единственной озабоченностью — "найти способ обеспечить их (договоров. — В. III.) выполнение".

Неутешительными и бесплодными называют некоторые исследователи (В.Н. Виноградов, И.С. Достян, Н.С. Киняпина) годы, проведенные Г.А. Строгановым в переговорах с Портой с 1816 по 1821 г. Это суждение оправдано лишь отчасти и только в отношении развития влияния России на Балканах.

Со стороны России шла напряженная дипломатическая борьба за мирное выполнение обеими сторонами всех условий Бухарестского договора, за создание такой обстановки в русско-турецких отношениях, когда был бы исключен пересмотр фундаментальных положений прежних договоров и не мог быть осложнен новый этап развития русско-турецких отношений. Наконец, весьма пассивная в отношениях с западноевропейскими державами турецкая дипломатия вела активную борьбу с опытными русскими дипломатами, нарабатывала формы и методы, ставшие нормой деятельности турецкой дипломатии в конце 1820-х — начале 1830-х гг. Полтора десятка лет напряженной дипломатической борьбы османской дипломатии с русской дипломатией подготовили успешный выход Высокой Порты из добровольного изоляционизма 1815 г. Вырабатывались новые подходы к решению спорных торговых вопросов. Закладывались некоторые принципы турецкой экономической дипломатии.

Следует отметить, что Высокая Порта 18 месяцев как бы не знала о прибытии русского посланника

Г.А. Строганова, принятие его верительных грамот бесконечно откладывалось.

Порта попыталась занять выжидательную позицию. Однако возобладание сторонников переговоров с Россией в правительственных кругах Турции и настойчивость русского посланника заставили стороны выяснить итоги послебухарестского периода. Они были неутешительными.

“Четыре мирных года (после 1812 г.) были своего рода продолжением войны”, — констатировалось в Памятной записке Г.А. Строганова турецкому правительству от 14 декабря 1816 г. Посланник России поставил вопрос: чего же хочет Порта — войны или мира? Казаскер Румелии Халиль-паша и реис-эфенди Сейид-эфенди после нескольких встреч с Г.А. Строгановым (в ходе которых последний изложил или скорее исчерпал все аргументы), узнав через посольства других держав, что К.В. Нессельроде строго указал Г.А. Строганову “не прибегать к языку угроз” в сношениях с Портой, подготовили два документа, которые можно расценивать как формальную попытку пересмотра Бухарестского договора 1812 г.

В одной ноте на имя Г.А. Строганова от 15 февраля 1817 г. указывалось, что основу политических отношений между Россией и Османской империей должны составлять Кючук-Кайнарджийский (1774 г.) и Ясский (1791 г.) мирные договоры. Авторы ноты трактовали статью XXIII договора 1774 г. и статью V договора 1791 г. как основание считать все последующие договорные акты не имевшими силы. Бухарестский договор 1812 г. трактовался турецкой стороной в духе средневековых капитуляций, дарованных из милости султанами иноверцам “актов великодушия”, проявленных якобы “из добрых чувств к России” и ради заинтересованности в ее судьбе, ради желания Высокой Порты дать России возможность противостоять наполеоновскому вторжению. В другой ноте эти соображения повторялись; кроме того, в ней содержались необоснованные ссылки на исторические права турецкого сюзере-

нитета на грузинские земли, вошедшие добровольно в состав Российской империи. Все нарушения, связанные с произвольными выгрузками транзита русского хлеба через Проливы, вопреки сложившейся практике взаимовыгодных сделок, объяснялись как временная, вынужденная мера.

С февраля по сентябрь 1817 г. продолжалась так называемая конференция по разграничению в устье Дуная. Практически безлюдные острова Чатал и Лети и ряд мелких островов оставались в составе турецких владений. Завершилось разграничение Сулинского и Килийского рукавов гирла Дуная. Все эти проблемы решались ко взаимному удовлетворению и не составляли существа разногласий на конференции 1817 г.

Суть нерешенных проблем, от обсуждения которых уходили реис-эфенди Джаниб-эфенди и кяхья-бей Халет-эфенди, заключалась в другом. Во-первых, русская сторона предложила урегулировать вопрос о новом положении Сербии на основании сокращения наполовину податей, которые платили сербы в пользу турецкой казны, а также существенного сокращения турецких гарнизонов в определенных крепостях и удаления из Сербии всех других турецких гарнизонов. Предлагалось признать право Сербии на избрание своего князя-серба и на учреждение в Белграде поста постоянного наблюдателя от России за выполнением этих потенциальных договоренностей. В отношении Дунайских княжеств на основе Бухарестского договора выдвигались предложения, которые должны были закрепить предоставленные Портой этим княжествам привилегии. Особое внимание обращалось на обеспечение беспрепятственного торгового обмена Молдавии и Валахии.

Предметными и точными были требования Г.А. Строганова в адрес местных и центральных турецких властей (приводились поименные списки), которые чинили затруднения русским торговцам в Османской империи, либо “домогались уплаты неположенных пошлин”. Новое развитие торговые и политические отношения держав смогли приобрести благодаря инициативе России

по таможенным вопросам. Чтобы исключить многочисленные таможенные поборы с русских торговцев местными властями и урегулировать положение с консулами, Высокая Порта могла бы издать особый документ (хатт-и шериф), по которому “торговля любыми товарами, указанными в таможенных тарифах России и иностранных наций (торгующих с Османской империей. — *В. III.*), не может быть запрещена лицам, состоящим в подданстве или под покровительством России. Эти негоцианты должны платить таможенную пошлину лишь один раз в месте продажи и покупки товара и в соответствии с таможенным тарифом России или с таможенными тарифами иностранных наций для товаров, не указанных в русском тарифе”.

Турецкая сторона неоднократно ссылалась на то, что договоры с Россией дают последней право пользоваться всеми привилегиями, которые Порта предоставляла другим державам по торговым и политическим соглашениям (капитуляциям). На деле это давало основание Порте отказываться от разбора казусов с русскими торговцами, имевшими место там, где не было консулов европейских держав, как следствие — не было консулов России.

Посланник Г.А. Строганов, не акцентируя односторонние капитуляционные преимущества России (1774, 1783 гг.), просил лишь издать особый акт о признании за русскими торговцами “права на все те привилегии и почести, которыми эта (в тексте английская, французская и другие “свободные нации”. — *В. III.*) или всякая другая нация пользуются или могли бы пользоваться в дальнейшем как в отношении торговли, так и в отношении мореплавания”.

Посланник России не спрашивал особого статуса для российских подданных. Это отмечает историография. Для реализации предполагаемого документа, для защиты интересов торговли, мореплавания и покровительства своим подданным Россия просила Высокую Порту предоставить российскому двору “право и полную свободу учреждать консулов и вице-консулов

на всей территории Османской империи”, передавать через посланника необходимые бераты и ферманы в распоряжение этих консулов для обеспечения охраны личности и имущества русских подданных и лиц, к ним прикомандированных, т.е. формально распространить на российских подданных формы консульской юрисдикции, принятые в отношениях Порты с Францией, Австрией и другими государствами.

При нерешенности ряда главных проблем в деле урегулирования русско-турецких отношений обращение русской стороны к развитию консульской службы борьба за уравнивание фактического положения русских консулов с их коллегами из западноевропейских стран должно рассматриваться через призму общеевропейской и средневосточной политики России. Составляющими, подчиненными звеньями этой политической линии были отношения с Турцией и с Ираном.

На протяжении ряда лет, с 1812 г. и до начала Греческой революции 1821 г. в отношениях со Стамбулом и с Тегераном отчетливо прослеживалось стремление Петербурга строить эти отношения на двусторонней основе, подчинив эту двустороннюю ограниченность более общим задачам. В этом заключалась слабость политики царизма. Г.А. Строганову в Стамбуле и А.П. Ермолову в Тегеране — чрезвычайным и полномочным посланникам — предписывалось исключить какое-либо посредничество европейской державы, третьей стороны, в отношениях России как с Турцией, так и с Ираном. Содержание депеш К.В. Нессельроде к Г.А. Строганову, равно как и основные направления деятельности А.П. Ермолова в Иране сообщались посланникам держав в Петербурге, которые читали сообщаемые документы, но хранили “непроницаемое и весьма примечательное молчание”. Тем временем европейская пресса пестрела сообщениями о якобы воинственных намерениях России в отношении Турции. В этих обстоятельствах отношения с Турцией рассматривались Петербургом в контексте политики, направленной на закрепление Венской системы. Александр I, поддерживая прин-

цип взаимной заинтересованности и прямых отношений с Османской империей, тем не менее беспрестанно оглядывался на “кабинеты Европы”, — видны ли из их окон мирные намерения императора в связи с Восточным вопросом. “Боязнь войны на Востоке — объяснил ситуацию К.В. Нессельроде, — могла бы спровоцировать катастрофу во Франции”.

Стабилизация русско-турецких отношений происходила, следовательно, на консервативной основе, соответствовавшей принципам постановлений Венского конгресса.

Эта двойная игра царской дипломатии — прямые, без посредников, отношения с ближайшими южными соседями — Турцией и Ираном и при этом нарочитая открытость “турецкой политики” России перед Западом — не достигала цели. Державы не доверяли царю-миротворцу в Восточном вопросе. Порты настаивала на пересмотре договоров 1774 и 1812 гг. Уклончивая “пассификаторская” политика Петербурга создала для Порты дополнительную возможность вооруженной борьбы с растущим национально-освободительным движением на Балканах.

Османь, греки и русские. “Соскальзывание в конфликт”

К началу 1820 г. в русско-турецких отношениях отчетливо проявилась тенденция скатывания к тупиковой фазе, чреватой непредвиденными осложнениями. Последние далеко выходили за пределы собственно отношений двух держав и отражали общеевропейские процессы развития международных отношений, политических и экономических.

Осенью 1819 г. после Аахенского конгресса, позволившего европейским державам поддержать видимость согласия по ряду сложных вопросов международных отношений, включая магрибинское пиратство на Средиземном море, МИД России подготовил и в начале января 1820 г. разослал дипломатическим представительст-

вам России за границей инструктивные записки по вопросам европейской политики. Одновременно по тем же адресам была разослана инструктивная записка российского МИДа, освещавшая отношения с Ираном и Турцией. Всем без исключения документам был присущ тон покровительственного миротворчества российского правительства как в Европе, так и в Азии. Однако в отношениях с Турцией Петербург констатировал практическое отсутствие прогресса с периода “всеобщего кризиса”, т.е. с 1812–1813 гг., за исключением некоторых привилегий для Дунайских княжеств и Сербии. Россия продолжала декларировать охранительную линию в русско-турецких отношениях. Политика Высокой Порты оценивалась Петербургом как “вынужденное миролюбие”. Общей ближайшей задачей российской дипломатии было провести с Высокой Портой “переговоры по всем вопросам в совокупности, посредством чего всякий спорный вопрос мог бы быть улажен по принципу взаимного уважения законных интересов”.

В соответствии с этим курсом Г.А. Строганов мог предложить Высокой Порте либо ускорить переговоры на основе комплексного обсуждения вопросов, либо выжидать “благоприятного действия времени”.

В Петербурге справедливо опасались, что в последнем случае могут пострадать “торговые интересы и текущие дела”. Опасения оказались далеко не безосновательными. Высокая Порта отказывалась идти на обсуждение проблем в общей увязке. Примеры европейских конференций 1815–1819 гг., когда одновременно решались судьбы стран и Старого, и Нового Света, Высокую Порту не удовлетворяли. Порте был нужен выборочный подход по каждой из проблем, а этого стороны согласовать, как мы видели, не смогли.

Долгие годы переговоров с русскими представителями, постепенно расширявшиеся контакты с дипломатами и торговцами европейских держав, увеличение информации о положении в Европе — все это постепенно содействовало выработке новых подходов в турецком

внешнеполитическом ведомстве к старым проблемам. В канун и во время Греческой революции можно проследить появление этого нового подхода. Турецкие дипломаты стали разделять вопросы — внутривосточные для Высокой Порты (положение в Сербии и в Дунайских княжествах), по которым русский посланник мог делать представления в случае очевидных нарушений местными турецкими властями привилегий этих территорий; внешнеэкономические (торговые договоры, консульская юрисдикция и т.д.), по которым Порта готова была вести переговоры; и, наконец, вопросы ее, т.е. Высокой Порты, отношений с восставшими греками, обсуждение которых с Россией или любой другой страной расценивалось как посягательство на суверенитет османского государства.

Если русская дипломатия все более склонялась к комплексному решению спорных вопросов “в совокупности”, по терминологии Г.А. Строганова, то Джаниб-эфенди и Халет-эфенди настаивали на строго раздельном обсуждении каждого частного вопроса, сопровождая таковой дополнительными условиями возврата Порте мусульманских территорий на Черноморском побережье Кавказа.

Следовательно, то, что в русских документах этих лет было названо намерением Порты “оставаться чуждой комбинациям европейской политики”, по существу отражало противоположный подход Турции и России к проблеме участия третьих держав в решении спорных вопросов. Эти обстоятельства должны учитываться при анализе событий 1820-х гг.

Для правящих кругов Османской империи отношение к восставшим подданным-христианам как к бунтовщикам означало непонимание нового уровня борьбы народов Балкан, вступавших на путь буржуазного развития, сведение проблемы к привычным рамкам “бунта раи” с соответствующей реакцией — вооруженное подавление “янычарскими методами”.

Поражение в войне с собственными подданными и международная изоляция, в которой оказалась Тур-

ция, подтолкнули режим Махмуда II к реформам сначала в армии (1826 г.), затем и в социально-политической жизни. Несоответствие реальностей Греческой революции (вкуче с другими освободительными движениями в Османской империи тех лет) и принимаемых Портой мер исключительно военно-политического характера определило уровень принятия решений в Стамбуле по всему комплексу русско-турецких отношений: конфликтность (1821 г.) вплоть до вооруженного столкновения (1828 г.).

Для правящих кругов Российской империи отношение к ключевой проблеме русско-турецких отношений этих лет — восстанию в Дунайских княжествах и к революции в Греции — строилось на иных принципах. С одним общим признаком — непонимание существенных перемен в самих балканских провинциях Османской империи. Кроме того, в Петербурге исходили из утопических представлений о возможности решать все аспекты Восточного вопроса, включая и восстания на Балканах, через согласованные действия с Англией и членами Священного Союза при ведущей роли России. Царское правительство, подобно Порте не будучи в состоянии объективно оценить ситуацию, тем не менее в силу исторических особенностей своей политики ставило нереалистичные, неосуществимые и несовместимые цели — погасить революционный пожар на Балканах и вблизи своих основных границ, но при этом сохранить в глазах народов Балкан миссию спасительницы и не допустить физического истребления христианских подданных Порты. Нереалистичность целевых установок русской политики на Балканах в эти годы в свою очередь осложняла развитие русско-турецких отношений. Россия своим отходом, как будет показано ниже, от решительной поддержки балканских освободительных движений в 1821 г. обрекла себя и на отступление в Восточном вопросе перед лицом Запада, и на сползание к вооруженному конфликту с Турцией при неблагоприятных внешних и внутренних условиях.

Что касается влияния политики западноевропейских держав на развитие русско-турецких отношений, то сле-

дует отметить следующее. Продолжалось оформление в первую очередь антирусского и лишь затем протурецкого курса английской политики. Политику гибкого маневрирования с ориентацией на Лондон проводила австрийская дипломатия.

Устойчиво накапливала силы для активизации на Востоке Франция. Неизменную готовность включиться в Восточный вопрос демонстрировала Пруссия. С разных позиций и с различными целями, но все державы, включая Османскую империю, были нацелены против европейской революции. При этом положение в восставших провинциях Османской империи стало рассматриваться как проблема, затрагивающая интересы великих держав Западной Европы и потому подлежащая выведению из круга собственно русско-турецких проблем.

За Россией и Турцией оставляли вопросы собственно экономические — договоры по торговле, тарифам и т.д., т.е. то, что до стадии промышленного капитализма не могло первоочередным порядком интересоваться капиталистические страны. С начала 20-х гг. XIX в. отчетливо проявилась тенденция вмешательства — арбитража держав — в русско-турецкие отношения в целом. Проявилось отношение особой заинтересованности Англии, Франции и Австрии не допустить преобладания России в развивающихся по капиталистическому пути балканских провинциях Османской империи. Эти провинции для Высокой Порты становились чуждыми формационными изолянтами. Для Запада — резервной зоной развивающегося вширь и вглубь нового индустриального общества.

Вывод их за пределы борьбы России и Турции и их отношений в целом, установление действенного экономического и политического контроля держав на Балканах взамен идейно-политического влияния России на единоверцев становилось программой дипломатов и стоявших за ними коммерсантов Лондона, Парижа и Вены.

В подавляющей части зарубежной и отчасти в отечественной литературе принято рассматривать отноше-

ния Турции, России и держав по поводу событий в Дунайских княжествах и в Греции, начиная с выступлений против османского ига Т. Владимиреску в Валахии (январь 1821 г.) и А. Ипсиланти в Молдавии (март 1821 г.). Обычно отмечается растерянность Высокой Порты, вскоре вылившаяся в акты погромов и массового уничтожения повстанцев и вообще всех христиан, сопровождавшаяся быстрым нарастанием антирусских настроений в турецком обществе. Эти верные замечания, основанные на турецких источниках, должны быть несколько дополнены.

К началу 1820-х гг. Порте удалось сочетанием репрессий и компромиссов приглушить освободительную борьбу Сербии, которая после Второго восстания 1815 г. получила ограниченную автономию, мало отличавшуюся, впрочем, от статуса Белградского пашалыка. Сербский князь Милош Обренович при явной или тайной поддержке Порты укреплял свои позиции в самой Сербии. Усиливалась проавстрийская ориентация в окружении Милоша в противовес русскому влиянию.

Высокая Порта могла быть удовлетворена примирительной позицией русского посланника, который накануне событий 1821 г. советовал сербам в их петициях к Порте проявлять “умеренность без вызова и твердость без повода для санкций”. Одобренный Россией план государственного устройства Сербии подлежал длительному обсуждению в Стамбуле и мог быть введен в неопределенном будущем только султанским хатт-и шерифом. Это был определенный успех Махмуда II, который готов был затягивать переговоры с Сербией до разгрома других восстаний. Порта не исключала возможности русского посредничества в переговорах с Сербией об автономии. Турецкая дипломатия сумела обезопасить опаснейший сербский участок событий, нейтрализовала Милоша Обреновича и частично парализовала прямыми связями с ним русских представителей.

Длительное, но заведомо бесплодное ведение Портой сербо-турецких переговоров об автономии весной

1824 г., уже после начала восстания в Греции, должно было смягчить внешнеполитическое впечатление в Европе и в России от карательных акций против восставших, отвлечь внимание русских, в первую очередь дипломатов, от репрессий в Греции и в Дунайских княжествах. И, наконец, внести раскол между сербами и греками. Именно реис-эфенди Хамид-эфенди передал Г.А. Строганову копии посланий А. Ипсиланти к М. Обреновичу с предложениями о совместных действиях, а также “Прокламацию сербов к Греции” и другие документы этеристов с призывами к вечному и нерушимому наступательному и оборонительному союзу греков и сербов против турок. Вместе с тем Хамид-эфенди настойчиво повторял Г.А. Строганову, что Высокая Порта нуждается в “моральной поддержке” со стороны России.

Вполне безопасно для Порты развивались, а точнее медленно сворачивались отношения России с Черной и с Ионическими островами.

После очередного отказа России в поддержке Али-паше Янинскому в апреле 1820 г. Махмуд II перешел в успешное наступление против могущественного правителя Эпира, завершившееся полной победой султана в 1822 г. Со стороны Албании, следовательно, позиция Порты на Балканах также была достаточно обеспеченной.

Неопределенности позиции Г.А. Строганова, разрывавшегося между стремлением приостановить турецкий террор против христиан и строгим указанием из Петербурга — никакой помощи бунтовщикам, — Хамид-эфенди противопоставил последовательные действия. Реис-эфенди добивался от посланника России полного отказа от неофициальной помощи грекам и валахам, которую начали оказывать коммерческие и другие, общественные круги России. Следующим шагом было введение прямого правления в Дунайских княжествах вместо дискредитировавшего себя режима протурецки настроенных фанариотов. В начале революционных событий в Валахии Хамид-бей добился от Г.А. Строгано-

ва согласия на совместные действия российского консула в Яссах и направленного в княжества турецкого полномочного представителя — каймакама.

В марте 1821 г. реис-эфенди выражал надежду, что Россия поддержит замену молдавского господаря новым ставленником Порты и согласится на временный досмотр российских кораблей в Стамбуле, чтобы, как он говорил, пресечь побег греков из “Богоспасаемых пределов”.

В мае в тоне Хамида-эфенди прозвучал звон оружия. Он внушал Г.А. Строганову, что России следовало бы признать правомерность наказания Портой восставших, ведь сам господин посланник назвал их бунтовщиками. Россия должна была согласиться на введение системы прямого военного правления через систему мухафызов — военных комендантов, — признать введение в княжества и в греческие земли турецких гарнизонов. Демонстрируя готовность продолжать контакты с русским посланником, Высокая Порта предприняла некоторые меры для ограждения жизни, достоинства и имущества подданных России, находившихся в Стамбуле. Однако они были либо формальными — разрешение покинуть Османскую империю, либо неудобноисполнимыми. Российским торговцам в Константинополе, например, было предписано собраться в одном караван-сарая вместе с мусульманскими торговцами и тихо ждать. Чего?

Серьезные расхождения между главой валашских повстанцев Т. Владимиреску, который был склонен к сохранению суверенной власти Махмуда II в Валахии при условии восстановления прав местного Дивана, и возглавившим греческих повстанцев А. Ипсиланти, который призывал к полному свержению османского ига на Балканах, были использованы Портой как необходимое формальное обоснование перед державами беспощадных карательных акций как в отношении княжеств, так и в Греции. Порта известила, кроме того, посланников держав, что она приняла к исполнению действительно имевшее место обращение валашского Ди-

вана от 10 февраля 1821 г. с просьбой о помощи в подавлении восстания Т. Владимиреску. Сообщались документы из перехваченного турками обращения вождя греческих повстанцев за помощью к Александру I.

Политический курс Порты в этих условиях основывался на отношении к России как к державе, инспирировавшей восстание подданных султана; переговоры о восставших означали бы признание их в качестве равноправной воюющей стороны. Этот курс находил поддержку и понимание у посланников западных держав в Турции.

Резко отрицательное отношение Александра I к восстаниям в Валахии и в Греции было хорошо известно и европейским правительствам, и самой Порте. Однако очевидные и демонстративно сообщенные Порте мирные намерения России, включая копии депеши российским консулам в Турции на арабских и греческих территориях от Смирны до Яффы и Санторина об отношении к повстанцам как к бунтовщикам, конфискации грузов оружия на российских судах, следовавших в зону восстания, интернирование повстанцев в Одессе и вообще в пределах России желаемого эффекта на турецкое правительство не произвели. К тому же прошла угроза бунта янычар против недостаточно решительных, с их точки зрения, действий властей против восставших.

Английский и австрийский посланники в Стамбуле поддерживали Хамида-эфенди и других влиятельных лиц в Высокой Порте во мнении об участии России в подготовке восстания в Валахии. Кроме того, миротворческие заявления Г.А. Строганова на основе согласительной позиции держав на конгрессах Священного Союза в Троппау и Лайбахе Махмуд II воспринял однозначно — Россия не может вести открытую войну в пользу восставших. Хамид-эфенди откровенно высказывался в том смысле, что любые переговоры с повстанцами при участии России могли бы осложнить военное решение вопроса, т.е. проведение карательных армейских операций, к которым Порта усиленно готовилась. Камуфлируя подготовку репрессий, он выдви-

нул перед русской миссией в Стамбуле заведомо противоречивые предложения. Во-первых, считать восстание в Греции как бы не существовавшим (не обещая, впрочем, амнистии повстанцам), если Россия сумеет добиться, чтобы восставшие заявили о своей покорности Османской империи. Во-вторых, категорически отказался допустить представителя России в зону, охваченную восстанием. Последнего тщетно добивался Г.А. Строганов, опираясь на прецедент согласия Порты рассматривать сербов как своих подданных, обладающих особыми капитуляционными правами (на торговлю и др.).

Первым предложением Хамид-эфенди по существу перехватывал инициативу русского посланника, которому было предписано сообщить Порте, что Россия готова оказывать “моральное содействие” Высокой Порте. К.В. Нессельроде предписал Г.А. Строганову исходить из предложения, что восстания в Валахии как бы не существовало вовсе. “Народ не принял в нем никакого участия, — закрывал глаза на общеизвестные факты К.В. Нессельроде, — а Диваны обоих княжеств постоянно заверяли державу-сюзерена в своей верности”.

Вице-канцлер России брался за абсолютно нереалистичное в сложившейся ситуации дело — новой серией согласительных нот и умиротворительных демаршей удержать Порту от репрессий против восставших. К.В. Нессельроде хотел бы сохранить при этом мирные отношения с Османской империей, демонстрируя ей “сочувствие и понимание”, но при этом надеялся не оттолкнуть восставшую Грецию, ждавшую помощи от России, но даже восстановить утраченные в связи с восстанием каналы легального покровительства Дунайским княжествам.

В таком “моральном содействии” России Порты, естественно, не нуждалась, а в том, что русские полки не двинутся на помощь восставшим — уверилась. И это для нее было важнее.

В пасхальный день 1 апреля 1821 г. в Стамбуле были казнены примасы православной церкви во главе с патриархом. День и способ расправы не оставляли сомне-

ния — Высокая Порта объявила джихад своим подданным и — фактически державе, которая по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г. была гарантом и покровительницей православных подданных султана. Расправа была подготовлена на правительственном уровне, а не явилась проявлением “гнева населения Стамбула”, как писал турецкий историк А. Расым.

Накануне, 30 марта 1821 г. во все концы Османской империи помчались гонцы с султанским хатт-и шерифом, призывавшем мусульман покончить с распрями и, объединившись, подавить “мятеж неверных подданных”.

Трагическая гибель патриарха, массовый террор в отношении греческого населения в Османской империи, провал всех миротворческих усилий заставили Александра I занять по греческому вопросу более определенную позицию. 28 июня 1821 г. Г.А. Строганову было предписано покинуть турецкую столицу после ноты ультимативного характера. Таковая последовала 18 июля (н. ст.) 1821 г. в адрес Высокой Порты. В ней указывалось, что меры, принятые стамбульским правительством, направлены, по мнению России, “не только против зачинщиков волнений и людей, вставших под их знамена, но и против всей греческой нации в целом, против самих основ ее существования и возрождения”. В ноте содержалось также указание на нарушения Портой договоров 1774 и 1812 г. в части привилегий Дунайских княжеств и “подданных греческого вероисповедания”.

Среди множества нот аналогичного содержания строгановская июльская нота содержит по-своему уникальную постановку вопроса. “В силу названных договоров оно (российское правительство. — *В. III.*) не может никогда отделять участие, которое оно проявит к турецкому правительству, от участия, которое оно должно проявить к христианам, населяющим европейскую часть Турции”.

Идея “морального содействия” России, которое Порта трактовала как поддержку Россией разгрома вос-

ставших, реально воплотилась в идее статус-кво, обусловленной, однако, соблюдением Высокой Портой капитуляционных привилегий, предоставленных ею России в пользу и для защиты “жизненных интересов и самого существования” православного населения Османской империи, напомним, составлявшего большинство жителей Европейской Турции.

Защитой принципа капитуляций в аспекте покровительства христианам Россия демонстративно еще раз отмежеввалась от революционного характера и социального содержания национально-революционной войны греческого народа, народных восстаний в Молдавии и Валахии. В июльской ноте Г.А. Строганов сформулировал, может быть, наибольшую опасность, в которую, с точки зрения дальнейшего развития международных событий, втягивалась Порта: в потенциальный конфликт со Священным Союзом. Высокую Порту призывали обратить внимание на “соображения наивысшего, если так можно выразиться, порядка, а именно на соображения, связанные с обязательствами, принятыми на себя всеми христианскими державами с целью сохранить их единство и безопасность”.

Угроза в адрес Порты одновременно была и своего рода “приглашением” к великим державам более четко определить свою позицию в отношении греческого освободительного движения.

Нота заканчивалась требованием отделить от основной массы населения “зачинщиков и участников волнений в Греции и в княжествах”; говорилось о восстановлении привилегий православного миллета и компенсации за причиненные убытки. В отношении Дунайских княжеств русское посредничество в деле умиротворения предполагалось обязательным. В отношении Греции сдержанно предлагалось обеспечить грекам “мирное и спокойное будущее” в рамках османской системы. В ноте особо подчеркивалось, что Россия “искренне желает сохранения системы его (османского. — *В.Ш.*) правления”. Многочисленные, кроме того, ссылки на Европу, якобы ожидающую от Порты возврата к “бо-

лее умеренным принципам правления”, назидательно, но не убедительно для достаточно компетентного османского внешнеполитического ведомства декларировали несуществовавшее на практике единство взглядов членов Священного Союза, точнее, трех великих держав, на положение дел на восставшем Балканском полуострове.

Формально посланники всех великих держав в Стамбуле поддерживали требование Г.А. Строганова прекратить массовые погромы христиан. Однако в самый разгар террора против греков в июле 1821 г. Георг IV призывал Александра I не вмешиваться во внутренние дела Порты. Тогда же Р. Каслри, уточняя позицию короля, в послании Александру I связывал восстание греков с действиями противников “законной власти” во всей Европе. Поэтому было бы ошибочно, как писал Р. Каслри, поддержать греков — ибо они только часть “организованного духа мятежа, который все последнее время распространяется по Европе, ...особенно там, где ослаблена государственная власть”. Подчеркивая, что владениям и системе власти царя Александра I со стороны греческого восстания ничто не угрожает, госсекретарь Великобритании по иностранным делам заклинал царя не вмешиваться в Греции. О Дунайских княжествах мудрый Р. Каслри умалчивал. Так важно было не допустить единоличного вмешательства России в помощь восставшим грекам! Может быть, еще важнее — держать вооруженные силы России в готовности на случай подавления действительно общеевропейских революционных событий.

Франция и ее посланник в Стамбуле И. Виалла придерживались в отношениях с Портой увещательного тона, сосредоточившись на соблюдении статуса Г.А. Строганова как представителя великой христианской державы.

Австрийский интернунций в Константинополе Р. Лютцов занял позицию, промежуточную между таковой английского посланника П. Стрэнгфорда, заверявшего Порту в миролюбии России, но призывавшего по-

скорее покончить с бунтовщиками, и позицией И. Виялла, намекавшего Хамиду-эфенди, что Порта может столкнуться не только с Россией. Позиция Австрии заключалась, во-первых, в том, чтобы, если не удастся предотвратить разрыв между Петербургом и Стамбулом, “переложить ответственность за такой разрыв на одну лишь Россию”. Именно так посланник в Вене Ю.А. Головкин понял откровенное, многократно повторяемое: “Значит, император хочет войны”, — из уст канцлера Австрии К. Меттерниха во время беседы в 20-х числах декабря 1821 г.

К. Меттерних упорно подводил как посланника России в Вене, так и своих представителей в Турции и в России к идее неизбежности русско-турецкой войны. Он первым из глав правительств Европы в июле 1821 г. через Р. Лютцова озаботился представить прежде всего Порте, а также Англии, затем России и Франции свой план посредничества на Балканах. Четыре пункта умиротворения К. Меттерниха сводили вопрос геноцида греков к “заступничеству” России за сугубо формальные, обрядовые права православного клира — оставляли за Махмудом II право казнить или милловать “виновных или невиновных” в революционном движении, охватившем всю Морею.

Предполагая местом переговоров Вену, Австрия стремилась к посредничеству в отношениях России и Турции. Притом столь настойчиво, что у русских представителей в Вене, Париже, Стамбуле и Лондоне складывалось впечатление, что стремление к посредничеству и контролю, следовательно, над отношениями России и Османской империи для К. Меттерниха намного важнее, чем “мир на Востоке”, за который он усердно ратовал на конгрессах Священного Союза в Троппау и Лайбахе.

Позиция Петербурга определилась в отношении посредничества однозначно. 10 сентября 1821 г. в Берлин, Вену, Лондон и Париж была направлена секретная циркулярная депеша. В ней содержалось указание на приоритет “обязанностей (разрядка в депеше. — В. III.), ко-

торые она (Россия. — *В. III.*) должна исполнять по отношению как к самой себе, так и к своим единоверцам. Эти обязанности установлены договорами, существующими между правительством е. в-ва и Портой”. Петербург категорически отвергал любое европейское посредничество в русско-турецких отношениях. Особо отмечалось, что европейские державы никак не могут рассматриваться как гаранты договорных отношений между Россией и Османской империей.

Таким образом, развеивался туман глубокомысленного раздумья о судьбах Европы, а по сути — Священного Союза, которым Лондон и Вена пытались окутать очевидный вопрос: Кто на чьей стороне? На стороне восставшей в борьбе за свободу Греции и повстанцев в Дунайских княжествах или на стороне султана, призывавшего к “священной войне” всех мусульман с иноверцами, т.е. фактически к гражданской войне.

Следует упомянуть, что 20–29 октября 1821 г. в Ганновере состоялась встреча Р. Каслри и К. Меттерниха. На встрече была подтверждена согласованность всех демаршей Англии и Австрии по Восточному вопросу, включая демарши в Стамбуле.

Еще раз разделив вопрос о восстаниях в Греции и в Дунайских княжествах, Р. Каслри и К. Меттерних договорились убедить Махмуда II в том, что надо уступить России — вывести турецкие войска из княжеств, восстановить прежнюю систему государств. В обмен Р. Каслри взялся уговорить Александра I оставаться верным “благородному духу” союза и согласованных действий по другому аспекту Восточного вопроса, т.е. воздержаться от вмешательства в пользу греков.

В особой депеше Ч. Бэготу, посланнику в Петербурге, которая в общих чертах была сообщена К.В. Нессельроде, Р. Каслри жестко сформулировал тенденцию британской политики — недопустимо изгнание турок из Европы и создание независимого греческого государства. Этого, по словам Р. Каслри, не потерпели бы союзники России по Священному Союзу. С аналогичными разъяснениями позиции Австрии выступил по-

сланник Австрии в Петербурге Л. Лебцельтерн. Фактически союз христианских держав, не включивший мусульманскую Османскую империю в свой альянс на формальном основании разности религий, взял ее под свою опеку. Осуществлялся британский план сбережения османского интегритета, так удачно задуманный Лондоном еще в 1815 г. и так нечаянно разрушенный непоседливым изгнанником Европы Наполеоном I в период “Ста дней”.

Российское правительство на ганноверское соглашение реагировало весьма болезненно, справедливо усмотрев в нем попытку навязать России посредничество Англии и Австрии на самых невыгодных условиях — стороны, ожидающей демаршей своего оппонента, т.е. Порты, согласованных с Лондоном и Веной.

Высокая Порта более активно и гибко, чем Россия, использовала новые инициативы держав. В Стамбуле знали, что К. Меттерних не считал возможным безоговорочно призывать греков к подчинению Порте. Там знали также, что Австрия за спиной Англии готова посредничать в русско-турецких отношениях, чтобы несколько уравновесить то влияние, которого добивалась Англия, выступившая как посредник в войне восставших против Испании ее южноамериканских колониальных подданных за установление фактической независимости. 2 декабря 1821 г. Порта нотой просила австрийское правительство о всемерном содействии в урегулировании конфликта с Россией. Однако уже в феврале 1822 г. Высокая Порта выразила недовольство “замедленностью миротворческих усилий” интернунция Лютцова и венского кабинета.

16 февраля 1822 г. по инициативе турецкой стороны состоялась встреча посланника Англии в Стамбуле Стрэнгфорда с сотрудниками ведомства реис-эфенди. Их итогом была высказанная в общих выражениях просьба Турции к Англии принять на себя миротворческие услуги, отвергнув при этом восстановление прямых переговоров с представителями России.

Эти действия Порты объяснялись стремлением, во-первых, затянуть обе державы-посредницы (по крайней

мере потенциальные) в длительные дискуссии. Во-вторых, вспыхнувшими в Стамбуле в январе–феврале 1822 г. уличными беспорядками, когда в столице стали известны предложения Австрии, чтобы карательные действия против греков были приостановлены.

Положение в столице было столь серьезно, что ноты Англии и Австрии с призывами к умиротворению в Греции не только были вынесены на расширенное заседание Августейшего Дивана при султанине, но и оглашались в янычарских казармах. Впрочем, это был не столько переход Махмуда II к новым приемам, сколько попытка спустить пар напряженности в столице и добавить новых добровольцев в ряды джихада. Военные действия против повстанцев были активизированы.

Летом 1821 г. 30-тысячная турецкая армия нанесла сокрушительное поражение повстанческим отрядам валахов и греков в Дунайских княжествах. Помимо причин внутреннего характера — незрелость политической программы валашского восстания, раскол сил греческих и молдо-валашских патриотов, разногласия их вождей Т. Владимиреску и А. Ипсиланти, — на поражении восстания сказались причины внешнего характера. Прежде всего оторванность освободительного движения балканских подданных Османской империи от революционных движений в Западной Европе и фактически единый фронт держав против освободительных движений в Османской империи.

Сохранение единства с западноевропейскими державами в отношении восстаний в Османской империи и бесплодные переговоры с Высокой Портой фактически лишали повстанцев надежды на помощь из России и ослабляли те силы в национально-патриотических кругах, которые опирались в своих планах освобождения на русскую помощь. Эти же обстоятельства позволили Высокой Порте в условиях разобщенности держав занять более жесткую, чем Россия, линию в русско-турецких отношениях и перенести основные усилия на военные действия в Греции.

На Пелопоннесе (Морея) с апреля 1821 г. под руководством национально-патриотической организации

Филики Этерия развернулась вооруженная народная война за освобождение Греции. События в Греции 1822–1827 гг. составили новый этап развития Восточного вопроса и одновременно послужили главной причиной конфликтной стадии развития русско-турецких отношений, завершившихся войной 1828–1829 гг.

Национально-освободительное движение подвластных Высокой Порте народов, развивавшееся по внутренней логике, стало отныне и до конца исследуемого в книге периода одним из важнейших, порой решающим фактором, определившим характер и тенденции отношений между Россией, Турцией и державами.

Если революция в Валахии пробудила живой интерес и участие преимущественно на Юге России, то отношение передовой русской общественности к греческой революции складывалось как к реальному фактору политической жизни России. Вмешаться в борьбу греков за свободу стало, например, для будущих декабристов программным требованием, шагом на пути к борьбе с самодержавием. Декабристы стали первыми представителями русской общественности, для которых прежние взгляды на русско-турецкие отношения как фактор преимущественно военно-политический, священный с войнами, дополнились и углубились за счет общественно-политического содержания.

Передовые круги русского общества стали воспринимать военное столкновение с Портой через призму защиты интересов сражавшейся Греции, “греческой нации”, как писала русская пресса. Формировалось сочувственное, готовое практически оформиться в реальных волонтерских отрядах в помощь грекам, отношение русской общественности к национально-освободительной борьбе угнетенных народов Балканского полуострова. Такое отношение стало важным элементом как в русско-турецких отношениях в XIX — начале XX вв., так и в Восточном вопросе в целом.

В войсках А. Ипсиланти в Дунайских княжествах участвовало немало русских, украинцев, представителей других национальностей России, вопреки официаль-

ному отречению царизма от поддержки греческой революции. Вместе с добровольцами из Италии, Германии, Польши, Венгрии, других стран Западной и Центральной Европы и из балканских провинций Турции выходцы из России сражались на стороне восставшей Греции против османского угнетения в рамках демократического филэллинского движения.

Составные элементы русско-турецких отношений, такие, как положение народов под османским гнетом и борьба за их освобождение становились, следовательно, не только объектом политических отношений в первую очередь двух держав — России и Турции, а затем других великих держав, но и фактическим объектом развития общественно-политического сознания Европы.

Освобождение от османского ига осуществлялось на Балканах изнутри, безусловно, при благожелательной позиции, помощи и поддержке общественных сил и движений в Европе, например, широкого филэллинского движения. Эти вопросы чрезвычайно широко освещены в историографии. Вместе с тем существующая оценка османской политики в Греции отличается схематизмом, так как не учитывает сложной, порой драматической обстановки, в которой принимались решения в османском центре власти. Это — естественное следствие эмоциональной тональности ряда исследований по истории освободительных движений на Балканах в эпоху становления Венской системы; но есть и другой, объективный фактор. Малая доступность западному исследователю староосманских материалов (как, впрочем, и архивов на том же архаичном языке) сыграла свою роль.

Кроме того, весьма трудно преодолеть сложившийся на Западе, благодаря публикациям многочисленных, но слишком поверхностных путевых очерков начала XIX в. стереотип османской политики. Для периода 1810–1820-х гг. она нередко трактовалась как политика косная и крайне замкнутая. Эта оценка очень приближительная. Некорректность проистекала из того, что всякий путешественник-”франк” был неизбежно окружен

недоверием и соответственно получал лишь искаженную информацию об османском социуме. Подозрительность к иностранцам и нежелание компетентных лиц из круга османского управления, в свою очередь, вступать в тесные контакты с ними был следствием того, что великие державы многократно “продавали” и предавали своего турецкого союзника во времена бесчисленных политических комбинаций в Европе в XVIII — начале XIX вв. Неудивительно, что и от европейских современников-путешественников, и от новейших исследователей оказался скрытым, как лик одалиски под чаршафом, внимательный и ищущий взгляд Высокой Порты, нацеленный на перемены в Европе эпохи “Венского концерта”. Перемены происходили и в Западной Европе, и на Балканах, и на Босфоре.

Очевидно, что война Турции в Греции, в которую по инициативе Высокой Порты были втянуты с февраля 1825 г. войска египетского правителя Мухаммеда Али, осложненная гражданской войной внутри греческого революционного лагеря, не могла не вызвать сдвиги во взаимоотношениях России и Османской империи.

Однако следует подчеркнуть, что война на Пелопоннесе стала системообразующим фактором на международной арене в 20-х гг. XX в. Русско-турецкие отношения, основным противоречием в которых стал греческий вопрос, вопреки объективному желанию и России, и Турции все более подпадали под влияние политики всех великих держав, вовлеченных в Восточный вопрос. Особенность сложившейся ситуации заключалась в следующем. Кроме России, ни державы, ни Турция не хотели открытого обсуждения Восточного вопроса, ибо это могло бы дать возможность русской дипломатии поставить вопрос о судьбе балканских владений Высокой Порты, если бы революция на Балканах сокрушила турецкое господство.

К осени 1821 г. дипломатия России в осторожной, но определенной форме высказалась за новое христианское государство на месте балканских провинций. Еще менее западные державы склонны были допустить воз-

никновение русско-турецкой войны с последствиями, непредсказуемыми как для судеб европейской революции, на стороне которой оказался бы столь мощный союзник, как русская армия, так и для Турции с ее крайне неустойчивым внутривнутриполитическим положением. Оставался путь политического давления на Россию и Турцию.

К весне 1822 г. Англия и Австрия сбалансировали свою позицию по отношению к России и Турции. В пользу турок было непризнание Лондоном и Веной капитуляционного права России покровительствовать православным подданным султана. В интересах России державы готовы были признать за ней лишь право применить силу для восстановления торговых позиций и вывода турецких войск из Дунайских княжеств. Вмешаться в греко-турецкую войну Россия могла бы только совместно с державами.

Порта ответила молчанием на эти предложения, Россия согласилась. Второстепенные по значению для Европы торговые интересы России и Турции не интересовали державы. Отношения Порты и Дунайских княжеств регулировались отдельными актами, интересы держав в этом районе Османской империи до середины 1830-х гг. были невелики. Наиболее важные политические аспекты отношений России и Турции — положение наиболее развитых в экономическом отношении балканских подданных и капитуляционные соглашения (в данном случае статья Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г.) выводились в разряд проблем, решаемых согласованными действиями западных держав.

Так был проложен путь к воздействию держав на прямые русско-турецкие отношения при одновременном манипулировании капитуляционными правами. Державы шли этим путем вплоть до начала XX в.

На двух крупных дипломатических событиях 1822 г. — Венском совещании держав по греческому вопросу (июнь) и на Веронском конгрессе Священного Союза (ноябрь) представители России заняли весьма умеренную позицию. Петербург сделал определенные уступки Порте и в равной степени Англии и Австрии.

Был уволен в отставку статс-секретарь России по иностранным делам грек И. Каподистрия, известный своими планами вмешательства в греко-турецкую войну; смягчились требования России, изложенные в июльской ультимативной ноте Г.А. Строганова. В свою очередь Порта начала вывод войск из Дунайских княжеств, назначала господарей из местной знати вместо каймакамов-фанариотов, присланных из Стамбула. В правительственных кругах Турции высказывались предложения вести переговоры с Россией без вмешательства третьих стран. Было объявлено, что к лету 1823 г. коммерческая навигация в Проливах будет вновь разрешена.

На конгрессе в Вероне сохранилось отношение к грекам как к мятежникам. Их представителей не допустили на конгресс. Они рассматривались такими же бунтовщиками, как и восставшие испанцы и португальцы, и, следовательно, не были воюющей стороной. Россия в особой декларации отмежеввалась от греческих революционных организаций. Отчетливо проявилась готовность России последовать идее Англии и Австрии — отделить собственно русско-турецкий конфликт от греческой революции.

Восточный вопрос и русско-турецкие отношения приобрели, следовательно, два близких, но формально самостоятельных направления. В первом Россия предполагала действовать самостоятельно и, несколько отступая, она ожидала соответствующих шагов с турецкой стороны. В вопросе Греции высказывалась готовность к европейско-турецким переговорам, если Махмуду II не удастся самостоятельно “умиротворить” Грецию. Эта линия соответствовала мерам, принятым в отношении мятежной Испании, где реставрацию монархии члены Священного Союза поручали совершить Франции.

Заявив на Веронском конгрессе общую с западными державами позицию, Александр I попытался сделать полупоклон в сторону русского общественного мнения. “Ничто, без сомнения, — заявил он Шатобриану, — не

казалось более отвечающим моим интересам, интересам моих народов, общественному мнению моей страны, как религиозная война с Турцией, но в волнениях Пелопоннеса я усмотрел признаки революции и воздержался". Александр I пребывал в перманентном страхе перед шириющейся революцией, могущей охватить и Россию.

Передовая Россия сочувственно встретила первые сообщения о восстании в Дунайских княжествах, горячо интересовалась известиями о революции в Греции. Всколыхнулось все русское общество. Однако оно реагировало на развитие восточного кризиса по-разному. Ограничительная политика турецких властей живо затронула интересы южных помещиков. Их беспокойство отразил П.Д. Киселев в переписке с А.А. Закревским: "Коммерция наша страдает... Торговля в упадке, и все охают жестоко..." Это не могло не найти отклик в правительстве, поскольку вполне отвечало официальным мотивам разрыва с Турцией. Занятые разработкой планов войны с Турцией в 1821 г., при возможном участии Ирана, высшие военные и правительственные круги (среди них Закревский, Киселев, Ермолов, Нессельроде, Аракчеев, Воронцовы) считали такую войну необходимой для такого разрешения Восточного вопроса, чтобы, по словам Ермолова, быть соседом только туркам.

Иначе война Греции за свободу была воспринята офицерами — будущими декабристами. Командир 16-й дивизии М.Ф. Орлов был в курсе дел Кишиневского отделения "Филики Этерии". Он еще в 1820 г. был готов выступить во главе своей дивизии на помощь грекам. О том же говорил уже после начала революции А.Г. Непенин, командовавший полком в 16-й дивизии, В.Ф. Раевскому, командиру роты этого полка. Отражая общие настроения передовых людей России, А.С. Пушкин, находившийся в то время в Кишиневе, был "твердо уверен, что Греция восторжествует" и хотел принять личное участие в предстоящей войне. Своего лирического героя Сильвио ("Выстрел") А.С. Пушкин отпра-

вил в Грецию, где только что побывал с разведывательной миссией вероятный прототип Сильвио — И.П. Липранди.

П.И. Пестель имел возможность ознакомиться с планами и деятельностью руководства “Филики Этерии”, будучи в 1821 г. командирован в Бессарабию. В своих донесениях, которые были пересланы К.В. Нессельроде и Александру I, П.И. Пестель выступал за незамедлительное выступление на стороне восставших, рассчитывая, что восстание охватит всю Грецию, объединятся силы греков и валахов, поднимется Сербия. Декабристы вообще рассматривали восстание Греции как часть общеевропейской революции, задушенной Священным Союзом.

Следовательно, по разным причинам, но достаточно широкие слои русской общественности были недовольны нерешительностью Александра I в отношениях с Турцией, и это не могло им не учитываться. Кроме того, Англия, нейтрализовав Россию, в начале 1823 г. перешла к активизации своей ближневосточной политики. Новый министр иностранных дел Дж. Каннинг предпринял ряд шагов к признанию греков воюющей стороной, что позволило Англии оказывать более широкое экономическое и политическое воздействие на восточный кризис в целом. Грекам был предоставлен первый заем, использованный в военных целях. Одновременно, хотя и несколько менее заметно, происходило изменение политики России в сторону более действенного решения всего круга ближневосточных проблем: собственно взаимоотношений с Османской империей и греческого вопроса.

В октябре 1823 г. Александр I и Франц I, а также их канцлеры К.В. Нессельроде и К. Меттерних провели ряд встреч, на которых представители России выдвинули предложение созвать конференцию пяти европейских держав по греческому вопросу. Было зафиксировано обещание Австрийского двора содействовать последовательному выполнению Портой договорных обязательств с Россией. Одновременно западные державы

были поставлены в известность, что правительство России не удовлетворено ходом переговоров о восстановлении нарушенных торговых интересов России, которые вел в Стамбуле от имени Петербурга английский посланник Стрэнгфорд, и направляет в Турцию бывшего генерального консула в Яссах М.Я. Минчаки с широкими полномочиями по урегулированию русско-турецких экономических разногласий. Тогда же Петербург взялся подготовить новый план умиротворения Греции.

Меттерних напишет: “Мы будем долго изучать, обдумывать, обсуждать русские предложения...” Гентц будет благодушествовать: “Александр I не беспокоится ни об освобождении княжеств (от турок. — *В. III.*), ни... о греках”. Однако конкретная инициатива принадлежала России, и 21 января 1824 г. европейским кабинетам рассылается “Мемуар об умиротворении Греции”. Помимо собственных русских торговых интересов, подорванных и далее нарушаемых продолжающейся греко-турецкой войной (тем самым Петербург подтверждал свою особую позицию по Восточному вопросу), Россия представляла проект создания трех автономных в административном и торговом отношении греческих княжеств на континенте и введения муниципального управления на островах Ионического архипелага.

Западные державы не могли прямо отказаться от Мемуара, хотя он был встречен и в Вене, и в Лондоне крайне недоброжелательно. Там сделали все возможное, чтобы отсрочить начало переговоров в Петербурге вплоть до июня 1824 г. К этому времени содержание Мемуара стало известно в Греции, где вызвало глубокое недовольство греческих патриотов, видевших в нем удар по идее национального возрождения, а также в Турции, где этот документ восприняли как очередную попытку вмешательства держав во внутренние дела Высокой Порты.

В России, как, впрочем, и в западных странах, понимали, что спасти Грецию, раздираемую к тому же гражданской войной, можно лишь предотвратив совместный натиск турецко-египетских карателей, противопоставив

им объединенные усилия держав. Этой цели должна была содействовать Петербургская конференция, работавшая с перерывами с июня 1824 по апрель 1825 гг. Она была последним шагом в попытках царского правительства согласовать действия держав в отношении греко-турецкой войны.

Русский план предложить Порте установить перемирие с греками, а затем, на встрече в Стамбуле представителей обеих воюющих стран с послами Англии, России и Австрии, руководствоваться положениями Мемуара от 21 января 1824 г., был враждебно встречен Австрией и Англией, прохладно — Францией и Пруссией.

Особую активность проявила Австрия, которая при поддержке формально не участвовавшей в конференции Англии требовала нормализации дипломатических отношений России с Турцией и выдвигала нереальное на данном этапе предложение признать независимость Греции. Конференция завершила свою многомесячную деятельность 7 апреля 1825 г. призывом к турецкому правительству помиловать невиновных и принять посредничество великих держав в умиротворении Греции, что в определенной мере соответствовало русским предложениям, выдвинутым в июне 1824 г.

Порта вновь отвергла предложение о посредничестве. Вена, Берлин и Париж уклонились от очередного призыва (середина апреля 1825 г.) России ускорить вмешательство держав в дела Греции. В середине августа 1825 г. русским дипломатическим представителям было сообщено, что правительство отныне будет руководствоваться своими собственными политическими интересами. Соответствующие инструкции получил в Стамбуле М.Я. Минчаки, который в августе–сентябре 1825 г. сделал несколько представлений реисулькюттабу Садыку-эфенди, требуя соблюдения оговоренных Бухарестским трактатом, но постоянно нарушаемых Портой прав Сербии и Дунайских княжеств, а также торговых интересов России. Представления М.Я. Минчаки отвергались; как отмечают турецкие хроники, переговоры носили бесплодный и затяжной характер. Заме-

тим, что на переговорах не касались греческого вопроса. Стороны заметно разделяли две проблемы: собственно русско-турецкие отношения и войну в Греции; тем самым они фактически принимали курс западных держав на размежевание этих проблем.

Если в Турции предпринимались усилия для скорейшего подавления греческого восстания, то в России проводились передвижения и маневры войск в причерноморских областях в присутствии Александра I. Стороны демонстрировали твердость своих позиций. Прежде чем предпринимать очередные действия, русское правительство заключило с Англией 4 апреля 1826 г. Петербургский протокол о сотрудничестве в связи с греко-турецкой войной. Необходимо было договориться с правительством Дж. Каннинга о вероятных мерах, которые следовало бы предпринять для предотвращения окончательного поражения греков. Победа Ибрахим-паши над греками означала бы переход Морей под управлением Мухаммеда Али, мощная держава которого получила бы опорные базы и на европейском, и на азиатском берегу Средиземного моря. Отнюдь не Стамбул, а сильный, с элементами капиталистического развития Египет представлял реальную угрозу влиянию России в Восточном Средиземноморье, но в еще большей степени британским связям с Индией. С конца осени 1825 г. Дж. Каннинг определенно формирует мнение о необходимости иметь в Средиземном море силы, достаточные для давления и на Каир, и на Стамбул, и для вмешательства в греко-турецко-египетскую войну.

Единственными реальными союзниками в этом вмешательстве могли быть только Англия и Россия, поскольку в Париже были поглощены собственными внутренними проблемами, и к тому же в Тюильри были довольно сильны прокаирские настроения. В Вене же желали завершения турками войны с Грецией, предпочтительно и без России, и без Англии.

Частичное и временное совпадение интересов Англии и России по турецкой проблеме было зафиксировано в содержании Петербургского протокола. Англии,

как и добивался Дж. Каннинг, предоставлялось право предложить свое посредничество в греко-турецкой войне. Греция, территорию которой фактически еще предстояло определить, должна была получить автономию из рук Порты, т.е. турецкий суверенитет над Грецией сохранялся бы. Протокол предусматривал обеспечить грекам свободу торговли, собственности, право выкупать земли у турецких владельцев, с последующим переселением тех в Турцию, т.е. фактически предпосылки капиталистического развития. Греция оказывалась связанной со своим феодальным сюзереном определенной ежегодной данью.

Перед лицом “общественного мнения Европы и Востока” Англия и Россия брали на себя обязательство не добиваться территориальных или экономических преимуществ. В случае сопротивления со стороны османского правительства державы должны были претворить Протокол в жизнь общими или отдельными усилиями. Этот документ связывал державы в отношении греческого вопроса, но в собственных отношениях с Турцией Петербург действовал без всякого посредничества и достаточно решительно. Все это дает нам основание считать документ важным элементом развития отношений России с Портой.

5 апреля 1826 г. М.Я. Минчаки вручил новому рейс-юнкеру Пертев-паше ультимативную ноту, явившуюся развитием и подтверждением русских требований, представленных на его предшествовавших встречах с Садыком-эфенди. В ноте содержались требования вывести все турецкие войска из Дунайских княжеств и строго соблюдать права княжеств и Сербии, зафиксированные в Бухарестском трактате, обеспечить договорные права русского торгового судоходства в Босфоре и Дарданеллах. Новым было требование освободить сербскую делегацию, находившуюся под арестом в Стамбуле с 1821 г., и предложение в течение полугода выслать полномочных представителей султана в один из пограничных русских городов на Дунае для переговоров по всему кругу вопросов, затрагивающих непосредственные интересы обеих сторон.

На специальном заседании Совещательного Дивана при личном участии Махмуда II было принято решение (июль 1826 г.) направить представителей на переговоры с Россией. В то же время Пертев-паша разъяснил представителям европейских держав неизменность позиции Порты по греческому вопросу как отстаивающей “незыблемые права” на определение судьбы своих христианских подданных.

Русско-турецкие переговоры состоялись в Аккермане (Белгороде на Днестре) в июле—октябре 1826 г. и завершились подписанием 7 октября Пояснительной конвенции. В этом документе отразилось стремление Турции избежать военного конфликта с Россией, закрепить существовавшее до 1821 г. положение ценой отдельных уступок в рамках ранее заключенных договоров, обеспечить выигрыш времени для военных реформ. Последним обстоятельством султан объяснял свое согласие на русский ультиматум в обращении к мусульманским подданным империи 20 декабря 1827 г.

Важно подчеркнуть, однако, что конвенция, хотя и в самой общей форме, предполагала реформы для подданных в Сербии и Дунайских княжествах. Наконец султан признал разграничительную линию 1817 г. на Дунае и тем прекратил длившийся четырнадцать лет спор о черноморском побережье Кавказа. Восстанавливались в полном объеме права русского торгового судоходства в водах Османской империи. В обмен султанское правительство добилось возвращения русского посланника в Стамбул, т.е. восстановления дипломатических отношений с Россией, и мирной передышки. Греческий вопрос не затрагивался, и это была временная победа турецкой дипломатии. Тем более важная, если учесть, что в июне 1826 г. Махмуду II удалось с помощью регулярных войск разгромить восстание янычар, физически уничтожив до 20 тыс. человек. Старая армия была уничтожена. Новая — едва создавалась.

Россия дипломатическим путем добилась восстановления и частичного расширения своих договорных прав, объективно становилась на сторону реформ. Пока

только на бумаге. Предстояла практическая реализация аккерманских постановлений.

Для России было важно скорейшее выполнение всех пунктов без исключения. В конце июля 1826 г. началась война с Ираном, которая обещала быть затяжной и осложняла отношения России с Англией, поддерживавшей реваншистские настроения Фатх Али-шаха. Насколько старательно английские и австрийские дипломаты в Константинополе “отвращали” столкновение Турции с Россией, настолько же деятельно они готовили выступление Ирана против России. Связать Россию в Закавказье, сбить ее активность в ближневосточных делах, однако, не удалось. Россия противопоставила англо-иранским планам тактику нормализации отношений с Турцией и решительного военного противодействия Ирану одновременно с усилением воздействия в греческом вопросе. Через нового русского посланника в Стамбуле А.О. Рибопьера турецкому правительству было сообщено (20 февраля 1827 г.), что в России считают важными оба вопроса: и выполнение аккерманских соглашений, и восстановление мира в Греции, прекращение истребления греков. Руководитель внешнеполитического ведомства Турции Пертев-паша ответил, что Россия в Аккермане обещала не затрагивать греческий вопрос. Он обвинил в продолжении войны филэллинов и уверял, что в ближайшее время с восстанием будет покончено, причем султан проявит к мятежникам милосердие. Тут же Пертев-паша добавил, что Порта по-прежнему склонна к посредничеству иностранных держав и готова ответить ударом на удар. Последнее заявление можно было отнести к положению в Греции, но не к военному потенциалу Турции, ослабленному войнами в Греции и с Ираном в 1821–1823 гг. Очевидно, однако, что обострение конфликта с Россией заставило Порту отойти от своего изоляционизма, на наш взгляд, впрочем, весьма декларативного.

После ряда поражений, понесенных турецкими войсками от греческих повстанцев в начале восстания, в середине января 1824 г. Порта, как отмечалось выше, об-

ратилась за помощью к правителю Египта Мухаммеду Али. С февраля 1825 г. по июнь 1827 г. регулярные египетские части при поддержке турецких войск, преодолевая сопротивление героически сражавшихся, но плохо вооруженных, раздираемых внутренними противоречиями греческих отрядов, овладели большей частью Мореи. Греческие руководители метались: в августе 1825 г. они предложили Англии протекторат над Грецией. Дж. Каннинг отказался. Народное Собрание Греции в Эпидавре в апреле 1826 г. согласилось на английское посредничество. Имелись предложения передать управление Грецией то французскому, то немецкому принцу, объявить конституцию по образцу южноамериканских республик. Наконец, в апреле 1827 г. И. Каподистрия, бывший статс-секретарь Александра I, был избран правителем Греции. Поддержанный многими вождями движения, он обратился за помощью к России в тот момент, когда египетско-турецкие войска готовились нанести последний удар восстанию.

В Стамбуле полагали, что скорейшее восстановление прежних порядков в Греции поможет в деле широких преобразований, предпринятых Махмудом II, как в плане материальных ресурсов, так и в плане укрепления международного авторитета султана, устоявшего перед натиском иноверцев. Последнее было важно в связи с обвинениями мусульманской реакции в адрес султана как “отступника от вековых традиций”.

29 мая 1826 г. был подписан султанский указ о создании новой регулярной армии. Махмуд II завершил то, что начал его учитель и предшественник — Селим III. В июне–июле 1826 г. были частично уничтожены, сосланы и изгнаны из столицы янычары, связанные с ними члены цехов пожарников и носильщиков, религиозное мусульманское братство бекташей. По приказу Махмуда II были проверены документы на ленные держания. Ленники, уклонявшиеся от несения воинской службы, потеряли свои земли. Все эти акты знаменовали начало широких перемен, но ослабили Турцию в военном отношении. Необходимые предпосылки форми-

рования регулярной армии были созданы, однако превратить их в жизнь можно было, сохранив хотя бы на время мир на границах. Аккерманская конвенция давала Турции эту передышку, возвращение русского посланника и переговоры с ним обещали ее продлить. Новое “победоносное мусульманское войско” — асакир-и мансуре-и мухаммедийе — могло быть использовано и против повстанцев, и против внешнего врага. Их-то и имел в виду Пертев-паша в разговоре с А.О. Рибопьером 20 февраля 1827 г.

Активизация русской политики происходила на фоне промышленного кризиса в Англии и Франции 1826 г. Турция фактически располагала лишь египетскими войсками и несколькими сотнями нового войска. Эти обстоятельства расценивались в Европе с точки зрения возможности осуществления Николаем I односторонних акций в отношении Турции. В Париже с конца 1826 г. не считали возможным осуществить какие-либо изменения в Турции и были склонны расширить Петербургский протокол до многостороннего соглашения европейских держав. К. Меттерних отстаивал свободу действий Австрии в Восточном вопросе, но без войны и, пытаясь потеснить влияние Англии в Стамбуле, демонстрировал Порте свою позицию: невмешательство великих держав в дела Османской империи — залог решения всех проблем. В Лондоне считали в данной ситуации единственным средством, могущим сдерживать Россию, новое соглашение по Греции.

В основе подписанного 6 июля 1827 г. в Лондоне представителями Англии, России и Франции договора лежали подготовленные русской дипломатией документы — Мемуар 21 января 1824 г. и Петербургский протокол 1826 г. Сохранялся принцип автономии Греции в подлежащих определению границах. Предложенная русскими представителями секретная статья дополняла положение петербургского протокола “об общем или единичном” применении “крайних мир” против Порты, в случае ее отказа от посредничества трех союзных держав в греческом вопросе, возможным введением

в действие средиземноморских эскадр. Это на деле означало блокаду морейского побережья от подвоза войск из Египта и Западной Анатолии.

В Восточном Средиземноморье складывалась новая расстановка сил. Формально все три державы (Австрия отныне выходила из числа ведущих в Восточном вопросе держав) были равны в возможности разрешать кризис. Однако Россия имела преимущества в инициативе, в условии прорусской группировки в Греции; наиболее мощным ее аргументом оставалась нерешенность русско-турецких политических и экономических противоречий. В защиту таковых интересов, равно как и в защиту греков, Россия могла выступить самостоятельно, руководствуясь и духом, и буквой последних соглашений со своими европейскими партнерами. Время, однако, для этого еще не настало.

16 августа 1827 г. посланники союзных держав довели содержание Лондонского договора до сведения Порты, которая отвергла даже возможность обсуждения греческого вопроса. 31 августа Пертев-паша заявил драгоманам посольств Англии, Франции и России: “Наш ответ таков, что Высокая Порта не может и никогда не сможет согласиться выслушивать что-либо в пользу греков. Настоящее заявление твердое, безоговорочное и окончательное... Высокая Порта не принимает никакого предложения, касающегося греков... и постарается защитить свои интересы собственными силами”.

Османское правительство, упорно отказываясь от переговоров, планировало в сентябре 1828 г. завершить боевые действия против повстанцев. Однако, привычно полагаясь на разногласия держав, в чем немало преуспел “первейший советник” Порты австрийский посланник Оттенфельс, оно не учитывало степени решимости России следовать всем постановлениям Лондонского трактата.

20 октября 1827 г. союзные эскадры (27 вымпелов, 1298 орудий) разгромили турецко-египетский флот (66 боевых вымпелов, 222 орудия). Турецкие историки султанской эпохи А. Джевдет, А. Лютфи, А. Расым,

а вслед за ними многие современные турецкие историки называют сражение при Наварине “внезапным, непрогнозированным уничтожением османского флота”. Однако появление союзных эскадр отнюдь не было неожиданным для Ибрахим-паши, командовавшего турецко-египетскими силами в Греции. В течение почти четырех месяцев англо-французский флот находился вблизи Наваринской бухты, под командованием адмиралов Кодрингтона и Де-Риньи, которые вначале дважды (22 сентября и 18 октября) предлагали Ибрахим-паше прекратить высадку десанта в бухте.

В сражении были уничтожены все крупные и более половины вспомогательных кораблей турецко-египетского флота. Уже 21 октября адмиралы английской и французской эскадр письменно заверили Ибрахим-пашу, что не имеют намерения уничтожать остатки турецко-египетского флота. В тот же день Кодрингтон вывел английскую эскадру из бухты. Английское правительство, “с прискорбием отзываясь об уничтожении османского флота”, поспешило направить своему послу в Стамбул инструкции заверить султана в том, что Англия не будет продолжать военные акции против Османской империи. 2 ноября 1826 г. посланники Англии и Франции выразили реисулькюттабу сожаление по поводу Наваринского сражения и заверили его в мирных расположениях своих правительств. 9 ноября Пертев-паша потребовал от имени Порты прекращения вмешательства держав во внутренние дела Турции и материального возмещения понесенных в связи с гибелью флота убытков. Не преуспел, но прецедент заложил. Особенно тем, что возник вопрос о неких займах под Возрождение флота. Дипломаты промолчали. Коммерсанты — насторожились.

После событий 20 октября правительства Англии и Франции вынуждены были продолжать совместные, теперь уже дипломатические демарши. В течение всего ноября 1827 г. посланники трех держав вели согласованные переговоры с Портой в отношении исполнения условий Лондонского договора. Поскольку Порта зани-

мала прежнюю негативную позицию и отвергла ультимативную ноту держав от 2 декабря 1827 г. о немедленном заключении перемирия с греками, посланники Англии и Франции прервали переговоры и покинули Стамбул, предварительно заверив в неофициальной беседе Пертев-пашу, что их отъезд не означает объявления войны и не повлечет дальнейших осложнений отношений Порты с Лондоном и Парижем. Спустя несколько дней, не получив паспортов, выехал А.О. Рибопьер. Дипломатические отношения между Россией и Турцией были вновь прерваны.

Порта была встревожена, но нашла выход, лишь увеличив ограничения для русской торговли. Запрет вывоза пшеницы из Черного моря, принудительные закупки хлеба с русских судов в Константинополе, ограниченный пропуск через Проливы судов, которые направлялись в Черное море, выселение русских торговцев — все это означало, что Порта фактически отказалась от исполнения всех торговых соглашений с Россией. Глубокой озабоченностью растущими убытками, которые несла южнорусская торговля, были проникнуты многие депеши этих лет, которые направлял Петербург своим представителям за рубежом.

Фактический отказ Порты придерживаться своих договорных обязательств и реальная перспектива подавления греческого движения ставили под угрозу самые насущные экономические и политические интересы России в Восточном Средиземноморье и на Балканах.

На первой неделе джумадиальяхыра 1234 г.х. (в 20-х числах декабря 1827 г.) Махмуд II обратился к своим подданным-мусульманам с беян-наме — воззванием, в котором говорилось, что именно Россия виновна в трудностях, постигших Османскую империю, ибо Россия организовала восстание в Греции. Султан объявил, что подписанная по его приказу Аккерманская конвенция послужила передышкой для империи, свое назначение она выполнила и не считается более действующей. Все мусульмане Османской империи призывались быть готовыми к джихаду — священной войне с невер-

ными, с кем именно — не уточнялось. Было очевидно, кто этот потенциальный противник.

В Петербурге содержание беян-наме стало известно в конце января 1828 г. и было расценено как прямой вызов России.

Одновременно с подготовкой беян-наме был подготовлен еще один документ — послание великого везира к вице-канцлеру России. Вновь, как и в 1821 г., ответственность за разрыв турецко-русских отношений попытались возложить на посланника России. В письме от 12 декабря 1827 г. великий везир Мехмед Селим-паша писал К.В. Нессельроде, что Аккерманский договор укрепил узы дружбы и доброго согласия между обеими странами, что русскому посланнику А.О. Рибопьеру оказывали почет и уважение даже тогда, когда он поддерживал предложения, направленные во вред Османской империи. Далее великий везир обвинял А.О. Рибопьера в том, что тот “не хотел беспристрастно прислушиваться к доводам Великой Порты и отказывался довести до сведения своего правительства истинные мотивы, которыми руководствовалась Порта; самостоятельно и вопреки воле османского правительства он покинул Константинополь”. В заключение Мехмед Селим-паша выражал надежду, что русский посланник поступил самовольно и вся ответственность лежит на самом А.О. Рибопьере.

Получив в середине января 1828 г. письмо великого везира, К.В. Нессельроде не спешил с ответом. Война с Турцией была решена, и русское правительство окончательно выясняло позиции своих союзников. Предложения России о занятии Дунайских княжеств от имени союзных держав, отвергнутые Лондоном, были лишь данью союзническому долгу. В той части депеши от 6 января 1828 г., которая предназначалась непосредственно русскому послу в Лондоне Х.А. Ливену, К.В. Нессельроде писал о том, что Порта заносит русских подданных в особые реестры и не дает им возможности закончить свои дела в Турции или обратиться к защите дружественного посольства, что русских купцов застав-

ляют продавать пшеницу на две трети ниже стоимости, постоянно обыскивают и задерживают суда под русским флагом.

Сопоставляя интересы России и европейских держав в черноморской торговле и в Восточном кризисе в целом, вице-канцлер писал: “Для Англии и Франции свобода навигации в Черном море — объект удобства, для России — необходимость; для первых, коммерция через Босфор может дать большие или меньшие выгоды; для второй — жизненный вопрос; для первых — затруднения, испытываемые коммерцией, оправданный повод для жалобы; для России — они уничтожают все производство и все средства обмена части ее провинций; наконец, для Англии и Франции разрыв отношений с Портой может нарушить некоторые интересы; для России — разрыв подвергнет опасности и крайне осложнит все то, что правительство е.и. в-ва защищает в силу договоров в Дунайских княжествах, все то, что его связывает по тем же самым договорам с Сербией; все то, наконец, что он (Николай I. — *В. III.*) не может оставить среди азиатских народов, на которых намерения Порты воздействуют с огромной силой”.

В официальных нотах и устных заявлениях своих дипломатических представителей в Лондоне и Париже царское правительство продолжало требовать умиротворения Греции. Оно представляло грекам субсидии и оружие; в марте 1828 г. Х.А. Ливен внес на рассмотрение великих держав предложение о новых крупных займах греческому правительству. Однако теперь уже судьба Греции будет решена на полях войны между Турцией и Россией, а не в кабинетах европейских дипломатов.

26 апреля 1828 г. Россия обнародовала манифест о войне с Османской империей, направила Порте и распространила в Европе Декларацию о войне. В этом документе говорилось, что Россия прежде всего стремится возобновить прежние соглашения с Турцией и содействовать проведению в жизнь условий Лондонского договора. В Декларации перечислялись многочисленные

нарушения Портой “преимуществ, присвоенных русскому флагу”, задержания судов, продажа товаров по принудительным, заниженным ценам, искусственное снижение курса рубля, требование ко всем русским либо покинуть Турцию, либо стать ее подданными, закрытие, наконец, Босфора и Дарданелл, “которые привели к остановлению всякого движения торговли в Черном море”. Торговые и военно-политические проблемы переплетались.

Антирусские интриги в Иране, нарушения прав Молдавии и Валахии, вторжения турецких войск в Сербию, домогательства Порты пересмотреть азиатские границы, поощрение работорговли на черноморском побережье и покровительство мятежным горским племенам — таковы по Декларации доказательства того, что “правительство турецкое уже на самом деле ниспровергает все постановление связующих его с Россией трактатов”. В Декларации далее говорилось о Лондонском договоре как о средстве достижения мира. Выдвигались условия будущего мира в самой общей форме — соблюдение всех прежних договоров и ограждение торговых интересов.

Условия будущего мирного договора России с Турцией более конкретно было изложены в письмах К.В. Нессельроде великому везиру Мехмеду Селим-паше от 26 апреля 1828 г., т.е. в день публикации Манифеста и Декларации о войне, и правительствам западных держав. Отвечая на письмо великого везира от 12 декабря 1827 г., К.В. Нессельроде отмечал сомнения в том, что русский посланник действовал вопреки воле своего правительства. “Османское министерство совершило бы тяжелую ошибку, — писал Нессельроде, — полагая, что поведение посланника Рибопьера в Константинополе не было целиком и полностью одобрено е.и. в.ом”. Нессельроде далее писал, что посланник России выражал точку зрения императора, который стремился к восстановлению порядка и безопасности в торговле, умиротворению Греции и миру в Европе. Подчеркнув, что русские войска направлены в княжества для того,

чтобы “добиться удовлетворения законных претензий”, вице-канцлер уведомлял великого везира о том, что Россия готова приступить к мирным переговорам. *В основу мирного договора с Портой будут положены следующие условия: присоединение Анапы и Поти, урегулирование границы на Дунае, срытие турецких крепостей по Дунаю, подтверждение привилегий Молдавии, Валахии и Сербии, восстановление всех прав русской торговли и прохода русских судов через Босфор, “умеренная” контрибуция, “умиротворение Греции”.* Эти условия легли впоследствии в основу проекта-максимума Адрианопольского договора.

Основные условия мирного договора с Турцией были объявлены Россией в самом начале войны, что вместе с заверениями, данными российскими представителями за границей об умеренности требований к Турции, должно было, по мнению царского правительства, сгладить недовольство Англии и Австрии. В Петербурге надеялись, что французское правительство будет твердо придерживаться прежнего осторожного курса, а Лондон не предпримет без поддержки Парижа никаких акций против России.

Туркманчайский мир, подписанный 22 февраля 1828 г. между Россией и Ираном, окончательно разрушил надежды Высокой Порты на затягивание русско-иранской войны и освободил Россию от серьезных затруднений на восточной границе.

3 апреля 1828 г. главнокомандующий 2-й армией П.Х. Витгенштейн получил указания о занятии княжеств и перенесении действий на Дунай, в направлении на Яссы, Бухарест и турецкие укрепления в Галаце, Браилове и Слободзее. Главнокомандующий Кавказским корпусом И.П. Паскевич получил предписание отвлечь на себя турецкие войска в Малой Азии и в июне 1828 г. предпринять наступление на Карс и Ахалцих. Война началась.

История русско-турецкой войны изучена достаточно подробно с русской стороны. Остановимся на положении Турции.

Не желая идти на компромиссное решение спорных вопросов и сознавая собственную военную слабость, Высокая Порта прежде всего стремилась вернуть послов Англии и Франции и заключить военный союз с Ираном. В январе 1828 г. в Англии пришел к власти А. Веллингтон, известный своими антирусскими настроениями. Это событие с удовлетворением было встречено членами Совещательного Дивана, которые выражали надежду, что новый премьер активно поддержит турок.

Обнадеживала Порту и позиция Вены. Порта закупала в Австрии военное снаряжение для новых войск, австрийские инструменты находились в турецкой армии. “В Константинополе надеются, — сообщал М.Я. Минчаки, — что Австрия уладит разногласия между Портой и союзными державами прежде, чем они перейдут к враждебным действиям”. Более того, Порта рассчитывала, что западные державы окажут ей военную поддержку в случае конфликта с Россией. По сведениям русской военной разведки из кругов, близких к реисулькюттабу, в апреле 1828 г. Порта сообщила в Лондон и Вену, что она “приготовилась к тому, что русские оккупируют княжества, но очень надеялась, что Англия и Австрия никогда не позволят России перейти Дунай”.

Надеясь на помощь западных держав, Порта в то же время старалась укрепить тылы на Востоке. Ожидали финансовой и военной помощи со стороны Мухаммеда Али, заверявшего Порту в своих верноподданнических чувствах, что, впрочем, не помешало ему отказаться, сберегая собственные силы, от оказания реальной помощи султану. Стремились заключить союз с Ираном, чтобы совместными силами нанести удар по русской Кавказской армии и одновременно обезопасить турецко-иранскую границу от возможных акций со стороны Фатх Али-шаха. В апреле 1828 г. в Тегеран был направлен представитель Порты: формально с поздравлениями шаху по случаю мира с Россией, фактически для подготовки военного союза против России. Шах Ирана обещал оказывать только дипломатическую поддержку

султану. Надежды на помощь извне — с Востока или Запада оказались нереальными.

Напряженное внутреннее и международное положение вызывало серьезное беспокойство правящих кругов Османской империи. Каковы же были их цели? Политика турецкого правительства в предвоенные годы определялась воинственно настроенными деятелями во главе с реисулькюттабом Пертев-пашой. Отбросив камуфляж изоляционизма и надеясь на военную и дипломатическую помощь Австрии, Англии, Ирана, они шли на риск войны с Россией с тем, чтобы восстановить контроль над судоходством в Черном море и произвольно устанавливать режим Проливов. Надеялись предотвратить вмешательство России в борьбу греков за свободу, при определенном успехе рассчитывали вернуть земли, утраченные в прежних войнах с Россией, во всяком случае, намеревались пересмотреть линии разграничения 1812–1817 гг.

Некоторые представители правящих кругов призывали сохранить мир с Россией. Среди них был бывший в 1821–1826 гг. реисулькюттабом Садык-эфенди, смещенный за недостаточно, по мнению Махмуда II, твердую антирусскую позицию, и некоторые другие лица. Наиболее последовательным из них был видный мусульманский теолог и поэт Иззет Молла, подвергавшийся опале еще в 1806–1809 гг. за призывы покончить войну с Россией. (О нем и о том, как Порта оказалась в плену заблуждений, см. ниже.) Разногласия в правительственных кругах обострились после начала войны с Россией, основной причиной которой, по мнению воинственной группировки, был греческий вопрос. Впрочем, следует принять во внимание следующий момент.

Сторонники мира с Россией были представителями тех же социальных кругов, что и ее ярые противники, как Пертев-паша. Первые, однако, были более дальновидны и осторожны, трезво оценивали внутреннее положение Османской империи, призывали опираться прежде всего на собственные силы страны, а не надеяться слепо на помощь иностранных держав, которые

либо заняты своими собственными проблемами, как Иран, либо, как Англия, Австрия, Франция, могут поддержать освободительное движение христианских подданных, и сами готовы захватить османские владения. Предложения отказаться от Греции и заключить с Россией мирный договор на выдвинутых ею условиях должны были укрепить внешнеполитическое положение империи и позволить правительству сосредоточить все внимание на внутренних проблемах.

Противоположные, на первый взгляд, мнения воинственной и мирной группировок были по сути дела дискуссией о методах и формах укрепления господства правящих военно-бюрократических и исламских деятелей Османской империи в условиях роста освободительного движения подвластных народов и усиливавшегося давления со стороны европейских держав, боровшихся за влияние на Османскую империю.

Россия начинала войну с нереалистично разработанным в Главном Штабе планом военных действий на Дунайском фронте при поверхностном отношении к Кавказскому фронту. Николай I, выехавший в Дунайскую армию, предполагал, что само появление русской армии за Дунаем заставит Высокую Порту направить к нему парламентаров.

Махмуд II принял на себя верховное командование, а не передал его, как обычно, верховному везиру. Общий план военных действий турецкой армии, разработанный в марте 1828 г. под непосредственным руководством султана, строился на подтвердившемся впоследствии предположении, что действия русских войск могут разворачиваться тремя этапами. Первый: на линии Тырново-Варна, второй: Мидия — Адрианополь, третий: движение к Босфору. На первом этапе турецкая армия должна была избегать решительных сражений, изматывая противника в отдельных боях, на втором — вести отвлекающие сражения на левом фланге и нанести решающий удар на правом фланге, при поддержке флота обеспечить окружение русских войск в Румелии. В случае осуществления третьего этапа надлежало со-

брать все войска у Пловдива и нанести удар в тыл и во фланг наступающему на столицу противнику. Кавказскому театру тоже уделялось мало внимания.

Обе стороны были плохо подготовлены к военным действиям. В русской Дунайской армии в полной мере проявились последствия вялых реформ. Регулярные части турецкой армии находились еще в стадии комплектования и обучения, на Кавказском фронте их почти не было, и основную ударную силу составили иррегулярные войска. Наиболее боеспособными в русской армии были части Отдельного Кавказского корпуса, имевшего богатые боевые традиции; в офицерском и рядовом составе было много представителей передовой военной интеллигенции, бывших декабристов. В турецкой армии боеспособными оказались регулярные батальоны, сражавшиеся главным образом в Европейской Турции.

Неожиданно для Петербурга и Стамбула наиболее активно развернулись военные действия на Кавказском театре. Если к осени 1828 г. Дунайская русская армия после первых успехов, в июне–августе, увязла в длительной осадной войне, представляя, по отзыву декабриста М.С. Лунина, “грустное зрелище передвижного госпиталя”, то русский Кавказский корпус при активной помощи местных ополчений занял Карсский, Баязитский и Ахалцихский вилаеты, укрепив и расширив свою операционную базу.

Зимой 1828–1829 гг. на Балканах и на Кавказе военные действия поддерживались, главным образом, набегами конных турецких отрядов на отдельные русские отряды и гарнизоны занятых крепостей.

Сколько-нибудь заметных морских сражений не было ни в 1828, ни в 1829 гг. К концу 1828 г. отремонтированный и частично заново построенный турецкий флот был примерно равен русской средиземноморской эскадре, но укомплектовать экипажи из турок из удавалось. Правители Алжира и Туниса, сославшись на блокаду французским флотом магрибинского побережья, в помощи своему сюзерену отказали. Русские эскадры поддерживали строгую блокаду Дарданелл и Босфора. Это

позволило пресечь подвоз продовольствия и оружия в Константинополь, но вызвало голод в столице среди простого населения, потреблявшего привозной, преимущественно русский, хлеб и быстро портившиеся овощи.

В 1828–1829 гг. Османская империя воевала на трех фронтах: на Дунае, на Кавказе и в Греции. Военные действия на первых двух сковали главные силы турецкой армии, и военно-политическая обстановка в Греции существенно изменилась. Войска Ибрахим-паши оказались блокированными в приморских крепостях. Не желая идти на столкновения с державами, подписавшими Лондонский договор, и стремясь спасти армию, Мухаммед Али 9 августа 1828 г. подписал с адмиралом Кодрингтоном соглашение о выводе из Греции египетских войск. В конце августа 1828 г. Франция ввела свой экспедиционный корпус в Морею в соответствии с решением Лондонской конференции от 19 июля 1828 г. Английский адмирал подписал соглашение об уходе Ибрахим-паши из Греции, французский генерал должен был содействовать скорейшему очищению Мореи от египетских войск. Англия и Франция стремились умалить роль России в освободительной войне греков.

Однако лишь помощь России, косвенная — тем, что турецкие силы были оттянуты на Дунайский флот и Порта не смогла послать подкрепления Ибрахим-паше, и прямая — блокада египетских войск, доставка оружия и денег грекам — содействовали новым успехам греческого освободительного движения в 1828 г.

Если союзные державы — Англия, Франция и Россия — сравнительно легко достигли соглашения по поводу вывода войск Ибрахим-паши, то по вопросу границ Греции велись длительные дискуссии, дававшие Порте реальные основания надеяться на разногласия среди союзников. Порта была поставлена в известность о решении держав послать французский корпус в Морею декларацией Гильемино, Рибопьера и Стрэтфорда-Каннинга, которые 8–9 августа прибыли в Архипелаг (о. Порос), чтобы обсудить вопросы разграничения Греции. Одновременно уполномоченные союзных дер-

жав предложили Порте прислать своего представителя в Архипелаг, но установили в качестве предварительного условия перемирие в Греции, на чем особенно настаивал русский представитель.

В ответном письме представителям Англии и Франции от 11 сентября реисулькюттаб Пертев-паша высказывал мнение, что именно греческий вопрос породил разногласия между Портой и дружественными ей державами. Как писал Пертев-паша, он хорошо понимал, что Англия и Франция не имеют в виду предоставление грекам независимости, но все равно Порта не желает обсуждать греческий вопрос и считает нежелательным участие русского представителя в переговорах о Греции.

В сентябре 1828 г. в беседах с австрийскими, голландскими, прусскими представителями в Стамбуле реисулькюттаб высказывал сожаление по поводу того, что война с Россией нарушила дружественные связи Высокой Порты со сторонами Европы, что торговля в Средиземном море парализована и все европейские страны, которые успешно торговали с Османской империей или пользовались черноморскими Проливами, терпят огромные убытки. Пертев-паша подчеркивал, что Порта хотела бы восстановить все нарушенные войной связи с Европой, а лишь непримиримая позиция России мешает восстановлению мира на Леванте. Реисулькюттаб высказывал готовность принять русских уполномоченных для ведения переговоров и заключить мир на основе статус-кво и невмешательства России в греческие дела. В противном случае Порта будет продолжать войну до победного конца. При этом Пертев-паша уклонялся от ответов на вопросы послов по поводу французской экспедиции, отговариваясь необходимостью получить дополнительные сведения от Мухаммеда Али, в действительности же не желая осложнять отношения с Францией.

Присутствие в Морее французского корпуса, который к тому же получил приказ не выходить за пределы полуострова, меньше беспокоило Порту, чем война

с Россией, активные боевые действия греческих отрядов или вмешательство держав. Однако он различал “вмешательство”, имея в виду только Россию и ее участие в решении греческой проблемы, и “обсуждение”, имея в виду переговоры с представителями Англии и Франции в Стамбуле.

В 20-х числах октября в Константинополе стало известно о падении Варны. Оба эти обстоятельства: несогласие между европейскими державами по греческому вопросу (сообщение об этом туркам сделал английский консул в Греции Даукинс), и крупнейшая в кампании 1828 г. военная неудача заставили Высокую Порту искать новых путей решения стоявших перед ней проблем, прежде всего, войны с Россией.

Она выдвинула предложение о посредничестве великих держав в турецко-русском конфликте. Оттенфельс сообщал Пертев-паше, что Меттерних прилагает усилия к созданию союза четырех государств Европы — Австрии, Англии, Пруссии и Франции, который должен был потребовать от России заключения мира с Портой. Заверения Оттенфельса сыграли определенную роль в принятии Диваном в конце октября 1828 г. решения добиваться общего посредничества великих держав. Во время встреч с европейскими дипломатами в середине ноября реисулькюттаб подчеркивал, что переговоры о мире с правительством России и решение греческого вопроса представляют два разных предмета, которые не подлежат ни одновременному обсуждению, ни завершению, поскольку первый, то есть мир с Россией, должен быть итогом “торжественного и официального договора”, тогда как по греческому вопросу не может быть, как сказал Пертев-паша, заключено никакое извне навязанное Высокой Порте соглашение.

Таким образом, Турция приняла точку зрения западных держав на разделение проблем: русско-турецких отношений и греческого вопроса. Высокая Порта выдвинула свои условия мира: возвращение всех крепостей, занятых русскими войсками, отказа России от вмешательства в разрешение греческого вопроса и призна-

ние Портой Аккерманской конвенции. Непременным условием заключения мирного договора между Россией и Османской империей Порта выдвигала посредничество и, более того, международную гарантию, представленную европейскими державами. Пертев-паша особо оговорил, что гарантия державами договора с Россией не должна распространяться на греческий вопрос, так как соглашения с Россией не должны включать греческий вопрос, который будет рассматриваться обособленно, без участия России.

В декабре 1828 г. в Петербурге были получены турецкие условия мира. В январе 1829 г. Порте было сообщено, что Россия готова установить перемирие и провести переговоры, но на основе положений Декларации от 26 апреля 1828 г. Порта отказалась от переговоров под тем предлогом, что русские условия в Константинополе точно не известны, и сомнительно, встретят ли ее представители достойный прием. Стороны уточняли свои позиции. Борьба продолжалась.

В войне с Россией Порта ошибочно полагала, что симпатии и поддержка держав на ее стороне, когда ей стало известно о возвращении в начале 1829 г. послов Англии и Франции. Однако А. Веллингтон откровенно писал Абердину в начале января 1829 г., что Англия не будет вмешиваться в русско-турецкую войну, не имея надежных союзников в Европе. Франция была занята борьбой на Рейне и, нуждаясь в поддержке России по европейским проблемам, готова была поддержать ее в Турецком вопросе. Австрия не могла без Англии и Франции решиться на активные действия против России. Пруссия твердо придерживалась дружбы с Россией.

Попытка турецкой дипломатии изолированно решать греческий вопрос реальных преимуществ Порте не дала. На встречах представителей трех союзных держав осенью 1828 г. на о. Порос и затем весной 1829 г. в Лондоне Англия и Франция заботились не об умиротворении Греции и не о прекращении войны между Россией и Турцией, а о той роли, которую каждая из держав будет играть в Восточном Средиземноморье в ближайшие годы.

На этих совещаниях Россия уже не отделяла с прежней подчеркнутостью греческий вопрос от войны с Турцией. Рибопьер и Ливен, действуя в “примирительных тонах”, но последовательно, добились сравнительно широких границ Греции в пределах Мореи, Киклад и континентальной Греции, в пределах линии Арта-Воло, что было значительно севернее линии Астро-Потом, предложенной Англией. Решение Лондонской конференции от 22 марта 1829 г. договорились проводить в жизнь согласованными акциями трех держав в Константинополе, что должно было сдерживать инициативу России. Однако 22 марта был подписан всего лишь дополнительный протокол к Лондонскому договору, реализации которого союзные державы могли добиваться общими или раздельными усилиями. Последнее слово для реализации протокола было за Россией, и оно было произнесено на мирных переговорах России с Турцией в Адрианополе; при этом мартовский протокол явился дополнительным аргументом русских представителей.

Впрочем, перед этим были еще четыре месяца изнурительных сражений и бесчисленных дипломатических маневров. К середине лета 1829 г. военное поражение Порты было предreshено. Пали Силистрия и Эрзерум. На Кавказе была разгромлена армия Хакы-паши, последний резерв Порты в Анатолии. На Балканском фронте турецкие войска были разбиты при Кулевче и не оказали серьезного сопротивления армии Дибича, совершившей переход через Балканы.

20 августа 1829 г. пал Адрианополь. К концу месяца русские разъезды стали видны с городских стен Стамбула. В столице был прочитан султанский ферман о всеобщем призыве в армию жителей столицы. Однако война, по замечанию современника, приобрела особый характер, который определялся выражением “спасайся, кто может”, и “всяк норовил удрать подальше от широких равнин Адрианополя”. Сказались нараставшее недовольство войной масс местного населения, полузадушенного бременем прежних, обычных и чрезвычай-

ных налогов, рост освободительных движений нетурецких народностей как на Балканах, так и в Малой Азии, сепаратизм феодальных правителей ряда областей империи. В ряде районов Западной Анатолии вспыхивали крестьянские бунты. В столице готовился заговор бывших янычар и всех недовольных реформами во главе со старостами ряда цехов и командирами иррегулярных войск. Османский престол заметно раскачивался.

Накануне войны реформаторская деятельность Махмуда II вызывала глубокую озабоченность в Петербурге, о чем свидетельствует переписка К.В. Нессельроде и А.О. Рибопьера в январе 1827 г. Однако в то время ошибочно полагали, что реформы и их инициатор обречены, и соответствующим образом строили внешнеполитические демарши, в том числе и в отношении военного решения спорных вопросов с Турцией.

К концу войны в правительственных кругах России получила развитие идея консервации существующей системы в Османской империи, ослабленной войной и не имеющей средств для коренных преобразований, а потому не опасной, а поставленной в зависимость от России условиями будущего договора.

Этот курс ближневосточной политики России получил наибольшее развитие в 30-х годах. Сформулирован он был, однако, в проектах Адрианопольского трактата и решениях Особого комитета по Восточному вопросу, заседавшего 14–16 сентября 1829 г. Резолюция комитета, подготовленная автором текста Адрианопольского трактата и статута Дунайских княжеств Д.В. Дашковым, утверждала: “Россия должна желать сохранения Османской империи, поскольку она не могла бы найти более удобного соседства, поскольку разрушение Османской империи поставило бы Россию в затруднительное положение, не говоря уже о пагубных последствиях которое оно могло бы иметь для общего мира и порядка в Европе”.

Вероятность падения режима Махмуда II в результате национальных восстаний и сепаратистских движений не исключалась. Однако русские военные власти

должны были сделать все возможное, чтобы избежать этого, обеспечивать прежний правопорядок и послушание населения в занятых районах. В случае падения Порты царское правительство предполагало оставаться инициативной силой при обсуждении Восточного вопроса на конференции великих держав в Петербурге. Особо оговаривалась верность Николая I Венской системе Священного Союза.

В материалах этого сугубо закрытого, а потому весьма откровенного рабочего органа при царе не содержится ни планов международных разделов собственно турецких территорий, ни русских захватов в Румелии или Анатолии. Выдвигались лишь предложения *интернационализации Стамбула* (курсив мой. — В. III.) и различные проекты согласованного с державами предоставления независимости в той или иной форме балканским народам, но только в случае “взрыва изнутри” Османского государства.

В мае 1829 г. Дибичу был направлен текст максимального и минимального проектов договора с Турцией. В обоих вариантах значились безусловные требования: подтверждение всех предшествующих договоров, уплата контрибуции и торговой индемнизации, свобода коммерческой навигации в Проливах, признание Высокой Портой Лондонского договора от 6 июля 1827 г. и мартовского протокола 1829 г.

Отказываясь от каких-либо территориальных приобретений в Европейской Турции, царское правительство в счет контрибуции хотело получить либо Анапу, Потти, Ахалцих и Ахалкалаки, либо Батум, Ахалкалаки и Ацхур. Имелись проекты в отношении Карса и Батума (И.Ф. Паскевич), земель между Трабзоном и Тердженом (Е.Ф. Канкрин). Под прикрытием широковещательных заявлений об “императорском жесте” — отказе от нескольких миллионов контрибуции, царские дипломаты готовились присоединить новые земли на Кавказе.

Однако в ходе переговоров в Адрианополе русская сторона, встретив решительное противодействие турок,

ограничилась требованием первых четырех крепостей, и другие варианты не дискутировались. Решительное требование признания автономии Греции в сравнительно широких пределах сочеталось с осторожным тоном подтверждения прав Дунайских княжеств и Сербии. Никакого отражения не нашли предложения некоторых государственных мужей России об установлении военного контроля в Проливах.

Проекты договора не содержали каких-либо проектов устройства судьбы балканских народов. Концепция Д.В. Дашкова, К.В. Нессельроде, В.П. Кочубея и других сторонников сохранения слабой, но суверенной Турции во главе с представителем Османской династии нашла в проектах мирного трактата свое реальное воплощение. В Петербурге окрепло мнение, что войну можно кончать, возможно скорее договорившись с режимом Махмуда II.

Возможно скорее заключить мир торопили Дибича депеши из Петербурга. Война с Турцией отнюдь не приобрела народный характер. Передовая русская общественность готова была послать своих сынов в защиту Греции, но войну 1828–1829 гг. считала завоевательной. Устами П.А. Вяземского: “У нас ничего общего с правительством быть не может”, — прогрессивно настроенные представители интеллигенции отмежевались от Булгарина и III отделения, которые тщетно ждали, что “знаменитые лиры” восславят походы Дибича и Паскевича.

Пушкинское “Путешествие в Арзрум” явилось реалистическим описанием тяжелейшей войны, на продолжение которой массы отзывались бунтами и выступлениями, а передовая общественность — “духом отрицания”.

Если в Турции за продолжение войны ратовала крайняя реакция — феодалы и улемы, недовольные тем, что Махмуд II не сумел организовать общемусульманскую священную войну, то в России определенные круги, названные А.Х. Бенкендорфом мягко — “люди старого закала”, требовали того же — “русского щита

на вратах Константинополя”. Эти по существу близкие, принадлежавшие к прошлому воинственные круги обеих стран имели мощного, одинаково враждебного султана и царю противника — растущее освободительное движение в Юго-Восточной Европе, в Малой Азии, в Египте и других районах взаимного соприкосновения интересов всех великих держав, включая Османскую империю.

Отправляя своих представителей на мирные переговоры в Адрианополь, Махмуд II “в крайнем случае” приказал принять все требования России. Имелось в виду приближение русских войск к Стамбулу.

Мог ли знать Махмуд II, что именно этого крайнего случая более всего опасался Николай I! В письме к Дибичу от 12 сентября 1829 г. царь называл взятие Стамбула “случайностью, осуществления которой молил Бога не допускать”, и требовал скорейшего заключения мира в Адрианополе. “Мы не хотим Константинополя, — уточнял Нессельроде. — Это было бы самым опасным завоеванием, которые мы могли бы сделать”.

В России было беспокойно. В Европе надвигалась революционная гроза 1830 г. Царь не хотел конфликта с державами, в первую очередь с Англией, из-за “турецкого наследства”. В случае осады русскими Стамбула британский флот вошел бы в Проливы, и трудно сказать, когда бы он покинул босфорский рейд. Более же всего царизм боялся широкого, на манер греческого, восстания христианских подданных Высокой Порты. Уже громыхало в Польше. Подавлять поляков вскоре предстояло тому же Дибичу.

Поэтому предписывалось не прибегать к массовой вооруженной поддержке со стороны болгар, сербов, валахов, не обещать им защиты и покровительства России после войны, “предотвратить все могущее привести к восстанию христиан у самых ворот столицы”.

В Петербурге внимательно следили за напряженным развитием отношений султана с его вассалами в Египте и в Албании, опасались изменений в системе государственной власти в Турции и стремились предотвратить ан-

тисултанские выступления, по крайней мере, в Европейской Турции. “Е.и. в-во считает, — писал Нессельроде Дибичу, — что положение вещей, существующее в Османской империи, должно быть сохранено самым строгим образом...” Нараставшее освободительное движение в Южной Болгарии, реальная перспектива восстаний в Стамбуле и других городах Западной Анатолии удерживали Дибича вдали от турецкой столицы надежнее, чем любые силы обороняющихся.

14 сентября 1829 г. мирный договор был подписан*.

В период переговоров, проходивших со 2 по 14 сентября, удалось предотвратить вмешательство представителей Англии и Австрии в обсуждение условий мира. В целом был принят русский проект договора, отвечавший всем требованиям Декларации от 26 апреля 1828 г. и значительно превосходивший первоначальные требования царского правительства.

Прежде всего это касалось признания за Грецией автономии (ст. X), фактически завоеванной русской армией; увеличения территории на Кавказе и в устье Дуная (ст. V и III); были существенно дополнены права Дунайских княжеств, оговоренные в Отдельном акте. Прежние вассальные отношения Сербии подтверждались в Адрианопольском трактате (ст. VI), но конкретизация территориальных прав Сербии на шесть пограничных спорных округов и позднее, в 1830 г., закрепление наследственных прав сербского князя М. Обреновича содействовали укреплению автономного положения Сербии в рамках Османской империи.

В интересах обоих черноморских государств — России и Турции, а также всех стран, которые вели с ними морскую торговлю, Проливы были открыты для коммерческой навигации (ст. VII). Получив право представлений в адрес турецкой администрации о возможных нарушениях свободы торгового судоходства, русские торговые представители в Стамбуле получили косвенно

* Подробнее см. *Шеремет В.И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975.

права наблюдения за режимом Проливов в мирное время. Режим Проливов в военное время не оговаривался. Стремясь к скорейшей нормализации отношений с Турцией и не желая обострять отношения с Западом, правительство России не выдвигало проектов военного режима Проливов. Турцию удовлетворял прежний их режим.

Проявившееся в заключительный период войны и в последующие месяцы стремление царского правительства воспрепятствовать развитию освободительного движения в Болгарии и в Сербии определенным образом компенсировало Высокой Порте выход Греции из состава Османской империи. К тому же Россия несколько отступила на Лондонской конференции в январе—феврале 1830 г., когда граница независимой Греции была урезана по сравнению с мартовским протоколом 1829 г. Петербург уступал, конечно, в первую очередь раздраженным Адрианополем европейским кабинетам. Снижение при этом на 3 млн золотых голландских дукатов общей суммы контрибуции (11,5 млн дукатов) свидетельствовало скорее о реальности оценки политических и финансовых проблем Турции, чем о великодушии.

Именно это обстоятельство крайне раздражало Абердина и Меттерниха, повторявших, выдавая желаемое за действительное, что Турция якобы прекратила независимое существование, и следует подумать, как оградить интересы Англии и Австрии в Восточном Средиземноморье.

Однако заключением Адрианопольского мира завершилась острая фаза развития Восточного вопроса; начинался новый его этап.

Россия вступала в него, имея значительные преимущества перед Англией и Австрией прежде всего потому, что, убедившись в тщетности надежд на реальную помощь Англии, Австрии и Франции, Махмуд II весной 1830 г. отказался от пересмотра мирного договора с Россией и решил, укрепив отношения доброго согласия с ней, сосредоточить все внимание на внутренних

проблемах, в частности, на французской агрессии в Алжире. В Европе Россию поддерживали Пруссия и Франция, для которой Рейнская область и Алжир были серьезной компенсацией за относительно благожелательное отношение к росту влияния России в Восточном вопросе.

Новая сила, не связанная ни с традиционными монархиями, ни с привычными дипломатическими комбинациями, вмешивалась в Восточный вопрос. Быстрое индустриальное развитие Англии и Франции, отставание феодальных монархий России и Австрии порождали новые аспекты развития Восточного вопроса.

Первым проявлением этого была попытка Банка Ротшильда в конце 1829–1830 гг. предоставить Турции заем и получить под свой контроль доходы от таможен и экспорта меди в Европу.

Парадигма “война и бизнес” приобрела в этих обстоятельствах новые и весьма зловещие для всего региона очертания. Отчетливо запахло большими деньгам. Причем осесть деньги должны были в сейфах Лондона и Вены, а пролить пот и кровь, чтобы “достать” их, должны были сотни тысяч турок, уже переживших серию огромных социальных и военных потрясений. *Доходы от войны, как известно, получают третьи стороны, в прямом конфликте не затронутые, но остро реагирующие на ситуацию.*

Дело с займом обстояло следующим образом. В сентябре–октябре 1829 г. Высокая Порта была занята важными вопросами — снаряжением чрезвычайного посольства в Петербург и изысканием средств для уплаты контрибуции. К началу ноября 1829 г. Порта внесла первые 3 млн курушей (около 100 тыс. голландских дукатов).

Русские войска очистили занимаемую ими территорию от южных отрогов Балкан до Адрианополя, но оставались между Дунаем и северными склонами Балканского хребта. Порта подготовила очередной взнос в 2 млн дукатов, но к апрелю 1830 г. надлежало выплатить еще 128 млн курушей (4 млн дукатов), после чего

русские войска должны были уйти за Дунай. Наличные запасы Порты в голландских дукатах были почти исчерпаны. Принимать же в уплату турецкую валюту Дибич отказывался ввиду низкого качества чеканки и завышения Портой курса куруша до 36 за 1 дукат при официальном курсе в 32 куруша за дукат.

В Египет, Ирак, Тунис, Алжир и Марокко отправились гонцы султана с требованием денег на уплату контрибуции. Однако на помощь этих независимых вассалов надеялись мало, и, по мнению великого везира Решид-паши, реисулькюттаба Пертев-паши, нового башдефтердара и некоторых других везиров, критическое финансовое положение Османской империи мог спасти лишь иностранный заем.

Как сообщил 10 сентября 1829 г. константинопольский корреспондент “Журналь де деба”, с начала сентября 1829 г. “министры финансов и иностранных дел развили бурную деятельность. Реис-эфенди ежедневно заседает с послами, башдефтердар сидит со своими помощниками, и все они изыскивают средства для уплаты контрибуции”. Корреспонденты западных газет внимательно следили за развитием ситуации. Это была сенсация высшей категории — султан “грандсеньор” ищет деньги и не знает, у кого признаться на год-другой.

По сообщению лондонского “Курьера” от 30 октября 1829 г., “великий везир дал понять послам, что Порта всецело зависит от их правительств и надеется на их денежную помощь”. В ходе многочисленных встреч Пертев-паша и Р. Гордон пытались найти пути облегчения условий Адрианопольского договора. В частности, затрагивался вопрос о займе у английских банкиров. В течение трех-четырех недель 1829 г. чиновники турецкого ведомства финансов через представителей некоторых европейских банкиров в Константинополе выясняли возможность и условия получения займов в Лондоне, Вене и Париже.

Первыми откликнулись представители лондонского отделения “Дома Ротшильда” — крупнейшего банка Европы, державшие своих представителей в Константинополе под видом рыночных менял-торговцев.

Порта просила предоставить ей в течение 1830 г. заем в 40 млн курушей. Прежде чем дать окончательный ответ, глава лондонского отделения “Дома Ротшильда” Натан Ротшильд 11 октября 1829 г. получил аудиенцию у премьер-министра Англии Веллингтона, в ходе которой предложил британскому кабинету выступить в качестве гаранта займа его банка Порте, но получил отказ.

Английский премьер не хотел гарантировать заем стране, которая, как ему казалось, была на грани катастрофы. Однако Н. Ротшильд, не желая выпускать из рук банка выгодное дело турецкого займа, передал его брату Соломону Ротшильду, возглавлявшему венское отделение “Дома Ротшильда”.

С. Ротшильд прежде всего отправился к послу России в Вене Татищеву. “Банкир выпрашивал мое мнение по поводу займа для выплаты Портой контрибуции в 3–4 года”, — писал русский посол. Особенно интересовал С. Ротшильда вопрос, сможет ли Турция выполнить свои обязательства по займу, и, если не сможет, то какие, с точки зрения русского посла, санкции могли бы быть приняты, учитывая договорные обязательства Порты перед Россией.

Татищев уклончиво отвечал, что не располагает достаточными сведениями, чтобы дать исчерпывающий ответ. “С. Ротшильд полуутвердительно спросил у меня, — писал Татищев, — не следовало ли бы установить коллегияльную гарантию великих держав, чтобы заставить Порту выполнить свои обязательства”.

Это была, вероятно, первая практически разработанная концепция международной опеки не только над финансами, но и над самим существованием Турции как суверенного государства.

В 1855 г. тот же банк “Н. Ротшильд и сыновья” навязал Турции кабальный заем для участия турок в Крымской войне, а 20 лет спустя Администрация османского публичного долга уже держала в своих руках контроль над политической и хозяйственной жизнью страны, но осенью 1829 — весной 1830 г. перспектива иност-

ранной экономической кабалы не стала для Порты реальностью.

Посол Татищев наотрез и решительно отверг идею международного банковского капитала о коллективной опеке над Турцией. Пока не удалось установить, какова была реакция официального Петербурга на запросы “Дома Ротшильда”. Бесспорно, однако, что благожелательное отношение царского правительства к посланцу султана в Петербурге, снижение контрибуции позволили Порте отказаться в апреле 1830 г. от кабального займа.

Но это было в апреле 1830 г., а в ноябре–декабре 1839 г. С. Ротшильд все же считал возможным уже без дополнительных выяснений предложить Порте заем в 4 млн голландских дукатов (128 млн курушей). Он хотел, чтобы в счет погашения этой суммы турецкое правительство поставило банку Ротшильда медную руду токатских рудников. Предложение было основано на сведениях агента австрийского “Банка Блака” в Константинополе, что турецкое правительство располагает запасами меди в Трабзоне и его окрестностях на сумму около 6 млн дукатов”. Это было близко к истине.

Вопрос о займе обсуждался в самых узких кругах, близких к Махмуду II. Одновременно в обстановке самой широкой гласности велась подготовка чрезвычайного посольства в Россию. Окончательное решение направить чрезвычайное посольство в Петербург было принято в первых числах сентября 1829 г. Главой посольства был назначен 30-летний начальник регулярных войск, приемный сын сераскера Хюсрев-паши Халиль Рифат-паша. Советником посольства стал опытный дипломат, участник Аккерманских переговоров Сулейман Неджиб-эфенди.

В соответствии с одобренными Диваном гласными инструкциями Халиль-паша должен был сказать Николаю I, что Османская империя хочет сохранить мирные и дружественные отношения с Россией. Вместе с тем представитель султана должен был заявить императору, что Порта не считает себя виновной в возникнове-

нии войны и поэтому не может взять на себя бремя контрибуции, ибо помимо неслыханных финансовых трудностей это означало бы признать свою вину.

Халиль-паше предлагалось добиваться возвращения четырех крепостей, отошедших к России на Кавказе, протестовать против расширения автономии Дунайских княжеств и открытия Проливов для торгового судоходства всех стран, просить о снижении размеров возмещения убытков русским торговцам. Деликатный вопрос о займе не поднимался.

Авторами инструкций, как и ноты от 25 сентября, были реисулькюттаб и английский посол. Р. Гордон по приказу Веллингтона особенно настаивал на включении в инструкции пункта, содержавшего протест в связи с открытием Проливов для торговых судов всех стран, а также пункта о возвращении Порте ее крепостей на Кавказе. Х.А. Ливен и Поццо-ди-Борго, которые располагали копиями донесений Гордона в Лондон, докладывали Нессельроде об участии английского посла в составлении инструкций. Об этом же писал Дибичу и прусский посланник в Константинополе Ройер. Примечательна также запись в дневнике председателя Контрольного совета Ост-Индской компании лорда Элленборо от 27 октября 1829 г.: "Он (Р. Гордон. — *В. III.*) написал обращение турецкого посла к императору. Представление этого проекта было бы хорошо для нас, но не для турок. Документ этот столь же хорошо определяет автора, как и я". Эти люди о займе тоже помалкивали.

Копии инструкций, составленных двумя ярыми противниками сближения Османской империи с Россией, — Пертев-пашой и Гордоном, были переданы французскому послу Гильемино и австрийскому — Оттенфельсу.

Пертев-паша просил послов высказаться по поводу инструкций и как можно скорее довести их содержание до сведения своих правительств. Порта надеялась, что европейские державы, прежде всего Англия и Франция, предложат своим представителям в Петербурге поддерживать требования турецкого посла о пересмотре договора.

Английское правительство оправдало надежды Порты. Нота протеста посла Англии в Петербурге Гейтсбери по поводу Адрианопольского мира не случайно совпала по времени с пребыванием в России Халиль-паши.

Эта проблема выходит за рамки нашего повествования. Не следует, однако, забывать, что английские банкиры сыграли не последнюю роль в займе России, который был использован на военные нужды в 1828—1829 гг. Очевидно, что, требуя от турок денежной контрибуции, Петербург надеялся возложить на побежденного противника по крайней мере часть расходов по его, султана, разгрому. Бизнес — это бизнес. А война есть (или кажется) способ решить силой оружия все проблемы разом. В том числе и долговые. Так, по крайней мере, было тогда.

Прибыв в Петербург, представитель султана проявил вначале минимальную активность. Он передал через вице-канцлера послание Махмуда II, адресованное царю, а самому Нессельроде вручил письмо от Хулюси-паши.

В послании Махмуда II в самой общей форме содержалась просьба облегчить условия договора. “Мы считаем себя обязанными, — говорилось там, — сохранять и развивать отношения доброго согласия и искренней дружбы между нашей страной и в.и.в-вом. Руководствуясь принципами последовательного исполнения условий договора, мы выдвигаем наши просьбы исключительно с тем, чтобы укрепить дружественные отношения с в.и.в-вом”.

9 февраля 1830 г. Халиль-паша и советник миссии Неджиб-эфенди были приняты Николаем I. В ходе аудиенции царь развил основную мысль: сохранение территориальной целостности Османской империи, уважение интересов Порты — одна из задач его внешней политики. Халиль-паша и Неджиб-эфенди ответили, что султан Махмуд II поручил им подтвердить готовность соблюдать “действительность и законность” мирного договора и просит о некоторых облегчениях. “Нам ос-

тается лишь скромно просить в.и.в-во, — сказал Халиль-паша, не сдерживать великодушных порывов своей души”. В заключении аудиенции Николай I заявил: “Сейчас султан занят важными реформами в своей державе. Нужен мир и нужно время, чтобы укрепить и завершить начатое дело. Новый разрыв погубил бы все начинания. Я постараюсь избежать такого разрыва”.

В течение февраля 1830 г. Халиль-паша уклонялся от официальных переговоров. Он получал и от своего отца сераскера, и от секретаря султана сведения о положительном ходе переговоров в Константинополе и ждал новых указаний во изменение гласных инструкций. Как писали “Санкт-Петербургские ведомости”, турецкого посла, приветливого, галантного, недурно говорящего по-французски, видели на балах и вечерах в Зимнем дворце и в домах петербургской знати, но чаще всего — на смотрах и парадах войск. Всюду он стремился побольше узнать о России, особенно об организации военного дела. В донесениях, направлявшихся в личную канцелярию султана, Халиль-паша писал, что русское правительство заявило о своем стремлении поддерживать мирные отношения с Турцией и что он доверяет этим заявлениям. Халиль-паша высказал мнение, что пребывание у власти Пертев-паши, ярого противника России, будет препятствовать успешному ходу переговоров. Он обращал внимание султана также на необходимость “в целях укрепления доверия между двумя странами известное время воздерживаться от проявлений доверия к послам Англии и Франции”. В начале февраля 1830 г. он информировал султана о том, что, по его мнению, имеются условия для заключения дополнительной конвенции к мирному договору, и запросил на это полномочий.

Махмуду II предстояло сделать определенный выбор: поддерживать ли опасный курс на осложнение отношений с Россией, за который ратовали Пертев-паша и английский посол, или учесть тяжелые последствия военного и политического поражения Османской империи в войнах с Россией и с греками, напряженное поло-

жение в Алжире, разраставшийся мятеж Мустафа-паши Бушати в Албании, открытое неповиновение правителя Египта Мухаммеда Али и попытаться преодолеть внутренние и внешние осложнения, упрочив мирные отношения с северным соседом. Зная о возрастающих трудностях в политической и хозяйственной жизни страны и убедившись в тщетности надежд на реальную поддержку Англии в облегчение условий Адрианопольского мира, Махмуд II решил окончательно отказаться от пересмотра мирного договора. Одновременно определилась и позиция по займу.

9 февраля 1830 г. ярый противник России, один из глашатаев войны Пертев-паша, был смещен. По этому поводу был издан хатт-и шериф Махмуда II, в котором бывший реисулькюттаб обвинялся в том, что вводил султана в заблуждение относительно событий в Греции и своими советами и рекомендациями втянул страну в войну с Россией. Его место занял возглавлявший до 1821 г. внешнеполитическое ведомство Хамид-бей. Несколько высших должностных лиц империи — единомышленников Пертев-паши были удалены в далекое паломничество в Мекку. Одновременно возросло влияние сераскера Хюсрев-паши и других сторонников мирных и дружественных отношений с Россией. Со страниц газет исчезли веские упоминания о поисках средств за границей. Зарубежные корреспонденты жаловались что “чиновники Порты ходят надутыми, от подарков (чаще всего карманные часы. — *В. III.*) даже глаза отводят. Все молчат, как будто увидели тень палача...” Вполне допускаю, что Махмуд II приструнил свою бюрократию. Надолго ли...

10 февраля 1830 г. Хамид-бей зачитал А.Ф. Орлову, представлявшему в Константинополе царское правительство для решения ряда спорных вопросов, письмо Махмуда II, в котором высоко оценивалась деятельность русского посла, направленная на укрепление дружбы между двумя странами. Султан сообщал о своем решении заключить в Петербурге конвенцию о контрибуции, а также о том, что Халиль-паше поручено

просить царя учесть крайне затруднительное состояние финансов Османской империи. Хамид-бей сказал далее, что по приказу падишаха будет полностью и в срок выплачено возмещение убытков русским торговцам.

Это означало, что Порта считает условия для заключения объяснительной конвенции по контрибуции благоприятными и отвергает попытки посредничества третьих держав в переговорах с Россией.

Поскольку центр тяжести дальнейших переговоров переносился в Петербург, Халиль-паше в соответствии с новыми предписаниями, которые подготовили новый реисулькюттаб и Хюсрев-паша, предлагалось вести обсуждение главного вопроса — о контрибуции — и просить снизить ее размеры, но не допускать новых осложнений в отношениях с Россией. “Мы уже выполнили, — писал каймакам Халиль-паше 25 марта 1830 г., — несколько статей Адрианопольского договора и будем точно исполнять их и впредь. Такая политика наиболее соответствует интересам Османского государства, и таков же приказ падишаха. Мы полагаем, что в Петербурге вы должны следовать тому же”.

Анализ доступных источников и прессы убеждает в том, что заявления Порты соответствовали действительности. Новый глава внешнеполитического ведомства не приглашал Р. Гордона для консультаций, ставших постоянными при Пертев-паше. Послы западных держав перестали получать от официальных лиц сведения о ходе переговоров с Орловым. Последний же ежедневно и порой по несколько часов кряду беседовал с Хюсрев-пашой, Хамид-беем, Ахмед-беем и другими близкими к султану лицами, поддерживавшими политику сближения с Россией.

В марте 1830 г. Порта сообщила Халиль-паше о текущих делах в Константинополе и обратила его внимание на то, что Порта уже не рассчитывает на содействие иностранных держав. “Сейчас мы всецело заняты вопросом о Греции, — писал Хулюси-паша. — Как бы там не было, секретные совещания с послами Англии и Франции ни в какой степени не могут быть нам те-

перь полезны, и мы их решительно прервем. Однако мы воздержимся говорить послам, как и всем другим, о делах, касающихся вашей миссии, ваших инструкций и прочих дополнений, которые мы вам сообщим". В начале апреля 1830 г. Халиль-паше было отправлено новое предписание: "По поводу недовольства е.и. в-ва нашими тесными отношениями с Англией вам надлежит объяснить, что речь шла только об умиротворении Греции, что в греческом вопросе британское правительство защищает свои интересы и что оно стремилось отвлечь и обмануть Порту".

Получив новые указания, Халиль-паша активизировал переговоры с К.В. Нессельроде о контрибуции. Вице-канцлер объявил ему о снижении контрибуции на 2 млн дукатов (64 млн курушей). Халиль-паша просил разрешить выплату османской суммы в турецкой валюте. Было достигнуто соглашение исчислять контрибуцию и производить выплату в Константинополе, притом и в турецкой валюте, а не только в золотых голландских дукатах.

Правительство России согласилось получить в счет контрибуции строевой лес, медь, шелк, драгоценные камни, как того просил турецкий представитель. Все это было немедленно сообщено Халиль-пашой в Константинополь, где агент банка Ротшильда Маринич вел последние переговоры о займе Турции.

В феврале 1830 г. Маринич обратился с предложением о займе к сераскеру Хюсрев-паше, но сераскер возлагал большие надежды на посольство своего сына и заявил, что считает преждевременным заключать соглашения о займе. Тогда Маринич вступил в переговоры с сияхдаром — личным оруженосцем султана, известным своими проанглийскими взглядами и к тому же личным врагом Хюсрев-паши Махмуд-беем. Последнему удалось уговорить султана, возражавшего против займов за границей, дать разрешение на предварительные переговоры.

Вскоре секретарь султана Мустафа-эфенди и один из чинов ведомства финансов начали переговоры с Ма-

риничем, которые по строгому приказу Махмуда II велись в тайне от двора и от послов, особенно от Орлова, который, впрочем, был обо всем осведомлен. Что ни говори, а со времени Кутузова русская военная разведка сделала большие шаги. Таким образом, вся эта таинственность была скорее нужна султану перед собственными подданными.

Впрочем, и бизнес не терпит огласки.

Не позднее 7 апреля 1830 г. в загородном доме Мустафы-эфенди обсуждались окончательные условия предоставления займа. Маринич сказал, что банк Ротшильда мог бы ряд лет выдавать Порте 4 млн дукатов (128 млн курушей) для уплаты России контрибуции. Мустафа-эфенди, не принимая, но и не отвергая этого предложения, ответил, что Порта в течение этого, 1830 года хотела бы получить незамедлительно 40 млн курушей.

В счет платежей Мустафа-эфенди предложил поставить Ротшильду 1,2 млн окка меди на 8–9 млн курушей, а также на 6 млн курушей брусских шелков, на 2 млн — опиума, на 1,5 млн — розового масла. Увеличив на 400–500 тыс. окка добычу меди на токатских рудниках, Порта могла поставить меди еще на 2,8–3,8 млн курушей.

В общей сложности эти возможные поставки Мустафа-эфенди оценивал в 12,3–13,5 млн курушей. В качестве гарантии уплаты остальной части займа Мустафа-эфенди назвал поставки меди, шелка, опиума и розового масла в течение 4–5 лет. Он подчеркнул, что непременным условием Порты является получение одновременно 40 млн курушей.

Маринич ответил, что для банка, который он представляет, было бы затруднительно выдать сразу 40 млн курушей, а возмещение ожидать 4–5 лет. Он потребовал дополнительных гарантий со стороны Порты и выразил пожелание, “чтобы некоторые медные рудники, принадлежащие казне, были представлены как объекты ипотеки”. Утверждая, что выдвигаемые им условия — обычные для банка С. Ротшильда и соответству-

ют условиям, на которых производятся подобные операции в других странах, Маринич, потребовал 5% годовых, хотя обычная ставка европейских банков в 1829 — начале 1830 г. составляла 3—4% годовых. Мустафа-эфенди возразил, что установление ипотеки над турецкими рудниками не представляется возможным; он также сказал, что Порта согласится платить не более 3% годовых. На этом встреча закончилась. Маринич и Мустафа-эфенди не пришли к соглашению. И как сообщило А.Ф. Орлову “некое лицо”, подававшее на переговорах кофе (по 4 чашечки, без сахара) и виноград (на трех больших блюдах), не считая дынь и яблок, г-н. Маринич и г-н доверенный султана, разошлись не раскланявшись. Г-н Маринич винограду и фруктов вовсе не коснулся”. Каково, читатель? Все бы спецсообщения отличались такой детальностью! Да еще чтоб доступны были. Кстати, хорошо обученное “лицо” сообщило, что “бумажек разных, либо обрывков после себя не оставили”. Об этом “лицо” заботилось претщательно — о “бумажках”. Увы, не установлено, кем был тот человек. Но — службу знал!

Вопрос о займе был предметом обсуждения на одном из заседаний Дивана в середине апреля 1830 г. Мустафа-эфенди сообщил членам Дивана о переговорах с Мариничем. Он изложил им также точку зрения Махмуда II, который считал, что условие Ротшильда об ипотеке медных рудников поставило бы доходы Османской империи под контроль иностранцев и могло бы иметь для государства тяжелые последствия. Султан требовал изыскать средства для уплаты контрибуции, не обращаясь к займам за границей.

Было решено переговоры с Ротшильдом прекратить, а необходимые средства получить за счет новых налогов, “обеспечив справедливое обложение и мусульман, и христиан”, а также за счет поступлений доходов из Багдада и Египта.

В начале апреля 1930 г., когда Мустафа-эфенди еще обсуждал с Мариничем условия займа, от Халиль-паши из Петербурга поступили сообщения о снижении конт-

рибуции на 2 млн дукатов. Мы знаем, что донесения Халиль-паши обсуждались на упомянутом заседании Дивана. Несомненно, что успешный ход переговоров представителя султана с русским правительством повлиял на изменение позиции султана и Дивана в отношении займа. К тому же многие противники России были удалены в ссылку, возросло влияние Хюсрев-паши и других сторонников дружественных отношений с Россией.

В те же апрельские дни 1830 г. А. Ф. Орлов сообщил Порте, что контрибуция будет снижена еще на 32 млн курушей (1 млн дукатов), если Порта незамедлительно примет к исполнению постановления Лондонской конференции от 3 февраля 1830 г. о предоставлении Греции независимости в границах, несколько урезанных по сравнению со ст. X Адрианопольского трактата. Султан и его окружение воспринимали сокращение границ Греции на континенте и снижение контрибуции как свидетельство успехов турецкой дипломатии. Это было верно лишь отчасти. Судьбы турецких территорий решались уже не в Константинополе, а в столицах великих держав.

Что же касается Маринича, то он в апреле 1830 г. отбыл в Вену. С ним уехало шесть человек из сопровождавших его сотрудников Банка Ротшильда. На этот раз сделка не состоялась. Политические мотивы на сей раз возобладали над чисто финансовыми. Не надолго.

* * *

Адрианопольский мир 1829 г. — важная веха в истории международных отношений XIX в. Обстоятельства, которые привели к войне и к завершившему миру, отражали общемировые процессы — в первую очередь рост революционных национально-освободительных движений. Это был первый договор в истории России и Турции, в котором с такой определенностью получили отражение глубинные социально-политические сдвиги в регионе Балкан и Восточного Средиземноморья.

После 1829 г. в турецкой политике царизма складывалась двойственная концепция. Преобладавший курс на поддержание “слабого соседа” был отражением легитимистских охранительных конструкций Священного Союза. В то же время такой курс исключал традиционную для России прежних лет поддержку освободительных движений на Балканах. Полностью отказаться от такой поддержки Россия не могла, но царская дипломатия искала новые ориентиры. Поэтому улучшение правового и экономического положения христиан в Турции должно было, по концепции русской дипломатии, осуществляться в рамках турецкой административной системы.

Второй и подчиненной на длительное время стала линия Петербурга на умеренные реформы. Адрианополь объективно знаменовал эпоху реформ в Дунайских княжествах. После 1829 г. там были созданы из представителей феодальной знати комитеты по реформам. Многие из представителей молдо-валашской крупнопоместной знати стали позднее опорой танзимата.

Война 1828–1829 гг. объективно стимулировала не только стихийность вооруженной борьбы балканских патриотов против турецких угнетателей, но и, вопреки замыслам царизма, способствовала выработке организационных форм борьбы (отряды пандуров), выдвижению политических планов освобождения Болгарии и других территорий.

Под влиянием Адрианопольского мира началось формирование органов местного самоуправления в Дунайских княжествах вместо прямого турецкого управления, которое Высокая Порта настойчиво стремилась ввести, пользуясь военной ситуацией.

Адрианополь стимулировал процессы вызревания реформ как в целом в Османской империи, так и в ее наиболее развитых Балканских провинциях, в первую очередь. Отдельные области, например ранее бесправная Греция, получили международно-правовое признание. Греция стала субъектом международных отношений. Вплотную приблизилась к таковому статусу Сер-

бия. Ее автономия получила международное подтверждение.

Для Османской империи война с Грецией, затем с Россией явилась тяжелейшим испытанием. Политика Махмуда II от декларативного изоляционизма после краха селимовских реформ в 1808 г. прошла через период равноудаленности от европейских держав конца 1810-х — начала 1820-х гг. и завершилась поисками ориентиров в западных столицах. Высокую Порту и, видимо, Махмуда II вполне удовлетворяла русская политика “слабого соседа”. За ней турецкие правительственные круги умело скрывали активное реформаторское движение 1830-х гг., борьбу не только ятаганом, но и частичными реформами с балканскими освободительными движениями, наконец, медленную, но неуклонную ориентацию на капиталистические державы Европы в экономике, культуре и политике.

Объективно, Адрианопольский мир обеспечил ускорение политического, социального и культурного развития народов, населявших Османскую империю.

Формировалась общественная мысль, укреплялось национальное сознание подвластных Высокой Порте народов Балкан. Наконец, после Адрианопольского мира для греков, сербов, болгар, молдаван, валахов и других османских подданных открылась возможность усвоения начал конституционализма на Западе, а после 1830 г. в Турции появилась многочисленная энергичная политическая эмиграция из стран Европы.

Наступала новая историческая эпоха, на знамени которой было начертано — “свободная конкуренция”.

“Образ врага” в османо-греческой и русско-турецкой войнах

Война Высокой Порты с восставшими греками вызвала к жизни несколько новых явлений. Среди них первым оказалась неспособность османского центра власти справиться военными силами с периферией, требовавшей безусловной свободы. Кроме того, в первые годы

восстания, когда еще не ясны были его окончательные результаты, европейские державы заняли позицию недвусмысленной поддержки Стамбула. Конгрессы Священного Союза в Лайбахе (1821), а затем в Вероне (1822) осудили греческое повстанческое движение. Делегатам Греции отказывали в приеме, тогда как благосклонно выслушивали представителей Высокой Порты, уверявших, что мятеж будет вот-вот подавлен, а бунтовщики примерно наказаны.

Казалось, что внешнеполитическая ситуация складывалась в пользу Стамбула. Порта могла быть удовлетворена и первой реакцией мусульманского населения империи. Призывы к джихаду — священной войне с неверными, восставшими против законного (заметим, и с точки зрения исламских законоведов, и с точки зрения христианских монархов Европы) правителя были услышаны в Османской империи. Фактическое одобрение великими державами султанских акций по усмирению Греции и занятость военными реформами отвлекли внимание Махмуда II от осознания того, что группа высоких сановников открыто выразила свое несогласие с его политикой в Греции. Это было настоящим феноменом для Турции того времени.

Оппозиция обнаружилась в самом сердце империи — среди исламских законоведов — улемов и высших должностных лиц Высокой Порты.

Скандал разразился утром 6 зилькаде 1243 г. хиджры (20 мая 1828 г.) в резиденции шейх уль-ислама. Там собрался Совещательный Диван при султানে. Пришли руководители органов управления Османской империей. Должны были обсуждаться вопросы о Греции и о войне, объявленной Россией Высокой Порте в апреле 1828 г. Султан ожидал единодушной поддержки своего предложения “предать неверных огню и мечу”. Так бывало не раз. Но сейчас ситуация изменилась. В чем же?

К весне 1828 г. восстание в Греции не победило, но силы восставших окрепли. Война приняла затяжной характер, несмотря на переброску в Грецию по-европейски обученных и вооруженных регулярных войск еги-

петского правителя. После серии побед египетские карательные части стали, однако, все более “увязать” в Греции. Под мощным давлением общественного мнения в России, в Англии, Франции и заокеанских Североамериканских Соединенных Штатах правительства великих держав еще раз изменили свое отношение к событиям в Греции. Соединенный англо-русско-французский флот разгромил турецко-египетскую эскадру при Наварино (1827). В апреле 1828 г. Россия начала войну с Турцией.

Война Турции с Грецией шла уже семь лет. Подавить греков привычным ударом янычарского ятагана Высокой Порте не удалось. И османские ятаганы были уже не те, и уровень восстания возвысился до массовой народной войны за полное освобождение.

В разгар войны с Грецией, в 1826 г. Махмуд II начал далеко идущие преобразования. Отменялась просуществовавшая почти 500 лет военно-ленная система и сопутствовавшие ей институты, было уничтожено средневековое янычарское войско. Взамен создавались регулярные, по-европейски обученные части. Несомненно, что катализатором, ускорителем преобразований послужили неожиданные для османских властей события в Греции, поставившие под вопрос само существование османской власти в Юго-Восточной Европе.

Поэтому понятно, что еще с начала 1820-х гг. в правительственных кругах Османской империи высказывались робкие, но неоднократно повторявшиеся призывы искать новые политические ориентиры. Об этом свидетельствуют турецкие хроники и обнаруженные мной русские дипломатические документы. Однако только к 1828 г. сформировались в достаточно твердой форме взгляды группы реформаторов османской политики. Среди них видную роль играли: Кечиджи-заде Иззет Молла (1768–1829), поэт, ученый-богослов, хранитель священных городов Мекки и Медины, а также начальник отдела налогов финансового ведомства Беджих-эфенди, вице-адмирал Мехмед-паша, бывший министр иностранных дел Хамид-бей, командующий но-

выми регулярными частями будущий посол в Петербурге Халиль-паша и некоторые другие. Все они присутствовали на упомянутом выше совещании 20 мая 1828 г.

Перед собравшимися выступил Иззет Молла. К этому времени он был хорошо известен в империи как незаурядный поэт, автор популярного в народе дивана стихов суфийского толка. Он уже познал немилость султана: он выступал против войны с Россией в 1806–1812 гг. был сослан, затем прощен, приближен к Махмуду II как человек, популярный в народе, широко образованный и очень независимый в суждениях. По данным придворного историографа, который, весьма вероятно, тихо сидел в углу и записывал для себя (и для султана) все происходившее, Иззет Молла сформулировал две проблемы.

По его мнению, война с Россией — новое и многократно худшее бедствие в сравнении с войной в Греции. Казна империи пуста, затрачены огромные средства на новую регулярную армию. Главный тезис Иззет Моллы состоял в том, что сначала нужны реформы и основательная подготовка, а затем уж — вопрос войны. Сама судьба Османской империи зависит от правильного выбора. Необходимо дать свободу Греции и остановить войну с Россией и тем самым спасти империю.

Его поддержали, неуверенно и робко, глава военного ведомства и великий везир. Но они говорили о некоторых трудностях в делах финансов, ритуально заверили султана, что не пожалеют сил для победы. Хватило благоразумия не уточнять — победы над кем? Россией, Грецией или объединенными силами великих держав? Они не поняли главного содержания речи Иззет Моллы — мир любой ценой во имя спасения остальной части империи.

Большинство Совещательного Дивана высказалось за войну с Россией и за скорейшее подавление греческих бунтовщиков. Для них эти проблемы представлялись единым целым.

После заседания Иззет Молла и его единомышленники представили султану докладную записку — ляйиху

(Layihā), в которой была дана обобщенная оценка ситуации, сложившейся в связи с Греческой революцией. Этот документ был полностью опубликован в Османской империи в XIX в. Однако историками новейшего времени этот документ комплексно не исследовался.

Обратимся к тексту. Изложенный в традиционной османской манере сопоставления мнений документ содержит одновременно взгляды сторонников мира и реформ, к которым принадлежали Иззет Молла и его сподвижники, и аргументы апологетов жесткого курса на репрессии и военные способы решения конфликта.

Таким образом, современный читатель имеет уникальную возможность изучить обе противостоящие точки зрения на события в Греции, да и по более широкому кругу проблем балканской политики Высокой Порты начального этапа Танзимата.

Ляйиха начинается с изложения точки зрения “военной группировки” в Диване. Последняя утверждала, что восстание в Греции есть главная причина всех бедствий Османской империи, случившихся в последнее время (т.е. войны с Россией) и неизбежных в будущем. Эти будущие “беды” в ее трактовке обрисовывались так: *“Упомянутая республика* будет постепенно укреплять и расширять свои границы, будет строить торговые суда на всех островах (подвластных ей в Средиземноморье), и тогда вся морская торговля полностью перейдет от османов в руки греков”*.

Чем это грозит Османской империи? “Греки возьмут в свои руки всю торговлю продовольствием в мусульманских землях и тем нанесут ущерб Великому Престолу и другим исламским землям”. Далее следовал пространный пассаж по поводу того, что Высокая Порта допустила греческое торговое судоходство в Черном и Средиземном морях, а в будущем эта проблема сравнима по тяжести для Османской империи разве что с потерей Крыма.

* В отношении восставшей Греции в тексте постоянно употребляется термин “джумхуриет” — республика. Полагаю, что по аналогии с Республикой Семи островов (см. выше).

...Греки не чужды мысли о том, чтобы увеличить свою территорию, присоединить Сербию и Черногорию. *“Тогда, — набрасывала мрачные прогнозы военная группировка, — они, греки, выйдут из-под влияния России и создадут новое сильное независимое государство с тенденциями к расширению своих пределов. Уж и речи нет о тех политических интригах, которыми они будут предаваться...”*

Военная партия в Диване была весьма прагматична и под упомянутыми “интригами” понимала следующее: “...Грекам только дай свободу, тогда, если где-либо в Богоспасаемых пределах (Османской империи) христианские подданные будут встречать притеснения, или размах торговли не будет соответствовать их интересам, то они будут постепенно перебегать в Греческую республику. И тогда число османских подданных христиан катастрофически уменьшится”.

Чтобы сильнее воздействовать на мусульманские чувства тех, кто должен был принимать решения в османском верхнем эшелоне власти, военная партия прибегала к сильнейшему, по ее мнению, аргументу. “Грекам только дай свободу, тогда на полуострове Морея и по всей местности, называемой Греция, мечети мусульман должны будут стать церквями, а мусульманские селения будут превращены — О, горе нам! — в христианские”.

Рецепт от всех бед, могущих произойти от предоставления Греции свободы, — один и краткий: греков усмирить, а России дать почувствовать силу исламской священной войны — джихада!

Призывов вернуть потерянные в прошлых русско-турецких войнах османские владения в данном документе мы не найдем. Это, однако, не означало, что воинственные круги в османском руководстве отказались от борьбы за возвращение Крыма, земель, населенных мусульманами в Закавказье или на Северном Кавказе, под зеленое знамя Пророка. Эти идеи вошли в многочисленные обращения Махмуда II к своим подданным — мусульманам и в фетвы — обращения шейх уль-ислама.

Важно отметить, что в сопоставлении с перспективой освобождения Греции утрата других территорий Османской империи явно отступила на второй план. *“Поскольку земли, которые Россия до настоящего времени отторгала у Османской империи, находятся в отдаленных пограничных областях, вопрос об их потере не сходен с проблемой Греции. Если обгорел подол у платья, то им еще можно пользоваться, отрезав обгоревшее место. Вопрос же о свободе Греции будет подобен прожженному месту на воротнике. Оно ремонту не подлежит”*.

Как мы видим, имела место жесткая заданность и безальтернативность сторонников “янычарского способа” борьбы с восставшими греками. И все же нечто новое появилось и в их позиции.

Это новое состояло в понимании, по крайней мере, в первом приближении, роли и значения экономического (или, для данного периода, — торгового) аспекта проблемы: утраты не только фактически, но и юридически позиций в морском судоходстве в Средиземном регионе в целом. Подобная постановка вопроса не прослеживается по известным нам источникам в отношении восстаний на Балканах в предшествовавшие периоды.

Хочу заметить здесь, что Греческая революция и ее экономические аспекты, прежде всего юридическое закрепление свободы греческого торгового мореплавания в Черноморских проливах, заставили Высокую Порту прибегнуть, впрочем, неудачно и ненадолго (до 1838 г.) к усилению системы государственной монополии (ед-и вахит) на продовольствие и сырье для ремесленного производства. С особой силой запретительные санкции проводились Портой в 1828–1838 гг. на оставшихся под ее властью греческих землях. Можно признать, что отдельные мысли “военной партии” были услышаны в высоких сферах османского управления.

Однако даже такая жесткая и непримиримая по отношению к возможному освобождению Греции позиция не устраивала Махмуда II. К ноябрю 1828 г. по его

личному распоряжению была подготовлена и широко распространена в Европейской Турции и в зоне Стамбула и Проливов новая ляйиха. Ее авторами были руководители ведомства иностранных дел — реис-эфенди Пертев-паша и его помощник по делам в Европейской Турции Акиф-эфенди. Вышедший из-под их пера документ был одобрен Махмудом II и, видимо, может считаться программным документом османского центра власти в отношении Греческой революции и русской политики Стамбула. Эта ляйиха также вошла в сочинение придворного историографа Лютфи-эфенди и дошла до нас.

В новой ляйихе было прежде всего ужесточено понимание Высокой Портой греческого вопроса как сугубо внутреннего для Османской империи. В качестве такового он не подлежал обсуждению ни с Россией, ни с Западом. Акцентировались политические и некоторые экономические аспекты греческого вопроса. Впервые прозвучала проблема собственности на землю, ранее безусловно принадлежавшую османам. Затрагивалась проблема верховной султанской власти — собственности на землю в оккупированных балканских территориях. Признание независимости греческого государства, — писали Пертев-паша и Акиф-эфенди, — нанесло бы и османскому государству, и турецким собственникам в Греции неисчислимы убытки. Это, в свою очередь, вызвало бы растерянность и беспокойство за жизнь и свое имущество среди мусульман в других близлежащих областях империи. Тем более, — подчеркивали они, — если Греция превратится в большое средиземноморское государство. Страхом перед сильным Греческим государством был проникнут весь документ.

Острое беспокойство руководителей внешней политики вызвала проблема Проливов. Связывая судьбу турецких Черноморских проливов с будущей позицией Греции, они отмечали, что открытие Проливов для свободной торговой навигации — греческой, русской, а затем и других стран — повлечет “упадок в государствен-

ной казне, смуты и мятежи”. А если учесть, что “идеи свободы, как пожар, распространяются среди христиан”, открытие Проливов приблизит империю к катастрофе.

Примечательно, что руководители внешней политики Высокой Порты и ранее, в 1812—1821 гг., и позднее, в 1830-х гг., крайне неодобрительно отзывавшиеся о капитуляционных соглашениях с Западом, с возмущением писали, что “бунтовщики-греки”, вместо того, чтобы обращаться с жалобами к кади, в шариатские суды, отправляются к русскому консулу, т.е. поддерживают капитуляционные иммунитеты. Это, в свою очередь, служит поводом к вмешательству держав. Положительно, эту смуту надо было пресечь!

Более определенно в документе Пертев-паши и Акиф-эфенди говорилось о роли России. *“Всем известно, — писали они, — что москвиты вызвали греческое восстание. Они намеревались тем самым легко прибрать к рукам владения ислама”* (подчеркнуто в публикации документа, вероятно, самим Лютфи-эфенди. — В. III.).

Авторы этого документа защищали право Высокой Порты на силовое решение греческого вопроса — подавление “бунта”, другого термина даже не употреблялось. Однако они не могли не видеть, как далеко зашли процессы на Балканах. *“Если дать свободу Греции, то Россия начнет требовать освобождения сначала болгарской реайи (христианских подданных), а затем и других реайатов. Так, от чего упаси Бог, могут быть потеряны все османские владения на Балканах”*.

Перспектива была обрисована абсолютно верно, и здесь османские руководители внешней политики проявили хорошее понимание перспектив своей балканской политики. Заметим, что до 1834 г. в компетенцию ведомства реис-эфенди входило и общее управление делами христианского населения Балкан. Этим ведал именно Акиф-эфенди.

Однако выводы Пертев-паша и Акиф-эфенди сделали вполне в духе старого янычарского мышления. Бунт на окраинах империи надо подавить любой ценой, а ес-

ли военных ресурсов маловато, то и тут они знали выход. “Одному мусульманину по Корану запрещено отступать перед лицом двух врагов... Разве Османское государство не сможет собрать по милости Бога и в соответствии с законами шариата 100 тысяч воинов! Кто устоит?!”

Общий вывод документов, порожденных воинственной группировкой в правящих кругах Османской империи, заключался в следующем. Если имперские порядки пошатнулись и на окраинах империи вспыхнул бунт, надлежит подавить его, пока пожар не проник во внутренние районы, пока за тушение пожара не взялись внешние, конечно же, враждебные османскому престолу силы. Главное — восстановить в Греции прежние порядки времен расцвета османского могущества.

На фоне столь косных, несмотря на отдельные проблески реализма, оценок и рекомендаций по выходу из кризиса, в котором оказалась Османская империя, удивительно свежо и конструктивно прозвучали идеи Иззет Моллы и его “мирной партии”.

Проследим ход его рассуждений с предельно возможной близостью к тексту. Напомню, что лаяйха Иззет Моллы была подана Махмуду II в конце мая — начале июня 1828 г.

Тщетно было бы искать в ней сочувствия к восставшим грекам, но и призывов к расправе в ней тоже нет. Лаяйха проникнута убежденностью в том, что не вооруженная рука спасет империю от дальнейшего распада, а разумная гибкость и уступки, которые надо сделать вопреки вековым имперским амбициям.

Иззет Молла и его единомышленники были вполне османами и мусульманами по воспитанию и сложившимся взглядам. Вместе с тем они представляли ту новую группировку в османской бюрократической верхушке, которая осознала необходимость глубоких преобразований в стране и силой своего влияния и авторитета была готова обосновать неизбежность определенных жертв со стороны османского центра власти.

Сам Иззет Молла на правах одного из высших духовных авторитетов исламского мира в 1826 г. поддер-

жал уничтожение янычарского корпуса и ордена дервишей — бекташей. Кстати, в связи с этим он и был приближен к султану после первой ссылки. Одним из первых в высшем руководстве империи он отправил своего сына Мехмеда Фуада на учебу в европейские университеты. В Италии Мехмед Фуад, впоследствии паша и великий везир, познакомился и подружился с молодым русским дипломатом А.М. Горчаковым, будущим канцлером России. Дружеские отношения между ними продолжались всю жизнь и во многом определили политическое сотрудничество двух империй в сложные для России годы подготовки к отказу (1871 г.) от ограничительных статей Парижского трактата 1856 г. Молодые сподвижники Иззет Моллы — Беджих-эфенди и Халиль-бей (впоследствии паша и посол в России) также связали свою дальнейшую жизнь с реформами и борьбой за обновление империи.

Неудивительно, что Греческую революцию они восприняли и оценили не как катастрофу, а как данность судьбы, реальность, которую нужно понять и принять. В самом начале своей жизни они призвали Махмуда II определить причины восстания и “установить степень и формы преобразований, необходимых для других исламских владений, ...а первым долгом отдать Морю грекам, пока горестные последствия этого события (т.е. восстания. — *В. III.*) не сказались во всей полноте”.

Они отчетливо осознали, что военной силой невозможно сдержать распад империи. “Бояться, что греки и другие христиане будут перебегать в Греческую республику, — это значит самим отдавать в руки противника нашу рею (христиан, составлявших большую часть населения Европейской Турции)”. Выход один — дать свободу Морю и обеспечить такой уровень преобразований в других балканских землях, который исключит новые восстания. Если же, — писали они, — исходить из того, что делают и говорят сторонники войны, запугивая всех усилением греческого флота и военной мощи Греции, то это означает только одно — изначально провоцировать противостояние Ос-

манской империи с новым государством, “подталкивать греков в самом неблагоприятном как соседей направлении — к укреплению и расширению границ”.

Категорически отвергая какое-либо сравнение Греции с Крымом и ранее утраченными османскими землями, Иззет Молла и “партия мира” утверждали, что нельзя даже ставить вопрос о том, чтобы бросить в огонь во имя сохранения Мореи или иных владений все мусульманское население империи. Прибегая к излюбленному на Востоке образному сравнению, Иззет Молла писал, что “война в Греции или за Грецию не может разрешить внутренние османские проблемы, подобно тому, как не станет новым платьем с прожженным воротником”.

Иззет Молла был далек от того, чтобы приветствовать рождение нового независимого государства в Европе”, в размерах и мощью сравнимого с государствами, которым помогает Аллах”. Однако надо признать сложившуюся ситуацию, а не охать по поводу того, “что греки, дескать, вывозят из Османской империи продовольствие и платят слишком низкие пошлины”. Останавливать сам процесс укрепления новой Греции, искусственно сдерживать развитие торговли, которую так активно ведут греки — так можно дойти до того, что ни одна уже османская лодка с товаром не отплывет от берега. Вот тогда будет по-настоящему плохо для всей империи.

Иззет Молла высказывает убеждение, что Греция станет крупным и сильным государством, будет серьезным противником Османской империи. И он оказался прав, предвидя ситуацию в Юго-Восточной Европе на сто лет вперед. *“Если за 500 лет, — писал Иззет Молла, — османы не сумели обеспечить надежное и разумное управление подвластными территориями, то уж теперь не следует усложнять ситуацию на будущее, насильно сохраняя то, что фактически утрачено”*.

Пройдет несколько лет после этого пламенного послания поэта-богослова к султану. На политической арене империи появится плеяда молодых реформато-

ров, и среди них будет сын Иззет Моллы. Однако никто из них не смог сформулировать исходной идеи реформаторства в мультинациональной и экономически многоукладной монархии — Османской империи так, как это сделал Иззет Молла.

Во-первых, писал, он, реформы должны были начаться еще двести лет назад; во-вторых, их надо было начинать с Греции и других подвластных Порте земель, т.е. от периферии к центру, а не наоборот, как это имело место в эпоху Танзимата.

Было упущено время, упущены возможности. Исторический процесс освобождения христианской периферии приобрел собственную логику развития и столь высокой потенциал, что любая попытка османского центра власти воспрепятствовать ему или ввести в направляемое из Стамбула русло терпели поражение. Более того, в 50–70-е гг. XIX в., в начале XX столетия такие попытки все более раскачивали османский центр власти. Они отвлекали на противостояние Стамбулу силы обретавшей свободу балканской периферии. Для Высокой Порты политика сдерживания процесса освобождения была воистину губительна.

В конечном итоге имперский центр пал. Османская империя распалась, начиная с периферии.

Тогда, в 1828 г., высказываясь с беспрецедентной для мусульманского теолога и практика шариата определенностью по поводу признания независимости Греции, Иззет Молла, естественно, не мог обойти и вопросы о принадлежности вакуфного (церковного) имущества и положении мечетей в бывшей “земле османов”. Сделав шаг в сторону признания независимости Греции, он отчетливо понимал необходимость пересмотра земельной практики эпохи османского владычества. При этом его заботило положение тех мусульман (и их культовых учреждений), которые какое-то время будут сохраняться на добившихся свободы землях.

Признание нового статуса Греции — лучшее средство избежать того, что он очень осторожно назвал “мно-

гочисленными осложнениями”. По существу, Иззет Молла своим обращением к правительственным кругам предвосхитил проблему, вся тяжесть которой обрушилась на Османскую империю многие десятилетия спустя.

Речь шла о мухаджирах, т.е. беженцах, переселенцах, мусульманах по вероисповеданию, людях нередко разных национальностей, которым пришлось покидать Европейскую Турцию — родину многих поколений их предков в результате сокрушительных поражений имперских амбиций Высокой Порты в конце XIX — начале XX вв. Десятки тысяч мусульман-беженцев стали жертвами политических и военных конфликтов турецкого руководства с новыми независимыми балканскими государствами. Лишенные родины, имущества и какой-либо государственной поддержки, беженцы из Европейской Турции в 1911–1914 гг. были направлены в Северо-Восточную и Юго-Восточную Анатолию, в месте традиционного расселения армян и греков — подданных империи. Там они были одновременно и жертвами, и палачами в вакханалии братоубийственных конфликтов среди местного населения, были использованы в демагогической политике Энвер-паши и его окружения в период первой мировой войны*

Не эти ли едва тлевшие угли призывал не раздувать, а погасить Иззет Молла. “Как можно, — писал он, — восклицать: пусть не достанутся неверным мусульманские мечети в Морее. Говорить так означает разжигать огонь вражды и подвергать опасности ответного насилия со стороны реайи мусульманские святыни на Западе и Востоке, даже на Севере и на Юге Богоспасаемого Предела (Османской Империи)”.

В заключение Иззет Молла повторил свои доводы в пользу реформ, что, по его мнению, неизмеримо важнее, чем проблема Греции или принятие мирных условий, продиктованных Россией. Греческая революция,

* Об этих сюжетах подробнее см.: *Шеремет В.И.* Босфор... М., 1995.

в его трактовке, поставила перед Османской империей массу проблем как внутреннего свойства, так и на международной арене. Свобода, предоставляемая грекам Высокой Портой, а не получаемая ими в результате неизбежного, как он считал, поражения Порты в данной войне, и мир с Россией — вот что может наилучшим образом обеспечить интересы Османской империи. Именно такое решение, — завершал многоопытный улем Иззет Молла свою ляйиху, — находилось бы в полном соответствии с шариатом.

Голос поэта и мудреца не был услышан султаном. Обреченная политика османского центра власти, стремление насильно удержать рвавшуюся к свободе греческую периферию империи принесли страдания и смерть всем — грекам, туркам, наконец, русским, поднявшим оружие в защиту Греции (впрочем, и в защиту своих интересов тоже).

Разгневанный султан-халиф лишил Иззет Моллу почетного поста в Мекке и сослал его в далекий Сивас. Незадолго до окончания русско-турецкой войны летом 1829 г. опальный поэт испил поднесенную ему по приказу Махмуда II чашечку кофе с растертым в пыль бриллиантом, что было знаком “монаршего благоволения”.

Такой мощный социокультурный прорыв. И такая катастрофа, личная и общественная.

Войско новое, проблемы старые

Первые два десятилетия XX в. оказались критическими для политической системы Османской империи, основанной на военно-феодальных принципах. Сербское вооруженное восстание в начале XIX в. грозило ниспровержением турецкого господства на Балканах. Русско-турецкая война 1806–1812 гг. могла бы иметь неизмеримо более тяжкие последствия для Турции, если бы не наполеоновское нашествие на Россию в 1812 г. Наконец, Греческая революция, начавшаяся в 1821 г., подняла балканские народы на новую борьбу с турецким угнетением. В конце 20-х годов на очередном этапе

обострения Восточного вопроса Османская империя оказалась в изоляции перед коалицией европейских держав — Англии, Франции и России, требовавших решения греческой проблемы, так как продолжалась война Турции с греками (1821–1829 гг.). В 1828 г. положение Высокой Порты катастрофически осложнилось в связи с началом войны с Россией. Война на два фронта — с Грецией, где действовали войска египетского правителя, и с Россией, силами самой Турции, — потребовала огромного напряжения расшатанной турецкой экономики. Усилились антиправительственные настроения как среди недовольных начинавшимися реформами представителей феодально-клерикальной реакции, так и среди трудового народа, страдавшего от усилившегося налогового бремени.

Политика турецкого правительства определялась жестко настроенными деятелями во главе с реисулкюттабом — главой ведомства иностранных дел Пертев-пашой. Если царское правительство надеялось силой оружия защитить Грецию, укрепить влияние на Балканах, оградить от вторжения турок закавказские и причерноморские владения, то в Константинополе хотели предотвратить на будущее любое вмешательство России в борьбу подданных султана против турецкого господства и попытаться возратить потерянные в прежних войнах с Россией земли, возможно и Крым. Характерно, что эти задачи предполагалось решать с помощью частично обновленных военных институтов, но вполне традиционных — административных, с применением силовых методов.

Естественно, мне как автору очень хочется рассказать об общественном мнении, по крайней мере, о восприятии в сознании турецкого населения проблем войны, революций в Греции и Сербии, отношений с великими державами. Имеющиеся документы пока не дают возможности корректных оценок. Ограничусь достоверным.

Какова была реакция низов общества, как они встретили известие о войне? 15 мая 1828 г. в мечетях

и на рынках столицы было прочитано известие о войне с Россией и воззвание Махмуда II — падишах призывал правоверных к защите родины и веры. А. Слейд, Ч. Макфарлан и другие путешественники, находившиеся весной 1828 г. в Османской империи, писали, что мусульманское население отнеслось к войне с крайним безразличием, ведь войны с Россией с перерывами продолжались уже полвека.

Высокой Порте приходилось одновременно: преодолевать определенную апатию населения, разворачивать военные действия с Россией с привлечением только что созданных регулярных войск, не допускать вовлечения в конфликт Англии и Франции, предотвращать распространение повстанческого движения из Мореи на другие населенные христианами области империи. В освещении этих задач совпадают данные официального османского историографа Ахмеда Лютфи-эфенди и сообщения русской службы наблюдения за противником при штабе Молдавской армии.

Повсюду в Турции разворачивались военные приготовления. В Дунайских княжествах они проводились с особой беспощадностью по отношению к местному населению. Например, сераскер (командующий) Дунайской группы войск Турции принялся выколачивать из Молдавии и Валахии неуплаченные подати за 10 лет, требовал поставок продовольствия, упраздненных еще в 1820 г., гнал население на принудительные строительные работы в крепости, забирал всех лошадей. Высокая Порта призвала к оружию курдов. В марте 1828 г. 10-тысячный курдский отряд прибыл в Скутари и позднее был направлен к крепости Шумле, на Дунай для несения полицейской службы. Весной (март–апрель 1828 г.) несколько отрядов регулярных войск было направлено в другие дунайские крепости для усиления гарнизонов, равно и на случай восстаний местного населения.

Существует мнение, что Высокая Порта не знала ни численности русской армии, ни планов русского коман-

дования. Однако из “Показаний пленных и предавших-ся” выясняется, что в Константинополе оценивали силы русской армии достаточно точно — 120 тыс. (115 тыс. по штатному расписанию). Османская империя, которая спешно приводила в порядок свои вооруженные силы, могла противопоставить примерно 180 тыс. человек, из них около 40 тыс. регулярных войск.

В мае и июне 1828 г. перспективы войны были предметом обсуждения на почти ежедневных заседаниях Дивана. Мнения снова разделились. Одни предлагали всемерно укреплять дунайские крепости и обеспечить оборону столицы, надеясь при этом на конфликт между союзными державами: “Европейская Турция в руках России, — говорили члены Дивана, — послужит достаточным мотивом для жестокой войны между христианскими державами, и тогда османы, воспользовавшись этим обстоятельством, найдут способ вновь войти в Европу...”

“Другое мнение, — сообщали из Константинополя, — состояло в том, чтобы избегать сражений, разрушить страну (Европейскую Турцию. — *В. Ш.*), истребить христиан, которые способны носить оружие, отправить в Азию жен и детей, разделиться на группы по 50–60 человек и начать партизанскую войну. Собрать несколько крупных отрядов в русских владениях, населенных мусульманами, поднять их на войну и предать огню и мечу южные провинции России. Если Османской империи суждено погибнуть, то уж османы будут умирать на трупах христиан и среди языков пламени, ими раздутого”.

Турецкая армия начала военные действия по плану, намеченному Махмудом II. Основной ударной силой по-прежнему оставались иррегулярные формирования. Ополченцы приходили в главный лагерь под Адрианополем небольшими группами и в одиночку, конные и пешие, среди них были и бывшие янычары. Оружие это воинство должно было получать из рук имамов, но обычно ополченцы приходили со своим ятаганом да парой пистолетов. Вскоре в столице обнаружили

трудности с оружием для призванных на службу. А. Лютфи объяснил это тем, что военное значение мусульманского ополчения снизилось и в различных районах страны создавались регулярные войска, которые надо было вооружать. К этому объяснению придворного османского историографа следует добавить справедливое замечание английского журналиста, что “султан был больше озабочен бесконечными мятежами и бунтами в войсках, чем войной с Россией”. В столице ходили упорные слухи о том, что бывшие янычары готовят переворот и вывезли из города часть оружия. Впрочем, в армию вливалось значительно меньше людей, чем предполагала Порта. Как свидетельствовали корреспонденции из Константинополя, призывы султана к священной войне “не произвели среди народа желаемого восторга”, и намеченного количества иррегулярных войск не удалось собрать за все лето.

Большие надежды возлагались на новые, обученные европейскими инструкторами части. На театр военных действий в Европейской Турции выступило шесть обученных европейскими и египетскими инструкторами батальонов. Европейские современники внимательно следили за состоянием турецкой армии, особенно регулярных частей. Они отмечали, что эти части находились еще в стадии комплектования и обучения, что солдаты — молодежь 16–20 лет — не могли вынести всех тягот войны с опытным противником. Вооружение не было единообразным, недоставало боеприпасов. Артиллерия была представлена тяжелыми, малотранспортабельными пушками. Транспортными средствами служили реквизированные повозки местных жителей. Младшего командного состава не хватало, старшие офицеры были перегружены. Медицинская помощь существовала лишь номинально. Несмотря на это, в первую кампанию войны регулярные части, как правило, оказывали серьезное сопротивление русским войскам. Дезертирство и развал в армии относились уже к кампании 1829 г. и захватили прежде всего иррегулярные отряды.

Падение шести дунайских крепостей и Варны в кампании 1828 г. не сломило сопротивление турецкой армии, которая задержала неприятеля в пределах первой оборонительной линии, намеченной султаном. Сераскер же, выполняя приказ Махмуда II, вновь и вновь выдвигал вперед регулярные батальоны, доказывая противникам реформ, что “низам” может выстоять против такого сильного противника, как русская армия.

Жители районов Европейской Турции, не подлежавшие выселению, были обязаны содержать находившиеся там войска. Определенный успех оборонительных действий армии в первой кампании сопровождался большими жертвами со стороны гражданского населения — и христиан, и мусульман. Все способные носить оружие мусульмане-мужчины были призваны в армию, христиане выполняли тяжелые работы по укреплению крепостей и строительству оборонительных сооружений. В результате многие селения обезлюдели. Люди уходили в Константинополь, Смирну, другие города Западной Анатолии.

Однако и там положение значительно ухудшилось, особенно после того, как в августе 1828 г. царское правительство запретило вывоз в Турцию хлеба из южнорусских портов, равно как и транзит зерна и муки через Проливы. При этом суда, груженные чаем, сахаром, кофе, пряностями, другими дорогостоящими продуктами питания, а также предметами роскоши, пропускались беспрепятственно.

“Запрет вывоза хлеба из Одессы и других черноморских портов, — говорилось в сообщениях из Константинополя в конце сентября 1828 г., — а также блокада Дарданелл произвели самое тягостное впечатление на жителей столицы. Частные поставки не могут быть достаточными. Особенно страдает простой люд, и никто не может ручаться за спокойствие в городе”. К ноябрю 1828 г. цены на хлеб в Константинополе и пригородах удвоились по сравнению с сентябрем и продолжали расти. Порта послала во многие вилайе-

ты империи ферманы с требованием отправлять в столицу караваны вьючных верблюдов с продовольствием. Была отменена правительственная монополия на хлебную торговлю. Представители Высокой Порты и по ее поручению некоторые торговцы закупали пшеницу на Сицилии и в Испании. Около 80 судов с продовольствием (каждое грузоподъемностью 9,5 т) отправил в конце ноября в Смирну, а оттуда караванами в столицу правитель Египта Мухаммед Али.

К началу декабря 1828 г. Порта получила около 50 тыс. четвертей пшеницы*.

Вместе с имевшимися запасами этого должно было хватить на четыре-пять месяцев. Как писал А. Лютфи, жители столицы и пригородов были занесены в особый реестр (дефтер). В нем оказалось около 359 тыс. имен, естественно, только мужских. И только мусульмане. Общая численность населения Стамбула, очевидно, превышала 1 млн человек. Выдавалось примерно по 3 кг продуктов в неделю на взрослого жителя, причем только мусульманам. Зимой 1828–1829 гг. норма выдачи уменьшена наполовину. Власти строго контролировали вес, цену и количество выпекавшегося хлеба. Распределение продовольствия среди населения производили имамы в мечетях. Чтобы уменьшить население столицы, иррегулярные отряды были выведены за городскую черту; был оглашен султанский ферман о выселении из Константинополя всех не призванных в армию холостяков — более 30 тыс. человек.

Все это оказывалось малоэффективным. Русский курьер Арслан Атабеков, находившийся в Константинополе с 17 октября до 16 ноября 1828 г., писал в отчете: “Недостаток хлеба в Царьграде чрезмерный, народ явно ропщет, а некоторые гласно вызывают прибытие русских и молят, дабы они освободили их от султана. Окка мякины (1240 г. — *В. III.*) стоит на русские деньги

* *Четверть* — русская мера сыпучих тел, преимущественно зерновых, равная в XIX в. 64 гарнцам, или 209,91 л.

60 коп., одна порция ячменя на полусуток для лошади стоит 1 руб. 20 коп. Масла же коровьего вовсе достать нельзя. Привоза морем вовсе нет, а с сухого пути нельзя ожидать, ибо в Азии большая часть селений опустела от наряда всех взрослых людей на войну, а ближайшие места Румелии истощены совершенно войсками”.

В конце октября 1828 г. был обнародован хатт-и шериф, в котором должностным лицам на местах было приказано проследить, чтобы все годные для посева земли были обработаны и засеяны, а урожай в свое время собран, и население столицы получило бы необходимое продовольствие. Естественно, ощутимые результаты эта мера могла дать только к осени 1829 г.

Зимой 1828–1829 гг. положение с продовольствием в Константинополе и окрестностях еще более осложнилось. Запасы государства исчерпались, незначительный подвоз из внутренних районов прекратился. Сообщение со Смирной по суше было нерегулярным. Несколько караванов, доставивших пшеницу, привезенную из Египта на английских и австрийских судах, не могли изменить положение. Попытки представителей Порты собрать хотя бы немного продовольствия в европейских и арабских провинциях оказались совершенно безуспешными. В агентурном донесении из Константинополя от 6 февраля 1829 г. говорилось: “Люди состоятельные удовлетворяют свои потребности, невзирая на дороговизну. Бедные же в жалком положении — хлеба с января не видели; многие от голода умерли. Вследствие повеления султана полиция в столице усилена. Строгость и подозрения умножаются. Запрещается даже говорить о войне и политике. Хотя спокойно ныне, но многие ропщут. Нечто мрачное существует, и возможен взрыв”.

До нас дошло мало сведений о том, как “роптал народ”, но вот одно из них. В марте 1829 г. женщины Константинополя организовали шествие по городу. “Они, — писал современник, — предавались своеволию, кричали и порицали правительство, что под предлогами и под

видами ограждения лишены они всего насущного и доведены до последней крайности, что отцы, мужья и сыновья их на войне гибнут, а семейства без защиты остались и без призрения". Был послан отряд регулярных войск разогнать шествие, но "отчаяние женщин было столь велико, что солдаты отступились". Приехали несколько везиров, которые начали раздавать деньги и уговаривать собравшихся женщин разойтись.

Скупые строки донесений из Турции и некоторые данные из "Истории" А. Лютфи свидетельствуют, что среди членов Дивана по-прежнему не было единодушия по поводу продолжения войны с Россией. Как говорилось в одном из агентурных сообщений, ухудшение положения в столице «"русская" партия в Диване, или, лучше сказать, партия мира, использовала для возобновления своих настояний в пользу мира с Россией».

Среди тех, кто выступал за мир с Россией, были опальные Иззет Молла, Беджих-эфенди, а также сераскер Хюсрев-паша, который, по агентурным сведениям, выступал в пользу мира решительнее, чем в мае 1828 г., его сын Халиль-паша и другие везиры. Четыре улема, имена которых установить не удалось, в начале декабря 1828 г. обратились к Махмуду II с просьбой помиловать Иззет Моллу и Беджих-эфенди. Султан был последователен — всех четырех также выслал из столицы. Махмуд II, недовольный тем, что среди улемов война не нашла полной поддержки, распорядился: "Довольствие выдавать только тем улемам, которые состоят при армии или же, не воюя, молитвами либо увещеваниями действуют в ободрение мусульман". Вскоре появился хатт-и шериф, в котором говорилось, что будет подготовлена и проведена со всей решительностью новая кампания против России. Одновременно султан приказывал "изгонять из армии каждого, кто заикнется о мире". Этот строгий хатт был принят после того, как Халиль-паша, командовавший регулярными пехотными частями, сказал великому везиру: "От этой войны добра не будет. Если бы вы позволили, я написал бы Хюс-

рев-паше, пусть поищет другой выход”. Великий везир доложил Махмуду II о крамольных речах его любимца. Халиль-паша получил выговор, и появился упомянутый хатт-и шериф.

Султан был озабочен сложным положением в армии и в стране, но спасение он видел только в организации упорного сопротивления. Воинственная группировка в правительственных кругах всемерно поддерживала султана и, по сообщениям из Константинополя, “надеялась, что упорным сопротивлением турки добьются расположения западных держав”.

Бедствия и лишения населения возрастали по мере продолжения военных действий кампании 1829 г. Наборы в армию не только молодежи, но и пожилых (до 60 лет) мужчин, реквизиции продовольствия и лошадей, введение чрезвычайного военного налога (в июне 1829 г.) подрывали крестьянские хозяйства. Хатт-и шериф об обязательности возделывания земель выполнялся плохо, ввиду отсутствия рабочих рук и скота. “Все деревни были покинуты, местность пустынна и разорена, — писал о Европейской Турции летом 1829 г. Г. Мольтке. — Население отсутствовало, и едва встречались следы прежней обработки”. Сборщики налогов и июне–июле 1829 г. на расстоянии до 100 км от столицы не могли найти неразоренного, неопустошенного более чем наполовину селения ни в Европейской Турции, ни в Западной Анатолии. На непомерный рост налогов жаловались крестьяне и приморских городов, и глухих анатолийских деревень. По данным английского наблюдателя Дж. Кеппела, если в начале 20-х гг. ставка подушного налога — хараджа равнялась 28, 14 и 7 курушам (на каждого плательщика по трем имущественным группам), то в конце 1828 г. налог был повышен до 40, 28 и 18 курушей соответственно. Он также отмечал, что многие населенные пункты покинуты жителями. Так, в Акхисаре осенью 1829 г. из 1 тыс. домов пустовало 300 (мужчины были мобилизованы, женщины и дети либо разбрелись, либо умерли от голода

и эпидемий). В гор. Касаба под Смирной из 2 тыс. домов к началу января 1830 г. опустело 500.

Современники отмечали рост числа бунтов и восстаний, вспыхивавших в разных частях империи. В конце июля – начале августа 1829 г. взбунтовались жители Алеппо. Сборщик чрезвычайного налога Наиб-бей и его охрана были убиты восставшими, которые раздали уже собранные деньги или имущество, реквизованное в счет налога. “Только использование регулярных артиллерийских частей и вооружение богатых горожан решили дело в пользу правителя города Али-паши”, – сообщал 15 августа из Алеппо корреспондент английского “Курьер”.

Довольно широкие размеры приняло восстание в вилайете Смирна. В конце августа 1829 г. жители гор. Назили “прогнали или убили сборщиков налогов, сместили пашу и все управление”. Во главе восставших стоял бедняк по имени Кул Мехмед. Как сообщала пресса, “он заявил, что поднял оружие не против султана, а против некоторых министров, которые свою власть используют для наживы и для угнетения бедняков, и что его единственная цель – свести налоги к прежнему уровню”. Сообщалось в той же газете также, что “Кул Мехмед объявил себя защитником всех подданных султана, которому он верен, – и турок, и христиан, угнетенных и притесняемых низшими властями”. Среди восставших было много греков. В течение двух недель восставшие без боя заняли Айдын, Гюзельхисар, Тире, Бендеркасаба и другие небольшие городки вилайета. К ним присоединилось много безземельных бедняков и полукочевников из Карахисара. В сентябре этот район выпал из-под контроля Порты. Мятеж удалось подавить лишь с помощью армейских частей, направленных из Константинополя в декабре 1829 г. после ратификации мирного договора с Россией и ликвидации последствий заговора в столице.

Очевидно, что в условиях острого социально-экономического кризиса и не вполне сложившейся новой военной системы Турция неминуемо должна была потер-

петь военное поражение. После разгрома турецкой армии при Кулевче 11 июля 1829 г. все операционно-тактические планы Махмуда II рухнули. Иррегулярные отряды массами покидали действующую армию. Регулярные части, значительно поредевшие от боевых потерь в 1828 г. и еще больше от дезертирства, весьма значительного летом 1829 г., были рассеяны на большой территории от Филиппополя до Бургаса. Наиболее боеспособные регулярные части (около 30 тыс.) были удержаны в Константинополе по приказу Махмуда II, так как по мере приближения русских войск в городе росла паника, и оказалось невозможным организовать население столицы для обороны города. “Люди на собственном опыте убедились, что их самым большим врагом была война”, — отмечал современник. За дезертирство из рядов городского ополчения, за нежелание вооружаться Порта начала исключать из цехов, подвергать аресту, иногда казнить. Однако эти суровые меры мало способствовали нормализации обстановки. “Властям вовсе не верят, — говорилось в июньском агентурном сообщении из Константинополя. — Все суетятся и прячут капиталы; алмазы идут по цене золота. Люди призывного возраста — и турки, и христиане равно боятся набора и бегут в Смирну, а некоторые стараются добраться до Египта... Банкиры (европейцы. — В. III.) свозят деньги и ценности на английские и французские суда, стоящие на рейде”.

Бегство богачей из города, которому не угрожал неприятель, видимо, объяснялось, прежде всего, тем, что было известно о готовящемся перевороте. Уже с июня 1828 г. в Константинополе говорили о заговоре против Махмуда II. Можно полагать, что заговор окончательно оформился к началу августа 1829 г. Активную роль в нем играли бывшие янычары, находившиеся в рядах армии или сумевшие вернуться после разгрома корпуса в 1826 г. в столицу, члены ряда константинопольских цехов (особенно лодочники, зеленщики, угольщики, галантерейщики), мелкие торговцы и содержатели кофе-

ен, носильщики, тесно связанные в прошлом с янычарами и подвергшиеся вместе с ними репрессиям, а также люмпены.

Заговорщиков поддерживала часть солдат и офицеров иррегулярных войск. Среди участников заговора были греки — предполагалось поднять на восстание и христианское население города. Какого-либо единого руководства и четкой программы действий, по-видимому, не существовало. “Во главе заговора стояло несколько влиятельных лиц, — сообщал корреспондент “Курьера Смирны”. — Удалось установить имя лишь одного из них. Это был Хамид-ага, комендант одного из босфорских замков. Вероятно, среди организаторов заговора были кетхуды — старосты цехов. Участники заговора планировали при подходе русской армии к Константинополю поднять восстание в столице и пригородах, свергнуть Махмуда II и уничтожить всю его семью, распустить регулярные войска, расправиться с их командирами, в первую очередь с Хюсрев-пашой. Предполагалось восстановить прежние порядки и посадить на трон представителя новой, возможно, не османской династии”. Под прежними порядками имелось в виду главным образом восстановление янычарского корпуса и связанных с ним институтов.

Вечером 21 августа 1829 г. в столице стало известно о капитуляции Адрианополя. Полевой армии практически не существовало. Связь Высокой Порты с вилайетами была парализована. В различных областях страны вспыхивали все новые восстания. “В Константинополе бывшие янычары организовали шествие, разбившись на роты и неся сохранившиеся знаки отличия. В этот решительный момент, когда противник почти у ворот Константинополя, — писал 30 августа 1829 г. “Курьер Смирны”, — совершенно очевидно, что все административные пружины Османской империи парализованы, все связи внутри страны ослабели”.

22 августа 1829 г. в доме реисулькюттаба Пертев-пашы собрались глава ведомства финансов, сераскер, кади — главный судья Константинополя, шейх уль-ислам

и несколько видных улемов. Обсудив положение, они пришли к выводу о необходимости прежде всего предотвратить взрыв в столице, а для этого любой ценой добиться заключения мира до того, как русские навьжут его под стенами Константинополя. На этом же совещании были окончательно согласованы кандидатуры двух представителей Турции на мирных переговорах с Россией, чего не удавалось сделать два месяца. Через три дня эти уполномоченные отбыли в ставку русского командующего.

В ночь на 28 августа, когда стало известно, что турецкие представители прибыли в Адрианополь и доброжелательно приняты командующим русской армии И.И. Дибичем, отряды дворцовой стражи произвели массовые аресты лиц, подозреваемых в заговоре. “Среди прочих было схвачено 15 известных в городе турок и 60 греков. Найдено две лавки с оружием. Половина турок была тут же обезглавлена”. Среди казненных были кетхуды зеленщиков, лодочников, угольщиков, галантерейщиков, что подтверждает предположение об их заметной роли в заговоре. В числе арестованных было несколько торговцев-персов, поддерживавших заговорщиков. 29 августа после полудня примчался гонец из Адрианополя с известием о перемирии. Тотчас по приказу султана регулярные части были сняты с городских укреплений и в течение двух недель выполняли карательные операции против мнимых и действительных заговорщиков, против всех, кто осмеливался критиковать новые армейские порядки. Солдаты обходили дома горожан и отбирали оружие, розданное им для защиты города.

Махмуд II приказал своим представителям принять все русские условия мира, лишь бы не возобновились военные действия. Вооружения своего рода он боялся больше, чем тяжелых условий мирного договора. На улицах никто не смел показаться вооруженным. Боялись собираться группами, вообще опасались выходить из дому. Приостановка военных действий и после-

дующее заключение мира позволили Высокой Порте предотвратить выступление, которое могло иметь губительные последствия для султана-реформатора и его режима в самом начале реформ. До провозглашения Гюльханейского хатт-и шерифа о гражданских правах и свободах (1839 г.) оставалось еще долгих десять лет.

Утром 15 ребиульэввеля 1245 г.х. (14 сентября 1829 г.) представители России и Турции подписали в Адрианополе мирный договор. Война с Россией окончилась. Она не только привела к большим человеческим жертвам и первой в истории Турции долговой зависимости — по контрибуции (до 1834 г.), но и поставила под угрозу срыва осуществление всей системы реформ, начатое в 20-х гг. Серьезные просчеты в политике по отношению к христианским подданным и сложное внутреннее положение заставили Махмуда II пересмотреть как внутреннюю, так и внешнюю политику. Взаимоотношения с Россией нормализовались в 1830–1832 гг. Логическим продолжением этого курса явился союзный договор с Россией, заключенный в 1833 г. Избежав с русской помощью опасности свержения мятежным правителем Египта, Махмуд II смог после 1833 г., опираясь на мирные и доброжелательные отношения с северным соседом, продолжить и углубить серию реформ, необходимость которых, особенно в военной и административной областях, так наглядно выявилась в конце 20-х гг. XIX в.

Сравнительно короткий период османской истории, о котором идет речь, — весьма важная веха в реформаторском движении, которое известно под общим названием танзимат. В конце 20-х годов XIX в. стала ближайшей реальностью победа греческой революции, первая успешная попытка балканских подданных завоевать свободу и возродить государственность. В то же время окончательным условием возрождения греческого государства явилось взаимодействие европейских держав между собой и с Высокой Портой по проблеме, относившейся к числу внутривосточных. В попытке

сохранить старое — удержать Грецию во власти султана — Высокая Порта потерпела поражение, сравнимое по значимости для эволюции государственного строя и политической системы с разгромом в итоге русско-турецкой войны.

Внутренние стимулы сохранения имперского интегритета не срабатывали, как не сработали военная система и приемы внеэкономической стимуляции экономики. Избранный мною нарративный метод изложения с опорой на сравнительный анализ нескольких разнородных групп источников представляется весьма репрезентативным. Историко-конфликтологический подход позволяет увидеть “изнутри” механизм функционирования власти в восточном обществе и осознать, как воспринимались события и деятельность правительства самими объектами управления, проследить (насколько удастся) уровни и саму технику принятия политических решений.

Очевидно, что в эти рубежные годы — между реформаторством Селима III и собственно танзиматом — государственная власть испытала сильное воздействие разновеликих и разнонаправленных факторов и не смогла сыграть свою необходимо консолидирующую роль.

Паралич власти на уровне провинциального управления осложнялся решающей долей в армии иррегулярного, слабо контролируемого центром ополчения. Причем в критической для государства фазе — войне с Россией.

Продолжало сказываться негативное влияние разбитого, но не уничтоженного до конца янычарства, в своих антинаправленных выступлениях сомкнувшегося с низами столичного общества.

Ускоренная эволюция административной и военно-политической структуры, серьезные социокультурные сдвиги отмечаются непосредственно после войны 1828–1829 гг.

“Двойная война” — с собственными подданными и с Россией высветила принципиальные направления

необходимого совершенствования государственных структур: преодоление разрыва между местными и центральными звеньями управления, нейтрализация противоборства группировок в высшем эшелоне власти за счет расширения круга лиц, компетентно заинтересованных в реформах, наконец, немедленная и глубокая модернизация армии и сферы интендантского снабжения.

Опыт 20-х годов, как, впрочем, и последующего, уже танзиматского периода, показал, что личные и политические начала оставались абсолютными по сравнению с институционными во всех аспектах функционирования османской государственной власти в XIX в.

Часть вторая
**ПАШИ-РЕФОРМАТОРЫ,
ЛОРДЫ-КОНСЕРВАТОРЫ,
ГЕНЕРАЛЫ-ПАСИФИКАТОРЫ**

Глава 1

ПОРА НАДЕЖД

Контактная зона Восток—Запад в середине XIX в.

Динамика обмена

В политике великих держав на Ближнем Востоке и на Балканах с начала 1830-х гг. и вплоть до последней трети XIX в. боролись две основные тенденции. Ведущая — превращение владений Османской империи в резерв дальнейшего развития колониальных империй и в обширную периферийную зону свободной конкуренции, лежащую между метрополиями в Европе и их афро-азиатскими колониями.

Вторая, приобретающая в отдельные периоды главенствующее значение, заключалась в разделе между державами османских территорий прежде, чем они обретут независимость в результате национально-освободительного движения.

Обе тенденции были противоречивы в своей сути. Первая объективно стимулировала дальнейший рост буржуазных отношений в наиболее развитых в социально-экономическом отношении областях Османской империи, что, в свою очередь, ускоряло ее распад. Для воплощения в жизнь второй тенденции требовалось недостижимое согласие между всеми европейскими державами, тогда как конфликты между ними, включая Россию, по поводу “османского наследства” крылись в противоречиях самой складывавшейся системы индустриального общества, в конфликтах держав Европы, прикрытых фальшивым лозунгом европейского равновесия и защиты территориальной целостности Османской империи.

Реализация основных тенденций в политике держав по отношению к региону происходила в сфере их экономических и внешнеполитических связей.

Экономическое влияние держав на балканских и левантийских территориях Османской империи усиливало многоукладность в развитии производства и сельского хозяйства, углубляя противоречия между “внутриосманскими” раннекапиталистическими силами и промышленным капитализмом западноевропейских держав, внедрявшимся извне в экономическую и политическую жизнь независимой, но крайне разобщенной империи. Этот процесс наиболее заметно проявился в контактных зонах, где капитализм колониальных держав соприкасался с пережитками османского феодализма в хозяйственной жизни и в политической системе. Здесь же подъем освободительных движений был наиболее высок, а влияние центра — Высокой Порты было наименьшим.

Втягивая Османскую империю в мировое разделение труда, колонизаторы постепенно подчиняли традиционные уклады османского общества потребностям воспроизводства в метрополиях; капиталистический уклад в наиболее развитых балканских, западноанатолийских и левантийских областях Османской империи ограничивался сравнительно узкими рамками как в территориальном плане, так и в смысле фаз воспроизводства.

Деформирующее воздействие колониальных держав на генезис общественных отношений в странах Востока в целом, в регионе Османской империи усугублялось: во-первых, крайней разнородностью уровней развития отдельных областей страны; во-вторых, тем, что Османская империя была своеобразной колониальной державой по отношению к балканским, арабским, африканским территориям, которые удерживались силой оружия на основе военного объединения турками-османами хозяйственно обособленных областей.

Совершенствование и укрепление военной организации османского общества и система капитуляционных иммунитетов для части немусульманских поддан-

ных позволяли османам длительный — полтысячи лет — период сохранять относительное имперское единство и без “помощи” держав. Этот опыт учитывался и осваивался западноевропейскими державами, осуществлявшими внедрение в Османскую империю. Вовлечение Османской империи в мировое разделение общественного труда осуществлялось таким образом, что ей доставалась роль зависимой периферии.

Державы использовали сочетание экономических форм, преимущественно неэквивалентный обмен в различных видах, и внеэкономических — таких, как военно-политические договоры, обновленный капитуляционный режим, вмешательство в реформаторское движение, спонтанная вооруженная интервенция держав или перманентная угроза ее применения, подавление или участие в подавлении с помощью армии любого патриотического движения, чреватого возрождением национальной государственности отдельных регионов Османской империи.

Экспансия держав не носила однозначно выраженного военного характера. В первую очередь она была направлена: на преодоление таможенной независимости Османской империи; на установление контроля над воспроизводством на современном техническом уровне и подрыв национального ремесленного производства; на введение регулируемого, но уже конкретно — в связи с задачами военного и экономического проникновения держав в Восточное Причерноморье и далее, на Северный Восток, — режима Черноморских Проливов.

Механизм формирования зависимости Османской империи через сочетание военных, политических соглашений и внешних финансовых обязательств складывался постепенно, на протяжении 20–50-х гг. XIX в.

Ссудный капитал, первоначально в виде военных займов, с середины 1850-х годов явился специфической формой становления зависимости как промежуточного типа развития на Ближнем Востоке.

Интенсивность иностранного вторжения и степень деформирующего воздействия на преобразования

в Турции возрастали на фоне поисков османскими правящими кругами средств подновления существующего режима.

Армия и внешнеполитическое ведомство были главными объектами забот турецких реформаторов. Устранение ограничений для иностранцев на торговлю, включая оружие и боеприпасы, внутри страны и на операции с недвижимостью; гарантии займов с привлечением к контролю за их выплатой армии стали главными объектами “забот” представителей держав, опиравшихся на приведенный в соответствие с требованием свободной конкуренции режим капитуляций. Права наибольшего благоприятствования, система двойного гражданства и статус покровительствуемых лиц из числа османских подданных, включая занятых в военном производстве, стали ярким воплощением односторонних преимуществ европейских держав. Серия фритредерских договоров, заключенных Высокой Портой с западными державами после 1838 г., была непременно связана с вариантами военных союзов и концессионными соглашениями на стратегические полезные ископаемые; все договоры неизменно содержали капитуляционные ограничения.

Капитуляционный режим утратил двусторонний военно-политический характер “держава—Порта”, был кодифицирован и трансформировался в договорно-правовой и многосторонний по форме, но ограничительный по содержанию. Это произошло не как итог Крымской войны и результат принятия Османской империи в “концерт европейских держав” на Парижском мирном конгрессе 1856 г., а двумя десятилетиями раньше и было проявлением одного из методов экспансии держав на Ближнем Востоке, при необходимости отказывавшихся от прямолинейных силовых, военных методов давления.

В то же время усилия османских властей по развитию экспорта и по существенному увеличению денежной части налогов, направленных на военные цели, сопровождались ростом влияния местных торговцев и фи-

нансистов-инонационалов, связанных с Западом, нередко становившихся одновременно откупщиками налогов и пользовавшихся в своих интересах вооруженной силой османских гарнизонов. Гибко маневрируя капитуляционными привилегиями и непоследовательностью правительства в экономике, они по существу внедрялись в османскую систему распределения, оказывали давление и на армию. Пользуясь объективной ситуацией — постепенным вовлечением Османской империи в систему военных и торговых связей с Европой, они содействовали закреплению иностранного присутствия (торговцы и военные советники) в Османской империи.

Со второй половины 1840-х гг. все шире применялось использование реформированного с учетом европейского опыта османского военного и полицейского аппарата принуждения для удовлетворения претензий откупщиков-инонационалов и представителей европейского капитала в Османской империи. Османской армии навязывались несвойственные армии функции и тем расширялись поля конфликтов.

Во второй трети XIX в. в Османской империи формировались принципы и формы частичной защиты национального производства; наиболее значимыми и перспективными они были в сфере военного производства. При всей ограниченности остатками средневековья в политической организации османского общества они могли бы содействовать многим позитивным процессам последующего периода развития Турции, но были сорваны непоследовательным экономическим курсом правительства, его вооруженной борьбой силами армии с освободительными движениями в наиболее развитых областях империи, широкомасштабной войной 1853–1856 гг. и последовавшим фактическим контролем представителей финансовых кругов стран-заимодавцев над многими процессами развития Турции.

Вместе с тем очевидно, что в сфере потребления уже в 30–40-х гг. XIX в. был брошен вызов принудительной правительственной регламентации. “Демонстрационный эффект” европейских товаров становился одновре-

менно вызовом отжившей османской системе, а масса оружия оседала в районах империи повышенной резистентности к силовому давлению метрополии (Балканы, Восточная Анатолия).

Особой формой проникновения держав в сферы политической и экономической жизни Османской империи стало военное дело. По мере совершенствования созданной по европейским образцам армии, развития современного военного производства и сферы интендантского потребления росли возможности влияния западноевропейских держав через систему советников, через технологию, поставки оружия и боеприпасов. Был проложен прямой путь к контролю над турецкой военной организацией в целом.

Армия Османской империи, однотипно с западными армиями вооруженная, обученная и, отчасти, управляемая (советниками из стран-колонизаторов), была нацелена на реализацию колониалистских планов движений, на подавление национально-освободительных держав и “расчистку дороги” для Франции на Леванте и в Магрибе, для Англии — в Восточной Африке, на аравийском побережье Индийского океана, на Среднем Востоке. Англия, Франция, Австрия при всей специфичности своих интересов на Ближнем Востоке объединялись в стремлении наиболее эффективно использовать вовлечение Османской империи в мировые экономические связи и соответствующими актами повысить ее вклад в общий военный потенциал в составе военного союза 1854–1856 гг. Путем к этому было участие в модернизации турецкой армии, флота и, отчасти, производства в контактных торговых зонах морского побережья, что соответствовало интересам правящих кругов Османской империи.

В 1850-х гг. проявилось общее стремление Высокой Порты и западноевропейских держав вооруженным путем не допустить роста освободительных движений в пределах самой Османской империи, особенно в Европейской Турции, среди тех миллионов балканских народов, которые веками видели в России свою избавительницу от турецкого ига.

Объективно эта тенденция влекла усиление зависимости Османской империи от западных держав и уплотняла ткань перманентной напряженности в ее регионе.

Военные и финансовые обязательства Порты в качестве форм становления зависимости как типа развития определили тенденцию спада внешнеполитической активности Османской империи — самостоятельного субъекта международной среды второй половины XIX в. и фактически снизили ее военный потенциал.

Участие в военно-политическом союзе с Высокой Портой позволило Англии, Франции и Австрии прочно закрепиться на османском рынке и контролировать модернизацию армии и флота. При этом они оставались непримиримыми соперниками в дальнейшей борьбе за расширение своих экономических и стратегических интересов на Ближнем и Среднем Востоке, на Балканах.

Финансово-политический контроль посредством комиссий наблюдателей, военных советников, комиссий “держателей османского долга” и других подобных организаций стран-кредиторов сложился не в связи с признанием Портой своей неплатежеспособности (конец 1870 — начало 1880-х гг.), а в годы Крымской войны, в связи с военными расходами Высокой Порты и для возложения на нее всей тяжести положения неполноправного члена военного союза и должника, расположенного на периферии капиталистического мира Европы XIX в., но на стратегических путях мирового обмена.

В период острых конфликтов на Балканах и в Восточном Средиземноморье в 20–50-х гг. XIX в. внешнеполитический курс Османской империи был нацелен на достижение возможно более равноправного участия в складывавшейся системе международных отношений.

В то же время дальнейшее продолжение внутренних реформ оказывалось в еще более тесной, чем ранее, связи с международной обстановкой. Однако, манипулируя проблемой целостности османских территорий, дипломаты и военные деятели великих держав агрессивно воздействовали на формирование междуна-

родной среды. В этой среде, отвечавшей интересам свободной конкуренции, Османская империя, все быстрее отстававшая в социально-экономическом отношении и, естественно, в военном деле, неизбежно терпела ущерб. Усиливались негативные явления в самом реформаторском движении, военно-модернизаторском по основным признакам. Тормозились, искажались объективные процессы формирования международной среды в регионе в целом, ее тонкая социокультурная аура.

Тем большее значение приобретала не во всем последовательная, но деятельная дипломатия Османской империи, в которой ключевую роль играли военные. С позиции системного анализа очевидно, что при относительности конечных результатов включение после 1856 г. Османской империи на равноправной основе в сообщество — так называемый “концерт европейских держав” — могло бы содействовать объективно-прогрессивному развитию межгосударственных отношений на Ближнем Востоке. Прежде всего потому, что в ходе этого процесса могло осуществляться объективное перенесение первичных производственных отношений, присущих передовым в экономическом отношении европейским странам, в складывавшуюся систему межгосударственных отношений как вторичных, третичных производных, причем двояко.

Во-первых, опосредованно через политику Англии, Франции, Австрии, России, в меньшей степени других стран Европы как собственно через военную, так и через торговую политику в регионе Османской империи. Во-вторых, еще более длительно и многократно опосредованно из других процессов — отношений западно-европейских держав и Османской империи, например с сопредельным Ираном, малыми государствами Центральной и Западной Европы.

Все это могло бы преломляться как политические отношения равнозаинтересованных субъектов развития системы международных отношений на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Европе, если бы было ограничено конфронтующее воздействие серии локальных

конфликтов с их неумолимой тенденцией сливаться в вооруженное противоборство регионального уровня.

Стремление Османской империи к самостоятельному внешнеполитическому курсу и независимым военным решениям просматривается, во-первых, через осторожное отношение к многочисленным “миротворческим”, фактически эскалирующим военным проектам держав, которые Высокая Порта пыталась корректировать в своих интересах, через попытки сближения с Австрией, с другими государствами Центральной и Западной Европы; во-вторых, через независимое и активное участие своей разведки в “памфлетной войне” в Европе в 1853 г.; наконец, через деятельность турецкой делегации на Парижском мирном конгрессе.

Камуфлированная на Венском конгрессе 1815 г. неконтактностью Порты, фактически закреплённая на Парижском мирном конгрессе 1856 г. неравноправность Османской империи в межгосударственных связях и в военных соглашениях не позволила реализоваться этому позитивному процессу. Постепенно превращая Османскую империю из субъекта в объект формируемой системы межгосударственных отношений нового, после Священного Союза, типа, великие державы закрепляли воспроизведение одного системного качества межгосударственных отношений эпохи промышленного капитализма — предотвращение появления новых равноправных субъектов на межгосударственной арене.

На примере Балкан и Ближнего Востока середины XIX в. очевидно, как искусственно формировалась двухкомпонентная система межгосударственных отношений. Первый компонент — Англия, Франция, Австрия, Россия, другие государства Европы, а также США — в качестве метрополий. Второй компонент — их колонии, зависимые страны и территории, Османская империя среди них.

Дипломатические и военно-политические акции Англии, Франции, Австрии в конце 1840-х гг. и в 1850-х гг. отражали существенные стороны долговременной ближневосточной политики этих держав.

Во-первых, осуществлялся курс на устранение Османской империи от выработки конструктивных решений по вопросам самого ее существования как суверенного государства. Во-вторых, что особенно важно для конфликтологических оценок, вырабатывался метод превентивных решений, сепаратно принимаемых европейскими державами вне зависимости от последующей реакции Высокой Порты, связанной присутствием крупных сил ВМФ Англии и Франции и затем военным договором с мощным финансовым компонентом — целевым военным займом.

Вооруженное присутствие держав на Ближнем Востоке в 1840–1841 гг., в зоне Черноморских проливов в 1849 г., в 1853–1856 гг. на европейских и азиатских территориях Османской империи гарантировало их от мнимого или перспективного нарушения экономических и стратегических интересов в Средиземноморье, в бассейне Дуная, на дальних подступах к колониям. Начался процесс неформального раздела независимой Османской империи на зоны преимущественного влияния. Постепенно складывались предпосылки превращения Османской империи из государства зависимого развития в коллективную полуколонию великих держав. Эти тенденции отчетливо проявились в период подготовки и реализации военного союза держав Западной Европы с Османской империей.

Блок ведущих европейских держав с Османской империей сложился на базе их совместной борьбы против России в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке, а также на основе обширных планов всех участников блока в отношении Юго-Восточной Европы, Восточного Средиземноморья, Среднего Востока.

Военный договор Османской империи с державами действовал вне определенной социальной базы. В силу гетерогенности османского общества и формационной несовместимости участников антироссийской коалиции он был нестабилен как подсистема международных отношений середины XIX в. и тем особенно неблагоприятен для внешнеполитического и экономического климата региона.

Османской империи потребовалось сорок лет (от Венского конгресса 1815 г. до Парижского конгресса 1856 г.), чтобы получить статус своеобразного члена-наблюдателя в “европейском концерте”. Входной билет в клуб великих держав был куплен ценой отказа Высокой Порты от политики баланса между европейскими державами и неучастия в их военных союзах, переориентацией от оборонительного союза с Россией в 1833 г. на сближение, затем на наступательный союз с ведущими державами Западной Европы.

На этот же период приходится “попятные моменты” в реформаторском движении. Многие социально-политические и экономические сдвиги, происходившие в Османской империи в первой половине XIX в., создававшие предпосылки самостоятельного внешнеполитического курса страны, были сорваны непоследовательностью османских реформаторов, их переоценкой значения военной модернизации и участием в войне 1853–1856 гг.

Усилились консервативные силы, сопротивлявшиеся реализации танзимата, ратовавшие за жесткий воинственный курс в отношении освободительного движения балканских народов, объективно опиравшихся на поддержку России. Зерно нового конфликта начало прорастать на почве несбалансированных конструкций Парижской системы 1856 г.

Рассмотрим основные проявления этих тенденций.

Начало эпохи танзимата. Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г.

Период завершения промышленной революции в Англии, Франции, затем в других европейских странах и новый этап их балканской политики совпал для Османской империи со временем крупных сдвигов в социально-экономическом и политическом развитии, получивших в историографии обобщенное название “эпоха реформ” — танзимат. Формальной границей танзимата принято считать 3 ноября 1839 г. В этот день в парке перед султанским дворцом Гюльхане (Обитель роз)

притихшая толпа и изумленный неожиданностью дипломатический корпус* внимали вдохновенной речи министра иностранных дел Мустафы Решид-паши, который от имени стоявшего здесь же нового султана, взошедшего на трон в июле 1839 г. 16-летнего Абдул Меджида I огласил “августейший указ” — хатт-и шериф. В традиционной форме, с бесчисленными ссылками на волю Аллаха и пророка его, на заботливую мудрость царствующего султана — халифа правоверных и покровителя иноверцев излагались принципы, соответствовавшие требованиям времени, интересам большинства подданных султана и общим тенденциям развития связей Османской империи с внешним миром, с европейскими державами.

В хатте содержалось признание необходимости гарантий безопасности жизни, достоинства и имущества всем подданным, без различия вероисповедания; объявлялось об отмене откупной системы и о приведении налогов в соответствие с доходами подданных; провозглашалось равенство перед законом всех подданных султана независимо от социального положения и вероисповедания, а также гласность судопроизводства и отмена конфискаций имущества осужденных; и как воплощение равенства мусульман и христиан, последним было обещано право служить в армии, срок службы в которой сокращался до четырех-пяти лет; содержалось указание на ограничение расходов на армию, другие нужды и введение гласного бюджета империи. Отныне светские законы, включая сам хатт, признавались стоящими выше единоличной воли султана.

Хатт, несмотря на включение в него особо оговоренного (и отдельно отмеченного в протоколе заседания совета высших должностных и духовных лиц империи)

* Как правило, хорошо информированная русская военная разведка в Стамбуле после этого события еще полгода выясняла, как могло случиться, что подготовка окончательного документа и день оглашения оказались неизвестными Петербургу. Редкий прокол! На том же уровне — разведенных рук — оказались и их коллеги с Запада.

соответствия шариату, был первым документом, который султан-халиф отменить не мог. Султан, высшие духовные и светские чиновники поклялись строго исполнять все постановления документа. Отмена его исключалась.

Указ впервые предназначался для невиданно широкой аудитории — всех подданных империи. Следует отметить в связи с этим, что в хатте содержалось отступление от принципов шариата второстепенного характера — признание немусульманина юридически полноправным лицом при даче свидетельских показаний в суде. Сохранялся, однако, в незыблемости принцип недопущения немусульман к делам государственного управления; немусульманам по-прежнему был закрыт доступ к высшим постам в политической структуре Османского государства.

Документ был заранее переведен на французский, итальянский, греческий и другие европейские языки. В этих текстах, распространявшихся в Западной Европе и в балканских провинциях, речь шла о подданных независимо от религиозной принадлежности, использовался термин “христиане”. В турецком подлиннике и в арабском варианте перевода говорится о “мусульманах и иных народах империи”. Подобная двойственность предопределила судьбу хатта.

Хатт-и шериф систематизировал те отдельные реформаторские акты, которые принимались с конца XVIII в., т.е. со времен султанов Селима III (1789–1807 гг.) и Махмуда II (1808–1839), и которые так или иначе затрагивали положение христианских и других немусульманских подданных султана. Большинство нововведений Селима III и Махмуда II, направленных в первую очередь на укрепление армии, либо отвергались населением балканских провинций, либо вызывали бунты местной мусульманской верхушки.

Вместе с тем в 20–30-е гг. XIX в. было проведено несколько реформ, подготовивших почву для Гюльханейского хатт-и шерифа. В 1826 г., как говорилось выше, был ликвидирован корпус янычар, один из самых губи-

тельных военно-политических османских институтов. В начале 1930-х гг. началась повсеместная ликвидация тимариотской системы, в рамках которой держатели земельных наделов (основа османской армии — турки-сипахи) насаждали барщинные отношения, многократно увеличивая эксплуатацию крестьян, как мусульман, так и немусульман. В конце 20–30-х гг. активизировалось развитие торговли, ремесленного, включая оружейное, производства, было построено несколько фабрик в Европейской Турции. Старая налоговая система и сбор хараджа — налога с христиан не изменились. Однако недовольство ими было столь велико, что широко обсуждались и в верхушке христианских общин — миллетов, и в правящей турецкой элите варианты изменений налоговой системы. Как отметил современный турецкий историк Х. Иналджык, население ожидало от нового султана Абдула Меджида I в первую очередь снижения налогов. В хатте по случаю воцарения нового султана ни слова о налогах не было, и это вызвало волнения крестьян в ряде областей Европейской Турции.

В 1834–1839 гг. было установлено новое административное деление, введена европейская система в государственный аппарат управления и администрацию на уровне провинций, включая балканские территории. Проведение всех мероприятий требовало поддержки властей со стороны христианского населения, тем более важной, если учесть, что славяне, греки, жители Дунайских княжеств — христиане составляли не менее 10–12 млн человек, большую часть населения Европейской Турции, а турок во всей империи было 13 млн. При этом мусульманское население, подстрекаемое фанатиками-улемами и феодалами-турками, выступало против “гяурских” нововведений Махмуда II.

Своеобразным предшественником хатта 1839 г. явился ферман 1837 г. к власти Румелии с требованием обеспечить личную и имущественную безопасность христиан и пресекать злоупотребления мемуrow — чиновников.

Из дипломатических кругов становилось известно, что в аппарате Высокой Порты обсуждаются проекты

документов, по которым турки и христиане на условиях полного личного равенства могли бы заниматься торговлей и судоходством.

Правительственная газета “Таквим-и векаи” в номере от 7 июля 1838 г. опубликовала правительственное сообщение, в котором содержалось требование об упорядочении сбора налогов в строгой зависимости от дохода. Подчеркивалось, что это в равной мере относится к мусульманам и к христианам. Широкую известность на Балканах получило письмо Решид-паши в адрес белградского мухафиза, в котором Милош Обренович обвинялся во взяточничестве и нарушении благоположения христианских подданных султана. Состоялся, по инициативе самого султана, ряд процессов над чиновниками-мздоимцами из Европейской Турции. Об этом сообщала турецкая печать, перепечатки статей появились в Европе.

Первым и, вероятно, до 1838 г. единственным учреждением, где на равных правах были представлены мусульмане и немусульмане (2 из них выходцы из Румелии), стал Высший совет по делам карантинной службы, созданной в 1831–1837 гг.

В связи с реорганизацией в 1834–1837 гг. на европейских принципах дипломатической службы Османской империи в штатах турецких посольств за рубежом и в канцелярии внешнеполитического ведомства — амеди — появилось до 200–250 советников и переводчиков, выходцев из балканских провинций, людей образованных и безусловно владевших несколькими европейскими языками. Отношение к ним, их собственное положение в Османской империи также не укладывалось в привычные рамки бесправного иноверца.

Необходимость изменений в положении христианского большинства населения Европейской Турции заставила Махмуда II и его окружение совершить в 1837 г. поездку в Румелию, в ходе которой в Шумле (Шумен) он публично подчеркнул равенство в его глазах всех подданных без различия веры. Современники отмечали, что смерть Махмуда II в июле 1839 г. вос-

принималась населением Европейской Турции как крушение надежд на реформы.

Определенные меры, предпринятые Высокой Портой в отношении немусульманского населения, не были последовательной политикой в национальном вопросе. Они отражали скорее приспособительную реакцию Высокой Порты на рост национально-освободительной борьбы балканских и других народов в условиях расширения внешнеполитических и внешнеэкономических связей с европейскими державами и сокрушительных военных поражений в 1820-х гг., поставивших под сомнение защиту слабой армией государственных интересов.

Национально-революционные войны сербов, греков в 1804–1813, 1821–1830 гг., автономия Сербии и независимость Греции, бесчисленные восстания других христианских подданных поставили турецкие правительственные круги перед выбором — обновление традиционных форм управления и модернизация армии или дальнейший распад империи. Проекты появлялись и в XVIII в., и в начале XIX в. Различна была судьба их авторов.

Однако идеи забыты не были. Они изучались, в частности, теоретиком реформ крупным государственным деятелем танзимата Садыком Рифат-пашой.

Основные принципы хатта 1839 г. были сформулированы Садыком Рифатом в труде “Относительно реформ в Османской империи”. Подготовленный наряду с заметками о конкретных формах преобразований в положении подданных султана и в организации нового административного управления в 1837–1839 гг. в бытность Садыка Рифат-паши послом в Австрии, его труд содержал, помимо обобщения представлений о влиянии прогресса в жизни европейских народов на Османскую империю, учет опыта управления балканскими провинциями, осознание необходимости реформ в их положении.

Другим крупным реформатором-практиком был Муштафа Решид-паша. Оба эти деятеля основными силами в проведении реформ считали подготовленные чинов-

ничьи кадры из турецкого или по крайней мере мусульманского населения. Инициатором, безусловно, мыслилась Высокая Порта. В отличие от Садыка Рифат-паши Мустафа Решид-паша в подготовке и проведении в жизнь положений хатта 1839 г. в большой степени полагался на иностранное давление на издерганного борьбой за влияние между придворными группами шестнадцатилетнего султана Абдул Меджида I.

Еще в 1837 г. Мустафа Решид-паша подал Махмуду II докладную записку, основной упор в которой делался на реформы в военном деле, сельском хозяйстве и торговле, в развитии транспорта и строительстве фабрик, которые одобряются Англией и будут поддержаны державами. Обращение к интересам немусульманского населения отмечается уже в ходе работы Решид-паши над текстом хатта 1839 г. и под влиянием очевидных неудач в его реализации. В период работы совместно с Садыком Рифат-пашой над проектом хатта, в августе 1839 г., в беседе с Г. Пальмерстоном Мустафа Решид-паша просил содействия держав, в первую очередь Англии, в том, чтобы убедить султана и его консервативно настроенных ближайших советников провести реформы для немусульман, которые обеспечили бы им права на жизнь, достоинство и имущество.

Предложив Г. Пальмерстону в качестве меры воздействия на султана угрозу бунта пашей в европейских провинциях, отделение Сербии и Дунайских княжеств, Решид-паша по существу ставил в зависимость от политики держав реализацию программы реформ и создавал своего рода прецедент вмешательства во внутренние дела Османской империи, поскольку занимал официальный пост турецкого посланника в Лондоне (см. ниже).

Два года спустя, находясь временно в отставке, Решид-паша направил К. Меттерниху меморандум, в котором вновь предложил в качестве меры воздействия на турецкое правительство, недостаточно, на его взгляд, энергично проводившее в жизнь реформы, — угрожать разделом Османской империи. Вновь фигурировали Сербия и Дунайские княжества.

Можно пространно дискутировать, являлись ли обращения реформатора Мустафы Решиды за принудительной помощью к державам элементами тактики или плодом заблуждений. Очевидно, что обе формы реализации постановлений танзимата — через систему собственных мероприятий Высокой Порты или через оставшееся до 1856 г. в проектах иностранное вмешательство, — не отвечали интересам населения балканских провинций.

Как отмечено в турецкой историографии, Гюльханейский хатт-и шериф, хотя и способствовал укреплению собственности турка — воина и земледельца, — не имел значения аграрной реформы, не содержал сколько-нибудь определенных экономических планов или программы протекционистских мероприятий, в которых остро нуждалась быстро развивавшаяся торговля европейских провинций. Если принять во внимание надежды большинства немусульманского населения, то можно сказать, что хатт 1839 г. не столько обеспечивал их права, сколько упорядочивал и систематизировал обязанности властей по поддержанию прежней системы османского управления, объектом которого оставались христианские и другие немусульманские подданные.

Как писал турецкий историк Энвер З. Карал, в 1839 г. началось становление государственной системы, основанной на правовых нормах в их западном смысле и базировавшееся на принципах, провозглашенных Декларацией прав человека эпохи Великой французской буржуазной революции. Э.З. Карал и другие турецкие историки подчеркивали танзиматские принципы равенства османских подданных вне зависимости от религиозной и национальной принадлежности. Они усматривали в этом как бы залог всей последующей “европеизации”. Впрочем, в одной из своих последних прижизненных публикаций (1983 г.) Э.З. Карал признавал натянутость этого тезиса, отсутствие вопроса о военной службе и отмечал, что многие реформы, проводимые “сверху”, властью султана и верхушки везиров-

реформаторов, получивших европейское образование (“отступников ислама”, с точки зрения “правоверных” фанатиков), встречались в штыки мусульманской чернью, которая была под влиянием мусульманского духовенства и, между прочим, составляла основную часть иррегулярных османских ополчений.

Следует подчеркнуть, что сама идея “равенства” мусульман и зимми-иноверцев, тем более в вопросе о допуске в армию, была изначально несовместима с фундаментальными принципами мусульманского права, на котором строилась политическая система Османской империи. В этом праве была заложена допустимость и желательность в определенных пределах покровительства мусульманского государства над подданными-немусульманами, но отнюдь не признание права на участие в воинской службе — одном из важнейших принципов гражданской полноправности последних. Сложившаяся веками практика сегрегации османских подданных по этноконфессиональному признаку и запрета на оружие (воинскую службу) могла быть сломлена только новым подъемом освободительного движения немусульманских народов империи.

Однако осознание этой исторической реальности сложилось не сразу. Первая реакция немусульманского населения на хатт также была связана с надеждой на ограничение всевластия османских военных и гражданских правителей, с надеждами на установление терпимости Высокой Порты и ее чиновников к немусульманам, о чем периодически припоминали христиане на Балканах со ссылкой на шариат. Особенно тогда, когда бунтующие паши были готовы отделиться от османской империи. Как писал Х. Иналджык, у христиан появилась какая-то вера в закон, появилась смелость бороться за свои права. Причем эта борьба как бы освящалась все теми же исламскими уложениями.

Нельзя не признать вместе с тем, что хатт легализовал реформаторское движение в Османской империи. Открывались определенные возможности вовлечения в него немусульманских кругов, связанных с внешней

торговлей и, следовательно, с европейскими державами, а также лиц, защищенных капитуляционными иммунитетами и находившихся на турецкой дипломатической службе или состоявших при штате европейских посольств в Турции. Это были количественно ограниченные силы, не определявшие социального прогресса ни в балканских провинциях, ни в империи в целом. Но кто видел, чтобы социокультурные метаморфозы носили обвальный характер и одновременно продвигали все общество вперед и вверх по лестнице цивилизации!

Мусульманское население восприняло обстановку принятия документа, облеченного в традиционные формулы Корана, наконец, нарочито упрощенные предписания хатт-и шерифа как воплощение заветов пророка Мухаммеда о заботе правителя о благе подданных. Поэтому на первых порах массы мусульман отнеслись к документу как к эпохе праведных халифов, как к оплоту справедливости против своеволия нашей и государственных мужей всех рангов. При этом часть (и значительная) “мужей пера” вздохнула с облегчением, ибо освобождалась от дамоклова меча расправы без суда и следствия со стороны Августейшего Порога — султана и его окружения.

Как писал Э.З. Карал, хатт встретил “две группы врагов”. Во-первых, решительное противодействие хатт-и шерифу оказывали на всех стадиях его подготовки и внедрения влиятельные круги высшего мусульманского духовенства, верхи бюрократического аппарата, армейское командование.

Во-вторых, высший, богатый слой христианских миллетов, сам глава константинопольского патриархата; греки-фанариоты на военной и дипломатической службе в посольствах также оказались в числе решительных противников хатта.

Непоследовательность составителей документа, бесчисленные злоупотребления местных турецких властей, особенно на Балканах, не в последнюю очередь прозападная, порой весьма демонстративная ориентация самого известного практика реформ Решид-паши вскоре

увеличили число противников хатта как среди христиан, так и среди мусульман.

Хатт-и шериф, призванный сплотить все население империи во имя сохранения и укрепления мифического “османского” единства, содействовал, вопреки замыслам его авторов, углублению этнорелигиозных и социальных конфликтов в балканских провинциях Порты, объективно стимулировал процессы национального возрождения балканских народов, причем путем вооруженного противостояния османскому центру власти и разобщения этносов — как следствие.

Направленность хатта на приведение отживших институтов в соответствие с требованиями эпохи, т.е. по существу с требованиями развивавшегося на Леванте и на Балканах капиталистического уклада, была обречена на неудачу в силу несовместимости традиционных османских институтов и капиталистических отношений, настойчиво пробивавших дорогу во всех сферах жизни. Новая волна восстаний на Балканах, в первую очередь в Нише в 1841 г., свидетельствовала о крахе первых иллюзий о реформах сверху. Хатт, точнее, форма его проведения в жизнь, ускорили новый подъем освободительных движений в Балканах, придав дополнительную остроту отношениям Высокой Порты с Египтом, ближе всех, после Греции, оказавшимся “у ворот в независимости”.

Рассмотрим эту, последнюю, модель конфликта “метрополия — периферия” на ином, не балканском, а египетском материале.

Борьба за “новый Босфор”. Пример интегративной модели выхода из конфликта

Соотношение внутренних и внешних факторов в формировании ядра конфликта весьма наглядно прослеживается на обстоятельствах, предшествовавших принятию решения о строительстве Суэцкого канала, что стало огромным шагом мирового цивилизационного

процесса. Каир и Стамбул объективно были активными участниками этих перемен в мире.

Интересы держав, противостоявших друг другу в зоне Восточного Средиземноморья, составляли основной потенциал конфликта в регионе. В то же время действия великих держав по поводу суэцкого проекта и реакция на них египетского правителя Мухаммеда Али и султана Османской империи могут характеризоваться как конфликтное поведение кобеллигерентов.

Отличительными особенностями ситуации стали дестабилизирующие и часто взаимоисключающие акции держав. Выходом же из конфликта стало частичное изменение представления о ситуации у участников конфликта под воздействием поисковой инициативной политики Мухаммеда Али.

В конце 1830 — начале 1840-х гг. в системе международных отношений на Ближнем Востоке приобрел большую остроту вопрос о Черноморских проливах и проблема коммуникаций между Западной Европой и Средним Востоком, Индией. В соответствии с Лондонскими конвенциями 1840–1841 гг. Босфор и Дарданеллы были поставлены под коллективный контроль держав. Однако очень скоро Россия и Франция оказались оттеснены, преобладание, причем значительное, получила Англия*.

Политика “свободной торговли и свободных рук” могла быть распространена Англией и на другие территории Османской империи, прежде всего на сильный и фактически независимый Египет — потенциальный центр объединения арабов.

В конце 1830 — начале 1840-х гг. между египетскими силами, представленными фактически независимым от османского правительства пашой Египта Мухаммедом Али, и соперничавшими между собой Англией, Францией и Австрией развернулась борьба за Суэц —

* Этот сюжет получил подробное освещение в коллективных монографиях с участием автора этих строк: Международные отношения на Балканах 1830–1856. М., 1990; Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978, ряде статей (см. Библиографию).

оптимальный путь из Средиземного моря к странам бассейна Индийского океана.

После захвата в 1834 г. о. Сокотра, в 1839 г. Адена, а также после серии соглашений, навязанных шейхам Договорного Омана, Маската и Бахрейна, Англия имела в зоне Персидского залива и Красного моря лишь одного реального соперника — Мухаммеда Али, укрепившегося в Неджде и аль-Хассе и угрожавшего факториям Ост-Индской компании на Бахрейне и в Омане. Англо-австрийская интервенция в Сирии в 1840 г. и антиегипетские выступления в Ливане и Палестине положили конец планам правителя Египта создать общепарабское государство, включающее Египет, страны Леванта и Аравию. При этом Франция, не оказавшая Египту военную помощь, на которую так рассчитывал в 1840 г. Мухаммед Али, и не поддержавшая его на Лондонских конференциях, рисковала своими позициями в Египте и начала искать новые средства для их укрепления.

Одновременно ширилась торговая экспансия Англии, Франции и Австрии в Малую Азию и страны Богородатного Полумесяца. Экономическая жизнь в приморских городах Восточного Средиземноморья переориентировалась из центров национального производства в центры обслуживания внешней торговли с западными державами и в опорные пункты проникновения Англии и Франции во внутренние районы Азии и Африки.

“Революция” в морском транспорте 30–40-х гг. XIX в. и переход к паровому и крупнотоннажному флоту использовались державами для обслуживания растущего грузопотока между Европой и Востоком и для оперативной переброски крупных контингентов колониальных войск.

После 1834 г. были установлены регулярные пароходные сообщения между английскими и черноморскими портами Турции, Бейрутом, Александрией. В 1834 г. открылись линейные рейсы Марсель — Александрия. Спустя три года в портах Египта и Сирии появились пароходы под австрийским флагом.

К началу 1841 г. 76 пароходов Англии, Франции и Австрии поддерживали регулярные рейсы между Европой и портами Египта и Сирии. Часть из них приняла участие в высадке десанта во время Сирийской экспедиции держав против египетских войск.

Узкому и ровному Суэцкому перешейку как будто самой природой было предуготовлено стать местом соединения Средиземного моря и Индийского океана посредством судоходного канала.

Планы строительства такого канала уже вынашивались на протяжении многих лет. Наиболее обстоятельно к проектам строительства морского канала через Суэц подходили во Франции. При этом правительственные круги Франции исходили прежде всего из стратегических соображений: речь шла о стремлении противопоставить французское влияние в Египте британскому в Турции. Для Англии же проблема заключалась прежде всего в установлении контроля над транзитным путем Средиземное море — Суэц — Персидский залив и в вытеснении Франции из Египта, подобно тому, как это было сделано с Россией после установления английского контроля над транзитом Босфор — Трабзон — Тебриз.

Египетский владыка Мухаммед Али, прекрасно сознававший важность надежных коммуникаций как для развития экономики Египта, так и для поднятия его международного авторитета, позаботился о регулярном караванном сообщении между Средиземноморским побережьем (Александрия), Каиром и Красным морем (Суэц). С 1819 г. действовали канал Александрия—Атф на розетском рукаве Нила и несколько небольших, но тщательно оберегаемых от заносов каналов в низовьях Нила. Караванным путем и каналами пользовалась в 1841–1846 гг. Египетская транзитная компания, принадлежавшая английскому капиталу, но находившаяся под контролем чиновников Мухаммеда Али, лично следившего за своевременным повышением тарифов в зависимости от изменения мировых цен. Несмотря на многочисленные представления английских и австрийских

консулов, капитаны и экипажи судов, перевозивших европейские товары во внутренних водах Египта и в Красном море, набирались только из египтян. Флаг поднимался османский, ибо Мухаммед Али формально, из тактических соображений, сохранял видимость вассальной зависимости по отношению к султану.

В январе 1842 г. представителям европейских торговых компаний и дипломатам было объявлено, что Египет будет стремиться к созданию собственного торгового флота, способного широко участвовать в торговле между Востоком и Западом. Защищалось также право египетских властей устанавливать режим навигаций на Ниле и в каналах — как существующих, так и будущих, в соответствии с интересами страны.

Мухаммед Али, его сын — выдающийся арабский военачальник и государственный деятель Ибрахим-паша, их ближайшие сподвижники Нубар Богос-бей и Артин-бей трезво оценивали неравные шансы Египта в борьбе за независимое политическое положение и торговые позиции и очень настороженно отнеслись к серии проектов торговых путей через Египет или Левант далее на Восток.

Известно, что с начала 1830-х гг. правительство Англии и правление Ост-Индской компании уделяли особое внимание изучению перспектив направления грузопотока Англия—Индия через Суэц или через Тигр—Евфрат. Серию переговоров по этому вопросу вели с османским правительством посланники Англии в Константинополе и торговые представители Ост-Индской компании. В свою очередь, Франция в ходе Лондонских переговоров о Черноморских проливах в 1840 г. предлагала обязать Порту открыть и Евфрат, и Суэцкий перешеек для “свободной транспортировки” товаров европейских держав. Предложение было отклонено Англией и Россией, но французские дипломаты продолжали возвращаться к нему в контексте разговоров о международной опеке над святынями Палестины и над христианским населением Леванта.

В июле 1840 г. Мухаммеду Али были предложены два французских проекта морского судоходного канала:

Суэц—Каир протяженностью в 142 км и Суэц—Пелуза (к востоку от нынешнего Порт-Саида) — в 160 км. Французские представители убеждали правителя Египта, что акционерная компания А. Кордые и К° не только построит в течение 5 лет канал глубиной до 10 м и шириной до 60 м, но и проведет со временем железную дорогу вдоль канала, “устроит в зоне канала показательные сельскохозяйственные и ремесленные поселения”. Стоимость проекта оценивалась в 25 млн франков. Капиталы и техника предоставлялись в долг компаний А. Кордые и К°, 10–12 тыс. постоянных рабочих — от Египта; предусматривалось погашение долга в период строительства.

В объяснительной записке подробнейшим образом расписывалось, как повелитель Египта станет “политическим властелином” важнейших торговых артерий между Европой и Востоком. Мухаммеда Али убеждали, что вся Европа от Испании и Франции до Англии и Голландии станет ревниво соблюдать “неделимость, нейтралитет и независимость” Египта. Режим эксплуатации канала и право собственности на него, однако, в записке не затрагивались.

Внимание каирских властей привлекал в это время проект французского инженера Л. де Беллофонда, возглавлявшего в Египте ведомство дорог и мостов. Разработанный им по личному приказу Мухаммеда Али проект предусматривал строительство 180-километрового канала от Пелузы через полузабытые каналы фараонов, озеро Тимсах и Горькие озера до Суэца. При глубине в 9–10 м и ширине 50 м канал мог быть построен, согласно расчетам де Беллофонда, за 365 дней непрерывной работы 10 тыс. египетских солдат. Относительно невысокая стоимость — 3,75 млн франков — и возможность обойтись без участия европейского капитала привлекли “живой и деятельный ум истребителя мамлюков”.

Разрабатывавшийся и обсуждавшийся в самом узком кругу советников (на этом настаивал Мухаммед Али) проект, однако, стал известен резиденту Ост-Индской

компании в Александрии и через него “большой прес-се” Великобритании. Как писал российский консул в Александрии Л.И. Кремер, английские газеты сделали все возможное, чтобы дискредитировать идею египетского морского канала как в техническом, так и в политическом плане.

Английский посол в Константинополе Стрэтфорд-Каннинг, в свою очередь, не жалел усилий, убеждая Порту запретить любой проект “нового Босфора” как опасный для Османской империи и для мусульманского мира, поскольку он исходит от мятежного паши и приблизит коварную Европу к святым местам — Мекке и Медине.

Уместно напомнить, что в марте–апреле 1842 г. Каир и Константинополь “согласно отвергли” все домогательства Стрэтфорд-Каннинга, требовавшего разрешить транспортировку через Суэц и Красное море 20-тысячного экспедиционного корпуса для военных действий в Афганистане.

В то же время начал быстро обростать техническими деталями первый реальный проект займа Порте в 300 млн курушей (3 млн ф. ст.) от группы лондонских банкиров. Кроме того, Ч. Макгрегор, экономический советник британского посольства, один из авторов известной конвенции 1838 г. (см. ниже), представил Порте проект судоходного канала Кюстенджи—Силистрия в обход “русского” устья Дуная. Одновременно он вел переговоры с министрами торговли и финансов Турции о заключении англо-австрийско-турецкого договора, предусматривавшего создание обширной зоны “свободной торговли” от Адриатики до Ирана.

Во всех проектах, на всех переговорах звучала одна общая мысль: Порте трудно контролировать положение на всей территории империи от Балкан до Аравии, ей следует полагаться на английских друзей, которые позаботятся и о спокойствии на османских землях, и о выгодах для султанской казны.

Проекты Ч. Макгрегора стали известны послу России в Лондоне Ф.И. Бруннову, сообщившему их в Петербург.

Все эти планы и пояснения Стрэтфорд-Каннинга вызвали большое беспокойство в Константинополе. Заем был отвергнут. Ибрахиму-паше рекомендовали отклонить проекты канала Суэц — Пелуза.

Порта искала у России поддержки по вопросам навигации по Дунаю, на Черном море, а также в отношениях с Австрией и Ираном. Однако в России не сумели оценить благоприятную ситуацию и не проявили активности.

В правительственных кругах России сложилось ошибочное убеждение, что Порта выдержит давление держав и при этом вполне способна собственными силами завершить подчинение мятежного египетского паши. Снижение активности русской дипломатии после заключения Лондонского договора 1840 г. о режиме Проливов продемонстрирует, как неоднократно подчеркивал К.В. Нессельроде, “уважительное отношение России к суверенным правам султана” и “придаст новый импульс благожелательному влиянию России в Турции”.

При этом К.В. Нессельроде обращал внимание царя и министров на действительно неоднократно повторявшиеся заявления министра иностранных дел Турции Мустафы Решид-паши о готовности Высокой Порты строго выполнять все принятые совместно с великими державами постановления о режиме Проливов.

Однако эти заявления учитывали ситуацию только вокруг Черноморских проливов. О том, что касалось ситуации в Египте, на Суэце, в Красном море, на других аравийских территориях, Мустафа Решид-паша, искусный дипломат и большой мастер длинных, неудобопонимаемых заявлений в адрес России и западных держав, просто умалчивал. Он надеялся найти компромисс на прямую с Великобританией. Напрасно...

В Лондоне понимали, что ни Франция, ни Россия не допустят исключительного влияния Англии на египетских коммуникациях, и поэтому, отвергая на словах идею строительства столь нужного британскому флоту канала, все же активизировали восточную политику своего австрийского партнера. Одновременно началась

подготовка экономического соглашения египетских властей с Ост-Индской компанией под гарантией британского кабинета.

Как известно, Австрия в период кризиса 1839–1841 гг. действовала согласованно с Англией. Кроме того, в Вене большое внимание уделяли возможности использовать Суэц как транзитный путь для австрийских товаров. Емкость собственно египетского рынка австрийский канцлер К. Меттерних оценивал в 1,5 млрд флоринов ввоза из Австрии и в 200 млн флоринов вывоза из Египта. 5600 австрийских судов общим тоннажем в 2,8 млн т могли бы, по мнению Меттерниха, принять участие в перевозках через Суэцкий морской канал, вывести Австрию к Красному морю. Данные были собраны генконсулом Австрии в Александрии А. Лорином, в дополненном виде разосланы К. Меттернихом австрийским представителям в Османской империи и стали известны в дипломатических кругах.

Один из блестящих умов Европы, Меттерних мыслил широкими категориями. Он держал в поле зрения и Левант, и Балканы. В эти годы Меттерних полагал, что при определенных условиях Османская империя может распасться, по крайней мере, на две части: балкано-европейскую и азиатскую. При этом Мухаммеда Али надо держать возможно дальше от Черноморских проливов и от Балкан. Меттерних не раз напоминал, что египетские войска разгромили греков в 1824–1827 гг. “Можно дать Мухаммеду Али личный Босфор, — повторял австрийский канцлер. — Пусть получает по флорину с каждой тонны австрийских грузов, идущих через новый пролив. Только бы он был подальше от Дуная и от Балкан. Тогда и Черное море будет вполне спокойным, возможно, австрийским”.

В течение всей весны 1843 г. австрийский консул в Египте А. Лорин настойчиво убеждал Мухаммеда Али согласиться на осуществление проекта строительства канала. Однако правитель Египта убежденно доказывал, что ему нужен не один канал, а система каналов, связывающих воедино дельту Нила, Каир и побережья Средиземного и Красного морей через Суэц.

Как писал Кремер, “консул Лорин соблазнял пашу соображениями политическими и династическими”. Он подсчитывал при этом доходы Порты от сбора пошлины с судов, идущих через Босфор, и разжигал зависть у египетского пашы по поводу баснословных барышей от нового Босфора.

Австрийский консул называл цифру в миллион турецких курушей в год и убеждал Мухаммеда Али, что строительство канала будет стоить столько же. По сведениям русского консула, Мухаммед Али “резонно отвечал, что только от транзита европейских товаров Египет в 1840–1842 гг. получил бы по 50 тыс. фунтов стерлингов чистой прибыли, не говоря уже о включении его в активнейшую торговлю между Европой, Персидским заливом и Индией”.

Переводчик на этой беседе, получавший за поставляемые сведения немалые деньги от русского консула, прибавлял, как всегда, массу подробностей об обстоятельствах переговоров.

В частности, он сообщил, что Мухаммед Али был раздражен, все время, вопреки обычной величавости, вставал с миндера, в сердцах пинал многочисленные подушечки, а Лорин тотчас тоже вскакивал и ходил за пашой, заглядывая ему в глаза слева и сбоку...

В течение 1844 г. австрийский консул в Александрии еще и еще обращался к Мухаммеду Али, объясняя все выгоды и преимущества нового канала. С середины 1844 г. К. Меттерних распорядился акцентировать необходимость международного гарантированного статуса египетского канала. Два обстоятельства — события 1843 г. в Сербии и интернационализация Черноморских проливов позволили австрийской дипломатии выступить в июле 1844 г. с инициативой установления международного статуса канала, который будет проложен на Суэце.

Ближайшая задача, по словам К. Меттерниха, состояла в создании системы надежного контроля Австрии и Англии над судоходством в Средиземном море: “Чтобы решить эту проблему, столь же важную, как и но-

вую, надо достичь общего согласия о принципах навигации в новом Босфоре” на равных условиях с Дарданеллами и Босфором, т.е. исключить проход через новый канал всех военных судов. Впрочем, исключение допускалось — для военных кораблей Британской Индии и собственно Великобритании, но “только в интересах охраны английских колоний”, — подчеркивал К. Меттерних.

Международный статус нового канала должны были обеспечивать Англия, Австрия, возможно, и Франция. Россия исключалась. Порту следовало индемнизировать увеличением египетской дани, египетские власти — правом следить за маяками на канале, содержать лоцманов и определять тоннаж проходящих судов.

Меттерних поторопился. До начала работ на Суэце оставалось 17 лет, до открытия канала — 27 лет. Основная борьба за Суэц была впереди. Тогда, в 1843–1844 гг., и Англия, и Франция, и стоявшая в стороне от этих интриг Россия не поддерживали Австрию. В Каире и Константинополе проект Меттерниха не обсуждался вовсе.

Однако османское правительство хорошо видело, какую опасность представляет для него австрийская активность в османских водах вообще.

Еще в конце навигации 1842 г. Порты потребовала от австрийской Дунайской пароходной компании, осуществлявшей грузопассажирские перевозки на линиях Черного моря и по Дунаю, увеличения отчисления от фрахта в пользу османской казны и отчета о некоторых ее торговых операциях с оружием в турецких водах. Компания ответила на это требование категорическим отказом. Конфликт быстро приобрел межгосударственный характер, поскольку Вена немедленно прибегла к помощи английской дипломатии в турецкой столице для того, чтобы напомнить Порте о необходимости точно соблюдать торговые договоры 1838–1839 гг.

Попытка Дунайской компании бойкотировать перевозки не удалась: у трапов австрийских пароходов по-

явились турецкие патрули, а необходимые рейсы стали обслуживаться турецкими военными пароходами. При этом Порты весьма жестко отвергла представления английского посла Стрэтфорд-Каннинга в защиту интересов австрийской компании.

К весенней навигации 1843 г. австрийские правительственные круги отступили. Дунайская компания выполнила все требования Порты. Но Мухаммед Али прекрасно знал, что этот эпизод оставил очень неприятный осадок в австро-турецких отношениях. Власти из Стамбула дали знать правителю Египта, что не намерены терпеть “австрийского своеволия”, а в этот момент паша вовсе не желал ссориться с центром.

Поэтому Мухаммед Али продолжал поглаживать окладистую серебряную бороду, а австрийского консула слушал в пол-уха. Как заметил осведомитель, всякий раз, когда объявлялось о визите австрийского консула, паше приходило на ум заняться неотложными делами или:.. навестить гарем, а это, как известно, дело святое.

Стамбульские власти были крайне обеспокоены совпадением позиций Англии и Австрии по целому ряду проблем — по сербскому вопросу, по судоходству в Черном море, по проектам канала через Суэцкий перешеек. Порты искала поддержки своих позиций у посланников России — А.П. Бутенева и В.П. Титова. Посланники не очень отходили от инструкций К.В. Нессельроде, требовавшего чрезвычайной осторожности и умеренности, но действовали по обстоятельствам.

При дипломатической поддержке российских представителей было достигнуто соглашение между австрийской Дунайской компанией и полугосударственной Османской компанией морских перевозок о смешанном судоходстве по Дунаю. Часть рейсов была направлена в Египет. Порты демонстрировала сохранение своего суверенитета во всех османских водах, включая Египет.

В августе 1844 г. Порты отвергла требование Австрии об открытии консульства в Суэце. Среди причин отказа упоминались “своеволие австрийских судовладельцев на Дунае” и неоправданно большое число кон-

сульств Австрии в балканских городах Османской империи.

Однако вернемся к суэцким проблемам.

Обеспокоенная Франция попыталась нейтрализовать австрийскую активность. В частности, она поддерживала новую миссию в Египет сенсимонистов во главе с Б.-П. Анфантенем, продолжавших добиваться разрешения на постройку канала по своему собственному проекту. Одновременно в Александрию был послан новый генеральный консул — жесткий и энергичный генерал Ш.-Ж. де ла Валетт, вручивший Мухаммеду Али подробный проект постройки оборонительных сооружений в долине Нила, укрепленных карантинных на побережье Средиземного и Красного морей.

После провала инициативы К. Меттерниха изменилась и позиция Англии.

Принимая в середине декабря 1843 г. Артин-бея, английский премьер Р. Пиль настойчиво подчеркивал, что Великобритания не заинтересована ни в канале, ни в железной дороге через Суэц, а просит лишь гарантировать провоз почты в Индию. Впрочем, британский премьер недоговаривал. Внимание Лондона к проблеме Суэца вновь обострилось, когда были получены сведения, что Мухаммед Али и Ибрахим-паша, видимо, окончательно высказались в пользу сооружения внутреннего судоходного канала Каир—Суэц при одновременном завершении большой Нильской плотины. Контроль над грузопотоком Александрия—Каир—Суэц и создание орошаемых государственных плантаций хлопка представлялись правительству Египта предприятием более важным, чем морской канал Суэц — Средиземное море, отвечавший, по его мнению, интересам европейских держав много больше, чем интересам Египта. “А кроме того, — говорил Мухаммед Али, — я не хочу для Египта «нового Босфора» со всеми его старыми осложнениями”.

Подобная позиция несколько успокоила Лондон, так как, по крайней мере, на время исключалось участие Франции в создании канала на Суэце. А торговля

с Египтом облегчалась тем, что еще летом 1842 г. Египет был вынужден признать условия англо-турецкой торговой конвенции 1838 г.

Под руководством постоянного представителя Ост-Индской компании в Александрии капитана А. Лайонса, брата британского посла в Афинах, осенью—зимой 1843 г. инженеры транспортного отдела компании разработали проект 80-мильной железной дороги Каир—Суэц. Компания была готова выдать паше безвозмездную ссуду в 1 млн ф. ст. при сметной стоимости проекта не более 800 тыс. ф. ст. Правитель Египта должен был получать 40 тыс. ф. ст. в год в виде пошлины за провоз любых грузов и проезд гражданских или военных лиц через Египет. Технический и административно-финансовый контроль должны были осуществлять особые чиновники Ост-Индской компании.

Еще в мае 1842 г. Мухаммед Али выражал готовность открыть и обеспечивать своими средствами и силами египетский участок почтово-пассажирской трассы Лондон—Суэц—Бомбей с таможенным центром в Каире. Однако атмосфера откровенного ажиотажа, возникшая вокруг проекта железной дороги, встревожила и насторожила Мухаммеда Али.

Потребовалась миссия генерал-губернатора Индии Г. Хардинга в Каир в июле 1844 г., “совершенно случайная” встреча в Египте членов наблюдательного Совета Ост-Индской компании в сентябре 1844 г. А. Теранта и Э. Элленборо с вице-директором почтового ведомства Англии Р. Берном и консулом в Александрии Ч. Барнеттом, чтобы убедить правителя Египта отказаться от планов создания смешанной англо-египетской почтовой компании во главе с Ибрахим-пашой и согласиться на исключительные права Англии эксплуатировать важнейшую торговую артерию Египта Александрия—Суэц как часть магистрального пути Лондон — Бомбей. Компания сохраняла право на техническую разработку проекта железной дороги Каир—Суэц.

В период Крымской войны 1853–1856 гг. все попытки сохранить египетский национальный контроль над

Суэцем, важнейшей коммуникацией между Средиземным морем и Индийским океаном, были парализованы совместными действиями Англии и Франции.

Во всяком случае, Мухаммед Али продемонстрировал возможность применения в условиях второй четверти XIX в. интегративной модели выхода из конфликта, понятия не имея о том, что таковая будет вообще сформулирована позже, гораздо позже — в работе 1995 г., которую Вы сейчас читаете.

Николай I
Литография М.А. Алофа по оригиналу О. Верне

Генерал А.П. Ермолов, герой турецких
и кавказских войн, 1843 г.
*Художник — талантливый выходец из Чечни
П.З. Захаров (Захаров-чеченец)*

Князь А.С. Меншиков (1826 ?), участник войн
1828–1829 и 1853–1856 гг.
Художник Д. Доу

**Генерал-фельдмаршал М.С. Воронцов (1856), участник серии
русско-турецких войн, наместника Кавказа
*Художник Г. Виллевальде***

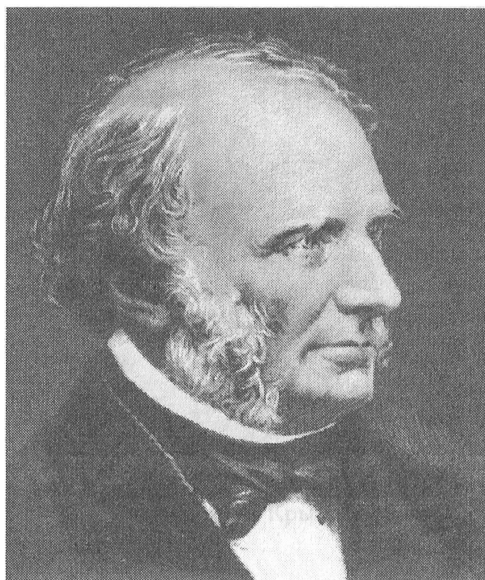
**Наполеон III, император Франции с 1852 г., один из
инициаторов Крымской войны**

Королева Виктория, 1842

Уильям Лэм, лорд Мельбурн, премьер-министр Великобритании (1835–1841), сторонник жесткой политики на Ближнем Востоке

Лорд Джон Рассел, премьер-министр Великобритании периода развязывания Крымской войны

**Генри Джон Темпл, лорд Пальмерстон, премьер-министр
Великобритании (1855–1865), ярый противник России**

**Сэр Генри Понсонби, автор первого военного и торгово-
политического договора между Англией и Турцией 1838 г.**

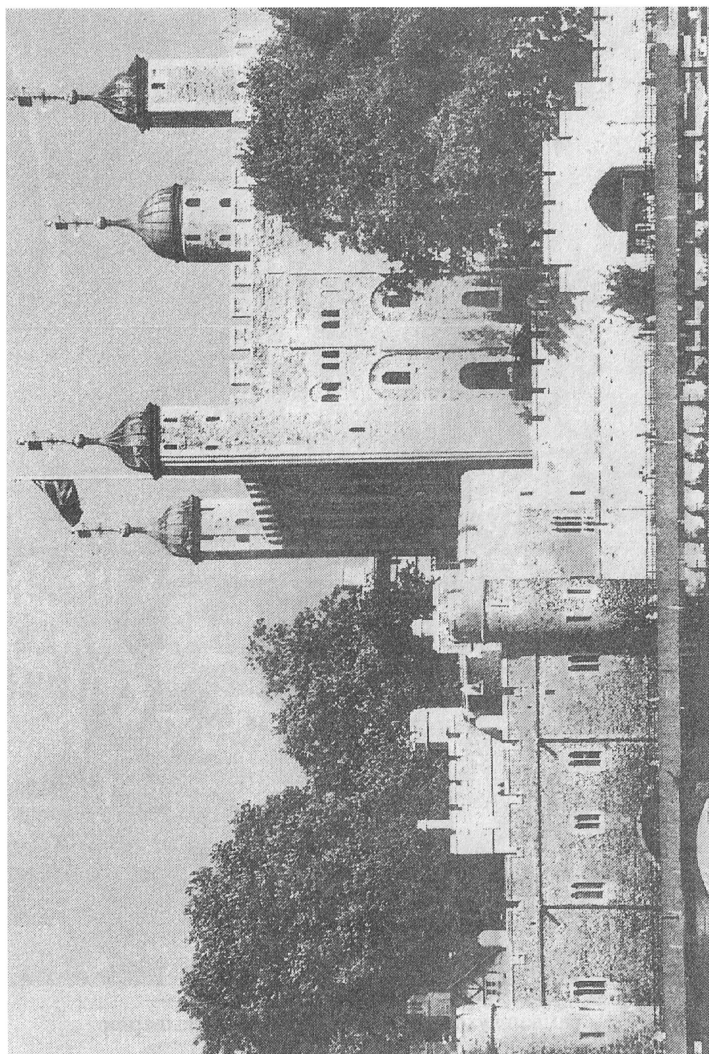
Султан Махмуд II

**Фельдмаршал Г. фон Мольтке Старший (1800–1891),
военный советник Махмуда II**

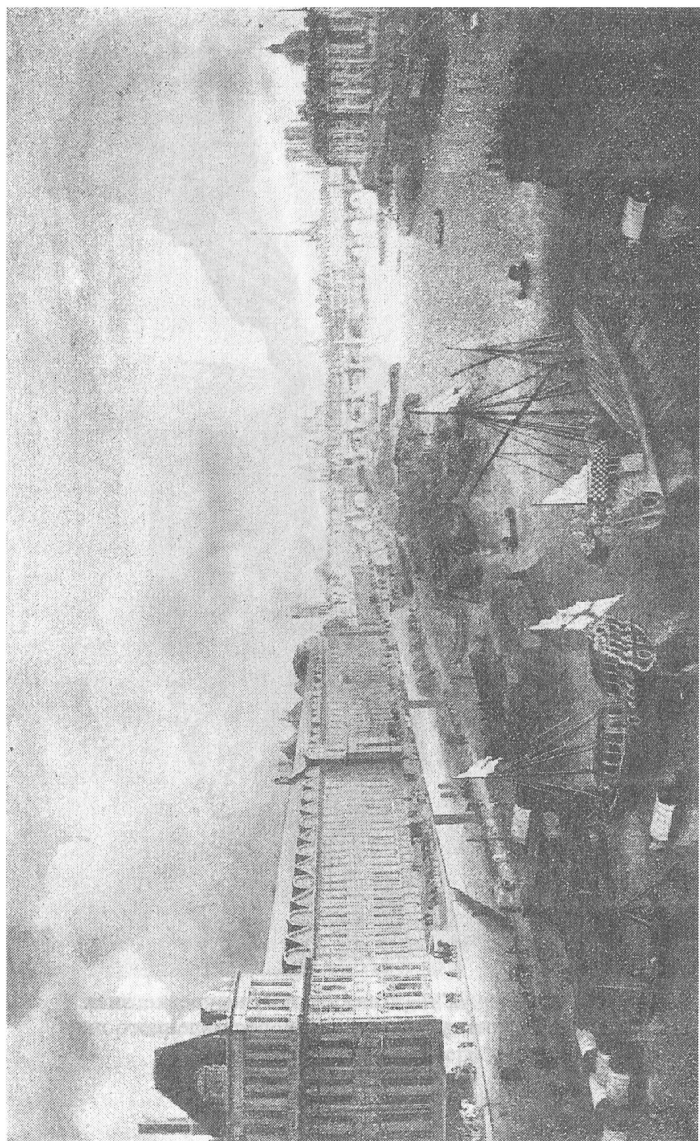
Памятник канадцам — участникам Крымской войны,
г. Галифакс. Современное фото

Древний Тауэр. Незыблемость традиций Британской империи

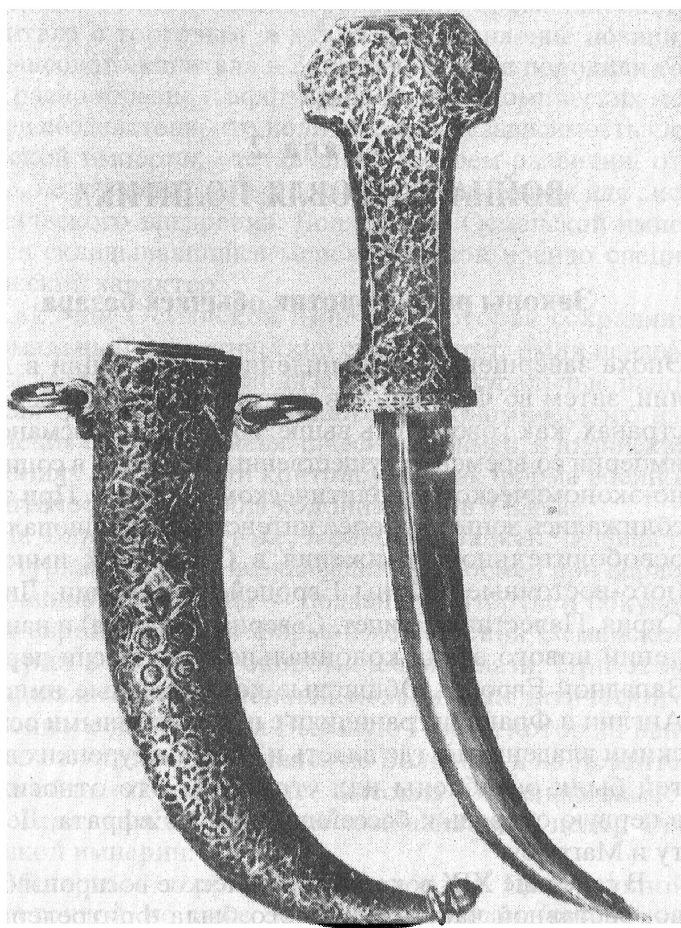
**Собор Святого Павла в Лондоне —
символ духовной жизни Британской империи**

Вид на Сену с торговыми судами и на Лувр, XVIII в.
Неизвестный художник

“Туг”, или “бунчук” — конский хвост на древке, знак
достоинства и чина турецкого высокопоставленного лица
Начало XVIII в.

Кинжал турецкой работы, обычное вооружение. На внешней стороне утолщенного на конце клинка широкий желобок, рукоять и ножны — серебряные

Глава 2

ВОЙНА, ТОРГОВЛЯ, ПОЛИТИКА

Законы рынка против обычаев базара

Эпоха завершения промышленной революции в Англии, затем во Франции и в других западноевропейских странах, как говорилось выше, совпала для Османской империи со временем существенных перемен в социально-экономическом и политическом развитии. При этом сближались зоны наиболее интенсивного национально-освободительного движения в Османской империи (юго-восточные районы Европейской Турции, Ливан, Сирия, Палестина, Египет, Северная Африка) и направлений нового этапа колониальной экспансии держав Западной Европы. Обширные колониальные империи Англии и Франции граничили с периферийными османскими владениями, где власть и влияние турецких властей были ослаблены или утрачены. Это относилось в первую очередь к бассейну Тигра и Евфрата, Леванту и Магрибу.

В середине XIX в. капиталистическое воспроизводство, составной частью которого была фритредерская торговля с формально независимыми странами Востока, в том числе с Турцией, повлекло за собой качественное изменение в отношениях колониальных держав с этими странами. Поскольку внеэкономические формы ограбления собственно колоний оказывались недостаточно действенными, требовались новые территории и, что еще важнее, новые формы эксплуатации, новые приемы прямого или косвенного воздействия на политику и экономику суверенных стран.

Процесс интенсивного сращивания промышленного капитала с торговым, а в 50-х гг. укрепление позиций финансового капитала в Западной Европе породили такое разнообразие и эффективность экономических методов воздействия, что политическая независимость Османской империи, отстававшей в своем развитии, отнюдь не являлась существенным препятствием для экономического внедрения. Вовлечение Османской империи в складывавшийся мировой рынок носило специфический характер.

Так, для Османской империи, которая сохраняла формальный и фактический суверенитет, были неизвестны вводившиеся колонизаторами натуральные налоги как форма насильственного неэкономического извлечения сырья, применявшиеся, например, в индийских колониях Англии, или контрибуции как форма военно-политического насилия колонизаторов в Китае.

На Ближнем Востоке, в районах Балкан, подвластных туркам, именно неэквивалентный обмен при неравноправности продавца — подданного Порты и покупателя-европейца стал формой вовлечения Османской империи в мировые экономические связи. При этом складывался определенный механизм политического и военного давления на Высокую Порту, который наиболее отчетливо проявлялся на Балканах и на Леванте, т.е. в областях иных, более высоких социально-экономических показателей, чем малоазиатский центр Османской империи.

Обширные территории не только Центральной и Восточной, но даже Западной Анатолии, прилегающие к Эгейскому и Средиземному морям, стали научно изучаться европейскими исследователями-современниками с точки зрения природных условий и сырьевых ресурсов только во второй четверти XIX в. Одновременно выявлялись существенные стороны социального и экономического процесса, связанного с внутренними реформами танзимата и активизацией внешнеэкономических связей Османской империи. Общее представление о внешнеторговых связях империи в середине XIX в. дает табл. 1.

**УЧАСТИЕ РАЗЛИЧНЫХ СТРАН ВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ
ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В 50-х гг. XIX в.***

Страна	Год	Ввоз в Осман-скую империю, млн фр.	Вывоз из Османской империи, млн фр.
Англия	1856	141,3 В том числе: собственно в Турцию 117,5; в Сирию и Палестину 19,3; в Дунайские княжества 4,3	80,0 В том числе: собственно из Турции 59,5; из Сирии и Палестины 3,4; из Дунайских княжеств 17,1
Франция	1856	91,9	131,5
Австрия	1850— 1851	73,1	59,7
Германские государства	1850	33,8	48,8
Россия	1850	23,1	16,2
Иран	...	25,0	3,0
Бельгия	1856	8,0	5,1
Голландия	1856	7,6	3,6
Сардиния	1855	2,9	5,8
США	1851	1,2	4,8
Португалия, Испания, Швейцария, Греция, Ионические о-ва, итальянские государства, Бразилия и др. (в среднем)	1850-е	30,0	14,0

Так, русские военные разведчики в Малой Азии М.П. Вронченко и П.П. Львов еще в 1830-х гг. обрати-

* По данным: *Heuschling X. L'Empire de Turquie. Territoire. Population. Gouvernement... Armee, etc. Bruxelles-Paris., 1860. P. 181—182; Michoff N. Contribution d'histoire du commerce de la Turquie et de la Bulgarie. Sofia., 1971. T. VI. P. 357.*

ли внимание на сравнительно быстрое распространение частнособственнических товарных хозяйств — чифтликков, производивших определенный вид продукции. Первыми из современников-наблюдателей они отметили не только многочисленность, но и начало специализации чифтликков, особенно в районах, прилегавших к морскому побережью и связанных с продажей части продукции за рубеж.

Окрепло материальное основание централизаторских начал административной власти в отдаленных провинциях. Этим поспешили воспользоваться западные державы, добивавшиеся введения консульств в городах, расположенных в глубинке и ранее никогда не служивших местом пребывания иностранных представителей.

В течение 1840–1850-х гг. процесс специализации отдельных сельскохозяйственных районов империи углублялся, что наиболее заметно проявилось в производстве зерновых. При самых примитивных средневековых способах земледелия в Малой Азии производилось около 25 млн киле пшеницы (киле — мера сыпучих тел, равная 40 л). В урожайные годы эти вполне удовлетворяло потребности местного населения. К середине XIX в. два района Анатолии — долина реки Бакыр и вилайет Амасья — стали специализироваться на выращивании твердых сортов пшеницы: на экспорт и отчасти для снабжения Константинополя.

Более высоким производительным потенциалом обладала Западная Анатолия, где, как писал еще один русский современник, глубокий знаток Востока, путешественник и разведчик по призванию П.А. Чихачев, “трудолюбивое и многочисленное население нуждается лишь в хорошей организации”. Один только район рек Большой Мендерес и Малый Мендерес давал на экспорт (через Смирну) от 250 до 300 тыс. киле высококачественной пшеницы. Всего же, по моим подсчетам, на основе обобщения данных русских и французских наблюдателей, Малая Азия производила в середине XIX в. до 100 тыс. т зерна на экспорт, что оценивалось до 25 млн франков. Однако это составляло не более 10%

экспортных возможностей. Большая часть денег, однако, составляла чистый доход экспортеров-иностранцев, который не подвергался налогообложению.

Современники неоднократно отмечали, что к середине XIX в. произошло значительное увеличение производства технических культур и сырья, имевшего спрос на мировом рынке. В этом плане очень показательна судьба ангоры — т.е. козьего пуха, получившего свое наименование по старой форме названия современной столицы Турции — Анкары.

Пуховых коз в районе Ангоры разводили издавна. Этот пух, а также козья и овечья шерсть в большом количестве вывозились в Кашмир, где использовались для производства шалей, получивших в мире название “кашемировых”. В Европе эти шали стали популярны в конце XVIII в. Во Франции моду на них ввела Жозефина Бонапарт, кузина матери Махмуда II Нахш-идиль, урожденной Эме де Ривери, о которой говорилось выше. Жозефина, бывшая одной из законодательниц мод Парижа, произвела фурор, появившись в свете задрапированной в очень тонкую и теплую, несмотря на соответствующую моде легкость и воздушность, шаль, присланную ее супругом из Египта. В Англии эти шали стали популярными еще раньше. В числе прочих диковинок их привозили из Индии так называемые “набобы”, т.е. чиновники Ост-Индской компании, добывавшие за теплыми морями изрядные состояния.

Мода на эти шали оставалась достаточно устойчивой вплоть до 1840-х гг. Соответственно, держалась и высокая цена на них — в Англии шаль размером два фута на шесть футов (т.е. наиболее часто встречающаяся) стоила, в зависимости от качества, от 15 до 30 ф. ст. — больше годового оклада рабочих и служащих многих профессий. Но в начале 1840-х гг. английские мануфактуры стали выделять хорошие машинные имитации кашемировых шалей. Они стали доступны широким кругам населения, но вследствие этого мода на них исчезла, цена резко упала. Это оказалось катастрофой для турецких производителей пуха.

Окончательный удар этой отрасли нанес промышленный кризис 1846–1847 гг. Крах потерпели и те двадцать казенных хозяйств по разведению овец и коз, которые были созданы правительством в Ангоре (Анкаре) и ее окрестностях и включали примитивные предприятия для первичной обработки козьего пуха и шерсти.

После окончания Крымской войны производство тончайшей козьей шерсти и пряжи частично возродилось, но с преимущественной ориентацией на местное производство ковров и тканей национального обихода. Мода на мохер вернулась лишь в 60-х гг. нашего века. Бросились к источнику — в зону Анкары, но тщетно...

Более благоприятно складывались производство и первичная обработка овечьей шерсти — традиционный вид сельскохозяйственной деятельности населения Малой Азии. К началу 1840-х гг. в Западную Европу вывозилось до 300 тыс. т необработанной, но высококачественной анатолийской шерсти. В 30–40-х гг. быстро рос вывоз шерсти в Англию и Францию из Европейской Турции. В начале 1840-х гг. Франция закупала и вывозила через Салоники до 150–200 тыс. окка шерсти (1 окка равна 1,225 кг), которая даже не нуждалась в предварительной мойке.

В течение 1839–1843 гг. Турция заняла первое место на марсельском рынке непряженной шерсти и опередила Россию, Италию, Северную Африку. Она удерживала эти позиции вплоть до промышленного кризиса 1847 г.

Казалось, что вся Европа носила изделия из турецкой шерсти, как через сто сорок лет Восточная Европа и Россия оделись в турецкую кожу...

Аграрные мероприятия турецкого правительства в 1840–1850-х гг. были направлены на кодификацию земельных реестров, активизацию обработки пустующих и государственных земель, нередко силами армии.

Созданный по инициативе главного проводника реформ в Османской империи Решид-паши, одной из главных экономических идей которого было всемерное увеличение экспорта, Совет по делам земледелия и промышленности дважды, в 1843 и 1845 гг. проводил выбо-

рочные обследования положения в сельском хозяйстве, обрабатывающем производстве и дорожном строительстве. Особое внимание комиссии Совета обращали на технические культуры, на способы их транспортировки к ближайшим портам и на возможности их переработки на месте для нужд военного производства.

По существу заботы правительства свелись к увеличению физического объема сельскохозяйственного экспорта и соответственно — доли казны от стоимости сырья и полуфабрикатов, вывозившихся за рубеж; интересы интендантского ведомства удовлетворялись лишь отчасти.

Совет Министров и Министерство торговли приняли ряд мер для повышения производительности труда в сельском хозяйстве: были созданы Агрономическая и Ветеринарная школы с приглашением преподавателей-иностранцев. Предпочтение оказывалось отставным офицером, унтер-офицерам и т.п. Всячески поощрялись продуктивные хозяйства, чаще всего возглавлявшиеся также иностранцами; спорадически выделялись кредиты мелким производителям экспортной продукции и пр. Эти меры не затрагивали основ феодальной собственности на землю. Однако в сочетании с преимущественным положением защищенного капитуляциями экспортера-иностранца или инонационала на внешнем рынке и с развитием хозяйств товарного типа в контактных зонах они стимулировали внедрение капиталистических отношений в сельское хозяйство Османской империи. Одновременно облегчалось приспособление его к требованиям внешнего рынка. Объективно намерения экспортеров, стремившихся к расширению вывоза одних и сжатию вывоза других видов турецкого сельскохозяйственного сырья, т.е. к конъюнктурному маневрированию целой отраслью хозяйства, совпадали с устремлениями верхушки господствующего класса Османской империи (включая султана), стремившейся принять участие в прибыльных экспортных операциях и покупавшей (или принимавшей участие в покупке) доходные хозяйства по выращиванию технических культур.

Была очевидна прогрессивность мер по развитию сельского хозяйства и создания нескольких показательных ферм и хозяйств.

Примечательно, что по крайней мере три из них использовались при этом в качестве учебных центров османской армии и возглавлялись европейцами-ренегатами; они же выступали как агрономы и животноводы, особенно увлеченно разводившие верховых лошадей.

Отмечались и негативные явления. Рост цен на технические культуры и бесконтрольность деятельности иностранных и местных скупщиков шелка-сырца, красителей, чернильного орешка, опиума и пр. приводили к сокращению, особенно заметному в приморских областях, посевных площадей под продовольственные культуры в пользу технических, экспортных.

Реформы и вовлечение Турции в мировой товарооборот осуществлялись прежде всего за счет трудового люда. Дифференциация крестьянства была наиболее заметна в Румелии, Западной Анатолии и причерноморских районах, вокруг крупных торговых центров, т.е. в тех же контактных зонах, где колониальные державы соприкасались с османской феодальной политической системой. Некоторые улучшения в правовом положении крестьян, в том числе немусульман, и участвовавшие к середине XIX в. покупки зажиточными крестьянами-мусульманами чифтликков сопровождались увеличением массы изгнанных с земли издольщиков, усилением налогового гнета в формах, весьма характерных для стран с полуколониальной экономикой.

Турецкое общество не было готово к активному и немедленному восприятию капиталистических мероприятий, которые к тому же стимулировались извне. Поэтому сопротивление ретроградов, как мусульман, так и немусульман, реформам сверху иногда совпадало по внешним признакам с выступлениями крестьянских масс, на которые легли дополнительные тяготы, связанные с товаризацией земледелия в контактных зонах. Ростом социальной напряжен-

ности и национально-освободительных движений в условиях торгового и военно-политического внедрения капиталистических держав воспользовались те силы в империи, которые выступали против реформ изначально.

В свою очередь, реформаторы должны были изыскивать новые приемы укрепления режима, включая преобразования в армии, расширение связей с державами и меры противодействия как силам реакции, так и антиправительственным движениям в различных областях империи.

* * *

Важно рассмотреть тенденции деловых, в ту эпоху преимущественно торговых отношений Османской империи с основными западноевропейскими партнерами в контексте развития основных политических и военных конфликтов в этом регионе. Начнем с Франции — одного из самых “старых” торговых партнеров Турции.

Следует отметить, что реальное содержание торговых отношений Франции и Турции эпохи промышленного капитализма, отражавшее французскую активизацию в Восточном Средиземноморье, в работах современных французских авторов нередко скрыто за общими суждениями об отставании Франции от Англии в предоставлении помощи Турции, о традициях и морально-религиозных принципах как основе политики Наполеона III в проблеме займов и в вопросе о “святых местах”.

Действительно, для французских неогоциантов традиционными были исключительные привилегии в Турции, которые правительство Франции периодически подтверждало, обычно в связи с крупными политическими событиями. Таблица 4 дает представление о соотношении доли специальной торговли Франции в общем обороте ее торговли с Османской империей.

За годы, предшествовавшие непосредственному участию Франции в Крымской войне 1850–1854 гг., специ-

альная или прямая торговля составила 74% общей торговли, что существенно выше доли специальной торговли на рубеже 20–30-х гг. — 41,5%.

Данная тенденция совпадает с общим направлением внешнеторговой политики Франции 20–50-х гг. XIX в. — повышение значимости ближневосточных рынков для французской буржуазии и готовность завоевывать и защищать их ценой любых усилий.

Следует отметить рост доли нефранцузских товаров в вывозе в Турцию и рост той части турецкого сельскохозяйственного сырья и продовольствия, которая через марсельский порт преимущественно поступала в Западную Европу — главным образом в Швейцарию и Бельгию, в годы экономических спадов и кризисов (1842, 1847, 1857), а также после заключения первого многостороннего военного договора Турции и первого кабального займа в период Крымской войны.

Наглядное представление об объемах торговли Османской империи с Францией и ее номенклатуре дают табл. 2–6.

Следующий значительный прирост общей торговли приходится на период Сирийской экспедиции Франции 1860–1861 гг. (см. табл. 2, 3). Активное использование французскими торговыми кругами традиционных коммерческих связей с Османской империей для ввоза в ее порты на условиях наибольшего благоприятствования товаров Бельгии и Швейцарии и экспорта в эти страны продукции турецкого сельского хозяйства существенно влияло лишь на внешние показатели*, отчасти сказывалось на доходах турецкого таможенного управления, но не меняло расстановки сил в соперничестве держав на рынках Османской империи.

* Если в 1849–1851 гг. сумма общей франко-турецкой торговли достигала в среднем 88,9 млн фр., то на долю Бельгии приходилось 7 млн фр. и 28 млн фр. на долю Швейцарии.

**ТОРГОВЫЙ ОБОРОТ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
С ФРАНЦИЕЙ. ОФИЦИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА.
СПЕЦИАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ***

Годы	Вывоз	Ввоз	Оборот	Годы	Вывоз	Ввоз	Оборот
	млн фр.				млн фр.		
1834	10,9	10,6	21,5	1850	43,6	23,0	66,6
1835	16,2	10,5	26,7	1851	38,8	22,8	61,6
1836	12,5	11,8	24,3	1852	41,1	20,6	61,7
1837	13,4	6,5	19,9	1853	51,1	21,9	73,0
1838	16,9	11,0	27,9	1854	41,6	25,6	67,2
1839	24,4	9,7	34,1	1855	54,5	61,0	115,5
1840	19,3	8,7	28,0	1856	74,1	53,2	127,3
1841	28,6	11,8	40,4	1857	84,1	49,9	134,0
1842	31,0	11,4	42,4	1858	63,6	46,4	110,0
1843	36,5	11,7	48,2	1859	73,3	41,3	114,6
1844	30,1	13,1	43,2	1860	80,2	41,9	122,1
1845	32,8	14,8	47,6	1961	93,2	39,7	132,9
1846	38,8	12,9	51,7	1862	104,4	62,4	166,8
1847	73,0	15,9	88,9	1863	118,0	83,5	201,5
1848	22,1	12,0	34,1	1864	141,8	79,5	221,3
1849	33,7	18,7	52,4	1865	135,6	62,9	198,5

Обратившись к данным по специальной торговле, можно отметить, что при среднегодовом объеме торговли за 1827–1836 гг. в 28 млн фр. вывоз из Турции составлял в среднем 16 млн фр. Тенденция преимущественного роста вывоза сохранялась на протяжении последующего периода. При среднегодовом объеме торговли в 1837–1864 гг. в 77,7 млн фр. вывоз из Турции составлял в среднем 49,8 млн фр., обгоняя ввоз в 1,8 раза.

Современники приводили обычно так называемую “общую торговлю” Франции, Австрии, Англии, вклю-

* По данным: Tableau général du commerce de la France avec les colonies 1825–1865. Paris. 1826–1866.

Е.В. Тарле (“Крымская война”. М.-Л., 1950. Т. 1. С. 58) ошибочно полагал, что “более или менее полная” статистика франко-турецкой торговли существует только за 1846 г.

чавшую как товары всех стран, пользовавшихся флагами великих держав, так и весь транзит для Бельгии, итальянских, скандинавских, германских и других государств. “Специальная торговля” собственно метрополий — Франции, Англии, Австрии, отраженная в приводимых ниже таблицах, дает, на мой взгляд, более точную картину, особенно для кризисных лет.

Таблица 3

**ОБЩИЙ ТОРГОВЫЙ ОБОРОТ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
С ФРАНЦИЕЙ. ОФИЦИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА***

Годы	Специальная торговля	Общая торговля	Годы	Специальная торговля	Общая торговля
	млн фр.			млн фр.	
1840	28,0	39,5	1853	73,0	96,7
1841	40,4	57,2	1854	67,2	90,0
1842	42,2	65,6	1855	115,5	168,1
1843	28,2	75,5	1856	127,3	177,0
1844	43,2	63,7	1857	134,0	195,0
1845	47,6	76,2	1858	110,0	154,8
1846	51,7	77,9	1859	114,6	171,7
1847	88,9	126,0	1860	122,1	209,7
1848	34,1	58,8	1861	132,9	197,9
1849	52,4	89,4	1862	166,8	259,8
1850	66,6	95,5	1863	201,5	296,1
1851	61,6	82,0	1864	221,3	259,1
1852	61,7	84,0			

Современники (А. Убичини) и некоторые исследователи новейшего времени, опиравшиеся на их данные, включали в объем внешней торговли Османской империи торговлю метрополией с формально зависимыми территориями — Египтом, Дунайскими княжествами, Сербией, что неправомерно увеличивало объем внешнеторговых оборотов и искажало оценки.

* По данным *Tableau général... 1840–1864. Paris., 1841–1865.*

Таблица 4

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ ФРАНЦИИ В ОБЩЕМ
ФРАНКО-ТУРЕЦКОМ ТОВАРООБОРОТЕ,
ОФИЦИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА, В СРЕДНЕМ ЗА ГОД***

Годы	Общий оборот, млн фр.	Объем специальной торговли, %
1825—1834	28,1	41,5
1835—1844	49,9	71,1
1845—1849	84,7	64,7
1850—1854	89,7	74,2

Из табл. 5 с очевидностью следует, что во ввозе доминируют два вида товаров: ткани шелковые — 12,5 млн фр. и оружие и предметы военной амуниции для регулярной армии — 12,8 млн фр.

Таблица 5

**ЭКСПОРТ ФРАНЦИИ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ
в 1851 и 1856 гг.****

Товары	Общая стоимость, млн фр.	
	1851 г.	1856 г.
Ткани, из них:		
шерстяные	3,2	9,8
шелковые	3,8	12,5
хлопчатобумажные	0,8	7,0
Сахар, сладости	1,3	4,6
Металлоизделия	1,4	9,6
Оружие (для казны)	—	3,3
Книги, бумага, произведения искусства	0,8	1,4
Вина, спирт, крепкие напитки	0,5	7,6
Продовольствие:	0,2	6,0
кофе, сыр, солонина, мука и мучные изделия		
Выделанные кожи, ремни, ранцы и пр. (для армии)	2,1	6,4
Одежда, предметы обмундирования (для армии)	—	3,1

* Рассчитано по: *Tableau général... 1825–1854 гг. Paris. 1841–1865.)*

** По данным: *Heuschling X. L'Empire de Turquie... P. 186; Ubicini A. Lettres sur la Turquie. Paris., 1853. T. 1. Les Ottomans. P. 404 (2-me ed.); Michoff N. Contribution... P. 293, 358.)*

Табл. 5 дает определенное представление об изменениях французского ввоза в Турцию за годы войны.

Увеличение ввоза сахара, сладостей, спиртных напитков, солонины, книг и предметов искусства, в которые включались и культовые принадлежности, против ввоза которых безуспешно протестовала Порта, было предназначено не потребителю-турку.

Следует учесть почти трехлетнее присутствие союзной экспедиционной армии и многотысячного сонма всевозможных мнимых и действительных специалистов из Европы, лиц неопределенных профессий. С 6 до 14% вырос ввоз металлоизделий, в том числе не значащегося прежде среди предметов импорта оружия.

Европейская одежда и предметы военного обмундирования дополняют общую картину создания своего рода рынка сбыта военной и полувоенной продукции Франции в Османской империи.

В послевоенный период в сократившемся объеме, но все основные товары такого характера присутствовали в номенклатуре французского ввоза. Продолжалась перестройка рынка Османской империи в соответствии с военно-политической активизацией Франции, вылившейся в прямую агрессию в Сирии в 1860—1861 гг.

Обратимся к экспорту Османской империи во Францию. При его росте в 1856 г. по сравнению с 1851 г. в 1,9 раза (с 38,8 до 74,1 млн фр.) по официальной оценке обращает на себя внимание появление нескольких новых статей (см. табл. 6).

Примерно 22% от стоимости турецкого сельскохозяйственного экспорта составила пшеница, не считая других зерновых. Война стимулировала потребности союзников в продовольственных видах экспорта — пшенице и кукурузе.

Возрос вывоз муки, крупяных и штучных изделий, ранее не значившихся в списках турецкого экспорта, мяса, изюма и сухофруктов, табака, вина, фуража. Большая часть продовольствия и фуража оставалась

в зоне, контролировавшейся союзными армиями, и перепродавалась интендантской службой на месте.

Ввезенное во время войны оборудование из Франции и Италии для мукомольных и хлебопекарных армейских предприятий после вывода из Турции союзных войск простаивало, разрушалось. Вывоз пшеницы, кукурузы, других злаков в зерне полностью вытеснил турецкую муку, крупу, изделия, не находившие сбыта во Франции в силу специфичности их обработки, а довести их до привычного французскому потребителю вида турки не умели.

Таблица 6

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ВЫВОЗ ВИДОВ ТУРЕЦКОЙ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ ВО ФРАНЦИЮ***

Виды продукции	Общая стоимость, млн фр.	
	1851 г.	1856 г.
Шелк-сырец	14,9	39,4
Шелк в кононах	—	16,9
Пшеница	—	27,3
Кукуруза	—	7,9
Немытая шерсть: овечья, козья	1,7	8,3
Шерсть пряденая	1,9	—
Масло оливковое	3,6	1,4
Масла растительные	6,4	6,7
Шкуры невыделанные	0,8	4,5
Изюм и сухофрукты	—	2,3
Солонина	—	2,0
Вина виноградные	—	1,5
Табак	0,4	0,6
Строевой лес и стройматериалы	—	0,5
Мука, мучные изделия	—	0,7
Рожь, ячмень, овес	—	2,1

* По данным: *Heuschling X.* L'Empire de Turquie... P. 187; *Ubicini A.* Lettres... P. 406; *Nicolaidy B.* Les turcs et la Turquie contemporaine. Paris, 1859. T. 2. P. 344; *Statistical Abstracts for the United Kingdom...* London, 1868. P. 360.

Резко упала стоимость экспорта пряденой шерсти; шли поставки немытой шерсти, подвергавшейся машинной обработке в Европе. Закупки по минимальным ценам сырой шерсти и невыделанных кож лишали местное обрабатывающее производство возможности поставлять на европейские рынки если не изделия, то по крайней мере полуфабрикаты.

Среди предметов традиционного экспорта Османской империи неизменно значился шелк-сырец, стоимость которого выросла в 1851–1856 гг. в 3,7 раза, включая шелк в коконах. Вывоз шелка из Османской империи во Францию осуществлялся преимущественно на французских судах (см. ниже табл. 14), включая военные корабли. *Последние по условиям военного времени досмотру турецкими властями и соответственно налогообложению не подвергались. Блестящий пример сочетания бизнеса и военного дела.*

По-иному, неблагоприятно для Османской империи складывалось развитие торговли сукнами и готовыми изделиями из них, весьма известными и в Европе, и на Ближнем Востоке в предшествующий период.

Англия в 20-х гг. закупала в Турции только пряденую шерсть разных видов. В 1825–1830 гг. она получила из Турции около 20 млн фунтов шерсти. В 40-х гг. Турция поставляла до 90% необходимой для английской промышленности верблюжьей шерсти и мохера. Однако уже с начала 50-х гг. Англия получала шерсть во все возрастающих размерах из США, Бразилии, Египта и резко сократила закупки в Турции: менее 6 млн фунтов в 1855 г.

Одновременно Турция теряла и французский рынок сбыта шерсти, на который поступала более дешевая шерсть через английских посредников. Общая картина торговли Англии с Османской империей представлена в табл. 7–10.

С начала 1840-х гг. Высокая Порта неоднократно требовала от своих производителей сукон повышения качества до уровня европейских образцов и существен-

ного роста выпуска продукции; предпринимались попытки в районе Видина, Варны, Силистрии увеличить поголовья закупленных казной испанских овец — мериносов, на шерсти которых работали многие предприятия в Западной Европе.

Тем не менее со второй половины 30-х гг. ручное и мануфактурное производство шерстяных тканей уступает место вывозу необработанной шерсти — в соответствии с требованиями скупщиков-европейцев или их представителей. При этом в связи с поставкой в Европу дешевой низкосортной шерсти и ограниченным внутренним спросом на высококачественную со второй половины 50-х гг. поголовье овец тонкорунных пород существенно сокращается, что было особенно заметно в Малой Азии.

Наглядную картину воздействия мирового капиталистического рынка на турецкое сельское хозяйство и перерабатывающее производство представляло шелководство. Традиционные его центры — Салоники, Брусса, Алеппо, Дамаск, Диарбакыр — вплоть до начала 1840-х гг. обеспечивали внутреннее потребление шелковых, атласных, бархатных тканей и имели устойчивые связи с потребителями турецкого шелка-сырца во Франции, шелковых и полушелковых тканей в Европейской Турции, в Иране, Закавказье, на юге России, на Украине.

Высоким спросом на турецкий шелк-сырец воспользовались греческие и австрийские скупщики. Практически произошло своеобразное разделение сфер: шелк Фессалии и Македонии шел через Салоники во Францию, брусский шелк — в Англию. Сирийский шелк скупщики, представлявшие интересы французских фирм, направляли через Смирну вплоть до окончания второго турецко-египетского конфликта. За это время, т.е. до 1841 г. они полностью оттеснили конкурентов из местных торговцев и австрийцев.

ТОРГОВЛЯ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ С АНГЛИЕЙ
1825–1862 гг.

Годы	Вывоз	Ввоз	Оборот	Годы	Вывоз	Ввоз	Оборот
	млн ф ст.				млн ф ст.		
1825*	1,1	1,2	2,3	1844	7,7	1,3	9,0
1826	1,2	0,8	2,0	1845	7,6	1,5	9,1
1827	1,1	0,6	1,7	1846*	5,9	1,1	7,0
1828	0,4	0,7	1,1	1847	8,4	—	—
1829	1,4	0,4	1,8	1848	9,5	—	—
1830	2,7	0,7	3,4	1849	8,4	—	—
1831	2,1	0,8	2,9	1850	8,8	—	—
1832	2,1	0,7	2,8	1851	6,7	—	—
1833	2,3	0,6	2,9	1852	7,3	2,3	9,6
1834*	2,5	0,7	3,2	1853	7,0	3,3	10,3
1835	2,7	0,9	3,6	1854	3,1	2,2	5,3
1836	3,6	1,0	4,6	1855	6,1	2,3	8,4
1837	2,7	0,8	3,5	1856	4,7	2,4	7,1
1838	4,7	0,8	5,5	1857	3,3	2,3	5,6
1839	3,6	1,2	4,8	1858	4,6	2,6	7,2
1840	3,7	1,2	4,9	1859	4,0	2,7	6,7
1841	3,6	1,2	4,8	1860	4,6	3,2	7,8
1842	4,7	1,2	5,9	1961	3,1	3,6	6,7
1843	5,4	1,2	6,6	1862	3,9	4,3	8,2

* С 1834 г. исчисленная действительная стоимость.

1825–1853 гг. — “официальная оценка” в неизменных ценах 1694 г. С 1846 г., не включая Грецию, Дунайские княжества, Сирию и Палестину.

Расчет на 1825–1845 гг. по таможенной статистике Англии: Bailey F. *British Policy...*, Ap. 2. Расчет на 1846–1852, 1854–1862 гг. по: *Statistical Abstracts...* L., 1855. Tabl. 12; Ibid. 1868. Tabl. 9.

На 1853 г. приблизительная оценка современников: *Farley J.L. The Resources of Turkey*. L., 1863. Idem. *Modern Turkey*. L. 1866. *Ubicini A. Lettres sur la Turquie*. T. 1–2. Paris, 1853.

На 1848–1851 гг. данных по обороту официальная статистика не содержит. Данные современников противоречивы, корреляция затруднена. Л. Фарли на 1858–1860 гг. оценивал оборот Османской империи, по данным посольства Англии в Константинополе, в 9,5; 9,7; 11 млн ф. ст. соответственно, исключая Сирию и Палестину (*Farley J.L. Modern Turkey*. P. 11.).

Таблица 8

**ТОРГОВЛЯ АНГЛИИ С ДУНАЙСКИМИ КНЯЖЕСТВАМИ,
млн ф.ст.***

Вид торговли	Годы				
	1854	1855	1857	1858	1859
Ввоз Англии в Молдавию и Валахию	0,44	0,06	0,7	1,2	1,0
Вывоз Англии из Молдавии и Валахии	0,01	0,04	0,2	0,2	0,1

Таблица 9

ВВОЗ ЗЕРНА В АНГЛИЮ, тыс. кварталов**

Страна	1848 г.	1851 г.
Египет	382,7	958,9
Дунайские княжества	325,1	624,2
Турция	399,9	420,8

Таблица 10

**ВВОЗ ОСНОВНЫХ АНГЛИЙСКИХ ТОВАРОВ В ТУРЦИЮ
в 1858 г.*****

Предметы	Стоимость, млн фр
Хлопчатобумажный текстиль 208,9 млн м	81,4
Хлопчатобумажная пряжа 7,8 млн кг	14,2
Шерстяные ткани 0,5 млн м	1,2
Сахар рафинированный 6,1 млн кг	7,6
Железо и сталь обработанные и необработанные 20,4 млн кг	4,8
Уголь 273,5 млн кг	3,3
Медь обработанная и необработанная 0,4 млн кг	1,1
Продукты питания, пиво, джин, солонина	2,9
Олово, изделия	1,4
Машины и механизмы	0,6
Золотые украшения, бижутерия, галантерея	2,3
Индиго, кошениль	2,6
Кофе	1,2
Ткани из шелка	0,5
Ткани из льна	0,6

* По данным: *Farley J.L. Resources of Turkey*. P. 191, 193, 195.

** По данным английской статистики опубликовано: Коммерческая газета. 1853. 5 февраля.

*** По данным: *Michoff N. Contributions...* P. 358; *Heuschling X. L'Empire de Turquie...* P. 183.

Введение в строй незадолго до отмены монополий (1838 г.) в Салониках австрийскими предпринимателями нескольких современных шелкомотальных машин пьемонтского образца должно было увеличить вывоз турецкого шелка-сырца в Триест и компенсировать австрийцам издержки в соперничестве с французскими и английскими экспортерами.

Естественно, традиционные ручные станы не могли конкурировать с машинной техникой; тем более с ней не могли состязаться женщины и дети в Бруссе и Смирне, разматывавшие коконы вручную. Шелк ручной размотки шел у скупщиков по 150 курушей за окка, а “пьемонтский”, машинный — по 208 курушей. Турецкое правительство предприняло попытку создать несколько казенных заводов с современным оборудованием для экспортных поставок. Казна оказывала им поддержку, причем часть средств выделяло военное ведомство, и в течение 5–7 лет они составили конкуренцию частным предприятиям.

Казна поощряла владельцев обширных рощ тутовых деревьев, нередко заменявших другие, менее доходные плантации (хлопок, кунжут и пр.). В окрестностях Бруссы шелководством занималось 15 тыс. семей. Они обеспечивали вывоз 5 тыс. кип шелка-сырца в Англию и США, до 15 тыс. кип — во Францию, Германию и Швейцарию. Еще 500 кип ежегодно вывозилось в Россию специально для одной подмосковной шелкопрядильни, выпускавшей “азиатские” ткани. За этим следили русские власти. Еще 500 кип перерабатывались на 160 станах в самой Бруссе. Там вырабатывалось строго нормированное количество золототканной шелковой материи для продажи только в Константинополе. За этим доглядывала турецкая служба.

Поскольку детальный анализ русско-турецкой торговли произведен мною в работах, указанных в библиографии, здесь ограничусь общими показателями.

**ТОРГОВЛЯ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ С РОССИЕЙ.
ОБЩИЙ ОБЪЕМ, млн руб. серебром***

Год	Оборот	Год	Оборот	Год	Оборот	Год	Оборот
1827	6,9	1836	8,8	1845	8,9	1853	12,2
1828	1,6	1837	8,2	1846	7,9	1854	4,7
1829	2,5	1838	9,8	1847	10,5	1855	2,6
1830	10,9	1839	9,8	1848	10,5	1856	14,6
1831	9,6	1840	8,4	1849	11,2	1857	18,6
1832	8,6	1841	7,8	1850	11,7	1858	16,6
1833	8,8	1842	7,9	1851	11,1	1859	16,2
1834	10,0	1843	6,3	1852	13,8	1860	18,9
1835	10,4	1844	8,7				

Повышенный спрос на шелк-сырец из Турции держался во Франции и странах Центральной Европы до начала 1850-х гг. Турецкий шелк оттеснил индийский, как арабско-турецкие сказки потеснили легенды и древнюю поэзию Индии в кругах читающей интеллигенции Европы середины XIX в.

В производство шелка-сырца на экспорт вовлекались значительные массы населения, нередко в ущерб другим отраслям сельского хозяйства и домашнего ремесла. В 1840-х гг. в Алеппо и Дамаске более половины населения жило за счет шелкоткачества. В Салониках на местном сырье работало 28 шелкомотален. На 15 крупнейших из них, принадлежавших австрийским и французским коммерсантам, работало более 2 тыс. женщин — турчанок и нетурчанок. Пресса отмечала, что турчанки и женщины других национальностей уживались исключительно дружно, без малейших религиозных и прочих трений, нередких для их мужей.

“Шелковый бум”, связанный, в частности, с низкими издержками, которые несли европейцы-экспортеры в Турции, и вялый контроль со стороны османских вла-

* Рассчитано по: Государственная внешняя торговля России в разных ее видах. Санкт-Петербург. 1827–1860 гг. Пересчет руб. ассигнациями в руб. серебром до 1840 г. при соотношении 3,5:1.

стей, равно как и неудачные попытки создания национального машинного шелкоткацкого производства, принесли исключительные выгоды, но не туркам, а французским и австрийским экспортерам, а также местным компрадорам из армян и греков. Сбывая турецкое сырье на 15% ниже мирных цен на шелк-сырец, они получали до 35% прибыли. Они лишали османское государство части бюджетных доходов и беззастенчиво грабили и своих соплеменниц, и турчанок.

Два обстоятельства дополнительно осложняли сбыт турецкого шелка, сократившийся после промышленного кризиса 1846–1847 гг. в Западной Европе.

Во-первых, завершение промышленного переоснащения в европейском шелкоткачестве и увеличение экспорта готовых изделий; во-вторых, увеличение вывоза сырья из колоний Англии и Франции. Турецкий шелк-сырец в 20-х и начале 30-х гг. занимал второе-третье место в списке вывозимых в Англию товаров; Турция поставляла около 30% потреблявшегося английской промышленностью шелка-сырца. По мере совершенствования методов колониального внедрения в Индию и укрепления позиций Англии в Китае англичане увеличивали вывоз из этих стран более дешевого шелка-сырца, произведенного полурабским принудительным трудом индийских и китайских крестьян.

Потерпев неудачу в создании конкурентоспособного казенного шелкоткачества и будучи не в состоянии противопоставить экспортерам оградительные меры, турецкие власти в Западной Анатолии и в Европейской Турции сделали шаг, характерный и для недалековидных правителей XX в. Они начали с 1848 г. взимать с шелководов дополнительный налог в 200 курушей с каждого окка предполагаемого количества шелка, который еще только предстояло размотать с коконов, т.е. в поисках немедленной выгоды ударили по производителю. Налоги на шелководов сразу увеличились почти на 30%, издержки экспортеров — на 22%.

Промышленный кризис в Западной Европе и попытка Порты переложить на плечи народа свои производ-

ственные неудачи довершили то, что неизменно влек за собой приток европейских товаров: турецкое шелкоделие стало сворачиваться.

Будет ли этот урок поучителен для экономических теоретиков и практиков финансового дела, которые в другой стране, через сто с лишним лет упорно не хотели поступиться сиюминутными налоговыми поступлениями во имя активизации разрушенного тоталитаризмом производства?..

Для турецкого сельскохозяйственного производства оказались весьма противоречивыми изменения конъюнктуры на мировом рынке традиционных экспортных культур: опиума, естественных красителей, растительного масла (кунжутного, оливкового и др.).

Промышленная революция в странах Европы требовала значительного количества смазочных масел, в качестве которых сначала применяла оливковое и хлопковое. Оливковое масло, поступавшее из Европейской Турции во Францию и в Англию, было дешевым, а потому важным предметом потребления среди трудового населения этих стран. Поставки в Европу масла для технических целей (кунжутного) до 1838 г. сдерживались турецкими правительственными монополиями.

После 1838 г. наблюдатели отмечали удвоение площадей под масличными культурами в Западной Анатолии и в прибрежных районах Европейской Турции. В 1840-х — начале 1850-х гг. на экспорт шло по 100–150 тыс. кантаров оливкового масла в год, главным образом во Францию (1 кантар — 100 кг).

Контроль за вывозом масла из Турции держали в своих руках французские консулы, состоявшие в более тесной связи с откупщиками, нежели с властями. Более того, крупные фирмы — импортеры турецких масел в Неаполе и Марселе после 1838 г. через своих представителей, оптовиков-инонационалов (очень редко — через турок) на местах, пользуясь бедственным положением обремененных налогом крестьян, стали закупать предполагаемый урожай будущего года по сред-

ней оценке предыдущих, наименее урожайных лет. Только на этой операции фирмы получили до 30% чистой прибыли.

Кризис 1846–1847 гг. и последовавшее изменение технологии машинного производства — внедрение смазки из еще более дешевого кокосового масла из новых колоний в устье Пальмовых рек (Западная Африка) повлекли повсеместное запустение в хозяйствах, связанных с обработкой сырья для масел.

В турецкой литературе отмечалась пагубная роль экспортной торговли опиумом для турецкого сельского хозяйства. Следует сказать, что английские скупщики опиума активизировались в Турции со второй половины 1820-х гг., когда продажа опиума в Китае перешла в руки частных английских торговцев. Названия фирм, занятых закупкой опиумного сырья в Турции и продававших свой зловещий товар в Китае, как правило, совпадают. В 1820-х гг. в Китай ввозилось в среднем 141 ящик турецкого опиума из 9,7 тыс. ящиков общего ввоза; в начале 1830-х — 857 ящиков турецкого опиума из 18,7 тыс. ящиков. В начале 1840-х гг. — вдвое больше.

При внешней незначительности количества турецкого опиума в общем объеме ввоза опиума в Китай необходимо обратить внимание на скачкообразный рост его вывоза из Турции в годы, когда совершилось вовлечение Османской империи в британскую систему свободной торговли, распространенную Лондоном фактически на всю Азию.

Монополизировав все операции с опиумом от Смирны до Кантона и Шанхая, англичане вывезли только из Смирны в 1837 г. 400 т опиума, получая доход в сотни процентов чистой прибыли. Заставив Турцию отказаться в 1838 г. от монополий, пообещав ей военное содействие против мятежного египетского правителя и сложив в 1842 г. в итоге опиумной войны китайскую внешнеторговую монопольную систему, британские фритредеры включили Турцию в свой монопольный опиумный рынок.

Таков пример военных и экономических особенностей вовлечения Османской империи в мировые хозяйст-

венные связи, жестко связанные с военной политикой.

На протяжении второй половины 20—40-х гг. вплоть до экономического кризиса 1847 г. доля Османской империи в британском экспорте не превышала, по нашим подсчетам, 3,6—4,0% (максимум 4,6%, по Д. Плэтту), несущественно увеличившись в предвоенные годы. Доля Османской империи в британском импорте колебалась в пределах 1,0—2,5%.

Аналогичные тенденции обнаруживала торговля Османской империи с Францией, Австрией, другими западноевропейскими странами. В целом доля Османской империи в европейском экспорте была даже ниже обобщенных показателей по странам Азии в целом. Удельный вес стран Востока в 20-х — начале 30-х гг. XIX в. не превышал 11,6% в общем экспорте Англии, колебался в пределах 2,5—3,3% в экспорте Франции.

Только к периоду завершения промышленной революции в Англии (40-е гг.) доля стран Азии в британском экспорте повысилась до 19%. Заметим, что в экспорте России доля Востока сравнялась с теми 11%, которые Восток занимал в экспорте Англии десятью-двадцатью годами раньше.

Темпы прироста торговли между ведущими капиталистическими державами Западной Европы в 1800—1847 гг. составляли в среднем 3% в год, что значительно превышает прирост их торговли с Ближним Востоком. На стадии завершения промышленной революции торговля между самими державами — метрополиями, обладавшими обширными колониями (неограниченные сырьевые ресурсы и рабский труд), была для них важнее, чем с теми странами Востока, которые, подобно Османской империи, сохраняли суверенитет, боееспособную армию в распоряжении центра власти и относительную свободу внешнеторговой политики.

Ограничения, существовавшие в Османской империи для иностранного капитала до начала 60-х гг., ослабленное, но не уничтоженное полностью национальное производство сдерживали прирост английского ввоза.

Устранение препятствий для английского торгового-промышленного капитала на обширнейшем турец-

ком рынке было одной из главных задач британской внешней политики. В этой борьбе лежат корни многих проявлений непоследовательности Лондона в отношении военных и иных реформ, предпринятых Блистательной Портой.

Во ввозе Англии в Османскую империю в течение всего изучаемого периода решающее место принадлежало промышленным изделиям. Этот факт был отмечен еще турецкими современниками (А. Лютфи) как пагубный для развития национального производства, и этот тезис поддерживается в современной турецкой историографии целым рядом исследователей. Неоднократно отмечалась обширная номенклатура британского экспорта в Турцию, ее рост с 28 артикулов в 1825 г. до 84 в 1853 г. Английские историки на этом основании строили концепцию о растущей значимости Турции как емкого рынка сбыта и отмечали цивилизирующее воздействие британского экспорта часов, предметов обихода из металла, галантереи всех видов и назначений, наравне с хлопчатобумажными изделиями, на турецкого потребителя.

В действительности, ввоз хлопчатобумажных тканей и изделий определял объем и стоимость английского ввоза, о чем свидетельствуют как таблицы в цитированных приложениях к работе Ф.Э. Бейли, так и таможенная статистика Англии. Крупные партии хлопчатобумажных тканей и пряжи Англия ввозила в Турцию в период обострения Восточного вопроса и русско-турецкой войны 1828–1829 г., воспользовавшись ослаблением позиций России и занятостью Франции алжирской проблемой, а также после 1838 г.

Оценивая английский ввоз в Турцию, предпочтительно исходить из физического объема ввоза, поскольку стоимостные показатели, обычно используемые исследователями, не вполне точны ввиду колебания цен и плавающего соотношения официальной, объявленной и реальной оценок. И эти данные относительны, ибо статистика содержит полные данные лишь по экспорту ситца, миткаля, коленкора и хлопчатобумажной нити.

С учетом этих замечаний отметим, что в течение 1829–1850 гг. ввоз ситца из Англии в Османскую империю при физическом росте с 15,6 млн ярдов до 46,8 млн ярдов (максимум ввоза — 1845 г.) колебался в пределах 7,3% в 1830 г. и 4,1% в 1850 г. от стоимости всего экспорта (по данным П.П. Львова и М.П. Вронченко на начало периода, английской статистики — его конец).

Крымская война была использована английскими коммерсантами для ввоза крупных партий ситца, в 4,3 раза (132,6 млн ярдов, т.е. по 5 ярдов на каждого турка) превышавших ввоз 1850 г. (31,1 млн ярдов). По стоимости — ввоз ситца в 1855 г. составил 12% общего экспорта Англии в Турцию.

Естественно, турецкий рынок поглотить эти массы текстиля не мог. Неучтенная турецкой, скрываемаемая британской статистикой текстильная волна обрушивалась на сопредельные Турции страны, прежде всего на Иран, проникала в Закавказье и Среднюю Азию. Современники отмечали резкое снижение качества английского текстиля уже в середине 30-х гг. XIX в., при умеренности, однако, цен и соответствии местным вкусам, чего так не хватало добротным, но монотонным по окраске русским тканям, от которых отворачивались турки.

Кроме текстиля, в экспорте Англии в Османскую империю все более заметную роль играли сахар-рафинад, металлические изделия, железо, олово, сталь в заготовках и полуфабрикатах. С 1845 г. под рубрикой “морские припасы” скрывается рост ввоза оружия. Сборка производилась на местных оружейных заводах под наблюдением английских специалистов. Следует, однако, повторить мнение русских военных наблюдателей — значительная часть корабельной и полевой артиллерии была целиком изготовлена на казенных турецких предприятиях. Очевиден не поддающийся количественному учету факт передачи военной технологии и образцов современного вооружения промышленной державой своему ближневосточному контрагенту для усиления его армии перед началом и в ходе Крымской войны.

Торговля оружием (ввоз и частично перепродажа в Австрию, горцам Закавказья, в Иран) осуществлялась, как установила русская военная разведка, казной при участии тех же банкиров — инонационалов с двойным гражданством, которые разорили турок — торговцев тканями. Боеприпасы и значительная часть заготовок огнестрельного оружия (стволы, прицелы) поступали, кроме Англии, из Бельгии, а также через Геную, Венецию, Ионические острова.

Австрия была второй по объему товарооборота после Франции европейской державой, активно включившейся в торговлю с Османской империей в новое время. Территориальная близость и общая граница в Юго-Восточной Европе, наконец, судоходный Дунай создавали для Австрии более благоприятные условия в торговом отношении, чем для Франции или Англии. Однако реализовывались эти преимущества слабо.

Габсбургская монархия отставала по экономическому развитию от ведущих европейских держав. Сельское хозяйство Австрии, оценивавшееся по объему товарного производства перед Крымской войной в 2 млрд гульденов (при объеме промышленного производства в 0,8 млрд гульденов), поставляло на европейский рынок продукцию, однотипную с сельскохозяйственным экспортом Османской империи — зерновые и продукты животноводства.

Австрия в промышленном экспорте отставала, но компенсировала это отставание активным развитием в 30–50-х гг. морского, речного и в 60-х гг. железнодорожного транспорта. Австрия постепенно втягивала в сферу своего торгового влияния сопредельные турецкие владения. В Вене (1834 г.) раньше соперников начали развитие коммерческого пароходного сообщения по Дунаю между турецкими портами и Центральной Европой. В 1836–1837 гг. Австрийский Ллойд связал регулярным сообщением Вену с Галацем, Константинополем, Трабзоном, Смирной и Александрией.

В год заключения фритредерских конвенций Османской империи с европейскими державами (1838 г.) авст-

рийские пароходы осуществляли регулярные рейсы по Дунаю и Черному морю. Они вели, кроме того, обширную каботажную торговлю в прибрежных водах Османской империи, все более вытесняя греческие парусные фелюги. Австрийское Дунайское пароходство с 14 пароходов в 1838 г. выросло до 32 в 1846 г. и до 97 пароходов в 1859 г., далеко превосходя всех соперников.

К торговой и политической борьбе за влияние в балканских провинциях Османской империи Австрия подошла достаточно подготовленной, если учесть к тому же железнодорожное и телеграфное строительство в 40–50-х гг., развернувшееся в Австрии с помощью французских специалистов и нацеленное на создание оптимальной и надежной связи Вены с главными объектами экономических интересов Австрии в эти годы — Дунайскими княжествами.

В 1846 г. из общего объема австро-турецкой торговли в 28,5 млн флоринов $\frac{2}{5}$ относилось на долю Дунайских княжеств и Сербии. Занимая во внешнеторговом обороте Османской империи 3–4-е место, Австрия прочно удерживала преобладание в торговле Молдавии и Валахии.

В 1850/51 гг. общий оборот австро-турецкой торговли оценивался в 132,8 млн фр., из которых морская торговля через Проливы и речная через Дунай составляли 52,9 млн фр., сухопутная — 79,9 млн фр. При этом пассивный для Австрии торговый баланс составлял 13,4 млн фр. В отдельные годы пассив поднимался до 20 млн фр.

Следует отметить, что в 20-х — начале 30-х гг. экспорт и импорт в торговле Турции с Австрией были сбалансированы. Сдвиги наступили после открытия по Адрианопольскому договору 1829 г. Проливов для широкого коммерческого судоходства и в связи с быстрым развитием торгового парового флота. К 1852 г. торговый австро-турецкий оборот составил 68 млн фр., из которых 42 млн фр. составил вывоз из Османской империи. Активный торговый баланс Турции в данном

случае складывался за счет усиленного вывоза зерновых из Дунайских княжеств и широкого участия Австрийского Ллойда в перевозках сельскохозяйственной продукции из Османской империи и Ирана транзитом в Европу. Это обстоятельство не нашло освещения в современных работах зарубежных авторов, исследующих экономический рост Западной и Центральной Европы в середине XIX в. и объясняющих участие Австрии в Крымской войне преимущественно ее усилиями в защиту стабилизации положения в Юго-Восточной Европе.

Если Франция и Англия вели экономическое наступление на Ближнем Востоке, стимулируя создание контактных зон в различных областях Османской империи, то Австрия действовала преимущественно на участке — Дунай, Черноморские проливы, Трабзон. Торговое преобладание Австрии в Дунайских княжествах было характерно главным образом в период после экономического кризиса 1847 г. до 1855 г. Зерновые, кожевенное сырье и шерсть, живой скот были главными статьями вывоза из Молдавии и Валахии, экспорт которых за 1847–1855 гг. вырос с 12,6 млн лей до 340 млн лей, причем экспорт Молдавии устроился, Валахии — удвоился. Их импорт отставал примерно вдвое.

В целом, на долю Османской империи приходилась седьмая часть всего австрийского товарооборота, а на долю Габсбургской монархии — пятая часть турецкого.

Потерпев поражение в соперничестве с английскими и французскими пароходными компаниями за выгодные перевозки на прямых линиях Алжир—Константинополь, Афины—Смирна—Константинополь, Марсель—Афины—Смирна, Ливерпуль—Патры—Константинополь, австрийские коммерсанты при поддержке правительства и отделения Банка Ротшильда в Вене, при участии группы банкиров — сарафов в княжествах во главе с Лейбой Кахане, имевших двойное подданство — османское и австрийское, — сконцентрировали усилия на дунайско-трабзонском направлении.

Венский кабинет специальным решением (1850 г.) признал необходимым всемерно защищать капитуляционное право наибольшего благоприятствования для австрийских коммерсантов в первую очередь применительно к портам Османской империи на Дунае, включая Сулинское гирло.

В разгар кризиса 1847 г. Австрия первой из европейских держав открыто отвергла признанный ею по конвенции 1838 г. принцип взаимного предоставления Турции права наибольшего благоприятствования. Она вводила произвольные ограничения в виде высоких пошлин не только на импорт или транзит турецкой сельскохозяйственной продукции, но также запреты на незначительный по объему ввоз из Турции через Дунайские княжества кос, серпов, предметов из стали и железа; штучное холодное оружие, поступавшее из Турции, изымалось неукоснительно.

Всемерно поощряя двойное гражданство (более 50 тыс. паспортов австрийского подданства в 50-х гг. только в княжествах и значительно больше в Западной Анатолии), Австрия неуклонно требовала от турецких властей выполнения условий Пожаревацкого трактата 1718 г., определявшего по условиям столетней давности порог иска в торговых претензиях в пустяковую сумму 3000 акче — меньше пары башмаков, что не соответствовало условиям середины XIX в. и фактически выводило все торговые тяжбы из-под контроля турецких властей.

Полностью отеснить соперников-англичан, в отличие от торговцев-турок, венским коммерсантам не удалось. Английский экспорт в Молдавию в год начала Крымской войны вдвое превысил австрийский. Только экономическими методами закрепить свое преимущество в Дунайских княжествах и низовьях Дуная Австрия не могла, как не смогли, не прибегая к силе оружия, Франция закрепиться в Сирии, Англия — в Персидском заливе и на побережье Красного моря. Однако пока пушки молчали.

В заключение обзора основных тенденций развития внешней торговли Турции с европейскими державами можно отметить следующее.

Основные союзники Турции по военно-политическому союзу 1854–1856 гг. прочно закрепились на турецком рынке уже в 1840-х гг., оставаясь соперниками в борьбе за экономические и стратегические позиции в Османской империи.

Вооруженное присутствие Франции на Ближнем Востоке — инициативная роль в войне 1853–1856 гг. и военная экспедиция в Сирии в 1860–1861 гг., наряду с активизацией в послекрымский период железнодорожного и портового строительства в районе Бейрут-Дамаск, Алеппо-Александретта и реализацией суэцкого проекта, были способами защиты интересов французской торговли от английской и австрийской конкуренции и от ограничительных попыток турецкого правительства.

Что касается Англии, то русские военные наблюдатели еще в прошлом веке отметили, что она умело использовала обострение политической ситуации в Восточном Средиземноморье для укрепления своего экономического и политического влияния.

За период 1820–1840-х гг., на которые приходились три фазы обострения Восточного вопроса, Англия увеличила товарооборот с Османской империей в пять раз, с Бельгией и Голландией в те же годы — втрое, с Италией — вдвое.

Англия сумела взять под свой контроль треть всего товарооборота Османской империи, обгоняя по стоимости ввезенных в 1851–1856 гг. в Турцию товаров Францию в 1,5 раза; Австрию (1850–1851 гг.) в 1,9 раза; Россию (1850 г.) в 5–6 раз; Иран почти в 6 раз; Бельгию, США, Португалию, Испанию, Грецию, Сардинию, Бразилию, Ионические острова, вместе взятые, в 2,8 раза. В начале 1850-х гг. на долю Австрии и Франции приходилось по 20%, России — около 10% товарооборота Османской империи.

Калемы и компьютеры. О методах графической обработки неподробных данных

Рассмотрение множественности вариантов исторически “опрокинутого в прошлое” конфликта, которое предпринято в данной работе, имеет вполне четкое, обозначенное место и в современном мире.

Уже потому, что мы знаем итог того или иного конфликта, просчитать модели его развития может именно историческая конфликтология. Просчет таких вариантов как раз и может служить специфической имитационной моделью. Причем в отличие от чисто теоретических имитационных игр на современном материале, когда прогноз либо отделен от реализации временем и пространством и проверке недоступен, либо вообще не реализуется, историческая конфликтология постоянно сверяет просчет вариантов событий с тем, что воплотилось, и тем сближается с точными науками.

Историческая конфликтология рассматривает различные явления (а в поле ее зрения, как правило, конфликты и их производные — войны, вооруженные столкновения и т.д.) как точку пересечения различных законов общественного и естественно-научного характера.

При этом следует учитывать, что в исторической ретроспекции анализ “войны” как одного из видов решения межгосударственных конфликтов демонстрирует, что детерминация элементов в генезисе войны происходит не прямо, а под влиянием опосредованных связей с другими элементами и отношениями в контексте межгосударственных военных, политических и экономических отношений.

В данной работе я рассматриваю конфликт как объемную и многомерную конструкцию в общем контексте военных, политических и экономических отношений между державами. В отечественной конфликтологии предлагается следующая разработка фаз конфликта в международных отношениях:

- 1 — фаза определения интересов;
- 2 — определение целей, стратегии, форм борьбы;
- 3 — разрастание конфликта до международно-политического уровня;
- 4 — сознательный переход к применению военной силы в демонстрационных целях;
- 5 — переход к уровню военных и политических союзников в сравнительно (или безусловно) широких масштабах;
- 6 — фаза альтернативных решений, т.е. эскалации/деэскалации конфликта.

Однако это относится в значительной степени лишь к анализу современных событий. Принципы и методы исторической конфликтологии несколько отличаются от таковых конфликтологии современности.

Конфликт, как и его отдельные фазы, развивается по вертикали (вертикальное разворачивание), имеет очевидное временное разворачивание, а также пространственное. Такой объемный подход создает необходимые условия для формализации наших представлений о поисках путей выхода из конфликтов и их предотвращения.

Автор рассматривает “войну” только в аспекте формализованного конфликта и понимает под термином война:

- 1) совершающееся или угрожающее насилие;
- 2) острую форму соперничества между центрами власти (державами);
- 3) специфическую форму активности между политическими организованными или этно-конфессионально оформленными группами в человеческом обществе.

Итак, война есть наиболее острая форма международного конфликта. Аналогичные определения приняты в политологии и военной истории всего мира.

Поскольку в данной работе стоит задача прежде всего ретроспективных оценок, можно предложить следующее:

а) крупномасштабное, в хронологическом смысле, проектирование войны как явления на цивилизацию “человека разумного”;

б) формализовать, насколько возможно, ряд конфликтных процессов в качестве наглядного примера.

Один из постулатов исторической конфликтологии в той ее части, которая специально рассматривает проблему “вовлечения в конфликт и выхода из конфликта”, можно сформулировать следующим образом.

Фетишизация проявлений конфликта на уровне одной эмпирической видимости влечет за собой слепое приспособление действующих сторон (акторов) к внешней логике следования за развитием конфликта, и, как следствие, возникает сложность (иногда непреодолимая) в погашении конфликта, в видении (осмыслении) путей его минимизации и желательного предотвращения. Эти позиции изложены в первой части книги на материалах войн Турции с Россией и другими державами.

При серьезном исследовании вполне возможно и необходимо избежать ошибок, нередко совершенно объективно возникающих при следовании внешней логике имеющегося исторического документа. Наглядный пример этому — например, некий исследователь слепо доверяет донесениям русского посла в Константинополе (Стамбуле) за 1840–1850-е гг., а тот, в свою очередь, писал только то, что было “приятно” читать императору Николаю I: мол, у турок совершенно нет военного флота; и вообще, какой флот у распадающейся на глазах страны! — считал царь. На деле у турок был в 1853–56 гг. паровой флот, у России — нет.

Чтобы не попасть в ловушку, подстерегающую такого исследователя, необходимо, кроме тщательного сопоставления документальных источников нескольких видов (желательно, имеющих различное происхождение), привлекать данные экономического характера. Причем следует отметить репрезентативность для темы “Бизнес и война” исследуемых периодов новой истории внешнеэкономических связей держав.

Уровень, генезис и пр. таковых связей наиболее тесно связаны с войной как максимально острой, ломающей очень уязвимые, но и гибкие, притом наиболее до-

ступные не только изучению, но и корректной оценке торговые международные связи.

Приведенная выше статистика требует сделать очередной шаг в сторону обобщения и возможной формализации конфликта во всей его многогранности.

Колебания в количественных, меньше — в качественных характеристиках внешнеэкономических связей исследуемых держав за специально выбранный период (см. ниже) окажутся напрямую наглядно связанными с базисными экономическими и надстроечными для данного исследования — вторичными явлениями.

Поскольку для внешнеэкономических связей акторов, как, впрочем, и для их пребывания в составе военных союзов были характерны колебания нерегулярного характера, а введение дополнительных коэффициентов плеонастично, предпочтителен переход к процентам (индексам).

В качестве объекта исследования и примера формализации проблемы “бизнес—война” остается Османская империя середины XIX в.

Ее территория, как мы видели, охватывала в это время весь Ближний Восток и значительную часть Юго-Восточной Европы, а также страны Магриба. Держава располагалась на важнейших коммуникациях Западная Европа — Азия — Восточная и Северная Африка. Она вела активную военную политику (в среднем за десятилетие больше войн, чем у любой другой страны), была объектом или субъектом серии вооруженных конфликтов.

Не в последнюю очередь выбор региона и объекта исследования определяется огромным влиянием Османской империи на российские владения в Крыму, на Северном Кавказе и в Закавказье, что напрямую связано с ростом экономического и военно-политического турецкого влияния на Ближнем зарубежье Российской Федерации, а также на Балканах.

Предлагается использовать среднюю арифметическую величину N как обобщающий показатель, выражающий типичные размеры количественных признаков

качественно однородных общественно-политических и военно-экономических явлений.

Величина N представляет собой средний объем внешнеэкономических связей, в данном случае Турции, с великими державами суммарно или отдельно, за определенный период времени. Хронорамки выбраны так, чтобы в них попали войны как первого порядка (т.е. между двумя участниками, Россия — Турция, Турция — Египет), так и второго порядка (Турция — в составе коалиции держав 1854–1856 гг. против России с промежуточным вторжением России в Молдавию и Валахию в 1853 г.; либо коллективные действия держав).

Учтена ситуация латентных конфликтов на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье: Египет, Сирия, Придунавье 1825–1860 гг., когда прежние подданные или союзники становились противниками. И наоборот, когда союзник Турции по Крымской войне — Франция провоцировала и проводила вооруженное вмешательство на Ближнем Востоке (1840, 1841, 1860–1861).

На 1825, 1835, 1847–1848, 1857 гг. пришлись мировые экономические кризисы. Они вошли в переменные колебания.

Величина N_i будет показывать объем операций с партнером (или противником) за соответствующие годы, все данные в табл. 1–14.

Если учесть, что Османская империя (Турция) практически включала часть Балкан и весь Ближний Восток, вела войны и поддерживала внешнеэкономические связи с большинством держав Старого Света, то можно рассчитывать величину N_i по одной стране или по группе стран, что дает более обобщенную, во втором случае, т.е. на уровне региона, картину соотношения войны и экономики.

Формула относительного объема внешнеэкономических связей актора, ведущего активную военную политику, в процентах имеет вид

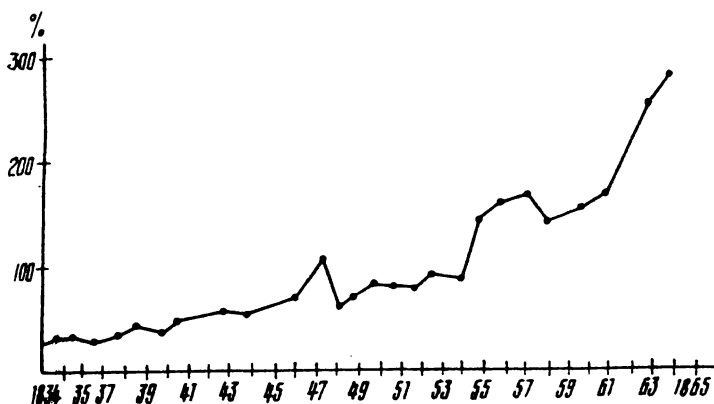
$$A_i = \frac{N_i}{N} \cdot 100\%$$

После этого нетрудно перейти к построению графических моделей.

На рис. 1 отчетливо видно, как присутствие французской эскадры у Дарданелл, последовавшее за конфликтом 1840—1841 гг., позволило наращивать объемы торговли Франции с Османской империей, фактически охватывавшей Магриб, Левант, часть Среднего и Ближнего Востока (в XVI — начале XX вв.), поэтому картина вполне регионально идентифицируется.

Военное присутствие Франции на Ближнем Востоке после 1841 г. позволило ей (см. график) сравнительно легко выйти из кризиса 1847—1848 гг., революции и гражданской войны 1848—1849 гг.

Спад, наступивший после войны 1853—1856 гг., был немедленно восполнен вооруженной интервенцией Франции в Сирии в 1860—1861 гг., что представлено на графике мощным взлетом кривой.

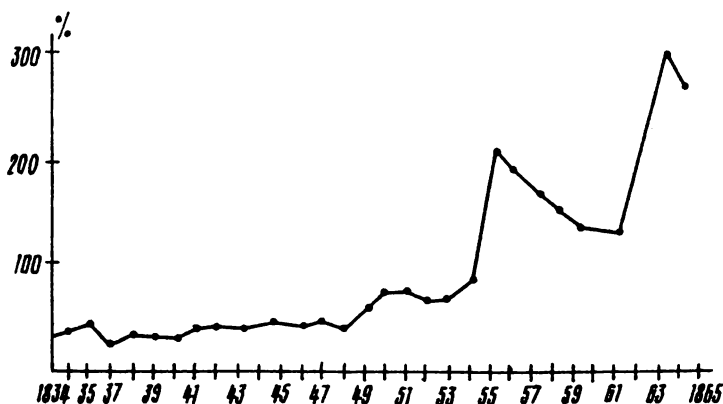
Примечание. 1834—1845 гг. — период латентных конфликтов в регионе; 1848, 1854—1856, 1860—1863 гг. — открытые вооруженные столкновения.

Рис. 1. Зависимость изменения относительной величины торговли Османской империи с Францией за 1834—1865 гг.

Взаимосвязь военного присутствия Франции на Ближнем Востоке с военным обеспечением ее экономических интересов еще более наглядно показана на рис. 2, где отчетливо видно, как спад деловой активности Франции на Ближнем Востоке после Крымской войны был более чем компенсирован вооруженным вторжением в Сирию и в Палестину.

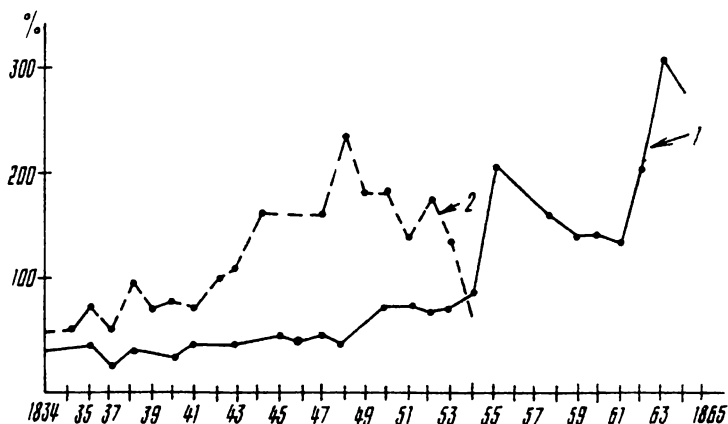
Рисунок 3 дает представление о том, как годы переговоров вокруг подписания военных союзов Османской империи с Францией и Англией были использованы в первую очередь торговцами оружием (ибо это была главная по стоимости статья ввоза в это время) для наращивания торговых оборотов этих стран с Ближним Востоком.

Только военное присутствие Англии на Ближнем Востоке (военная тревога 1848–1849 гг. — см. след. гла-

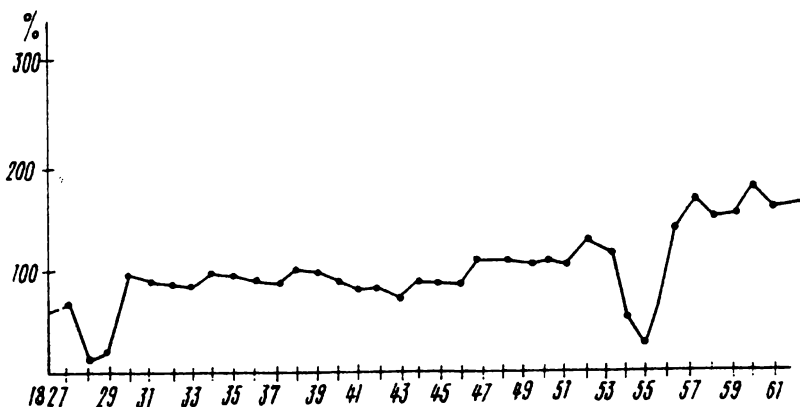
Примечание. 1847–1848 гг. — экономический кризис и революции в Европе; 1854–1856 гг. — военный союз с Турцией; 1860–1863 гг. — подготовка и реализация Сирийской экспедиции французской армии.

Рис. 2. Зависимость изменения относительной величины экспорта Франции в Османскую империю за 1834–1865 гг.

Примечание. 1849, 1854–1856 гг. — военное присутствие Англии в регионе; 1860–1862 гг. — военная экспедиция Франции в Сирию и Палестину.

Рис. 3. Сравнение зависимостей относительных величин английского экспорта в Османскую империю (кривая 2) и французского экспорта в Османскую империю (кривая 1) за 1834–1864 гг.

Примечание. 1828–1829, 1853–1856 гг. — войны Турции с Россией; 1833 г. — военный союз Турции с Россией; 1839–1842 гг. — потеря Россией военно-политической активности на Ближнем Востоке.

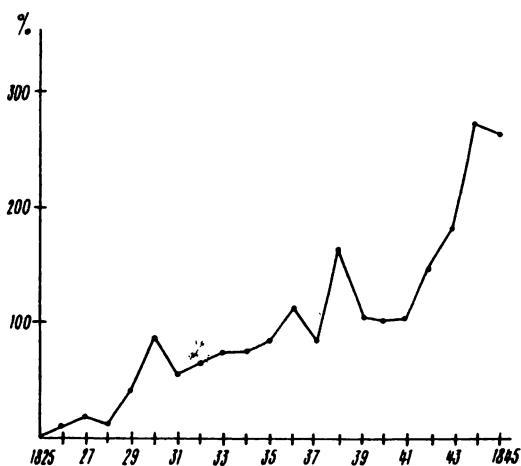
Рис. 4. Зависимость изменения относительной величины торговли Османской империи с Россией за 1827–1862 гг.

ву) обеспечило тот подъем торговых оборотов, который вскоре был вновь поддержан войной коалиции западных держав и Турции против России в 1853—1856 гг.

Рисунок 4 наглядно показывает, как губительно сказывалось на торговле отсутствие сбалансированной военной политики России на Ближнем Востоке: война 1828—1829 гг., малоперспективные обязательства, взятые на себя Россией в отношении защиты султанского режима в период вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке в 1830—1833 гг., 1840—1841 гг., 1848—1849 гг.

В последующем, и до настоящего времени включительно, Россия не смогла достичь того уровня экономического оборота с Ближним Востоком, какой был достигнут Англией и Францией за счет вытеснения военного и торгового присутствия России.

Рисунок 5 наглядно свидетельствует, как умело использовала Англия все неудачи и просчеты военной по-

Примечание. 1828—1829 гг. — война Турции с Россией; 1838—1839 гг. — переговоры Англии с Турцией о военном союзе; 1840—1841 гг. — военное присутствие Англии в зоне Проливов и Леванта.

Рис. 5. Зависимость изменения относительной величины пассивного баланса Османской империи в торговле с Англией за 1825—1845 гг.

литики России на Ближнем Востоке в ключевые годы конфликтов.

Весьма наглядно представлено соперничество держав в важном узле конфликта вблизи Восточного берега Черного моря, каким был Трабзон в канун Крымской войны. Через трабзонский порт шла масса товаров английского производства на английских же судах, а также английских товаров, но на австрийских судах — в Иран, Среднюю Азию, Закавказье и далее.

При этом пик австрийского ввоза (см. рис. 7) приходится на обострение военного положения в Афганистане и в зоне действий русских войск в период Кавказской войны.

Промышленный кризис 1847 г. в Европе был быстро перекрыт во время военной тревоги 1849 г.; продолжалось нарастание промышленного ввоза, в котором оружие, боеприпасы, предметы военного снаряжения соседствовали с тканями и изделиями из них, многократно подавляя предметы гражданского обихода.

млн русских кораблей ассигнациями

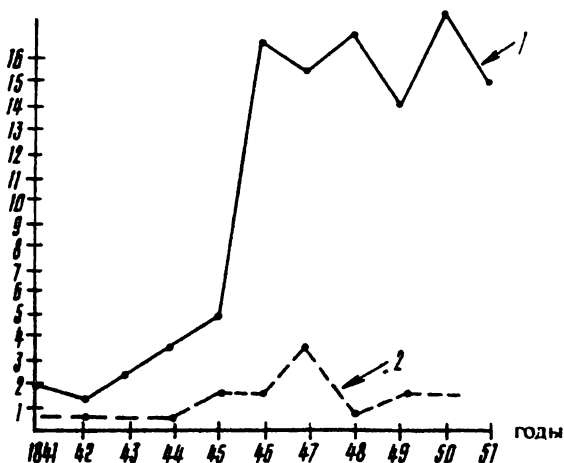

Рис. 6. Торговля Англии через Трабзон (промышленные изделия — кривая 1; шелк-сырец, орехи и т.п. — кривая 2)

При этом попытки османских властей каким-либо образом, включая использование своего военного флота (старого, парусного, который будет затем уничтожен в Синопе в 1853 г.) для участия в перевозках товаров на линиях Измир — Стамбул (Константинополь) — Трабзон, были жестко парализованы английскими и австрийскими конкурентами.

Лишь в годы военного присутствия Англии и Австрии на Леванте (1840—1841) и промышленного кризиса в Европе османскому правительству удалось временно выравнивать положение с торговлей (причем лишь отчасти) в собственных территориальных водах (см. рис. 6—7).

Содержательная часть собственно турецкой торговли через Трабзон в графе “промышленные изделия” включала, по многочисленным сообщениям компетентных русских наблюдателей (что и объясняет данное мной исчисление в русских рублях), преимущественно оружие и боеприпасы для турецких войск в Восточной Анатолии, а также на Средний Восток и в зону боевых

млн русских рублей ассигнациями

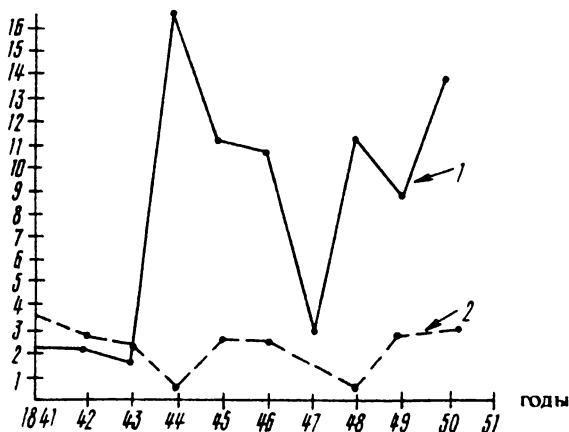

Рис. 7. Торговля Австрии через Трабзон (промышленные изделия — кривая 1; шелк-сырец (вывоз) — кривая 2)

действий русского Кавказского корпуса и горцев Шамилia.

Наконец, последний график (рис. 8) демонстрирует, сколь важным для Англии был трабзонский транзитный узел в период завершения покорения Северо-Западных провинций Индостана (1847–1848), войн в Афганистане и стимулированной британской дипломатией военной тревоги в 1849 г.

Спад напряженности, снижение уровня конфликтности в регионе (1850–1851) были явно “противопоказаны” британским торговым операциям в трабзонской контактной зоне.

Таковы особенности наглядной интерпретации взаимосвязи войны, политики и экономики. Естественно, что при достаточном объеме данных модель работает и на других регионах. Реально применение метода скользящей медианы для прояснения и прогнозирования кризисных точек.

млн русских рублей ассигнациями

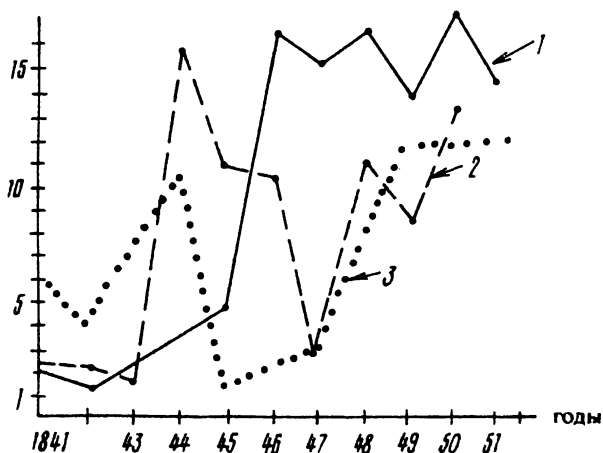

Рис. 8. Торговля промышленными изделиями через Трабзон: Англии (сплошная линия); Австрии (пунктир); Османской империи (точки).

В ряде ретроспективно оцениваемых международных конфликтов не удастся добиться достоверных количественных показателей. В таком случае повышается значение принципа (функции) “желательность” и “возможность”*.

Желательный вариант событий (например, проекты захвата в 1815 г. русским десантом Босфора) просматривается достаточно тщательно по российской прессе и материалам Военно-Морского Архива, по воспоминаниям участников и т.д. Вариант выстраивается по безразмерной шкале только с учетом логического смысла и выверенной достоверности информации.

Все события располагаются в одном логическом ряду, от одного ограничения — наилучшего — до другого — наихудшего. Например, взятие Босфора и его укреплений силами десанта и кораблей только Черноморского флота — наилучший. С переброской части сил Тихоокеанского флота к Дарданеллам — наихудший (1915 год).

Складывается возможность определить степень и вероятность реализации интересов вовлеченной стороны (в данном примере — России) по шкале желательности. Что не менее важно, так это перспектива экспертной оценки как данной (например, периода 1853 или 1915 гг., т.е. знаменитой Галлиполийской операции), так и перспективной напряженности. Как мы помним, слабо подготовленный проект Босфорской операции в 1915 г. лишь осложнил положение Русского Черноморского флота и внес дополнительное напряжение в структуру конфликтных отношений между Генштабами Антанты, ускорил формирование “цветных зон” влияния на Ближнем Востоке, на Среднем Востоке и на Юге России (1915–1920 гг.)*.

* Сочетание системного анализа и “шкалы желательности” см.: Тихомиров В., Злобин А. Планирование и анализ эксперимента. М., 1974.)

** См. на эту тему: Шагин В.В. Босфорская операция осталась на бумаге // Военно-исторический журнал. 1995. № 1. С. 60–66.)

Следовательно, шкала “желательности”, корректно и жестко формулируемая, без избытка описательности, может послужить как для ретроанализа в исторической конфликтологии, так и для прогноза решений.

В последнем предпочтении необходимо учитывать следующие аспекты:

1. Уровень стабильности/нестабильности запросов со стороны политического руководства. Мы знаем, например, что в 1915—1917 гг. запросы политиков по проблеме Проливов были фатально противоречивы.

2. Максимально возможное число вариантов решения спорных вопросов.

3. Стандартную для исторической конфликтологии посылку:

$$\text{Успех} = \frac{\text{Возможности}}{\text{Притязания}}$$

При формализации принципа “желательности” в исторической конфликтологии применим метод расчета средних решений, вполне близкий к предложенному выше формализованному виду связи “война—политика—экономика” и доступный без специального образования.

Если A — функция “желательности” в контексте военной истории, $a^1 \dots a^n$ будет означать выявленную по источникам желательность конкретных событий (взятие замков Анадолу Хисары и Румели Хисары, захват Перы, Галаты...). Число n будет осмысленное и достоверно оцененное число событий.

$$A = \sqrt[n]{a^1, a^2, a^3, a^4 \dots a^n}$$

Примечание. Корректность достигнутых результатов в большой степени зависит от методологически верного применения системного анализа тем исследователем, который готовит общий тренд, т.е. уровень экспорта и его умение верно выделить составляющие кризисов, вооруженных конфликтов обретают большее значение.

Например, в генезисе вооруженного присутствия России, Англии и Франции на Ближнем Востоке за последние 200 лет значимы:

— “длинные волны” экономики и кризисы 1817, 1825, 1837, 1847–1848, 1857, 1875, 1893,.. 1929,.. 1970-х гг.

— наполеоновские войны (1796–1815 гг.)

— вооруженные экспансии революционеров и контр-революционеров 1830, 1849, 1861–1863,.. 1920-х, 1930-х гг. и далее.

Сочетание системного подхода с корректной формализацией шкалы приоритетов есть необходимое условие достоверности всей “шкалы желательности”.

Для развития и углубленного изучения дихотомии “бизнес и война” в контексте исторической конфликтологии весьма продуктивным представляется факторный анализ.

Этот метод определенным образом коррелирует с проектом 1962 г. “Dimensionality of National Projects”, United States of America. Однако американская программа была предельно актуализирована и носила мощное влияние “холодной войны”, а потому в современных условиях, тем более в исторической конфликтологии неприменима. Упоминаю о ней лишь в порядке признания пионерского подхода ее американских авторов.

Имея в виду стоящую передо мной задачу — формализации войн и вооруженных конфликтов и выхода из них в историческом прошлом, — можно, отталкиваясь от частной методики факторного анализа, предложить некоторую факторизацию сторон — участников вооруженных конфликтов в мире (XVIII — нач. XX вв.).

К числу “факторов” должны быть отнесены:

1. Общее экономическое развитие. Оптимальный “индикатор” — это применение в военном деле силы пара для второй половины XVIII в. и электричества — для конца XIX в. и т.д.

2. Территория как второй оптимальный “индикатор”. Однако поскольку для Британской, Французской, Германской империй принято учитывать наличие в их составе колоний, то я предлагаю для паритета оценок

считать колониями: для России — Кавказ и Среднюю Азию; для Цинской монархии — “китайскую” часть Монголии, Юго-Восток Китая, Синцзян; для Османской империи — балканские земли (до 1878 г.), Левант, Магриб (Триполитанию), Египет (до 1883 г.), Аравийский полуостров (до 1914 года).

3. Как “фактор” должна оцениваться политическая система участников войн. До настоящего времени не сложилось понимание того, что политическая организация (система) как взгляд и оценка в концепции историка-конфликтолога применима к любому организованному обществу, начиная от античности на Западе и раннего-сударственных деспотий на Востоке — и вплоть до конца XX в.

Понимая политическую организацию в контексте исторической конфликтологии, предлагаю считать “индикатором” монархию (включая султанат и др. исламизированные структуры) или республику.

4. Как “фактор” выступает население, как “индикатор” — его численность. С оговоркой для стран Ближнего и Среднего Востока (империи османов и кызылбашей), должно быть учтено этно-конфессиональное деление подданных. В противном случае число подданных Османской империи составит для начала XIX в. около 14 млн человек, при фактической численности в середине века — 25 млн, поскольку власти не учитывали немусульман, заставляя их, однако, нести тяжелую и важную для оборонного потенциала дорожно-строительную и фортификационную службу.

5. В качестве “фактора” следует выделить “внешнеконфликтное поведение групп, принимающих решение”; в этом случае в качестве “индикатора” может служить, например, число войн за 20 лет. Тогда для Ирана 1760–1780-х гг. это составит число 4, для Турции — 6 и т.д.

6. Как “фактор” может выделиться “внутриконфликтное поведение групп, принимающих решение”. Тогда “индикатором” будут бунты, восстания подданных, дворцовые перевороты и т.п. за те же десять

лет. Например, для Турции 1797–1803 гг. эта цифра составит 18, причем она в 3–4 раза превосходит аналогичный показатель для сторон-конфронтантов, с которыми она воевала в эти годы (Россия, Франция).

Формализованная таблица примет вид:

Факторы	Индикаторы
---------	------------

Она позволит объективно соотнести значение внешних и внутренних провоцирующих факторов в возникновении войны, а также совместить поля напряженности в зоне латентного конфликта.

Например, вооруженное противостояние мамлюкских беев Стамбулу в 1797–1801 гг., затем войны Мухаммеда Али против султана в 1830–1833 и 1839–1841 гг., друзо-маронитские столкновения 1850–1860-х гг. объективно стимулировали вторжение Франции на Ближний Восток в 1861 г.

Или же другой пример.

Конфронтирующая среда в Калифорнии, Неваде, Юте и Аризоне в середине 1840-х гг. стимулировала американо-мексиканскую войну 1846–1848 гг. и испано-американскую войну 1898 г.

Анализ (как ретроспективный, так и текущий) потенциала конфликта, несущего в себе угрозу соскальзывания в фазу вооруженного противоборства, должен иметь вполне прагматический и позитивный с цивилизационной (сохранения стабильности ноосферы) точки зрения характер.

В применении к войнам прошлого это звучит несколько парадоксально. Однако принципы предотвращения конфликтов в их предельно острой форме историческая конфликтология предлагает оценивать на основе многих тысяч войн и, соответственно, экономического потенциала.

Необходимо:

1. Тщательное выявление оси конфликта как рассогласования интересов сторон, соприкоснувшихся полями конфликта (османы — персы в XV–XIX вв.; Кувейт — Ирак в конце XX в.).

2. Наличие или отсутствие механизма снятия стимулятора напряженности как принцип деблокирования конфликтов. В эпоху наполеоновских войн в Европе монархические коалиции не выработали таких механизмов; первым из них явилась Венская система 1815 г., фактически действовавшая до Крымской войны (сбой системы) и после, вплоть до первой мировой войны; позднее сложилась Версальская система, действовавшая до второй мировой войны.

3. Выявление национальных интересов; признание того факта, что они не только многолики, но и фактически все хронологически заглублены. Нередко — в столетия. Пример тому — борьба за Карабах, уходящая в османо-персидские войны XVI–XVII вв.

4. Признание необходимости широкой исторической информации по конфликтогенным зонам в их ретроспекции. Например, необъявленную войну с Турцией в 1992–1995 гг. ведут курдские племена, боровшиеся с османами в XVIII–XIX вв.; в Ливане сегодня действуют те же воинственные кланы, что и в сороковых годах XIX в.

5. Наконец, историческая конфликтология предупреждает о фатальной опасности дискретных и частичных решений, когда речь идет о реальных шагах по деэскалации конфликта или его минимизации.

6. И последнее. *Насилие в конфликте есть последний аргумент некомпетентного правителя.*

Этот тезис не нуждается в дополнительных комментариях, но будет раскрыт в следующих главах.

Когда капитуляция — путь к победе. Военные переговоры и торговые договоры

Армия и внешняя торговля как источник фискальных поступлений и наравне с ними — внешнеполитическое ведомство были главными объектами забот турецких реформаторов. Внешнеторговые монополии в Османской империи и ограничения для иностранцев на тор-

говлю внутри страны, на операции с недвижимостью стали главными объектами “забот” европейских фритредеров — “певцов свободной торговли”. В итоге родились оставшиеся на бумаге проекты военно-политического союза с Англией, но воплотившиеся в жизнь торговые соглашения 1838–1846 гг. и регулировавшие правовое положение коммерсантов капитуляционные акты.

В авангарде сил вторжения в экономическую и политическую жизнь Османской империи шли британские фритредеры, опиравшиеся на обширные промышленные ресурсы “мастерской мира”. Вместе с тем только политическое закрепление на Ближнем Востоке могло обеспечить Англии преимущественные позиции в конкуренции с Францией, активно осваивавшей Средиземноморье с двух сторон — со стороны колонизованного оружием Алжира и со стороны Египта, Сирии, Палестины, осваиваемых с помощью дипломатии и коммерции.

Что касается Австрии, то она достаточно прочно утвердилась на Дунае и в западном Причерноморье; австрийские торговцы нередко появлялись в Трабзоне и представляли несомненную угрозу Англии и в этом районе, и тем более в Юго-Восточной Европе.

Следует также учитывать, что по объему и общему уровню капитуляционных привилегий Франция, Австрия и Россия оказались впереди “ведущей торговой державы мира”.

В османистической литературе сложилась разделяемая современными турецкими исследователями трактовка капитуляций как системы временных односторонних привилегий для иностранных подданных, торговавших в Османской империи или осуществлявших дипломатическое представительство немусульманских держав. В основе османской практики предоставления капитуляций лежали положения Корана и шариата о делении всего мира на “правоверных” и “неверных”. Исследователи давно отметили огромную роль коранических догматов в организации торгового обмена, особенно с иноверцами в контактных зонах Восток—Запад.

Турецкая дипломатия прибегала к заменившим ей общепринятые нормы международного права шариат-

ским положениям вплоть до XIX в. В Константинополе трактовали в плане мифического османского превосходства все договоры и соглашения Османской империи с державами христианского мира, лишь по необходимости соглашаясь признавать определенную степень взаимовыгодного нейтралитета, как это имело место в отношениях с Францией и Австрией. Если обратиться к догматам Корана, то следует отметить, что 92-й и 93-й стихи четвертой суры призывают к миру с теми “неверными”, которые сложили оружие или признали себя подданными исламского государства.

В многонациональном османском государстве отношения к немусульманским подданным также складывались на основе капитуляций — привилегий, дарованных султаном и служивших актами, регулировавшими отношения центральных мусульманских властей с преимущественно христианскими по населению провинциями Европейской Турции.

В Западной Европе отношение к “турецким капитуляциям” существенно трансформировалось на протяжении трех столетий. В XIX в. они приобрели смысл обеспечения статуса европейских дипломатов и торговцев, стали рассматриваться как предлог оказать с политическими и экономическими целями покровительство определенным этнорелигиозным группам (миллетам).

В первой трети XIX в. наиболее разработанную и обширную систему капитуляционных соглашений имела Франция. Обобщенный смысл ряда соглашений Франции и Османской империи 1535–1749 гг. заключался в предоставлении права наибольшего благоприятствования, неподсудности османским властям претензий торгового и уголовного характера, возникавших между подданными Франции и Турции.

Это относилось также к подданным тех стран Европы, чьи интересы в Османской империи представляла Франция — скандинавские страны, итальянские, центрально-европейские государства. Другим аспектом проблемы было широкое развитие консульской службы Франции и продажи французскими дипломатическими

представителями в Турции документов на консульские должности османским подданным, получавшим двойное гражданство (Турции и Франции) вместе с семьями и всем окружением, причем в XIX в. нередко наследственно. Особой благосклонностью Франции пользовались подданные Османской империи — католики, проживавшие в приморских городах Европейской Турции, Западной Анатолии и на Леванте.

Австрия, добившаяся в 1617 г. вслед за Францией права предоставлять статус покровительствуемых лиц и различные иммунитеты для тех османских подданных, кто был связан предпринимательской деятельностью с австрийскими торговцами, особое внимание обращала на Дунайские княжества, Сербию, Боснию, Герцеговину. Поскольку Австрия в 30–50-х гг. XIX в. не могла соперничать с промышленным потенциалом Англии и Франции и, соответственно, с их экспортными возможностями, австрийская консульская служба и консульские агенты из местных инонационалов основное внимание уделяли влиянию Австрии в развитии транспорта — речного, морского (Дунай, Черное море) и после 1856 г. железнодорожного.

Французские и австрийские капитуляционные соглашения имели преимущественно коммерческую одностороннюю ориентацию. В 1774 г. Россия впервые включила капитуляционные соглашения в политический акт — Кючук-Кайнарджийский договор с Османской империей. Торговый договор 1783 г. между Россией и Турцией, просуществовавший до 1846 г., был первым действовавшим в период интенсивного применения западными державами односторонних преимуществ договором Порты с европейской державой, в котором принцип наибольшего благоприятствования носил взаимобязывающий характер, отвечавший взаимной заинтересованности в торговом обмене.

В турецкой историографии отмечалось, что Англия после 1675 г. и вплоть до начала XIX в. в меньшей степени, чем давние торговые партнеры — Франция, Австрия и Россия, пользовалась правом наибольшего благо-

приятствования и сопровождавшим его трехпроцентным сбором от объявленной стоимости товаров. Стремление английских коммерсантов добиться права участия во внутренней торговле в Османской империи повлекло, как защитную меру со стороны Порты, попытки в 1802, 1809, 1820 гг. уравнивать английских негоциантов с местными мусульманскими торговцами, платившими пятипроцентную пошлину.

Внедрение Англии в систему капитуляционных соглашений, регулировавших торговые отношения Османской империи и одновременно — консульскую службу, осуществлялось на новой основе: на силе и авторитете промышленного капитализма, присваивавшего все права и привилегии, полученные державами в предшествовавший период.

Для наиболее полного воплощения военно-экономического и политического превосходства как над Портой, так и над европейскими партнерами на Ближнем Востоке Англия под видом установления внешнеторгового сотрудничества в духе принципов свободной торговли с середины 30-х гг. стала оказывать возрастающее давление на правительство Турции, чтобы заставить Порту сократить или вовсе устранить правительственное вмешательство в экспортно-импортные операции, обеспечить необходимое влияние в реформах, которые начали осуществляться по объективным условиям развития страны.

Нужно было также открыть внутренние рынки Османской империи для английской торговли. Речь шла о собственно турецких и арабских территориях Османской империи, располагавших ценным сырьем для английской обрабатывающей промышленности — хлопком, шерстью, шелком и, сравнительно с Европейской Турцией, слабо потреблявших привозные товары в силу крайне низкой покупательной способности населения и замкнутости полунатурального местного хозяйства.

Экономические методы торговой экспансии оказались недостаточными в условиях циклического кризиса 1836 г. Их дополнили военно-политические приемы

воздействия на суверенные страны Востока. Так пыталась действовать Англия в Афганистане в 1838–1842 гг., где, однако, потерпела поражение; в Иране, добившись в 1841 г. выгодного договора; в Китае, навязав стране кабальный Нанкинский договор в 1842 г.

В отношении Турции английская дипломатия с 1834 г. начала готовить такое соглашение, которое, во-первых, нейтрализовало бы или заменило собой Ункяр-Искелесийский договор 1833 г., который связал Россию и Турцию военным договором и открыл Проливы для русских военных кораблей. Во-вторых, позволило бы Англии оказывать влияние на продолжение в первую очередь военных преобразований в Османской империи. По указанию Г. Пальмерстона английский посол в Стамбуле Дж. Понсонби сообщал Порте о полной поддержке идей реформ в Турции, направленных на модернизацию армии и флота, об экономической сфере умалчивал.

По концепции Г. Пальмерстона, реформы в Турции следовало поддерживать, так как их преимущественно военный характер не угрожал интересам Англии на Ближнем Востоке. В Лондоне считали также принципиально важным вырвать из рук России инициативу в освобождении христиан и их вооружении.

Альтернативой вооруженной освободительной войне на Балканах под влиянием России было предложено ставшее программой британской политики в Турции на три десятилетия, включая Крымскую войну, мирное привлечение христианского населения к местному самоуправлению под общим контролем турецкой администрации, создание в перспективе территориальных христианских формирований типа милиции, но только тогда, когда там обоснуются европейские советники. Наблюдение британских консулов и присутствие военных советников в османо-турецких войсках предполагалось как само собой разумеющееся.

На протяжении 1836–1838 гг. британская дипломатия в Стамбуле не раз привлекала внимание Порты к необходимости укрепить отношения Турции с Англи-

ей перед лицом возможной реализации Россией своего договорного права (1833 г.) о введении войск на турецкую территорию при столкновении с Мухаммедом Али. Одновременно британские торговые представители обрушили на Порту поток жалоб на мнимые и действительные нарушения местными турецкими властями торговых интересов Англии и на то, что на местах нередко устанавливают свои экспортные пошлины, выше капитуляционных трехпроцентных. Дипломатия Англии настойчиво советовала Высокой Порте принять английских военных советников, инструкторов для обучения рекрутов, направить слушателей-турок в английские военные колледжи, закупать новые партии оружия для регулярных войск. Постоянно подчеркивалась необходимость реформы таможенной службы и в целом создания благоприятных условий для развития внешней торговли и подписания военного договора. Упор делался на одновременность таких договоров.

Переговоры по поводу торгового, как хотел Стамбул, и военного, как настаивал Лондон, договора были длительными и многоэтапными, что отражало и сомнения Высокой Порты в отношении содержания договора, и непоследовательность Англии. В ходе переговоров, в частности, выяснилось, что Порта не столь надеялась получить советников и оружие, сколько стремилась заключить военный союз с великой державой по аналогии с договорами, заключавшимися между европейскими державами. Опираясь на вполне достоверные данные, А.П. Бутенев сообщал, что Решид-паша добивался поддержки Англии не только против Мухаммеда Али, но и против Ирана, используя активизацию Англии в Афганистане, конфликт в Герате и общее обострение англо-русских отношений на Среднем Востоке.

В Лондоне всячески избегали прямого участия в столкновении султана с Мухаммедом Али, но поддерживали латентное состояние конфликта различными заявлениями, в том числе и в ходе приема Решид-паши в Лондоне, о перспективе возврата Сирии под управление султана. Что касается Ирана и Афганистана, то Ан-

глия предпочитала обходиться собственными силами, не связывая себя с Турцией соглашениями по этим вопросам. Переговоры на протяжении двух лет обрастали техническими деталями, прерывались. По инициативе Лондона переговоры в Константинополе был активизированы в 1837 г., после того, как Г. Пальмерстон отступил в конфликте с Россией из-за пиратского рейса шхуны “Уиксен” к берегам Западного Кавказа и поддержал предложение деловых кругов Сити к России о заключении англо-русского торгового договора.

В Лондоне связывали оба соглашения, т.е. с Россией и Турцией, с общей стратегией — противодействовать политике России в Средиземном море, на Ближнем и Среднем Востоке. В Лондоне также учитывали, что Мухаммед Али становится опасным соперником Англии в Сирии и Палестине, на побережье Красного моря, Персидского залива и в Аравии. В проектах прямого сообщения Великобритании с Индией либо через Суэц и Красное море, либо через Евфрат и Персидский залив речь шла о территориях, подвластных Мухаммеду Али, весьма настороженно к этому относившемуся (см. выше). Укрепление власти Мухаммеда Али на большей части арабских земель от Нила до Персидского залива в Лондоне воспринимали как развитие арабского возрождения, угрозу всем колониальным планам Англии: и с точки зрения приобретения Англией новых земель, и с точки зрения экономического влияния в этой зоне.

Более отдаленно, но реалистично, как перспектива для других стран Ближнего Востока, воспринимался египетский опыт организации национального военного производства.

16 августа 1838 г. англо-турецкий договор о торговле и мореплавании был подписан. Он вступал в действие 1 марта 1839 г. Срок действия устанавливался — 7 лет, предусматривалась возможность продления еще на 7 лет. Документ был опубликован на французском языке в константинопольской газете “Эко д’Ориент” 1 декабря 1838 г. Под названием “Дополнительная конвен-

ция к капитуляциям, предоставленным Османской империей Великобритании”, документ распространялся Портой в дипломатических кругах в Константинополе.

Отныне на британские товары, ввозимые в Османскую империю, налагалась 3% пошлина (плюс 2% таможенный сбор), а при экспорте — 9% пошлина (плюс 3% таможенный сбор). В обмен на некоторое повышение таможенного обложения Высокая Порта отменила систему государственных монополий, кроме соляной и торговли пивяками.

В то же время система налогов, высокое обложение и внутренней торговли, и местного производства сохранялась. В таких условиях серия последовавших за англо-турецким торговых договоров, предоставив новые привилегии торгующим внутри страны иностранным подданным, укрепила режим капитуляций. В целом же это было одно из первых соглашений Запад — Восток, защищавших геополитические интересы великой державы с использованием минимальных обязательств перед европейскими партнерами и перед другой договаривающейся стороной.

Представляется, что для сбалансированной оценки англо-турецкого и последующих договоров Османской империи с державами важно учесть следующее.

Капитуляционный режим не был ослаблен; договор формально воспринимался как новая капитуляция и фактически был таковым. Изначально были несовместимы основы протекционизма, которые тщетно предлагали проводить некоторые турецкие государственные деятели, и право английских коммерсантов на свободную торговлю, включая торговлю оружием, на всей территории Османской империи, право неограниченного транзита промышленных и военных изделий через турецкие территориальные воды (в том числе через Черноморские проливы).

Английские торговцы не только получили отныне все те капитуляционные преимущества, которыми пользовались французские, австрийские, русские коммерсанты, но также и возможность поставок оружия на Кавказское побережье Черного моря, в Галац и Траб-

зон, вскоре ставшие двумя центрами англо-русских противоречий.

Первой из европейских держав Англия получила практически бесконтрольное право на вывоз любой продукции и полезных ископаемых стратегического назначения в любых объемах; получила выход на рынки сбыта, простиравшиеся от Нила и Дуная до Трабзона и Шатт-эль-Араба.

Англия, первой завершившая промышленный переворот, первой же поставила себе на службу обновленный (в соответствии с новыми условиям) режим капитуляций, заставив служить целям геополитики средневековый принцип. Это был блестящий успех.

Специфика международных отношений второй трети XIX в. была такова, что обновление и закрепление капитуляционного режима в Османской империи соперничавшие в борьбе за турецкие рынки державы не могли осуществлять порознь. Так же, как Османская империя стала в конце XIX в. коллективной полуколонией, на коллективной основе обновлялся капитуляционный режим. Вплотную в ткань международных конфликтов середины XIX в. вплетались нити торговых соглашений.

В свою очередь Англия не могла, не вызвав осложнений с другими западноевропейскими державами, реализовать полученные преимущества.

Проект договора с Турцией был предварительно согласован Лондоном с Францией, подписавшей 26 ноября 1838 г. свой договор с Портой, совпадавший в основных положениях с английским вариантом. Затем последовали договоры с другими державами. До конца 1838 г. английской дипломатией было достигнуто дополнение, весьма существенное для Австрии: было получено согласие Высокой Порты на исключение Дунайских княжеств, Сербии, Боснии и Герцеговины из сферы действия фритредерского договора с Англией*.

* Эту вынужденную уступку Вене Англия уравновесила вновь за счет Турции: и морская торговля в турецких водах, и речная — по Дунаю австрийскими товарами должна была осуществляться преимущественно на английских судах.

Это несколько ослабило неблагоприятное впечатление в Западной Европе от англо-турецкого соглашения, которое часто сравнивалось антианглийски настроенными современниками с Адрианопольским мирным договором 1829 г. Они отмечали, что, в отличие от завершившего русско-турецкую войну договора 1829 г., англо-турецкая конвенция 1838 г. закрепляла преобладание в Турции одной державы — Англии, связавшей торговый договор с внутренней турецкой проблемой — отменой монополий. Фактически Англия во имя экономических выгод стимулировала конфликтность в регионе.

Англии сравнительно легко удалось “умиротворить” своих европейских конкурентов по турецкой торговле.

Франция была занята подавлением восстания в Канаде, осложнением отношений с Мексикой и Аргентиной, колониальной войной в Алжире. В Париже высказывали гораздо большую озабоченность политической перспективой развития военно-политических событий в Северной Америке, Египте и Сирии, чем торговыми вопросами. Сторонники свободной торговли во Франции во главе с Клодом Бастиа активизировались лишь в начале 1840-х гг., но было поздно.

Как отмечалось выше, франко-турецкая торговая конвенция была подписана в Константинополе в конце ноября 1838 г. В правительственных кругах Франции продолжал дискутироваться вопрос об англо-турецком договоре; расходясь в оценках со своим премьер-министром Ф. Моле, Луи Филипп требовал исключить Египет и Сирию из сферы действия свободной торговли по прецеденту изъятия Австрией ряда балканских земель. Особенно тревожила Луи Филиппа перспектива англо-турецкого военного договора и совместных действий соединенных сил Англии и Турции против Мухаммеда Али, а в перспективе их действия в отношении Алжира и Туниса. Неудача политики Луи Филиппа в Испании и Италии, дипломатическое поражение в Бельгии, новые выступления алжирских повстанцев заставили правительство Франции несколько умерить негодование парижской прессы против Англии. В декабре 1838 г.

было объявлено, что англо-турецкая конвенция в целом соответствует французским военным и политическим интересам на Леванте. Однако в парижской прессе всё же отмечалось, что англо-турецкое соглашение несет зерно новых международных осложнений, так как через англо-австрийский торговый договор 1839 г. открывает Англии дорогу через Турцию на Дунай и в Центральную Европу.

Текст франко-турецкой конвенции 1838 г. был опубликован в Париже вместе с двумя предшествующими капитуляционными документами, регулировавшими отношения между Францией и Турцией в течение ста лет, и под названием “капитуляция”, как и англо-турецкий договор.

В правительственных кругах России подготовка и заключение англо-турецкой конвенции 1838 г. вызвали внимание, но преимущественно с дипломатической точки зрения и весьма одностороннее — через призму англо-русских отношений. Собственно русско-турецкие отношения, стратегические интересы России в Средиземноморье, ее интересы как великой морской державы, заинтересованной в широких торговых связях в бассейнах Индийского и Атлантического океанов, были подчинены недальновидной политической линии К.В. Нессельроде — сохранять призрачное единство позиций с Англией, Францией и Австрией в Восточном вопросе. Со всей очевидностью пагубность этого “сбалансированного курса” царского правительства по ближневосточному вопросу и явная недальновидность в оценке стратегических перспектив проявились во второй половине XIX в.

Английское правительство вполне устраивала оценка Петербургом договора 1838 г. как малозначимого. Высокая Порта избежала осложнений между Лондоном и Петербургом, что было для нее принципиально важно в связи с пересмотром на новой основе русско-турецкого торгового договора 1783 г., т.е. тактические преимущества и активная роль в узловых моментах переходили от России к ее соперникам.

Под настойчивым давлением турецкой дипломатии и в связи с очевидной невозможностью бесконечно откладывать присоединение к системе торговых договоров русско-турецкий торговый договор был подписан в 1846 г. При формальном включении в серию соглашений Порты с западными державами о свободной торговле русско-турецкий торговый трактат содержал такие ограничения для русских торговцев, которых турки не смогли добиться в переговорах с западно-европейскими партнерами, манипулировавшими военным фактором. Так, был полностью запрещен “мелочной торг” — розничная торговля во внутренних рынках, равно как и торговля оружием (ст. X), владение ремесленными мастерскими и занятия ремеслами (ст. VI). Рыбой, табаком, вином, солью, квасцами могли торговать только османские подданные.

Представители России подчеркивали в ходе переговоров, что они “сообразуются с интересами Порты”, особенно с усилением притока иностранных товаров, разрушающих местное производство, и полагают, что “трактат может послужить для Порты благонадежным основанием для устранения некоторых неудобств, истекающих от условий конвенции 1838 года”.

Гораздо острее, чем Франция и Россия, на англо-турецкую конвенцию реагировала Австрия. Уступка со стороны Англии — исключение из сферы действия договора территорий, считавшихся зоной австрийских интересов, мало устраивала деловые круги Австрии. Они считали нужным, во-первых, активнее воспользоваться сочетанием военного и экономического давления, связанного с капитуляционными льготами австрийских подданных в Турции; и, во-вторых, потеснить Англию на турецком рынке.

Накануне описываемых событий тяжелый финансовый кризис потерпел Австрийский Ллойд. Причиной тому были напряженная конкуренция с английскими пароходными компаниями и циклический кризис в капиталистической Европе. Выгодные контракты на обширные перевозки в Восточном Средиземноморье

и транзитом через Проливы существенно улучшили положение компании только в начале 1850-х гг.

В 1838–1839 гг. напряженная для Австрии ситуация складывалась в Италии. Вена не могла осложнять свои отношения с Лондоном открытым протестом. Англо-турецкая конвенция, дополненная австро-турецким соглашением, была одобрена австрийским правительством. Зона действия англо-турецкого договора, несмотря на уступки Вене, фактически расширилась. Британские фритредеры включали в свою зону влияния Ближний Восток, Балканы и отчасти сопредельные страны Европы, привязывая их к системе свободной торговли выгодными операциями.

Вместе с тем жесткое давление, оказанное на Порту Англией в 1838–1841 гг., готовность Австрии принять активное участие в военных действиях, вопреки всем заявлениям о миролюбии, что имело место в событиях на Леванте 1840–1841 гг. и в 1854–1856 гг. (Крымская война), стремление Франции решать за счет военного и экономического давления на Турцию свои проблемы в других частях света — все эти факты подтверждают применимость к Балканам и Ближнему Востоку периода уже 40-х гг. XIX в. понятия “зона латентного конфликта”.

Таковы были обстоятельства и особенности пагубных для истории Османской империи военных переговоров и торговых договоров, сочетавших принципы свободной конкуренции эпохи капитализма и средневековых капитуляций с приближением к понятиям стратегических интересов великих держав.

Полагая сделанные Англии и другим великим державам Запада уступки торгового характера достаточной демонстрацией лояльности, в августе 1838 г. Порты направила в Лондон свой проект военного договора, первоначально одобренный послом в Константинополе Дж. Понсонби. Предусматривалось совместное участие турецкой, английской и французской эскадр в тесной блокаде побережий Сирии и Египта, чтобы привести к покорности Мухаммеда Али и распространить на

Египет договор 1838 г. О Проливах в проекте не упоминалось. В особом послании Пальмерстону Порты обещала не обращаться за военной помощью к России, полагаясь на Англию и собственные морские силы.

Надеясь, что в Лондоне выполнят оплаченную торговыми уступками предварительную договоренность, в апреле 1839 г. турецкая армия начала военные действия против Мухаммеда Али. В начале июня было получено сообщение турецкого посла из Лондона, что Англия отказывается подписать двусторонний военный договор и обещает лишь защиту османского трона от падения в случае военного поражения.

Обещания военной помощи сыграли свою роль и теперь были отброшены Лондоном. Брешь в турецкой таможенной системе была пробита. Запретительные мероприятия Порты — парализованы. В военных акциях Англия участвовать не хотела, да и не могла бы без серьезных осложнений во взаимоотношениях с Францией и Россией. Готовилась британская экспедиция в Аден и новые торговые соглашения с шейхами Договорного Омана и Бахрейна. Английские войска весной 1839 г. вторично вторглись в Афганистан. Британский флот блокировал побережье Китая, готовилась “опиумная война”.

24 июня 1839 г. в битве при Незибе армия Махмуда II была разгромлена. Вмешательство держав не позволило Египту закрепить победу. Под давлением прежде всего Англии и Австрии Мухаммеду Али пришлось оставить Сирию и Палестину, Аравийский полуостров. На эти территории были немедленно распространены условия фритредерских соглашений Порты с западными державами. Сочетание военных и торговых мер срабатывало пока безупречно.

Султан, который вошел в историю Османской империи как султан-реформатор, скончался через неделю после поражения при Незибе, 1 июля 1839 г. На трон Османов взошел его единственный сын и наследник — Абдул Меджид I. Ему было всего 16 лет. К счастью, и сам молодой султан, и его ближайшее окружение осо-

знавали, что без немедленных и радикальных перемен стране грозит не просто кризис, а гибель.

Уже 3 ноября 1839 г. в Константинополе был провозглашен Гюльханейский хатт-и шериф. Среди прочих преобразований буржуазного характера он предусматривал гарантию жизни, чести и имущества всем подданным империи, в том числе и тем, преимущественно инонациональным торговцам с двойным (и более) подданством, которые были тесно связаны с Западом и, защищенные капитуляциями, вели торговые операции отныне на принципах свободной торговли.

Серия реформ танзимата, проведенных в последующие годы, содействовала развитию основ капиталистических отношений в стране. Однако позиции западноевропейского, прежде всего английского капитала, обеспеченные промышленным превосходством и военной силой, оказались значительно прочнее, чем у нарождающейся национальной балканской или турецкой буржуазии, и обеспечивали фактический контроль над многими преобразованиями жизни Османской империи.

Феска и каска. Военные и политико-экономические аспекты вхождения Блистательной Порты в мировые рыночные связи

Османская империя располагала богатыми естественными факторами для развития военно-экономического потенциала. Территорией — более чем в 4,4 млн кв.км; большим населением — превысившим 25 млн человек (по оценке Д.А. Милютин, обобщившего в 1847 г. данные русской военной разведки и материалы переписи, произведенной в 1844 г.*); разнообразием производимой сельскохозяйственной продукции и наличием большого количества полезных ископаемых.

*См.: РГВИА. ВУА. Ф. 450. Д. 28. Л. 64 об.

О численности населения Османской империи в этот период (1840-е гг.) следует сказать отдельно в связи с мобилизационными мероприятиями Высокой Порты в конце 1840-х гг., войной 1853–1856 гг. и необходимостью объяснить разброс данных — от 25 до 55 млн человек. Это важно и для ответа на простой вопрос торговли — а каково число потребителей?

К середине XIX в. происходил распад османских территорий, причем под влиянием факторов как внутреннего характера — освободительная война греческого народа, фактическая самостоятельность Египта под управлением Мухаммеда Али, — так и внешнего: прямая колониальная экспансия Франции в Алжире, Англии — на юге Аравии. Тем не менее на оставшихся под властью Высокой Порты землях, согласно все той же ревизии 1844 г., проживало 35 млн 350 тыс. человек. Весьма относительную достоверность этих данных признавали и опубликовавший эти цифры А. Убичини, и прочие современники. Формулу расчета населения Турции для 1840–1850-х гг. вывел генеральный консул России в Бейруте К.М. Базили. Он предложил военному министерству России основываться на данных турецкого правительства, учитывавшего только податное, подлежащее рекрутскому набору мужское население Османской империи (в возрасте от 18 до 60 лет), а также увеличивать эту цифру в 4,5 раза, что соответствовало бы в среднем числу женщин и детей в семьях. К полученной сумме надлежало прибавить еще 5%, т.е. число не облагавшихся налогами лиц — мусульманское духовенство, шейхи племен, чиновничий аппарат и покровительствуемые лица*.

* О К.М. Базили и его деятельности см.: *Базили К.М.* Сирия и Палестина. М., 1962; *Базили К.М.* Сирия, Ливан и Палестина в первой половине XIX в. М., 1991. С. 236–310. Расчеты и методики К.М. Базили по народонаселению Османской империи не вошли ни в одно издание и в настоящей работе публикуются впервые по: Базили К.М. Опыт духовной статистики... // АВПРИ. Ф. ГА V-A₂. Оп. 181. Д. 512. Ч. 1-2.

При подсчетах по методике К.М. Базили численность населения Османской империи к началу 1850-х гг. составляет более 55 млн человек.

Метод К.М. Базили был изучен и одобрен Азиатским департаментом российского Министерства иностранных дел и в Генштабе России, внимательно изучался также и британской консульской службой в Турции. Однако он был применим только к арабским территориям, но не к турецкому населению и не к Османской империи в целом (разрядка моя. — В.Ш.).

Отмеченная исследователями стагнация народонаселения в XIX в. в Юго-Западной Азии, включая Османскую империю, объяснявшаяся причинами прежде всего социального характера, была особенно заметна в отношении турецкого населения Малой Азии, которое в 1840–1850-х гг. не превышало 10–11 млн человек, т.е. от одной пятой до одной трети всего населения империи.

Правительственная статистика Османской империи искажала картину. В связи с очередным рекрутским набором турецкий официоз “Журналь де Константинополь” от 11 сентября 1843 г. и “Монитёр оттоман” от 23 сентября того же года сообщали сумму годового бюджета империи — 300 млн курушей и численность населения — 24 млн человек.

Позднее, в начале 1850-х гг., с помощью “первейшего знатока Турции” (по оценке Е.В. Тарле) и “проходимца, редкого даже для безродного гяура” (военный министр Рыза-паша) Абдолонима Убичини в Европе стали распространяться совсем иные данные о населении Османской империи, сгруппированные к тому же то по религиозной принадлежности, то по территории. То и другое скрывало подлинную численность турецкого населения Османской империи.

По официальным турецким данным, опубликованным А. Убичини в прессе и затем в 1851 г. и в последующих изданиях (1853, 1855) — в его книге, в 1844 г. из 35,3 млн человек всего населения 20,5 млн составля-

ли мусульмане, 13,7 млн — православные подданные султана, 0,9 — подданные католического вероисповедания, 170 тыс. человек — еврейское население. В Европейской Турции проживало 15,5 млн человек. В Малой Азии — 10,7–11,5 млн. Данные по арабским провинциям варьировались в широком диапазоне — от 9,3 млн до 16,05 млн человек*.

И.П. Липранди, долгое время возглавлявший закордонную службу Южной (Молдавской) Армии, в курсе лекций для слушателей Санкт-Петербургской Военной Академии, частично опубликованных в “Северной Пчеле” 16—19 августа 1854 г., подверг аргументированной критике данные А. Убичини, опубликованные в европейской прессе. И.П. Липранди отмечал, что в число исламского населения включено не менее 2,7 млн насильно исламизированных славян (следует отметить, что именно такой усложненный состав населения, включающий значительное количество мусульман по конфессиональному признаку, но славянского происхождения, послужил причиной многих конфликтов начала 1990-х гг. в Боснии и Герцеговине). Липранди предложил собственную систему исчисления количества населения в Османской империи, основанную строго на данных рекрутских наборов.

Рекрутские наборы проходили по хорошо известной системе — один рекрут от 42 мужчин-мусульман. Численность армейских корпусов Османской империи знали и в Европе, и в России. Исходя из этих данных, И.П. Липранди подсчитал, что численность турецкого населения (“османлы”, по его терминологии) в Европейской Турции не превышала 1,1 млн человек, а в Малой Азии составляла 10 млн.

А.П. Чихачев, лично знавший А. Убичини и с полным основанием весьма критически оценивавший все

* Как стало известно русской военной разведке, данные, опубликованные А. Убичини, лично отредактировал и дополнил военный министр Турции Рыза-паша, от которого “независимый журналист” получал приличное жалование. *Ubicini A. La Turquie actuelle...* Paris., 1851 (1e éd.). P. 1853 (2e éd.).)

его труды (и вообще всю его деятельность в Турции), в свою очередь, прибегая к данным официальной турецкой статистики, оценивал население Малой Азии в “три миллиона жителей — бедных, деморализованных, рассеянных среди пустынь, болот и развалин”. Судя по всему, эта оценка наиболее близка к истине, если учитывать только турок-мужчин, т.е. податное население.

Данные А. Убичини критиковали не только в России. К его сведениям и их компоновке критически отнесся уже упоминавшийся прусский офицер И. Босна, служивший при Главном штабе османской армии, в Управлении рекрутских наборов. По роду службы он, несомненно, располагал всеми данными переписи 1844 г. По его сведениям, в Европейской Турции проживало всего 1,1 млн турок, 7,2 млн славян, более 1 млн греков, 2,6 млн валахов, 1,4 млн молдаван, 1,5 млн арнаутов и эпиротов. Более 6 млн человек проживало в Боснии, Герцеговине, Черногории, Албании и на принадлежавших Турции островах Средиземного моря.

Однако накануне войны русофобствовавшая часть французских и английских публицистов активно пользовалась материалами переписи населения Османской империи именно в трактовке А. Убичини. Они вводили в заблуждение общественное мнение во Франции и Англии (это были Ж. Ладимир, К. Раймондс, Дж. Скейн и некоторые другие), уверяя читателей, что живой силе русской армии на Востоке противостоит более чем миллионная турецкая армия, располагающая к тому же многомиллионным резервом. Таков был подлинный смысл опубликованных в 1850–1853 гг. результатов переписи 1844 г.

* * *

В 1840-х гг., как говорилось выше, только Малая Азия производила на вывоз до 25 млн киле высококачественной пшеницы, а Дунайские княжества, Болгария, Македония и Фракия стали в 1830–1840-х гг., наряду с Египтом, важнейшими поставщиками зерновых в промышленные страны Европы. Табак, хлеб, оливки,

шелк-сырец, шелк в коконах, хлопок, шерсть, конопля, разнообразные сухофрукты и свежие фрукты, вина наравне с живым скотом и подвергнутым первичной обработке кожевенным сырьем на протяжении всего изучаемого периода значились среди предметов турецкого вывоза в Западную Европу и находили полный сбыт.

Однако развитие сельскохозяйственного экспортного производства, равно как и интендантского потребления существенно сдерживала не менявшаяся, несмотря на реформы, система эксплуатации крестьянства. Она основывалась главным образом на государственном регулировании платежей преимущественно натурального характера и не учитывала вовсе либо в очень малой степени задачи поставок сырья для военных нужд — это сказывалось на росте ввоза. В стране имелась достаточная база для создания национального военного производства — значительное количество минерального, горнорудного сырья.

В конце XVIII — первой половине XIX в. в Малой Азии и Европейской Турции постоянно или периодически разрабатывались 14 месторождений каменного угля, более 10 крупных месторождений меди, свинца, серебра, железной руды, цинка, марганца. Они давали продукцию как для внутреннего потребления, так и на экспорт.

При сохранявшейся в новое время средневековой (по европейским критериям) системе разделения труда в Османской империи существовала и тщательно поддерживалась государством стабильная “трансимперская” сеть военно-торговых коммуникаций в виде караванных путей, связывавших Европу с Азией, а также в виде водных путей, соединявших бассейны Средиземного, Черного, Красного морей и бассейны Атлантики и Индийского океана. С 1832 г. действовала постоянная служба почтовых перевозок, использовавшаяся как частной корреспонденцией европейцев в Турции, так и армией.

В сочетании со сравнительно развитым процессом урбанизации и наличием таких много веков существовавших торгово-коммуникационных центров в обмене

“Запад—Восток”, как Константинополь, Измир, Трабзон, Алеппо, Дамаск, Бейрут, Балыкесир и Токат (до 1830-х гг.), Адрианополь, Белград, Филиппополь и др., Османская империя рассматривалась европейскими коммерсантами как мировой трансконтинентальный торговый путь, достаточно хорошо охраняемый турецкими властями. В свою очередь, это учитывалось и использовалось Высокой Портой в ее отношениях с великими державами; в переговорах по военным вопросам это выступало в качестве безальтернативного аргумента.

Важно подчеркнуть, что огромные просторы Османской империи, лежавшей на стыке Европы, Азии и Африки, были в значительной мере “готовы” к тому, чтобы на исторические пути сообщения пришли современные эпохи промышленного переворота, транспортные средства, которыми оснащались армии и флоты великих держав.

Подтверждением тому могут служить многочисленные проекты 1840–1850-х гг. использования традиционных каботажных и речных путей в изыскании английскими и французскими военными геодезистами кратчайших путей из Западной Европы через Османскую империю на Средний Восток и в Восточную Африку, применительно к новым паровым транспортным средствам (см. выше).

Транспортно-коммуникационные и экспортно-сельскохозяйственные возможности Османской империи во многом определили ее место в складывавшемся мировом разделении труда периода промышленного капитализма. Однако решающее значение в этом все же имели особенности внутреннего развития Османской империи.

Для наглядности приведем расчеты по оборотам двух крупных портов империи. Один — на западноанатолийском побережье (Измир), другой — вблизи восточных границ. Оба были мощными коммуникационными и торгово-транзитными центрами.

Определенное представление о торговом соперничестве держав в двух характерных контактных зонах Смирны (Измира) и Трабзона дают табл. 12 и 13.

ТОРГОВЫЙ ОБОРОТ ДЕРЖАВ ЧЕРЕЗ ИЗМИР (СМИРНУ)*

Страна	Ввоз	Вывоз	Общий оборот, %	Ввоз	Вывоз	Общий оборот, %
	млн курушей			млн курушей		
		1834 г.			1835 г.	
Всего, в т.ч.:	57,1	77,4	100,0	51,2	107,0	100,0
Россия	1,5	5,8	5,7	3,9	6,4	6,3
Франция	5,7	14,4	15,6	8,3	15,3	14,9
Австрия	13,5	18,1	24,6	12,2	26,5	24,5
Англия	17,0	28,4	35,3	14,8	37,8	33,2
США	13,4	10,7	18,8	12,0	21,0	20,9
...						
		1836 г.			1837 г.	
Всего, в т.ч.:	48,1	102,1	100,0	29,0	69,3	100,0
Россия	3,5	4,7	5,5	2,4	6,9	9,5
Франция	3,8	16,3	13,4	3,4	12,4	16,1
Австрия	16,0	30,0	30,6	9,0	16,2	25,6
Англия	8,7	29,6	25,5	7,9	28,1	36,6
США	16,1	21,5	25,0	6,3	5,7	12,2
...						
		1838 г.			1839 г.	
Всего, в т.ч.:	52,7	82,0	100,0	56,4	123,9	100,0
Россия	3,0	9,7	9,4	4,7	5,7	5,8
Франция	6,4	11,9	13,6	4,5	30,5	19,4
Австрия	15,1	20,8	26,6	15,0	28,6	24,2
Англия	16,1	30,8	34,8	18,9	41,8	33,6
США	12,0	9,0	15,6	13,3	17,3	17,0
...						
		1840 г.			1841 г.	
Всего, в т.ч.:	59,8	111,3	100,0	62,7	97,4	100,0
Россия	5,6	4,5	5,9	4,8	5,1	6,2
Франция	8,2	22,1	17,7	4,6	13,3	11,2
Австрия	14,3	23,6	22,1	17,1	25,7	26,7
Англия	22,2	51,0	42,8	21,0	35,2	35,1
США	9,5	10,1	11,5	15,2	18,1	20,9
...						

* Рассчитано по материалам торговой статистики Коммерческой канцелярии России, приложенной к донесениям Ф.А. Иванова из Смирны (Измира). См.: АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517. Д. 1481, 1483, 1484.)

ТОРГОВЫЙ ОБОРОТ ДЕРЖАВ ЧЕРЕЗ ТРАБЗОН*

Страна	Ввоз	Вывоз	Общий оборот, %	Ввоз	Вывоз	Общий оборот, %
	млн русских руб. ассигнациями			млн русских руб. ассигнациями		
		1841 г.			1842 г.	
Общий обо- рот, в т.ч.:	13,3	8,2	100,0	9,5	7,3	100,0
Австрия	2,4	4,8	33,5	2,3	5,0	42,2
Англия	2,4	0,8	14,9	1,3	0,3	9,2
Турция	8,5	2,6	51,6	5,9	2,5	48,6
...						
		1843 г.			1844 г.	
Общий обо- рот, в т.ч.:	12,4	8,4	100,0	35,0	6,2	100,0
Австрия	1,6	5,4	33,7	16,9	0,6	42,5
Англия	2,2	0,4	12,5	4,0	0,3	10,4
Турция	8,6	2,6	53,8	14,1	5,3	47,1
...						
		1845 г.			1846 г.	
Общий обо- рот, в т.ч.:	34,0	9,1	100,0	35,6	8,2	100,0
Австрия	12,5	4,3	39,0	12,3	4,4	38,1
Англия	5,2	1,8	16,2	18,3	3,1	48,9
Турция	16,3	3,0	44,8	5,0	0,7	13,0
...						
		1847 г.			1848 г.	
Общий обо- рот, в т.ч.:	32,1	7,4	100,0	46,2	4,9	100,0
Австрия	10,9	3,0	35,2	12,4	1,4	27,0
Англия	16,6	3,2	50,1	20,0	1,3	41,7
Турция	4,6	1,2	14,7	13,8	2,2	31,3
...						
		1849 г.			1850 г.	
Общий обо- рот, в т.ч.:	42,2	14,4	100,0	48,7	41,4	100,0
Австрия	10,3	1,9	21,6	14,9	13,2	30,1
Англия	16,6	3,1	4,8	19,3	3,8	38,4
Турция	15,3	9,4	43,6	14,5	4,4	31,5
...						

* Рассчитано по материалам торговой статистики Коммерческой канцелярии России; см. также приложения к донесениям консула России И. Герси из Трабзона // АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517. Д. 1583, 1584, 1585, 1586, 1587, 1588, 1589, 1590, 1591, 1592, 1593, 1594. Отдельные приложения по годам.

Через Смирну поступала продукция всей промышленности Европы и США, вывозилась сельскохозяйственная продукция Малой Азии и части арабских территорий, осуществлялся транзит товаров в Западную Европу, в Черноморские порты России.

В динамике торгового развития Смирны за 1834–1841 гг. центральным событием стала серия фритредерских соглашений Порты с западными державами.

Если доля Австрии по существу не изменялась на протяжении всего периода — была не ниже 22,1% в 1840 г. и не выше 30,6% в 1836 г., то позиции Англии заметно окрепли после 1837 г.

В 1840-х гг., вскоре после заключения Лондонской конвенции о Проливах, на долю Англии приходилось более половины всего товарооборота Смирны. Англия и Австрия оказывала решающее воздействие на объем торговли через этот порт, поскольку на их долю неизменно приходилось более половины стоимости всех грузов.

Это же обстоятельство во многом определяло противоречия между двумя главными торговыми контрагентами Смирны в эти годы. Связанные соглашением о взаимных льготах для транспортировки товаров в бассейне Черного моря, Австрия с ее значительным флотом и Англия с ее промышленным потенциалом доминировали в торговле Смирны до середины 50-х гг. После Крымской войны (в 1860-х гг.) доля Франции, а позднее (в 1870-х гг.) Германии значительно возрастает.

Другая контактная зона — Трабзон — была связана с транзитным экспортом Англии в Иран и Афганистан, Австрии — со значительным транзитным импортом из Ирана. В отличие от торговли Смирны, где османским подданным — грекам и туркам, владельцам небольших судов, из-за конкуренции крупнотоннажных кораблей не оставалось сколько-нибудь значительной роли в перевозках, в Трабзоне ситуация складывалась иначе.

По инициативе Махмуда II в 1838 г. были начаты переговоры с Австрийской Дунайской компанией о передаче Порте всей или большей части перевозок на линии

Константинополь—Трабзон. Напряженные дискуссии Таможенного управления Османской империи с чиновниками Австрийского Ллойда велись в течение трех лет. Впрочем, корабли под османским флагом, на участие в транзитной торговле которых Австрия вынуждена была согласиться, перевозили не турецкие товары и не для Восточной Анатолии. Европейские наблюдатели (А. Убичини, Л. Фарли) и историки (Ф.Э. Бейли, Ч. Иссаи) дают разные оценки транзита через Трабзон. Впервые привлеченные обзоры генерального консула России И. Герси за 1840 — начало 1850-х гг. позволяют сделать уточнения.

И. Герси, консул России в Трабзоне, писал в 1842 г., что, несмотря на общий упадок внутренней торговли с Малой Азией, Трабзон процветает. “Это распахнутые настежь и вовсе неохраняемые ворота, через которые в Персию уходит из Европы на 21,3 млн руб. асс. товаров самого разного сорта из 30,5 млн руб. асс. общего привоза”.

Действительно, преимущественно мануфактурный ввоз в Иран в 1842–1849 г. составил 66–69% всего ввоза в Трабзон, и только в начале 50-х гг. ввоз (транзитом в Иран) упал до 22–18% ввоза в Трабзон за счет увеличения товаров преимущественно военного назначения для войск Ванского и Эрзерумского вилайетов.

Тенденция транзитного вывоза из Ирана аналогична: от 71–73% общей стоимости экспорта Трабзона в 1846–1847 гг., до 18–20% в 1851–1852 гг. Частично вывоз из Ирана шелка-сырца и табака заменился в 1851–1853 гг. увеличением турецкого табака и сухофруктов, собранных в Восточной Анатолии. (Подсчитано по ежегодным консульским отчетам И. Герси из Трабзона за 1842–1853 гг.).

Преобладающий характер мануфактурного ввоза в Трабзон очевиден, как и решающее место шелка-сырца, орехов и табака в экспорте, перевозившемся английскими и австрийскими судами (см. рис. 6 и 7).

Для турецких кораблей были характерны грузы (хлеб, соль, чай, кофе и др.), предназначенные для мест-

ного потребления. Медь на экспорт, а также русские товары (полотно, парусину, железо и хлеб) перевозили турецкие суда. “Вся торговля с русскими портами, — писал в 1840 г. И. Герси, — ведется турками на их кораблях”. (Фрагменты обзоров И. Герси не раз опубликовала “Коммерческая газета”. Например, 14.12.1843 г.). Ввоз оружия отмечался в статистике: с 1847 г. — на английских кораблях. Перевозки оружия на турецких судах — с 1849 г.

Начиная с 1844 г., регулярную линию Константинополь — Трабзон поддерживал английский, австрийский и турецкий пароходы, совершавшие по одному обратному рейсу в неделю. Когда Австрия и Англия ввели рейсы на Батум (1850), Порта немедленно ввела регулярный рейс парохода Константинополь — Трабзон — Батум (1 раз в две недели). Однако попытки турецких властей противостоять конкуренции в трабзонской торговле Англии и Австрии были столь же безуспешными, как и конкуренция турецких парусных лодок с пароходами.

Процентное соотношение участия Австрии, Англии и Турции в трабзонской торговле свидетельствует о падении доли Турции в 1846–1847 гг., в период экономического кризиса. Этот спад, как свидетельствует статистика, сопровождался ростом, который можно проследить на графике английского и в меньшей степени австрийского оборота. Австрия и Англия определяли в целом динамику торговли в Восточном Причерноморье и транзит на Средний Восток. Защита дальних рубежей британских владений на Индостане, продвижение в Центральной и Средней Азии осуществлялись Англией во взаимодействии политических, военных, экономических методов.

Наряду с благоприятными природно-географическими факторами, сравнительно низкие ставки земельной ренты-налога, существовавшие в Османской империи; внеэкономическое принуждение в отношении крестьян — производителей технических культур, важных для снабжения армии, к которому прибегали экспортеры —

османские подданные или лица, обладавшие капитуляционными иммунитетами; сравнительная дешевизна средств существования турецких крестьян — таковы были главные факторы, обуславливавшие длительную (до середины XIX в.) конкурентоспособность турецкого сельскохозяйственного экспорта на рынках Европы.

Эти же факторы содействовали тому, что ввоз в Западную Европу относительно дешевого и стабильно поступавшего (в отличие, например, от американского) растительного сырья из Османской империи содействовал удешевлению основных элементов оборотного капитала в Англии, Франции, Австрии в период осуществления в них промышленного переворота.

Выгодность сельскохозяйственного сырьевого рынка Османской империи для Западной Европы заключалась, в частности, в том, что вплоть до второй половины 1840-х гг. турецкое растительное сырье мало или вовсе не конкурировало с европейским сельскохозяйственным производством. Османская империя экспортировала продукцию преимущественно субтропического земледелия, которая не могла сталкиваться с сельскохозяйственной продукцией Западной и Северной Европы по дешевизне или по отсутствию аналогов (сухофрукты, пряности, табак, опиум и т.д.). Выше говорилось, что из османских земель традиционно вывозилась в Западную Европу продукция первичной обработки табака, хлопка, шелка, растительных (помимо оливкового) масел, которая лишь в начале 1820-х гг., по мере развития и углубления промышленного переворота на Западе, могла конкурировать с обычными для Европы изделиями из льна, пеньки, с подсолнечными и льняными маслами для механических прялок; эти масла нашли широкое применение и в военном деле.

Складывавшийся в период промышленного переворота мировой рынок оказал первоочередное воздействие на структуру хозяйства Османской империи.

Под воздействием внешнего спроса с конца 1820-х гг. начал изменяться состав возделывавшихся культур в пользу технических, экспортных; также начал меняться общий фонд рабочего времени в зонах интенсивного

контакта турок с западным миром в пользу специализированного труда по производству конкретной экспортной продукции.

Одновременный значительный ввоз промышленных изделий содействовал сокращению доли подсобных, неземледельческих промыслов и ремесел в турецкой деревне, особенно в балканских приморских областях.

Что же касается экспорта минерального сырья Османской империи на европейские рынки, то оно было дороже турецкого сельскохозяйственного сырья. И это — несмотря на дешевизну труда немусульманских рабочих на горных разработках в Европейской Турции и в Малой Азии. Удаленность наиболее богатых анатолийских залежей горнорудного сырья от европейского потребителя при крайней слабости средств транспортировки, а также запретительные меры европейских правительств в пользу национального производства — вот что определяло невысокую его значимость (по объему и стоимости) в европейском минеральном импорте.

О том, сколь незначительное место в морских перевозках занимали суда под османским флагом, свидетельствует табл. 14. Аналогичная ситуация складывалась и в отношениях с другими европейскими партнерами.

Таблица 14

**УЧАСТИЕ СУДОВ ФРАНЦИИ И ТУРЦИИ В ТОРГОВЫХ
ПЕРЕВОЗКАХ В СРЕДНЕМ ЗА ГОД***

Годы	Суда Франции	Тоннаж, тыс. т	Суда Турции	Тоннаж, тыс. т
1825–1834	109	17,6	3	0,6
1835–1844	214	98,0	6	1,1
1845–1849	374	110,3	43	7,5
1850–1854	454	102,8	25	5,0

* Рассчитано по: Коммерческая газета. 18.01.1840 г. Статистический обзор; *Viquesnel A. Voyage dans la Turquie d'Europe*. Т. 1. Paris., 1868. P. 328.)

В конечном итоге, горнодобывающее производство в Османской империи, несмотря на традиционные (как, например, поставки меди для военных нужд во Франции в течение почти двухсот лет) и расширявшиеся в 1830–1840-х гг. связи с европейскими потребителями турецкой меди, серебра, свинца, селитры, серы, ртути и некоторых компонентов производства пороха, не оказывало заметного воздействия на хозяйственную жизнь империи. Сказывались малочисленность занятых на горных разработках работников (почти исключительно немусульман), незначительность сопряженных капиталовложений, слабость собственного научно-технического военного опыта при случайности заимствованного, который представляли в Османской империи нередко иностранцы, вообще далекие от чего-либо нового и прогрессивного даже у себя на родине, как выразился наблюдательный современник-европеец.

В отличие от подавляющего большинства стран Востока, для которых первыми системами машин стали принадлежавшие колонизаторам пароходы, железные дороги и телеграф, Османская империя получила современное оборудование в первую очередь для военных предприятий. Поэтому судьба военного производства в Османской империи изучаемого периода показательна для раскрытия специфики вовлечения страны зависимого типа развития в военно-экономические связи с Западом.

Войны Турции с Россией в 1806–1812 гг. и особенно в 1828–1829 гг. показали недостаточность некоторых чисто военных мероприятий и заставили Высокую Порту обратить внимание на всестороннее материальное и административное обеспечение армейских преобразований. Учитывались также и уроки поражений в войнах с Грецией и Египтом.

Регулярная османская армия середины XIX в. (более 500 тыс. человек с однотипным стандартным вооружением и обмундированием) лишь отчасти могла быть снабжена за счет военного импорта. Уже с конца 20-х гг. создаются фабрики обмундирования в Сливно, Пловдиве,

Силистрии, Адрианополе, Константинополе, где оборудование, как правило, было импортным, капитал — инонациональный или смешанный. Реорганизация с помощью европейского капитала — английского, бельгийского, австрийского, — оборудованные или вновь созданные пять пороховых, семь оружейных и пушечных фабрик, две верфи для военных кораблей в 1840-х гг. производили основную массу оружия и боеприпасов для османской армии и парового флота. С 1839 г. Османская империя не строила военных парусных кораблей. Первые семь построенных в Османской системе в 1810–1845 гг., принадлежали казне и обслуживали армию. Пороховой и оружейный завод появился в Бейкозе (1810), две ткацкие фабрики (1820, 1826) в Эюбе, суконные и кожевенные заводы в Измире (1842, 1846). В финансировании закупок оборудования принимал участие местный армянский капитал, установивший затем в период Крымской войны непосредственные связи с Англией. Турецкое холодное оружие оставалось на высоком уровне и в период массового стандартизированного армейского производства. Высокое качество турецких карабинов, изготовленных на казенных заводах для промышленной выставки в Лондоне в 1851 г., вызвало общее внимание. Два карабина были куплены для изучения по личному приказу Николая I. Примером участия, по крайней мере неформального, армии в производстве может служить организация казенной фабрики бумаги под Смирной. Под контролем военного ведомства во Франции было закуплено и смонтировано современное оборудование. Директором фабрики стал инженер А. де Лош, который одно время был инструктором в турецкой армии. Финансовые вопросы, надзор за производством осуществляли офицеры из его окружения. По отзывам современника, исключительное право казны на производство бумаги строго соблюдалось. Несколько конкурировавших иностранных предприятий закрылись.

До середины 40-х гг. оружейные и пороховые фабрики работали с минимальным числом иностранных специалистов. Потом в связи с малой производительностью

стью этих предприятий были приглашены английские, французские, бельгийские инженеры — инструкторы военного дела. Некоторые данные о строительстве модернизированного военного флота Османской империи свидетельствуют о повышенном внимании британского Адмиралтейства к положению на босфорских верфях.

В 1848 г. на 2500 турецких и греческих рабочих столичной военной судовой верфи приходилось 80 англичан — мастеров, обслуживавших паровые силовые установки. В 1853 г. число английских мастеров утроилось при сохранении численности турецких рабочих. В двух сухих доках на побережье Мраморного моря в 1849 г. работало по 350 турок и по 40 англичан, через четыре года в этих доках уже было по 90–100 английских технических специалистов.

Приток англичан стал особенно заметен в начале 50-х гг., когда подготовка к войне с Россией стала приобретать все более целенаправленный характер. Техническое обеспечение ее осуществлялось под контролем Великобритании. Правда, по крайней мере, две трети из всех двухпалубных кораблей были построены турецкими корабелями по проекту американского судостроителя Родса, но орудия устанавливались на них английские.

К началу Крымской войны до полусотни предприятий либо прямо, либо косвенно выполняли военные заказы. Интендантская сфера потребления превратилась в самостоятельную сферу производства, причем стала наиболее развитой отраслью экономической жизни империи. Однако военное производство потребовало привлечения не только технических специалистов, но и (в преддверии войны с Россией) контингента военных советников, что расширило возможность воздействия западных держав на экономику империи.

Негативные аспекты несбалансированного развития связей Османской империи ярко проявились в период циклических кризисов капитализма 1836–1837, 1847 и 1857 гг. Они недостаточно освещались в отечественной историографии, по существу не разработаны и в за-

рубежной исторической литературе, хотя имеется достаточно работ, раскрывающих экспансионистский характер политики и экономики западноевропейских стран на Востоке в новое время.

Некоторые современные теории периферийной экономики, опирающиеся на примеры из истории стран региона Османской империи, сводят феномен слаборазвитости к логике исторического развития мирового капиталистического хозяйства и столкновению имманентных европейскому капитализму законов воспроизводства с генетически иным типом развития периферии, к которой нередко относят и Магриб, и Юго-Восточную Европу середины XIX в.

Тем самым общие закономерности перехода от феодализма к капитализму стран, по тем или иным причинам задержавшихся в этом переходном периоде, остаются столь же размыто очерченными, как и сама критика имитационного и замедленного характера капиталистического развития стран региона бывшей Османской империи.

Даже такие известные критики негативных, насильственных методов внешнего воздействия капиталистических держав на экономику стран с преобладанием феодализма, как И. Валлерштейн и Р. Касаба сосредоточились на обличении фатальности столкновения капитализма с предшествующими укладами на балканских и арабских территориях Османской империи. Они не смогли соотнести воздействие внешних факторов в процессе перехода от феодализма к капитализму народов, освобождавшихся в ходе национально-освободительных движений от колониального османского режима, с внутренними объективными процессами. Более того, Османская империя в совокупности ее балканских и афразийских территорий трактуется как "бюрократическая мировая империя", которая стала с XVI в. вовлекаться в мировое капиталистическое хозяйство.

Однако сущностные явления формирования элементов нового прогрессивного уклада в недрах османского феодализма — распад тимариотской (ленной) системы

и деградация цехов (эскафов), развитие крупных частных владений, появление и развитие мануфактур, расширение внешней торговли и военно-политических связей, а также сопутствовавшие им социальные сдвиги, оцениваются не в перспективе общественно-исторического прогресса, а как “трансформация мировой империи (Османской. — *В.Ш.*) в периферийную структуру капиталистической мировой экономики”.

Для турецкой историографии вплоть до 1980-х гг. было характерным связывать отставание Османской империи в развитии промышленного и товарного сельскохозяйственного производства с констатацией ее подчиненного положения, статуса объекта в международных политических и экономических связях конца XVIII — второй половины XIX вв. Однако этот внешне объективистский подход повлек за собой утверждение феноменальности османского прошлого, в развитие которого пагубно вмешались внешние силы и искажали османское якобы “гармоничное” развитие.

Понимание взаимосвязанности процессов социально-экономического развития Османской империи и мирового капитализма в период танзимата в Турции и промышленного переворота на Западе проявилось в работах турецких историков “новой волны” (1970–1980-е гг.), которые начали углубленное изучение социально-экономических понятий, соответствующих способам производства. Было введено понятие османской “периферийной экономики”, находившейся в противоречии с политическим центром власти, сосредоточенным в XIX в. в странах промышленного капитализма, который искажает развитие периферии, т.е. Османской империи.

По мнению известных турецких историков “новой волны” Т. Чавдара и С. Канчала, внедрение европейской торгово-промышленной системы в натуральную османскую экономику, закрепленное в реформах танзимата, выразилось в сокращении прерогатив и прав местных аянов в пользу центральных властей; регламентации взимания налогов с потребителей европейских

импортных товаров; провозглашении принципов “свободной торговли”, создании новых центров просвещения, предназначенных для того, чтобы облегчить османской элите усвоение моральных ценностей, привычек и обычаев, присущих европейской буржуазии.

Наконец, турецкий социолог А. Тургай оценил экономическую политику промышленно-развитых держав на Ближнем Востоке в годы первого этапа танзимата как экспансионистскую, как способ преодолеть кризисные явления капитализма за счет выхода на внутренние рынки периферийных стран, таких, как Османская империя.

И здесь турецкий ученый прав. Общая стратегия торговых и военных соглашений европейских стран с Османской империей в 1830–1850-х гг. заключалась в том, чтобы под видом установления равноправного партнерства на принципах свободной торговли и военного союза заставить Высокую Порту устранить правительственный контроль над экспортно-импортными операциями. Требовалось также открыть обширные внутренние районы Османской империи для западноевропейских торговцев. Интенсивность вторжения капитализма и степень его деформирующего воздействия на преобразования, в том числе в военной сфере, возрастали, если учитывать поиски турецкими правящими кругами средств подновления извне существующего режима.

Внешнеторговые монополии в Османской империи и ограничения для иностранцев на торговлю внутри страны, на операции с недвижимостью стали первыми объектами политического воздействия европейских дипломатических и торговых представителей в Константинополе.

Имеющиеся в литературе и новые архивные данные позволяют оценить значение турецкого рынка во внешней торговле западноевропейских держав; в фазе оживления и подъема капиталистического производства в Европе как второстепенного фактора по сравнению с коммуникационными перспективами Османской империи для решения военно-транспортных про-

блем колониальных держав, а в период циклических кризисов — как исключительно важного с точки зрения дешевого сырья и емкого рынка сбыта и, как увидим, “качественного пушечного мяса”.

Можно отметить начинавшуюся пульсацию внешней торговли и отчасти — экономической жизни в контактных зонах Османской империи в такт с циклическими кризисами капитализма в Европе, что становилось заметнее по мере формирования зависимого развития в стране. Наиболее острая борьба турецкого правительства против попыток держав расширить режим свободной торговли и сорвать протекционистские мероприятия Высокой Порты приходилась на периоды очередных или промежуточных кризисов капитализма в Западной Европе, осложненных кризисами военно-политического характера.

В Османской империи в 30-х — начале 50-х гг. XIX в. формировались принципы и формы частичной защиты национального производства. При всей ограниченности (остатки средневековья в политической организации османского общества) они могли бы содействовать многим позитивным процессам последующего периода развития Турции, но были сорваны непоследовательным экономическим курсом правительства, его борьбой с освободительным движением в наиболее развитых областях империи, войной 1853–1856 гг. и последовавшим фактическим контролем финансовых кругов западных стран-заимодавцев над многими процессами развития Османской империи, начиная со второй половины 1850-х гг.

При том, что Османская империя в середине XIX в. имела необходимый минимум материальных и социальных условий для создания современных производительных сил, т.е. значительное население, обширный и растущий особенно в немусульманских по населению районах внутренний спрос, необходимые минеральные и энергетические ресурсы, наличие крупных накоплений у имущих классов и обширные, в том числе внеимперские торговые связи у купцов, главным образом на Балканах и в портовых городах Леванта, этот процесс

в полной мере не реализовался. Тем не менее он был основой “естественного протекционизма”, присущего Османской империи, как и другим странам Востока, испытывавшим в XIX в. мощное воздействие европейской промышленной экспансии.

Ни турецкое производство, ни торговля не могли соперничать с притоком иностранных товаров, находившихся под защитой капитуляций. Но все же в Османской империи, сохранившей независимость и в целом традиционную систему распределения, городское ремесло, включая производство холодного оружия, переживаясь, просуществовало вплоть до новейшего времени. Государство в Турции с помощью различных запретов и сохранения эснафов как единственной формы объединения ремесленников старалось поддержать производство.

Протекционистскими мерами и регламентацией производства Высокая Порта пыталась приостановить разложение цеховой системы и одновременно воспрепятствовать стихийности вовлечения турецких торговцев и производителей в неконтролируемые коммерческие связи с иностранными коммерсантами. Ориентация на развитие казенной мануфактуры с привлечением иностранного или инонационального капитала отражала реформаторские воззрения Решид-паши и его сподвижников, но не получила прочной материальной основы. Окончательное крушение цехов предопределили социальная дифференциация в цехах и конкуренция фабричных товаров. В то же время цеховое производство сыграло определенную позитивную роль, выдержав первый натиск европейских промышленных товаров и сохранив традиции национального производства; в частности, потому, что производство осуществлялось исключительно квалифицированной и дешевой силой османских ремесленников, что имеет аналогию и с другими странами Востока.

Представители “новой волны” Ч. Кейдер, Х. Исламоглу, И. Сунар описывают противоречия османской периферийной экономической системы и подчеркива-

ют негативный характер неоправданно быстрого, с их точки зрения, развития внешней торговли. Они отмечают, что во второй трети — середине XIX в. в Османской империи складывалась ситуация, при которой быстрое развитие товарного сельскохозяйственного производства сосуществовало с традиционной турецкой политической системой.

Последняя удерживала в своих руках распределение, а лавинообразное увеличение иностранных товаров и меньший, но очевидный рост экспорта порождали острые ситуации в османском обществе.

По существу такая позиция сближается с тезисом И. Валлерштейна (в отдельных работах и вместе с Р. Касаба) о кризисе “командной системы” экономической жизни Османской империи, крившемся в ослаблении политического контроля султана и Высокой Порты над хозяйственной жизнью империи, которая под давлением извне настраивалась на рыночную конъюнктуру.

При всей важности для развития турецкой историографии осмысления периферийности и подчиненности Османской империи в складывавшемся торговом обмене Западная Европа — Ближний Восток, равно как и важности признания наличия искажавшего развитие периферии, т.е. Османской империи, — “центра”, т.е. капиталистического Запада, происходит отрыв внешних факторов, присущих капитализму в целом, от внутренних, чисто османских факторов.

Проявляется, с одной стороны, тенденция к абсолютизации османской специфичности в оценке связей с капиталистическим миром вообще. С другой стороны, внутриклассовые и групповые (по социальным группам и подгруппам) противоречия как бы вытесняют острейшие формационные конфликты и рост национально-революционной, освободительной борьбы в Османской империи в эпоху промышленного капитализма.

Объективно для Османской империи, для ее наиболее развитых районов это была переходная эпоха от феодализма к капитализму с соответствующим уровнем вооруженной борьбы за национальное возрождение.

В то время как в Османской империи только вырабатывались подходы к укреплению внешнеэкономического положения страны и к выработке военной политики, в передовых странах Западной Европы шел промышленный переворот, складывалось машинное производство, в интересах которого (ради обеспечения рынков сырья и сбыта) все более энергично и целеустремленно действовали дипломатические, военные и торговые представители европейских держав в странах Востока. Османская экономика даже в наиболее развитых балканских и арабских районах Леванта не смогла быстро приспособиться к изменениям на европейских рынках, как не успевали турецкие дипломаты и военные учитывать новые повороты в ближневосточной политике великих держав.

Например, провозглашенная Англией еще в эпоху наполеоновских войн политика статус-кво в отношении территориальных владений Османской империи на Балканах воспринималась Высокой Портой с гораздо большим доверием, чем русская политика “сохранения слабого соседа”.

В действительности же, постепенность наращивания темпов промышленного переворота в Англии, затем во Франции, позднее в других западноевропейских странах объясняет опосредованное, через доктрину статус-кво, стремление западных держав упорно поддерживать, но не османский интегритет, а османскую социально-политическую застойность, нараставшее экономическое отставание и, как следствие, отставание военное — и по темпам, и по характеру развития — Турции от Европы.

В силу замедленности развития, а затем (с середины 50-х гг. XIX в.) реформированности из-за вмешательства держав, итогов ряда реформ, в том числе и в области военного дела, Османская империя вовлекалась в колониальный тип обмена на неэквивалентной основе при отличительной особенности — сохранении политической независимости и осуществлении, не всегда успешно,

но достаточно последовательно главных целей: взаимовыгодной торговли с Западом и военной безопасности в интересах реформаторского обновления империи.

Следует учитывать, что развитие крупного промышленного производства, совершенствование средств транспорта и связи, развертывание в невиданных еще в начале XIX в. масштабах военного производства потребовали во второй трети XIX в. такого количества “сырых материалов” и таких емких рынков сбыта, каких имевшиеся колонии западных держав уже не могли, а полуколонии еще не могли обеспечить, так как последние окончательно сложились лишь на рубеже XIX–XX вв., фактически к периоду первой мировой войны.

Поэтому особое значение в эпоху завершения промышленного переворота в середине XIX в. приобретали политически суверенные, но экономически зависимые страны Востока. Примером такого зависимого развития к середине XIX в. стали балкано-анатолийские территории Османской империи.

Основными путями формирования зависимого этапа их развития стали: внешнеэкономическое воздействие капиталистических держав, выразившееся прежде всего в серии договоров о торговле и судоходстве 1838–1846 гг., в которых принципы свободной торговли сочетались с обновленными средневековыми капитуляциями; усовершенствование державами коллективного контроля над соблюдением Высокой Портой капитуляционного режима в целом, и в отношении внешней торговли и военного дела в особенности; развитие различных капитуляционных иммунитетов, главным образом для лиц из местного населения Балкан и приморских городов, представлявших торгово-политические интересы держав в Османской империи или служащих в экспедиционных войсках держав.

Во-первых, это влекло за собой выпадение определенной части турецких подданных из-под полной юрисдикции Высокой Порты; во-вторых, использовалось для реализации проектов дифференцированного влия-

ния западных держав на положение отдельных групп населения в составе империи; за этим следовали нарастание финансово-таможенной и юридической обособленности от Стамбула (Константинополя) торговых представителей западных держав и покровительствуемых ими лиц — подданных Османской империи, формирование отдельных воинских подразделений из османских подданных на иностранной службе и т.д. Следовательно, деформации подвергались все социокультурные сдвиги.

Итак, колониальный экспансионизм способствовал углублению зависимости балкано-анатолийских территорий как в экономическом, так и в военно-политическом аспектах. В этом состояло глубокое противоречие того зависимого варианта развития на Ближнем Востоке и части Балкан, который сложился в итоге взаимовлияния экспансии на Восток держав, переживавших промышленную революцию, и незавершенных реформаторских процессов в самой Османской империи.

Контактная зона двух цивилизационных направлений: Западная Европа — Ближний Восток, Западная Европа — Турецкие Балканы превратилась в своего рода формационный рубеж.

Глава 3

“ОТ РЕВОЛЮЦИИ ДО ВОЙНЫ — ОДИН ШАГ” (МАХМУД II)

Картечь и прокламации

Бурное начало 1830-х годов и революция 1848–1849 гг. в социально-политической жизни Европы оказали влияние и на движение общественной мысли в Османской империи. Наиболее значительным оно было на Балканах, где фактически не прекращавшееся национально-освободительное движение сливалось с борьбой крестьян против османского феодального угнетения.

Революция 1830 г. во Франции и освободительное восстание в Польше в 1830–1831 гг. стимулировали (прежде всего в Европейской Турции) стремление к национальному возрождению, содействовали выработке критического отношения передовой балканской общественности к российскому царизму, его политике в Юго-Восточной Европе.

Среди общественности Дунайских княжеств, Болгарии, Сербии и других подвластных Порте территорий находили понимание и развитие идеи ориентации на Францию и Англию в борьбе как с османским деспотизмом, так и с русским влиянием. Широко обсуждалась проблема единения славянских подданных султана как фактора национального освобождения.

Рассмотрим, как правящие круги Османской империи в условиях международных осложнений конца 1840-х годов, вызванных революционной ситуацией в Юго-Восточной Европе, формулировали и осуществляли внешнеполитический курс, имея в виду под таким более или менее полное отражение национально-

государственных интересов, естественно, в той степени, в какой эти политологические понятия применимы к эпохе середины XIX в., как соотносились эти планы и действия с экономическими реалиями.

Уже первые революционные события в январе 1848 г. в Италии, нарастание напряженности в Австрии, участвовавшие столкновения буржуазно-помещичьих кругов и демократических сил в Молдавии и Валахии внушали Порте самое серьезное беспокойство. Смута христиан воспринималась как дело привычное. Однако пугала султана и его окружение реакция мусульманского населения столицы и городов Европейской Турции, которые с радостью, по словам современника, встречали известия о падении Вены и о восстании Лайоша Кошута в Венгрии.

Простые турки воспринимали эти известия как поражение Австрии — “коварного противника”, а христианское население — как залог и перспективу дальнейшего развития освободительного движения на Балканах. Еще не погасли угли на пепелищах восставшего Ниша (1841 г.), еще звучали залпы турецких карателей в горах восставшей в 1847 г. Албании. Временного умиротворения добились османские власти в Ливане и Курдистане. Все было зыбким и призрачным для правительства реформаторов. Необходимо было определить позицию османского государства в отношении событий в собственном государстве, а также в Европе. Однако власти сделали тогда вид, что для Порты события 1830–1831 гг. малозначимы.

В 1848 г. великий везир Мустафа Решид-паша полагал, что отвлечение на свои внутренние проблемы французского кабинета и скорое падение, как ему докладывали осведомители из Вены, под ударами изнутри Австрии, ослабление союзницы Австрии — России, втянутой в польские проблемы, будут содействовать упрочению позиций Османской империи в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке в качестве фактора общеевропейского равновесия и стабильности. Он предложил проявлять доброжелательность в отноше-

нии Франции, усилить гарнизоны в пограничных с Австрией районах, при этом поддерживать консультации доверительного, но малозначащего характера с Англией и Россией, осуществлявших посредническую миссию в турецко-персидском и турецко-греческом конфликтах.

Подобной “революционности” Решид-паше не могли простить ни ограниченный, но честолюбивый султан Абдул Меджид I, чувствовавший себя оттесненным в делах европейской политики влиятельным, признанным в Европе великим везиром, ни круги контрреформаторов, полагавших, что настала пора не “гяурских реформ”, а джихада против готовой восстать реайи. Обвиненный в пренебрежении религией, 27 апреля 1848 г. Решид-паша и несколько членов правительства из его окружения на 3,5 месяца оказались не у дел.

Новый великий везир, сдержанный прагматик Сарым-паша, не слишком радикально изменил курс правительства, но несколько большей стала ориентация на Россию и Австрию. В начале марта 1848 г. посланнику Австрии в Турции была вручена памятная записка. В ней обращалось внимание Вены на быстрое развитие революционных событий в пограничных с Турцией районах Австрии и на отмеченные случаи волнений в османских вилайетах. Последнее заставляет Порту, говорилось в записке, принять необходимые меры безопасности. Австрия должна со своей стороны предпринять действия для пресечения нежелательного развития событий в сопредельных областях, но таким способом, который не отразился бы ни на отношениях Австрии и Османской империи, ни на отношениях Османской империи с другими державами.

Одновременно Франции и Австрии было сообщено, что турецкое правительство рассматривает события в Италии (революционные выступления в Ломбардии, Венеции, на Сицилии и др. — *В.Ш.*) как бунтарские, против законных правительств. Выражалась надежда, что Франция и Австрия успешно с ними справятся, и законный порядок в Европе будет восстановлен. Такой постановкой вопроса Порты давала понять о своей при-

верженности принципам Священного Союза, о котором три десятка лет упорно молчала.

Вместе с тем в Константинополе продолжали следить за положением дел в Белграде и в мае-июне 1848 г. поддерживали действия сербского князя Александра Карагеоргиевича против венгерских повстанцев не только формальным званием маршала османской армии, но и реальной присылкой оружия и боеприпасов в распоряжение местной реакции, которые были использованы против восставшей Венгрии. Это был реальный шаг к откровенному провоцированию междоусобной войны на Балканах. Однако державы не просто промолчали, но и одобрили этот опасный шаг Порты.

Вопрос об оружии иллюстрирует новые акценты в акциях турецких реформаторов этих лет. Отныне оно стало принципиальной стороной османской политики. С осени 1848 г. после введения турецких войск в Дунайские княжества Порты через галатских банкиров, связанных с лондонскими торговцами оружием, выяснила возможности негласного ввоза больших партий оружия и боеприпасов в Турцию. Весной и летом 1849 г. не реже одного раза в неделю на рейде Салоник и Смирны появлялись пароходы под британскими флагами с грузом пороха, других боеприпасов и под видом соблюдения санитарных норм разгружались вне обычных причалов. От правительства Англии наблюдение за поставками оружия, которые вел известный оружейный коммерсант Ч. Грейс, осуществлял срочно переведенный из Португалии консул Ф. Роут, ранее специализировавшийся на нелегальной доставке британского оружия в Испанию и Португалию. Интересы Порты представлял банкирский дом в Галате братьев Главани, финансировавших операции английских торговцев в Турции и Иране в кризисных 1846–1847 гг. Сделки с оружием показались Порте столь выгодными, что через Банк Главани некоторая часть оружия европейского и местного турецкого производства была перепродана правительству Австрии и немедленно использована против повстанцев в самой Австрийской империи.

Османское правительство лишь уплотнило ткань конфликта и объективно оказалось среди открытых врагов европейской революции. Одним из наиболее непримиримых было в этот период царское правительство. Крайности сближались.

Посланник России в Константинополе В.П. Титов в марте–апреле 1848 г. получал указания из Петербурга утверждать значение Османской империи в качестве оплота стабильности и порядка в своем регионе и в Европе в целом, “при очевидной непрочности Второй республики”.

Вместе с тем обращает на себя внимание собственноручная приписка Николая I на полях инструкции В.П. Титову от 28 марта 1848 г. “Если, скажете Вы туркам, беспорядки в Дунайских княжествах будут на грани взрыва, е.и.в. без колебания займет их русскими войсками... *От имени султана...*” (курсив мой. — В.Ш.).

Решение по этому вопросу было принято Петербургом в последних числах апреля 1848 г., когда обострилась ситуация в Валахии, и в Яссы прибыл для изучения положения дел на месте и решения о вводе русских войск в княжества полномочный представитель царя генерал А.О. Дюгамель, памятный Порте своими жесткими действиями при ратификации Адрианопольского мира. В пространной инструкции для А.О. Дюгамеля от 1(13) апреля 1848 г. в каждой строке сквозил страх перед распространением революции на территорию России и сопредельной слабой Турции. Не меньшие опасения вызывала перспектива обострения Восточного вопроса. Решение проблем Петербург искал в союзе России и Турции. Аналогичная тенденция просматривалась в Константинополе. Прежних противников призрак революции подвигал к союзу.

В 20-х числах апреля Абдул Меджид получил информацию о приезде в конце мая 1848 г. чрезвычайной французской миссии во главе с генералом Ж. Опиком для заключения союзного договора между Второй республикой и Османской империей. В это же время английский посол в Стамбуле Стрэтфорд-Каннинг предло-

жил Высокой Порте новый проект военных и финансовых реформ. Султан инструктировал своего полномочного представителя в Дунайских княжествах Талаата-эфенди, отозванного для этого с поста посланника в Берлине: “Следует избегать каких бы то ни было военных столкновений с русскими войсками, любых эксцессов, могущих таковые спровоцировать. Соблюдать жесткую дисциплину. Не бросить ни тени, ни намека на расположение султана к своим христианским подданным в княжествах”. Права России на покровительство княжествам, как говорилось в инструкциях, неоспоримы и заслуживают уважения наравне с незыблемым суверенитетом Высокой Порты.

Султан призывал своего посланца к мирному решению вопросов по согласованию с местными властями, “которые надлежало бы сохранить в неизменности, а жалобы населения учесть и разобрать совместно с местными властями и русским представителем”.

Близкие по духу и по форме инструкции русским и турецким представителям в революционных княжествах — избежать столкновения между Россией и Турцией — не предусматривали самого важного: учета интересов страдавшего от национального и социального угнетения крестьянских, ремесленных, торговых слоев румынских княжеств. Никакие инструкции не могли помочь решить главный вопрос — освобождение от османского ига. Поскольку взаимные проявления доброжелательности и заинтересованности носили объективно конъюнктурный характер — из-за близости сокрушительной революции, то и само сближение России и Турции на контрреволюционной основе содержало массу взрывоопасного для международных отношений материала.

Отметим любопытный социокультурный феномен тогдашнего общества. Турецкие историки Ф. Армаоглу, Дж. Учок подчеркивали, что именно у Порты искали защиты и справедливого решения своих проблем молдаване, и, отчасти, валашские повстанцы. Аналогичные мысли высказывали Э.З. Карал, Т. Озтюна и некото-

рые другие турецкие историки, для которых противодействие Порты вмешательству России в дела Дунайских княжеств сливается с особой и отдельной проблемой привлечения на службу в слабый офицерский корпус турецкой армии профессиональных военных и эмигрантов-повстанцев.

С другой стороны, воспоминания А.О. Дюгамеля, П.Х. Граббе, других русских участников событий, работы Д.Г. Розена, С.С. Татищева действительно создают образы либеральствующих турецких пашей, защитников конституционных начал, сокрушенно вззирающих на сожженные, разграбленные города и села Дунайских княжеств.

В июне 1848 г. стало очевидно, что ни ссылка в Бруссу молдавских бояр, просивших заступничества Порты, ни пасификаторская деятельность (прокламации, речи, угрозы) Талаата-паши целей не достигли. Восстала Валахия, была провозглашена конституция, ширились выступления крестьян против местных помещиков и бояр.

28 июня 1853 г. (стар. стиль) в Яссы вошли части 5-го пехотного корпуса России, о чем Талаат-паша был предупрежден Дюгамелем, а Порта — В.П. Титовым. В Константинополе началась паника и отъезд богатых людей — мусульман и христиан. Однако вскоре все успокоились. Поступили сообщения из княжеств — русские войска получили личный приказ царя не переходить р. Серет. Стало известно предписание военного министра А.И. Чернышева войскам вести себя так, “чтобы никакая тень своеволия, насилия или посягательства на чужую собственность не могла коснуться чести русского отряда”.

Впрочем, в дипломатических кругах Константинополя и в Порте понимали, что “у царя не больше резону идти на Константинополь войной, чем занимать Англию”.

“Меня сейчас больше испугал бы уход русских войск из княжеств, чем их присутствие”, — заметил Мустафа Решид-паша в доверительной беседе с иностранными

посланниками у султана и сказал, что судьба реформ на волоске.

Проблем перед Портой стояло много, главные из них — это присутствие русского корпуса в Молдавии, пребывание чрезвычайного французского посла в Константинополе, отсутствие средств для продолжения денежной реформы и на содержание армии. Отражением позиции Турции по первой группе проблем явилось исполненное доверительности послание Абдул Меджида Николаю I от 7 шабана 1264 г.х. (20 июля 1848 г.).

Письмо султана к царю было подготовлено после острых дебатов в узком кругу высших должностных лиц империи, а также на заседаниях высшего совета юридических установлений. Садык Рифаат-паша — глава Совета и сам Абдул Меджид заняли примирительную позицию в отношении русского корпуса в Молдавии. Великий везир Сарым-паша обращал внимание на заявленную временность русского присутствия и отмечал, что это факт скорее благоприятный для стабилизации положения в мятежных провинциях и минимальная из мер, которые, по его словам, могла бы принять Россия для ограждения своих интересов.

Решид-паша и его сторонники, не выдвигая конструктивных предложений по этому вопросу, обвиняли Сарым-пашу в бездейственности и требовали обратить особое внимание на внутреннее положение, на армию и финансы. Свое отношение к восстанию в Валахии Мустафа Решид-паша сформулировал в частной беседе с австрийским посланником: *“Лучше не мешать некоторой демократизации в Валахии, чем видеть пожар революции в Болгарии и других христианских провинциях”*.

В разгар дискуссий в Совете министр финансов Нафиз-паша заметил, что от господарей в княжествах одни убытки и беспокойство — надо бы их должности упразднить. Идея всем понравилась. Было предложено ввести прямое управление — через каймакама, который будет представлять в княжествах августейшую особу султана. Так оно и дешевле, и надежнее.

Это означало фактический отказ от Органического регламента, введенного Россией полтора десятилетия назад, и должно было убедить сторонников жесткой линии в отношениях с Россией, что Османская империя не склонилась перед могущественным соседом.

Одновременно Порта вплоть до середины сентября 1848 г. заверяла В.П. Титова в стремлении сохранить и углубить сотрудничество с Россией в деле стабилизации положения. Эту версию с удовлетворением воспринимали в Петербурге, о чем и сообщил Николай I в личном послании Абдул Медживу от 4 сентября 1848 г.

Вместе с тем совершенно отчетливо прослеживается стремление турецкого правительства воспользоваться сложной ситуацией, урезать права и привилегии княжеств, возложив по крайней мере равную ответственность на Россию. В.П. Титова убеждали в Министерстве иностранных дел, что Порта хотела бы предельно “мягкого и лояльного” русского оккупационного режима в княжествах, ибо нельзя, как сказал Али-паша, озлоблять подданных и тут же проводить реформы.

На деле Бухарест был залит кровью повстанцев, только в бою 13 сентября 1848 г. турки потеряли 200 солдат. Потери валашских бойцов даже не учитывались. Революция в Валахии была разгромлена, видные руководители повстанцев эмигрировали, турецкие отряды преследовали разрозненные группы повстанцев, которым английский консул в Бухаресте настойчиво рекомендовал сложить оружие.

При разгроме валашской революции Порта широко прибегала к демагогическим приемам не только в дипломатии, но и в реальной практике: серия воззваний к населению на местных языках, на французском языке, которые передавали в западноевропейские газеты через турецкие посольства, предоставление защиты и убежища эмигрантам из Венгрии, Польши — все это должно было свидетельствовать о новых принципах турецкой политики. Умиротворятельными по тону и содержанию, призывавшими к мифическому османскому

единству были статьи в официальной “Журналь дё Константинополь” осенью 1848 г.

Показательно, что в те же сентябрьские дни по ведомству внутренних дел Османской империи с обязательным ознакомлением армейского командования был разослан циркуляр Порты от 13 шаввала 1264 г.х. (23 сентября 1848 г.):

1) Запретить ношение и хранение огнестрельного и холодного оружия всем лицам, не имеющим на то право по службе.

2) Наказывать по строгости военного времени постановлением военно-полевого суда за применение или угрозу применения оружия, за нанесение ранения одним жителем другому, равно как и за невыполнение первого пункта.

3) Довести циркуляр до сведения всех иностранных подданных и требовать его выполнения в полном объеме от всех покровительствуемых лиц.

Циркуляр распространялся в войсках, расквартированных в Европейской Турции и в Западной Анатолии. Срок введения был обозначен — по получении. Даты отмены обнаружить не удалось.

Порта фактически вводила военное положение в районах, где могли возникнуть любые очаги восстания, но они же были сопредельны России. Документ не содержал упоминания о гражданском равенстве, которого фактически и не было, и нацелен был против потенциальных повстанцев. Однако можно констатировать новую попытку Порты уравнивать перед законом, в данном случае в условиях особого положения, османских и иностранных подданных.

Тем временем посланцы Порты в княжествах, Сулейман-паша, сменивший его Лютфи Омер-паша и Мехмед Фуад-паша вносили раскол в разобщенную правящую верхушку княжеств, убеждали местное боярство, что Турция одна без помощи России водворит порядок, а в реформах учтет их пожелания.

Заверения были поддержаны тремя французскими офицерами из состава миссии Жака Опика, прибывши-

ми в распоряжение турецких войск и встречавшимися с населением, точнее, с некоторыми склонными к компромиссу с Портой боярами, помещиками, торговцами.

Определенных успехов Фуад-паша добился. К нему потянулись те, кто был готов вступить, приняв ислам, в турецкую армию. Стало известно о получении турецким командованием обращения группы бояр об их готовности стать для Порты “защитным валом”, если войска России перейдут за Дунай.

Султанская амнистия повстанцам также делала свое дело. “Крестьяне массаами ходят с жалобами к Фуаду, а тот переслал 600 прошений в Константинополь для удовлетворения”, — с тревогой докладывал в феврале 1849 г. командир 5-го корпуса военному министру России. Сочетание репрессий и обещаний в деятельности Фуад-паши и Омер-паши имело определенный успех.

Фуад-паша не только подбирал в княжествах полезных для армии эмигрантов, но установил связи с частью вернувшихся из эмиграции молодых радикалов, обеспечил им амнистию, исподволь готовил кадры местной администрации разночинского происхождения, причем из тех, кто не симпатизировал России. “Через десять лет, — говорил он, — в княжествах уже не будет и речи о русских, так как все зависит от народных масс, а эти массы будут на нашей стороне...”. Фуад-паша прибегал к испытанному и несколько подновленному идеями сен-симонистов, которые он прекрасно знал, методу “разделяй и властвуй”. 24 батальона, около 15 тыс. человек регулярных войск находились в княжествах к началу 1849 г. “В параде их мало или вовсе нет стройности, но люди видные, здоровые и сильные”, — отметил опытный глаз старого служаки из русской военной разведки.

Эти реальные войска должны были стать опорой турецкой администрации в княжествах и служить авангардом для других целей. Каких именно? 1 августа 1848 г., т.е. еще до падения Бухареста в аугсбургской “Всеобщей газете” появилась обширная редакционная статья, в которой со ссылкой на сведения из Турции

“революционная Европа” предупреждалась о союзе двух деспотий — Турции и России против революции: “Персия и Турция, — писала газета, — уже не видят в России врага, опасность для них скорее идет от «франков», распространяющих нововведения, которые угрожают всем трем монархиям. Обе деспотии — Россия и Турция, изнемогающие от внутренних потрясений поработенных народов, направляют вовне фанатизм своих подданных”.

Газета запугивала читателя ужасами нашествия в Европу турецких войск из Марокко и Туниса, из Мосула, Боснии и Эрзерума. Вещала: “Нет ничего опаснее соединения червонцев царя и башибузуков султана. Близок час нападения соединенных сил деспотизма на Европу. Она, конечно, победит, но зачем было вооружать турок?!” — риторически вопрошала газета.

Ответить на этот вопрос могли бы Жак Опик и Стрэтфорд-Каннинг. Впрочем, оба посла добились от Порты немногого. Несмотря на активную поддержку идеи военного союза Франции и Турции со стороны аристократической эмиграции в Париже (отель Ламбер), Польского агентства в Константинополе (М. Чайковский), оказывавших нажим соответственно на МИД Франции и на Порту, а также на заинтересованность, проявленную Решидом-пашой, и готовность субсидировать новые военные преобразования, высказанную галатскими банкирами Ж. Алленом и Эм. Балтацци, переговоры не вышли из предварительной стадии.

В Париже отчетливо понимали, сколь губителен для балканской политики Франции был бы такой союз “ружья и денег”.

Против сближения с “парижскими бунтовщиками” возражали османские улемы, для которых идеи “республика” и “безбожие” были непреодолимы. Шейх уль-ислам при этом нашел неожиданную поддержку среди сторонников активизации реформ, которые считали, что любые союзы и участие в европейской борьбе отвлекут силы от реформ.

Осторожный и тонкий дипломат, европейски образованный Мехмед Эмин Али-паша, возглавлявший

МИД Турции осенью 1848 г., говорил об этом В.П. Титову. Он излагал идеи реформаторов в связи с развитием событий в Западной Европе и в Дунайских княжествах. Необходим ферман о новом статусе княжеств, независимо от исхода событий; облегчение положения христиан — лучший, по его словам, способ отвлечь их от участия в революции, с которой не могут справиться европейские державы, “Австрия увязла в Венгрии, Англия — в Ирландии и на Ионических островах, — говорил Али-паша, — они применяют репрессии, а в Османской империи все подданные равны, у всех равные условия и равная ответственность перед общей империей”. “Умеренность и реформы, — формулировал политический курс министр иностранных дел, — но при этом должен быть большой запас картечи”. Так появился в обиходе османских правителей новый лозунг, отвечавший очевидным сдвигам в общественном сознании.

В свете этих высказываний более понятно, почему, на словах поддерживая доверительное сотрудничество с Россией, одновременно ведя переговоры с Францией, Порта, однако, не стимулировала военный союз со Второй республикой, не активизировала военное сотрудничество с Россией, но всемерно укрепляла собственную армию для борьбы с очередным подъемом освободительного движения и на случай внешнеполитических осложнений. Фактически стимулировала фактор нестабильности, неумолимо и независимо от субъективных целей режима, придающего армии карательные функции.

В конце 1847 г. по инициативе английского посла в Константинополе на службу в ведомство финансов в качестве советника перешел, как говорится, без шума и огласки, генерал турецкой армии, одновременно генерал британской службы А. Джокмус, один из инициаторов и исполнитель плана вторжения в Сирию в 1841 г., автор плана судоходного канала от реки Сакарьи в Черное море. Запах пороха и запах денег витали над Стамбулом,

- С лета 1847 г. в Порте обсуждалась идея займа. Соответствующее предложение Банка Ротшильда тогда

было отвергнуто. В течение осени–зимы 1847–1848 гг. А. Джокмус и глава Таможенного управления Тахир-паша подготовили памятную записку для Абдул Меджида с анализом состояния финансов. В ней отмечалось, что в связи с обесцениванием куруша и ростом экспорта курс фунта стерлингов (ф. ст.) поднялся со 110 до 127 курушей. Меры искусственного сдерживания и чеканка новых монет на 900 млн курушей ничего не дали. Плохая чеканка и параллельное хождение старых и новых монет, появление в обращении около 250 млн курушей, поступивших из Англии и Франции в 1846–1847 гг. в оплату за пшеницу, поставленную Турцией в Западную Европу, дополнительно осложнили монетное обращение в империи и “засоряют монетный рынок Западной Европы”. Выводы звучали вполне определенно: нужна реформа финансов и внешней торговли; для этого необходимо получение внешнего займа.

В феврале 1848 г. А. Джокмус представил в Министерство финансов Турции план, согласно которому следовало создать Национальный Банк Турции с капиталом в 520 млн курушей в монете и получить заем, предположительно в Англии, на 2 млн ф.ст., т.е. 220 млн курушей, с обеспечением от гарантированных Портой доходов податей из Египта, Дунайских княжеств, о. Самоса и других территорий по соглашению. Отделения в Бруссе, Смирне, Адрианополе и Салониках, т.е. в центрах контактных зон, должны были укрепить связь Банка Турции с банками Греции, затем и других европейских держав. С учетом неблагоприятного опыта первого Константинопольского банка 1844 г., с участием частного капитала банкиров Галаты, капитал должен был быть только от турецкой казны, что позволило бы, в частности, осуществлять эмиссию новых бумажных денег до 1,1 млрд курушей.

Весной 1848 г. в разгар революции в Дунайских княжествах А. Джокмус уведомил Тахир-пашу, что он уполномочен сделать дополнительное конфиденциальное уточнение. Порте предлагался (без уточнения страны, собеседники прекрасно понимали друг друга) заем

на 200–300 млн курушей на 15 лет с погашением пода-
тиями Египта по 30 млн курушей в год, под контролем
пяти великих держав. Банк — главная цель этого зай-
ма — мог бы осуществлять переход денежного обра-
щения целиком на бумажные деньги и существовал бы
как “обширное акционерное предприятие подданных
султана без различия веры, класса и состояния”.

Проблема займа оказалась в тесной связи и совпада-
ла по времени с новыми предложениями Стрэтфорд-
Каннинга о положении христиан в Османской империи.
Во-первых, необходимо уравнивать гражданский и соци-
альный статус всех подданных султана; во-вторых, про-
вести уравнивание на базе правового статуса господству-
ющей нации, т.е. турок-османов, поскольку именно та-
ковое неравенство есть, как говорил Стрэтфорд-Кан-
нинг, непреодолимое препятствие для вовлечения хри-
стианских подданных в османскую армию и на государ-
ственную службу.

Как только Большая печать великого везира вновь
оказалась в руках Решида-паши, Высокой Порте были
представлены “пять пунктов” Каннинга*, развивавшие
изложенные выше идеи. Они были опубликованы
в “Монитёрс”, № 198 от 1 июля 1848 г. Следовало, во-
первых, подтвердить особым актом веротерпимость
и защиту прав христиан в делах культа, в строительстве
церквей, в соблюдении иммунитета клира. Во-вторых,
распространить на христиан все права и привилегии му-
сульманских подданных султана, т.е. право на службу
в армии среди важнейших. В-третьих, отменить харадж.
В-четвертых, начать зачисление христиан не просто на
военную службу, но с правом на старшие офицерские

* В дипломатических кругах Константинополя были убеждены, что
“Пять пунктов” передал через Каннинга, но подготовил Решид-
паша во время своей трехмесячной отставки, чтобы продемонсти-
ровать преданность делу реформ и способность возглавить их
дальнейшую реализацию. Реальное предположение, если учесть,
что Каннинг едва ли не всю первую половину 1848 г. выполнял
дипломатические миссии в Италии, Австрии, в Германских госу-
дарствах.

должности. В-пятых, обеспечить право христианина свидетельствовать в суде против мусульманина.

План Каннинга-Решида дает недвусмысленное уточнение роли христианских общин в военных планах Лондона. Известные американские востоковеды Ст. Шоу и Ч. Иссави относят английские предложения о наборе в армию христиан не ранее, чем к 1855 г., т.е. к Крымской войне. Они объясняют это обстоятельство демографическим фактором — падением доли мусульманского, турецкого населения. Перспективу перерастания вооружения христиан через общеосманское гражданство к полной независимости христианских подданных отметил, но относил это также к 1850-х годам английский историк А. Каннингхем. Как видим, это произошло на десять лет раньше и не в связи с коалиционной войной против России. О финансовых интригах Джокмуса историография, по-видимому, вообще данными не располагала.

“Пять пунктов” были, естественно, предметом самого детального изучения в высшем эшелоне власти Турции. Не менее двух раз в неделю заседал Совет по военным вопросам и Высший Совет по реформам. Наибольший спор вызывали проблемы службы христиан в армии и право свидетельства на суде. Свои контрпредложения в августе 1848 г. выдвинул Рыза-паша, военный министр. Он признал, что рекрутские наборы изматывают мусульманское население, которое очевидным образом редет в ряде городов и областей. Ослабить этот процесс можно с помощью набора в армию христиан, которые, не сомневался Рыза-паша, будут против военной службы, но “утешить” их следует авансами на субалтерн-офицерские должности. “Это уже чрезмерная осторожность, — прервал военного министра Решид-паша, — надо дать христианам перспективу дослужиться до чина паши”. Проблема осталась нерешенной.

Свидетельство в суде христианина против мусульманина и вовсе было делом неслышанным. Шейх уль-ислам и улемы потребовали дополнительного изучения вопроса в свете Корана и хадисов. Так или иначе,

но “Пять пунктов Каннинга-Решида” существовали и оказали непосредственное влияние на последующие дискуссии и подготовку новых документов, включая хатт-и шерифы о святых местах 1850–1852 гг. и работу Константинопольской конференции 1855–1856 гг. Несомненно, что обсуждение “Пяти пунктов” стимулировало отправление Фуада-паши в княжества и затем в Петербург (1849 г.) и подготовку нового регламента для княжеств, завершившуюся Балта-Лиманским сенедом (конвенцией). Идея породила и на Балканах новые планы национальных формирований, особенно после подписания русско-турецкой Балта-Лиманской конвенции 1849 г. О деньгах как-то забылось.

В правительственных кругах Турции не стали связывать себя займом на условиях А. Джокмуса и, ожидая победы революционной Венгрии над Австрией, что должно было означать ослабление России, не спешили давать какие-либо обязательства Англии.

Подавление венгерской революции, угрожающая концентрация царских войск на Дунае и публичная поддержка Г. Пальмерстоном с парламентской трибуны действий царя в княжествах, что явно противоречило всем заявлениям английского посла в Константинополе, уклончивая позиция Франции — все это заставило Порту согласиться принять в апреле 1849 г. личного представителя Николая I, генерал-адъютанта П.Х. Граббе.

Вопреки упорному сопротивлению английского посла, представители Высокой Порты и П.Х. Граббе 19 апреля (1 мая) 1849 г. подписали Балта-Лиманскую конвенцию (сенед) сроком на семь лет. Она продлевала совместное пребывание войск царя и султана на территории Дунайских княжеств.

Следует подчеркнуть, что ужесточение режима Дунайских княжеств по сравнению с ненавистным Порте Адрианопольским миром 1829 г. и укрепление прямого правления султана, в том числе право на ввод и содержание в княжествах турецких войск, против чего выступали многие поколения борцов за свободу княжеств, объективно могло рассматриваться в Константинопо-

ле как удачное решение турецкой дипломатией конфликтной ситуации без участия европейских посредников. В определенной степени Порта перехватывала исключительную инициативу российского посланника, как, впрочем, и английского посла, — выступать с предложениями в защиту христианских подданных. *Это обстоятельство, осложненное трехлетним противостоянием вооруженных контингентов Турции и России, несло в себе семена дальнейшей напряженности и обострения борьбы Англии, Франции, Австрии, России за влияние на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Европе. Финансовая проблема была загнана вглубь, отодвинута политикой, но это лишь усугубляло проблему.*

Военная тревога 1849 года. Роль дипломатии в формировании очагов напряженности

Русско-турецкие отношения составляли лишь часть общей картины развития международных отношений в обширном регионе Юго-Восточная Европа — Восточное Средиземноморье — Малая Азия — Закавказье.

Тенденция к закреплению ведущих держав Европы в этом регионе, их соперничество за решающее влияние на внутренние процессы и явления в обновлявшемся турецком государстве объективно действовали против сближения Османской империи и России. Призрак нового русско-турецкого союза преследовал государственных деятелей Великобритании, Франции (и республиканской, и монархической) и Габсбургской империи с такой же неумолимостью, как и призрак вмешательства европейской революции в решение всех международных проблем, включая Восточный вопрос.

Осложнение всего комплекса отношений великих держав и Османской империи шло по нарастающей после упомянутой Балта-Лиманской конвенции в 1849 г. В различных областях Османской империи, особенно в Европейской Турции, но также на арабских землях, росло национально-освободительное движение. В той

или иной форме вооруженная борьба против турецкого ига не прекращалась.

Постоянно подстегивая сомнения в турецких правительственных кругах относительно готовности России поддерживать целостность османских территорий, Ж. Опи и Стрэтфорд-Каннинг призывали Порту к “быстрому и эффективному” решению проблем борьбы с повстанческими движениями в Дунайских княжествах, в Болгарии, в Ливане и других арабских провинциях. Если в отношении балканских территорий искусственно стимулировалась угроза всеславянского восстания во главе с царем — покровителем православных христиан, то в отношении мусульманских провинций выдвигался тезис близкого крестового похода царя во главе христиан против мусульман. Спасением должно было стать укрепление связей Турции с европейскими державами, опора на “цивилизованных по-европейски”, мирных подданных — католиков и протестантов, тесно связанных торговыми и религиозно-культурными узами с западными державами.

Показательна в этом отношении была обширная статья во французском официозе “Монитёр” (19 июля 1850), фактически призывавшая Порту использовать мусульманское население для подавления восстаний христиан прежде, чем их возглавит Россия.

Французские консулы подстрекательски действовали на Балканах и в Сирии. Английские — также на Балканах, а кроме того, весьма интенсивно на Аравийском полуострове, где стремились укрепить свои позиции в Адене и Йемене, воспользовавшись занятостью Порты событиями в Дунайских княжествах.

На некоторое время, до начала войны Турции с Россией в 1853 г. лозунги защиты Индии были потеснены призывами к всемерному укреплению британских позиций в Западной Азии. При всей этой сложной борьбе за влияние на Высокую Порту, за применение вооруженных сил и авторитета султана-халифа над миллионами мусульман в районах, близких или непосредственно расположенных на пути к ближайшим целям коло-

ниальных акций в Северной и Восточной Африке, дипломаты Англии и Франции должны были сохранять благопристойный вид.

Лондон и Париж не могли связывать себя широко рекламируемыми узами с “кровавыми башибузуками”, душителями болгар, румын, сирийцев. Поэтому и призывали Порту послы этих держав подавить восстания как можно скорее, поэтому следовало чаще и больше публиковать в Европе статьи об успехах реформ в Турции, о противодействии им со стороны России.

Однако не следует забывать и о том, что правительственные круги в Османской империи имели особенные представления о складывавшейся в Европе ситуации, что они искали решений далеко не всегда в рецептах Даунинг-стрит и Кэ д’Орсэ. Настойчивость, проявленная Портой в стремлении ввести прямое управление в Дунайских княжествах через своих представителей-каймакамов, станет более понятной и объяснимой, если учесть имперский опыт Порты и лично Лютфи Омера-паши в подавлении восстаний в Ливане в 40-х гг. XIX в. Там друзо-маронитский конфликт использовался Англией и Францией, поддерживавшими соответственно друзов-мусульман или маронитов-христиан. Обе великие державы сделали все возможное, чтобы углубить пропасть между двумя ливанскими общинами.

Идея каймакамства, т.е. прямого управления, рухнула под ударами народных восстаний и, независимо от них, под давлением держав. Однако это произошло уже в то время, когда практически решался вопрос об объединении румынских княжеств. В 1848–1849 гг. “замиранный” Портой Левант, казалось, представлял образец решения проблемы управления территориями, оказавшимися в сфере непосредственного влияния великих держав и охваченными при этом революционным подъемом.

Положение в Дунайских княжествах было осложнено наличием там нескольких тысяч повстанцев, бежавших из австрийских владений. Статус княжеств и эмигранты составили взаимосвязанную проблему международного уровня.

Россия, уступив Турции в вопросе о новом статусе княжеств, рассчитывала, что Порта положительно отзовется на предложение России (август 1849 г.) выдать поляков — участников восстания 1830–1831 гг., служивших в венгерской революционной армии. С просьбой выдать венгерских повстанцев обратилось к Порте австрийское правительство. В России полагали, что депортация эмигрантов — вопрос, подлежащий урегулированию сугубо между Турцией и Россией, и соответственно относились к этой проблеме в австро-турецких отношениях.

Однако в Константинополе обратили в первую очередь внимание на предложение одного из видных эмигрантов-военных Ю. Бема очистить вооруженной рукой Дунайские княжества от русских войск. Эмигрантов, опытных военных, принявших ислам, начали перевозить на судах Австрийского Ллойда, следовательно, не без ведома Вены, в крепости Нижнего Дуная, где разворачивались ремонтные работы под руководством французских, прусских, итальянских военных инженеров.

Военный вектор османской политики оказался абсолютным, другие направления фактически не учитывались; и что же?

Проблема массы эмигрантов, их присутствие, часто с массой оружия, в Дунайских княжествах и низовьях Дуная, в непосредственной близости от границ России, была использована английским послом Стрэтфордом-Каннингом для новой серии демаршей перед Портой. Смысл их заключался в том, что Россия могла бы поставить вопрос о новом договоре или о пересмотре Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. в статьях о выдаче беглецов, а избежать этого можно жесткой неуступчивостью, вплоть до разрыва с Россией и Австрией. Подчеркивалась солидарная позиция послов Англии и Франции. “Были бы умелые бойцы, а винтовки для них найдутся — говорили в турецкой столице. — Купим на Западе”.

Решид-паша заслушивал Каннинга, консультировался с Жаком Опиком, принимал посланников России

и Австрии Титова и Штюмера, терпеливо изучал ноты, врученные ими 28 и 29 августа 1849 г., но давлению послов не поддавался.

30 августа 1849 г. Высокая Порта приняла решение — всех не принявших ислам эмигрантов удалить, “не нанося им бесчестия”, на острова Эгейского моря, на Родос, на Крит. Стало известно, что эмигранты будут удалены от границ Австрии и России, интернированы и поставлены под контроль османских властей. Выходцам из Австро-Венгрии было разрешено остаться в Анатолии и на Кипре.

Английский посол в своих депешах в Лондон негодовал: “Нет, договоры с Портой надо менять. По нынешним временам они никуда не годятся! Порта совершает уступку за уступкой, — бушевал Каннинг. — Высший Совет по реформам заседает, но окончательных суждений не выносит. Решид-паша встречается с Титовым!” Они принимают решения без ведома его, “великого посла”!

Наконец, напряжение спало. 15 сентября 1849 г. Высокая Порта приняла решение направить чрезвычайную миссию во главе с Фуадом-пашой к Николаю I, чтобы добиться выхода из кризисного тупика. Официальным поводом миссии, сообщал Али-паша Титову, будет “поздравление е.и.в. по поводу успешного завершения венгерского похода”. Аналогичные разъяснения цели миссии были даны Штюмеру, Опику и самому Каннингу.

Этого британский посол перенести уже не мог. Последовала серия пространных депеш в Лондон. Линия Высокой Порты ему представлялась излишне самостоятельной; ситуация — опасной для глобальных интересов Великобритании, опасной прежде всего продолжением прямых контактов между султаном и царем, без участия английской дипломатии. Каннинг был обеспокоен, как бы не переросли требования России о выдаче инсургентов “в нечто другое”. Назвать “нечто” посол не решался даже в конфиденциальной депеше, но обмолвился несколько раньше, что “нечто” — это пересмотр складывавшегося зависимого политического

курса Османской империи, стабилизация и возможное улучшение русско-турецких отношений. “Мы с генералом Опиком решили, — информирует Каннинг Пальмерстона, — что требованием об удалении инсургентов из Турции серьезно нарушены общие интересы Европы в той их части, которая называется Восточным вопросом. Если оставить на Порту решение вопросов гуманности, чести и прав личности, то возникнет угроза независимости самой Османской империи”.

Депеша от 16 сентября 1849 г. Стрэтфорда-Каннинга Г. Пальмерстону достойна анналов истории как образец провоцирующей конфликт политики Великобритании в конце 40-х гг. XIX в.

Перспектива развития двусторонних отношений между Россией и Турцией толкнула Каннинга на действия, которые конфронтацию амбициозного, по преимуществу, характера подвинули на грань вооруженного столкновения. Именно это обстоятельство и не попало в поле зрения английской историографии, во всех деталях изучавшей инцидент с последовавшим вызовом британского флота в Проливы. Вызова, несогласованного с Францией, без уведомления России, Австрии, Пруссии, т.е. держав, обязавшихся по Лондонскому договору 1841 г. принимать согласованные меры в связи с положением в Турции и держать Проливы закрытыми для военных кораблей всех стран — участников договора. Этот факт деятельности английского посла заслуживает некоторой детализации как образец неадекватной реакции дипломатии в конфронтационной среде.

17 сентября 1849 г. Каннинг отправил на о. Мальту командующему британским флотом в Средиземном море послание с просьбой немедленно направить эскадру военных кораблей к Эгейскому архипелагу *для дальнейшего следования к Дарданеллам, ввиду приостановки и возможности* (курсив мой. — В.Ш.) окончательного разрыва дипломатических отношений Порты с Англией и Россией и перспективы обращения Турции за помощью к Англии как одной из наиболее дружественных держав. Объясняя свои действия Пальмерстону, он писал, что вызвал эскадру, пребывая в уверенности, что

если “дело оставить туркам”, то под угрозой окажутся и турецкая независимость, и британские интересы.

Действительно ли была угроза миру на Ближнем Востоке в этот момент? Все имеющиеся исторические данные утверждают: в 1849 г. Порты стремилась избежать военного столкновения с Россией. Отечественные, русские исследования, документальные материалы, изученные мной в архивах России, позволяют с категоричностью ответить — Россия предусматривала такое решение проблемы, чтобы не допустить иностранного вмешательства “в договорные дела” между Портой и Россией. Что же касается просьбы Порты о военной помощи, которой Пальмерстон тщетно ждал уже полтора года, она все же поступила.

1 октября 1849 г. турецкий посланник в Лондоне Кыбрыслы Мехмед-паша обратился к Г. Пальмерстону с посланием, в котором была выражена надежда на взаимопонимание между двумя дружественными государствами — Англией и Османской империей и поддержку “морального и материального характера, которая могла бы потребоваться Высокой Порте в вопросах, затрагивающих честь и достоинство суверенного государства”.

В основе послания лежала только что полученная из Константинополя инструкция министра иностранных дел Али-паши посланнику Порты в Лондоне. В ней излагалась официальная трактовка разногласий с Австрией и Россией по вопросу об эмигрантах, сообщалось о подготовке миссии Фуада-паши к царю, об ультимативном требовании Вены и Петербурга выслать эмигрантов.

В связи с невозможностью принять ультиматум положение, по словам Али-паши, крайне осложнилось. “Мы не хотим воевать, — писал Али-паша, — но и наш отказ выполнить требования послов вызовет их раздражение. Необходимо проявить выдержку, — указывал он, — и дожидаться результатов миссии Фуада”. Инструкции аналогичного содержания были направлены турецкому посланнику в Париже для вручения министрам Второй Республики.

В Лондоне долгожданное обращение нашло живой отклик. Был подготовлен к окончательному оформлению очередной вариант военного союза Соединенного Королевства и Османской империи. Эскадра адмирала У. Паркера на всех парах пошла к Дарданеллам. Однако для подписания документов о военном союзе и о введении британской эскадры на константинопольский рейд надо было формальное согласие Высокой Порты именно на такой союз и четко сформулированная просьба султана в военной помощи.

6 октября 1849 г. Пальмерстон информировал Адмиралтейство, что эскадра У. Паркера уже движется к Проливам, войдет в Дарданеллы и, в случае необходимости, возьмет на борт лидеров эмиграции. Теперь он уже мог сделать достоянием общественности свой совет Каннингу “не вызывать без надобности” эскадру в Дарданеллы, чтобы не давать русским дурного примера и показать парламенту, что им “истощены все средства вежливости и снисхождения”. Теперь можно было пригласить Францию принять участие в операции у Дарданелл. Наконец, можно было полушуткой, полуугрозой объяснить потрясенному британским вероломством послу России в Лондоне Ф.И. Бруннову: “Мера эта — все равно, что поднесение флакона с солью к ноздрям дамы, у которой со страху помутилось сознание...” “Другое дело, — витийствовал Пальмерстон, — если бы морские державы послали свои флоты в Балтийское море для устрашения России или в Адриатическое для устрашения Австрии”.

Подготовленные в те же первые дни октября 1849 г. инструкции Лондона Каннингу звучали уже без всякой игривости. От пальмерстоновской склянки с солью потянуло порохом Севастополя: “Правительство ее в-ва не может колебаться в отношении выполнения просьбы Турции о помощи, высказанной так, как это имело место”. Однако для заключения союза этого было, естественно, недостаточно, так как и Франция, и Австрия, и другие державы (в первую очередь Пруссия) могли сделать свои выводы. Каннингу еще раз в инструкции

от 6 октября 1849 г. повторил, сколь велики военные, политические и коммерческие интересы Англии, заставляющие ее поддерживать данный курс действий в отношении Турецкой империи.

Послу полагалось внушить туркам, что Англия действует в соответствии с принципами Лондонской декларации Пяти держав 1841 г. (!), что суть обстоятельств, в которых помимо своей воли оказалась Великая Порта, и основательность выдвинутых ею мотивов просьбы о защите заставил Англию поспешить на помощь.

Пальмерстон со всей определенностью писал далее, что, войдя в контакт с Францией относительно совместных действий эскадр двух держав в Средиземном море и направив в Вену и Петербург соответствующие предупреждения, он “готов двинуть британскую и французскую эскадру в Дарданеллы и Константинополь, если бы письменно, в адрес британского и французского послов, турецкое министерство просило совершить это действие во имя защиты турецкой столицы и территории Турции от нападения извне”. Соответствующие инструкции уже были направлены адмиралу Паркеру. Оставалось, наставлял Пальмерстон Каннинга, продолжать контакты с Портой относительно конкретных форм сотрудничества. Пальмерстон не договаривал, о какой форме сотрудничества шла речь. Каннинг это хорошо знал: о военном союзе и о выгодном для Сити займе.

Не позже, чем через месяц, в середине ноября 1849 г., когда Фуад-паша успешно вел переговоры в Петербурге, Решид-паша в Константинополе ознакомил высших должностных лиц империи с новым проектом военного договора с Англией, сообщенным ему Каннингом.

Вновь, как десять лет назад, в условиях военной тревоги (реальной в 1838 г., спровоцированной в 1849 г.) Высокой Порте предлагался военный заём в сочетании с планами внутренних форм и с добавлением военного договора. Последний предусматривал, в силу своего оборонительного, как подчеркивал Каннинг, характе-

ра, помощь каждой из договаривающихся сторон другой стороне в случае агрессии извне.

Полное или частичное применение договора, форма и размеры помощи зависели от конкретных условий и подлежали обсуждению. Одобрив в целом идею договора, Решид-паша, однако, обратил внимание на несколько обстоятельств.

Во-первых, прозвучало сомнение, нуждается ли Англия в турецкой военной помощи, не сочтут ли Австрия и Россия договор направленным против них. Выражалось сомнение, не окажется ли Турция втянутой в какую-либо войну в Европе только в силу договорных отношений с Англией. Великий везир хотел более точного определения того, как избавиться от влияния России и как привлечь к договору Францию (против этого возражал Каннинг). Решид-паша, наконец, хотел уточнить фактические размеры денежной помощи Англии в укреплении турецкого флота (вне рамок договора), а также долю Англии в военных расходах военного союза и в тех военно-административных преобразованиях, которые должны были осуществляться в Османской империи.

В декабре 1849 г. Абдул Меджид выразил Каннингу свое неудовольствие в связи с недостаточностью, по его мнению, объема военной помощи Англии. Это было не более, чем способом уйти от нежелательных объяснений с послом. В начале февраля 1850 г. послу было сообщено, что идея займа А. Джокмуса окончательно отвергнута султаном, поскольку предусматривает погашение доходами от Египта, столь необходимыми казне.

Главное, недосказанное великим везиром, заключалось в том, что угроза военного конфликта с Австрией и Россией миновала. Австрия после разгрома революции 1848–1849 гг. была в первую очередь занята проблемой собственных отношений с Англией, в том числе в связи с морской торговлей в Восточном Средиземноморье.

Относительно успешно завершилась миссия Фуада-паши в Петербург в октябре–ноябре 1849 г. Во имя со-

хранения добрососедских отношений с Османской империей в Азиатском департаменте МИД России были вынуждены принять объяснения факта грубого нарушения статуса Черноморских проливов англо-французским флотом, штормовой погодой, которая, заметим мы сегодня, заставила дюжину боевых кораблей покинуть первоклассные закрытые бухты Тулона, Мальты и Корфу и “спасаться” за сотни миль в Дарданеллах. Кроме того, Фуад-паша из уст Николая I получил заверения, что Россия поддержит требования Высокой Порты об отмене одного из самых злосчастных капитуляционных иммунитетов — бесконтрольной продажи западноевропейскими консульствами документов на статус покровительствуемых лиц.

Но! В отличие от Лондона Петербург не манипулировал с займами и субсидиями. А без них все военные договоры — тяжкий вздох голодного ишака...

Относительно же позиции Франции в этих деликатных делах следует заметить, что Восточный вопрос, решаемый при ведущей роли Франции, мог бы дать необходимый простор амбициям президента Луи Наполеона Бонапарта, будущего императора Наполеона III. Однако время для того еще не настало. Жаку Опику было предложено сообщить Решаду-паше, что Франция неохотно присоединилась к “демонстрации флотов”, принятой Англией, и была бы вполне удовлетворена удалением эмигрантов из столицы и Румелии за рубеж либо в отдаленные районы Османской империи. О деньгах тоже промолчали.

Наибольшее недовольство мирным разрешением конфликта проявляли в Лондоне. Британская эскадра успела пройти Дарданеллы, но была остановлена в Мраморном море решительным приказом Высокой Порты. Для Англии остались невыполненными задачи финансовых и военных соглашений, которые должны были прочно закрепить Османскую империю как сферу преимущественного британского влияния. Фактически введением эскадры в Дарданеллы и после запрета Порты крейсировать в Мраморном море переброской эска-

дры У. Паркера к берегам Греции, блокадой побережья и введением эмбарго на торговые суда в греческих территориальных водах Англия начала необъявленную войну в Средиземноморье. Хоть какая-то компенсация за авантюру.

Жесткая политика Пальмерстона на Ближнем Востоке на определенное время укрепила его парламентские позиции в торгово-промышленных кругах, которые нуждались в силе для противодействия чартизму и для расширения рыночной экспансии в условиях очередного промышленного подъема 1850 г.

Усилиями в первую очередь британской дипломатии продолжалось формирование структуры крупномасштабного конфликта в Восточном Средиземноморье.

Объективно напряженность нарастала вопреки некоторым деэскалирующим тенденциям, но в основе их не лежали взаимоприемлемые долгосрочные соглашения двух черноморских держав — России и Османской империи, а потому и ослабление напряженности было относительным и краткосрочным.

Борьба конфессий и амбиций

Новая фаза конфликта на Ближнем Востоке начиналась с обострения проблемы капитуляционных прав, связанных с контролем над христианскими святынями Палестины и влиянием среди подданных Османской империи православного, католического и протестантского вероисповедания.

Обострение противоречий на Ближнем Востоке в 1850–1853 гг. было завуалировано религиозной оболочкой, сквозь которую явственно проступала борьба держав за Проливы и позиции на Леванте и в Юго-Восточной Европе, как политические, так и экономические.

В борьбе за преобладание в “святынях Палестины” оружием вновь послужили капитуляционные привилегии трех — четырехвековой давности. Однако проблема святых мест для Османской империи выходила далеко за пределы поборов с церковью, что важно отметить,

так как в историографии проблема нередко упрощается до обоюдомеркантильного столкновения Креста и Полумесяца.

С начала 40-х гг. XIX в. Высокая Порта вела негласные переговоры с Ватиканом о льготах и преимуществах для католических подданных султана. В январе 1848 г. во время пребывания в Турции принятого султаном личного посланника Папы Пия IX архиепископа Ферриери была достигнута официальная договоренность об установлении постоянных дипломатических представительств Турции и Ватикана. Посланец Папы от имени Пия IX выразил глубокую личную заинтересованность в развитии реформ в Османской империи. Речь, правда, шла только о подвластных Высокой Порте католиках.

Порта не могла и не хотела лишиться поддержки, какую могли оказать ей представители соперничавших христианских церквей. Однако злоупотребления церковников всех толков и конфессий, массовое недовольство славян в Европейской Турции и арабо-христиан в Сирии и Палестине “жадными и корыстными епископами из фанариотов” заставили Высший Совет по реформам создать комиссии по проверке положения дел в нескольких патриархатах Османской империи. Комиссии рекомендовали “во имя сохранения османов империи” немедленно начать преобразования в сфере управления христианскими подданными.

Реформы с целью усиления контроля Порты над социально-экономическим развитием населенных христианских районов должны были усилить “османское” начало в общем централизаторском движении, предотвратить развитие там национально-освободительных движений и не в последнюю очередь — предотвратить вмешательство держав под предлогом защиты прав своих единоверцев.

Осознание важности реформ в этом направлении пришло слишком поздно. Влияние держав в Османской империи при всем их соперничестве было сильнее, чем возможность Порты избавиться от него, опираясь на одну из сторон.

Попытки Высокой Порты в начале 50-х гг. упорядочить в пределах танзиматских реформ положение дел в христианском клире вызвали бурю протестов прессы Франции о “попранных правах” христианской церкви на Востоке. По существу Франция готовила выступление коалиции католических государств Европы — Бельгии, Австрии, Испании, Сардинии, Португалии и Неаполя против мероприятий Высокой Порты в области прав клира. Послы Франции в Константинополе всегда выступали в вопросе святых мест от имени всех этих держав, как делали это и по торговым аспектам капитуляционного права.

Конфликт на Ближнем Востоке приобрел две новые черты. Торговому знамени Англии, поднятому в 1838 г. в защиту прав коммерсантов на свободную торговлю на рынках Османской империи, Франция противопоставляла флаг защиты прав католической Европы, причем ее наиболее отстававшей в экономическом отношении части.

Католические монархии Европы должны были помочь императору буржуазии укрепить позиции Франции на континенте и двигаться на Восток во имя интересов все той же торгово-промышленной буржуазии, испытывшей подъем сил после разгрома революции 1848–1849 гг.

Противоречия ведущих держав Западной Европы и царской России выявились полно и отчетливо, составив сущность обострения кризиса в те годы. Они затрагивали широкий спектр проблем, включая статус Черноморских проливов, с угрожающей суверенитету причерноморских держав бесцеремонностью нарушенный Англией, а также общий объем капитуляционных привилегий в отношении многих миллионов немусульманских подданных султана. К пересмотру последних решительно стремилась Франция. Не имея могущественного флота Англии или сравнимой с русской сухопутной армии, Париж сделал выбор в пользу практически неконтролируемого силовым центром фактора — религиозных предпочтений.

От выбора ориентации Высокой Порты — поддерживать православных или католиков — зависело многое. Французские военно-дипломатические представители в Константинополе сменили “осторожный и доверительный” тон 1840-х гг. на жесткий и требовательный накануне государственного переворота во Франции. Чрезвычайный и полномочный представитель Франции, лично близкий Луи Наполеону Шарль Лаваллет с первых дней своего пребывания в Константинополе в мае 1851 г. сосредоточил усилия на том, чтобы добиться от Высокой Порты документального закрепления преимущественного положения католического клира и всех покровительствуемых лиц католического вероисповедания.

Однако в Константинополе проявили большую мудрость. В феврале 1852 г., после угрозы Лаваллета ввести французскую эскадру в Дарданеллы и направить боевые корабли Франции к берегам Сирии, Высокая Порта обнародовала ферман и одновременно ноту от 8 февраля 1852 г. к Франции об уравнивании в правах на пользование святынями Иерусалима представителей обоих христианских толков. Помеченный концом джемазиульэввеля 1268 г. хиджры (февралем 1852 г.) ферман должностным лицам и кади Иерусалима гласил, что все культовые сооружения, находящиеся в распоряжении христиан, подлежат равному использованию обоими толками, и подчеркивал безосновательность требований “латинян” — католиков на исключительные права.

Одновременно вали Иерусалима, должностным лицам в Дамаске, Бейруте и Сайде были направлены указания, широко опубликованные в столичной прессе: не входить в объяснения с консулами великих держав ни по поводу состояния святынь, ни по поводу увеличения участков земли, прилегающих к храмовым сооружениям.

“Поскольку, — строго предписывалось вали Иерусалима, — вы все равно ничем не сможете ублаготворить ненасытную требовательность консулов, со все-

возможной пространностью излагайте им все подробности и детали вопроса и заверяйте их, что все их приказания непременно сообщите Порте". Серия донесений К.М. Базили и А.Л. Озерова за 1852 г. свидетельствует о том, что не ремонт храмов и святынь, а увеличение участков земли вокруг ранее возведенных миссиями построек составляли главную заботу английских и французских консулов в Бейруте и Дамаске. Спор о священных местах Палестины имел прозаическое, вполне земное или, точнее, земельное значение. Державы продолжали добиваться отмены или пересмотра запрета на операции иностранцев с недвижимостью в Османской империи и надеялись начать формирование немусульманских войск.

Очевидные при ознакомлении с документами обстоятельства приходится подчеркнуть в связи с повторяющейся в современной историографии версией, появившейся на страницах мартовских (1852 г.) номеров парижского "Монитёра", о двуличии и двойной игре Порты в отношении святых мест, что и вызвало "естественное и справедливое негодование в Европе" и, в конечном итоге, войну 1853–1856 гг.

Действительно, Высокая Порта оказалась между двух огней. Защита православия стала знаменем царской дипломатии. В конце ноября 1852 г. поверенный в делах России А.Л. Озеров получил предписание Николая I уведомить Порту о готовности Триполи, оказать Турции вооруженную помощь в случае нападения Франции. В ходе личной аудиенции следовало дать понять Абдулу Меджиду, что в таком случае султан объединил бы вокруг себя около десяти миллионов своих православных подданных, и Луи Наполеон встретился бы в Турции с войной, "можно сказать, национальной и народной".

Вместе с тем выяснились новые элементы кризиса. Австрия под видом пресечения турецкой агрессии против фактически независимой, поддерживаемой Россией Черногории готовилась к оккупации подвластных Порте территорий. Как метод решения спорных вопросов

были избраны: концентрация войск на австро-турецкой границе и тон ультимативных угроз, которые передавал Порте от имени Австрии лично близкий Францу Иосифу чрезвычайный посол К. Лейнинген-Вестербург. Турецкая пресса характеризовали его как человека лично храброго, опытного в военном деле, но далекого от тонкостей дипломатического искусства, который поставил австро-турецкие отношения на грань разрыва.

Уместен вопрос, что же определило мирный исход миссии Лейнингена и разрыв отношений между Россией и Турцией как итог близкой по характеру и личности посла миссии А.С. Меншикова в том 1853 г.?

Прежде чем ответить на него, оценим другие элементы в структуре нараставшего кризиса. К ним прежде всего следует отнести провокационные рекомендации дипломатических представителей Франции и Англии Высокой Порте отвергнуть ультиматум Австрии в отношении Черногории. Они при этом призывали Порту, как сообщала русская военная разведка из Константинополя, покончить с черногорским вопросом раньше, чем вмешается Россия.

Аналогичные призывы — любой ценой предотвратить возможность какого бы то ни было дипломатического выступления России на Леванте и на Балканах — звучали из уст английских представителей во время антиправительственного выступления арабского населения Алеппо в октябре 1850 г., при подавлении восстания друзей Хаурана в конце 1852 г. и карательных экспедиций Омера-паши в Северной Албании и Южной Герцеговине.

Сообщая об этих фактах, военная разведка России в Османской империи отмечала: новая большая партия нарезных винтовок и мины закуплены во Франции, продолжают поставки пороха из Англии; английский поверенный в делах А. Роуз заверял Высокую Порту, что Англия по-прежнему готова заключить военный союз с Османской империей. Турецкие военные корабли в составе британской эскадры принимали участие

в блокаде греческого побережья в период “дела Пачифико”. Английские офицеры под прикрытием британского консульства в Дамаске помогали комплектовать и готовить к военным действиям части корпуса “Арабистан”, которые были брошены на подавление восстания друзов и против Черногории. Все это должно было служить убедительным свидетельством стремления Англии к развитию военного сотрудничества с Османской империей.

Так формировалось ядро международного конфликта на Ближнем Востоке. Турция следовала прямым курсом к вооруженному столкновению с одним из своих ближайших соседей — Австрией или Россией. В этом же направлении действовали и Англия, и Франция в 1852 г.

Последним из вполне определившихся элементов в структуре кризиса было настойчивое стремление Англии и Франции осуществлять посредничества во всех переговорах Османской империи с Австрией и Россией. Эта тенденция, отмеченная по черногорскому вопросу и в отношении Ливана, имела катастрофические последствия для русско-турецких отношений в 1853 г. Война Турции с Австрией, как и сближение последней с Россией, не входила в планы Англии и Франции. Оставалась единственная альтернатива — столкнуть Россию с Турцией.

Как известно, любой крупный международный конфликт является политическим отношением двух или нескольких сторон, воспроизводящим в острой форме лежащие в основе этого отношения противоречия его участников. Политическое отношение сторон, какое сложилось на Ближнем Востоке весной–летом 1853 г., воспроизводило не только глубинные противоречия держав на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Европе, вполне объективные по своей основе, но и представляло противоречивую и весьма субъективную, достаточно отчужденную надстройку над основными противоречиями держав. Надстроечным элементом явилась миссия А.С. Меншикова в Османскую империю.

Выбор Николая I, вопреки советам многих, включая Нессельроде и Титова, пал на А.С. Меншикова как на морского министра и члена неофициального Азиатского комитета еще с 1839 г. Сам он понимал, судя по записям в дневнике за 18–22 декабря 1852 г., свое назначение однозначно — как подготовку к командованию армией и флотом в случае войны с Турцией. Пакет инструкций А.С. Меншикова был объемным, но содержал мало конструктивного. Прежде всего потому, что все перемены в Османской империи во внутренней политике эпохи танзимата понимались как слабость этого государства и проявление внутренних смут. Сдвиги во внешней политике объяснялись “слабостью и большей частью несправедливыми притязаниями других держав”.

Ошибочным было предположение российских дипломатов, что султан и его ближайшее окружение “парализованы страхом перед агрессией Франции и возможным разрывом с Россией” и готовы подписать оборонительный союз с Россией, а также конвенцию о покровительстве России над православными подданными султана.

Проект отдельного и секретного акта общими формулировками признания султаном “вековых прав и преимуществ его православных подданных” как основы союза с Россией, неопределенностью форм военной помощи Порте, подлежавшей дополнительному согласованию, с одной стороны, напоминал проект английского договора о военном союзе, который упорно навязывал туркам Каннинг в 1849 г., с другой стороны — был не более, чем обобщением предложений, высказанных Порте в 1850–1852 гг.

Ни в конвенции, ни в проекте оборонительного союзного договора не было ничего принципиально нового, знаменовавшего бы “шаг России на пути к завоеванию Константинополя”, как это утверждали в разное время английские и французские современники-памфлетисты, затем историки новейшего времени.

Сверх всех этих инструкций, рассчитанных на частичное ознакомление в Константинополе дипломатов

Англии и Австрии, на содействие которых чрезвычайному посольству К.В. Нессельроде полагался не меньше, чем на действия самого посла, имелись “Замечания к беседам с турками”, врученные Нессельроде лично А.С. Меншикову накануне отъезда 11 февраля 1853 г. Е.В. Тарле упоминал “о какой-то бумажке с самыми миролюбивыми советами”, которую Нессельроде укладкой “всунул” (Е.В. Тарле) от себя отъезжавшему А.С. Меншикову. “Нигде.., — писал он, — я подтверждений подобного известия не нашел”.

Сегодня автору данной работы известно, вероятно, подавляющее большинство материалов по затронутым вопросам посольства Меншикова. Среди них в моем распоряжении — та самая “бумажка” — “Замечания к беседам с турками”, к которой так отнесся в свое время Е.В. Тарле.

“Замечания” касались нормализации напряженности на русско-турецкой границе в районе Гурии и Кабулети, к чему очень стремились русские власти на Кавказе; предусматривалось пресечь распространение в Османской империи европейских изданий, “направленных против державы дружественной и соседней”, а также принять меры против “антирусской агитации” в Сербии, Палестине, Сирии и при Высокой Порте, шедшей от антирусски настроенных беженцев и эмигрантов разных уровней.

Несколько пунктов “Замечаний” касались торговых отношений двух стран, включая пароходную грузо-пассажирскую навигацию, осуществлявшуюся через Проливы иностранными пароходными компаниями, что задевало интересы обеих черноморских держав. Меншикову предлагалось выразить заинтересованность России в развитии торговли, понимание русской стороной сложности экономического положения Османской империи. Конкретные рекомендации Высокой Порте заключались в запрете обращения иностранной монеты на внутреннем турецком рынке как подрывающего курс турецкой валюты.

Конкретность и определенность “Замечаний” существенно контрастировали с многословием общих инст-

рукций. Их смысл и целевая установка очевидны — решение межгосударственных вопросов на высоком уровне, противодействие влиянию иностранных держав на русско-турецкие отношения в духовно-политическом и, отчасти, экономическом аспектах. Однако уровень проработок именно торгово-финансовых проблем был на порядок ниже, чем в англо-турецких отношениях. Думаю, что это во многом определяло вообще русско-турецкие связи.

Деятельность посольства Меншикова протекала в сложнейшей дипломатической борьбе. Особого внимания заслуживает постепенное, но неуклонное формирование или стимуляция английской дипломатией кризисных элементов, приближавших столкновение держав на Ближнем Востоке. Стоит обратить внимание на депешу Дж. Рассела, возглавлявшего МИД Великобритании в тот момент, послу Англии в Петербурге Г. Сеймуру от 9 февраля 1853 г., и показной нейтралитет Великобритании, тем более благожелательность к России, на которую столь рассчитывал Нессельроде, предстает в ином свете.

Депеша подлежала сообщению царскому правительству. В ней Рассел, отнюдь не оспаривая утверждений российской дипломатии о новом опасном обострении Восточного вопроса, резервирует особую позицию Англии и ее невмешательство до тех пор, пока спор касается отношений Высокой Порты с Россией и Францией — святых мест и не затрагивает сферы внутреннего управления Османской империи. Отмежевавшись от каких бы то ни было согласований с Россией в отношении событий в Восточном вопросе, Дж. Рассел предостерегал Петербург от “энергических заявлений и морских демонстраций для принуждения султана”, которые, как было показано выше, стали нормой британской политики в последние два десятилетия перед Крымской войной. Столь же четко отделяет Дж. Рассел и вопрос о вмешательстве Австрии в Черногории от других внутренних проблем Турции, призывая посла Г. Сеймура содействовать “сохранению дружественных отношений

Османской империи с соседними государствами". На Даунинг-стрит резервировал за собой право определять и степень кризисности ситуации, и меры для разрешения кризиса.

Удар Рассела пришелся в больное место "сильного человека Европы". "Здесь не затрагивается вопрос о распоряжении владениями султана", — сделал заметку на полях копии депеши Николай I. — "Дело идет только об определении, на случай падения Турции, того, что было бы противно нашим и английским интересам, чтобы не действовать противно им. Ничего более не нужно".

Царь как бы оправдывался за свои скоропалительные предложения, высказанные им на рождественском балу в Зимнем дворце 9 января 1853 г. послу Гамильсону Сеймуру. Как известно, речи царя сводились к тому, что было бы важно согласовать действия России и Англии на случай падения Османской империи, которая уже, по словам Николая I, "как бы распадается". Ставшие хрестоматийными, попавшие в лицейские учебники для турецких учеников одиозные слова царя, разгоряченного шампанским и петербургскими прелестницами, сослужили службу тем силам, которые в столкновении России и Турции увидели лучшее средство решения всех проблем сразу — и подчинения Турции, и отбрасывания России от Черного моря и Балкан.

Британская дипломатия последовательно активизировала свои усилия в том, чтобы возглавить всю политическую деятельность держав на Ближнем Востоке и направить политику Османской империи в антирусское русло. 5 февраля 1853 г. британскому послу Стрэтфорду-Каннингу, ставшему лордом де Редклифом за исключительные заслуги в деле обеспечения интересов империи к востоку от Гибралтара, были даны указания довести до сведения Абдула Меджида, что в Лондоне рассматривают обращения иностранных государств к Порте, сделанные в "угрожающем тоне, как могущие ускорить падение Турецкой империи и вызвать катастрофу, предупредить которую желали бы все".

Тогда же, в феврале 1853 г., лорд Кларендон поставил перед де Редклифом ближайшую задачу: обратиться

внимание Абдула Меджида на необходимость безотлагательных реформ в положении христиан, включая службу в армии под османским флагом.

Реформы, повторял Кларендон, но не вообще, а именно о положении христиан, являются необходимыми гарантиями развития инициативы Англии в регионе и стабильности положения на Леванте — в понимании такового Лондоном. Добиваться этих целей де Редклиф должен был в сотрудничестве с посланником Франции в Турции, с которым, подчеркивал Кларендон, “у нас общие интересы на Востоке”. Во исполнение указанных задач де Редклифу предлагалось опереться на средиземноморскую эскадру. Появилась реальная возможность завершить то, что было начато прорывом адмирала Паркера в Дарданеллы в 1849 г. — заставить турецкое правительство принять “самостоятельное решение”, но в рамках охраны стратегических интересов британской короны.

22 марта 1853 г. французский министр иностранных дел вручил новому посланнику в Турции де Лакуру инструкции. В отличие от общих охранительных рассуждений Кларендона, Друэн де Люис начинает с уведомления посла о том, что французская эскадра, находящаяся у берегов Греции, готова выполнить свой союзнический долг и защитить Турцию. Заметим, что до подписания союзного договора остается целый год! Мирный исход кризиса Друэн де Люис во внимание не принимал. Он моделировал ситуацию только военного характера.

Во-первых, Абдулу Меджиду следовало внушить, что введение русских войск в Дунайские княжества следует считать нарушением принципа целостности Османской империи и достаточным основанием для введения французской эскадры в Дарданеллы. В Париже понимали, что султан может и не обратиться за помощью к Франции. Тогда предусматривалось направить эскадру адмирала де Лассуса крейсировать у залива Энос в непосредственной близости от Дарданелл. “Это, возможно, отпугнет Россию от десанта в Бургас”, — писал Друэн де Люис. Или припугнет Высокую Порту? —

спросим мы. Видимо, обе стороны — и Турцию, и Россию следовало держать под прицелом.

Никакое мирное решение спорных вопросов в планы Франции, как, впрочем, и Англии, не входило. Никаких святых мест и прочего религиозного флера и в помине не было. “Если русский флот в Севастополе, — переходил к главным целям министр Наполеона III, — предпримет передвижение, или в Дунайские княжества войдут русские войска, или даже будет осуществлено приближение русских кораблей к турецкому побережью Черного моря, то любое из этих предположений было бы достаточно для объявления войны России”. Формальным предлогом Друзн де Люис предлагает считать нарушение Лондонского договора от 13 июля 1841 г. Непременным участником войны — султана!

Далее де Лакуру указывалось, как добиваться согласия Порты на проход эскадры через Дарданеллы: через Рифаата-пашу, члена и попеременно с Решидом-пашой, председателя Совета по реформам и министра иностранных дел. В случае его упорствования оказать нажим через британское посольство, апеллируя к де Редклифу общностью целей и задач на Востоке. Главное, считал Друзн де Люис, это не допустить прорыва русского флота через Босфор. Превентивным актом следовало занять англо-французским десантом замки Дарданелл и войти на рейд Константинополя, “предложить помощь султану” (!) и заставить русских уйти из Босфора.

Перед Османской империей выбор вариантов решения затянувшегося конфликта суживался до альтернативы — новый реальный проход британского и французского флотов в Мраморное море, чего не удалось избежать в 1849 г., или балансирование на грани разрыва с Россией, чего избежать удавалось в течение четырех лет.

Фактически до начала русско-турецких переговоров в Константинополе была определена военно-политическая ситуация, и вооруженные армады Англии и Франции двинулись к Проливам.

24 марта 1853 г. Меншиков вручил Рифаату-паше проект конвенции о статусе православной церкви на Леванте. Главное, чего ожидали в России от новой конвенции — это столь же определенное предоставление России права общего покровительства над православным населением Османской империи, как это было записано о католиках в турецко-французской капитуляции 1740 г.

Именно как требование новой капитуляции и восприняли проект конвенции от 24 марта в высшем Совете по реформам. Проект был отвергнут на том основании, что подобная конвенция дала бы одной из двух держав право вмешиваться во внутренние дела другой, оказывая покровительство ее подданным. Рифаат-паша сообщил Меншикову, что султан берет на себя основные заботы и расходы по поддержанию всех святынь для христиан обоих толков мест в Палестине, при этом руководствуется своим суверенным правом и обязанностью заботиться о благе подданных независимо от их вероисповедания. Вопрос об оборонительном договоре более не затрагивался. 5 апреля 1853 г. Меншикову было сообщено об отказе Высокой Порты договорно оформлять подтверждение прав православных христиан в Турции и о подготовке чрезвычайного посольства в Петербург.

Лорд де Редклиф вернулся на пост посла в Турции 5 апреля 1853 г., в разгар оживленной дискуссии Меншикова с Али-пашой и Рифаатом-пашой относительно конвенции о православных подданных султана, и начал деятельность с подборки для опубликования в турецкой печати всех договоров Турции и России с начала XVIII в., сформулировав и повторяя не раз уже звучавший тезис: Россия настроена против реформаторского движения в Османской империи и стремится к протекторату над ней.

Вызывая перед взором турецких государственных деятелей картины падения Константинополя, де Редклиф одновременно возбуждал у Меншикова совершенно лишние почвы надежды помочь заключить союзный русско-турецкий договор. Впрочем, у де Редклифа однажды вырвалась угрожающая фраза: конвенция,

к которой стремится Россия, с европейской точки зрения (кто поручал ему говорить от имени Европы?!) представляет огромнейшие проблемы.

Рекомендации де Редклифа турецким государственным деятелям сводились (в трактовке самого посла Кларендону в депеше от 6 апреля 1853 г.) к следующему.

Вопрос о святых местах, отдельно рассматриваемый от других вопросов русско-турецких отношений, может изучаться и обсуждаться в вариантах неопределенно долго или отклоняться, как только будут обнаружены предложения, создающие опасность нарушения или неудобства отправления суверенных прав. В остальном позиция де Редклифа была сформулирована жестко. Русскому поверенному в делах в середине апреля 1853 г. он сказал, что требование России подписать новый сенед “о положении православных подданных султана вызовет противодействие не только Порты, но и всех нас — ее западных соседей. Против России образуется лига”, — заключил де Редклиф. С посланником Австрии и Франции в Константинополе о такой “лиге” де Редклиф говорил как о ближайшем совместном акте западных держав.

Появившаяся перспектива решения спорных вопросов непосредственно между Россией и Турцией вызвала новую волну активности французской и английской дипломатии. Друэн де Люис сообщает французскому послу Валевскому в Лондон, и копия идет в Константинополь: французский флот маневрирует у берегов Греции, уже совместно с английской эскадрой.

“Важно, чтобы никто в Европе, — пишет он для сведения своего посла и в уверенности, что это станет известно как султану, так и царю, — и не помышлял о том, что в случае кризиса в Константинополе, который сделал бы сомнительным существование Османской империи, Франция и Англия заняли бы различные позиции”. Де Лакур продолжал настаивать на строгом соблюдении Портой капитуляций 1740 г., а де Редклиф уверял Порту, что Франция и Россия хотят поделить Османскую империю между собой. Подстегивая рвение вновь испеченного лорда, Рассел рекомендовал ему по-

вторять султану в Порте: британский флот у Мальты, но готов идти на помощь.

5 мая 1853 г. А.С. Меншиков представил Рифаату-паше новый проект, в котором были изъяты первоначальные требования о покровительстве над православной церковью на Востоке. Предложения военного союза не возобновлялись. Речь теперь уже шла по существу о подтверждении особым актом положений Кючук-Кайнарджийского договора, в котором содержалось бы подтверждение навечно статус-кво в отношении всех прежних прав и привилегий православных подданных султана и клира. Турецкая сторона ответила контрпредложением — надо изучить проблему в целом, притом — на международной конференции. Как быстро учились турки!

Перспектива новых капитуляций, каковыми по сути являлись бы конвенции о праве на защиту православных подданных султана, аналогично французским и австрийским капитуляциям, вызывала в Турции самые острые возражения. Однако сама проблема капитуляций турецкой стороной поставлена не была, хотя можно предполагать, что должна была бы звучать в ответном на миссию Меншикова чрезвычайном посольстве в Петербурге, сорванном разрывом дипломатических отношений. У меня есть, правда, расплывчатое и не перепроверенное разведдонесение от 18 апреля 1853 г. из кругов, близких к Высокой Порте, что турецкое посольство могло поставить вопрос о займе в России. Свершись это — была бы Крымская война?

17 мая 1853 г. собрался расширенный Совет по реформам, включавший министров, всех командующих военными округами, видных улемов и пашей пяти крупнейших вилайетов. Сорока двумя голосами против двух, которыми были голоса старейшего члена Совета, участника трех войн с Россией 90-летнего Хюсрев-паши и последовательного сторонника мира Фуада-паши, Совет высказался против русских предложений. Это совершенно не означало, что Порта готова немедленно воевать. Последовали еще две инициативы — России и Турции, чтобы не допустить эскалации конфликта.

Однако парализующего воздействия английского влияния на принятие Портой решения избежать не удалось. Как не смогла и русская сторона выделить приоритетное направление в ближневосточном конфликте — русско-турецкие договоренности.

В целом можно констатировать определенную вялость и Петербурга, и Константинополя в поисках взаимоприемлемого решения.

Неизмеримо динамичнее действовала английская дипломатия, пользуясь малейшей рассогласованностью позиций России и Турции.

Лорд де Редклиф собрал на правах дуайена дипломатического корпуса посланников Франции, Австрии и Пруссии и добился, хотя и в обтекаемой форме, общего одобрения действий Решида-паши, ответившего отказом на последние предложения чрезвычайного посланника России. Разрыву между двумя державами был придан характер столкновения интересов между Россией и державами — участницами Лондонских соглашений 1841 г. Таким образом, Лондон и Париж довершили дело разрыва между Россией и Османской империей, дополнили все элементы кризиса, потребовав дезавуации Меншикова, т.е. отказа России от всех требований.

Свой “вклад” в осложнение обстановки — нарушением пограничного состояния в конфликте — внес лично Николай I, замкнувший на себя принятие окончательного решения, но предложивший “строго выжидательные” действия: занять Дунайские княжества и... “ждать что занятие произведет”; возможно, блокировать Босфор, потом предложить Австрии занять Сербию и Герцеговину; как крайность, он полагал “объявление независимости всех этих провинций”. Царь ожидал повсеместных восстаний христиан (не против оккупаций ли? — *В.Ш.*) и тогда, “в последний час Османской империи”, был готов на переход Дуная. “Но и тогда, — опасался царь, — скорее пошлю флот, для чего держу его в голове”. Как вариант, рассматривалось предложение А.С. Меншикова занять не Дунайские княжества, чтобы не вызвать восстания славянских подданных или вооруженного вмешательства держав, а Карс, Баязид

и черноморское побережье до Трабзона, но Кавказ пугал нашего мужественного монарха еще больше*.

К.В. Нессельроде еще составлял послание Решиду-паше, уведомляя его, что есть возможность предотвратить войну, приняв последние предложения Меншикова, когда Кларендон известил де Редклифа, что в Лондоне решили прибегнуть к силе как средству защиты Турции от “неспровоцированного нападения”, которого, заметим, еще не было и в помине, и для охраны ее независимости, которую Великобритания призвала оберегать.

Средиземноморская эскадра поступала в распоряжение де Редклифа и вышла к Дарданеллам. Французская эскадра покинула район крейсирования и взяла тот же курс. Военные машины европейских держав, набирая скорость, двинулись на земли Причерноморья.

* * *

Стороны в конфликте в течение 1850 — лета 1853 гг. — Россия и Турция — как бы балансировали на грани перехода от потенциала напряженности к потенциалу конфликтности. Обмен импульсами озабоченности судьбой христиан на Балканах и на Ближнем Востоке в определенной степени отвлек обе стороны от сущностных параметров конфликта.

Происходила очевидная (впрочем, для нас, а не для современников) фетишизация отдельных элементов в структуре конфликта на уровне эмпирической види-

* Зондирующий, осторожный и многоплановый характер бесед К.В. Нессельроде и самого Николая I с британскими государственными деятелями в 1844 г. и позднее относительно “наследства большого на Босфоре” не раз смущал историков, особенно военных. Последнее (П.А. Зайончковский, Л.Г. Бескровный) увидели в этих переговорах жесткую решимость царя занять Босфор и окончательно решить вопрос с “больным человеком”. Многовариантность решений показали: В.Н. Виноградов. Великобритания и Балканы от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 234–273; Его же. Британский лев на Босфоре. М., 1991. С. 86–101) и автор этих строк в учебнике: Военная история Отечества с древнейших времен до наших дней. М.: Мосгорархив, 1995. Т. 1. С. 477–481.

мости (положение отдельных конфессий, вопрос о святых местах и т.д.). Это и влекло за собой слепое приспособление дипломатов и военных в России и в Турции к внешней логике избранной тактики.

В итоге, во-первых, усложнение реализации самого конфликта. Во-вторых, стремительное и лавинообразное нарастание искажающих факторов на переговорах, характерных для данной фазы конфликта. К ним на этапе весны — лета 1853 г. относились: взаимоблокирующие действия как русской, так и турецкой сторон вследствие упомянутой фетишизации второстепенных элементов в структуре конфликта, а также негативные внешние воздействия в виде усиливающего потенциала конфликтности поведения европейской дипломатии в Константинополе.

Финансисты присматривались и выжидали. Пока молчали пушки, тихо-тихо лежали и деньги.

* * *

Основой формирования международных отношений как системы в середине XIX в. стал процесс становления мирового рынка. Капитализм экономически, политически, а также с помощью военной силы, что прослеживается из серии попыток Англии втянуть Порту в союз в 1849–1850 гг., начал “соединять” разобщенный мир. Османская империя активно отстаивала право быть субъектом в системе международных отношений. Противоречия между державами Европы в связи с революцией 1848–1849 гг., а также по поводу влияния на Османскую империю лежали среди важнейших факторов развития межгосударственных отношений в Европе в середине XIX в.

В это же время подготавливались условия будущего раздела Азии и Африки между однотипными в социально-экономическом отношении колониальными державами Запада. Поэтому внешняя политика Османской империи этого периода могла стать серьезным системообразующим фактором международных отношений в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке.

Во-первых, это коренным образом расходилось с интересами западноевропейских держав, и они всемерно тормозили эту тенденцию в самого начала. Во-вторых, Османская империя не смогла поддержать свой статус субъекта международных отношений выше регионального уровня в силу нараставшего социально-экономического отставания от западных держав, деформированности процесса, сохранения и отчасти — усовершенствования режима национального угнетения нетурецких народов.

В то же время выяснилось, что дальнейшее продолжение реформ оказалось в еще более тесной зависимости, чем ранее, от благоприятной международной обстановки и от развития революционных событий в Юго-Восточной Европе.

“Умеренность и реформы” — девиз османских реформаторов в связи с ростом революционного движения в Дунайских княжествах означал продолжение политики османизации балканских территорий. Сочетание репрессий силами реформированной армии и половинчатых уступок христианской верхушке устраняло, с точки зрения Высокой Порты, основания для вооруженного вмешательства европейских держав, включая Россию, и центр тяжести международных противоречий в регионе как бы перемещался в плоскость отношений западных держав с Россией, что явилось принципиальным просчетом турецкой политики.

На примере военной тревоги 1849 г. — мнимой угрозы существованию Османской империи со стороны России — раскрываются процессы искусственного формирования вооруженного международного конфликта.

Он имел три этапа.

Первый этап — этап напряженности, с июня 1849 г. по июнь 1852 г. — отмечен общей характерной чертой международной политической ситуации: внутренними противоречиями Англии и Франции по проблемам континентальной Европы и колоний и объективно общей позицией Англии, Франции и Австрии жесткого противодействия балканской и ближневосточной политике России.

Второй этап — этап формирования ядра кризиса, с июля 1852 г. по июнь 1853 г., когда действия турецкого правительства по снижению уровня неразрешимости вопроса о святых местах, т.е. сугубо локального конфликта, были блокированы неконтролируемым элементом — инициативной кризисной политикой Англии и Франции, неконструктивной позицией посольства А.С. Меншикова, двойственностью политической линии Австрии и Пруссии.

Третий этап — этап соскальзывания к вооруженному столкновению России и Турции — начался в июне 1853 г. с отъезда русской миссии из Константинополя и “демонстрации англо-французского флага” у Дарданелл.

Конфликт в отношениях России и Османской империи, возникнув как политическое движение, обрел после этого относительно самостоятельную логику развития и реализовался непосредственно в Крымской войне.

На первых двух этапах конфликта (1849–1852 гг.) отчетливо прослеживается стремление Англии связать Османскую империю военным договором в сочетании с внешним займом. Поскольку в подобных проектах весьма определенно формулировались основные императивы международной деятельности Высокой Порты под контролем Англии, то, помимо утраты относительной самостоятельности внешнеполитического курса самой Османской империи, возникла объективная угроза для всего региона — усиление роли неконтролируемого элемента в принятии столь ответственного решения, как превентивное применение Великобританией силы для защиты своих восточных рубежей от несуществовавшей угрозы.

“Пять пунктов Каннинга—Решида” содержат главное направление политики не только Англии, но всех западноевропейских держав от Адрианополя 1829 г. до Парижа 1856 г. — вырвать из рук России инициативу в защите прав угнетаемой христианской, большей части населения империи; опираясь на быстро нараставшее экономическое подчинение балканских, левантийских, западноанатолийских земель, взять под контроль эко-

номически наиболее динамичную и социально продвинутую часть немусульманского населения империи, обеспечить развитие военных и политических связей немусульман через эмиграцию военных и части общественных деятелей повстанческих движений в Турцию; заодно освободить Западную Европу от избытка взрывчатого материала — вооруженных повстанческих низов из Польши, Венгрии, других стран и перенести его на Ближний Восток и в Юго-Восточную Европу, поближе к России, на периферию Европы, к границам Азии и Африки.

Необходимо подчеркнуть, что в период нарастания кризиса в Восточном Средиземноморье и Причерноморье именно прямые русско-турецкие переговоры и достижение договоренности по спорным вопросам без посредничества третьей стороны были главным деэскалирующим элементом, ослаблявшим до некоторой степени напряженность в регионе.

Это было продолжением определенной тенденции развития международных отношений на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Европе от 90-х гг. XVIII в. до 50-х гг. XIX в. Двойственность ориентации посольства А.С. Меншикова — частично на сотрудничество с австрийской и английской дипломатией, частично на прямое, без посредничества, решение вопросов с Портой — определила колебания и непоследовательность в действиях самого А.С. Меншикова, усугубляя атмосферу недоверия и враждебности, которую нагнетали представители западноевропейских держав.

Отсутствие стабильных, глубоких и взаимосдерживающих в эскалации напряженности, экономических связей самым пагубным образом сказывалось на развитии конфликта. Известен термин “бряцание оружием”. Накануне Крымской войны “потряхивали кошельком”. И это было не менее серьезно, порой — опасно, всегда — крайне важно.

Кто скажет, что больше пьянило государственных мужей той эпохи — запах пороха или большие приращения капитала...

Глава 4

НАСИЛИЕ — ПОСЛЕДНИЙ АРГУМЕНТ НЕКОМПЕТЕНТНОГО ПРАВИТЕЛЯ

Английские лорды, французские пэры и османские башибузуки

26 июня 1853 г. был подписан царский манифест о введении войск России на территорию Дунайских княжеств, 8 июля авангардные части вошли в Бухарест.

К этому времени западноевропейские державы заканчивали последние приготовления к войне. С середины июня английские и французские эскадры находились на якорной стоянке у входа в Дарданеллы; отдельные корабли заходили в пролив, но не проходили в Мраморное море — этого не разрешила Порта, поскольку официально война России еще не была объявлена.

Завершая дипломатическую подготовку войны, к 1 августа 1853 г. по инициативе австрийского министра иностранных дел К. Буоля дипломаты Англии, Австрии, Франции и Пруссии подготовили совместный демарш, известный как Венская нота. Обращенная формально к Турции, но адресованная и России, эта нота должна была подтвердить положения Кючук-Кайнарджийского и Адрианопольского договора о защите Россией христианских православных подданных Турции, а также гарантировать распространение на православных подданных всех новых постановлений Порты о положении христиан в Османской империи. Россия и Франция должны были наблюдать за точным исполнением Портой этих условий.

При всех “честолюбивых видах” Франции на австрийские владения в Италии и несмотря на непримиримое соперничество Австрийского Ллойда и британских

коммерсантов в Средиземноморье, направление ближневосточной политики Англии, Австрии и Франции очерчивалось общей генеральной линией — столкнуть между собой Россию и Турцию, предельно ослабить первую и подчинить, насколько возможно, другую.

Венская нота от 31 июля 1853 г. явилась своего рода компромиссом трех западноевропейских держав — участников готовившегося военного договора. Компромисс достигался за счет четвертого союзника — Османской империи. Ни Петербург, ни Константинополь не отвергли напрямую этот очевидно декларативный документ. И там, и здесь искали варианты. Однако набор альтернативных решений последовательно сужался действиями европейской дипломатии.

Между 8 и 25 июня возглавивший британское правительство лорд Абердин, выступая в парламенте, предложил направить в Петербург личного представителя королевы Виктории. Он должен был убедить царя, во-первых, отказаться от занятия княжеств; во-вторых, принять посредническое участие в возможных переговорах чрезвычайного турецкого посольства в Петербурге. Однако в России при всем стремлении Николая I сотрудничать с Лондоном в “устройстве дел на Востоке” справедливо расценивали проект Абердина как попытку прикрыть пребывание английского флота у Проливов.

В Османской империи в надежде на достижение мира с помощью переговоров в Петербурге поддерживали одну часть английского проекта — ту, где шла речь о переговорах с царем при содействии личного посланца королевы. Вместе с тем, опасаясь односторонних акций Англии в Проливах, по примеру 1849 г., как, впрочем, и русского десанта, Решид-паша предложил одновременно ввести в бухту Золотого Рога 6 британских и 5 французских военных пароходов, чтобы обезопасить посланников и членов миссий на случай, как он выразился, непредвиденных обстоятельств. Решид-паша добивался баланса сил держав, но такое предложение отвечало также интересам Англии и Франции

в плане формального оправдания нарушения Лондонских конвенций 1841 г.

Впрочем, де Редклифу и этого было недостаточно. Его крайне беспокоило, что Высокая Порта была склонна к компромиссу с Россией по широкому кругу вопросов. Не менее его беспокоила выявленная его информаторами перспектива австрийского посредничества в отношениях России и Турции. Отвлечь Решида-пашу от “излишне тесного” сотрудничества с Австрией, считал де Редклиф, важнее, чем сохранять полное единство взглядов послов западных держав в Константинополе.

Избежать сближения Порты с Австрией, что могло привести к мирному разрешению кризиса, можно было, полагал де Редклиф, вполне поддержанный в этом Г. Пальмерстоном*, одним способом — “немедленным и действенным” вмешательством на стороне Турции. Это было необходимо, по его мнению, также и с учетом внутреннего положения в Османской империи. Как писал 4 июля 1853 г. де Редклиф Кларендону, не грозя русская армия, которая больше выжидает, чем действует, а народные восстания, могущие произойти в Болгарии и в других местностях Европейской Турции от границ с Австрией до Греции, приведут империю к крушению. Обстановка тем более опасная, если учесть антитурецкие настроения шаха Ирана. Необходимо, призывал де Редклиф, переломить некоторые колебания, имеющиеся у правительства Турции, в пользу тесного сотрудничества с Англией и Францией.

Безотлагательное военное вмешательство в кризисную ситуацию виделось ему единственной альтернативой уже потому, что это позволило бы легче и увереннее “воздействовать на правительственные круги Османской империи в отношении намеченных им, де Ред-

* В июле 1853 г. Пальмерстон высказывал убежденность в том, что успешная война с Россией “вдохнула бы в Турцию новую жизнь”, стимулировала новые военные преобразования, требующие больших средств, которые иначе чем с помощью займов Порта собрать не могла.

клифом, реформ”. Вопрос стоял, по его мнению, только так — или огромная Османская империя со всеми ее природными богатствами и неисчислимыми перспективами “станет русской”, или она все же будет “сохранена для Европы”, читай — для британской короны.

Франция также была не вполне удовлетворена возможностью ввести только пять военных кораблей в Проливы. Роль посредника в русско-турецком конфликте, предложенная 4 июня 1853 г. Николаем I Наполеону III, последнего устраивала бы только в таком виде, что можно было реально и жестко влиять на ход событий на Ближнем Востоке и на Балканах. 2 июня 1853 г. французский официоз “Монитор” опубликовал редакционную статью, в которой сообщалось о майском заседании Высшего Совета по реформам Османской империи. На нем, как говорилось в статье, выражались мирные намерения Порты в связи с конфликтом с Россией. Вопрос о привилегиях православных подданных в “Монитёре” в номере от 2 июня трактовался как нарушение прав и привилегий Франции в отношении как с католическими подданными Порты, так и с Османской империей в целом. Читатели должны были прийти к выводу, что “Францию обошли на Леванте”, и что задеты честь страны и государственные интересы.

В июньских инструкциях послам Франции — А. Вальевскому в Лондоне, Б. Кастельбажаку в Петербурге — возглавивший МИД Друэн де Люис настоятельно рекомендовал рассматривать действия России как нарушение принятых совместно державами в 1841 г. принципов сохранения независимости и целостности Османской империи в качестве “необходимого условия европейского равновесия”. Послам предлагалось дать понять, что Франция готова к активной защите своих интересов на Востоке.

Буквально в те же дни, когда обрабатывались французское общественное мнение и по возможности — державы, появился еще один документ. Проект французского посланника в Вене Ф. Буркине. Согласно этому

проекту, при посредничестве Франции Россия и Турция должны урегулировать вопрос о положении христианских подданных Порты. Предполагалось, что соответствующее заявление России будет составлено при участии, естественно, “дружеском и самом бескорыстном”, Наполеона III. Россия отвергла французскую инициативу, сославшись на удачное для нее появление нового австрийского проекта; к тому же русская военная разведка сообщала — Решид-паша все вечера проводит у австрийского посла...

С начала июня 1853 г. в Константинополе находился новый посланник Австрии К.Л. Брук. Как один из создателей Австрийского Ллойда и бывший министр торговли Австрии, он уделял большое внимание экономическим методам привлечения на свою сторону Османской империи для борьбы с торговой конкуренцией Англии и Франции в Центральной Европе и в бассейне Дуная. Один из авторов проекта “Семидесятимиллионной империи” — объединения Австрии и Германского Союза под властью Вены, барон Брук был убежден, что во всем Дунайском бассейне, в Черном море нет места ни русскому, ни английскому влиянию. Противостоять тому и другому на данном этапе могла бы, по мнению К.Л. Брука, Османская империя при должной ориентации на Вену.

К.Л. Брук встречал понимание среди государственных и военных деятелей Османской империи. С помощью именно Австрии, полагали Решид-паша и военный министр, можно было бы пресечь неконтролируемую деятельность “бродяг-эмигрантов в Европейской Турции”, в равной степени опасную и турецким владениям на нижнем Дунае, и сопредельным придунайским территориям Австрии.

Деятелей Высокой Порты вполне устраивала “сдержанность Австрии” в период кровавой расправы войск Омера-паши с повстанцами в Черногории и привлекала возможность дополнительных закупок стрелкового оружия. Известен был Порте и одобрявший Австрией план одного из руководителей революционного осво-

бодительного движения в Дунайских княжествах А. Голеску-Альба: поддержать отказ Порты от Балта-Лиманского сенеда 1849 г., получить 20 тыс. ружей из Франции и объединить силы Порты и военной эмиграции для борьбы с царизмом. Наконец, Порте импонировала жесткая позиция Австрии в отношении Сардинии, предоставившей убежище участникам революции в Австрии 1848–1849 гг., среди которых были выходцы из европейских провинций Османской империи. Располагавший информацией из Бюро переводчиков при Порте советник русского посольства по вопросам судоходства А. Пеццар сообщал, что Решид-паша был явно разочарован “назидательной позицией” британского посла и все более прислушивался к К.Л. Бруку. “Решид-паша ждал от Каннинга формального посредничества, а тот все ратует за войну, и приход каждого парохода из Англии выдает за военную поддержку”.

Следовательно, с учетом многих и очень неоднозначных обстоятельств можно вполне объяснить внимание Высокой Порты к миротворческим инициативам Вены в 1853–1854 гг., а также последовавшее в 1854 г. согласие Порты на введение австрийских войск в Дунайские княжества. Однако обращение к новой заинтересованной стороне в разгоравшемся конфликте не ослабляло его, а лишь усугубляло ситуацию — непреложность аксиомы исторической конфликтологии о “третьей стороне” проявлялась с неумолимой очевидностью.

Николаю I после долгих размышлений Венская нота показалась выходом из конфликта путем соглашения с Австрией и Францией. Внешне она давала возможность продолжить разработку проекта нового договора с Турцией о правах ее христианских подданных, составленного на основе Кючук-Кайнарджийского договора. Но в Петербурге, кажется, не учли совокупности позиций европейских держав.

В этой перестрелке нотами державы, судя по всему, забыли, что Высокая Порта имеет собственную точку зрения на события. Действительно, ни современная пресса, ни памфлеты, ни исследователи тех лет и более

позднего времени не обратили внимания на *содержание* (курсив мой. — В.Ш.) “ноты протеста” Порты от 14 июля 1853 г. по поводу оккупации Дунайских княжеств. В ней Высокая Порта декларировала всем европейским державам свое суверенное право решать внутренние проблемы по собственным законам и приводила соответствующие ферманы. Акция России рассматривалась как нарушение русско-турецкой Балта-Лиманской конвенции, следовательно, относилась к кругу проблем, касающихся отношений только двух держав.

Венская нота также внимательно изучалась в Порте. Турецкие правительственные круги были готовы к дальнейшим переговорам, в том числе в Вене, при участии всех европейских держав. И это была прекрасная реакция на стимуляцию конфликта извне. Четко прозвучала готовность отстаивать собственные интересы. Определенным образом было подготовлено общественное мнение, по крайней мере в столице. Речь идет, разумеется, о кругах и силах в османской иерархии, ответственных за исполнение принятых “наверху” решений. Способность отойти от односторонней ориентации в кризисе отражала рост османской дипломатии.

Изменения в редакции Венской ноты, предложенные Портой, были переданы державам Запада и России особой нотой 20 августа 1853 г. В другой ноте державам, 9 сентября 1853 г., вновь подтверждалось, что Порта имеет особое мнение относительно всех обсуждаемых проектов. До сведения всех держав доводилось, что Порта резервирует за собой право вносить свои собственные проекты документов, касающихся решения вопросов, связанных с ее внутренними делами. Эта нота, обычно не упоминаемая исследователями, — определенное свидетельство в пользу попыток Турции, пусть далеко не всегда успешных, следовать собственному курсу с учетом равных прав в “концерте европейских держав”.

Негодование Лондона, Парижа и Вены не было предела. “Коварные, неверные турки, ради красивых глаз которых флот Франции торчит у Дарданелл”, — это из арсенала эпитетов одного только Э. Тувенеля, нового

министра иностранных дел Франции. Не меньше возмущались другие государственные мужи морских держав, успешно, как им казалось, подчинившие своему влиянию “этих ленивцев на Босфоре” (а это уже К.Л. Буоль).

Какие внешние и какие внутренние силы были заинтересованы в том, чтобы стимулировать замедлившееся было соскальзывание к “большой войне в Причерноморье” и ускорить столкновение застывших в напряжении военных машин двух причерноморских держав?

Мы видели, как настойчиво и последовательно готовила английская дипломатия военный союз с Османской империей. В замыслы Г. Пальмерстона относительно войны, которую надлежало начать против России под флагом “спасения” Османской империи и по ее просьбе (и то и другое утверждалось для обмана общественного мнения собственной страны и для обоснования вмешательства во внутренние дела “спасаемого от русских государства османов”), главной задачей входило расширение и укрепление Британской империи в Азии и Африке. Не исключалась и периферия Европы.

Известно, что Пальмерстон неоднократно называл своей “заветной целью” раздел России. При этом в награду за благожелательный нейтралитет или прямую поддержку он предлагал вознаградить российскими территориями Швецию, Пруссию и Австрию, “Крым и Грузию передать Турции, Черкассию либо сделать независимой, либо отдать под суверенитет султана”.

Демагогичность таких заявлений очевидна. Вместе с тем достоверно известно, что имперские интересы расширения территории Британской Индии за пределы Индостана прорабатывались государственными деятелями Великобритании в период Крымской войны. Причем так, чтобы “уравновесить” русское присутствие на Кавказе и удержать русских подальше от Афганистана и северо-западной Индии.

В начале 1850-х гг. противоречия в Индии, формальное окончание завоевания которой относилось к 1849 г. (т.е. к покорению Пенджаба), обострились до предела. Социальный и национальный конфликт между завоевателями-англичанами и многомиллионными массами населения Индии усугублялся деятельностью миссионеров, насаждавших христианство, особенно в мусульманских районах. Участие недовольных сипайских войск, в первую очередь из мусульман, в войне на стороне османского султана-халифа могло содействовать разрядке взрывоопасного положения в Индии. Само присутствие сипайских войск в Турции, вблизи от западных границ Ирана, создание аналогичных частей в Турции при одновременном усилении англо-индийского контингента в Северо-Западных провинциях — все это отвечало бы военным и политическим планам Лондона в отношении и Турции, и Ирана, и непокорного Афганистана. Оставалось лишь заставить сражаться самих турок.

Лондон подстраховывался созданием очага напряженности на юге османских владений. В 1853 г. заканчивался десятилетний срок перемирия Англии с шейхами на южных, Пиратских берегах Персидского залива. Пребывание усиленной британской эскадры в Заливе в годы Крымской войны и серия провокаций против Бендер-Аббаса и принадлежавших Ирану островов осуществлялись силами султана Омана под прикрытием флага Османской империи, в которую он формально входил. В том же 1853 г. против проанглийского правителя Бахрейна выступили шейхи Аль-Катифа и Неджда — также подданные Османской империи. Борьба с ними, вмешательство в местные конфликты под фальшивым лозунгом сохранения целостности османских владений составляли в 1853 г. одну из насущных проблем британской дипломатии в Османской империи и командования британского экспедиционного корпуса, сформированного к началу года для действий в районе Аравийского полуострова и Персидского залива.

Кризис в отношениях между Россией и Турцией, превратившийся в войну на двух континентах, отвлечение

сил России на войну с коалицией европейских государств были использованы державами для достижения каждой своих политических целей на большом удалении от Османской империи — на Дальнем Востоке, в Китае и Японии.

Предвоенные годы (1850–1853) стали периодом победного развития тайпинского движения, грозившего опрокинуть все зафиксированные в капитуляциях “успехи” Англии и Франции, а также США по закабалению Китая. Военные действия Англии и Франции в районах русского Дальнего Востока, сопредельных с Китаем, во-первых, позволяли бесперебойно снабжать оружием цинское правительство в его войне против тайпинов и готовить вторжение в Китай (последовавшее в 1856 г.). Во-вторых, “подтолкнув” войну на Ближнем Востоке, великие державы смогли не только избежать совместного с Россией демарша в Цинской империи (соглашение об этом было достигнуто в мае 1853 г.), но и реализовать свои экспансионистские замыслы в отношении русского Приморья. Готовилось также французское вторжение в Индокитай.

В июле 1853 г., когда на Ближнем Востоке еще бушевала “нотная война”, гром пушек американского коммодора М. Перри знаменовал конец самоизоляции сёгуната Токугавы. США и Англия оттеснили Россию в борьбе за влияние в Японии. В условиях начавшейся Крымской войны преобладание этих держав было закреплено невыгодным для России Симодским русско-японским договором.

В “подталкивании” турок к войне высокую заинтересованность с тех же имперских позиций проявляла Франция. В 1851 г. французская армия после трех лет упорных боев подавила в основном восстание в Малой Кабилии (Алжир). В 1853 г. развернулось новое восстание в Большой Кабилии. Вождь алжирских борцов за свободу в 1830–1840-х гг. Абд аль-Кадер, с 1852 г. проживавший в изгнании под Дамаском, поддерживал определенные связи с повстанцами. В Париже было известно, что в Высокой Порте не исключали возможности

восстановления османского господства в Алжире и связывали это с Абд аль-Кадером. Пресечь саму вероятность такого поворота событий, опасного для французских колоний в Северной Африке, наиболее надежно мог все тот же военный союз с Османской империей. Нейтрализовать турецкое влияние в Магрибе, принадлежность которого султану-сюзерену не оспаривалась, привлечь османскую армию к совместным действиям Англия и Франция стремились в связи с положением в Марокко и Тунисе. Правитель Туниса Ахмед развернул к началу 50-х годов XIX в. ряд реформ танзиматского образца. Порта стремилась укрепить свои связи и с ним, и с алжирцами. Имелась реальная перспектива усиления турецкого влияния в Триполи, так как в 1851–1853 гг. Константинополь предпринял ряд конкретных шагов в этом направлении.

Эта перспектива столь же противоречила планам Франции и Англии на овладение этим районом, как и самостоятельное развитие Алжира, Туниса или Марокко. Отвлечение сил Османской империи на войну с Россией и возможность контроля (на правах военных советников и союзников) над использованием вооруженных сил Турции, включая ее североафриканские территории, было учтено Англией и Францией при “расчистке” дороги в черную Африку — “заповедное поле охоты” держав Западной Европы.

На территориях Османской империи в Северной Африке наиболее близко соприкасались границы колониальных империй Англии и Франции. Это усиливало их соперничество за влияние на турецкую армию, на возможности ее использования на рубежах колониальных владений друг друга. Армия Османской империи, хорошо вооруженная и управляемая извне, могла быть нацелена на реализацию обширных планов великих держав на международной арене.

В целом проблема “турецких сипаев” весьма убедительно вписывается в общее стремление Пальмерстона и Наполеона III увеличить свои армии на перифериях колониальных империй, не прибегая к всеобщей мобили-

лизации в метрополиях. Лондону и Парижу было предпочтительнее действовать с помощью иностранных легионов, которые при необходимости могли транспортироваться новым паровым флотом на большие расстояния — от Алжира до Пенджаба.

Османская империя обладала, с точки зрения западных держав, необходимыми стратегическими данными и реформированной по европейскому образцу армией, вооруженной однотипным с Западной Европой стрелковым оружием и артиллерией, другим военным снаряжением. За него надо было платить.

Итак, цели и задачи войны в Восточном Средиземноморье и в Причерноморье, место в ней Османской империи были определены.

Изменение курса Порты в сторону мира могло сорвать длительно готовившуюся в этом регионе обширную экспансию молодого промышленного капитализма. Вот почему промедления Порты и поиски вариантов выхода из кризиса вызывали бурю негодования держав на Западе.

А что же Россия?

“Нам пишут из Царьграда...” Турецкая разведка и русская дипломатия в борьбе за общественное мнение Европы

Участие в острейшем международном конфликте начала 1850-х годов стимулировало внутренний кризис в Османской империи — стране, выведенной на острие атаки. Продолжалась борьба между консервативными силами, сопротивлявшимися реализации танзимата и всем его проявлениям во внутренней и внешней политике, и кругами, заинтересованными в возрождении и обновлении османского общества и государства.

В лагере войны непримиримыми ее глашатаями выступали улемы всех рангов. Турецкие историки отмечали падение политической роли шейх уль-ислама, всего сословия улемов — судей и правоведов в связи с реформами в административной сфере и введением пра-

вовых норм европейского типа, распространением светского образования, элементов европейской культуры. Улемы лишились части доходов в связи с сокращением притока имущества мусульман в вакфы и почти полным отстранением от участия в перераспределении военных доходов и расходов (доля в военной добыче, участие в выплате жалования, сбор пожертвований на джихад и т.д.).

Реформированная регулярная армия, тем более в мирное время, не нуждалась в “святых вдохновителях”. Восстановить свое пошатнувшееся положение, привычно стать во главе мусульманского ополчения против “неверных” — как внешнего врага, т.е. России, так и внутреннего, к которому реакция относила все христианское население империи, напомнить всему “миру ислама”, что султан-халиф и его верные слуги не забыли воинственных заветов и горят желанием “освободить” мусульманские народы Северного Кавказа, Закавказья, Крыма, других “исламских” территорий России, — таковы были, по наблюдениям современников, особенности требований мусульманской реакции. Улемы, софты столицы организовали ряд массовых шествий, требуя войны с Россией.

Не выступая, естественно, открыто, как улемы и софты, поддерживала воинствующие силы и часть высшего христианского духовенства. Верхушка фанариотского православного патриархата со страхом и ненавистью относилась к реформам, грозившим ей потерей господствующего положения среди единоверцев — славян, молдаван, валахов, греков, арабов и др. Значительная часть высшего православного клира поддерживала те силы в правительственных кругах империи, которые в заявлениях о христианах, сделанных Россией усматривали опасные перемены в собственном положении в системе османской власти и требовали “вооруженной рукой защищать права султана”, т.е. фактически — соглашались на угнетение христианских и других немусульманских подданных, лишь бы не утратить доходы.

Тесно связанные с посольствами Англии, Австрии, Франции, других западноевропейских стран главы мил-

летов католиков и протестантов в свою очередь откровенно связывали с победой держав и Турции надежды на дальнейшее укрепление своего привилегированного положения и участие в выгодных сделках с Западом.

Главы церквей обоих направлений столь дружно демонстрировали верность султану в кризисной ситуации, что даже осторожный Решид-паша уверился сам и доложил султану о поддержке и понимании глав христианских церквей в случае войны с Россией. Однако просчет его состоял в том, что диаметрально противоположной была позиция низов христианских общин. Впрочем, это уже другой сюжет.

Подавляющее большинство старшего командного состава турецкой армии и флота требовали более активных и решительных действий. “Они, — докладывала разведка, — считают войну с Россией уже начатою, но без всякой потери для русских. Чрезвычайные расходы каждого дня настоящего времени простираются до полутора миллионов курушей, между тем как доходы со дня на день уменьшаются”. Стоит учесть, что содержание армии численностью в начале войны около 440–450 тыс. человек обходилось Высокой Порте в 285 млн курушей в год. Один куруш в это время равнялся 5,5 коп. серебром. Военные расходы поглощали до 70% всех доходов казны.

Немало было и в среде государственных деятелей Османской империи реформаторски настроенных, получивших европейское образование и деятельно содействовавших прогрессивным сдвигам людей, требовавших “проявлять твердость”, возродить воинственный дух великих султанов-завоевателей, воспользоваться, наконец, много раз обещанной помощью держав Западной Европы.

Среди них выделялся бывший чрезвычайный посол в Петербурге, министр иностранных дел, затем великий везир, друг семьи А.М. Горчакова Кечиджизаде Мехмед Фуад-паша (1814–1868), сын известного своими прорусскими настроениями поэта и теолога Иззет Моллы (о нем говорилось в первой части книги). Во-

круг Фуада-паши группировались молодые офицеры и дипломаты, которые весной–летом 1853 г. приняли участие в памфлетной войне в Европе. *Этот сюжет любопытен как факт тех самых социокультурных метаморфоз, которые наиболее ярко проявляются на пике конфликта.*

Часть европейской прессы обвиняла Россию в провоцировании конфликта в связи со святыми местами. Другая упрекала Высокую Порту в том, что она потворствует домогательствам России. Тайно финансируемая российским МИД газета “Норд”, в издании которой в Брюсселе активно и анонимно участвовали не раскрытые до сегодняшних дней выдающиеся российские разведчики (книга о них готовится автором) П.А. Чихачев и К.М. Базили. Газета упрекала Высокую Порту в потворстве проискам Франции. Им возражала брюссельская газета “Индепандант бельж”, которую, в свою очередь финансировало турецкое посольство в Париже, и тоже негласно.

В этих условиях Фуад-паша, вынужденный в марте 1853 г. по настоянию А.С. Меншикова покинуть пост министра иностранных дел, включился в полемику. На страницах “Индепандант бельж” появилась анонимно брошюра Фуада-паши под названием “Правда о священных местах...” Изложив позицию турецкого правительства в отношении святых мест, Фуад-паша призвал все заинтересованные стороны к решению спорных вопросов “путем согласительных мирных действий”, с учетом сохранения суверенитета Порты и создания системы согласительных мер между всеми державами, включая Турцию, которая предупредила бы на будущее возникновение столь же взрывоопасной ситуации, как весной–летом 1853 г. При содействии той же газеты в Бельгии и Франции, а затем и в других странах Европы появились на средства военного ведомства Турции две брошюры. В одной из них утверждалось, что Порта вправе и в силах поддерживать равенство между подданными, а не только между католиками

и православными. Автором ее был грек, османский подданный, живший в Валахии. Имя его пока не удалось установить.

В другой брошюре, авторами которой были личный врач султана Стефан Каратеодори и сотрудник турецкой миссии в Бельгии Рустем-эфенди, излагалась аналогичная точка зрения. П.А. Чихачев, “незаинтересованный и далекий от политики путешественник” (так он подавал себя в газете “Норд”)*, быстро выяснил чины и задачи турецких “корреспондентов” в Бельгии по своей картотеке, которую он вел “от нечего делать”, на турецких офицеров, получивших образование в Европе. Так что тщательная попытка Рустема-эфенди скрыть свою принадлежность к “Ознакомительному отделу” Военного министерства Турции оказалась безуспешной...

В этой брошюре горячо защищалась возможность обновленной реформации Турции самостоятельно решать все вопросы внутреннего и внешнеполитического характера, включая положение христиан обоих толков и статус святых мест. Проблема военного союза с Западом даже не затрагивалась.

Эти брошюры распространялись в то время (лето–осень 1853 г.), когда прессу Англии и Франции переполняли идеи защиты турок “от этих ужасных русских”. В военных архивах России обе брошюры осели вместе с описаниями “наружности и вида” их авторов. Прелюбопытно.

Вскоре во Франции, Бельгии и других европейских странах получила распространение еще одна брошюра Рустема-эфенди и его коллеги по тому же отделу, служившего в Льеже под “крышей” торговой турецкой миссии Саид-бея.

* Удачная легенда П.А. Чихачева, сотрудничавшего с русской военной разведкой всю свою долгую жизнь (1808–1890), близкого друга разъездного агента упоминавшегося выше М.П. Вронченко, не раскрыта и поныне. См.: *Цибульский В.В. Чихачевы. М., 1988. С. 13–25.*

Оба офицера принадлежали к ближайшему окружению Фуада-паши. Теперь они в два пера развивали мысль о том, что постановления султана и Порты в пользу христианских церквей есть реальное воплощение принципов танзимата. Вмешательство держав в вопрос о христианах равносильно вмешательству во внутренние дела Османской империи. Интересно, а что произошло бы в Европе середины XIX в., — задавали вопрос авторы, — если бы Франция начала вмешиваться во внутренние дела Швеции, поддерживая шведских католиков; Австрия предприняла бы такие же действия в отношении русских католиков. Кому же пришлось бы защищать в таком случае католическое меньшинство в Англии? — саркастически спрашивали турецкие офицеры-дипломаты.

Они писали, что Османская империя готова к развитию политических и экономических отношений с западноевропейскими державами при условии строгого невмешательства в ее внутренние дела. Обращаясь к общественному мнению Западной Европы, Рустем-эфенди и Саид-бей писали, что их страна поддерживает принцип равновесия сил в политической системе Европы.

“Однако, — продолжали они, — не следует забывать о Востоке, где расположена Османская империя, и надо принять во внимание, что Босфор наравне с Рейном — составные части равновесия сил в Европе”. Неделимость Османской империи — столь же очевидный фактор жизни Европы, как существование, например, Бельгии и ее народа, — утверждали авторы памфлета.

Напомнив, как европейские державы “по кускам отбирали у Порты ее арабские владения”, авторы подчеркивали: если уступить какую-то часть османских земель одной из европейских держав, например, Черногорию — Австрии, то не будет ли это означать, что Бельгия или другие страны Европы потребуют от своих соседей аналогичных уступок.

Общий вывод звучал так: Османской империи необходимо немного помощи от Западной Европы, побольше терпимости и понимания. Брошюра, по свидетельст-

ву русской военной разведки, работавшей в Бельгии, Франции и Турции, была встречена “с живым интересом в европейских деловых кругах и с явным раздражением в кругах политических”.

* * *

Острый кризис в отношениях России с Турцией в 1853 г., внешне весьма благоприятно развивавшихся после Ункяр-Искелесийского союзного договора 1833 г. и отмеченных тесным политическим и военным сотрудничеством в 1848–1849 гг., был достаточно неожиданным для русской общественности. В России привыкли думать и говорить о неудачах турецких танзиматоров, о неуверенности политики Порты. Жесткий тон, уверенная мотивация позиции турецких памфлетистов из военных, не только на равных соперничавших с П.А. Чихачевым и К.М. Базили на страницах европейской периодики, но и весьма успешно привлекавших симпатии европейской общественности к обновленной Турции, вызвали в русской печати вначале растерянность, затем разброд оценок и лишь в отдельных случаях — стремление разобраться, а что же, собственно, происходит.

В условиях достаточно распространенного, под воздействием панславизма и официозных маршей “Москвитянина”, сочувственного в массе своей отношения к войне России с турками, уже в самом ее начале у части русского общества формировалось мнение, что не “турок — подлинный противник России”. По словам публициста-современника Д.П. Мордовцева, появлялось “ощущение, как многого России недостает, чтобы торжествовать над всеми”.

Столкновение с Турцией поставило перед думающей Россией вопрос, насколько глубоко оказались реформы у южного соседа, которого представляли себе лениво дремлющим в окружении томных одалисок, а тот оказался бодрым, свежим и со скорострельным штуцером в руке.

“В начале войны — писал видный критик николаевской рутины П.А. Грановский, — за исключением немногих благомыслящих, все шло смело, без рассуждений, хотя и без патриотического воодушевления, за правительством. Мы так были уверены в своей силе, что все дело принимали почти за шутку... Оказалось — турок не шутит... Трудно приходится нам в неравной борьбе... Заметим, что это признание сделано после первых заметных успехов регулярной модернизированной турецкой армии, за полгода до англо-франко-турецкого военного договора против России.

Турецкий вопрос в его дипломатическом и военнополитическом аспектах послужил своеобразным индикатором уровня оппозиционности к царизму в различных и по-разному его критиковавших кругах русского общества.

Осмысление во многом ошибочности прежних представлений о реформах в Турции содействовало эволюции взглядов либеральных критиков царизма. Остановимся на некоторых из них.

Славянофилы 1840–1850-х гг. А.С. Хомяков, С.Т. и К.С. Аксаковы, Ф.И. Тютчев, А.П. Блудова и другие полагали русскую и шире — славянскую, в том числе и находившуюся в пределах Османской империи, общину идеалом общественного развития и средством противодействия капитализму в России, на Ближнем Востоке и на Балканах. Обострение Восточного вопроса, включая конфликт с Турцией, воспринималось ими через перспективу всеславянского движения патриархальных общинников-славян под эгидой “царя-батюшки” против западного капитализма, прежде всего в лице Австрии (!), и против “восточного деспотизма с западными подпорками” — Высокой Порты. Единственное решение турецкого вопроса, которое они видели накануне и в начале кризиса 1850-х годов, состояло в сокрушении Турции, становившейся, по их мнению, оплотом капиталистического Запада, в овладении Константинополем и в создании некоего “славянского единения”.

Наиболее дальновидные из славянофилов увидели, что за столкновением с турками неизбежно последует

война с европейскими державами, как они считали — с Австрией и Англией. Однако и они (А.С. Хомяков, А.П. Попов) упорствовали в идее “святой войны” (далеко ли уходя при этом от “священной войны” — джихада, за которую ратовали в Стамбуле), не видел катастрофы, грозящей России в ее столкновении с союзом капиталистических держав и реформированной ими Турции.

Славянофилы неправоммерно преувеличивали готовность царизма “спасать славян-единоверцев” и лишь давали повод турецким памфлетистам на страницах прессы Англии, Франции, Бельгии и других стран сообщать о захватнических настроениях в русском обществе. Вероятно, из этих кругов только Ф.И. Тютчев, досконально изучавший Восточный вопрос, сумел уже осенью 1853 г. понять, что главный противник, стоявший перед Россией — не Турция, как трубил официоз, а западные державы, использовавшие Турцию. Считая причинами обострения турецкого вопроса в 1850-х гг. конфликты между славянством и православием с одной стороны и безбожием и революцией (которая, по его мнению, уже захватила и Стамбул) — с другой, Ф.И. Тютчев, вдохновенный поэт и опытный дипломат, пришел к выводу, что происходит при этом столкновение отживших феодальных устоев России с революцией, идущей с Запада. Именно в этом, в его восприятии, было главное содержание событий начала 1850-х гг. и войны с Турцией.

Под влиянием войны с турками и их союзниками наиболее трезво настроенные славянофилы быстро переходили от утопических планов “благоустройства” славянских подданных Порты к реалистичной оценке и критике внутреннего положения России.

В те дни, когда, по словам П.А.Грановского, “голос имеет одно правительство, да тупые или немые патриоты, зовущие турка побить”, война с Турцией заставила более критически взглянуть на всю внутреннюю и внешнюю политику Николая I даже такого верного адепта царизма, как М.П. Погодин. Начав с одобрения Крымской войны, в которой он видел борьбу с “турец-

ким варварством”, М.П. Погодин по мере развития событий начал все более задумываться, почему “варвары-турки” лучше вооружены и обучены, почему народы Европы видят в самодержавной русской политике “главнейшее препятствие их развитию и преуспеванию”.

Известно, что в конце 1854 — начале 1855 гг. М.П. Погодин значительно сократил свои внешнеполитические высказывания и теперь в целом ряде статей и выступлений ратовал за большее внимание внутренним вопросам, развитие просвещения, организацию специального образования в гражданской и военной сфере, за промышленное развитие и совершенствование путей сообщения, высказывая новые для себя идеи реформаторской направленности. При этом он явно учитывал и определенный успех преобразований эпохи танзимата.

Еще в конце 1840-х гг. Погодин призывал сколачивать “славный союзец” миллионов славян под сенью самодержавия. Турецкий вопрос тогда для него заключался прежде всего в освобождении всех славян от османского ига. За это он активно выступал, опираясь на личные связи с представителями общественности балканских народов. Кризисное развитие русско-турецких отношений в 1852–1852 гг. он вначале воспринял как близкое крушение двух главных угнетателей славян — Турции и Австрии. Однако не произошло ни “всеобщего воодушевления славян”, ни увенчания Российской империи. *Россия терпела поражение, а подданные Высокой Порты с нетерпением ожидали окончания войны и осуществления обещанных реформ.*

С конца 1854 г. все реже звучат его “общеславянские беседы”, он не прогнозирует судьбу Турции, а все более говорит о российской действительности. Влияние Погодина на губернскую публику было велико; его критические выступления, страх перед революцией, которая может от его “возлюбленных славян” перекинуться на Россию, имели широкие отклики. Тенденция обратиться к “внутреннему неустройству России” прослеживается в письмах других славянофилов периода Крымской войны.

Обострение отношений с Турцией было использовано также группой либералов-западников для осуждения внутренней и внешней политики Николая I. Своего рода программным документом западников явилась статья Б.Н. Чичерина по Восточному вопросу, в которой была показана и политическая изоляция царизма, и крайняя отсталость России в экономическом отношении, даже по сравнению с Турцией.

В среде западников весомо звучал голос Грановского, который первым из современников в России заявил, что война России с Турцией — это война с реформами. Западные державы всячески поддерживали турецкое реформаторство, а Россия, по Грановскому, — старотурецкий уклад, ибо “у нас самих все общественное устройство основано на тех же началах”. Вероятно, единственным из общественных деятелей России тех лет Грановский очень быстро отметил, что для Османской империи “война вредна”, а перспектива остаться независимой от могущественных военных союзников — Англии и Франции — представляется очень слабой. “Турция неминуемо должна совершенно внутренне преобразиться или пасть”, — писал он. Поскольку ее сохранение больше отвечает интересам России, чем усиление других держав за ее счет, то продолжение реформ в послевоенной Турции и сближение с ней России отвечало бы, по мнению Грановского, российским видам на Ближнем Востоке.

И Грановский, и Чичерин на примере крупных просчетов царской политики в отношениях с Османской империей показали, что “произвольность и нелепость” действий царского правительства в делах собственной страны переносились на внешнюю политику, тогда как действия другой стороны оценивались необъективно. Однако хотя их критика турецкой политики Николая I была больше полемикой со славянофильством, их общая оценка ситуации была вполне реалистичной.

Несвоевременному лозунгу славянофилов о “крестовом походе рыцарей христианства против угнетателей — турок”. Б.Н. Чичерин противопоставлял необ-

ходимость разработки гибкой политики продвижения на Ближний Восток с учетом всех факторов международных отношений в Европе и особенно позиции Англии. Одним из первых отечественных историков Б.Н. Чичерин указал на связь внутренней и внешней политики на востоке, на необходимость “материальными средствами”, экономическими преобразованиями обеспечить активную восточную политику России, прежде всего в отношении Османской империи.

Уместно привести несколько оценок турецкого вопроса левыми радикалами. Н.Г. Чернышевский возлагал ответственность за обострение Восточного вопроса и отношений с Турцией в начале 1850-х годов прежде всего на правительство Наполеона III, которое нарушило “тишину в Европе, чтобы отвлечь внимание Франции от внутренних постыдных дел шумом иностранной политики”. Чернышевский упрекал в разжигании кризиса также российских “трактирных бреттёров”, маниловых, собакевичей, чичиковых, олицетворявших для него российское общество и правительство этого периода. Известна его характеристика враждебных отношений между английскими фабрикантами и промышленниками США, в которых он усматривал истоки гражданской войны в США.

Однако позиции Англии в начале 50-х годов и принципиальное значение англо-русского соперничества в Проливах, в Галаце, в Трабзоне трактовались Чернышевским только как второстепенные по сравнению с “тщеславными хитросплетениями кучки европейских дипломатов” и амбициозными распрями двух деспотических монархий — России и Турции. Во взглядах Чернышевского можно проследить фритредерские иллюзии, близкие к идеям Кобдена и Брайта, об исключительно торговых интересах России в Проливах и неизменном стремлении к сохранению мира с Турцией при полной ненужности Черноморских проливов для России. Вместе с тем, оценки Чернышевского, высказанные им в полемическом труде — книге, написанной в форме разбора фундаментального трактата англий-

ского участника событий под Севастополем А.У. Кинглейка о Крымской войне, имели важное значение для последующего формирования русского общественного мнения. Именно Чернышевский развенчал славянофильскую проповедь “всеславянского братства” под сенью русского царя, но, в отличие от либералов-западников, он указывал, что царизм, освобождающий славян, принесет им лишь новую форму угнетения.

Многие, даже радикально настроенные общественные деятели второй половины 50 — начала 60-х гг., считали турецкую проблему вообще чрезвычайно обременительной для русской дипломатии и склонялись к восстановлению влияния России в Стамбуле силой оружия (эти настроения с новой силой вспыхнут в русском обществе в середине 1870-х гг.). Н.Г. Чернышевский не только оценивал возможность позитивного решения Восточного вопроса и конфликта с Турцией, что нередко вовсе отрицалось; он намечал для этого реальный путь: создание федерации демократических национальных государств на месте деспотических режимов, таких, как Австрия, Турция и, конечно же, Россия.

Единственный из всех общественных деятелей того времени Н.Г. Чернышевский призывал отделить отношение к Османской империи как деспотическому государству от отношения к турецкому народу, носителю целого ряда положительных черт, рядом с которым, по его словам, было бы “легко уживаться славянам”.

Волею своей сложной судьбы в период всего развития Восточной (Крымской) войны представителем оппозиционной русской общественности на Западе был А.И. Герцен. Его взгляды времен Крымской войны, связи с либеральной критикой, публицистическая деятельность уже изучались. Впрочем, его полемика с турецкими памфлетистами в Бельгии и контакты с турецкой резидентурой в Брюсселе будут раскрыты в отдельной работе. Сейчас следовало бы отметить следующее.

Турецкий вопрос и отношения с Портой воспринимались А.И. Герценом не столько как международные проблемы, что было характерно для его современни-

ков, сколько как проявление predetermined судьбами исторического развития столкновения славянско-общинной России с буржуазным Западом. С конца 1840-х гг. Герцен раздувал идею о неизбежной войне между Россией и Турцией, которая положила бы конец и угнетению славян султаном, и самодержавию в России. Ему виделась некая утопическая федерация со столицей в Стамбуле. По мере обострения Восточного вопроса и отношений с Портой после 1851 г. А.И. Герцен все более отчетливо видел, особенно после государственного переворота и установления второй империи во Франции, что развитие кризиса идет в направлении столкновения России с Францией, которой война нужна в первую очередь, а также с Англией, и лишь вторично втягивается Турция, которую западные державы “делают застрельщиком войны”.

Подобно Чернышевскому, Герцен напрочь отметал в своих выступлениях и письмах столь распространенные тогда печатью Запада и некоторыми русскими публицистами утверждения об антагонизме русских и турок, о вражде Креста и Полумесяца. Однако в отличие от Чернышевского, он резко обличал колониальные планы Англии на Ближнем Востоке.

Ошибаясь и в оценке революционной ситуации в Европе, и в оценке сил турецкой армии, А.И. Герцен по существу призывал к гражданской войне. Уже в ходе русско-турецкой войны 1853–1856 гг. он дополнил призыв к революции призывом к русским солдатам “воспользоваться бурей” и, объединившись со всем трудовым людом на Западе и на Востоке, смести царизм. В 1854–1855 гг. Герцен снимает всякие упоминания о Константинополе (Стамбуле) как о столице некоего “демократического славянского братства” и приходит к убеждению, что установление подлинного мира, “праздника народной братовщины” отодвинуту более важными, на его взгляд, революционными задачами.

Народы России, и не только они, на своей истории убедились, к каким катастрофическим последствиям может привести политика трансформации одного вида

конфликта (войны) в другой (социальные революции). Это главу о насилии хочется закончить здравым суждением человека (увы, анонима), жившего более ста лет назад в Крыму — конфликтогенной зоне нового и новейшего времени.

Через тридцать лет после начала Крымской войны, 10 июня 1883 г. в газете “Переводчик Бахчисарая”, выходивший на русском и турецком языках и распространявшейся и в России, и в Турции, появилась статья. Автор ее, турок или крымчак, писал: “Недоразумениями и ссорами между Россией и Турцией ловко пользовались другие державы Запада. Победрами русских не раз пользовались и немцы, и англичане, и французы для своих интересов. Им всегда было выгодно, — продолжал автор, — чтобы турки и русские не дружили. Они всегда уговаривали турок не делать русским никаких уступок, и в 1853 г. они даже воевали с Россией вместе с Турцией, как бы в защиту ее, а в сущности, чтобы уничтожить морскую силу России на Черном море, каковой они начинали побаиваться”.

Автор делал вывод, который звучал вполне актуально: *“Было бы умно и полезно, забыв прошлое, искренне сблизиться туркам и русским”, что же касается войн и конфликтов, подчеркивал автор, то “лишь недруги тех и других желали ссор и войны между Россией и Турцией”.*

Глава 5

ТРИ ГОДА ПОД РУЖЬЕМ

Союз лондонского векселя и стамбульского штуцера

Необъявленная война в Восточном Средиземноморье, которую фактически начала Англия в 1849 г. и к которой вскоре присоединилась Франция, война, осуществлявшаяся державами то в зоне Аравийского полуострова, то в греческих водах, пришла на турецкую землю раньше, чем в 1853, первом “официальном” году военных действий.

Трактовка турецкими военными историками Восточного кризиса 40–50-х гг. XIX в., разрешившегося войной 1853–1856 гг., как перманентного конфликта между Россией и Турцией, при всем признании агрессивности царизма должна быть откорректирована в сторону определения главных сил, заинтересованных в конфликте на Ближнем Востоке.

Ими были: торгово-промышленные круги Англии, Франции, Австрии, других западноевропейских стран, связанные с расширением сфер влияния в Восточном Средиземноморье и на Черноморском побережье, а также воинственно настроенные силы в самой Османской империи. Этому блоку фактически оказал услугу своими неуклюжими действиями режим царского самодержавия, который плохо скоординированными, нередко разновекторными акциями усугублял напряженную обстановку в регионе, следуя собственным политическим целям, нередко экспансионистского характера.

Несправедливый со стороны всех участников, захватнический характер войны был очевиден.

Они не ведали важнейшего постулата исторической конфликтологии — насилие есть последний аргумент некомпетентного правителя.

В результате серии непродуманных акций, предпринятых Петербургом, без учета ситуации, ради укрепления позиций России на Балканах и в зоне Проливов (среди них были абсолютно нереалистичный план секретного военного союза с турецким султаном, а также требование расширить привилегии православной общины в Османской империи), Россия оказалась в политической изоляции в Европе и перед фактом неизбежного вооруженного столкновения с Османской империей.

Османская империя, как показали выступления в печати представителей ее военного ведомства, пользовалась легальными прикрытиями не менее ловко, чем ее соперники. Она явно выпадала из отведенной ей Англией и Францией роли тарана против русских позиций на Ближнем Востоке и на Балканах. Поэтому конфликт приобретал все более отчетливый характер подталкивания турок к активным военным действиям. Ситуация становилась для Порты в известной мере неуправляемой.

Внутренняя логика развития конфликта и крайняя слабость саморегулирования османского государственного аппарата при повышенной реакции правительства на внешние стимулы определяли разногласия и непоследовательность в группе принятия окончательного решения. В конечном итоге в Константинополе победили наиболее решительные воинственные круги.

Англия и Франция ждали только повода, чтобы подтолкнуть развитие событий к войне. Австрия имела собственные планы занять турецкие владения на Балканах и интриговала против России. Пруссия выжидала.

В Османской империи точили ятаганы, кормили коней перед дальним походом, и претензии царизма были встречены в штыки, в прямом и переносном смысле.

* * *

Ведущую роль в мировом экономическом прогрессе играла Англия, ставшая в середине XIX в. “мастерской мира” и “деспотом мирового рынка”. Завоевывать “новые прилавки” на мировом рынке для английской буржуазии должна была немногочисленная (132 тыс. человек в пехоте и артиллерии, 600 орудий, 10 тыс. кавалерии), но отлично вооруженная профессиональная армия. Хорошо обученная действиям в сомкнутом строю, английская армия была плохо подготовлена к тяготам длительных походов, тем более вдали от благоустроенных казарм. Личная инициатива английского солдата сознательно подавлялась.

Офицерский корпус эпохи Крымской войны был представлен скорее храбрыми джентльменами со стеками, чем подготовленными боевыми командирами. Военное дело для большинства офицеров, которые покупали патенты на свои должности, было больше опасным, но престижным спортом, чем профессией. Тем не менее английская армия отличалась высокой боевой мощью, цепкостью и упорством в осадных действиях, настойчивостью и целеустремленностью в наступлении, особенно если имелась глубоко эшелонированная оборона.

На всех морях мира владычествовал британский флаг. В 1853 г. “Юнион Джек” несли более 200 военных (4673 орудия и 39 тыс. человек экипажа). Из них более половины составляли корабли новейшей постройки с паровыми двигателями. Экипажи и офицерский состав имели хорошую боевую выучку и большой опыт дальних походов.

Франция, вторая после Англии промышленная держава, находилась на завершающей стадии первого промышленного переворота. Она вышла из революции 1848 г. обновленной, вдохнувшей воздух буржуазно-колониального предпринимательства. Французским коммерсантам было тесно в колониях Северной Африки и Юго-Восточной Азии. Англичане и американцы теснили их в Северной Америке. Франция откровенно поглядывала на Балканы, на Ближний Восток, хотела приобрести австрийские владения в Италии.

Как говорилось выше, в декабре 1852 г. во Франции пришел к власти император банкиров и крупных промышленников, предпринимателей Наполеон III (племянник Наполеона Великого), походивший на своего знаменитого дядюшку любовью к роскошным мундирам и готовностью воевать до последнего француза.

Французская армия достигала в середине 1850-х гг. 539 тыс. человек, из них до 1000 тыс. составляли части регулярной профессиональной армии, остальные части комплектовались на основе общеобязательной воинской повинности. Пехота (383 тыс. человек) и кавалерия (86 тыс. человек), артиллерийские и специальные войска (70 тыс. человек) были вооружены в подавляющем большинстве гладкоствольным оружием. Имелось, однако, значительное количество нарезного оружия, которым вооружались подвижные егерские части.

Умение рядовых активно действовать в рассыпном строю, высокая подвижность, не забытые традиции наполеоновских войск, хорошо подготовленный корпус офицеров-профессионалов делали французскую армию мощным и опасным противником. Отличительной особенностью французской армии было наличие в ее составе около 25 тыс. туземных солдат из африканских колониальных владений. Армия Франции имела богатый опыт военных действий в колониях, что и сказалось в период Крымской кампании.

Военно-морской флот Франции уступал только английскому и русскому. Он имел в своем составе 171 корабль (35 тыс. человек экипажа), из них около половины с паровыми двигателями.

Армия Сардинии (около 80 тыс. человек) была хорошо вооружена и отличалась высокими боевыми качествами.

Серьезную военную силу представляла армия Османской империи, давнего военного соперника России.

Русские военные специалисты подсчитали сравнительные расходы Турции и европейских держав на армию перед началом войны. Расход казны на одного турецкого солдата составлял 125 французских франков

в год; тогда как на австрийского — 212 франков, прусского — 240, французского — 340 и английского — 538 франков в месяц.

Основные расходы на турецкую армию при этом поглощались жалованием старшего командного состава. Если рядовой срочной службы получал 20 курушей, т.е. 4 фр. денежного содержания в месяц, то миралай (полковник) — 1500 курушей (300 фр.), а ферик и мюшир — высшие воинские чины империи — соответственно 11 тыс. и 70 тыс. курушей (2200 и 16 тыс. фр.), что многократно превышало денежное содержание офицеров соответствующих званий в европейских армиях.

В период военных действий денежное и рационное содержание у полковников османской армии составляло 5,8 тыс. франков, генералов — 40–50 тыс. франков. При этом привычным и узаконенным считалось ограбление населения, как своего (турецкого и нетурецкого), так и неприятельского, в местах дислокации.

Русский консул в Бейруте К.М. Базили, прекрасный знаток османской армии этих лет, сообщал в военное ведомство России, что к 1853 г. турецкая армия “очень выправилась и окрепла”. Особое внимание обращалось, по его словам, на добротность амуниции, порядок в оружии и “неизменную сытость нижних чинов”. Перед войной на питание одного турецкого рядового отпускалось 2 куруша в день, т.е. около 11 русских коп. серебром, что намного превышало соответствующие расходы в армии России.

“Солдат кормлен отлично, — писал К.М. Базили, — едва ли не лучше, чем во всяком другом государстве, не исключая и Англию. Ежедневная порция хлеба и мяса слишком обильная: хлеба 300 драхм (около 1,2 кг), говядины — 80 (320 г), риса — 60 (240 г), масла — 6, соли — 3, луку — 2,5, перца — 2,5 драхм. Нижние чины из своих экономий поротно покупают зелень и овощи. В рамазан — всем кофе и значительное количество сахара на пирожные...”

Обмундирование было добротным и в достаточном количестве. В год солдату регулярных войск полага-

лось: комплект зимней одежды грубого толстого сукна, т.е. теплая шинель, длинные брюки, куртка, шапка, а также 1 пара летней одежды из хлопчатобумажной, плотной выделки ткани, 4 пары башмаков (2 — на зиму, 2 — на лето) и 2 пары нижнего белья. В комплект входил (1 на пять лет) молитвенный коврик, служивший одновременно и тюфяком, и плащом-накидкой. У сытого, одетого и обутого турецкого солдата, которого “начальники особо берегли от усталости и холодной воды на переходах”, оставалось достаточно сил и охоты, чтобы “разводить цветники в лагерных стоянках вокруг каждой палатки и... с большой охотой учиться Корану и арифметике”.

Султан и Высокая Порта, деятельно создававшие армию современного типа в течение тридцати лет и достигшие немалых успехов в подготовке и оснащении военного механизма, более современного, чем османская государственная система в целом, должны были следовать условиям и требованиям армии, точнее — армейского командования. Следует учесть, что годы воздействия французских, прусских, английских советников, обучение в европейских военных учебных заведениях способствовали формированию на уровне командиров полков и батальонов нового типа офицеров, который после вечернего намаза уединялся с французской книжкой в руке, читал, когда удавалось, “Монитор” или “Таймс” и верил, что вместе с “сынами морских держав” он будет сражаться за свободу Османской империи. Какие перемены! Ведь их отцы служили в наводившем ужас на Европу янычарском корпусе.

Выше речь шла о состоянии регулярной армии — низама. Следует принять во внимание и мощное давление со стороны традиционных иррегулярных войск. Перспектива участвовать в войне, “богоугодном деле”, а главное — обеспечить безбедное существование себе и семье, так как жалование и часть рациона по традиции можно было передать другому лицу, всколыхнуло людей, потерявших землю и работу. Особенно в контактных зонах, где “гяур-франк”, независимо — рус-

ский, англичанин, француз — равно понимался виновником всех бед. На первых порах война с “франками” отражала недовольство, неосознанное и стихийное, против проникновения разрушительного чужеземного начала в сложившийся веками и освященный догматами ислама быт простого турка.

Заметим, что иррегулярные части широко набирались с 1848 г., были частично распущены в 1850 г. и очень скоро начали вновь собираться. Перспектива походов в Закавказье и Румелию была особо привлекательна для десятков тысяч иррегулярных войск, готовых и к походу, и к мятежам. Накопление их, числом от 70 до 100 тысяч, в бездействии в пределах столицы и окрестностей весной-летом 1853 г. создавало для Высокой Порты ситуацию порохового погреба. Открыть его — значило начать войну. Запереть погреб покрепче либо распустить отчаянную вольницу было опаснее, чем бросить их на поля сражений. Стало известно, что экспедиционные отряды готовят правители Туниса и Египта, некоторых областей Аравии. Престиж султана — защитника исламских земель — и сохранение этих отдаленных и мало покорных земель в рамках Османской империи могли быть поддержаны только силой победоносного турецкого оружия.

При каждом регулярном соединении османской армии имелись английские и французские советники. Турецкий военно-морской флот к 1853 г. почти полностью перешел на паровые двигатели. Парусные корабли были переведены в разряд вспомогательных и транспортных. При общей численности флота около 80 вымпелов (более 4 тыс. орудий) турецкая черноморская эскадра составляла более 30 пароходофрегат с бомбическими пушками. Выучка экипажей намного отставала от боевой подготовки сухопутной армии, флот был малобоеспособен.

В отличие от турецкого и европейских флотов Россия накануне войны имела на Черном море только 6 пароходофрегат, на Балтийском море — 9, что наглядно отражало общую технико-экономическую отста-

лость России. В личном составе Балтийского и Черноморского флотов, в Камчатской, Архангельской и Каспийской флотилиях числилось более 90 тыс. человек. Экипажи русских военных кораблей, и особенно на Черном море, отличались исключительно высоким уровнем боевой подготовки; плотность и прицельность огня корабельной артиллерии превосходили таковые на флотах всех других держав. Сказывались многолетние усилия главного командира Черноморского флота в 1833–1851 гг. адмирала М.П. Лазарева и его последователей П.С. Нахимова, В.А. Корнилова, В.И. Истомина по совершенствованию военно-морской выучки офицерского и рядового состава флота и береговых служб.

Россия к началу войны располагала сухопутной регулярной армией в 939 тыс. человек и иррегулярной — 89 тыс. человек; из них две трети составляла пехота. По рекрутскому уставу 1831 г. армия набиралась из крестьян, мещан и солдатских детей. Офицерский корпус комплектовался из дворянского сословия, был профессиональным и хорошо подготовленным.

В вооружении армии преобладали гладкоствольные ружья, заряжавшиеся с дула. Переход к ударному капсюльному оружию в период Крымской войны только начался. В стадии перевооружения находился и большой, но устаревший артиллерийский парк (около 1,5 тыс. стволов).

Эпоха промышленного капитализма поставила перед державами новые требования по системе комплектования, по вооружению, способам и формам ведения военных действий. Русская армия в целом слабо отвечала этим новым требованиям. Однако в офицерском корпусе поддерживались передовые традиции военного искусства, заложенные П.А. Румянцевым, А.В. Суворовым, М.И. Кутузовым, исключительно высокие морально-политические качества, личное мужество и верность присяге в рядовом составе армии и флота позволили России избежать значительно более драматического исхода Крымской войны.

26 июня 1853 г. был подписан царский манифест о введении войск России на территорию вассальных

Турции Дунайских княжеств. Не встречая сопротивления, так как Турция заявила, что ответных мер временно принимать не будет, русские войска 8 июля заняли Бухарест. Вскоре были заняты плацдармы на левом берегу Дуная, напротив турецких крепостей Силистрия, Туртукай и Рушук, с тем, чтобы остановить возможную переправу турецких войск.

Оккупацией Дунайских княжеств Россия совершила тройную ошибку. Во-первых, оперативно-тактическую. Войска были расположены тонкой цепью вдоль Дуная по кордонному принципу. Отсутствовало надежное тыловое обеспечение экспедиционного корпуса. Во-вторых, была допущена ошибка стратегического характера. Одновременно с оккупацией суверенной части Османской империи, хотя бы и временной, русское правительство продолжало настаивать перед Турцией на предоставлении ему преимуществ военно-политического характера и не желало учитывать встречных предложений. В-третьих, был совершен дипломатический просчет. В обсуждении вопросов, касавшихся собственно русско-турецких отношений, предполагалось посредничество третьей стороны — западноевропейской дипломатии.

Пауза в конфликте продолжалась вплоть до 23 сентября 1853 г. Турки провели мобилизацию резерва и общий призыв добровольцев под знаменем защиты османских земель. Они сосредоточили почти 100-тысячную армию в опорных пунктах — в своих дунайских крепостях; в том числе были усилены гарнизоны в Шумле, Исакчи, Рушук, Систове и Видине. Везде присутствовали советники-европейцы. Создавалась реальная угроза нанесения сильных концентрических ударов по рассредоточенной русской армии, к тому же быстро таявшей от плохого питания и болезней, а более всего — от казнокрадства.

Впервые в истории русско-турецких войн Турция сумела проявить выдержку и представляла перед общественным мнением Европы как сторона, пострадавшая от неспровоцированной агрессии. 14 июля 1853 г. Высо-

кая Порта направила всем державам ноту. Она содержала протест против оккупации ее вассальных владений, но подтверждала решение добиваться урегулирования русско-турецкого конфликта без европейских посредников. Однако царское правительство не пожелало услышать этот призыв, а Порта тем временем быстро утрачивала контроль за развитием военно-политической обстановки в регионе.

Дело в том, что, вопреки распространенному мнению, что Англия и Франция вмешались в события только после Синопа (см. ниже), уже с 14 июля 1853 г. английская и французская эскадры находились на якорной стоянке у входа в Дарданеллы в полной готовности к действиям в Проливах и Черном море. 23 сентября 1853 г. в узком кругу британского кабинета было принято решение о введении англо-французской эскадры во внутреннее море Турции — Мраморное море.

В Лондоне и Париже считали необходимым стимулировать военные усилия “этих ленивцев на Босфоре” появлением боевых кораблей вблизи столицы Турции.

Вооруженные силы Австрии накапливались в пограничных с Турцией районах, а также вблизи и от русских границ. Одновременно туркам пообещали крупный военный заем в Англии и Франции. В условиях необъявленной войны Россия фактически оказывалась перед начавшим широкомасштабные действия блоком держав.

Заметим, что введением эскадр в Мраморное море и в босфорский залив Золотой Рог (в виду султанского дворца) нарушался международный нейтральный статус Черноморских проливов (1841 г.). Создавалась ситуация силового давления на султана в пользу активизации военных действий Турции против России, подготавливалась выгодная для держав позиция, позволявшая Англии и Франции оперативно вмешаться в русско-турецкие отношения, если бы они получили тенденцию к мирному разрешению.

Впрочем, этого не случилось. 16 октября 1853 г. Турция объявила войну России и начала военные действия одновременно на Дунайском и на Кавказском театрах.

Осенняя кампания 1853 года

На Дунайском Театре военных действий осенняя кампания прошла при определенном тактическом успехе турецкой армии. В первом же столкновении с русской бригадой неполного состава при Ольтенице 4 ноября 1853 г. турки одержали победу. Затем под прикрытием плотного огня артиллерии своих дунайских крепостей турки форсировали Дунай всюду, где намечали, и завязали позиционные бои. Возможность действий русских войск в направлении Сербии была также парализована активностью турецких отрядов под Калафатом и Туртукаем. Успешными для русских войск были рейды Дунайской флотилии, которая вела удачную дуэль с мощными крепостными батареями турок. Только стойкость русских отрядов под Калафатом и при мысе Четати не позволила туркам развить успех в наступлении.

Во главе русской Дунайской армии стоял престарелый генерал “придворной службы” М.Д. Горчаков, в котором задатки боевого командира давно атрофировались за ненадобностью. По оценке современников, это был угодливый и подобоострастный царедворец, не доверявший ни начальству, ни солдатам, не способный к самостоятельным действиям. Вместо конкретных распоряжений он сочинял и распространял в войсках “глупые и пошлые”, как говорили в его штабе, песенки:

“Что французы, англичане,
что турецкий глупый строй,
выходите, басурмане,
вызываем вас на бой” и т.д.

Под стать ему были и другие старшие офицеры и генералы Дунайской армии, которые награды и чины получали не за кампании, а “за компанию”.

Турецкими войсками командовал 40-летний Омерпаша, выходец из Хорватии, принявший ислам. Опыт боевых действий он приобрел в бесчисленных походах во главе турецких войск против повстанцев на Балканах и в Сирии. По оценке французских современников, он “имел здравые суждения по военному делу, отличался необычайной личной храбростью, был беспощаден

к казнокрадам (коих, увы, предостаточно и в турецкой, и в нашей — т.е. французской — армиях). Тверд и основателен, недюжинный стратег, впрочем, склонен к политическим прожектам (уж не метит ли в турецкие Бонапарты)».

Действия на Черном море и на Кавказе отражали иную, чем на Дунайском ТВД, расстановку сил и складывались изначально не в пользу Турции. Против 70-тысячного Анатолийского корпуса под командованием опытного и волевого Абди-паши вблизи турецкой границы стояло около 30 тыс. русских войск из 140-тысячной Кавказской армии России, занятой войной с горцами. Стратегической целью наступавшего по нескольким направлениям Анатолийского корпуса было овладение центрами русской военной и гражданской администрации в Закавказье — Тифлисом (Тбилиси), а также Александрополем и Ахалцихом.

Стратегической целью русского Отдельного Кавказского корпуса были Карс, где находился штаб турецкого Анатолийского корпуса, а также Эрзурум, Ардаган и Батум, т.е. узловые центры сухопутных и морских коммуникаций между Европой и Средним Востоком.

Первыми начали военные действия турки. В ночь на 28 октября 1853 г. силами 5-тысячного турецкого десанта был захвачен русский таможенный пост — пристань Св. Николая на правом берегу р. Чолок. Здесь было не более 500 человек гарнизона, русских солдат и местных гурийских ополченцев. Неравный бой длился всю ночь. Только 27 человек из защитников гарнизона остались в живых. На рассвете решительным штыковым броском они прорвались через многотысячное окружение и ушли к своим, унося гарнизонное знамя. Дальнейшее наступление турок в Гурии, на Кутаисском направлении было приостановлено, и героизм защитников маленькой таможни сыграл в этом не последнюю роль.

Крупные силы турок действовали тем временем в Армении, на правом берегу р. Арпа-чай. 14 ноября 1853 г. в сражении при Баяндуре русские войска потерпели неудачу и понесли значительные потери. Причи-

ной этого были неумелое командование, отсутствие налаженной разведки, громоздкое линейное построение русских боевых порядков, наконец, 5-кратное численное и 2-кратное в орудиях превосходство свежих регулярных турецких войск. Однако дальнейшее продвижение турецкого Ардаганского корпуса на Тифлис через Ахалцих и Боржомское ущелье и здесь было приостановлено стойкими оборонительными действиями русских солдат при поддержке грузинских и осетинских ополченцев. В сражениях при Ацхури (19 ноября) и Ахалцихе (26 ноября) они вместе успешно противостояли превосходящим силам турецкой армии. Отказавшись от линейного построения, русский Гурийский отряд оттеснил турок с территории Гурии. На этом стратегически важном участке инициатива перешла к войскам Отдельного Кавказского корпуса. В его состав после первых побед влилось значительное пополнение из местного кавказского населения, которое добровольно вставало под русский флаг.

Развивая победу под Ахалцихом и учтя ошибки Баяндур, войска генерала В.О. Бебутова (13 тыс. человек при 32 орудиях) перешли в наступление против главных сил турецкого Анатолийского корпуса (до 36 тыс. человек при 46 орудиях), которые занимали выгодные позиции на господствующих высотах у селения Башкадыклар (Башгедиклер) на расстоянии 40 верст от Карса.

Позиции турок были так сильны естественными препятствиями, а численный перевес столь очевиден, что турецкий командующий Ахмет-паша (из бывших янычар) вдохновлял свои части (в которые входили, кроме турок, конные курды и сирийцы-арабы): “Нам ли страшиться русских, когда нас по четыре на каждого из них. Свяжем их покрепче и поведем в Карс, как баранов!” Когда русский отряд атаковал турок скученно, по уставному боевому порядку, турки, которые детально изучили опыт прошлых войн с Россией, подвергли русских столь мощному фланговому обстрелу и создали столь реальную угрозу захвата русских колонн в “клещи”, что в турецких порядках уже начали готовить ременные петли, чтобы “вязать гяуров на продажу”.

Однако В.О. Бебутов сумел отойти от уставного шаблона. Он бросил в атаку в центр турецких позиций ударные батальоны карабинеров и гренадеров в рассыпном строю, прикрыв оба фланга наступавших кавалерий А.Ф. Багговута и З. Чавчавадзе. Весь огонь своей артиллерии он сосредоточил на самой мощной 24-орудийной батарее турок. Хорошее взаимодействие родов войск, включая грузинских и азербайджанских воинов, стремительный штыковой темп наступления обеспечили полную победу русского оружия. В беспорядке, теряя и орудия, и ременные петли, оставив на поле боя 6 тыс. убитых и раненых, турецкие войска отошли в Карс. Потери русских составили 1294 человека убитыми и ранеными.

Анатолийская армия Турции была деморализована этим поражением. Русские войска прочно удерживали инициативу на Кавказском фронте до конца войны. Однако после Башкадыклара русский действующий корпус был так обессилен, что не смог продолжать наступательные действия. Не было своевременного подвоза оружия, боеприпасов и продовольствия. Как и на Дунайском ТВД, из-за плохой медслужбы было много больных. Русские войска были оттянуты в приграничные крепости для доукомплектования и отдыха.

* * *

В ноябре 1853 г. в Синопской бухте под прикрытием береговых батарей из 38 орудий крупного калибра турки сосредоточили эскадру (427 орудий) из 14 парусных хорошо вооруженных кораблей, а также 2 пароходрофрегата. На борту парусников находились войска и снаряжение для группы войск Кутаисского направления. Русская эскадра под командованием П.С. Нахимова насчитывала 8 парусных кораблей, имела решающий перевес в количестве (720) орудий и в их качестве (72 бомбические пушки). Неизмеримо более высокими были подготовка русских артиллеристов, морально-боевые качества русских моряков.

Незадолго до решающего сражения вице-адмирал В.А. Корнилов во главе группы офицеров штаба Черноморского флота выходил на разведку. Его данные о силах и расположении турецкого флота сыграли решающую роль в решении командующего эскадрой вице-адмирала П.С. Нахимова атаковать турок в Синопской бухте.

Новаторство плана П.С. Нахимова состояло в следующем. Русские корабли были построены двумя кильватерными колоннами по три линейных корабля. Дистанция боя была предельно малой — не более 2 кабельтовых, причем каждый корабль получил определенную огневую позицию. Все это позволило русским кораблям сократить время пребывания под огнем турок во время сближения и вести сосредоточенный огонь несколькими кораблями по одной цели. П.С. Нахимов отказался от мелочной детализации плана атаки, как это было принято, и предложил командирам кораблей “каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг”. Около 9 ч. 30 мин. подул свежий ветер в сторону берега, и русская эскадра направилась прямо на синопский рейд. Безмерны были растерянность и удивление турецкого адмирала, когда русские корабли, не отвечая на сильный огонь по рангоуту и парусам, стремительно втянулись на рейд и, только заняв выгодные позиции, открыли огонь, причем такой силы и точности, что через полчаса турецкий флагман не смог продолжать дуэль с линкором “Императрица Мария”, на котором держал флаг П.С. Нахимов, и выбросился на мель. За три часа нахимовские герои уничтожили 15 кораблей противника и подавили все береговые батареи.

Турецкий капудан-паша был извлечен из воды вместе со штабом и сдался в плен лично П.С. Нахимову, который не сходил с мостика флагманского корабля в продолжении всего боя и специально озабочился спасением турок, покидавших вплавь свои горевшие корабли. Англичанин-советник А. Слейд спасся бегством на пароходе еще в самом начале боя.

“Битва славная, выше Чесмы и Наварина, — писал В.А. Корнилов. — Ура, Нахимов! М.П. Лазарев радуется своему ученику”.

Была вписана славная страница в боевую историю русского Черноморского флота. Разгром турецкого парусного флота был полным. Русская эскадра потерь в кораблях не имела. На 268 убитых и раненых русских моряков пришлось около 3,5 тыс. потерь у турок.

Сражение при Синопе сыграло решающую роль в подавлении инициативы противника, как Турции, так и англо-французской эскадры на весь период войны на Черном море.

Кампания 1854 года на суше и на море

Победы российского оружия на суше и на море — при Башкадыкларе и Синопе — имели принципиальное значение. В Турции, по словам современника, иллюзии на победу рассеялись, как дым от кальяна, а зять султана засобирался с чрезвычайным посольством к русскому царю с просьбой о мире. По сообщениям дипломатических кругов из Стамбула, были назначены и 14 декабря 1853 г. выехали в штаб-квартиры своих войск в Шумле и Карсе полномочные представители Турции для переговоров о перемирии с русскими.

В России эту идею не исключали, но предполагали (что и оправдалось): “Лондон и Париж турок от себя не отпустят”. Действительно, 3–5 января 1854 г. англо-французская эскадра вошла, без согласования с турецкой стороной, в Черное море и взяла курс на Варну. Главные противники в Крымской войне начали сближаться.

Тем временем, чтобы турки не передумали, им был вручен первый военный заем, а 12 марта 1854 г. в Стамбуле был подписан наступательный военный договор Англии, Франции и Турции против России. Заметим, что первый в истории военный заем туркам выдал Банк Ротшильда, тот самый, который несколько ранее финансировал и приготовления России к Крымской войне.

Оперативные планы турецкого командующего Омера-паши на 1854 г. концентрировались на прикрытии Софийского направления Болгарии и других внутренних районов Европейской Турции от ожидавшего здесь продвижения русских войск. Для реализации этого весьма дальновидного плана Омер-паша рассредоточил войска от устья Дуная до крепости Калафат и одновременно предпринял отвлекающий маневр в сторону Бухареста. Кроме действий против России, он предполагал с частью сил оказаться в тылу англо-французского десанта, высадившегося в мае 1854 г. в Варне. Тем более, что союзники начали военные действия с оккупации в апреле порта и города Пирей (Греция) и островов Эгейского моря, иначе говоря, начали реализацию крупномасштабных операций в Восточном Средиземноморье.

В мае 1854 г. англо-французская эскадра свершила рейд вдоль восточного берега Черного моря от Анапы до Батума. Единственным успехом было занятие турецким десантом, высаженным с английских кораблей, Редут-кале, покинутого слабым русским гарнизоном. Были обновлены контакты турок с некоторыми горскими племенами: много-много заверений о поддержке против русского царя и совсем немножко денег, так, для приличия, не более того. Поднимать Кавказ Стамбул не собирался.

План русского командования на Дунае на 1854 г. предусматривал наступательные действия и овладение крупнейшими турецкими крепостями — Силистрией и Рушуком с тем, чтобы укрепиться на нижнем Дунае и осторожно выжидать, когда “под ударами всеобщего восстания славян” падет трон турецкого султана.

Первую часть плана удалось выполнить. Турецкие крепости в низовьях Дуная были заняты с минимальными потерями, а в апреле Силистрия была в осаде с двух сторон 90-тысячным отрядом. Однако реализовать перспективный план не удалось. Пока вяло отрабатывалось “общее наступательное движение” против Силистрии, русские солдаты восполняли хронические недопоставки провианта зелеными, незрелыми фрукта-

ми из окрестных садов с соответствующей реакцией организма.

И.Ф. Паскевич, нехотя возглавивший Дунайскую армию, Николай I, раздосадованный отсутствием победных реляций, и растерянный недовольством государя Генеральный штаб — все они трудно размышляли, а что же делать дальше. Болгары горячо приветствовали воинов-освободителей, но в боевые дружины записываться не спешили. Сербы просили оружия и помощи, сформировали три роты добровольцев, но на их общее восстание рассчитывать не приходилось — у них были свои проблемы.

К августу 1854 г. в Варне находилось до 35 тыс. отборных англо-французских войск. В апреле Австрия и Пруссия заключили договор, обезопасивший австрийские владения на верхнем Дунае и в Италии. Австрия сумела уговорить турок подписать 4 июля 1854 г. австро-турецкое соглашение о введении австрийских войск в Дунайские княжества и накапливала войска в Галиции и Буковине.

На Балтике и на Камчатке союзники решили не на шутку урезать русские владения и готовили десанты для вторжения.

Перед лицом столь стремительно разраставшейся большой войны Петербург принял единственно верное решение. В конце июня 1854 г. начался и в конце августа 1854 г. завершился полный выход русского экспедиционного корпуса из Дунайских княжеств (более 100 тыс. человек). Маневр отхода был совершен оперативно и успешно. Не был оставлен ни один из 27 тыс. больных и раненых. Пленных не было. С русскими ушли болгарские, сербские и часть румынских повстанцев. Уходящих по пятам преследовала холера, которую завез в Варну французский десант.

Англия и Франция официально объявили войну России 27–28 марта 1854 г., но фактически, как мы уже говорили, они начали ее еще в январе 1854 г. введением силь-

ной эскадры через проливы Дарданеллы и Босфор в Черное море. В апреле 1854 г. союзная эскадра бомбардировала Одессу, была сделана неудачная попытка высадить там группу разведчиков. Образцом стойкости и умения показала себя батарея прапорщика Щеголева, шесть орудий которой почти семь часов вели неравную дуэль с корабельной артиллерией девяти неприятельских судов. Кроме нескольких рейдов скорее пиратского, чем военного характера, в Черном море союзная эскадра занималась перевозками союзных экспедиционных частей союзников в Варну, а затем в Крым.

Иначе держались союзники на Балтике и на Камчатке, получив, впрочем, всюду изрядный урок. В марте 1854 г. англо-французская эскадра в Балтийском море (80 боевых кораблей, 3552 орудия) начала военные действия с захвата мелких суденышек, ловивших корюшку в прибрежных водах Финляндии, которая тогда входила в состав Российской империи. У России на Балтике было 59 боевых кораблей, из них 21 корабль с паровыми двигателями. Кронштадт и его отдельные форты, а также Свеаборг представляли цель хотя и запланированную союзниками, но явно недостижимую. Кроме мощных береговых батарей и готового к сражению с превосходящими силами противника русского Балтийского флота, союзников остановили минные заграждения академика Б.С. Якоби, теоретика и практика электрического дела в России.

“Крупным успехом” союзников был захват в августе 1854 г. Аландских островов и полное разрушение русской крепости Бомарзунд. Гарнизон численностью 1891 человек, а также их семьи при 92 пушках, имевших по 80 зарядов каждая, в течение недели противостоял методическому расстрелу из 800 дальнобойных орудий союзной эскадры, которые произвели 120 тыс. выстрелов. 13-тысячный десант занял развалины и захватил 800 человек русских пленных, оставшихся в живых героев. Жители современных Аландов, принадлежащих ныне Финляндии, чтут память героев 1854 г. и бережно ухаживают, как видел я сам, за русскими могилами.

Попытки союзников овладеть укреплениями Соловецкого монастыря на Белом море встретили дружный отпор поселян и монахов. Сам архимандрит отверг ультиматум англичан о сдаче и, скинув облачение, так успешно руководил огнем восьмипушечной батареи, что принудил английские боевые фрегаты снять осаду Соловков. Блокада союзниками Белого моря в 1854–1855 гг. успеха им не принесла, как не имели ни военного, ни торгово-политического успеха пиратские набеги на прибрежные порты России на Балтике.

Гораздо активнее союзники вели действия, нацеленные на захват Камчатки, силами десантов при мощной огневой поддержке корабельной артиллерии. Однако прав был лицейский товарищ А.С. Пушкина и А.М. Горчакова адмирал Ф.Ф. Матюшкин, когда летом 1854 г. говорил, что российских рубежей “оборона заключена в русском матросе и солдате”. Центром обороны русских портов на Дальнем Востоке стал слабо укрепленный Петропавловск-на-Камчатке.

С 31 августа 1854 г. союзники вели плотный орудийный огонь по Петропавловску и высадили сильный десант. Решимость гарнизона и взявшихся за оружие жителей стоять до конца выразил капитан А.П. Арбузов. Обращаясь к защитникам города, он сказал: “Клянусь Георгием (своим боевым орденом. — *В.Ш.*), которого честно ношу четырнадцать лет, не осрамлю имени командира. Если же вы увидите во мне труса, то заколите меня штыком, а на убитого — плюйте!” При трехкратном численном перевесе над защитниками города, при пятикратном перевесе в орудиях союзники не смогли штурмом овладеть городом. Особенно отличился экипаж линейного корабля “Аврора”. Его орудия, свезенные на берег, били прямой наводкой по десанту противника. Матросы-авроровцы были впереди всех в рукопашных схватках с врагом.

В апреле 1855 г., будучи непобежденными, защитники Петропавловска сами покинули разрушенный до основания город и перебрались в Николаевск-на-Амуре. Занять Петропавловск союзники не решились. Раз-

громить русскую тихоокеанскую эскадру им также не удалось.

Потери ждали Россию на дипломатическом фронте. Япония, воспользовавшись военной неподготовленностью России на Дальнем Востоке, добилась совместного, на равных правах, владения о. Сахалин. Этими событиями ограничились морские операции на Балтике, Белом море и на Тихом океане. Все шансы на победу были у союзников, а победителями в конечном итоге остались русские.

Крымская кампания. Оборона Севастополя*

Уход русских войск из Дунайских княжеств, первые поражения турок на Кавказе и наметившаяся готовность России и Турции к мирным контактам означали, что в этой части конфликта, которая составляла Восточный вопрос, наметились тенденции к урегулированию. Однако это никак не устраивало Англию и Францию. Французский император Наполеон III откровенно говорил австрийскому дипломату: “Я смеюсь над Восточным вопросом, так же как и над влиянием русских в Азии. Меня интересует лишь их влияние в Европе, и я хочу положить конец тому господству, которое последнее время петербургский кабинет приобрел на континенте... Мне все равно, желает ли Россия очистить княжества или нет, но я хочу ослабить ее и не заключу мира, пока не достигну своей цели”. А достигнуть этого можно было лишь победой над Россией в Крыму, заняв ее главную Черноморскую базу — Севастополь. Английская королева Виктория, в которой сочетались чадолубие в отношении к собственному многочисленному потомству с неумеренной воинственностью, мечтала “блестящей победой на Востоке украсить свое царствование”.

* Глава посвящена 140-летию севастопольской обороны, что объясняет большее внимание к военным действиям.

Если Франция намеревалась ослабить Россию военным поражением, то Англия шла много дальше. Предполагалось после захвата всего Крыма, но не позже мая 1856 г., совершить рейд вдоль черноморского побережья России, через Одессу на Бессарабию (часть войск могла двинуться туда из Варны), затем через Украину и Белоруссию идти на Польшу... На Кавказе — “подгонять нерадивых турок”, пока они не возьмут Тифлис (весна-лето 1856 г.). Силами турецкой армии летом-осенью 1856 г. предполагалось начать добычу меди в Восточной Анатолии, развернуть обширное дорожное строительство в направлении Каспийского моря и силами опять же турок приступить к строительству кораблей для британской Каспийской флотилии. Одним словом, планировалось расчленение всего Юга России, отторжение Закавказья и выход Англии в Среднюю Азию, поближе к Афганистану, наступление на который уже велось из Северо-Западной Индии (нынешнего Пакистана). Для осуществления этого плана, намеченного на 1856–1858 гг., оставалось “совсем немного”, как думали в Лондоне: разгромить силы России в Крыму, уничтожить Черноморский флот, нанести поражение русским на Кавказском направлении.

Вот почему главной целью союзников стал Севастополь. Вот почему героическая оборона Севастополя, сковавшего и перемоловшего лучшие англо-франко-турецкие силы, стала воистину борьбой за независимость и суверенитет России.

С началом кампании в Крыму война 1853–1856 гг. со стороны России приобрела характер оборонительной войны.

К началу сентября 1854 г. для обороны Севастополя русская армия имела 38,6 тыс. человек личного состава сухопутных войск и 15,7 тыс. человек — личного состава Черноморского флота. Для обороны Феодосии и Керчи был сформирован отдельный отряд в 18 тыс. человек.

Если снабжение Дунайского экспедиционного корпуса было скверным, то в Крыму — катастрофическим. Достаточно сказать, что артиллерия имела строгий

приказ отвечать одним выстрелом на 50 неприятельских. Во время боев под Севастополем военный министр В.А. Долгоруков всерьез сетовал: “когда же союзники истощат запас своих снарядов?” Это был тот самый князь Долгоруков, который, как шутили современники, имел к пороху тройное отношение: он пороху не нюхал, пороху не выдумал и пороху в Севастополь не послал. К тому же организация подвоза угля для нескольких пароходов из Донецка занимала больше времени, чем доставка угля на союзную эскадру из Кардиффа. И таких примеров не счесть.

Вся сеть госпиталей в Крыму так и не была переведена на военное положение. О нормальном снабжении армии провиантом не было и речи. “Чем солдат голоднее, тем он злее, нам того и нужно: лучше драться будет”, — говаривали интенданты-казнокрады. “Общее неустройство” и слабую готовность не умел (или не хотел) исправить поставленный во главе армии и флота морской министр А.С. Меншиков. Правнук сподвижника Петра I был так же лично храбр, как и прадед. В отличие от предка руку в казну он не запускал и взятки не брал по причине баснословного богатства. Это не мешало ему, впрочем, сочетать 11 должностей и столько же окладов. Он тридцать лет посылал наверх только приятные государю сообщения и разучился видеть правду. Он внушал неприязнь солдатам своей нарочитой брезгливой отстраненностью. Страх он внушал тоже, но не противнику, а своему штабу — редкостным злословием и желчностью. Умный и образованный человек, он отличался столь злым и острым языком, что мог, как говорили, обходиться без бритвы.

В целом в сухопутной армии царило либо состояние безнадежности, во многом шедшее от унылого пессимиста-главнокомандующего, А.С. Меншикова, либо небрежное отношение к сильному противнику. Не с тех ли пор пошло “шапкозакидательство”? Полковой командир Волков в Евпатории требовал от своего гарнизона (инвалидной команды): “Неприятеля на штыке долго не держи. Пырнул, да и тащи штык назад. Шапками его, каторжного, закидаем!”

На Черноморском флоте порядок был намного лучше. Высокий боевой дух моряков умело поддерживали подлинные руководители обороны Севастополя В.А. Корнилов и П.С. Нахимов. Отличительной особенностью первого было умение командовать так, что его подчиненные не лишались инициативы. Лично близкий к Николаю I, он пренебрег безопасностью и отверг предложенный ему царем перевод на относительно спокойную службу на Балтике, отослал молодую жену с ребенком, а сам решил разделить участь флота. Назначенный в сентябре 1854 г. начальником обороны Северной стороны, он вскоре возглавил всю оборону города. Сторонник активных боевых действий, он неоднократно предлагал выйти в море для решающего морского сражения с противником. Однако А.С. Меншиков, поддержанный Николаем I, предпочел затопить корабли...

В.А. Корнилова с П.С. Нахимовым и В.И. Истоминым связали и совместное участие в знаменитом Наваринском сражении 1827 г., и преданность российскому флоту, и гибель на боевом посту.

П.С. Нахимов, человека одинокого, вся жизнь которого прошла на кораблях, на флоте, да и в войсках, любили за глубокую человечность, за бережность к жизни рядового, за личную скромность и мужество. Его называли в глаза не по должности, а по имени-отчеству, за глаза — с суровой нежностью — наш Нахименка-бесшабашный. Он также погиб на поле боя. В.А. Корнилов, П.С. Нахимов и их верные соратники В.И. Истомин (третий погибший адмирал), военный инженер Э.И. Тотлебен сумели в сложнейших условиях под огнем противника усовершенствовать оборону города, создавать систему укреплений, многие из которых остались неприступными твердынями и вошли в сокровищницу военного искусства. Первыми их опыт усвоили американцы, укреплявшие Нью-Йорк в период Гражданской войны в США. Их наблюдатели изучали севастопольскую оборону “изнутри”.

Прочная, глубоко эшелонированная оборона Севастополя возводилась усилиями солдат, матросов и всего

населения буквально под огнем противника. Дело в том, что А.С. Меншиков, упражняясь в эпиграммах и островах, “позабыл” об укреплении сухопутной обороны Севастополя. Поэтому англо-франко-турецкий десант (61,4 тыс. человек), высадившийся под Евпаторией 14 сентября 1854 г., уже 29 сентября создал реальную угрозу для города и базы Черноморского флота. Русская сухопутная армия дважды пыталась остановить наступление союзников, но неудачно. А.С. Меншиков всю жизнь прожил беззаботно, “по обстоятельствам”, и здесь, под Севастополем, руководствовался тем же принципом.

20 сентября 1864 г. на р. Альма, в 24 км от Севастополя русские войска заняли позиции, заранее не подготовленные, видимо, даже без предварительного ознакомления и без необходимой диспозиции. Это, например, поставило русских на левом фланге под огонь корабельной артиллерии союзников. Взаимодействие между сражавшимися частями и подразделениями не было. Ни конница, ни отряды русских штыцерников использованы по-настоящему не были. Русские впервые испытали на себе убийственную силу дальнобойных нарезных ружей и высокую боеспособность специально подготовленных для военных действий в горной местности зуавов — африканцев и алжирских стрелков, входивших в состав французского корпуса.

Союзным десантом командовали боевые генералы А.Ж. Сен-Арно и Ф. Канробер (Франция), Ф.Д. Раглан (Англия), имевшие большой опыт управления войском в трудных условиях колониальных войн. Вынужденные отступить, русские войска, однако, нанесли противнику чувствительный урон в 4300 человек и на два дня задержали стремительный бросок союзников к Севастополю. За эти дни защитники Севастополя сумели преградить вход на рейд неприятельским кораблям и обеспечить оборону северных укреплений города.

Вторую попытку остановить союзников А.С. Меншиков предпринял в долине р. Бельбек. Соприкосновению противников помешал густой туман. Вечером

24 сентября основные силы русской сухопутной армии вышли из Севастополя в направлении Бахчисарая, чтобы попытаться опять же при случае деблокировать Севастополь извне.

С 25 сентября началась собственно борьба за Севастополь. Она продолжалась до 8 сентября 1855 г. и делилась на два этапа.

Первый этап обороны Севастополя (сентябрь-ноябрь 1854 г.) отмечен провалом ускоренной атаки союзников и организацией сухопутной обороны города, особенно там, где ее не было, — на южной стороне. Второй этап (конец ноября 1854 — август 1855 г.) характерен упорной позиционной борьбой, активными вылазками осажденных, отходом русских войск на северную сторону.

К концу сентября 1854 г. союзники располагали армией в 67 тыс. человек при хорошо налаженном снабжении с помощью быстроходного парового флота. Севастопольский гарнизон насчитывал менее 36 тыс. человек. В основу инженерной подготовки обороны были положены достижения отечественной военно-строительной мысли. Главная оборонительная линия состояла из бастионов и батарей. Они соединялись траншеями. Перед главной линией обороны были организованы рвы, заложены мины и мощные фугасы. Вторая оборонительная линия предназначалась для отвода и укрытия оборонявшихся на время артобстрела. Третья линия обороны шла по окраине города и включала укрепленные доки, блиндажи, всевозможные укрытия. Всего на огневых позициях русских к 17 октября 1854 г. было сосредоточено 118 орудий на южной стороне и 150 у боковых позиций у входа в бухту. Силы были явно неравными: 17 октября, в первый день жесточайших артиллерийских обстрелов против 268 орудий города вели огонь 1462 осадных и корабельных орудия союзников.

Заметим, что рано утром того же дня севастопольцы нанесли упреждающий артиллерийский удар преимущественно по осадным батареям союзников. Кроме того, впервые было налажено тесное взаимодействие рус-

ской крепостной артиллерии и кораблей, стоявших в бухте. Велась также стрельба с менявших позиции пароходофрегатом по кораблям противника и стрельба по невидимым с кораблей береговым целям. Через семь часов артиллерийская дуэль, одна из самых жестоких за все предшествующие войны, начала стихать. На штурм союзники не решились. И это уже была хоть и небольшая, но победа. Она далась нелегко. Погибло 1250 защитников города, среди них В.А. Корнилов. Его последние слова завещали отстоять Севастополь.

Англо-франко-турецким войскам пришлось перейти к медленной осаде. Одновременно велся интенсивный огонь по русским укреплениям, подвозились пополнения и осадные орудия для штурма.

Осажденные не только восстанавливали поврежденные укрепления, но и сумели возвести новые, предпринимали сильно беспокоившие союзников ночные вылазки. Ф. Энгельс, отнюдь не сочувствовавший ни царизму, ни его армии, но очень внимательно изучавший опыт Крымской войны, объективно записал: "Характерной чертой этой войны, по-видимому, является уверенность в том, что полевые укрепления взять невозможно".

Новый штурм Севастополя, намеченный на 28 октября, был сорван двумя сражениями, навязанными союзникам русской армией, стоявшей под Бахчисараем. 25 октября 1854 г. русские войска внезапно атаковали англо-турецкий корпус под Балаклавой, где размещались штабы англичан и турок.

Цепкая оборона турецких батальонов и беспримерный по храбрости бросок легкой "джентльменской" кавалерии англичан на стрелявшие в упор русские пушки союзникам не помогли. Однако от полного разгрома их спасла плохая подготовка наступления русским командованием, которое даже не обеспечило подкрепление для развития успеха. Тем не менее бомбардировки Севастополя на время ослабили.

Второй удар русских войск на Инкерманских высотах (восточнее Севастополя) еще раз сорвал штурм го-

рода, перенесенный на 18 ноября 1854 г. Упреждающий удар был нанесен союзникам 5 ноября. Это было самое крупное сражение сухопутных армий в Крыму — с обеих сторон в нем участвовало более 120 тыс. человек.

Сражение отличалось исключительным упорством с обеих сторон. Наступление русских войск велось в плотных боевых порядках в высоком темпе, несмотря на убийственный огонь нарезного оружия союзников. Целью разрозненно действовавших русских отрядов было скорее добраться до боевых порядков союзников, “поработать штыком и прикладом”. Там, где это удавалось, успех русских был полным. Удачно взаимодействовала с наступавшими группа русских пароходофрегат. Они быстро маневрировали, оказывали артиллерийскую поддержку, оперативно подвозили боеприпасы и т.д. Однако этим взаимная поддержка в рядах наступающих русских войск и кончилась. Лишенные оперативного управления, действовавшие мужественно, но “только на свое усмотрение”, не зная общей обстановки, отдельные части русских войск замедлили темп наступления, а затем и совсем отступили.

Потери русских были велики: 10,6 тыс. человек против 4,7 тыс. у противника. Тяжелый урон понесли турки и англичане, особенно англичане. Для них, по свидетельству современника — профессионального военного, сражение могло кончиться полным поражением, что означало бы и снятие осады Севастополя. Однако взаимодействие в войсках союзников, особенно во французских колониальных войсках, оказалось на высоте, тогда как русские генералы, командовавшие операцией во главе с Меншиковым, свели на нет наступательный порыв в русских войсках. Впрочем, английский корреспондент, бывший в Инкермане, сравнил отступление русских с уходом раненого льва, по-прежнему бесстрашного и не сломленного.

Балаклава и Инкерман сыграли большую роль в судьбе Севастополя. Союзники вынуждены были отказаться от штурма — в очередной раз. Началась долгая позиционная война.

Отличительными чертами действий защитников города на заключительном этапе борьбы за Севастополь были:

1) комбинирование крепостной системы обороны с полевой;

2) тактика активной обороны, позволявшая из укреплений переходить к энергичным наступательным действиям;

3) минная война с использованием электричества и применением ракет;

4) максимально широкое использование паровых кораблей в поддержку войск на суше;

5) объединение задачами обороны сил армии, флота и гражданского населения;

6) массовый героизм войск и жителей города, всенародный характер отпора интервентам.

В течение зимы и весны 1855 г. наметился значительный перевес в силах союзников — до 200 тыс. человек против 75 тыс. осажденных. Получили подкрепление английские и французские войска, прибыл со свежими турецкими частями Омер-паша. Включился в осаду Сардинский экспедиционный корпус. Осадная артиллерия превышала 500 стволов, не считая полевых пушек и корабельной артиллерии. При этом регулярно подвозились боеприпасы. Дальнейшее затягивание осады грозило союзникам осложнениями отношений внутри экспедиционного корпуса. Англичане не выдерживали тягот осады, самовольно оставляли траншеи, нередко, спасаясь от холода, зимой и осенью 1854–1855 гг. скупали у турок молитвенные коврики и заворачивались в них, оставляя туркам и французам вести изнурительную перестрелку с русскими, отбивать их вылазки.

Во французском корпусе алжирские стрелки и зуавы-африканцы сетовали, что их, как и турок, посылают в самые убийственные места. Скончались ветераны осады генералы Сен-Арно и Раглан. Холера косила союзников. Превосходство над русскими в вооружении оказалось не столь ощутимым, а 110-тысячная русская армия в Крыму нависала над союзниками постоянной

угрозой. С Кавказа, с Балтики и с Тихого океана приходили известия о несокрушимом упорстве русских. Союзники хорошо понимали, что война для России приобретала народный характер. Можно было подстегивать усердие турок и зуавов расстрелами из пушек на манер расправ с сипаями (опыт на сей счет у английских офицеров, переведенных из Индии, был отменный). Можно было вдохновлять турецкое правительство вторым крупным займом*, а сардинскому королевству обещать территориальные приращения в Европе. Но бурлила британская Индия, где вскоре начнется грозное антиколониальное сипайское восстание. Неспokoйно было во Франции. Лондону, Парижу, да и Стамбулу, где вспыхивали бунты против союзников-оккупантов и раздавались требования уйти из Крыма, нужны были победные акции. Близилась кульминация севастопольской эпопеи.

Ситуация в русском гарнизоне ухудшалась. Были большие потери в личном составе, из-за отсутствия боеприпасов подолгу молчали пушки. Самоотверженность русских врачей во главе с создателем военно-полевой хирургии Н.И. Пироговым и женщин из местного населения не могла восполнить катастрофическую нехватку самого примитивного инструмента и перевязочных средств. Дерзкие по смелости, хорошо продуманные вылазки охотников-добровольцев, первых героев морской пехоты, отбили у французов и турок охоту к рукопашному бою.

В старинном селе Ометинцы Винницкой области из поколения в поколение рассказывают сельчане о своем славном земляке Петре Кошке**. Сын крепостного крестьянина, он рос энергичным, непокорным. С детства он жадно впитывал рассказы стариков о свободолобивой Запорожской Сечи, о восстании Устина Карме-

* Турки получили 8 млн. фунтов стерлингов займов, истратили еще 11 млн фунтов своих средств, а долги за участие в войне платили до 1914 г.

** Последний из должников с. Ометинцы Г.И. Грищенко рассказывал о Петре Кошке по личным воспоминаниям в 1955 г.

люка. Помещица Докедухина при очередном наборе сдала своего непокорного крепостного в рекруты. Это было за пять лет до начала Крымской войны.

В начале севастопольской эпопеи матрос 2-й статьи 30-го флотского экипажа П. Кошка был определен на одну из батарей Корабельной стороны. Сохранился его словесный портрет. “Среднего роста, сухощавый, но крепкий, с выразительным скуластым лицом... Мало рябоват, волосом рус, глаза серые, грамоту не знал”. В конце января 1855 г. П. Кошка уже носил с большой гордостью знак Военного ордена — “Георгия” в петлице. Этот скромный матрос, сделавшийся легендой еще при жизни, был, как вспоминал его боцман Рыбаков, “молодец редкой отваги”. К началу 1855 г. он совершил 18 вылазок в расположение неприятеля, чаще всего в одиночку. Захватывал “языков”, приносил образцы нового оружия, добывал ценные сведения о расположении войск противника.

В январе 1855 г. он стал квартирмейстером, и вот за что. Находясь в секрете, он заметил в непосредственной близости от английских траншей и сумел под яростным огнем вытащить на свой бастион тело павшего накануне в бою товарища. Причем сделал он это на английских носилках, прихватив заодно и штуцер незадачливого британца, который хотел ему воспрепятствовать. Был написан его портрет, а императрица прислала ему “Крест благословения”. П. Кошка продолжал ходить в разведку, получил два ранения, причем одно было, по словам лечившего его знаменитого хирурга Н.И. Пирогова, “пренеприятное — штыком в брюхо; по счастью, штык прошел только под кожей”. После оставления Южной стороны героя Севастополя “уволили за раню в продолжительный отпуск”. Он провел его в родной стороне, но бедствовал, так как надела не имел. Он водил обозы, работал в лесничестве. В августе 1863 г. о нем вспомнили и вызвали дослуживать на Балтику, в 8-й флотский экипаж. В Петербурге он получил еще один знак отличия Военного ордена 2-й степени (по ходатайству другого героя Севастополя гене-

рала С.А. Хрулева). Скончался герой Севастополя в родном селе в феврале 1882 г. на пятьдесят пятом году жизни. К 100-летию обороны Севастополя на родине героя и в самом городе были открыты его памятники. Его имя носит одна из улиц Севастополя.

Легендой овеяно имя первой русской сестры милосердия — Даши Севастопольской. 29 ноября 1854 г. Н.И. Пирогов писал: “При перевязке можно видеть ежедневно трех или четырех женщин. Из них одна — знаменитая Дарья, одна дочь какого-то чиновника, лет 17 девочка и одна жена солдата... Дарья — молодая женщина, недурна собой. Под Альмо (в сражении при р. Альме. — *В.Ш.*) она приносила белье, отданное ей для стирки, и здесь в первый раз обнаружилась ее благородная склонность помогать раненым. Она ассистирует и при операциях”. В ноябре 1854 г. “за примерное старание в уходе за больными и ранеными” девица по имени Дарья получила Золотую медаль с надписью “За усердие” на Владимирской ленте и 500 руб. серебром. Было также объявлено, что по выходу замуж ей будет выдано “еще 1000 рублей серебром на обзаведение”. Подлинная фамилия героини надолго забылась. Ее личный подвиг слился с самоотверженным трудом в госпиталях и на боевых позициях (восстановительные ночные работы на разрушенных батареях, забота о раненых, участие в подвозе боеприпасов и т.д.) других женщин. Многие из них называли себя именем Дарья. Только несколько лет назад “Медицинская газета” (11 июля 1984 г.) сообщила новые архивные данные о народной героине. Выяснилось, что Дарья — круглая сирота, дочь погибшего в Синопском сражении матроса 10-го Ластового экипажа Лаврентия Михайлова. О деяниях Дарьи Михайловой и ее награде приказом командующего Черноморским флотом было приказано сообщить всем флотским экипажам. В июле 1855 г. Дарья Лаврентьевна вышла замуж за матроса 4-го Ластового экипажа Максима Васильевича Хворостова. Они бок о бок сражались до окончания Крымской вой-

ны, а затем, по некоторым сведениям, уехали в Николаев. Дальнейшая ее жизнь еще ждет изучения...*

В годы Крымской войны получила широкую известность англичанка, медицинская сестра Флоренс Найтингейл (1820–1910). Представительница высших слоев общества, она приобрела опыт медицинской сестры во Франции и в Пруссии. В конце октября 1854 г. добилась от военного министра Сиднея Херберта специального приказа о посылке ее и еще тридцати медсестер в расположение лагеря и госпиталя английских войск в Скутари (на Босфоре). Она стала символом самоотверженной помощи раненым и больным. Среди тяжелых раненых, которым посвящала все время самых трудных ночных дежурств, она получила уважение и известность как “Леди с лампой”. До конца своих дней пропагандировала опыт ухода за ранеными в условиях военно-полевых госпиталей. Ее именем названа почетная награда — медаль за заслуги в деле милосердия и помощи раненым на войне.

Однако изменить общую ситуацию, восполнить героизмом и мужеством неспособность царского командования деблокировать город или действительно помочь ему было невозможно. 10 июля 1854 г. был смертельно ранен П.С. Нахимов, еще раньше, 19 марта погиб В.И. Истомин, один из главных организаторов обороны.

С конца марта 1855 г. до начала сентября 1855 г. союзники шесть раз подвергали Севастополь многодневным усиленным бомбардировкам. На это время приходится большая часть из почти 2000 артиллерийских залпов по городу. Только французы произвели по осажденным 26 млн ружейных выстрелов. Попытки русской сухопутной армии атакой на позиции союзников на Черной речке 16 августа 1855 г. отвлечь противника были так же плохо подготовлены, как и предшествующие операции, и потому неудачны.

* За подборку данных о медицинской службе и за беззаветную поддержку в годы работы над книгой приношу сердечную благодарность доктору Татьяне Ильиничне Шеремет (С.-Петербург).

Союзники действовали оправдавшим себя методом постепенной атаки, вытесняя русских из передовых укреплений. После массированной трехдневной артиллерийской подготовки из 800 орудий 8 сентября 1855 г. французские войска при поддержке английских и некоторой части сардинских (турки действовали как вспомогательные части) атаковали Малахов курган — ключевой пункт обороны, а также еще 12 опорных позиций обороны. Наступление велось по плану, разработанному Ж. Пелисье и П. Боске, опытными колониальными генералами, учитывавшими и свой личный опыт уличных боев при подавлении революции 1848 г. в Париже и опыт боев в Алжире.

Всего для штурмовых операций союзники выделили 60 тыс. человек. Для взятия Малахова кургана — 25 тысяч против 9-тысячного отряда защитников кургана. В момент атаки в первой линии обороны было не более 400 солдат Модлинского полка; 30 из них, оставшихся в живых, были взяты в плен в развалинах башни на кургане с полностью расстрелянными подсумками и изломанными в штыковых схватках ружьями. Напряженные и кровопролитные бои закончились взятием только Малахова кургана, но это была высота, господствовавшая над городом, над переправой между Северной и Южной сторонами.

Русское командование приняло единственно верное решение. В ночь на 9 сентября 1855 г. русские войска неожиданно для неприятеля взорвали склады и укрепления и, разведя за собой понтонный мост, в полном порядке отошли на Северную сторону, не оставив ни одного знамени, ни одного штандарта. Через два дня были затоплены остатки Черноморского флота.

Седоусые, прокопченные пороховой гарью, израненные ветераны Наварина и Синопа со слезами на глазах вставали на колени. В лучах предзакатного солнца под воду уходила черноморская слава России...

Союзники вошли в разгромленную и пустынную Южную часть города. Русские войска были готовы про-

должать борьбу. Стало “ясно, что Севастополь не истощил силы России в такой мере, как силы союзников”, — с огорчением подвел Ф. Энгельс итог 249-дневной обороне города. Он и К. Маркс желали полного разгрома России и начала революции в Восточной Европе.

Разгромлены наголову были паркетные генералы николаевской России. Не вынес укора совести — ушел из жизни по собственному приговору император Николай Павлович. Это был акт огромного мужества. Император был человеком глубоко верующим... Унаследовавший престол Александр II уже 11 сентября 1855 г. подписал приказ, где говорилось об окончании обороны Севастополя.

Но непокоренными уходили на Северную сторону офицеры и рядовые — герои Балкалавы, Инкермана и Малахова кургана. Оборона Северной стороны продолжалась еще 174 дня после ухода гарнизона с Южной стороны. В полной решимости защитников Севастополя отстоять хорошо укрепленную Северную сторону Александр II убедился лично 10 ноября 1855 г., посетив узловые пункты обороны.

12 ноября 1855 г. царь поставил свою подпись под новым приказом, в котором отмечалось “тяжкое бремя почти годовой осады” и объявлялось об учреждении серебряной медали на Георгиевской ленте для всех участников боев. На медали была выгравирована дата сражения за Севастополь “с 13 сентября 1854 г. по 28 августа 1855 г.” (старого стиля). Так волей самодержца оборона Севастополя была ограничена 349 днями. Однако все военные действия были прекращены только 17 (29) февраля 1856 г.

Героическая оборона Севастополя стала одним из выдающихся военных событий нового времени. В истории русского военного искусства это — пример совместных действий армии и флота перед лицом технически и численно преобладавшего противника. Морально-боевые качества воинов и патриотизм населения, сражавшегося рядом с войсками, были проявлены

ем единства нашего народа перед лицом иностранного вторжения.

Последние залпы Восточной войны

Военные действия в Крыму в августе–октябре 1855 г. свелись к активизации союзников (турок и французов) в Евпатории, в занятии на короткое время Керчи и в захвате Кинбурна. Сильные минные заграждения в Днепро-Бугском лимане и усиление обороны Перекопского перешейка оказались для союзников неодолимыми. Как и на Балтике, союзники ограничились пиратскими акциями на Черноморском побережье и в Азовском море.

Решающие военные действия развернулись на Кавказе. Если французские войска выполняли ультимативный приказ императора Наполеона III — взять Севастополь, то Англия и тем более Турция особые надежды возлагали на Анатолийский корпус в соответствии с изложенными выше задачами войны на 1855–1858 гг. Турки усилили войска на Кавказе регулярными батальонами, сотни советников-европейцев давали тысячи советов и указаний, получая за это колоссальные деньги.

Омер-паша выяснил, что в Крыму туркам обеспечена участь безымянных героев впереди штурмовых англо-французских групп, и добился перевода своего 24-тысячного отлично вооруженного отряда на Кавказ. 21 сентября 1855 г. Омер-паша произвел высадку в Сухум-кале и Редут-кале. Он намечал выбить русских из Гурии и Мингрелии, отвлечь часть войск Отдельного Кавказского корпуса (ОКК), осаждавших Карс, и поддерживать повстанцев Шамиля. По мнению, сложившемуся в штабе ОКК, одной из причин перевода корпуса Омер-паши на Кавказ была “полная неразбериха” в командовании Анатолийским корпусом, взаимные претензии европейских советников и польских волонтеров на турецкой службе, которые в начале 1855 г. начали покидать Анатолийский корпус.

Положение усугублялось угрозой “обширного восстания” местного курдского населения в Восточной

и Юго-Восточной Анатолии. Предполагалось, что опыт карательных операций, приобретенный Омер-пашой на Балканах, важнее, чем его участие в крымской операции, которую в Турции называли “почти столь же далекой от ее интересов, как, скажем, взятие Москвы”.

Временным занятием Гурии успехи Омер-паши и завершились. Восстаний горцев против русских войск не произошло. Судьба кампании 1855 г. была решена под Карсом. Здесь в штаб-квартире анатолийского корпуса было сосредоточено до 35 тыс. человек и 136 орудий. Английские специалисты превратили Карс в мощный узел обороны всей Восточной Анатолии. Русские войска под командованием решительного до жестокости, упрямого и самонадеянного, полагавшегося на свой опыт войны 1828–1829 гг. генерала Н.Н. Муравьева завершили осаду Карса в июне 1855 г. Успешные действия против крепости Баязет, где находился сильный гарнизон, породили в Муравьеве безосновательную уверенность в успехе штурма хорошо укрепленных высот перед Карсом. Он пренебрег данными разведки, а на предостережения своих боевых генералов ответил сакраментальным: яйца кур не учат, а слушают. И напрасно.

В Карсе были регулярные, европейски обученные войска, а не толпа фанатиков-ополченцев, как в 1828 г.; укрепления Карса возводили первоклассные фортификаторы из Англии, опытный генерал Уильямс возглавлял оборону. Наконец, в Карсе на стороне турок сражалось много закаленных в боях польских и венгерских участников революций 1830 и 1848 гг. Они нашли убежище в Турции после подавления революций в Европе, и борьба с царизмом в любом его проявлении была для них делом жизни. Тем более, что англо-французское командование наотрез запретило им участие в Крымской экспедиции, отослав их подальше, на Восток.

Первый штурм Карса 29 сентября 1855 г. кончился полной неудачей. Действуя разрозненно, не имея подкреплений, штурмующие потеряли половину своего состава под прямым прицельным огнем крепостных батарей. Русские и действовавшие вместе с ними закав-

казские иррегулярные формирования потеряли 7478 человек, т.е. 35% личного состава всего ОКК. Турки — 1400 человек, в 5 раз меньше.

Однако тесная блокада Карса продолжалась. Попытки деблокады незначительными силами турецких войск были отбиты. 25 ноября 1855 г. в Карс пришло сообщение о падении Севастополя и о выработке предварительных условий мира с Россией. 27 ноября 1855 г. по инициативе генерала Уильямса и турецкого командования была подписана капитуляция Карса. Условия были почетными. Офицеры-турки сохраняли личное оружие, иностранцы-волонтеры ушли в Турцию также с оружием. Сама сдача крепости и 16-тысячного турецкого гарнизона, который еще мог сражаться неопределенно долго, по отзывам русских современников, прошла в обстановке торжественной и уважительной к мужеству противника. “Прощались почти дружески”, — отметил русский современник.

Перед русскими войсками лежал незащищенный Эрзерум. В штабе ОКК виделась прямая дорога через Малую Азию к султанскому дворцу на Босфоре. Восставший против турецкого господства Курдистан и далее долина Тигра и Евфрата, “издревле знаменитые роскошью своей природы”, могли быть удобным театром войны за выход к Персидскому заливу... Все это с тем, чтобы “умерить наглые требования Англии” на будущих мирных переговорах. Однако 27-месячная война завершилась.

* * *

Уместно привести цифры потерь сторон, подсчитанные в 1856 г. независимым наблюдателем — офицером армии США А. Мортоном, который провел много месяцев в Севастополе. По итогам его наблюдений президенту США был представлен доклад об опыте защиты приморской крепости в условиях превосходства противника на суше и на море. Мортон отмечает, что в военных действиях приняло участие: войск Франции —

309 268 чел. (потери 69 299 чел.), Англии — 99 618 чел. (потери 32 290 чел.). Потери только Англии и Франции составили 101 519 человек из общего числа 425 886 человек англо-франко-турецко-сардинских войск. Как считали некоторые историки из недавнего прошлого, потери русских войск в Крымской кампании составили 128 тыс. человек, из них в Севастополе до 102 тыс. человек.

Хотелось бы обратить внимание читателя еще на одну подборку статистики, составленную известным американским специалистом по военной истории*. Опираясь на данные архивов союзных держав, Кристофер Харви сообщает следующие данные об участии и потерях сторон (в тысячах человек).

Страна	Всего участвовало	Убито	Умерло от ранений	Умерло от болезней	Всего невозвратных потерь
Англия	97,8	2,7	1,8	17,6	22,2
Франция	309,4	8,4	11,7	75,4	95,5
Турция	165	10,1	10,8	10,9	31,8
Россия	888	30,6	42,0	37,4	110,0

При всех расхождениях статистики заинтересованных сторон цифры потерь огромны. Авантюры и амбиции великих держав обошлись во многие десятки тысяч жизней народов Европы, Азии и Африки.

Военные еще готовили планы кампаний на 1856–1858 гг., а дипломаты уже спешили с заключением мира. Англия и Франция имели непреодолимые разногласия по Восточному вопросу и о судьбе поверженного противника.

Австрия, помимо занятия Дунайских княжеств, могла перейти к прямому вторжению в Россию, о чем недвусмысленно ее предупредила, и тогда под ударом оказалась бы и Пруссия, симпатизировавшая России.

* Ch. Harvie. War and society in the Nineteenth Century. The Open University Press., 1973. P. 67.

Король Швеции Оскар I продолжал торговаться с Англией о цене его вступления в Финляндию*. Последствия этих действий были непредсказуемы для судеб Европы.

Россия приняла требования держав о переговорах.

В истории война 1853—1856 гг. была последней войной полуфеодальной военной организации, представленной Россией, с новой военно-политической силой, представленной союзниками: державами уровня промышленного капитализма и государством зависимого типа развития. Отчетливо проявились отставание России, ее военно-экономического потенциала и слабость военной организации в целом.

Поражение потерпел царизм, но в момент опасности для судьбы страны на защиту Родины от иноземных захватчиков поднялись народные массы. Моральный фактор борьбы выдвигался на первый план, оказывался решающим там, где речь шла о защите рубежей отчизны. (Крым, Камчатка, Соловки, Балтика, русский Север). *Война двух систем — феодально-крепостнической и индустриальной, подчинившей себе в качестве резерва укрепленный займами и оружием султанский режим, стоила всем сторонам несоразмерных жертв во имя сомнительных успехов.*

* Оскар I Бернадотт (1799—1859) — крестник Наполеона I Бонапарта. Был женат на Жозефине Богарнэ, кузине Наполеона III.

Глава 6

СТАНОВЛЕНИЕ ПАРИЖСКОЙ СИСТЕМЫ. ЛАТЕНТНАЯ ФАЗА КОНФЛИКТА

Венские прелиминарии

Освещение вынесенной в название главы проблемы хорошо прослеживается через анализ работы двух конференций — Венской в качестве подготовительной и Парижской как заключительной. На последней наряду с подписанием мирного договора был запущен механизм замедленной, приглушенной фазы конфликта в ближневосточно-балканском регионе, которая обострилась во второй половине XIX в.

В декабре 1854 — апреле 1855 г. в Вене состоялись 14 заседаний послов и специальных представителей России, Англии, Франции, Австрии и Османской империи. В работе конференции участвовали: от Австрии — К. Буоль, от Англии — Д. Уэстморленд и Дж. Рассел, от Франции — Ф. Буркине и Э. Друэн де Люис, от России — А.М. Горчаков и В.П. Титов, от Османской империи — Ариф-эфенди и Али-паша. Полномочия на ведение мирных переговоров имели только А.М. Горчаков и Али-паша, прибывший на конференцию в Вену в начале апреля 1855 г., одновременно с Э. Друэн де Люисом. Дадим некоторые новые оценки их деятельности.

Уже 28 декабря 1854 г. и 8 января 1855 г., на первых же заседаниях, выяснилось, что представители держав хотели бы воспользоваться стремлением Османской империи добиться признания в качестве равноправной европейской державы для оказания мощного давления на русскую делегацию. Представители Англии и Фран-

ции заявили о намерении впредь выдвигать новые условия, кроме принятых Россией четырех предварительных пунктов, в частности, о взаимосвязанности решения проблемы сохранения целостности Османской империи и проблемы европейского равновесия.

Неоднократно повторялись утверждения, что война аннулировала все предшествующие русско-турецкие договоры. Следовательно, всю систему взаимоотношений держав (и не только в районе Черного моря) якобы предстояло создавать заново. Эти высказывания официальных представителей ведущих держав Европы, прилагавших все усилия к разгрому России, проливали свет и на ту роль, которая отводилась Османской империи на переговорах, — принимать общее решение европейских держав по проблемам как внутренней, так и внешней политики. Главными пунктами здесь были необходимость “положить конец преобладанию России в Черном море” и коллективное покровительство пяти европейских держав над всеми христианами Османской империи.

Е.В. Тарле со своей обычной безапелляционностью высказывал мнение, что присутствие на конференции представителей Османской империи “было как бы вопросом приличия”. Судя по словам самого А.М. Горчакова, роль турецких представителей казалась ему весьма существенной. Опытный дипломат Али-паша, человек (даже по оценке раздражительного Дж. Рассела) скромный и достойный, не раз тактично выводил из тупика кулуарные совещания западных дипломатов. Однако неконструктивная позиция представителей западных держав постоянно ставила конференцию на грань срыва.

Е.В. Тарле отметил, что еще в период пребывания А.Ф. Орлова в Вене, в начале 1854 г., появились планы компромисса между Россией и Турцией, которые были отосланы Орловым в Петербург “для очистки совести”. Только ли формальность? Посмотрим.

Именно эти планы были в портфеле турецкой делегации на Венских переговорах. Они содержали семь

предложений России, сформулированных в качестве основания будущего мира, и семь контрпредложений Турции. Высокая Порта утверждала, что “все привилегии христианских подданных, которые не противоречат исламу”, введены в документах танзимата и претворяются в жизнь. Особо отмечалось, что должно быть декларировано вступление Османской империи в концерт европейских держав. Должен был быть дополнен и утвержден всеми державами договор о Проливах 1841 г. По существу, идеи турецких государственных деятелей сводились к подтверждению русско-турецкой Балта-Лиманской конвенции 1849 г., дополненной требованием признания европейского статуса Османской империи (см. ч. II, гл. 3).

Что касается позиции русской стороны, то следует подчеркнуть наличие у А.М. Горчакова достаточно разработанной по сравнению с турецкой стороной концепции будущего мира. В условия проекта мирного договора, подготовленные К.В. Нессельроде в октябре 1854 г., надлежало включить подтверждение договоров 1774 и 1829 гг. (в предложениях Высокой Порты прежние договоры с Россией не упоминались вовсе). Предполагалось включить в мирный трактат особые статьи, которые гарантировали бы православным христианским подданным Турции свободу вероисповедания и обеспечивали им права собственности.

В документе считалось целесообразным сохранить крепости и все укрепленные пункты Османской империи в руках турецких властей, но не исключалась (в неопределенной форме) перспектива вооружения христиан. На данном этапе, как считали авторы проекта, главное — “разъединить” турок и христиан в административном отношении.

В русском проекте предусматривались отдельные переговоры с западноевропейскими державами относительно практических мер для обеспечения немусульманским подданным Османской империи защиты религиозных и имущественных прав. Авторы проекта справедливо полагали, что вряд ли Высокая Порта добро-

вольно согласится на такие переговоры. Они отмечали важность прямых русско-турецких контактов по всему кругу проблем. Экономические проблемы не затрагивались.

Хотя в целом документ носил предварительный характер, Россия, несомненно, шла на Венские переговоры с программой обеспечения религиозно-политических прав наиболее угнетенной части населения Османской империи, но это были предложения ситуативного уровня, не разрешавшие конфликты.

На Венской конференции русским и турецким представителям не пришлось обсудить взаимные предложения. Сказалась жесткая линия представителей союзных держав на обсуждение всех турецких проблем на общих заседаниях. *Кроме того, как державы Запада, так и Россия отстаивали принцип введения извне, актом международно-правового характера всех грядущих изменений в положении христиан Османской империи. Ариф-эфенди и прибывший в Вену позднее Али-паша настаивали на провозглашении любых реформ отдельным актом от имени султана.*

На конференции проявилась определенная борьба между А.М. Горчаковым, Ф. Буркине, Д. Уэстморлендом, К. Буолем за привлечение на свою сторону турецких представителей, в частности, по проблемам судоходства по Дунаю, по вопросу независимости Дунайских княжеств.

Судьба Дунайских княжеств была также использована Англией для оказания давления на Высокую Порту в других вопросах.

Существенное значение имела позиция турецких представителей в вопросе о Проливах и военно-морских ограничениях. Формулируя позицию Санкт-Петербурга, А.М. Горчаков говорил к Буоллю: "Я не убежден в том, что наши интересы требуют сохранения ключей от Константинополя в наших руках, но я вполне убежден в том, что мы не можем оставить эти ключи в руках какой бы то ни было европейской державы".

Полагая, что будущий мир фактически окажется всего лишь перемирием, А.М. Горчаков не считал необ-

ходимым проявлять “особую заботливость о сохранении в неприкосновенности” лондонской конвенции 1841 г., где свобода судоходства по Дунаю была фактически признана Россией.

Дискуссия по проблемам нейтрализации Черного моря и ограничения военно-морских вооружений России и Турции развернулась в марте–апреле 1855 г. — месяцы, когда державы готовили новую карту Европы. Особенно деятельно трудился на этой ниве французский император. Он не церемонился с разделом владений как противника — Российской империи, так и союзника — Османской империи. Наполеон III предлагал отдать всю Европейскую Турцию Габсбургской монархии, а Египет, Кипр и Крит — Соединенному королевству. Польша должна была отойти бельгийской короне, последовательно защищавшей интересы морских держав на Леванте. Савойей, Сардинией, владениями Блистательной Порты в Сирии и Ливане Наполеон собирался удовлетворить аппетиты собственной буржуазии. Франция уже успела заключить весьма выгодный для себя договор с Ираном и стремилась к дальнейшему восстановлению своего когда-то значительного влияния в этом регионе. При этом в ее планах не было места для черноморских держав — как России, так и Турции.

23 января 1855 г. Дж. Рассел высказался в британском парламенте по поводу Венской конференции весьма определенно: пункт о пересмотре Лондонских соглашений 1841 г. о Проливах есть лучшее средство покончить с преобладанием России на Черном море. В палате лордов его поддержал герцог Хардуик. Смысл высказываний почтенных членов парламента заключался в одном: Великобритания должна навести порядок в Черном море. Черноморский флот России лежал на морском дне, затопленный защитниками Севастополя. Его возрождение представляло для Англии опасность в будущем, но независимая линия Высокой Порты в вопросе о Проливах и морских вооружениях уже сейчас была досадной помехой.

С учетом этого можно точнее оценить очередной демарш союзных держав, вновь прикрывшихся щитом ту-

рецких интересов. К. Буоль от имени союзников заявил А.М. Горчакову, что в самом факте наличия у России флота на Черном море союзные державы видят угрозу как территориальной целостности Османской империи, так и интересам западных держав.

26 и 27 марта последовало новое предложение союзников: Россия и Турция должны были ограничить свои военно-морские силы на Черном море так, чтобы не “вызывать беспокойства” европейских держав. При этом Черное море должно было быть вновь объявлено “морем закрытым”. Горчаков предложил заранее установить параметры будущих морских вооружений России и Турции. Ариф-эфенди воздержался от участия в этой дискуссии. “Сидел тихо, но слушал внимательно и делал заметки. Оказывается, он не терпит каляна, имеет одну жену (!) и чисто говорит по-французски”, — удивлялся наблюдатель из Парижа.

Здесь союзники впервые уравнили свое отношение к России и Турции — своему противнику и своему союзнику — в стремлении к ограничению обороноспособности обеих черноморских держав. “Следуя за ходом этих утомительных переговоров, — писал Горчаков К.В. Нессельроде 24 апреля 1855 г., — Вы смогли убедиться, что мы имеем дело с людьми, для которых ни торжественное обещание, ни существенные интересы государства не могут служить гарантией”.

16–17 апреля 1855 г. началось обсуждение меморандума Горчакова и плана нейтрализации Черного моря, предложенного Друэном де Люисом. Меморандум утверждал суверенитет России в отношении ее собственных владений и право на военный флот, необходимый для их защиты. Отмечалось, что именно западные державы неоднократно создавали угрозу Проливам, что именно от них исходит реальная угроза европейскому равновесию и собственно Турции, так как даже раздельная мощность каждого из флотов Великобритании и Франции превышает мощность русского флота. Имеющийся русский флот не представляет опасности для Турции, заявил А.М. Горчаков. “Умаление” роли Рос-

сии на Черном море пойдет на пользу только нечерноморским державам.

В ответ на меморандум Горчакова союзники дополнили план Друэна де Люиса двумя новыми соглашениями. Представители Англии, Франции, Австрии и Турции решили потребовать от России ограничить свои военно-морские силы уровнем, который определится к окончанию военных действий, и зафиксировать это в особом договоре с Портой.

По настоянию Али-паши тогда же было принято решение одновременно внести на обсуждение вопрос о признании Османской империи равноправной европейской державой. Кроме того, представители Англии, Франции и Австрии сделали очередную поправку в проекте статуса Проливов. Они должны были быть закрыты для военных кораблей всех держав, но султану предоставлялось теперь право разрешать вход в Черное море военным кораблям европейских держав — не более половины численности русского флота в Черном море. Была особо оговорена перспектива учреждения консульств морских держав в русских портах на Черном море. Д. Уэстморленд предложил считать превышение русским военным флотом количественного уровня 1853 г. поводом к войне.

Али-паша категорически возражал против любого из вариантов открытия Проливов как посягательства на суверенитет султана и нарушения безопасности турецких владений. “Говорил по-турецки, но в наиважнейших местах движением холеной руки отстранял переводчика — тоже турка — и говорил по-французски, изычно грассируя”.

Фактически Али-паша, который ровно через год, на парижских переговорах 1856 г., возьмет курс на достижение (по крайней мере на первых порах) договоренности с Россией, поддержал Горчакова.

Тогда в Вене будущий глава русской внешней политики, впоследствии разрушивший ограничительный режим 1856 г., при обсуждении всех этих планов задавал вопрос отнюдь не риторического характера: кто же

именно угрожает Порте — два сильных реальных флота Англии и Франции или один затопленный флот России? Вопрос остался без ответа. Отсутствие необходимых инструкций, по словам Али-паши, не позволило ему войти в детальное обсуждение проекта конвенции об ограничении вооруженных сил на Черном море.

Представители западных держав отвергли меморандум Горчакова и его попытки подробно обсудить любые другие вопросы, кроме нейтрализации Черного моря. Они уверяли, что морским державам и Турции угрожает не только черноморский, но и балтийский флот России, что Россия не желает гарантировать целостность османских владений. Горчаков ответил, что “Россия обязуется уважать неприкосновенность турецкой территории и независимость Турецкой империи. Если же Россия не берет на себя обязательство отстаивать оружием независимость Турции, то это потому, что русская кровь принадлежит России”.

Турецкий министр пытался вернуть конференцию на почву реальностей. Но после заявлений французского и английского представителей 26 апреля 1855 г. о прекращении переговоров ввиду отказа России ликвидировать свой черноморский флот это стало практически невозможным. На последних заседаниях Али-паша сосредоточил свои выступления на двух вопросах: во-первых, он требовал установить режим закрытия Проливов для любых, кроме османских, кораблей, как гарантии независимости Османской империи и залога предотвращения новых конфликтов между державами; во-вторых, он предложил включить в будущий мирный договор статью о приеме Османской империи в сообщество европейских держав с неотделимыми правами и обязанностями, как это принято между другими европейскими державами, и настаивал на договорном подтверждении всеми участниками переговоров принципа территориальной целостности и независимости Османской империи.

Единственный из участников конференции, Али-паша предлагал, чтобы каждая из договаривавшихся сто-

рон взяла на себя обязательство строго следовать всем договорным обязательствам.

По установившейся среди историков традиции Венскую конференцию считают безрезультатной. Это верно, есть иметь в виду ее прелиминарную “предпарижскую” направленность. Однако с точки зрения выдвижения программы России о предоставлении постепенной автономии, а затем и независимости балканским подданным Османской империи, с точки зрения поставленного на международной конференции вопроса о независимости Дунайских княжеств, наконец, с точки зрения выдвинутых турецкой дипломатией на конференции великих держав принципов признания Османской империи равноправным фактором международного сообщества, есть основание считать конференцию в Вене важным этапом в развитии международного конфликта середины 1850-х гг.

Константинопольская интерлюдия и парижский финал

Во второй половине 1855 г. контуры будущего мира вырисовывались все более отчетливо. Высокая Порта ожидала, что в качестве одной из держав-победительниц она по праву займет свое место в концерте европейских держав и получит определенные финансовые возмещения затрат на “русскую войну”. Но турецкое правительство не мог не встревожить тот факт, что несколько встреч союзников по разработке положений мирного трактата прошли без участия турецких представителей, а самостоятельные дипломатические действия Османской империи игнорировались. Поэтому предложение Э. Тувенеля провести в Константинополе встречу дипломатических представителей Англии, Франции и Австрии с великим везиром и реисулькюттабом было немедленно принято.

В сентябре 1855 — январе 1856 г. представители Порты и союзных держав согласовывали свои действия по отстранению России от участия в решении судьбы

христианских подданных Османской империи на будущих мирных переговорах. При этом представители западных держав требовали фактического обновления капитуляционного режима. Порты же ожидала от предстоящего мирного конгресса освобождения от капитуляционных ограничений и признания за собой места среди держав Европы.

Довольно вяло текущие переговоры резко интенсифицировались в январе 1856 г. 9 января состоялось очередное заседание в стамбульском особняке Али-паши, на котором присутствовали посланники союзных держав. Они нанесли согласованный удар в направлении трех главных вопросов положения немусульманского населения Турции (существовавшие ограничения для немусульман в отношении собственности на недвижимость, непредставительность совещательных советов — меджлисов — на местах, ограничения в отправлении религиозных служб в христианских храмах). Сведенные воедино представления посланников получили название Меморандума послов от 9 января 1856 г.

Али-паша не отрицал справедливости упреков в адрес своего правительства, но заявил, что все эти положения должны войти в подлежащий принятию и оглашению в традиционной форме султанский указ. На требование де Редклифа зафиксировать обязательства Порты в будущем общем мирном договоре Али-паша ответил, что все грядущие реформы должны исходить от султана, если державы не хотят требовать того, в чем было отказано России в 1852 г. и что явилось, по его словам, причиной войны с нею — протектората над Османской империей.

После долгих дискуссий 25 января 1856 г., когда посланники, казалось, согласились с тем, что еще до начала мирных переговоров с Россией последует султанский указ о реформах, совершенно неожиданно де Редклиф потребовал, чтобы султан-халиф разрешил свободный переход из ислама в христианство. “Такой указ был бы равносителен заявлению султана об отречении от престола”, — с негодованием заявил Али-паша. Посланники

не без основания расценили демарш де Редклифа как намерение сорвать конференцию с представителями Порты. Али-паша и его коллеги утвердились во мнении провозгласить указ о реформах суверенной волей султана, без обсуждения на предстоящем мирном конгрессе. Соответствующий хатт-и хумаюн был издан 18 февраля 1856 г. и мигом обнародован в Европе.

Константинопольская конференция фактически прекратила свою работу. Она явилась выражением определенного компромисса держав и Высокой Порты, которая приняла предложения посланников (кроме требуемого права иностранцев на недвижимость), но сформулированы они были в виде Высочайшего указа суверенного главы независимой Османской империи.

Позиция жесткого давления, занятая посланниками Англии, Франции, Австрии в ходе Константинопольской конференции, отчасти развеяла иллюзии в турецких правительственных кругах, ожидавших места в европейском концерте со времен Венского конгресса 1815 г.

Влияние же Высокой Порты на выбор путей выхода из конфликта оставалось на уровне реактивного реагирования. Не более.

* * *

Пассивная роль барьера русскому влиянию на Ближнем Востоке, последовательно навязывавшаяся Высокой Порте державами в 1830–1850-х гг., расходилась как с традицией не всегда активной, но достаточно гибкой и самостоятельной турецкой дипломатии, так и с собственными расчетами правящих кругов Османской империи, втянувших страну в изнурительную войну. Турецкая дипломатия серьезно готовилась к мирному конгрессу, где ей пришлось выступать не только в коалиции с союзниками против России, но и в контакте с недавними противниками по важным для судеб Турции вопросам. Высокая Порта, добиваясь формального подтверждения своего будущего участия в работе мирного конгресса в Париже, требовала при этом га-

рантий суверенитета и имперской территориальной целостности. Заключенные в период Крымской войны первые в истории Османской империи многосторонние наступательные военные договоры с иностранными державами (Великобританией, Францией, Австрией) рассматривались в Константинополе как средство достижения своих внешнеполитических целей в отношении русского Причерноморья и Закавказья и одновременно — как реальная (и на данном этапе единственная) возможность войти в политическое сообщество западноевропейских держав, добившись от них зафиксированных в договоре гарантий сохранения османского суверенитета и интегритета.

Подобные гарантии и равноправное участие в предстоящем обсуждении широкого круга международных вопросов, включая положение в Италии и на Балтике, не оставляли, по мнению Константинополя, места прежнему подчиненному уровню, на котором собственно и строились отношения Османской империи с европейскими державами, т.е. капитуляционным соглашениям.

Обстоятельства разработки и заключения Парижского мирного трактата вот уже 130 лет привлекают внимание исследователей и достаточно полно освещены в литературе. Известны официальные протоколы, точнее, тщательно отредактированные коммюнике по итогам каждого заседания. Читатель найдет их названия в библиографии, а вот кулуарные сделки и вычеркнутые из официальных протоколов тайные договоренности, все почерпнутое из архивов, рассмотрим.

Мирный конгресс открылся в Париже 25 февраля 1856 г. ожесточенными дискуссиями, в которые немедленно включился Али-паша. Уже первые заседания показали курс западных держав на ограничение суверенитета России на землях, сопредельных с Турцией, и одновременно — на создание правовой основы вмешательства во внутренние дела Порты, прежде всего в областях, смежных с Россией и населенных христианами (вопросы о Бессарабии, Закубанье и положении немуч-

сульманских подданных Османской империи обсуждались на подавляющем большинстве из двадцати четырех заседаний).

При обсуждении предварительных условий, изложенных выше, так называемых Венских прелиминариев, Али-паша убедился, что, отступая от достигнутой в Константинополе договоренности, западноевропейские дипломаты намерены включить в мирный трактат статью, дававшую им возможность контролировать осуществление хатт-и хумаюна 1856 г. Али-паша возражал, что даже факт обсуждения этого вопроса есть вмешательство во внутренние, чисто административные вопросы управления.

Последовало детальное обсуждение высказываний Али-паши, а также предложения А.Ф. Орлова (первого представителя России на конгрессе) включить в трактат положение о гарантировании договаривавшимися сторонами равных прав всех религиозных общин Турции, равно как и гражданских прав христиан.

Первый представитель Англии на конгрессе Д.-У. Кларендон счел, что это “предложение хуже ноты Меншикова”, вызвавшей разрыв отношений между Россией и Турцией в 1853 г. Али-паша пригрозил отказом подписывать мирный трактат, если в нем будет содержаться такая статья. Проблема приобретала затяжной характер. Во-первых, из-за расхождений между союзниками — участниками конгресса, во-вторых, в связи с требованием Али-паши получить время на обсуждение этих вопросов на заседаниях Совета Министров Османской империи и подробное изучение всех материалов.

Тем временем развернулись дебаты по территориальным вопросам. Как было согласовано в феврале 1856 г. между министром иностранных дел Франции А.Ф. Валуевским и послом Англии в Париже Г.-М. Каули, возвращение Карса Турции должно было войти в неоглашавшийся заранее Пятый пункт Венских прелиминариев. Однако Г. Пальмерстон не удовлетворялся такой трактовкой. 15 февраля 1856 г. Д.-У. Кла-

рендон прибыл в Париж с дополненным и весьма широко трактуемым “доселе таинственным” Пятым пунктом. Помимо провозглашения независимости или передачи Турции всех земель на левом берегу Кубани, “во имя безопасности Азиатской Турции со стороны Черного моря” Россию следовало лишить всех укреплений на черноморском побережье. Изложив эти идеи второму русскому делегату Ф.И. Бруннову, Кларендон умолчал, о каком именно побережье, северном или восточном, идет речь, и тут же перешел к обеспечению интересов британской торговли в горных районах Западного Кавказа. Кларендон развивал все ту же идею охраны интересов Турции, но уже в ином аспекте. Он подчеркивал, что все упомянутые предложения должны рассматриваться участниками конгресса в тесной связи с процессом реорганизации турецкой административной системы, особенно в отношении прав христиан в дунайских провинциях Османской империи. Обсуждение проблемы коллективного контроля над выполнением условий хатт-и хумаюна Кларендон предложил перенести в Константинополь — через несколько лет. Неизвестно, знал ли об этом предложении Кларендона Алипаша. Турецкие источники молчат.

Первые же заседания конгресса ознаменовались резкими столкновениями Кларендона и Орлова. Последний, несмотря на негласную поддержку императора Франции, переживал тревожные дни. Британские делегаты “возвышенно и пространно” говорили о защите интересов Турции на Кавказе; при этом возвращение занятого русскими войсками Карса предлагалось связать с прекращением, по формулировке Каули, “протектората России” в Имеретии, Гурии, Абхазии и Мингрелии, на что русская делегация отвечала решительным отказом, отвергая это вмешательство во внутренние дела России. Дискуссия приняла столь острый характер, что могла показаться формальным разрывом, заметил А.Ф. Орлов. Кларендон не без злорадства сообщал премьер-министру Пальмерстону, что прекращение переговоров ему кажется неизбежным.

Кризис в переговорах мог отвечать интересам Англии и Австрии, но не России, Франции и Сардинии и уж ни в коем случае не Турции, для которой затягивание военного положения и пребывание иностранных, хотя бы формально и союзных войск в районе Проливов и столицы грозило политической катастрофой.

Острую ситуацию разрядил А.Ф. Орлов. Он предложил, отложив другие вопросы, обсудить нейтрализацию Черного моря и вновь вернуться к положению христиан. Трудно согласиться с мнением Е.В. Тарле, будто последний вопрос “не имел даже и тени серьезного, реального значения в тот момент” и был поднят, чтобы “почтить память Николая I”.

На самом деле А.Ф. Орлов приложил немало усилий для его решения. Он считал нужным вступить в непосредственный контакт с турками; состоялось его приватная и доверительная беседа со старым знакомцем (с 1833 г.) Али-пашой. А.Ф. Орлова заботило будущее влияние России на положение православных христиан в связи с февральским хатт-и хумаюном; он хотел прозондировать возможность совместных с турками демаршей в отношении нейтрализации Черного моря. Первая проблема, ее исключительная важность для России подчеркивалась в инструкциях А.Ф. Орлова. Вторая — диктовалась кризисным развитием переговоров и особенно непримиримой позицией Кларендона.

В ходе беседы, содержание и сам факт которой Орлов и Али-паша скрыли от своих коллег по переговорам, турецкий дипломат сообщил Орлову, что в конце 1855 г. в Константинополе послы Англии, Франции и Австрии достигли соглашения с турецким правительством исключить участие России в послевоенном устройстве Дунайских княжеств. Оставшись в полной изоляции, Орлов сложил оружие по вопросу о более четкой формулировке прав христиан: “Здесь содействие императора Наполеона не пришло мне на помощь, — докладывал он в Петербург. — ...Самые ревностные мои усилия должны были оказаться бесплодными...” Зато по вопросу о составе эскадры на Черном море бесе-

да принесла кое-что — поскольку туркам не улыбалось формальное ограничение их флота, взаимопонимание было достигнуто. “Мы приняли тон самого прямого согласия с османскими представителями, — сообщал Орлов царю, — решить вопрос, касающийся военно-морских сил прибрежных государств, и в том достигли большего, нежели с другими делегациями”.

Опираясь на эту договоренность, А.Ф. Орлов и внес на заседание конгресса 28 февраля 1856 г. предложение о двустороннем русско-турецком предварительном согласовании численности военных судов на Черном море и перенесении проблемы Дунайских княжеств на рассмотрение особой комиссии после завершения мирных переговоров. Предложение Орлова кратко, но определенно поддержал Али-паша. Сближение представителей России и Турции относительно нейтрализации Черного моря вызвало вначале решительное противодействие Лондона и Вены. Кларендон попытался, но не смог без поддержки А. Валевского и Али-паши сорвать русское предложение. Однако Орлову и Али-паше пришлось в свою очередь уступить и согласиться на передачу своих согласованных решений в редакционную комиссию, в состав которой вошел Каули.

Конечно, можно лишь условно — в сравнении со столкновением по всему фронту по проблеме положения христиан или возвращения Карса — говорить о сближении русско-османской точки зрения насчет демилитаризации Черного моря. Турецкие историки Акдес Н. Курат и Т. Озтюна писали, что она рассматривалась в Турции как уничтожение русской эскадры, отныне не представлявшей опасности для Константинополя и Проливов. “Тем более, — писал другой турецкий автор Дж. Куршат, — что османские корабли свободно базировались в Мраморном море и всегда могли выйти через Босфор в Черное море”. Ч. Стрэтфорд де Редклиф и Э. Тувенель подчеркивали в своих заявлениях превосходство османского флота, защищенного союзом с морскими державами, над русским, фактически не существовавшим.

Вместе с тем вполне реальным был заинтересовавший турецких государственных деятелей русский проект статей мирного трактата, предусматривавший преимущественные права Турции на определение режима Проливов. В Константинополе был известен проект конвенции, предложенный Россией в 1855 г. в ходе Венских переговоров и с порога отвергнутый западными державами. Проект предусматривал признание за Турцией права пересмотреть Лондонскую конвенцию 1841 г. “по силе единственного полномочия Проливов”, установление пропорционального уровня черноморских флотов России и Турции в мирное время и количественных пределов эскадр нечерноморских держав в случае их появления в Черном море.

В проекте говорилось об обмене сведениями между Россией и Турцией о маневрах и учениях их флотов в открытом море, о возможности присутствия на таких маневрах наблюдателей от обеих черноморских держав и т.д. Проект вполне очевидным образом учитывал интересы Турции. Кроме того, прагматичные и достаточно дальновидные политики, такие как Решид-паша, Али-паша, Рыза-паша, понимали необходимость нормализации отношений с ближайшим соседом по ту сторону “разоруженного” Черного моря. Тем более, что русские представители высказывались, как на предварительных переговорах в вене, так и в Париже, за сохранение суверенных прав султана не только на Проливы, но и на “территории, к ним примыкающие”, равно как за предпочтение принципа закрытия проливов для военных кораблей.

Учет этих обстоятельств, доверительный тон А.Ф. Орлова в беседах с Али-пашой, его намеки на имевшееся взаимопонимание с французским императором объясняют, почему вопреки ожиданиям Кларендона Али-паша не выступил за требование Англии и Австрии распространить демилитаризацию на Азовское море и на укрепление Херсона и Николаева. Он и Джемиль-бей не поддерживали на заседаниях 4 и 5 марта 1856 г. ни австрийский проект нейтрализации Черного

моря, предусматривавший уничтожение всех военных укреплений и флотов на Черном море, ни французский, объявлявший Черное море нейтральным, а “удержание или установление на его побережье военно-морских укреплений... ненужным и бесцельным”. Обязательство не возводить и не сохранять на Черном море никаких арсеналов должен был взять на себя, согласно тексту проекта Франции, султан Османской империи. Заметим также, что на этих же заседаниях А.Ф. Орлов согласился на создание смешанной комиссии по демаркации азиатских границ России и Турции, что было с удовлетворением воспринято в Константинополе, равно как сообщение о выводе из Николаева на Балтику двух недостроенных линейных кораблей. Формулировка статей о нейтрализации при всей своей сокрушительности для морского могущества России на Черном море прошло в варианте, формально обязывавшем и Турцию отказаться от флота и военно-морских арсеналов. Ничего не говорилось об укреплениях на кавказском побережье, имевших целью защиту от нападений с суши, на разрушении которых настаивали британцы.

Оставался еще важный для обеих черноморских держав вопрос: какими реальными военно-морскими силами они будут располагать. Кларендон и Каули настаивали на общем обсуждении вопросов численности вспомогательных флотов России и Турции.

Французы держались примирительно и обещали поддерживать русско-турецкую договоренность об уровнях морского вооружения вне рамок общих дискуссий.

“Мы... предпочли прямые переговоры с турками, — телеграфировал царю Орлов утром 4 марта. — Принцип закрытия проливов согласован. Контакты с турками продолжаются”. Поздно вечером того же дня в Петербург ушла очередная “телеграфическая депеша”, в которой говорилось, что удалось согласовать с Алипашой общую линию действий по территориальным вопросам на принципах Петербургской конвенции 1834 г., утвердившей незыблемость разграничения в Азии, определенного Адрианопольским миром 1829 г. Орлов на-

деялся и на турецкую уступчивость в “морских” делах. Помощь Англии в реконструкции османского флота давно переросла в полное засилье англичан, за избавление от него к концу войны все чаще высказывались в кругах морского ведомства Турции. Обсуждение демилитаризации Черного моря могло помочь осуществлению этих надежд.

Орлов составил соответствующий проект. Упор в нем делался на взаимные права и обязанности России и Турции как черноморских держав, которые во имя сохранения мира должны согласовывать между собой действия в зоне Черного моря. Предусматривалась возможность модификации кораблей по договоренности между двумя странами. Определялся качественный состав эскадр: пароходы для карантинной и таможенной служб, парусные и паровые невооруженные транспортные суда и мелкие суда портфлота.

Союзникам не стоило труда разгадать подлинный смысл русского проекта — воссоздание на Черном море небольшой, но боеспособной эскадры кораблей нового типа, пароходофрегат.

На турецкую делегацию в Париже оказали давление Кларендон и Каули, угрожавшие покинуть переговоры. В Константинополе долгие часы провел у Абдул Меджида, у министра иностранных дел Фуада-паши, в Совете Министров Ч. Стрэтфорд де Редклиф, поддержанный Э. Тувенелем и А. Прокеш-Остеном. Султана запугивали перспективой в любой момент увидеть, как русские пароходофрегаты копят небо над Босфором.

Али-паша и Джемиль-бей отступили под дружным натиском свои союзников, отнюдь не желавших ни реального усиления Турции, ни тем более русско-турецкого сближения. Лишенный поддержки отмалчивавшегося Али-паши А.Ф. Орлов сумел отстоять лишь идею сохранения по шесть, но современного парового типа, судов (а не парусных корветов, как настаивали англичане) и по четыре легких корабля. Только к концу работы конгресса было выработано это компромиссное решение. Надеждам на то, что Османская империя поддер-

жит предложение о реставрации флота, не суждено было сбыться. Одновременно была утверждена конвенция о Проливах, подтверждавшая их закрытие в мирное время для военных судов всех стран. Это подтверждение принципа 1841 г. высоко оценивается турецкой историографией.

Осторожная, вкрадчивая манера поведения болезненного на вид, невысокого ростом Али-паши, уклончивые высказывания часто пропускавшего заседания из-за приступов мигрени Джемиль-бея, бесконечные отсрочки в решениях в связи с консультациями с Константинополем по прямому телеграфному проводу — новинка, к которой с явным удовольствием прибегали турецкие представители, — все это раздражало графа Орлова, в свои 70 лет сохранившего выправку конногвардейца и, между прочим, должность шефа корпуса жандармов, что давало ему прямой доступ к уникальным донесениям, причем “из разных мест и без промедления”. Язвительная реплика Орлова, взбешенного очередной отсрочкой: “Оттоманские уполномоченные обретаются в таком ничтожестве, которое внушает чувство сострадания”, — прижилась, благодаря Е.В. Тарле, в историографии, скрывая реальное положение вещей и преуменьшая роль османской делегации.

Так, весьма решительно и жестко, хотя в целом малорезультативно действовала она по вопросу о статусе Дунайских княжеств.

Здесь мы ограничимся несколькими замечаниями. Острая борьба относительно объединения княжеств, развернувшаяся на конгрессе не столько между Россией и ее противниками, сколько в лагере самих союзников, явилась для турок неожиданностью. В Константинополе болезненно реагировали на длительную австрийскую оккупацию княжеств и низовьев Дуная. Возвращение к прежнему положению княжеств в рамках Османской империи, без особых прав покровительства России составляло одну из главных задач османской дипломатии.

Достичь этого Али-паше не представлялось возможным. Всего лишь месяц назад, 11 февраля 1856 г., по-

сланники Англии, Франции и Австрии в Константинополе при его, Али-паши, участии подписали 30 статей соглашения о послевоенном статусе Дунайских княжеств. Соглашение, главной целью которого, по словам Буоля, была “деруссификация княжеств”, предусматривало возвращение княжеств под сюзеренитет султана с ограниченными автономными правами, а также занятие турецкими войсками после заключения мира крепостей на левом берегу Дуная, от устья Прута и укреплений на границе с Россией.

О французских планах объединения Молдавии и Валахии Али-паша узнал, что называется, в последний момент. Сколь мало считался Наполеон III со своим турецким союзником, можно судить по тому, что посланник Франции в Константинополе Э. Тувенель получил указание добиваться одобрения султаном Абдул Меджидом французского плана объединения княжеств, означавшего отказ от соглашения от 11 февраля 1856 г., только 9–10 марта 1856 г., т.е. когда конгресс подходил к концу. А.Ф. Валевский сделал не слишком удачную попытку объяснить Али-паше отказ от ранее согласованной с Турцией линии поведения по данному вопросу тем, что план объединения ему лично стал известен за несколько дней.

Оказавшись по сути дела перед свершившимся фактом, Али-паша при обсуждении вопроса об отказе России от права покровительства Дунайским княжествам сделал попытку исключить саму идею протектората какой-либо одной державы либо группы держав в отношении османской империи или какой-то ее части. Он настаивал на возвращении Молдавии и Валахии под сюзеренитет Османской империи, обратив внимание участников конгресса на исторически сложившиеся и сохранившиеся различия между княжествами, что и делало, по его словам, в данный момент объединение нецелесообразным. При этом он резонно замечал, что в годы революции (1848–1849) повстанцы и революционеры разных стран нашли хлеб и работу именно в Турции. “Так где же прогресс?” — вопрошал он.

Работа конгресса во второй половине марта 1856 г. вошла в стадию редакционного обсуждения статей трактата, а вопрос, связанный с положением христианских подданных, еще не был решен. Стало известно, что султан Абдул Меджид настаивает на выводе всех иностранных войск из Константинополя не позднее чем через 40 дней после подписания мирного трактата и что даны указания Фуад-паше и Решид-паше готовить декларацию о невмешательстве держав во внутренние дела Османской империи. На очередной встрече Али-паши и Орлова последний горячо поддержал требование об эвакуации англо-французских войск из Турции.

Во избежание новых осложнений председательствовавший на конгрессе А. Валевский торопился. Двенадцатое, тринадцатое и четырнадцатое заседания по своей напряженности могли бы сравниться со спорами по пограничным проблемам, хотя обсуждался, как казалось многим, узкий вопрос — форма утверждения положений хатт-и хумаюна в тексте мирного договора.

Русская делегация предлагала вернуться к довоенному положению христиан (православных и католиков) и предусматривала обсуждение в дальнейшем коллективных мер для реального контроля держав за реализацией положений хатт-и хумаюна с учетом новой ситуации.

Серия проектов Австрии, Франции и Англии предполагала считать хатт-и хумаюн соответствующим Четвертому пункту Венских прелиминарий, который, следовательно, выполнен, о чем и надлежит объявить в мирном договоре. Эти проекты натолкнулись на сделанные по разным причинам, но одинаково решительные возражения Орлова и Али-паши. Турецкий представитель внес на рассмотрение конгресса проект статьи IX мирного трактата, который в целом совпадал с принятым позднее текстом этой статьи. Отличие заключалось в более решительном подчеркивании суверенной воли султана в вопросах внутренней политики и в более категорической формулировке обязательства держав не вмешиваться в отношения султана с его хрис-

тианскими подданными. Дискуссия по серии проектов статьи IX (всего до десяти проектов) поднималась жаркой волной, спадала, сменяясь другими проблемами. Тем временем в Константинополе состоялись три специальных заседания Совета Министров Турции под председательством Абдул Меджида, на которых обсуждались различные проекты.

Али-паша предпринял свою последнюю попытку добиться пересмотра режима капитуляций и поэтому затягивал обсуждение статьи IX. На пленарном заседании 25 марта 1856 г. он воссоздал предысторию возникновения режима капитуляций, первоначально призванного обеспечить личную и имущественную безопасность иностранцев в Османской империи. Али-паша показал, как иностранные коммерсанты и лица, получившие двойное подданство, вмешивались в административное управление на местах и фактически создали авторитарную систему для подданных европейских держав в Османской империи и для лиц, находившихся под разными видами покровительства.

“Их деятельность, — заявил Али-паша, — и является непреодолимым препятствием к любым преобразованиям”. Выступавшие затем французский, австрийский и другие представители, речи которых в протоколы не были включены, формально выражали сожаление по поводу гипертрофии личных привилегий иностранцев в Турции. Однако они предлагали спешить и после заключения мира вернуться на новой конференции в Константинополе к проблеме капитуляций, имея в виду найти разумное соотношение между гарантиями прав иностранцев в Турции и продолжением преобразований в административном устройстве империи, удовлетворив все заинтересованные стороны.

30 марта 1856 г. Парижский мирный договор был подписан. Уже после этой церемонии представители Англии и Австрии, оказав, как говорил Валуевский Орлову, определенное давление на Францию, подписали 15 апреля, т.е. за день до окончания работы конгресса, договор трех союзных держав, предусматривавший га-

рантии территориальной целостности и независимости Османской империи в границах, определенных Парижским трактатом, любое нарушение которого должно было рассматриваться как повод для вмешательства Англии, Франции и Австрии, совместно или порознь, в защиту своего союзника по Крымской войне.

Договор мало соответствовал миролюбивым высказываниям Кларендона, Буоля и самого Валуевского на последних апрельских заседаниях. Османской империи он служил формальным подтверждением того, что коллективные гарантии держав, которых так упорно добивалась турецкая дипломатия, стали составной частью Крымской системы. В течение почти двадцати последующих лет на этом убеждении строилась внешнеполитическая деятельность османской дипломатии. Оборонительная тактика Али-паши в период работы Парижского конгресса привела лишь к новым поражениям страны в борьбе с державами.

Парижский трактат, ущемлявший суверенитет России как черноморской державы, несколько в меньшей степени, но ограничивал Османскую империю. Ограничительные статьи Парижского трактата связывали Россию в определенном, хотя и важном для нее круге проблем; Османскую империю — в более широком, охватывающем и экономическое развитие, и направление реформаторского движения; главное, предстояла тяжелая борьба угнетенных народов за национальное возрождение, за независимость от османского ярма.

Заметки конфликтолога

Целью противоборствующих сторон в международном вооруженном конфликте является нанесение урона: в экономике (принижением экономического потенциала) и в политической сфере (снижением или утратой политического международного престижа). Однако война (вооруженный конфликт) 1853–1856 гг. свидетельствовала, что в рамках неравноценного во-

енного союза (Турции с передовыми державами Европы) возможна и объективно заложена дискриминация неполнозначного актора по обоим приведенным параметрам.

Любой международный кризис является (и являлся в прошлом) целостным социальным явлением. Таким был и кризис на Ближнем Востоке и Балканах 1853–1856 гг., наиболее острой и специфической фазой которого стала война, захватившая территорию Османской империи и в Европе, и в Азии. Обращаясь к кризису 1853–1856 гг. как к системе, элементы которой связаны функционально и составляют определенную целостность, выделим его базовые критерии. Естественно, не все, поскольку в фокусе исследования социум одного участника конфликта, правда, наиболее репрезентативный, так как в этот период он находился на формационном разломе.

Война 1853–1856 гг. была первой и единственной в серии войн эпохи нового времени, которая повлекла за собой финансово-политический контроль группы военных союзников над одним из членов победившего военного союза.

Османская империя совершила крупный сдвиг в военной области за 30–50-е гг. XIX в. Однако без адекватной и стабильной политической и экономической основы он не мог оказывать существенного и сколько-нибудь длительного воздействия на соотношение сил ни в военных, ни в политических союзах с великими державами. Война и участие в военном союзе активизировали наиболее реакционные силы на Ближнем Востоке. Подготовка второго этапа реформ (1856–1876 гг.) проходила, в отличие от первого этапа, в условиях нараставшей военно-политической и экономической зависимости Османской империи от основных колониальных держав и отсутствия региональной политики.

Фактическим условием военного союза англо-французская дипломатия и военные круги сделали программу преобразований в тех пределах и направлениях, которых державы добивались в предшествовавшие годы.

Комплекс отношений государств в рамках так называемой Крымской системы складывался в условиях полного преобладания промышленных держав. Османская империя, объективно включенная в эту систему, хотя и на подчиненной, зависимой основе, не должна была “серьезно” выпадать из этой конструкции. Смысл предложений и проектов держав военного периода свелся к подтягиванию военных институтов и состояния экономической жизни Османского государства до определенного уровня, адекватного интересам торгово-промышленных кругов Англии, Франции, Австрии, других западноевропейских стран на ближнем Востоке и в Юго-Восточной Европе.

При всей специфичности своих интересов на Ближнем Востоке Англия, Франция и Австрия объединялись в главном: в стремлении использовать процесс вовлечения Османской империи в мировые хозяйственные связи и соответствующими договорными актами повысить вклад Османской империи в военный потенциал, нацеленный против России. Одновременно решалась бы важнейшая задача — не допустить роста освободительных движений в пределах самой Османской империи (особенно в Европейской Турции) среди тех миллионов славян, которые веками видели в России свою избавительницу от турецкого ига, а также на сопредельных Османской империи территориях Балкан.

Османская империя обладала в середине XIX в., с точки зрения держав, стратегическими данными и реформированной по европейскому образцу армией, вооруженной однотипным с Западной Европой стрелковым оружием и артиллерией, что облегчало снабжение турок боеприпасами и военным снаряжением, но сделало при этом турецкую армию и всю империю еще более зависимой от союзных держав.

Негативно реализовался еще один постулат исторической конфликтологии.

Продажа стратегического товара (в данном случае — это оружие, военные советники) в стратегически верный для продавца период (в данном случае —

это угроза войны с Россией и балканских восстаний) создает необходимую для него (в данном случае — для Англии, Франции, Австрии) фракцию или группу сторонников, в кругах, принимающих решение (в данном случае — в Порте).

Временный военно-политический контроль трех великих держав — Англии, Франции и Австрии — в регионе, где медленно, но верно обновлявшаяся Османская империя сохраняла политическую независимость, где фактически, хотя и в урезанном виде, сохранялось военное присутствие и мощное идейное влияние (на христиан православного толка) четвертой великой державы — России — привел к итогам, противоположным тем, что ожидали в Лондоне, Париже и Вене — к контррезультатам.

Россия и Турция, урезанные в своих правах черноморских суверенных морских держав, сблизились. Ограничения для великой державы не могли существовать сколько-нибудь долго. На Балканах и на Леванте зрели новые восстания — вне влияния и контроля держав. В конце концов вспыхнула новая жестокая балканская война 1876–1878 гг.

Социокультурные сдвиги прошлых десятилетий вновь оказались под негативным воздействием военно-политических факторов.

Часть третья
В “ТОЧКЕ ЗАКАТА”

Глава 1

И ВЕРХИ МОГУТ, И НИЗЫ ХОТЯТ, А ТОЛКУ ЧУТЬ...

Пример конфликтного поведения “силового центра” метрополии в мультинациональной среде

ХАТТ-И ХУМАЮН 1856 ГОДА. ОЖИДАНИЯ И СОДЕРЖАНИЕ

Во вторую половину XIX в. Балканы и Ближний Восток вступали в сполохе пушечных разрывов — Крымской войны и серии карательных походов, предпринятых Портой против стремившихся к освобождению народов.

В то же время военное присутствие великих держав в Восточном Средиземноморье, длившееся с недолгими перерывами с 1827 г. (Наварин) до 1861 г. (Сирийская экспедиция Франции), стимулировало многие внутренние процессы в регионе. Как негативного, так и позитивного характера. Последних было несопоставимо меньше, чем первых. Однако главное — неудержимое и невозвратное движение подвластных османскому правлению национальных обществ в регионе приобретало более оформленное и конкретное очертание. Выделились Дунайские княжества — образовалась Румыния; мощные сдвиги в сторону национально-государственного возрождения отмечены в Болгарии и других областях под турецким, османским управлением.

Многократно расширился прямой обмен людьми и идеями между балкано-levantийскими территориями и западным миром. Османский социум, если принять его как интегрированную систему связей “Высокая Порта — периферия”, вступил в новую фазу конфликта.

Прежде чем перейти к его общим оценкам в период конца 1850–1870-х гг., следует сделать несколько замечаний из серии “Заметки конфликтолога”.

Известно, что все более или менее свободно общающиеся человеческие сообщества различного уровня непосредственно подвержены мощному взаимодействию, усиливающемуся по мере роста общений разных функциональных групп, исполнителей, связанных с движением людей и идей. Для нашего региона это — военные, дипломаты, службы информации (газеты, почта) и т.д. *Историческое направление в конфликтологии должно исследовать в первую очередь взаимоотношения между:*

а) категориями, принимающими решения (Порта—Лондон, Порта—Париж и т.д.);

б) исполнителями, проявляющими тенденцию к обособлению от категории “а” (т.е. руководители отдельных османских служб и ведомств, вступавшие в прямые связи с европейскими представителями);

в) массами граждан, находящихся в состоянии диффузии международного общения (это главным образом жители Балкан и приморских городов Восточного Средиземноморья).

Это же направление конфликтологии должно исследовать роль и место лидера в конфликтогенной обстановке, образцом которой являлась, по существу, вся Османская империя в совокупности ее сохранившихся и находившихся в неравновесном состоянии отложения региональных субцентров. Позднее они станут ядрами независимых государств.

Поскольку не существует и не может существовать какой-либо акт внешней политики, не затрагивающий политику внутреннюю, конфликты среды международных отношений должны рассматриваться во взаимосвязи с конфликтами в сфере внутренней жизни — прежде всего социальной. Аспекты “внешнего” конфликта 1850–1870-х гг. в регионе до сих пор, по существу, не изучаются со столь важной, на мой взгляд, поправкой на неопределенный случайный элемент реакции страны (здесь — Османской империи) изнутри. Опускаются, иными словами, социокультурные сдвиги в обществе.

Рассмотрим соотношение войны, экономики и политики на новом этапе, причем во взаимосвязи внешних параметров (в данном случае это — Восточный вопрос) и внутренних (это — обстоятельства, связанные со вторым этапом реформ танзимата).

История подготовки и провозглашения хатт-и хумаюна 1856 г. есть история противоборства Англии, Австрии и Франции с Россией по широкому кругу вопросов — от положения христиан на Балканах и Ближнем Востоке до торговых тарифов. Широко распространена версия, согласно которой принятие Высокой Портой этого документа незадолго до открытия Парижского мирного конгресса лишило русскую делегацию возможности выступить с программой административной автономии балканских народов, сохранявших османское подданство.

Вместе с тем, оценивая характер и значение этого важного в истории Турции и всех балканских государств документа, следует подчеркнуть, что он был принят в обстановке острой внутривосточной борьбы и отражал при этом стремление правительственных кругов Османской империи самостоятельно, но с учетом внешнеполитической обстановки решать проблему статуса христианского населения империи в тесной связи с борьбой Высокой Порты за место в “концерте великих держав”.

Нельзя, однако, согласиться с получившим распространение в литературе последних лет тезисом германского историка В. Баумгарта о том, что “в 1856 г. Турция взяла на себя обязательство перед Европой оживить внутреннюю жизнь всеобъемлющей программой реформ в качестве компенсации за свое вступление в европейское сообщество и для защиты своего места в нем”.

Объективная оценка документа 1856 г. свидетельствует о том, что внешние факторы при его подготовке, когда открывался второй этап танзимата, действительно оказались решающими, но далеко не исчерпывающе определяли его значение.

Сам факт подтверждения политики реформ с особым акцентом на гражданское, правовое равенство мусульман и немусульман Османской империи свидетельствовал о победе реформаторских сил над реакцией, добившейся в 1840-х гг. попятного движения в преобразованиях внутреннего характера. Указ создавал возможность, хотя и в узких пределах фактического неравенства христианских подданных, развития национального предпринимательства; расширялись перспективы борьбы за культурное развитие и, в конечном итоге, создавались предпосылки нового этапа подъема национально-освободительного движения балканских народов.

Именно народы Балкан были наиболее продвинуты в социально-экономическом развитии и поэтому в более полной мере могли освоить предбуржуазные провозглашения хатт-и хумаюна. Несомненно также, что указ создал благоприятные предпосылки для нового этапа экономической интеграции Османской империи в мировой рынок. Одной из его периферийных зон были балканские земли; они же в качестве контактных зон мирового капитализма и османской феодальной системы были наиболее восприимчивы к тем статьям хатт-и хумаюна, которые подразумевали развитие связей между Османской империей и капиталистическими странами Западной Европы.

Указ от 18 февраля 1856 г. подтверждал обязательства Высокой Порты, провозглашенные еще в 1839 г., относительно защиты личности, имущества и чести подданных султана вне зависимости от этнорелигиозной принадлежности. При этом предполагалось, что особые выборные комиссии немусульманских общин примут участие в разработке новых проектов реформ. Декларировалось равенство мусульман и христиан в соискании государственных должностей, в поступлении в гражданские и военные училища, равно как и при рассмотрении любых судебных дел. При этом особо оговаривалось создание смешанных судов и перевод коммерческого и уголовного кодексов, процессуальных уложений на языки народов, населявших Османскую империю.

Было обещано совершенствовать налогообложение, особенно десятины-ашара, и впредь отменить откупа налогов (ильтизам), систему, крайне обременительную для всех османских подданных, но особенно для христианского населения Балкан. Предусматривались в общей форме меры экономического развития и устранения всего, что мешало торговле и сельскому хозяйству.

Указ предусматривал распространение на немусульман рекрутской повинности с правом замены или откупа от службы в армии.

Предполагалось предоставить иностранцам (впоследствии и при условии подчинения турецким законам) права на приобретение и владение недвижимостью.

Указывалось, что будут приняты меры для освоения европейских достижений в науке, искусстве и производстве.

Как писал еще патриарх советской туркологии А.Д. Новичев (1932 г.), указ не содержал конкретных указаний на то, какими внутренними средствами его авторы предполагали обеспечить столь широкую экономическую программу в такой отсталой стране, как Турция. Указ не предусматривал радикальных социально-экономических преобразований, какого-либо ограничения капитуляционного режима, ставшего к середине XIX в. средством коллективного и индивидуального воздействия капиталистических держав на политическую и хозяйственную жизнь Османской империи.

Отсутствие какого бы то ни было упоминания в хатт-и хумаюне “злейшего из зол”, как называл капитуляционный режим первый представитель Османской империи на парижских мирных переговорах 1856 г. Мехмед Эмин Али-паша, свидетельствовало о том, что не декларированное обещание реформ для христиан, а сохранение и дальнейшее упрочение капитуляционных иммунитетов для держав — военных союзников Турции стало фактической компенсацией Высокой Порте за весьма невысокую честь защищать в “европейском концерте” интересы своих заимодавцев — военных союзников. Не лишне заметить, что ко-

дификация капитуляционных соглашений была завершена в период Крымской войны.

Тщетно Али-паша на конгрессе в Париже поднял вопрос об отмене или об облегчении капитуляционного режима. Как побежденной России были навязаны пять предварительных условий мира, так и Турции, державе-победительнице, было навязано предварительное условие — объявить о реформах в жестких, заданных рамках.

В течение ряда лет западноевропейские державы готовили условия, в которых дальнейшие (после указа о реформах 1839 г.) внутренние реформы в Турции были бы сориентированы в оптимальном для них направлении. Кризисное развитие турецкой экономики, борьба феодально-клерикальной реакции с умеренными реформами, углубление этнорелигиозных конфликтов, нередко стимулировавшихся дипломатическими представителями держав в Османской империи, были предпочтительными внутренними условиями для реализации планов держав.

Внешними условиями явилась инициативная политика Англии и Франции в 1849–1853 гг. по сознательному повышению уровня неразрешимости таких сугубо локальных конфликтов, как вопрос о политических эмигрантах в Турции, друзо-маронистские столкновения, вопрос о святых местах и т.д.

Неконструктивная политика царского правительства и двойственность политической линии Австрии и Пруссии во многом содействовали тому, что два года (1849–1850 гг.) на грани вооруженного конфликта в Восточном Средиземноморье быстро сменились периодом соскальзывания к конфликту между Россией и Турцией и затем войной мирового характера, оценивая по масштабам середины XIX в. В условиях эскалации конфликта на Ближнем Востоке и последовавшей “войны за Турцию”, которую в западноевропейских столицах намеревались вести до последнего турецкого солдата, были сформулированы основные положения указа 1856 г. При этом следует отметить, что перед западно-

европейской дипломатией беспрестанно возникали то призрак деэскалировавшего напряженность на Ближнем Востоке русско-турецкого сближения (союз 1833 г., Балта-Лиманская конвенция 1849 г.), то мираж инициативы России пересмотреть весь режим капитуляций, возникший в период пребывания в Петербурге Фуад-паша в 1849 г., то, наконец, вполне реальная программа борьбы России за постепенное освобождение всех балканских народов от османского гнета, вынесенная на Венские переговоры 1855 г.

Трудно судить, сколь долгим был бы этот спор. Разрешила его Крымская война. Очертания будущего хатт-и хумаюна определились практически одновременно с заключением первого в истории Турции многостороннего наступательного военного договора с капиталистическими державами Западной Европы.

По сообщению из Константинополя русского пароходного агента А. Пеццара, получившего неофициальным порядком сведения от драгоманов Высокой Порты, 8 марта 1854 г., т.е. за 4 дня до подписания военного договора с Англией и Францией, Мустафа Решид-паша вручил послам “без шума и огласки” документ из пяти пунктов.

Во-первых, султан брал на себя обязательство отменить харадж на немусульман и ввести единый для всех подданных налог.

Во-вторых, он обязывался административными и юридическими мерами гарантировать всем подданным полное гражданское равенство. Суды должны были принимать свидетельские показания христиан на основе полного равенства с таковыми мусульман. Именно этого и добивалось от Порты абсолютное большинство предпринимателей и торговцев с двойным гражданством.

В-третьих, христианам и мусульманам была обещана равная возможность достигнуть самых высоких гражданских и военных должностей в империи.

В-четвертых, предполагалось от имени султана предоставить всем христианским подданным султана и ино-

странным подданным, проживающим в Турции, право владеть недвижимостью, записанной на собственное имя.

В-пятых, султан считал возможным предоставить всем миллетам право возводить и содержать культовые строения.

Этот документ, насколько известно на данном этапе исследования, публикации или оглашению не подлежал.

Он был своего рода рабочим документом Высокой Порты, представившей державам накануне заключения военного договора проект развернутой программы преобразований без указания сроков начала ее выполнения. Характер и содержание этого документа чрезвычайно сближают его с хатт-и хумаюном 1856 г. В известном смысле он шире хатта и включает вопрос о праве иностранцев на приобретение недвижимости, не вошедшем в хатт 1856 г. При этом следует подчеркнуть, что мартовский документ не являлся ни составной частью военного договора, как настаивал де Редклиф четырьмя годами ранее, ни “формальным следствием настоятельных представлений” западноевропейских держав, столь декларативно проявлявших заботу о судьбе своих единоверцев в Османской империи.

В дальнейшем, осенью и зимой 1855–1856 гг. мартовский документ был взят за основу для дальнейшей разработки на конференциях послов держав и представителей высокой Порты в Константинополе.

В кругах, близких к Бюро переводчиков-драгоманов при Высокой Порте, в марте 1854 г. говорили о том, что приведенные выше пункты дальнейшего развития преобразований являлись обязательным условием договора от 12 марта 1854 г. Говорилось также, и к этому можно отнестись с полным доверием, что султан Абдул Меджид и ряд влиятельных лиц из его окружения решительно возражали против допуска христиан на военную службу, не соглашаясь даже на принятую впоследствии возможность христианам откупиться от призыва в армию.

Добившись определенной ясности относительно тенденций дальнейших реформ в Турции, Англия и Фран-

ция смогли предпринять новые шаги в сфере дальнейшей международной изоляции России и установления коллективного контроля над политической ситуацией в регионе. Это осуществлялось в рамках многостороннего международного соглашения, в которое державы стремились конвертировать серию соглашений между самими державами, либо между державами и Османской империей.

Накапливавшаяся ряд лет зависимость Турции от той или иной европейской державы по отдельным аспектам развития (флот, армия, торговля, финансы) оборачивалась прогрессирующей зависимостью внешнеполитической ориентации Османской империи в качестве самостоятельного фактора международной среды.

Турецкие инициативы решения внешне- и внутриполитических проблем искажались вмешательством многоопытной западноевропейской дипломатии. Энергично используя турецкий вопрос, включавший в 50-х гг. проблемы войны, национальных движений, реформ и т.д., виго-пальмерстоновская, наполеоновская, габсбургская дипломатии агрессивно воздействовали на формирование международной среды в Восточном Средиземноморье, на Балканах. Одновременно тормозились, искажались объективные процессы реформаторского движения на всей территории Османской империи.

Вопрос восточный и вопрос национальный

Восточный кризис 1870-х гг., который было бы правильнее называть ближневосточным кризисом, стал по характеру и движущим силам, по значимости итогов одним из важнейших международных событий последней трети XIX в. Он явился объективным и закономерным развитием Восточного вопроса в целом.

Вместе с тем в отечественной и зарубежной историографии отмечается тенденция применительно к 1870-м гг. ограничивать эту проблему только балканским регионом; что оправдано, если принимать во вни-

мание исключительно пиковую фазу кризиса, связанную с подъемом национально-буржуазного революционного движения на Балканах в 1875–1876 гг. и с войной 1877–1878 гг.*

Современный уровень конфликтологического исследования процессов, имевших место в обществах переходного, заставляет нас рассматривать проблему “метрополия — периферия”, т.е. уровней социально-политического развития собственно Турции и ее отдельных владений.

При этом необходимо учитывать нарастающую асинхронность развития Турции, находившейся на стадии разложения позднего феодализма и начала формирования турецкого капиталистического общества, и балканских стран, ей подвластных номинально (Сербия) или фактически (Болгария). Переходный период захватывал и метрополию, и периферию, соответственно отражаясь на содержании и характере развития Восточного вопроса. Однако специфика переходного периода для различных регионов Османской империи была весьма значительна. Не менее значимо и общеосманское содержание ряда крупных внешнеполитических

* Наиболее полное освещение события, связанные с войной 1877–1878 гг., нашли в трудах В.А. Золотарева, в том числе военно-политические и международные аспекты. См.: *Золотарев В.А.* Россия и Турция. Война 1877–1878 гг. М., 1983. Историографическое, источниковедческое и впервые — иконографическое и общественно-политическое освещение проблем войны 1877–1878 гг. см.: *Золотарев В.А.* Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. — апофеоз Восточного кризиса. М., 1991.

Вопросы военного искусства в контексте общих тенденций развития мирового военного искусства см.: *Золотарев В.А.* От Карфагена до Карса. Очерки по истории военного искусства. М., 1993; см. также: *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Флот государства Российского. М., 1992.; см. также: Военная история Отечества с древнейших времен до наших дней. В 3 т. М., 1995.

Турецкую историографию войны 1877–1878 гг. см.: *Золотарев В.А.* Противоборство империй. С. 274–279; кроме того, см. разделы, принадлежащие В.И. Шеремету, в кн.: Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 213–236. Общие оценки см. также: Международные отношения на Балканах. 1856–1878. М., 1986. С. 337–402; *Шеремет В.И.* Империя в огне. М., 1994.

явлений — одним из самых ярких был Восточный кризис 1870-х гг.

Централизаторская политика Порты эпохи танзимата, многочисленные реформы заставляют оценивать развитие Восточного вопроса в целом и его кризисные стадии с учетом по крайней мере трех факторов.

Во-первых, углублявшегося расхождения формационно-стадиальных характеристик феодальной метрополии, боровшейся за консервативное, на принципах османизма, исламизма и частичных реформ сохранение общеимперского единства земель и территорий.

Во-вторых, того неоспоримого факта, что социально-политические и экономические аспекты восточных кризисов эпохи становления индустриального общества трансформировались быстрее, чем внешнеполитические аспекты кризисов, что соответствовало особенностям эволюции капитализма.

Соответственно за дипломатической ширмой “равновесия сил” в Европе и сохранения османского интегритета как его составляющей разворачивалась борьба новых, менее склонных к дипломатическому маневру, сил в индустриальных державах не столько за влияние в регионе Османской империи, сколько за ее раздел и за позиции в получивших независимость балканских государствах, формационно однотипных с западными державами. Последние из гарантов неделимости высокой Порты превращались в гарантов отделения ее бывших владений по мере возможности взять под прямой или косвенный контроль бывшие владения Порты.

При этом напряженная борьба в самих балканских странах, обретавших возрожденную государственность в ходе национально-буржуазных революций, нарастала от одного кризиса Восточного вопроса к другому. Это был *третий* фактор, который должен быть принят во внимание при оценке состояния Восточного вопроса к периоду его обострения в 70-х гг. и взаимодействий сил войны и бизнеса.

Учет этого фактора крайне важен для определения социальной направленности кризисной ситуации, со-

ставлявшей отличительную черту освободительных движений народов Сербии, Греции, Дунайских княжеств, Болгарии, Албании, других балканских владений Высокой Порты на протяжении XVIII — последней трети XIX в. При этом внутренний фактор, соответствовавший глубине и размаху национально-буржуазных движений балканских народов против “отмирающего феодализма” Османской империи, неизменно взаимодействовал с внешним фактором — вооруженным вмешательством великих держав на том или ином этапе развития Восточного вопроса.

“Для балканских народов внешний фактор, — писал болгарский историк академик Н. Тодоров, — это прежде всего русско-турецкие войны”. Как известно, само понятие Восточного вопроса родилось в связи с вооруженной борьбой балканских народов за независимость. Вместе с тем русско-турецкие войны 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг. были использованы греческим и другими освободительными движениями как важное условие военно-политической пробы сил и оформления программы национального возрождения греков. Первая балканская республика нового времени на Ионических островах и первая балканская конституция 1799 г. были гарантированы вооруженной силой нового средиземноморского государства, каким стала Россия, добившись выхода в Черное море и через Проливы в Средиземноморье.

Первым массовым народным движением за создание независимого государства были Первое (1804–1813 гг.) и Второе (1815 г.) сербские восстания. Бухарестский (1812) и Адрианопольский (1829) мирные договоры России с Османской империей обеспечили широкую внутреннюю автономию Сербии. Последовательная позиция России в Восточном вопросе, на его наиболее острой, критической для греческих повстанцев фазе в 1827–1829 гг. обеспечила независимость Греции в 1830 г.

Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг. и последующие годы борьбы России за отмену нейтрализации Черного моря в 1871 г. сопровождались серией войн и восстаний освободившихся и еще подвластных Осман-

ской империи балканских народов против турецкого угнетения. Опора на Россию при попытках создания Балканского союза 1860-х гг. в составе Сербии, Греции, Черногории, Румынии и болгарских патриотов при всей его противоречивости, а также восстания в Боснии, Герцеговине, Болгарии, на Крите в конце 1860-х гг. при их неудачном исходе — все это свидетельствовало об объективно-прогрессивной значимости политики России в качестве важного внешнего фактора национально-освободительных движений балканских народов как одного из аспектов Восточного вопроса.

Новое его обострение в начале 1870-х гг. было впервые связано не с активной ролью какой-либо державы, а с внутренними кризисными процессами в азиатских и балканских владениях Османской империи, с замедленностью всего процесса социокультурного обновления в регионе. Противоречивость в балканском направлении внешней политики России в начале 70-х гг. сменилась решающей ролью в деле освобождения большей части Болгарии от пятисотлетнего владычества Порты.

Вместе с тем восточный кризис 1870-х гг., как и Восточный вопрос в целом, был связан с определенными этапами развития Османской империи как субъекта международных отношений и как общества, переживавшего глубокие процессы внутренних преобразований в общем русле мирового развития. Подъемы и спады революционной активности европейских народов, а также этапы развития индустриального общества в Европе воздействовали на Османскую империю, как правило, не “напрямую”, а главным образом через освободительные движения нетурецких народов, через вовлечение наиболее развитых областей империи в складывавшиеся мировые хозяйственные связи. Наиболее зримо эти процессы проявились в степени вовлеченности Османской империи в решение Восточного вопроса силой оружия и силой денег, точнее — их взаимодействием.

Начиная с 20-х гг. XIX в., Восточный вопрос занял центральное место в международных отношениях Османской империи с державами на Балканах и в Восточ-

ном Средиземноморье. Зародившийся, как отмечено выше, в конце XVIII в., т.е. в эпоху начала промышленного переворота в капиталистических странах, совпадавшего с преддверием реформаторского движения в Османской империи, Восточный вопрос постепенно усложнялся и с середины XIX в. приобрел всю ту противоречивость и многогранность, которая в 70-х гг. заставляла многих политических деятелей называть его “непостижимой неопределенностью”.

Однако для Высокой Порты в “Западном вопросе” (с турецкой точки зрения) не было ничего неопределенного. На втором этапе танзимата, т.е. после 1856 г., в нем сплелись национально-освободительные революции балканских народов, вступивших раньше других султанских подданных на путь буржуазного развития, и захватнические амбиции великих держав, пробовавших силы в предстоящей борьбе за передел мира. В Восточный (он же Западный) вопрос со второй половины 50 — начала 60-х гг. вплелась и внутривосточная борьба в Османской империи как явление, неизменно сопутствующее реформаторскому движению. Достаточно подчеркнуть, что почти все документы, обнаруживавшие реформаторские акты в османской империи, принимались в условиях восточных кризисов. Так было с указом Махмуда II об упразднении янычарского корпуса 1826 г., с Гюльханейским хатт-и шерифом 1839 г., хатт-и хумаюном 1856 г.

При всей ограниченности реформ танзимата они смягчали для Османской империи внешнеполитические последствия международных кризисов, в период которых принимались эти акты. Однако своей незавершенностью, особенно в области национальных отношений и в сфере обеспечения реального соответствия правового статуса уровню экономического развития немусульманского (христианского) населения, реформы 20–60-х гг. стимулировали обострение кризисных ситуаций. Временная победа турецких парламентаристов — провозглашение первой конституции в декабре 1876 г. также произошло на гребне обострения Восточного вопроса.

Все предшествовавшие фазы обострения Восточного вопроса были связаны с изменениями в расстановке сил на международной арене и в связи со спонтанными взрывами национально-освободительных выступлений фактических (Греция в 1821 г.) или формальных (Египет в 1831 и 1839 гг.) владений Порты. Восточный кризис 70-х гг. может рассматриваться как углубление, перенесение на международную среду в регионе Османской империи состояния революционной ситуации, в которой страна (и ее балканские провинции в первую очередь) оказались в середине 1860-х гг.

Первопричиной выплеснувшегося “вовне”, ставшего международным кризиса было сложившееся в 40–60-х гг. зависимое развитие Османской империи, в рамках которой феодальный уклад и адекватная ему политическая структура пришли в острое противоречие с вызревавшими в стране (быстрее всего на периферии — на Балканах, медленнее — в метрополии — в Малой Азии) капиталистическими отношениями. В рамках того же зависимого развития политика Высокой Порты по отношению к подвластным народам, проводившаяся под лозунгами паносманизма, должна была привести к значительной интеграции немусульман, прежде всего христиан, с основанной на исламских принципах турецкой (османской) государственной системой.

Практическая реализация принципов османизма, под которым понималось объединение и сотрудничество всех подданных во имя укрепления имперского единства, вызывала критику с двух сторон. Со стороны закончивших консолидацию нации и боровшихся за возрождение государственности балканских народов эта критика сопровождалась усилением борьбы за полную независимость (Сербия, Румыния), и ее высшей формой стало создание сербских и болгарских освободительных организаций для борьбы с османским угнетением.

Со стороны формировавшейся турецкой буржуазии, заинтересованной в сохранении целостной империи как широкого рынка, но слабой и органически связанной с османской необюрократией, критика паносманизма

и в целом национальной политики Высокой Порты отличалась непоследовательностью. Во всяком случае, молодая турецкая национальная буржуазия вступала в борьбу за “османское наследство” как с национально-буржуазными движениями на Балканах, так и с политикой военного присутствия всех великих держав в Восточном Средиземноморье, в зоне Красного моря и Персидского залива.

Национальное возрождение и кровопролитная война 1877–1878 гг. — это содержание стало отличительной чертой восточного кризиса 70-х гг., определило его специфику, остроту и последствия.

Обратимся, однако, к соотношению национальной политики Порты и роста турецкого буржуазного конституционного движения в рамках революционной ситуации в регионе как составной части конфликта, предварившего восточный кризис 70-х гг.

* * *

Период активизации борьбы за возрождение государственности на Балканах совпал с пробуждением турецкого национализма, но опережал последний по глубине и размаху, по определенности задач и конкретности, боевитости форм их решения.

В балканской части Османской империи после Крымской войны происходило относительно быстрое развитие общественной мысли, опережавшее развитие социально-экономической системы. Это обстоятельство было особенно характерно для взаимоотношений турецкого мусульманского центра империи и инациональной, немусульманской балканской периферии. В Османской Турции правящие феодально-теократические силы и круги буржуазно-либерального направления соотносили свою культуру, образ жизни с таковыми же элементами жизни общества в Западной Европе. При этом и для тех, и для других сил незыблемым принципом оставалось сохранение имперского единства османских земель. Это обстоятельство и определяло большое сходство в национальной политике правящих

кругов и оппозиционных им сил, представленных “новыми османами”, объясняло враждебность последних освободительным движениям на Балканах. В этом крылся антагонизм между растущим движением балканских народов за независимый национальный путь развития и более молодым, но консервативным по отношению к этому движению буржуазно-патриотическим движением “новых османов”, становление которого проходило в условиях перерастания зависимого типа развития в положение коллективной полукolonии Запада.

Большинство балканских народов находилось на значительно более высоком формационном уровне, чем господствующая турецкая народность, у них завершалось к середине 70-х гг. формирование и консолидация наций. Они боролись за самоопределение и государственную независимость. Ближайшим и непримиримым противником этой объективно-прогрессивной тенденции являлась сама османская политическая система и ее ядро — турецкая государственная машина.

Борьбе против национально-освободительного движения балканских подданных, за сохранение османской государственной системы на Балканах была подчинена по существу вся политика Порты. Наряду с опорой на военную силу в подавлении освободительных движений балканских народов, начиная с 20-х гг. XIX в., с эпохи Греческой революции, в правительственных кругах Османской империи получает распространение новый подход к сохранению целостности Османской империи в условиях роста освободительных движений и использования державами этих движений в своих целях.

Реформаторы первого этапа танзимата (1839–1856) развили эти идеи в сторону предоставления христианским и мусульманским подданным равных гражданских прав и равной ответственности за сохранение общей османской территории и единой власти Высокой Порты. Лидеры первого этапа танзимата во главе с Мустафой Решид-пашой воспринимали это декларативное равенство, провозглашенное в Гюльханейском хатт-и шерифе 1839 г., как особую ответственность христианских

подданных за сохранение имперского единства, что должно было исключить повстанческие освободительные движения балканских народов.

Восстания 1840–1860-х гг., фактически не прекращавшиеся на всей территории Европейской Турции, убедительно свидетельствовали о провале планов реформаторов укрепить единство Османской империи за счет фактического привилегированного положения мусульман и теоретического равенства христиан.

На втором этапе танзимата (1856—1876) видный государственный деятель Кечиджизаде Мехмед Фуад-паша, сын упоминавшегося Моллы, развивая идеи отца, а также своего учителя Мустафы Решида-паши, сформулировал вместе с другим известным государственным деятелем Мехмедом Эмином Али-пашой новую политическую концепцию сохранения пресловутого “османского единства”. Политическая сущность “османлыка” — османизма заключалась, по словам посла России в Турции Н.П. Игнатьева, тесно общавшегося с Фуадом-пашой по службе и в личном плане, в том, что будущее Османской империи, ее спасение состоит в “слиянии” мусульманских и христианских подданных, а не в раздельном и параллельном сосуществовании. Повторялись прежние идеи “полного равенства” всех османских подданных, право христиан занимать государственные должности, включая высшие посты в империи. Отличие османов идеологам османизма виделось лишь в “узкой сфере чисто религиозных вопросов”.

Ограничение внутренней автономности христианских этнорелигиозных общин — миллетов и искусственное насаждение османизированной системы народного образования детей христианских подданных, закрепление за турецким языком исключительного статуса государственного языка, а также меры по созданию единой османской армии, рекрутируемой из мусульман и христиан с профессиональным офицерским корпусом из турок — все это должно было укрепить, по мысли идеологов османизма Фуада-паши, Эмина Али-паши, Мидхата-паши, Османскую империю перед лицом внутренних и внешних врагов, упрочить господство турок.

Реализацией этих замыслов можно рассматривать такие правительственные акты, как Закон об образовании Дунайского вилайета 1864 г., Закон о народном образовании 1869 г. и Закон об османском подданстве 1869 г. Два последних закона с наибольшей жесткостью стали проводиться именно в Дунайском вилайете, искусственно образованном в наиболее революционной в эти годы Болгарии. Героизм борцов за свободу как главная причина и внутренняя несостоятельность османизма как политической концепции предопределили поражение государственных деятелей, обручами панисламизма и паносманизма пытавшихся стягивать рассыпавшуюся османскую государственность.

Оценивая этот период османизации Дунайского вилайета, турецкая историография, как современная, так и османская придворная, отмечала, что итогом деятельности Мидхата-паши в Болгарии был рост национально-освободительного движения, а в конечном итоге — складывание революционной ситуации.

Следует также учитывать, что практика османизма была не в последнюю очередь направлена против нетурецкого мусульманского населения европейских территорий Османской империи и земель, сопредельных со свободолюбивой Черногорией. Известно, что в конце 1850-х и начале 1860-х гг. укрепилось единство черногорцев и мусульман славянского происхождения в Боснии в общем освободительном антитурецком движении.

Ни во время турецкого вторжения в Черногорию в 1850–1852 гг., ни в период Крымской войны, ни в последующие годы, отмеченные восстанием в Герцеговине 1857–1858 гг. и турецко-черногорской войной 1862 г., Высокой Порте не удалось создать значительные мусульманские ополчения из местного, преимущественно албанского населения. Это обстоятельство отмечал возглавивший в конце 1850-х гг. Азиатский департамент Е.П. Ковалевский, человек, близкий многим деятелям национально-освободительного движения в северо-западных провинциях османской империи (Албания, Черногория, Босния, Герцеговина).

Следует отметить, что в своем стремлении любой ценой османизировать целиком и полностью балканские территории Высокая Порта прибегала к действиям двоякого характера: как внутривосточного свойства, так и внешнеполитического — к апелляции к третьей стороне, к посредничеству Англии, Франции, Австрии. Основная цель такого посредничества заключалась в том, чтобы не допустить интернационализации конфликта “метрополия — периферия”, что, однако, влекло за собой очередную вспышку восточного кризиса.

Так, потерпев поражение в 1861 г. в попытке вооруженного подавления самоуправления герцеговинцев, турецкое правительство обратилось за посредничеством к западноевропейским державам, обвинив Черногорию в подстрекательстве к восстанию османских подданных против Порты как “законного правительства и члена концерта европейских держав”, равно обеспокоенных сохранением спокойствия и порядка во владениях всех его участников. Одновременно был подготовлен турецкий проект внутреннего устройства пограничных районов Герцеговины, по форме совпадавший с султанскими хатт-и шерифами 1830-х гг. о Сербии, по сути — нацеленный на османизацию восставших территорий, правда, под благовидным лозунгом реализации хатт-и хумаюна 1856 г., повторившего тезис о гражданском равенстве всех подданных Османской империи.

Все попытки османского правительства проводить в жизнь постановления о равенстве в балканских провинциях сочетанием террора и апелляций к державам повлекли расширение освободительного движения, затем войну Турции и Черногории, вызвавшую новую волну антитурецких выступлений в других балканских провинциях Османской империи. Правительственный курс на решение национального вопроса на Балканах в рамках доктрины османизма потерпел полный крах, тогда как кризисная ситуация только нарастала.

Однако не только правительственные феодальные верхи и компрадорская бюрократия Османской империи боролись за сохранение целостности страны. Как показали в своих исследованиях отечественные исто-

рики и ученые стран Юго-Восточной Европы, молодая турецкая буржуазия стремилась в рамках обширной по территории, многонациональной и многонаселенной страны получить в наследство от османско-турецкой феодальной деспотии политическую власть над народами, оттеснить инонациональных конкурентов на местных и региональных рынках Османской империи. В полной мере эта тенденция проявилась в годы восточного кризиса 70-х гг.

Буржуазно-либеральное реформаторское движение “новых османов”, развернувшее свою деятельность в начале 60-х гг. XIX в., объективно отражало интересы растущего класса турецкой национальной буржуазии, но также в полной мере и ее непоследовательность, тесную связь с идеологией и практикой феодально-бюрократической верхушки в национальном вопросе.

“Новые османы” на страницах периодической печати и публицистических произведений, в своей практической деятельности как участники осознанного политического движения отражали патриотические настроения, пробуждавшееся национальное самосознание турецкого населения Османской империи. Они, однако, добивались преобразования страны в конституционную монархию и создания благоприятных социально-политических условий развития только для турецкой части населения Османской империи, которой приписывались, по словам турецкого историка Энвера Зии Карала, “преимущества, достоинства и качества, такие, как широта умственных способностей, природная выдержанность, выносливость и спокойствие”.

Двойственность в программных требованиях “новых османов” отчетливо проявилась в их отношении к росту освободительных движений в Европейской Турции и их связи с Восточным вопросом. Известный турецкий литератор, один из идейных руководителей “новых османов” Абдул Хамид Зия-бей, например, резко обрушивался на злоупотребления властей при сборе налогов, проведении рекрутских наборов, приводил в своих публицистических выступлениях материалы о бедственном положении в балканских провинциях Османской импе-

рии, что давало повод для представлений и проектов реформ со стороны держав. Он одновременно выступал против предоставления формальной независимости, например, Черногории (фактически независимой) и призывал к расправе с повстанцами в выражениях, которые могли бы быть уместны в устах карателя-янычара, но не просветителя (как он себя называл) и переводчика на турецкий язык творений Мольера и Ж.-Ж. Руссо.

Значительно “правее” Высокой Порты оказались “новые османы” в таких вопросах, как предоставление независимости Дунайским княжествам и Сербии, создание независимой Румынии. Болгарский историк Н. Милев отмечал, что еще идеолог и практик первого этапа танзимата Мустафа Решид-паша считал идею независимости Дунайских княжеств и Сербии в переговорах с западноевропейскими державами не более, чем дипломатическим маневром, угрозой, которую державы могли бы высказать Порте, если бы она упорствовала в принятии программы реформ, согласованных Мустафой Решидом с представителями держав Запада. В контексте высказываний идеологов танзимата по этим проблемам решение Восточного вопроса заключалось в беспощадном подавлении повстанческих движений и создании минимальных условий существования немусульманских миллетов.

Как говорилось выше, на Константинопольской конференции осенью 1855 г. и на Парижских мирных переговорах 1856 г., как и в последующие годы, Али-паша, убежденный реформатор, широко образованный человек, разделявший критическое отношение “новых османов” к внешнеполитическому курсу правительства в отношении балканских подданных как возможности спровоцировать вмешательство держав, отвергал саму возможность объединения Молдавии и Валахии в независимое государство с горячностью, стоившей ему однажды министерского портфеля.

Десять лет спустя после Парижской конференции 1858 г., предусматривавшей приход к буржуазным преобразованиям в Дунайских княжествах и через семь лет

после султанского фермана 1861 г., учреждавшего административное объединение княжеств, Зия-бей, Намык Кемаль и Али Суави на страницах новоосманской печати критиковали правительство за уступчивость державам, но реалистичной программы ни в национальном вопросе, ни по Восточному вопросу в целом предложить не смогли. В 1867 г. они выступили категорически против передачи сербам крепостей, занятых турецкими гарнизонами, что ослабило бы военно-политические позиции Порты перед лицом держав. Взрыв негодования пронесся по страницам новоосманской печати, когда в 1867 г. Высокая Порта уклончиво пообещала сербскому князю М. Обреновичу (причем после тридцати лет упорного молчания) вернуть Сербии небольшой участок на правом берегу р. Дрины. Безрезультатные переговоры продолжались и в 70-х гг. и служили мишенью для нападок в вольной прессе “новых османов” с правых, великодержавных позиций.

Сохранение обманчивой видимости “заботы” османского правительства о внешнеполитическом и внутреннем положении в вассально зависимой Сербии во имя недопущения вмешательства держав с очередным демаршем и реальная угроза активизировать турецкие гарнизоны в сербских городах ослабили взаимодействие сербов и черногорцев в период восстаний в Герцеговине в конце 50 — начале 60-х гг. и войны Порты с Черногорией в 1862 г. Однако эта же двойственная политика Порты усилила напряженность в регионе, поскольку в Вене с большой настороженностью наблюдали за “миротворческими” акциями турецкого правительства в Герцеговине и Боснии, которые Австро-Венгрия рассматривала как свои владения.

Объективно осложнению в развитии Восточного вопроса содействовали противники Порты — “новые османы”. Не имея сколько-нибудь позитивной программы по Восточному вопросу и полагая, что его главное содержание — инспирированные извне, главным образом Россией, повстанческие движения (“бунты”, по их терминологии), “новые османы” вносили дополнительное осложнение, кризисность в общую политическую

ситуацию, ослабляли возможность получить внешнеполитическую поддержку в своей борьбе с деспотическим султанским режимом. Вместе с тем они закрывали себе дорогу к сотрудничеству с прогрессивными освободительными движениями среди балканских народов. Так доктрина османизма в ее правительственном претворении и в оппозиционном “новоосманском” варианте служила дестабилизирующим элементом в структуре нарастающего кризиса.

В 1868 г. газеты “новых османов” “Мухбир” (“Корреспондент”) и “Хюрриет” (“Свобода”) обрушились на Высокую Порту за уступки великим державам, и прежде всего России, в политическом обособлении немусульманского населения Османской империи. Уравнивая в глазах читателя независимость Сербии и Дунайских княжеств с особым статусом Ливана, Египта, острова Самос, они трактовали эти события как общее проявление слабости центральной власти в Стамбуле, неспособной ни расправиться с “бунтовщиками” — повстанцами Крита, ни противостоять давлению держав в Восточном вопросе.

Что касается ряда поражений, понесенных турецкими карателями на Кипре во время народного восстания 1867 г., то Зия-бей пошел еще дальше. Призывая к расправе с “извечными” нарушителями покоя в османском государстве — греками-киприотами, этот “убежденный противник насилия и угнетения” считал, что “урок” следует задать и другим балканским подданным — в первую очередь болгарам.

Не следует забывать, что и в балканских странах, например в Сербии в начале 70-х гг., иногда звучали речи политических деятелей, в которых за всеславянскими объединительными призывами скрывались консервативные националистические тенденции к территориальным приращениям за счет соседей. Предстоит еще выяснить степень и формы взаимовлияния националистической пропаганды в Сербии, Боснии, Герцеговине, Болгарии и других балканских странах в период восточного кризиса 70-х гг. с пропагандой османизма, “османлыка”, в среде буржуазно-либеральной турецкой реформации,

достигшей наибольшего размаха к середине 70-х гг. Очевидно, что и проявления реакционного национализма, и османизм стали важными элементами в структуре восточного кризиса. Ниже мы увидим, как использовала Порта националистические взгляды балканских руководителей в период кризиса 70-х гг.

Естественно, что турецкие конституционалисты не смогли ни обеспечить поддержку своего движения со стороны инонациональной буржуазии, ни избежать обострения Восточного вопроса. Они заняли позицию, враждебную всем национально-освободительным движениям в османской империи, во главе которых шли представители местной как христианской, так и мусульманской буржуазии.

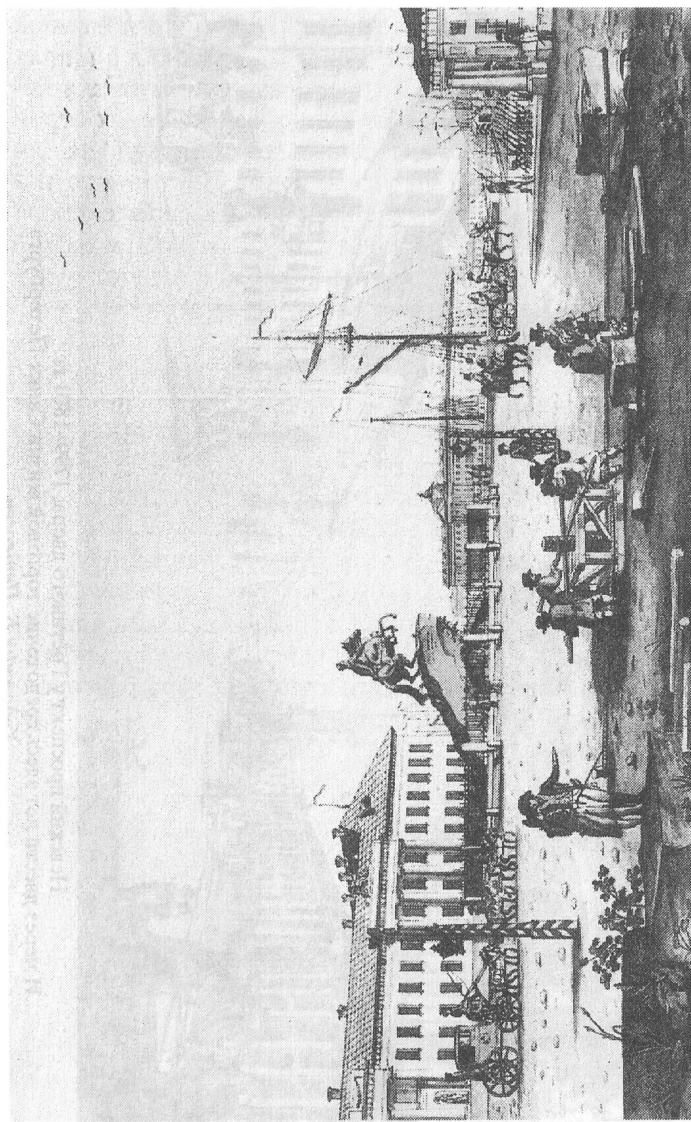
Концепции “османского патриотизма” и османской нации не могли не вызвать защитной реакции в балканском освободительном движении. “В стране, называемой Турция, — писал Али Суави, — существует одна и только одна нация — османская”. Ее отличительными признаками были, по мнению “новых османов”: общее подданство, сходство географических условий, единство “интересов”, в том числе экономических, наличие некоей “общеосманской идеи”.

Национально-освободительные движения балканских народов были в концепции “новых османов” не более чем частью политики вмешательства держав под предлогом решения Восточного вопроса, временным нарушением идейного единства внутри “османской нации”. Возврат к чистоте первоначального ислама, конституционные преобразования, воспитание и обучение детей христиан под руководством прирожденных руководителей имперского единства — турок, которые, как писала газета “новых османов” “Мухбир”, 300 лет назад были “идейными наставниками мира”, — вот что должно было полностью решить национальный вопрос в Османской империи и, следовательно, ее позиции в Восточном вопросе.

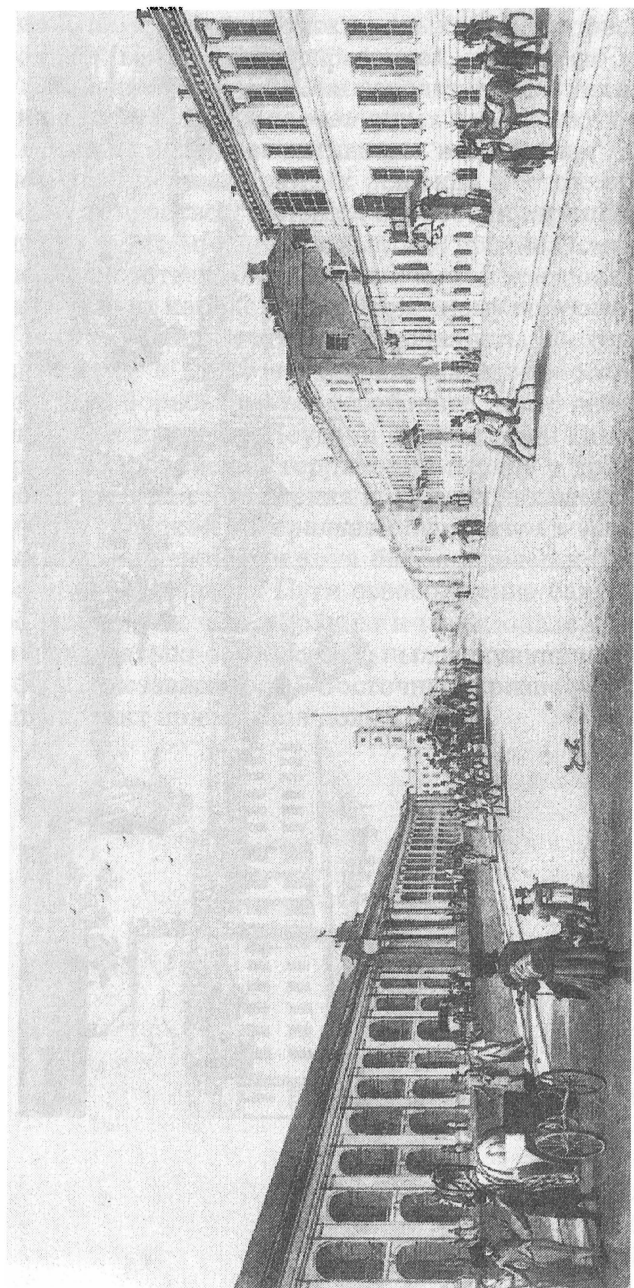
Следует отметить, что взгляды лидеров “новых османов” по Восточному вопросу и по балканским проблемам были достаточно известны в Западной Европе

по изданиям на европейских языках, цитировались, впрочем, с вольной интерпретацией, официозной прес-сой в Западной Европе. Они использовались также политическими деятелями различных европейских стран для обоснования более активного “воздействия” на Османскую империю в рамках решения Восточного вопроса и для соответствующей обработки европейского общественного мнения в пользу или против Османской империи в соответствии с политической конъюнктурой в европейских кабинетах по Восточному вопросу.

Первые турецкие конституционалисты продолжали усматривать в доктрине османизма идейное оружие и практику борьбы против освободительного движения балканских народов. Неудачи османизации Болгарии и других европейских территорий наряду с кризисом конституционного движения в Турции показали неготовность турецкой либеральной буржуазии к выработке конструктивной или хотя бы определенной линии в Восточном вопросе. Пути освобождения балканских народов лежали через долины и горы, опаленные огнем национально-освободительных восстаний и войн за свободу и независимость. Восточный кризис разгорался. Конфликт приобретал новые черты.

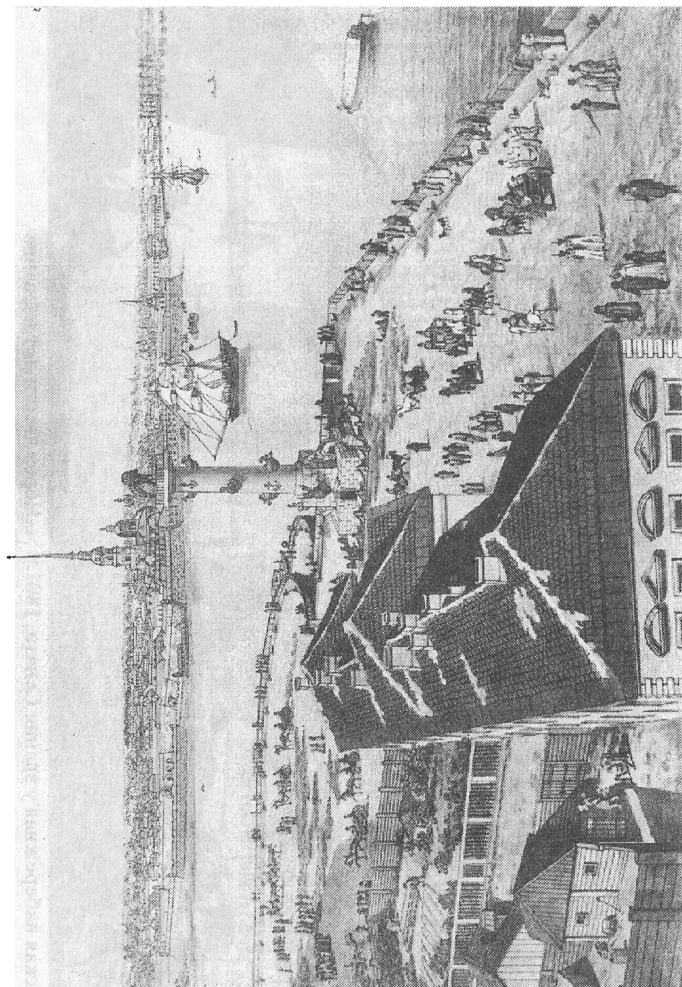
Сенатская площадь и памятник Петру I. ...И через двести лет там те же суета и небрежение. Художник Б. Патерсен

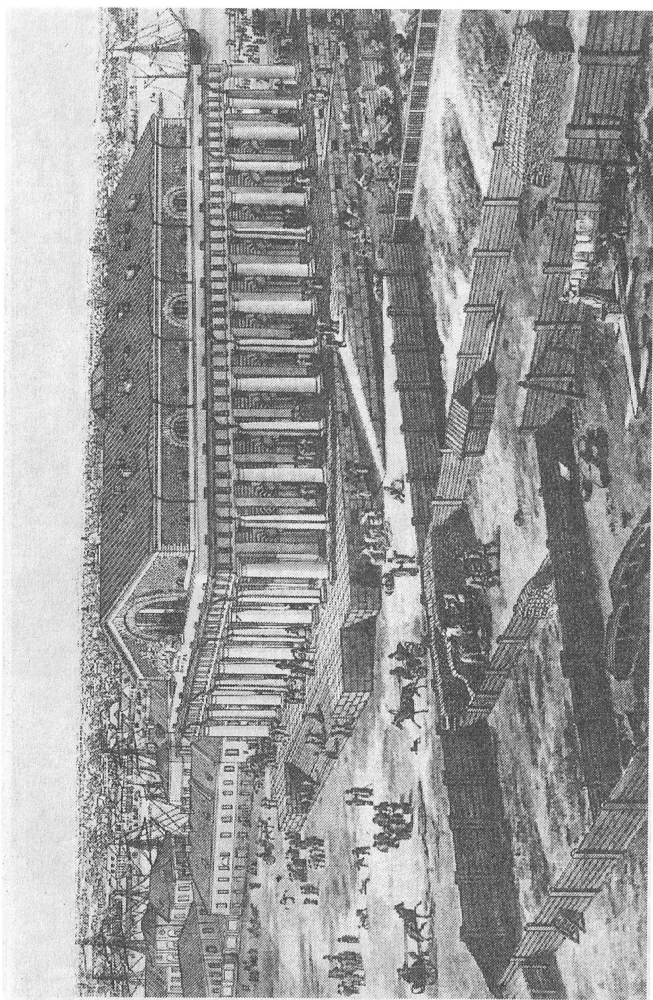
Невский проспект у Гостиного двора, 1799–1801 гг.
...И через двести лет здесь средоточие торговой жизни Санкт-Петербурга
Художник Б. Патерсен

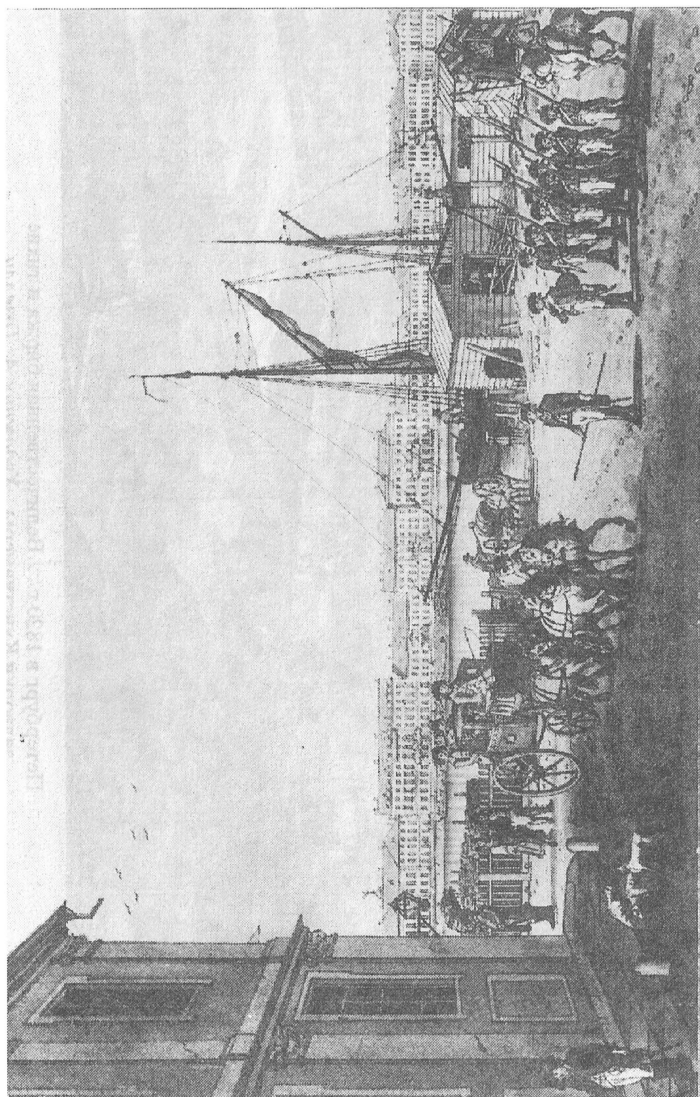
Английская набережная у здания Сената, 1801 г. ... Через двести лет название и общий архитектурный вид сохранились. Художник *Б. Патерсен*

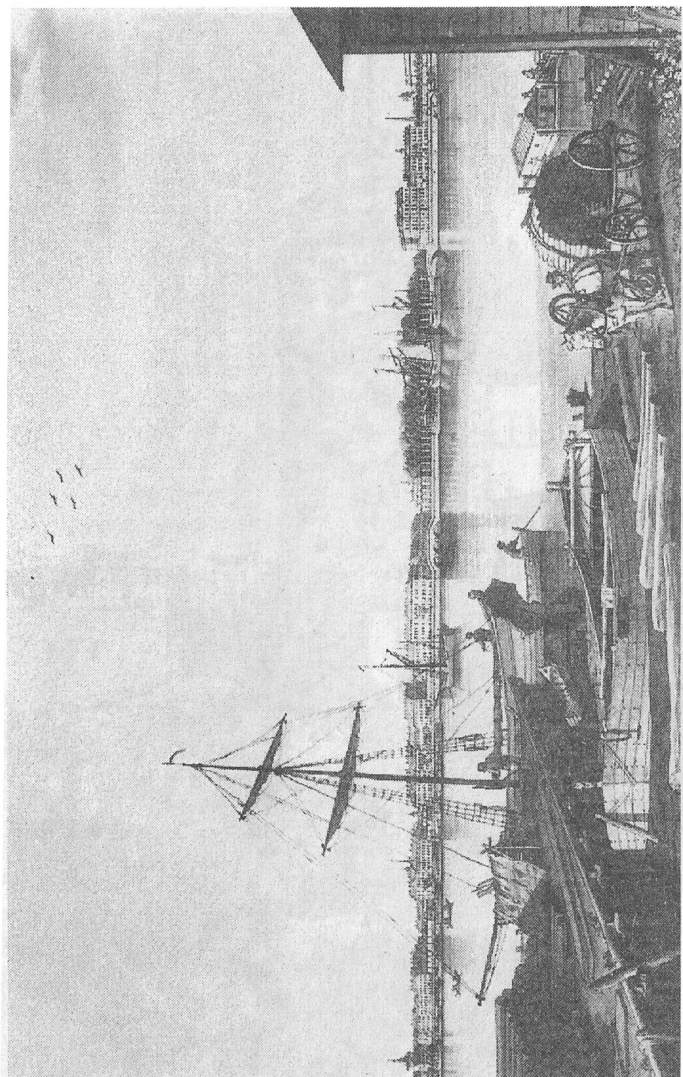
Огороды и променад на Стрелке Васильевского острова, 1820 г.
*На переднем плане: разваливающийся особняк XVIII в. — пристанище
 петербургской профессуры. Художник А. Тозелли*

Петербург в 1820 г. ...Величественная биржа и тихие
задворки Кунсткамеры. Художник А. Тозелли

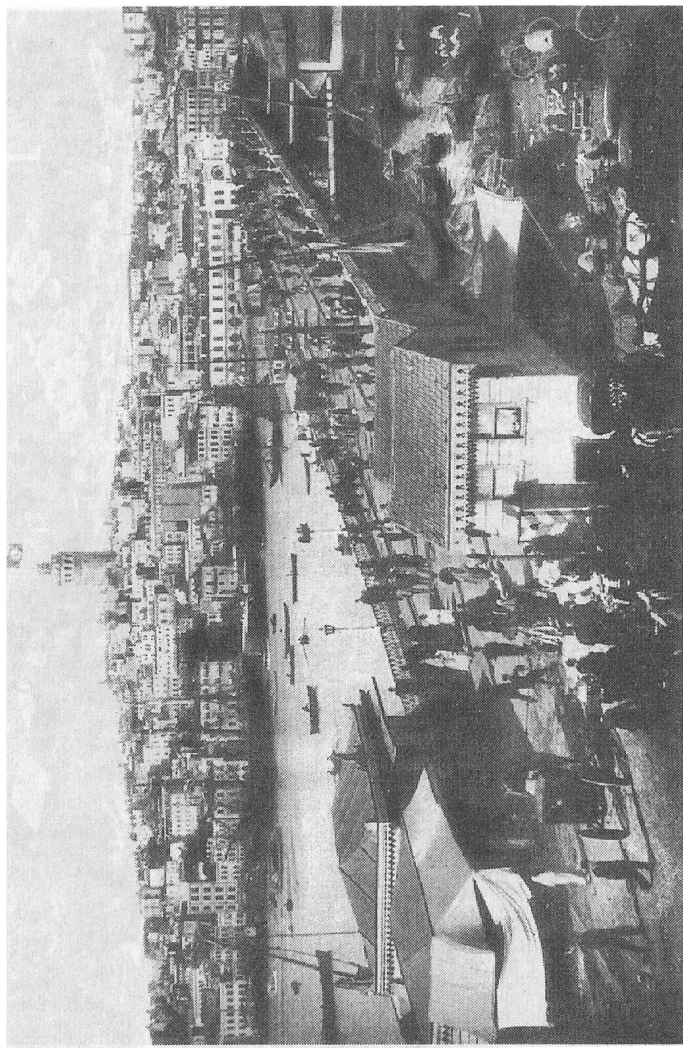
Английская набережная с Васильевского острова, 1799 г. ...Готовы и воевать,
и торговать. Художник *Б. Патерсен*

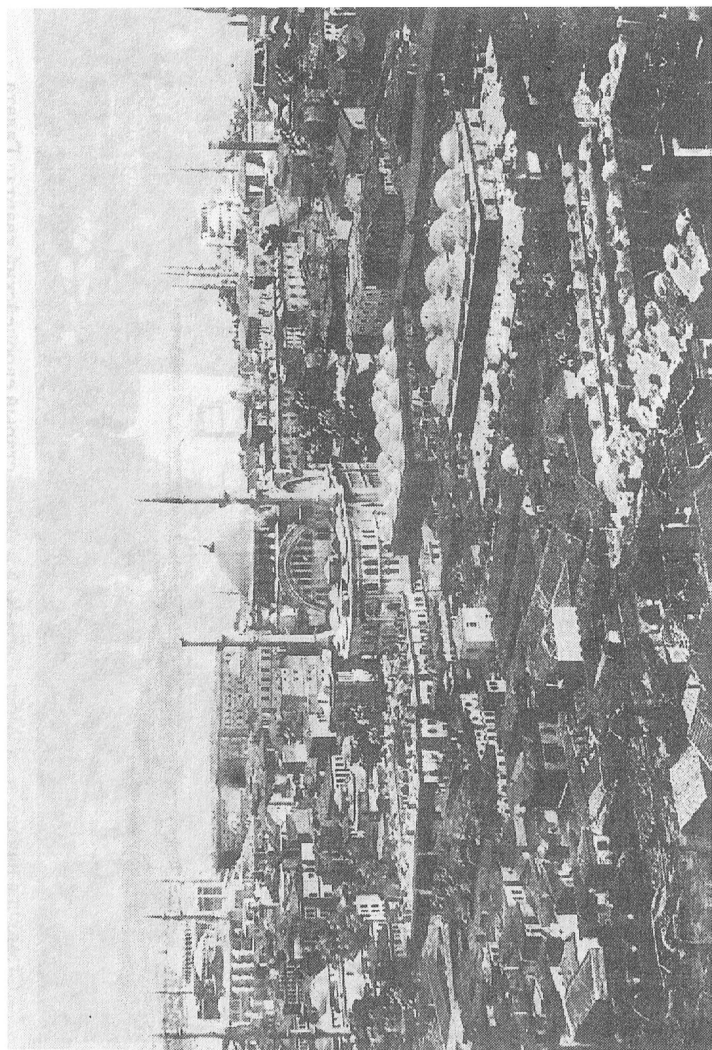
Вид с торговой Петербургской стороны на Неву от Литейного двора до Марсова поля
Художник Б. Патерсен

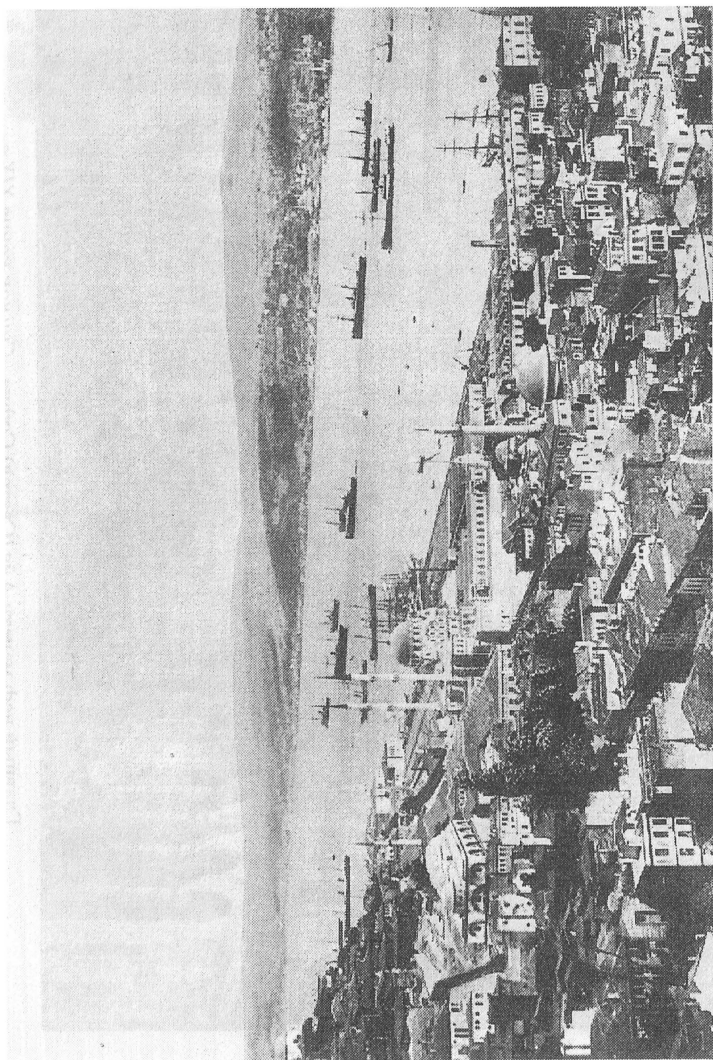
Башня V в. н.э. в Галате. Перестраивалась при Селиме III
и Махмуде II. Одно из самых высоких строений XIX в.
Снимок 1909 г.

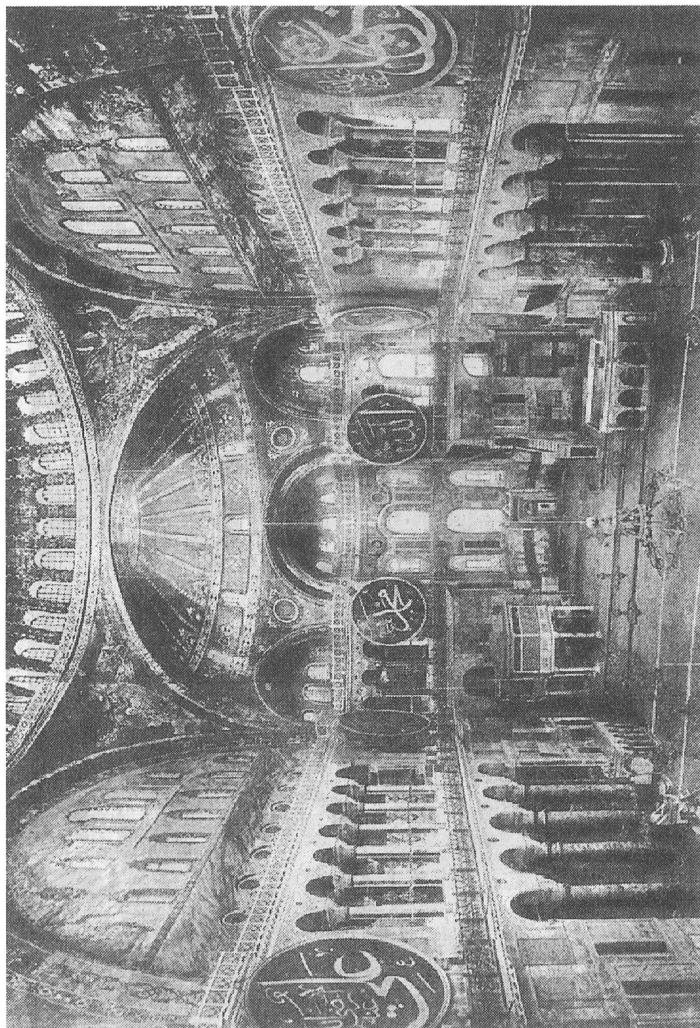
Стамбул в начале века. Мост Кара-Кёй и вид на старый европейский квартал Галата

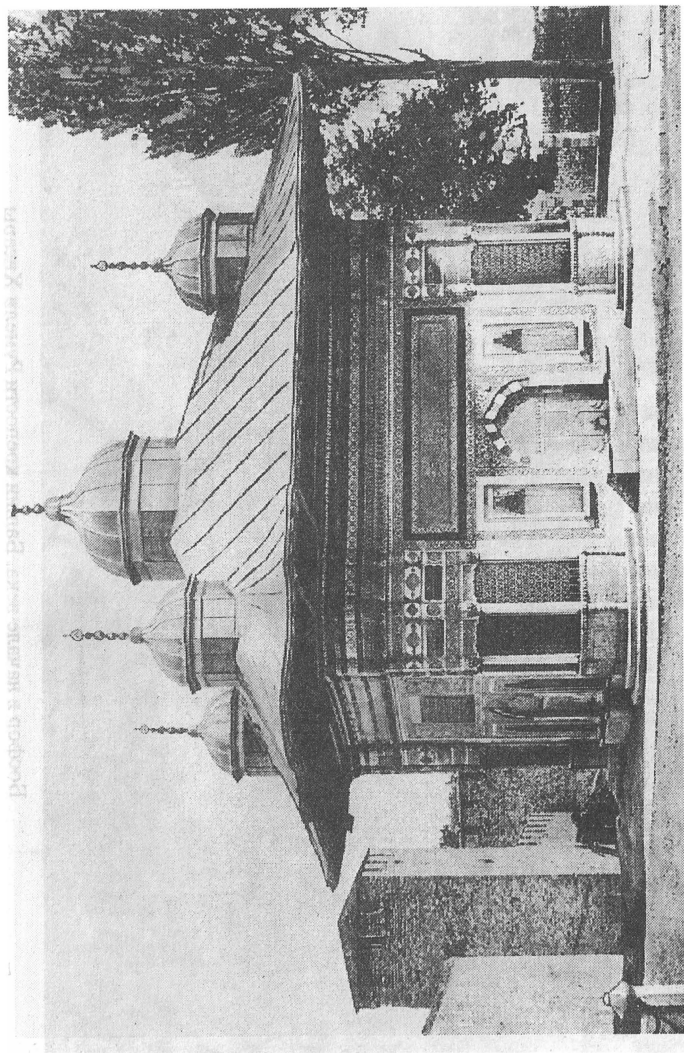
Стамбул в начале века. "Квартал базаров".

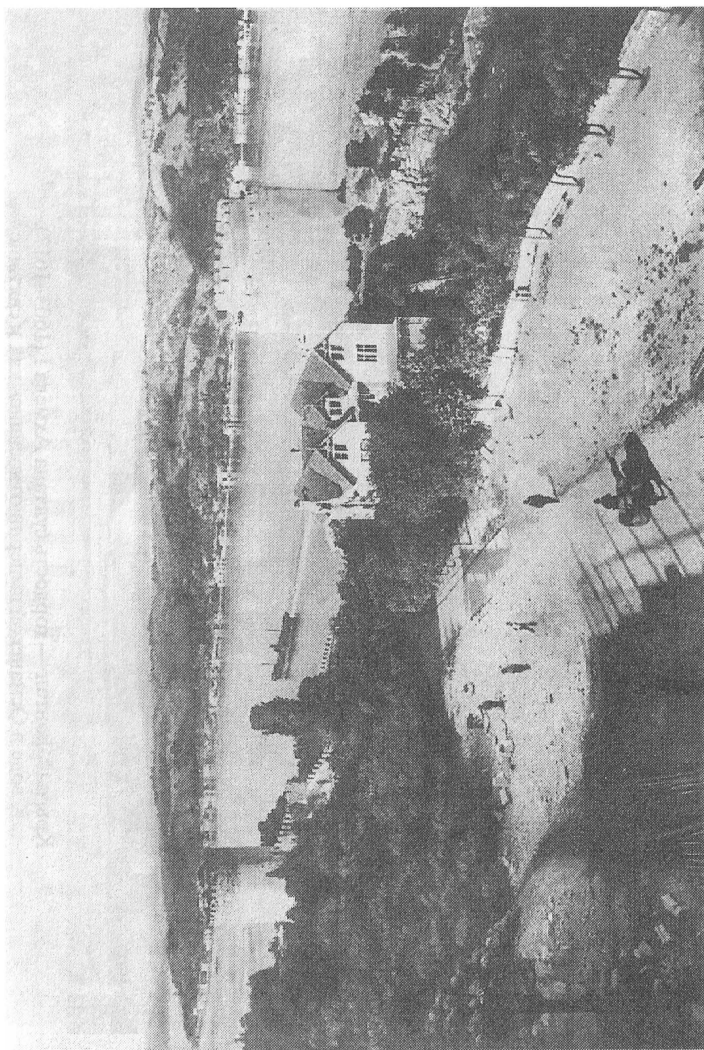
Пушки и торговля. Стамбульский Арсенал и торговые суда на Босфоре
Снимок 1909 г.

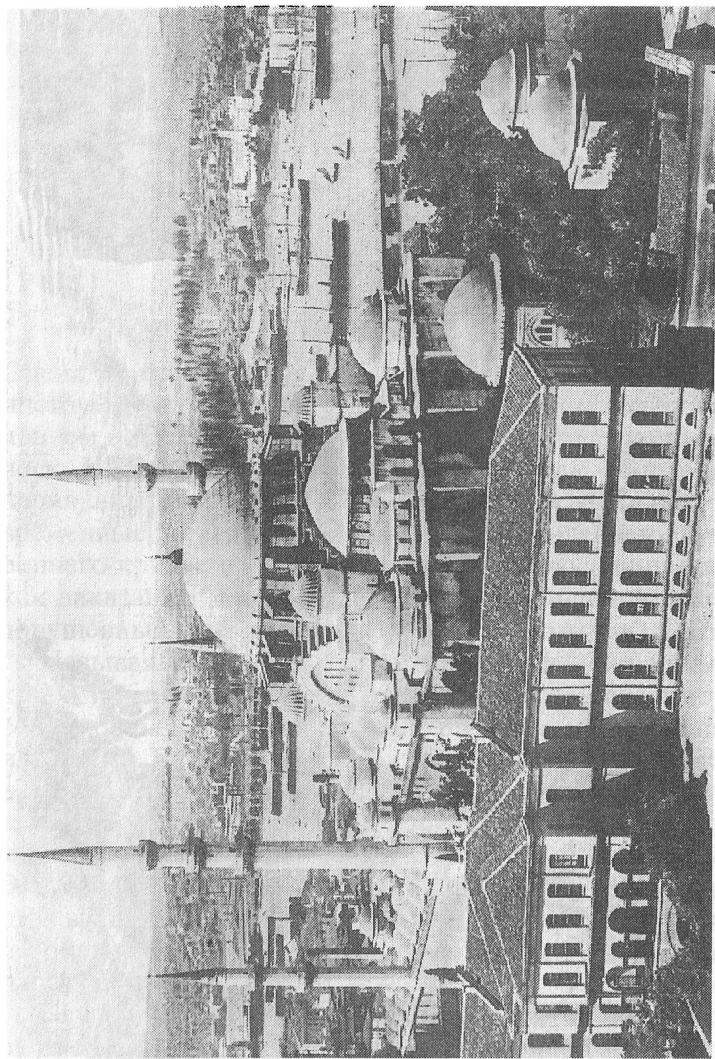
Главный неф мечети Айя (Святая) София. Снимок конца XIX в.

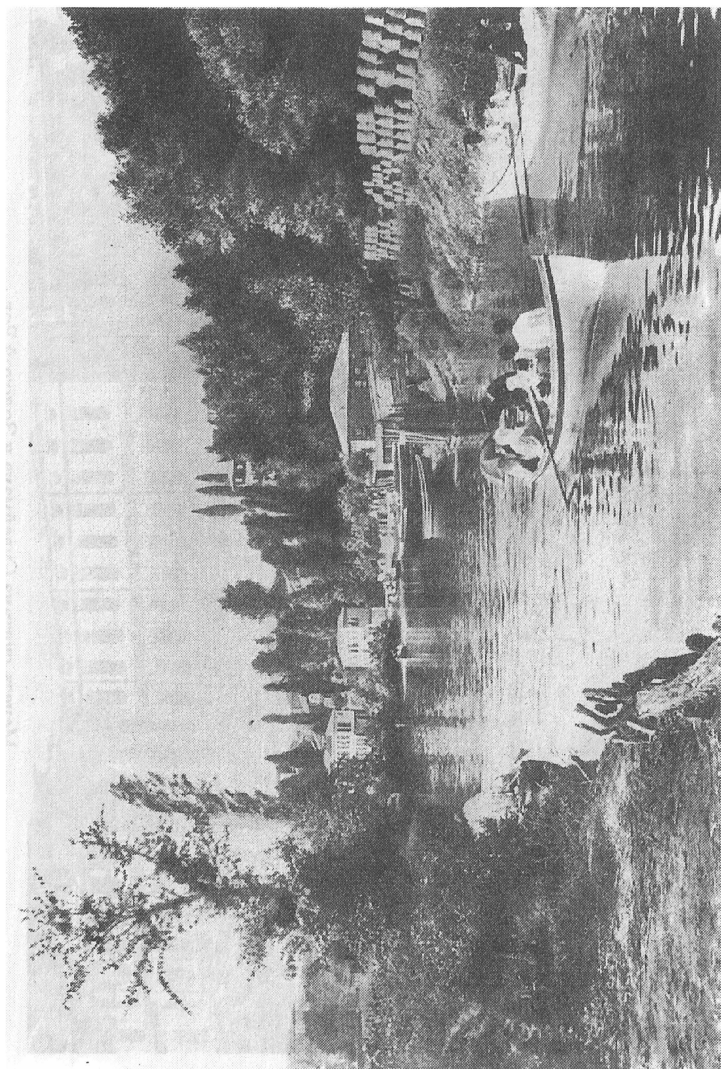
Крытый фонтан — гордость султана Ахмеда I (1603–1617).
 ...К воде в Османской империи относились как к святыне
 Снимок 1906 г.

Босфор в начале века. Башни крепости Румели Хисары

Мечеть султана Сулеймана и Золотой Рог

В Стамбуле все сложно... Снимок начала XX века

Глава 2

ОТКАТ РЕФОРМ. ОПИСАТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПОГРАНИЧНЫМ СОСТОЯНИЯМ В КОНФЛИКТЕ

Восточный кризис–1: война и политика

Очевидные неудачи паносманизма как политического инструмента османского центра сопровождались появлением новых тенденций во внутри- и внешнеэкономической политике турецкого правительства. 70-е годы начинались для Высокой Порты с явлений, которые современные исследователи называют проявлением внутреннего кризиса, а современники-турки воспринимали как наказание “свыше” за отход от принципов ислама, допущенный в период европеизации, в эпоху танзимата.

Называя 1871–1875 гг. кризисными, положившими конец правительственному реформизму — танзимату, современный турецкий историк, работающий в Канаде и США, Н. Беркес отмечает, что после смерти в сентябре 1871 г. последнего выдающегося реформатора Али-паши в борьбе исламизма, европеизации и национализма как главных идейных течений победил исламизм. Это означало победу правой реакции и одновременно шаг в сторону обострения положения в стране или, по оценке американского исследователя Р. Дэвисона, шаг в “период хаоса” 1871–1875 гг.

Неудачи ряда танзиматских мероприятий по укреплению международного престижа и военной мощи Османской империи, применение европейских достижений на турецкой почве, равно как и очевидная невозможность для реформаторов справиться с ростом национально-освободительных движений, наконец, ускорившаяся трансформация зависимого, но суверенного Османского государства в положение экономического

(см. ниже) и политического подчинения западноевропейским державам — все это привело к усилению в начале 1870-х гг. правых, консервативных кругов в правительстве.

По словам русского посла Н.П. Игнатьева, “старые турки доходили до крайности”. Крайности эти проявлялись в пересмотре в сторону ужесточения контроля административного деления, в усилении власти и влияния несколько ограниченных ранее исламских правоведов-улемов и приходу к власти лиц, как их называл Н.П. Игнатьев, “второстепенной значимости”, ориентировавшихся, как и султан Абдул Азиз, на монархические режимы с мощными военно-репрессивными аппаратами*. Такими были, по мнению султана, на рубеже 70-х гг. Пруссия и Россия.

Пруссия в течение полувека содействовала реорганизации сухопутной армии, средств связи турецкой армии. Прусские офицеры десятилетиями формировали преподавательские кадры в турецких высших пехотных училищах, стояли у истоков создания нового Генерального штаба Османской империи. Жесткая политическая линия О. Бисмарка в объединении Германии импонировала властолюбивому Абдул Азизу. Поражение Франции 1871 г. во франко-прусской войне было неоспоримым свидетельством победы того прусского духа и той сильной личной власти, которую успело впитать не одно поколение высших военных авторитетов османской армии и значительная часть губернаторов-вали, прошедших прусскую выучку во время службы в армии.

Кроме того, победы Пруссии над Австрией, затем над Францией рассматривались в Турции как свидетельство победы передовой техники в руках одной из малых стран Европы, к которым Порта причисляла себя, над двумя великими державами Европы. В Стамбуле

* По мнению отечественных исследователей, которое я разделяю, кратковременный период пребывания в начале 70-х гг. у власти реформаторского кабинета Мидхата-паши, опиравшегося на конституционалистов, усилил стремление правых сил в правительственных кругах к полноте власти, к силовым решениям.

многим казалось, что “молодая Германия займет место Франции в Восточном вопросе”. Парижская коммуна, в защиту которой выступала ненавистная султану и правым силам газета “новых османов” “Ибрет” (“Наставление”), воспринималась в правительственных кругах как окончательное падение Франции как великой державы.

Статьи в поддержку Парижской коммуны как формы организованной борьбы с тиранией появились и в различных турецких оппозиционных газетах в 1871 г. Впервые на старотурецком языке в феврале 1871 г. появилась работа К. Маркса, который упорно вещал о гибели Турции, не видя перемен, — письмо в редакцию “Дейли Ньюс” (январь 1871 г.) об угрозе, которую бисмарковская политика в отношении Франции несет для всей Европы. Сочувствия туркам или учета их роли в европейской политике здесь не было, но его непримиримость к великим державам, разоблачительность тона импонировали образованным туркам. Под влиянием эмигрантов, участников I Интернационала, Парижской коммуны и рабочего движения в Европе в 1871 г. в Стамбуле было основано первое рабочее общество, а год спустя состоялась первая рабочая забастовка, встревожившая власти не размахом, а участием в ней и мусульман, и христиан.

Очевидно, что в этих условиях симпатии Абдула Азиза и его окружения были на стороне “сильной” Пруссии, к тому же неизменно декларировавшей свою незаинтересованность в Восточном вопросе. В Стамбуле было также известно, что канцлер России А.М. Горчаков в июле 1870 г. получил поддержку О. Бисмарка в вопросе об отмене положений Парижского договора 1856 г. о нейтрализации Черного моря.

С учетом хорошо известного дипломатам Порты в Европе франко-прусского антагонизма и складывавшегося диктата Германской империи в Центральной Европе турецкое правительство взяло курс на сближение с сильнейшей в данный момент стороной, что представляло обычный прием турецкой внешней политики в новое время.

Однако в Стамбуле не учитывали, восторгаясь объединительной политикой О. Бисмарка, что с начала 1871 г. сближение и затем союз с Германией рассматривались в Австро-Венгрии как тыловое обеспечение экспансии на Балканы. Согласованность австро-германских действий по балканским вопросам и в целом по Восточному вопросу в начале 70-х гг. оказалась непреодолимым препятствием для турецкой дипломатии.

Министр иностранных дел Австро-Венгрии Ф. Бойст весной 1871 г. и его преемник Д. Андраши (с октября 1871 г.) сформулировали турецкое направление политики дуалистической монархии: аннексия Герцеговины и Боснии при поддержании статус-кво Османской империи как оружия в руках Австро-Венгрии (и Германии) против возрождения национальной государственности балканских народов. Учитывалось также, что только сохранение Османской империи обеспечит австро-венгерским торгово-промышленным кругам продолжение использования капитуляционного режима, спасительного для них в острой конкурентной борьбе на рынках Османской империи — как на Балканах, так и в Малой Азии и на арабских территориях. Режим капитуляций должен был быть использован при реализации обширных планов железнодорожного строительства, которые вынашивала австро-венгерская буржуазия.

Втягиваясь в новую расстановку сил в Европе, османские правящие круги сориентировались, следовательно, на Германскую империю и Австро-Венгерскую монархию, для которых Османская империя была либо разменной монетой в европейских комбинациях, либо объектом военно-политической и экономической экспансии.

Российское самодержавие с его жесткой централизацией бюрократического аппарата представляло второе важное направление интересов Абдул Азиза и его правого окружения в канун восточного кризиса. Тенденции сближения с Россией появились, как отмечалось выше, в турецкой дипломатии на заключительном этапе восточного кризиса 50-х гг. Во время работы париж-

ского мирного конгресса 1856 г. наметились пути отдельных согласованных действий России и Турции против ограничительной политики великих держав в области морских вооружений двух черноморских держав. Достигнутая неофициальная договоренность русских и турецких представителей на мирном конгрессе в Париже позволила, например, предотвратить появление военно-морских баз Англии и Франции в Черном море. Этот вопрос вновь возник во время восточного кризиса 70-х гг.

Уклончивость, осторожность России по ряду вопросов балканской и средиземноморской политики Высокой Порты в 60-х гг. (например, декларация о невмешательстве по Критскому вопросу в 1869 г.), отказ от поддержки турецких конституционалистов, наоборот, последовательная поддержка, оказанная Абдулу Азизу в вопросе о престолонаследии (несущественном, с точки зрения западных держав), незначительность уровня экономического внедрения России в Турцию и, несомненно, выдающиеся личные качества русского посла в Стамбуле Н.П. Игнатьева, демонстрировавшего неизменно уважительное отношение к стране пребывания и ее обычаям, — все это вместе взятое определяло рост влияния России в Стамбуле.

Русско-турецкое сближение происходило на консервативной основе — борьба против развития революционного движения в любой его форме. Тем не менее оно оказывало объективно стабилизирующее воздействие на международную среду в целом и в регионе Причерноморья в частности. В периоды русско-турецкого сближения начинались и осуществлялись все внутренние преобразования в Османской империи, начиная с реформ Селима III в 90-х гг. XVIII в. и до начала 70-х гг. XIX в. Росла международная торговля, укреплялись, используя мир и реформы, силы национального возрождения на Балканах. Рос авторитет России, ее экономический потенциал через развитие производительных сил Юга России в условиях гарантированного и безопасного выхода в Черное и Средиземное моря через Босфор и Дарданеллы.

Это же обстоятельство ускорило формирование элементов кризисной политики держав Западной Европы после 1871 г., усилило стремление Англии, Австро-Венгрии, Германии, Франции пресечь рост русского влияния — и на данном этапе, и как тенденцию в последующей политике Османской империи. Политика блокирования русско-турецкого сближения не была исключительной чертой кризиса 70-х гг. Но именно на данном этапе развития Восточного вопроса она проявилась с особенной резкостью и негативными последствиями для Балкан — ограничение Болгарии на Берлинском конгрессе и др.

Пиком русского влияния были 1874–1875 гг. В самом начале восстания в Боснии и Герцеговине султан Абдул Азиз в первый и последний раз в истории русско-турецких отношений предложил послу Н.П. Игнатьеву подготовить проект реформ для христианских подданных и высказывался за союз с Россией, выражая недовольство коллективными демаршами западных держав. Россия менее болезненно, чем Англия и Австрия, реагировала на доктрины османизма и исламизма, хотя и то, и другое затрагивало ее интересы во владениях, населенных мусульманами. В сентябре 1872 г. Германия, Россия и Австро-Венгрия, т.е. те державы, на которые начала переориентацию Высокая Порта, согласовали общую линию в Восточном вопросе. Внешне она представлялась вполне миролюбивой в отношении Османской империи. Высокой Порта было известно, что берлинское свидание трех императоров посвящено западноевропейским проблемам.

Однако, отшатнувшись от союзников по распавшейся “крымской коалиции” — Англии и Франции, османская империя приобрела новые ориентиры, столь же ненадежные, столь же далекие от учета ее интересов, как и прежние. Один из участников “крымской коалиции” — Габсбургская Австрийская монархия, наиболее непоследовательный союзник в ходе предыдущего восточного кризиса 1850-х гг. был, хотя и в зависимости от молодой Германской империи, среди новых политических ориентиров Высокой Порты.

Все осложняющие и негативные элементы в структуре отношений Порты с Веной перешли, следовательно, в, казалось бы, новый этап внешней политики Турции и отягощали структуру кризиса.

Постепенно и почти незаметно Османская империя начала втягиваться в новый этап обострения Восточного вопроса. Осенью 1870 г. международная обстановка в Западной Европе и на Ближнем Востоке давала России возможность покончить с ограничительными статьями Парижского мира — запретом России и Турции держать флот в Черном море. В сентябре–октябре 1870 г. Франция потерпела сокрушительное поражение в войне с Пруссией. В начале августа 1870 г. Н.П. Игнатьев успел провести с доживавшим последние месяцы жизни великим везиром Али-пашой “академическую и неофициальную” беседу о перспективах, которые открылись бы перед Россией и Турцией в случае пересмотра ограничительных статей Парижского мира. Давние друзья и единомышленники в том, что касалось укрепления позиций каждой из двух стран как суверенных причерноморских держав, они достигли договоренности о благожелательной позиции Высокой Порты.

Это стало известно европейской прессе буквально немедленно. Пруссия завершила Россию, что считает ее претензии к пересмотру договора 1856 г. законными. 19 (31) октября 1871 г. канцлер России А.М. Горчаков направил всем державам циркулярную ноту, в которой сообщал, что Россия не считает себя более связанной запретами держать военный флот в Черном море. В отдельном приложении к циркуляру, направленном в Стамбул, содержалось обращение непосредственно к султану Османской империи как юридическому лицу, подписавшему Отдельную и Дополнительную конвенцию 1856 г., определявшую количество и тоннаж судов каботажного плавания в прибрежных водах, об отказе от таковой Конвенции.

В документе проводилась мысль о том, что Россия не намерена “возбуждать Восточный вопрос” и готова выполнить “главные начала договора 1856 г.” на основе

подтверждения или составления нового договора. Со-держалось также указание на постоянную с 1856 г. опасность прохода военных кораблей нечерноморских держав в Черное море, хотя бы и в военное время и с согласия Порты. Говорилось, что это могло бы нарушить нейтралитет Проливов как части турецкой суверенной государственной территории. Тем самым турецкое правительство и вся Европа подводилась к мысли — отменой нейтрализации Черного моря Россия защищает не только свои интересы, но и заботится о сохранении сложившегося и закрепленного договором 1841 г. статуса Черноморских проливов.

Обращением к Османской империи о прекращении действия Конвенции об ограниченной численности военных кораблей двух держав Россия как бы приглашала Высокую Порту к совместной акции — отказаться от взаимоограничивающих и ущемляющих интересы России и Турции статей Парижского договора. По дипломатическим каналам через Лондон и Вену и непосредственно в Стамбуле через Н.П. Игнатьева Петербург дополнительно свидетельствовал, что Россия исключает в своей политике на Востоке какие-либо враждебные акции против Османской империи. Одновременно Н.П. Игнатьев, известный и последовательный сторонник прямых русско-турецких переговоров по Восточному вопросу, активизировал переговоры с Али-пашой по широкому кругу вопросов, касавшихся укрепления доверия и взаимопонимания между двумя соседними странами.

Первая реакция Стамбула на горчаковский циркуляр была вполне такой, какую хотели бы видеть бывшие союзники — Лондон и Вена. Стамбул глухо молчал, не отвечая на ноту Горчакова, но призвал на военную службу запас первой категории. Однако в течение октября–ноября 1879 г. военная тревога в Стамбуле, которую привычно стимулировал английский посол Г. Эллиот обещанием английской помощи в случае конфликта с Россией, улеглась.

Сторонник прямых контактов с Россией Али-паша последний раз в своей жизни (ему оставалось жизни не-

сколько месяцев) сумел положить руль турецкой политики курсом “на мир с Россией и умеренные реформы для христиан”. Султан лично заверил Н.П. Игнатьева, что первым он военные действия против России не предпримет. Турки как бы закреплялись в позиции соавторов отказа от столь долго вынашивавшегося в Лондоне запрета на вооруженное присутствие черноморских держав в собственных территориальных водах. Британская конструкция отбрасывания России на Ближнем Востоке и на Балканах рушилась. В Лондоне негодовали и печатали статьи с призывом активизировать действия против России.

В Вене крайне негативно восприняли знаменитый циркуляр, расценив его как повод к войне. Позиция Порты рассматривалась канцлером Ф. Бойстом как полное отступление от Крымской системы и нежелание иметь гарантии со стороны своих союзников по войне 1854–1856 гг.

“Вы приносите нам войну”, — с горечью заметил Али-паша в беседе с Н.П. Игнатьевым в конце ноября 1870 г. Мудрый великий везир ошибался. Не Россия неслла войну. Конфликт зрел вне русско-турецких отношений. Усилились столкновения в правительственных кругах Турции — проавстрийская группировка настаивала на сближении с Австро-Венгрией и, соответственно, с Англией и на демаршах против отмены нейтрализации. Прорусская группировка в составе самого султана, всесильной валиде-султан (матери правившего султана Абдула Азиза), нескольких сторонников великого везира Али-паши: министры финансов, торговли, военный министр и, что особенно раздражало британского посла, представитель фактически независимого египетского хедива при Высокой Порте поддерживали требования России.

Если учесть, что в правящих кругах османской империи обострилась борьба сторонников реформ и конституционалистов против, по выражению Н.П. Игнатьева, “сильной старотурецкой партии”, требовавшей прекратить гяурские реформы, опереться на Россию, которая

их не одобряла, и отказаться от ориентации на разгромленную Францию и “ненадежную” Англию, откровенно ожидавшую династической войны за трон Османов, а тем временем проникшую в сердце исламских владений — в Аравию и Месопотамию, то некий призрак войны действительно возникал в накаленной атмосфере Стамбула, правда, внутренней, гражданской, связанной с обострением политического кризиса конца 60 — начала 70-х гг. XIX в. в Османской империи.

Не только фактически согласованный отказ двух черноморских держав от права на защиту морских рубежей вызывал повышенное внимание Лондона к Восточному вопросу.

В различных странах Востока, оказавшихся в середине XIX в. под колониальным гнетом, зрели идеи общемусульманского единства в борьбе против иноземных угнетателей — англичан, голландцев, французов и др. Самостоятельная Османская империя, султан которой по традиции являлся одновременно халифом — духовным главой всех мусульман, становилась своеобразным притягательным центром общемусульманского стремления к освобождению. В Стамбуле появлялись мусульманские делегации из Кашгара и с о. Суматры, из Синцзяна и Коканда. В правительственных кругах Османской империи росту освободительных движений балканских народов, усиливавшемуся внедрению западных держав в экономику и политику, наконец, физической невозможности контролировать отдаленные арабские земли стремились противопоставить весьма “своевременно” для Порты усилившееся тяготение “исламских земель” к единению.

Кроме того, взгляды некоторых теоретиков исламизма, отрицавших вместе с колонизаторской политикой значение западной цивилизации для стран Востока, удачно вписывались в призывы османских ретроградов отказаться от “европеизации”. Исламистские иллюзии питали и некоторые деятели “новых османов” как способ восстановить призрачное единство империи, противопоставить некую общую идею исламизма распространению на балканских землях панславизма.

Практическое “возрождение халифата”, точнее, использование Портой нового оружия в старых целях — подавления освободительных и сепаратистских тенденций на отдаленных землях — начало осуществляться прежде всего на территории фактически независимой юго-восточной Аравии, на побережье Персидского залива. Турецкая печать размышляла вслух о перспективах объединения мусульман под контролем османского султана — халифа Египта, Туниса, сопредельных Британской Индии районов Среднего Востока, что дало бы возможность оказать влияние на положение дел в Азии и в Восточной Европе. Это уже был прямой вызов Англии, угроза ее владениям, как реальным — Индия, так и перспективным — побережье Красного моря, Египет. Тем более, что вызов прозвучал в условиях наметившегося русско-турецкого сближения, что могло существенно осложнить действия Англии в Центральной Азии.

Османизм как основа общеимперского единства и укрепления страны в применении к балканским провинциям был принципиально опасен для экспансионизма Австро-Венгрии на Балканах, равно как и русско-турецкое сближение.

Исламистские тенденции в идеологии и во внешней политике Османской империи представляли угрозу британским интересам на Востоке. Бывший союзник и объект бесчисленных проектов реформ, направленных на приспособление турецкой экономической и политической машины к интересам Британской империи, Высокая Порта становилась по меньшей мере неудобна для дальнейших планов Лондона. “Никто в Англии не думает уже о “спасении” Турции от разрушения”, — писал французский дипломат из Лондона. Пройдет всего шесть лет, и в разгар восточного кризиса, в сентябре 1876 г. один из руководителей внешней политики Англии Р. Солсбери в сердцах напишет в доверительном письме, что он “оплакивает” Крымскую систему и хочет изгнания турок из Европы. “Злополучный Парижский договор, — сетовал Р. Солсбери, — обязывает нас уважать интегритет Турции”. Узел, завязанный войной

1853–1856 гг., мог разрубить только меч. Кто первым поднимет его?

В 1875–1876 гг. в Лондоне появится серия проектов раздела Османской империи, будет обсуждаться даже, как отвлекающий маневр, вопрос о соглашении Англии и России по вопросу о разделе Турции. Королева Виктория в 1876 г. будет провозглашена императрицей Азии — уж не в противовес ли турецкому султану — главе всех мусульман Азии? Раздел Турции начнется в 1878 г. — Англия захватит Кипр, подготовит и вскоре осуществит аннексию Египта. Австро-Венгрия оккупирует Боснию и Герцеговину. Прорусские настроения Стамбула уйдут в небытие вместе с последним султаном-реформатором Абдулом Азизом и его сподвижниками.

Впереди были заря надежд балканских народов — Сан-Стефано и сумрак разочарований — Берлинский конгресс. На заключительной стадии восточного кризиса 70-х гг. вмешаются державы, и вновь начнется бесконечный раздел “османского наследства”...

Тогда, осенью 1870 г., Османская империя только начала втягиваться в оказавшийся концом как танзимата, так и неправительственного реформизма восточный кризис. Она отшатнулась от прежних союзников, но не сблизилась достаточно прочно с объектами своей новой ориентации. “Крымская система”, противоречия, порожденные ею, продолжали сказываться. Если Парижский мир 1856 г. лишь мешал Солсбери, то уж Высокая Порта на нем споткнулась, и западные державы не замедлили этим воспользоваться.

В январе–феврале 1871 г. притихшая Европа наблюдала, как Бисмарк расправляется с Францией. В Лондоне тем временем (17 января 1871 г.) собралась международная конференция держав, участвовавших в Крымской войне, а также Пруссии. Предстояло принять в качестве международного документа решение России, неофициально согласованное с Османской империей, об отмене нейтрализации Черного моря. Однако проблема стояла существенно шире, и острота полемики,

которая там развернулась, противоречит суждению А. Дебидура о “вялом” характере работы.

Прежде всего остроту положению придавало присутствие на ней двух противников — Франции и Пруссии, перемирие между которыми было заключено только 31 января 1871 г. Это могло придать конференции, посвященной, собственно, одному из аспектов Восточного вопроса, непредсказуемый характер; например, Франция могла обратиться за помощью против прусской агрессии к союзникам по Крымской системе.

Англия шла на конференцию, получив недвусмысленный отказ О. Бисмарка поддержать Лондон в намерении гальванизировать англо-австро-французский договор от 15 апреля 1856 г. Согласно последнему, нарушение Парижского договора или угроза такового действия со стороны России должны были вызвать коллективные акции членов этого военно-политического союза, заключенного после подписания парижского мира и вне договоренности с Османской империей.

Обойти этот договор Англии напрямую также не удавалось. “Злополучный Парижский договор” (Солсбери), отягощенный “глупостью” договора от 15 апреля 1856 г. (Грэнвилл), а в конечном итоге и независимый союзник — Порты мешали Англии. Грэнвилл выяснил, что Порты готова получить новый заем, но воевать с Россией отнюдь не собирается и никоим образом не будет компенсировать усердие Лондона в борьбе за сохранение равно ущемленных на море — победителя — Порты и побежденного Петербурга. Лондон предложил принцип полного открытия Черноморских проливов, изъяв вопрос из юрисдикции султана. Россию хотели привлечь перспективой постоянного прохода ее военных кораблей в Средиземное море, Турцию — “обеспеченным покоем”. Учитывая отсутствие флотов на Черном море у России и Турции, подобный план означал бы, в случае его принятия в Петербурге и Стамбуле, заведомо полное господство могучего флота Англии в Проливах и в Черном море. Представитель России уклонился от решительного ответа. Стамбул отве-

тил решительным отказом и тем определил свою независимую позицию на Лондонской конференции.

Австро-Венгрия решила воспользоваться Лондонской конференцией и сделать еще один шаг на Балканы. Вена ушла от обсуждения проблемы возрождения тройственного союза 1856 г. и предложила обсудить вопрос о судоходстве по Дунаю, имея в виду собственно обеспечение австрийского судоходства.

По поводу Лондонской конференции А. Дебидур, которого затем не раз повторяли другие авторы в новейших исследованиях, писал: "Турция не шла в расчет". Действительно, западные державы не ожидали встретить жесткую и независимую линию турецкого представителя, опытного дипломата, многолетнего посланника Порты в Лондоне Костаки (Константина) Мусуруса-паши, поддерживавшего телеграфный контакт напрямую с личным кабинетом Абдул Азиза. Турецкий представитель сделал неожиданное (на втором заседании 24 февраля 1871 г.) заявление о том, что Османская империя не рассматривает нейтрализацию Черного моря как нарушение своего суверенитета. Порта готова сохранить этот принцип, но идет на уступки России и участвует в переговорах во имя добрососедских отношений и если получит необходимые гарантии сохранения территориальной целостности и безопасности. Тогда, по словам Мусуруса-паши, турецкая сторона была бы готова обсудить предложения о пересмотре отдельных статей Парижского трактата.

После такого заявления о работе конференции как "о чистой формальности" (именно этого хотели в Петербурге и в Берлине) не могло быть и речи. Участники конференции втянулись в обсуждение самого острого и для Османской империи, и для России вопроса о статусе Проливов. Если вспомнить, сколь остро стоял в те дни вопрос о положении в разгромленной Пруссией Франции, следует признать, что Порта сумела заставить державы слушать себя в особо сложный для Европы период.

Необходимо вспомнить также, что Порта по существу возвращала на тридцать лет назад державы в том же

составе (добавилась Италия), в котором они установили режим Черноморских проливов на Лондонской конференции 1841 г. Конвенция от 13 июля 1841 г. была актом коллективного изъятия режима Проливов из юрисдикции Высокой Порты. Она ввела в действие принцип закрытия Проливов для военных кораблей всех держав. Ограничительный для Порты режим Проливов гарантировался великими державами.

Через тридцать лет, в 1871 г., Османская империя воспользовалась ситуацией для пересмотра очевидного в своей дискриминационности сговора держав по проблемам, составляющим неотъемлемую часть суверенитета Османской империи. Согласно Дополнительной конвенции к Парижскому мирному договору, Проливы были закрыты для военных кораблей всех держав, “доколе Порта будет находиться в мире”. Следовательно, ограничения турецкого суверенитета, хотя и в меньшей степени, сохранялись и после 1856 г.

В ходе конференции 1871 г. Османская империя предприняла решительные шаги для того, чтобы не оправдавшей себя Крымской системе союза с Англией, Францией, Австро-Венгрией противопоставить договорно закрепленные отношения с другими державами. Вопрос о Проливах, казалось, давал для этого все возможности.

Однако стереотипы Крымской войны довели над представителем России 80-летним Ф.И. Бруновым, который упрямо не сотрудничал с Мусурусом-пашой, хотя последнему такое сотрудничество вменялось в обязанности султаном, и Мусурус искал контакта с русским послом, сдерживая личные обиды. Английский и австрийский представители сообща противодействовали оставшемуся в одиночестве Мусурусу-паше. Прусский и итальянский представители также проигрывали свои варианты политических решений по европейским вопросам и Мусуруса-пашу буквально игнорировали.

Тем не менее настойчивости Мусуруса-паши следует отдать должное, когда он отверг предложение Австро-Венгрии, согласованное с Англией, — в качестве гаран-

тии безопасности Порты содержать в Черном море объединенную эскадру западных держав, “равносильную” русскому флоту, либо создать союзную военноморскую базу в Синопе (повторялась идея эпохи Парижских переговоров 1856 г.).

Жесткая дискуссия разгорелась вокруг статьи, определявшей, кому именно — дружественным или “неприбрежным” (к Черному морю) державам будет иметь право открывать Проливы турецкое правительство. На первом определении настаивала Россия. На втором — Англия и Австро-Венгрия. Сумев настоять на формулировке, позволявшей открывать Проливы не только “неприбрежным”, что было направлено явно против России и против Турции, так как ограничивало свободу политического выбора султана, но “дружественным и союзным державам”, Мусурус-паша добился успеха. Османская империя зафиксировала в договоре право по своему усмотрению открывать Проливы в мирное время военным судам “дружественных и союзных держав” и устанавливать таким образом круг союзных держав в перспективе вне рамок Крымской системы, а также окончательное упразднение лондонских ограничений 1841 г. Упоминание об открытии Проливов “дружественным и союзным” государствам “в том случае, если бы это было признано необходимым для выполнения постановлений Парижского договора 30 марта 1856 г.”, оставалось формальным, так как не определяло, кто именно будет производить “признание необходимым”.

Столь же твердо турецкий представитель отверг поддержанное Ф.И. Брунновым австрийское предложение об увеличении числа военных кораблей карантинной службы в низовьях Дуная. По согласованию с Россией вопрос о Дунае был перенесен на рассмотрение особой европейской комиссии, что дало Порте столь важную для нее возможность участвовать в работе еще одного международного форума.

В начале марта 1871 г. был подписан Лондонский протокол, по которому снимались ограничения на со-

здание в Черном море русского и турецкого флотов. Черное море подтверждалось как открытое для международной коммерческой навигации, что отвечало интересам всех стран, торговавших с Россией и Турцией. Продлевалась деятельность международной Дунайской комиссии. Это были положительные факторы стабилизации положения в регионе Ближнего Востока и Балкан.

Однако Высокой Порте не удалось полностью выйти из-под контроля бывших союзников. Сохранялся, хотя и расширенный за счет Италии и Германии, “концерт” европейских держав по Восточному вопросу.

Рокот турецкого барабана перекрывался медью (и сталью) Пруссии и Австро-Венгрии, а основную партию вела первая скрипка — Англия. Самостоятельная партия, которой добивался турецкий участник “концерта”, породила острое недовольство Англии и Австро-Венгрии, наиболее непримиримо выступавших на заключительном этапе восточного кризиса 70-х гг. и реализовавших захваты османских владений в Восточном Средиземноморье и на Балканах.

Принцип интернационализации вопросов, связанных с Османской империей, провозглашенный Лондонской конвенцией 1871 г., перевел международные отношения в ее регионе в фазу нарастающего столкновения непримиримых противоречий.

Восточный кризис–2: война и экономика

Новый этап обострения Восточного вопроса последовал непосредственно за очередным экономическим кризисом, разразившимся в 1873 г. Если основные западноевропейские участники предшествующих этапов Восточного вопроса — Англия, Франция, Австро-Венгрия, Пруссия, а также Россия (с определенной спецификой) — в 1860–1870-х гг. обладали необходимой экономической мощностью для широкой колониальной экспансии, и нарастала потребность в новых рынках и новых источниках сырья для тех картелей, “широкая полоса

развития” которых совпала с восточным кризисом 1870-х гг., то Османская империя также претерпевала значительные сдвиги.

За четверть века, с начала 1850-х гг., когда восточный кризис перерос в Восточную (Крымскую) войну, до его обострения в середине 1870-х гг. в балкано-малоазиатском регионе Османской империи произошли существенные социально-политические сдвиги.

Завершение первого и начало второго этапа танзимата объективно совпало с завершением промышленного переворота в Западной Европе, который фактически превратил мир в две неравноценные по социально-экономическому и политическому влиянию части. В одной условной части мира оказались Англия, Франция, другие индустриальные страны. В другой — докапиталистические, колониальные и зависимые страны.

Для региона Османской империи это означало закрепление ее прогрессирующего отставания в сфере экономики и дальнейшее ослабление в роли субъекта международной политики.

Социально-экономическое развитие Османской империи в основе своей имело богатые потенциальные возможности. К 70-м гг. XIX в. более чем на 3,4 млн км² проживало более 30 млн человек, из них не менее $\frac{1}{3}$ составляло население богатой и густонаселенной Европейской Турции (около 372 тыс. кв. км). В середине 70-х гг. численность немусульманского населения составляла 5,7 млн человек.

Пестрота этноконфессионального состава населения Османской империи, характерная в предшествующие периоды, в последней трети XIX в. усилилась и приобрела дополнительную сложность. После Крымской войны было образовано 27 вилайетов. Большая часть вновь организованных вилайетов в европейской части империи, такие, как Дунайский, Адрианопольский, Боснийский, Герцеговинский, Монастырский, Салоникский, Янинский, мало учитывали этническую структуру населения. Их создание и функционирование, многочисленные произвольные изменения границ отвечали ин-

тересам турецкой административной службы, нередко личным интересам пашей, но отнюдь не отвечали потребностям и интересам складывавшихся наций.

Более того, в произвольном подходе Высокой Порты к административно-территориальному делению Европейской Турции были заложены тлевшие угли ряда вооруженных конфликтов, ослабившие единство балканских народов перед лицом турецких угнетателей и европейских держав в 1875–1879 гг.

Порохом и кровью отзывается это разграничение в 1990-х гг. в противостоянии политических и военных сил на современных Балканах.

Тенденции к территориально-административным экспериментам турецких властей были одним из проявлений общей централизации административно-бюрократической османской системы эпохи реформ. Внешне эта централизация власти выглядела как проведение в жизнь хатт-и хумаюна 1856 г., открывшего второй этап танзимата. По общему установившемуся мнению турецких историков, с 1871 г. (после смерти последнего выдающегося реформатора Фуада Мехмеда Али-паши) в управлении государством баланс влияния между Портой и султаном качнулся в сторону султана, личной авторитарной власти султана Абдула Азиза. Процесс реформирования начал быстро свертываться.

Однако европеизация высшего административного звена, приближение к европейским образцам местных, провинциальных органов управления, расширение компетенции светских судов в ущерб шариатским (мусульманским) носили более отвлеченный от нужд страны характер, чем постановления Гюльханейского хатт-и хумаюна 1839 г., открывшего первый этап танзимата (1839–1856 гг.).

* * *

Имитационность, привнесенность постановлений хатт-и хумаюна 1856 г., принятого под давлением держав как одно из условий прибывания Османской империи в чис-

ле держав-победительниц в Крымской войне, достаточно хорошо освещены в предшествующих главах.

Высокая Порта стремилась каким-либо образом продемонстрировать суверенность внутренней политики и способность выйти из глубокого кризиса. Поскольку представителям Османской империи капитуляционный режим не удалось не только ограничить (хотя на Парижском мирном конгрессе они и пытались это сделать), но даже затронуть, оставалась единственная сфера социально-политической жизни для декларативного утверждения султанского суверенитета — точнее, абсолютистских тенденций.

Статус немусульманских миллетов (общин), умножившихся в 40–50-х гг. под давлением западно-европейских держав, которые стремились превратить миллеты в очаги своего влияния, был пересмотрен к началу 70-х гг. в сторону сокращения самоуправления и снижения степени влияния на выработку решений местных и центральных органов турецкой власти. По сравнению с предшествующим периодом усилилось вмешательство властей на уровне вали, мухафизов и дефтердаров вилайетов в вопросы хозяйственной и религиозно-культурной жизни миллетов, включая перевод священнослужителей на определяемое Портой жалование.

Подобные ограничения, проводившиеся к тому же под лозунгом укрепления османского единства и принудительного стирания этнорелигиозных различий, не достигали цели — укрепления централизаторских начал. Одновременно они усиливали сопротивление немусульманских низов, которые в реальной жизни сталкивались не с широковещательными призывами к единству “тебаа” — всех османов, якобы равно защищаемых османским законом, а с репрессивной практикой по типу янычарских времен. Абсолютистские централизаторские поползновения Стамбула вызывали острое беспокойство европейских держав, опасавшихся утратить столь важный канал влияния, какими были христианские миллеты.

Меморандум русского правительства (апрель 1867 г.) Высокой Порте с предложением привести администра-

тивно-территориальное деление в соответствие с национальным признаком и представить новым территориальным единицам ограниченную автономию встретил острую отрицательную реакцию Порты и внес замешательство в дипломатические круги в Стамбуле.

Ограничительная политика Порты в этноконфессиональном вопросе объективно вносила напряжение в нараставший кризис. Однако следует заметить, что в отношениях с миллетами Порты руководствовалась не только общеполитическими, но и сугубо внутривнутриполитическими соображениями — необходимостью пресечения сектантской внутриобщинной борьбы, которая раздирала “рум миллети” — православную общину, как и общину армян, и использовалась державами.

Одновременно турецкое министерство финансов стремилось наладить контроль за огромными денежными средствами, сосредоточенными в руках верхушки миллетов, направить их на цели укрепления централизаторских начал.

Необходимость для Порты учитывать рост национально-освободительной борьбы народов и стремление сохранить свое влияние среди них, используя сложившуюся систему религиозно-политического контроля, появились в период обострения болгарского церковного движения за самостоятельную национальную церковную организацию.

В начале марта 1870 г. Высокая Порты особым ферманом провозгласила создание болгарского экзархата — болгарской церкви, выводимой из-под контроля верхушки греческого духовенства Османской империи, тесно связанного, как известно, с турецкими властями в течение столетий. При этом не прекращавшаяся борьба в Боснии, вскоре ставшей эпицентром кризиса, за отделение местной православной церкви (и соответственно школы) от власти протурецкой Вселенской патриархии заставляла Порту искать пути решения кризисных ситуаций в создании дополнительной напряженности, межгрупповой разобщенности.

В сентябре 1871 г. в Стамбуле состоялся чрезвычайный собор, организованный протурецки настроенными

греками — руководителями “рум милleti”, т.е. православной общины в Османской империи. Он провозгласил болгар схизматиками, бунтовщиками против султана, так как они отступали от утвержденных султанской властью канонов Константинопольского патриархата. Однако сломить усиливавшееся со дня на день болгарское освободительное движение Порты уже не смогла.

14 декабря 1872 г. первый глава — экзарх болгарской автокефальной православной церкви Анфим Видинский получил султанский берат об утверждении в должности. Экзархат стал своеобразным новым звеном политической структуры на болгарской земле, более значительным, чем миллеты, так как учитывал национальные традиции и охватывал этнически компактную массу болгарского населения. *Это был подлинно этапный социокультурный сдвиг.*

На заключительном этапе борьбы за национальную церковь в Болгарии значительную роль сыграла дипломатия России. Это же обстоятельство усилило конфликтность в отношениях Порты и России, западноевропейских держав и России. В основе ее лежали рост национально-освободительной борьбы болгарского народа и борьба Высокой Порты и держав за его подавление или подчинение своему влиянию.

После первой победы сил национального возрождения в Болгарии, какой стал экзархат, напряженные отношения между другими миллетами и Портой сохранились, равно как и нарастало национально-религиозное обособление народов Османской империи. “Вершиной” секуляризационной политики Порты в отношении миллетов стал указ 1878 г., по которому, впервые за 500 лет угнетения, сношения миллетов с Портой стали осуществляться не через традиционную схему — реис-эфенди и его ведомство иностранных дел, а через министра юстиции, т.е. наравне с делами и вопросами обеспечения личных прав и свобод, гарантий имущества всех подданных. Заметим, что указ 1878 г. был принят в условиях крайнего обострения Восточного вопроса как попытка Порты выйти из стадии кризиса отношений с собственными подданными.

Перед лицом “европейского сообщества”, членом которого Порты считала себя с 1856 г., она была вынуждена считаться как со своими собственными указами о равенстве подданных, так и с несомненным опытом, высокой общей культурой, деловыми связями представителей немусульманских миллетов.

Накануне и в период восточного кризиса 70-х гг. греки и армяне входили в Высший Совет юстиции, в Государственный совет, в комитет по выработке конституции 1876 г. Грек Костаки Мусурус-паша был послом в Лондоне в разгар кризиса; в 1878–1879 гг. турецкий МИД возглавлял грек Александр Каратеодори-паша. Как правило, все они деятельно защищали интересы Высокой Порты.

Бюрократический аппарат Османской империи был действительно многонациональным, но отнюдь не представлял в годы восточного кризиса интересы складывавшихся наций в тесных рамках Османской империи.

В начале 1870-х гг. все еще дискутировался вопрос о привлечении христиан в турецкую армию, поставленный европейскими представителями в Стамбуле перед Крымской войной. Более чем 300-тысячная в начале 70-х гг. турецкая армия, обученная и оснащенная по современным французским и прусским образцам, и турецкий паровой военный флот (третий по численности боевых кораблей в Европе) обладали высокой боеспособностью. Были учтены уроки войн 1828–1829 гг. и 1853–1856 гг., включая попытки создания инонациональных формирований в составе турецкой армии. Всем проектам привлечения христиан в армию в порядке либо рекрутского набора, либо в добровольные подразделения в случае войны, обсуждавшимся в турецких правительственных кругах, был предпочтен набор мусульман-нетурок (арабы, курды), а также денежный налог, заменивший пресловутый харадж для немусульман, однако столь же унижавший христиан и ставивший их в положение подданных второго сорта.

Позднее, в 1876 г., христианам было отказано в приеме в военные учебные заведения по личному указа-

нию Абдула Хамида II. Такими мерами христиане лишались основы национальных формирований, оставаясь в пределах османского суверенитета. Получив независимость или автономию, бывшие подвластные территории на Балканах уделяли созданию национальных армий и амбициозным военным приготовлениям неоправданно много средств и внимания, нередко осложняя отношения между собой и на Балканах в целом. Эти обстоятельства, не будучи в числе главных, тем не менее негативно отразились в период нового обострения восточного кризиса.

Нагнетанию конфликтных отношений между Высокой Портой и находившимися от нее в вассальной зависимости Сербией и Румынией послужили, в частности, планы Порты (1872 г.) объединить все три армии под общим турецким командованием. Сербии и Румынии предполагалось дать некоторые территориальные и финансово-торговые компенсации, включая отмену действия капитуляций.

Эти планы поддерживал английский посол в Стамбуле Г. Эллиот как отвечающие интересам Англии на Балканах. Территориальные приращения под эгидой Османской империи вдохновляли часть крупных торговцев и землевладельцев в Сербии, меньше — в Румынии. Планы Порты, однако, провалились, а дополнительные элементы конфликтности в отношения между соседними государствами Балкан были внесены.

Продолжавшаяся модернизация турецкой армии и создание броненосного флота, любимого детища султана Абдула Азиза, осуществлялись главным образом за счет внешних займов, что к 1872 г. привело к увеличению внешнего долга в 14 раз по сравнению с 1862 г. и многократно ухудшило отношения Порты с соседними черноморскими и средиземноморскими странами. В годы восточного кризиса с особой остротой сказывалась порочная в основе политика срочной военной мобилизации финансовых ресурсов. Прямым путем к полному истощению материальной базы вилайетов были откупа налогов, срочные и чрезвычайные налоги,

из которых, по современным турецким оценкам, до $\frac{2}{3}$ оседало в казне местных пашей, “по-своему” отвечавших на централизаторские поползновения фиска.

Кризисное состояние экономической жизни империи в середине 70-х гг. проявлялось, в частности, в том, что хронический дефицит бюджета покрывался только за счет внешних займов, предназначавшихся в большой доле на военно-политические акции Порты. Их общая сумма к моменту объявления банкротства Порты в 1875 г. превысила, по оценке турецкого историка, 5 млрд франков. Выплата процентов и амортизация государственного долга Османской империи в начале 70-х гг. достигала трети, а в разгар кризиса — половины всех государственных доходов. Держатели облигаций османских займов в Западной Европе утратили к ним интерес, в прессе звучали раздраженные призывы — заставим турок расплатиться.

Крупные банковские дома, интересовавшиеся с 1829–1830 гг. размещением османских займов, отказывались иметь дело с несостоятельным должником, который должен был подтвердить свою хотя бы военную потенцию.

Внешние займы оказались вторым “надежным” путем к потере экономической независимости в рамках постоянного кризиса 1870-х гг.

6 октября 1875 г. Высокая Порта объявила об отсутствии средств для погашения внутреннего и внешнего долга. Менее чем через год в условиях обострения восточного кризиса все выплаты были прекращены. Банкротство финансовое и политическое, к которому империя скатывалась, начиная с первых военных займов периода обострения Восточного вопроса в 1854–1855 гг., у союзников по Крымской коалиции, завершилось в условиях очередной фазы обострения все того же Восточного вопроса.

Военно-политические факторы определили участие Порты в Крымской коалиции с Англией, Францией и Сардинией в период восточного кризиса 50-х гг. Займы тех лет должны были обеспечить соответствующий

уровень участия Османской империи в военном союзе с могущественными державами Запада. В новых исторических обстоятельствах биржевой крах 1873 г. и мировой циклический кризис перепроизводства со всей силой обрушились на периферийную, зависимую от внешних условий (спрос на сырье, внешнее финансирование — займы, ссуды и т.д.) аграрную экономику Османской империи. Как в союзнике великие державы в ней не нуждались. Внешней финансовой поддержки Порты получить не могла, внутренние источники либо были исчерпаны (новые налоги вызывали лишь новые восстания), либо использовались непроизводительно, в соответствии с представлениями феодального общества — на подавление освободительных движений, на содержание ослепительного султанского двора, громоздкого бюрократического аппарата, модернизированной армии и т.д.

“Имперский оттоманский банк”, созданный в 1863 г. и полностью контролировавшийся англо-французским, а с 1875 г. еще и австрийским капиталом, обеспечивал краткосрочные интересы ссудного капитала Западной Европы в Османской империи. Незаинтересованность в придании турецкой кредитно-финансовой системе современного уровня и очевидная невозможность соединения формационно противоречивых элементов (кредитно-займовых отношений европейского капитализма и позднефеодальной османской политической структуры, неспособной справиться с ростом освободительных движений и распадом имперской территории) во многом определили отношение к Османской империи как к невыгодному для инвестиций объекту.

Во время обострения кризиса в 1876 г. европейские банки почти полностью прекратили кредитование Порты. Только в канун войны 1877–1878 гг. кредит был открыт. На крайне тяжелых условиях и сугубо целевого (как и в 1854–1855 гг.) назначения — война с Россией. Финансисты Лондона, Вены, Парижа, Берлина четко отреагировали на отказ политических кругов своих стран поддерживать статус-кво, интегритет Османской империи.

Политика статус-кво, проводившаяся великими державами в отношении Порты с конца XVIII в., может рассматриваться в освещаемый период как проявление одного системного качества межгосударственных отношений индустриальной эпохи — предотвращение появления новых равноправных субъектов международной политики, поскольку искусственно сдерживалось национально-государственное возрождение подвластных Высокой Порте балканских народов.

При этом политика статус-кво объективно консервировала социально-политическое отставание Балкан, так как закрепляла господство османской политической системы в наиболее развитых областях империи. Эта политика на протяжении нескольких десятилетий обеспечивала необходимые условия для вовлечения балканских и других наиболее развитых провинций Османской империи в систему капиталистической свободной торговли.

Политика статус-кво получила свое наиболее полное развитие в эпоху промышленного переворота, завершение которого приходилось в передовых странах Западной Европы на 30–40-е гг. XIX в. Она фактически исчерпала себя в период, совпадающий с очередным обострением Восточного вопроса в 1870-х гг., когда ссудный, а затем финансовый западноевропейский капитал широко внедряется на Ближнем Востоке и на Балканах, где шел процесс активного формирования национальной государственности.

К этому времени экономические и политические позиции держав в зонах неформального влияния индивидуального или коллективного (например, Австро-Венгрии в Сербии, Франции и Англии в Болгарии, Англии в Греции и на сопредельных греческих землях, подвластных Порте) обеспечивали с наибольшей полнотой непосредственное а не через Порту воздействие на дальнейшее экономическое развитие освобождавшихся в ходе национально-освободительных революций бывших владений Османской империи на Балканах.

Премьер-министр Англии в период кризиса 70-х гг. Б. Дизраэли в своих литературных и политических со-

чинениях середины 70-х гг., сознательно смешивая стиль и жанр, отчетливо сформулировал цели раздела Османской империи, включая Кипр и Малую Азию. В министерстве колоний (Р. Солсбери — Г. Карнарвон) в 1876 г. с большой последовательностью призывали к экстракции “турецкого зуба, даже если он еще мог бы держаться на своем месте”. Поддержка статус-кво стала слишком обременительным делом для всех держав Европы.

Османская империя задерживалась на стадии зависимого развития. Кризис 70-х гг. подтолкнул ее в положение полукolonии. Ссудный капитал сказал в этом решающее слово: одним из итогов восточного кризиса и финансового банкротства Турции явилось создание Администрации Оттоманского Публичного Долга, согласно так называемому Мухарремскому декрету от 20 декабря 1881 г. (28 мухаррема 1299 г. хиджры).

Появился коллективный орган действенного финансово-политического контроля за экономическим развитием страны, давления уже не через ту или иную группу сановников, а непосредственно на султана и на исполнительные органы Турции в интересах тех держав, которые делили Османскую империю.

Однако окончательный физический раздел Османской империи еще раз откладывался. Финансовый капитал укрепил свои позиции этим актом гораздо прочнее, чем любыми (как правило, эфемерными) соглашениями дипломатов или военных.

То, что экономические меры подчинения турецких территорий Османской империи в канун и в период кризиса 1870-х гг. оказывались более действенными, чем чисто дипломатические, свидетельствует реакция держав на мероприятия Порты, связанные с землей и транспортом. Закон от 21 мая 1867 г. предоставил иностранцам право на владение недвижимостью в Османской империи, которого европейские предприниматели и торговцы добивались несколько десятилетий (со времени подготовки хатт-и шерифа 1839 г.). Дополненное льготным таможенным режимом (1861–1862 гг.), позво-

лившим иностранным подданным свободно торговать на внутренних рынках империи, право владеть землей давало возможность европейскому капиталу контролировать сырьевые ресурсы Османской империи, ввозить и вывозить практически любые виды промышленных товаров и сельскохозяйственной продукции.

Земля как свободная капиталистическая собственность в феодальной Османской империи становилась объектом не столько экономических, сколько политических спекуляций представителей капиталистических держав. Первыми начали скупку земель по новому закону англичане, скупив до 30% пригодной для обработки земли. По данным турецкого историка, земля сдавалась англичанами издольщикам-туркам в аренду за половину урожая. Прежние османские формы эксплуатации закреплялись при новом владельце земли. Ухудшение положения крестьян состояло в увеличении денежной доли выплат за аренду и в сгоне крестьян — и турок, и нетурок — с земли.

В начале 70-х гг., особенно после экономического кризиса 1873 г., поразившего Турцию, ускорилась распродажа земель турецких владельцев (чифтликчи) в Европейской Турции. Сказывалось действие ферманов о запрете барщинных отработок, закона 1867 г. о земле, которую можно было выгодно продать, а также конкуренция наступавшего на европейские рынки дешевого хлеба из США, в результате чего цены на турецкий хлеб в Западной Европе упали в 1872–1874 гг. на 30–35%.

Как следствие, в Европейской Турции быстро падала физическая численность турецких землевладельцев — опоры Порты на Балканах. Росло число мелких и средних участков, т.е. около 500 дюнумов (1 дюлум = 919 кв. м), которые попадали в руки землевладельцев из местного населения. Усиливалась и социальная дифференциация местного населения. Борьба за окончательное изгнание турецких угнетателей переплеталась с нараставшей борьбой за право владеть землей. Нерешенность аграрного вопроса в турецких владениях на Бал-

канах оказывала влияние на расстановку сил в революционной ситуации на Балканах, сложившейся в период обострения восточного кризиса.

Неурожайные 1874 и 1875 гг. поставили население ряда районов Европейской Турции и Западной Анатолии, отчасти Центральной Анатолии, а также Сирии и Ливана на грань голодной смерти. Однако борьба с турецкими угнетателями именно на Балканах имела четко выраженное лицо социального врага — землевладельца, торговца, откупщика.

Предметность национально-социального угнетения определила и более четкие требования повстанцев 1875 г. в Герцеговине и Боснии, чем на других этапах развития восточного кризиса: замена ашара поземельным налогом, полная отмена откупов и всех видов барщины и запрет произвола местных властей; вскоре эти требования переросли в требование ликвидации турецкого господства.

Особое значение ашара для казны в период второго этапа танзимата и его краха в начале 1870-х гг. подчеркивают современные турецкие историки.

В 70-х гг. XIX в. особенно отчетливо проявилась негативная сущность турецкой системы землевладения, при которой турок — сельский хозяин был озабочен лишь получением львиной доли урожая, собранного крестьянином-издольщиком, в балканских районах, как правило, — нетурком.

Турецкое государство, в свою очередь, грабило крестьян через средневековую налоговую систему (ашар), принудительные низкие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию (например, закупочные цены на Балканах были в 2–3 раза ниже, чем на ту же продукцию в Анатолии), через откупную систему, не раз отменявшуюся и вновь вводимую. В 1874 г. натуральный налог официально достиг 12,5% сбора урожая, а в результате злоупотреблений с откупками — до 30–40% урожая.

Общеизвестно, что восставшие в 1870-е гг. балканские провинции были охвачены как политической борьбой за свободу, так и социальной за землю. Вместе с тем

следует отметить, что обладание землей (а именно земли были лишены практически все немусульманские подданные султана — верховного собственника всей земли) и определяло социальный статус подданного.

Наряду с социально-престижными соображениями приобретение земли бывших турецких владельцев, которая быстро дорожала по мере вовлечения всей территории региона в мировой рынок, гарантировало рост цен на землю и, естественно, повышение земельной ренты.

Вместе с тем многовековое отделение балканских подданных Порты от владения землей, отсутствие крупного землевладения в переходный период, другие проблемы, связанные с крестьянским мало- и безземельем, во многом воздействовали на характер внутренней борьбы в период кризиса 70-х гг. и после него в получивших независимость балканских странах.

* * *

В годы восточного кризиса обострились транспортно-коммуникационные проблемы Османской империи. Несмотря на значительные усилия турецкого правительства, к 70-м гг. XIX в. Османская империя утратила те независимые позиции в области морского транспорта, о которых шла речь выше. Пятнадцать иностранных пароходных линий осуществляли почти всю грузо-пассажирскую навигацию в прибрежных водах Османской империи (Средиземноморье, Красное и Черное моря, Персидский залив).

Высокая Порта пыталась компенсировать утрату позиций в самом современном и выгодном виде транспорта — морском пароходстве — вниманием к дорожному строительству и развитию железнодорожной сети. Однако все свелось примерно к 2 тысячам километров железных дорог, проложенных к концу 1870-х гг., и к незначительно улучшившейся сети дорог в Европейской Турции.

Османская империя как страна зависимого типа развития получила систему машин в таком наборе, который мог при соблюдении правительственного контроля

отвечать интересам развития внутриимперских коммуникаций — паровые судовые двигатели, телеграф и железные дороги. Однако, в первую очередь, эти современные транспортные средства были поставлены на службу экспедиционным армиям в Крымской войне, а к 70-м гг. почти полностью были переключены на обслуживание экономических и военно-политических интересов западноевропейских держав в Османской империи и находились постоянно в сфере внимания военных и военно-морских атташе западных держав.

Возросший интерес западноевропейских капиталистов к железнодорожному предпринимательству в Османской империи, достаточно давно отмеченный исследователями, должен быть наконец объяснен с точки зрения нового этапа политики держав на Балканах и на Ближнем Востоке.

Определенная отстраненность железнодорожного дела от окружающих национально-экономических условий давала возможность выйти за пределы контактных зон и быстро соединить их между собой, обходя тем самым запреты Высокой Порты на операции во внутренних районах Балкан или Анатолии.

Развитие железнодорожного строительства в широтном направлении совпадало с направлением экспансии Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии от побережий Средиземного моря в направлении Среднего Востока в годы, предшествовавшие освещаемому кризису. В 1870-х гг. сохранялось значение османских земель как более важного коммуникационного плацдарма продвижения с Запада на Восток по сравнению с их сырьевыми экспортными возможностями.

Вместе с тем создание железнодорожных магистралей с соответствующими полосами отчуждения, службами движения и т.д. соответствовало перспективам зон раздела Османской империи между капиталистическими державами, которым дороги принадлежали.

Характерно, что в правительственных кругах Австро-Венгрии железные дороги, например, линия через Боснию — Нови Пазар к Салоникам, рассматривались не с точки зрения соединения, а наоборот — изоляции

отдельных районов. В данном случае — Сербии от Черногории в интересах укрепления австрийского влияния. Фактически железные дороги становились частью инфраструктуры экономики зависимого типа.

Аппарат управления, полностью состоявший из иностранцев, не связанных подданством, а также обслуживающий персонал, в подавляющем большинстве инонациональный, обладавший различными капитуляционными иммунитетами, дополнительно служил целям выведения определенной и достаточно многочисленной социальной группы населения из-под юрисдикции турецкого правительства.

Железные дороги на территории Османской империи становились, кроме того, аренной торговой войной между державами. Они должны были быть использованы в критический момент падения турецкого правительства и решения вопроса, кому достанется основная часть турецкого наследства.

Столкновение за таковое ввиду того, что “больной человек на Босфоре” отнюдь не спешил делать завещание в пользу какой-либо державы Запада, реализовалось в сети военных тревог, и каждый раз транспортные коммуникационные перспективы влияли на развитие восточного кризиса.

Для самой Османской империи транспортная зависимость от европейских держав (равно как и развитие телеграфной связи) усугубляла общую зависимость (полностью в расширенном и в большей степени — в простом воспроизводстве) от мирового рынка. В определенной мере закладывалась придавленность собственной информационной системы, что сказалось особенно остро в новейшее время.

Инфраструктура балканских и малоазиатских территорий, едва складывавшаяся, оказалась в полной зависимости от западноевропейских держав после спада кризиса, в 1880-е гг.

В то же время железнодорожные и водные коммуникации, контролировавшиеся державами, предоставлялись в распоряжение Порты, когда речь шла о переброске карательных турецких войск для подавления на-

ционально-освободительных движений балканских и других подданных. Это только усиливало кризис и конфликтность в отношениях участников освободительных движений.

В разгар восточного кризиса можно констатировать господство держав Европы на морских, паромных и сухопутных железнодорожных коммуникациях Османской империи. Это обстоятельство должно приниматься во внимание при рассмотрении начавшегося фактического раздела Османской империи и сущности Восточного вопроса в эти годы.

* * *

Накануне кризиса темпы роста внешней торговли Османской империи достигали 5% ежегодно, что втрое превышало таковой показатель для первого этапа танзимата.

По общему объему товарооборота в 1875–1876 гг. Османская империя обошла Китай, Японию и занимала десятое место в мире. Однако колониальный характер внешней торговли, наметившийся в эпоху Крымской войны, в 1870-х гг. приобрел решающий характер. Страна ввозила изделия из чугуна и стали, но также сахар и лесоматериалы, одежду и предметы обихода. Вывоз, как и тридцать лет тому назад, состоял из хлопка, зерновых, табака, шерсти, другой сельскохозяйственной продукции, мало или вовсе не подвергавшейся первичной обработке.

Данные, приводимые болгарским экономистом Л. Беровым и турецким О. Курмушем, свидетельствуют о том, что не только европейские территории, раньше втянутые в мировые рыночные связи, но и анатолийские районы в начале 1870-х гг. включились в цикл воспроизводства капиталистических стран.

В индустриальную эпоху началось выделение зон преимущественного влияния держав в Османской империи. В годы восточного кризиса этот процесс углубился, приобрел достаточно четкие очертания. В 1840–1870-х гг. Англия закрепилась в Западной Анатолии и Месопотамии, Франция в Сирии и Палестине, в Лива-

не. На Балканах выделялись зоны влияния Австро-Венгрии, а также Англии и Франции.

Такая зональность влияния, развивавшаяся на базе прежних контактных зон, служила своеобразной экономической основой политического раздела Османской империи, наиболее развитые районы и области которой оказались в большей зависимости от той или иной западноевропейской державы, чем от имперского центра.

Следует отметить, что к середине 70-х гг. после скачкообразного роста торговли Османской империи с Англией и Францией (за 50-е — начало 70-х — в 3–4 раза по сравнению с 1850 г.) общие объемы их товарооборотов стабилизировались.

Османский рынок на уровне зависимого развития был завоеван; разрабатывались новые принципы дальнейшей экспансии.

К этому времени Англия оказалась потесненной в зоне Трабзона Францией, Австро-Венгрией, Германией, а в Восточном Причерноморье в целом — Россией, активизировавшей средневосточную политику. На Балканах Англия и Франция сталкивались с Австро-Венгрией уже в Салониках, а в Видине и Русе последняя их вытеснила и захватила в свои руки судоходство по Дунаю.

Распределение Османской империи на зоны влияния было достаточно условным. Борьба за ее раздел еще только вступала в новую фазу, отличительной чертой которой была неравномерность развития самих стран-колонизаторов, их борьба за передел зон влияния страны, быстро превращавшейся в полуколонию.

Внешняя торговля Османской империи, фактически подчиненная еще в 40-х гг. принципами свободной торговли, в 70-х гг. была ареной ожесточенных столкновений как между Высокой Портой и державами, так и между последними — непосредственно за внутренние рынки Османской империи.

Торговые договоры (и соответственно тарифы) 1860–1862 гг. Османской империи с западноевропейскими государствами включали базовую оценку товаров, но не учитывали тенденции к снижению экспортных цен. В результате таможенное обложение составляло

в 1872–1875 гг. не договорные 8% *ad valorem*, а 10–35% от стоимости ввозимых в Турцию товаров. Это было выгодно Турции, но наибольший процент таможенных сборов приходился на ввозимые в Турцию английские товары, индекс цен на которые за двадцать лет после договора с Турцией снижался со 114,6 до 77,2 пунктов.

В аналогичном положении к середине 70-х гг. оказались торговцы всех промышленных капиталистических держав, кроме Германии. Неоднократные требования английских, французских коммерсантов к своим правительствам с требованием заставить турок соблюдать льготные для европейских торговцев положения наталкивались на сложные дипломатические маневры.

Подлинным препятствием дальнейшего вовлечения Османской империи в мировые рыночные связи служила прогрессирующая отсталость ее основных экономических и политических институтов. Преодолевать это отставание европейские представители в Стамбуле начали еще в 40–50-х гг. созданием своеобразной “компрадорской бюрократии”. Раскрывая этот термин, употребляемый в современной турецкой социологии, можно согласиться, что каждая из держав опиралась на определенные этноконфессиональные группы, на лиц двойного гражданства, защищенных капитуляционными иммунитетами, и создавала своеобразные группы давления на султана. В начале 70-х гг. в борьбу вступили группы давления в правительстве Турции, ориентированные на Англию, на Россию, на Австро-Венгрию и т.д. В основном в эти группы входило высшее армейское командование, вожди иррегулярных войск.

Через торговые операции, а после 1867 г. и с помощью закона о праве иностранцев на владение недвижимостью европейские капиталисты формировали оптимальный для своих интересов, но крайне взрывоопасный для Порты тип социальной инфраструктуры. Участие этнических турок в торговле и промышленном производстве периода кризиса 70-х гг. было незначительно. Основные виды крупной предпринимательской деятельности были сконцентрированы в руках греков, не-

сколько меньше — болгар, других балканских подданных Порты.

Обладая опытом, деловыми связями и капиталом — значительным потенциалом буржуазного развития, — все они как юридические лица были неполноправны и, следовательно, не могли в полной мере отвечать тому типу колониальных экономических отношений, которые вполне устраивали бы их партнеров из капиталистических стран. Не будучи в состоянии подчинить своему влиянию все социально-экономические процессы в Османской империи, Запад действовал, как отмечалось выше, через укрепление позиций зависимой прослойки защищенных капитуляциями лиц из числа инонациональных нетурецких торговцев в контактных зонах, особенно там, где влияние прозападно настроенной армейской верхушки было недостаточным.

Однако в 70-х гг. централизаторские мероприятия Порты и главное — сохранение системы прежних (30–40-е гг.) отношений в области регулирования экономики и в политике не только сдерживали, но делали невозможной в условиях стремительного развития Западной Европы медленную перестройку торговцев-турок на связи с мировым рынком. Откат Порты от танзиматских преобразований в 70-х гг. был дополнительным аргументом для тех сил в торгово-финансовых кругах Запада, которые, отказываясь от сотрудничества с османским купечеством, выходили на прямую эксплуатацию производителей сырьевой продукции в зонах влияния, определившихся в середине века. Отмечалось продолжавшееся использование османской армии в несвойственных армии функциях — контроль за фискальными поступлениями, “выбивание недоимок” и другие виды репрессивной службы.

Укрепление позиций инонационалов как внутри страны, так и перед лицом породивших их европейских коммерсантов, нуждавшихся в посредниках, привело в 70-х гг. к двояким результатам.

С одной стороны, была и даже закреплялась подчиненность, зависимость турецких компрадоров от европейца — администратора операций.

С другой — росла конкуренция и борьба турецких торговцев за прямой выход на европейские рынки, включая балканские, за свою долю прибылей. Причем армия, втягиваясь во все виды контроля за распределением, жестко требовала свою долю.

После кризиса 70-х гг. ускорилось вовлечение во внешнеторговые операции с Западом этнических турок, росло турецкое предпринимательство буржуазного типа в торговом деле. Однако и до, и после кризиса турецкая промышленная буржуазия по существу почти не росла, тогда как компрадорская развивалась интенсивно, что и определило дальнейшую деформацию социальной структуры Османской империи. Одновременно деформировалась и военная система в стране, сфокусировав пороки строя.

После завершения наиболее острой стадии восточного кризиса 70-х гг., т.е. после 1879 г., можно констатировать ускорившееся завершение перехода Османской империи из стадии зависимого развития на положение полукolonии. Турецкая экономика превратилась в систему, устойчиво потребляющую промышленную продукцию и производящую сельскохозяйственную продукцию в объемах, устанавливающихся потребностями мирового рынка. В последней трети XIX в., по оценке турецких социологов, до 15% сельскохозяйственной продукции шло на мировые рынки, а в начале XX в. — до четверти или даже несколько больше.

В свете вышеизложенного представляется не вполне корректным суждение о восточном кризисе 1870-х гг. как исходной причине кризиса Османской империи, “показавшего невозможность дальнейшего существования в ней военно-феодальных пережитков и сохранения ее власти над угнетенными балканскими народами”.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перевернуты последние страницы достаточно объемной книги. И каковы же выводы? Они весьма разнообразны, поскольку сам предмет изучения был живым и хрупким — система взаимосвязей бизнеса и войны в одном из самых динамичных районов земного шара.

Начало нашего повествования относилось к эпохе, когда великие империи казались несокрушимыми. Завершение — к периоду, когда общий вектор цивилизационного процесса в Старом Свете определяли уже не политические системы, включая мощные имперские силовые центры, такие, как Лондон, Париж, Вена, Петербург и Стамбул. Индустриальные общества в передовых (в социально-экономическом плане) странах мира гармонизировали собственные политические системы, как это произошло в Англии и Франции; противодействовали, порой силой (Крым 1853–1856 гг.), запаздывающим общественным системам, подобным России; наконец, адаптировали те социумы-общества, которые попадали в зону их геополитических интересов.

Последнее обстоятельство отчетливо проявилось в странах региона Балканы — Ближний Восток, находившихся в освещаемый в книге примерно столетний отрезок мировой истории в зоне политической ответственности Османской империи.

Все примеры и рассуждения, приведенные выше, дают основание утверждать следующее.

1. Главная социокультурная метаморфоза эпохи заключалась в стремительном нарастании процесса

национально-государственного самоопределения различных (в первую очередь балканских) этносов, вырвавшихся силой оружия из-под влияния османского имперского центра власти.

2. Одновременно сам центр власти из формально османского, мультинационального объективно трансформировался в этнически турецкий. При этом не распад и не дезинтеграция, а “ужатие” до состояния мощной этносоциальной пружины было генеральным процессом.

3. Эта мощная “пружина” национального самосознания и социально-политического возрождения на месте бывших османских имперских структур позволила отбросить все претензии великих держав на завладение так называемым “наследством больного человека на Босфоре”.

4. Если в начале исследуемой эпохи выпадавшие из сферы ответственности османского политического центра власти крупные территории, подобные Крыму, кавказским территориям, Ионическим островам, Алжиру и т.д., неизменно попадали под власть других имперских систем (Россия, Франция, Англия), то начиная с первой трети XIX в. процесс организации независимых структур власти на периферии Османской империи стал доминирующим.

Причем наиболее интенсивно этот процесс шел там, где глубже были социокультурные преобразовательные, сопровождавшие динамичные экономические процессы (Греция, Румыния). Это и были контактные цивилизационные зоны, где бизнес Запада успешно внедрялся в возрождавшиеся общества.

5. В книге читатель нашел массу примеров адаптирующего воздействия индустриального западного общества на запаздывающие социальные системы. Приходится, впрочем, признать, что наиболее наглядно это прослеживается на имитационных, приспособительных процессах в военном деле в Османской империи. Вместе с тем ряд крупных преобразований позволил создать современную османскую армию, достаточно боеспособную, чтобы противостоять и наносить в 1850–1870-х гг.

чувствительные удары одной из сильнейших армий в Европе — русской армии. На Балканах (в турецкой их части) и на Ближнем Востоке формировалась сильная военная организация, лишь косвенно контролируемая западными державами.

6. Опыт модернизированного Египта эпохи Мухаммеда Али свидетельствовал, что эти вооруженные силы при сохранении политической независимости страны могут быть направлены против интересов великих держав в регионе. При этом интересы экономические уступают военно-политическим, притом групповым, на уровне реальных силовых подсистем.

7. Показательна в парадигме “бизнес и война” серия восточных кризисов, освещенных в книге настолько, насколько это позволяла сделать логика изложения. В кризисах конца XVIII — начала XIX в. отчетливо проступал военно-политический аспект, как бы превалировала “война”.

8. Восточные кризисы во второй половине XIX в. в их социально-экономических и военно-политических аспектах стали производными от ускоренного внедрения извне финансово-политических и военных структур Запада в традиционные, позднефеодальные по типу общественно-политические, военные и экономические институты Османского государства, с остановкой танзимата, утратившего внутренние стимулы эволюции. “Бизнес” стал преобладающим фактором, если понимать этот термин в его всеобъемлющем социоэкономическом и социокультурном значении.

9. Очевидно, что наиболее корректное и доступное восприятию раскрытие указанной парадигмы “бизнес и война” можно осуществить в удобопонимаемой модели конфликта. В материалах исследования отмечена очевидная истина:

война была сублимацией экономического интереса, а торговля (нередко и финансовая деятельность) реализовывалась как бы вне рамок вооруженного столкновения.

10. Поэтому для региона и для эпохи весьма удобна для изложения описательная конструкция “война —

враждебность”, где враждебность — скорее фактор, чем состояние. Тогда составляющими первого и второго порядка окажутся внутри- и внешнеконфликтное поведение стран: с одной стороны, участниц вооруженных конфликтов, но, одновременно, — партнеров торгового обмена.

11. Вырисовываются несколько общих выводов по региону, затрагивающие общемировые процессы политической истории Старого Света.

12. Внутриконфликтное поведение (приоритеты) османского центра силы доминировало над внешнеконфликтным в развитии кризиса в регионе. Составляющие первого порядка — восстания, бунты, массовые выступления османских подданных подавлялись силами армии; однако внутривнутриполитической стабилизации достигнуть не удалось, а регулярные вооруженные силы были ослаблены непрерывными перемещениями по огромной территории империи и серьезно деморализованы выполнением карательных функций против гражданского населения. Армией пользовались как своего рода “внеэкономической дубинкой”.

Поскольку значительную часть османской армии (от 35 до 70% в разные годы) составляли иррегулярные формирования, и именно они вели убийственно изнурительную для всех участников конфликта войну с подданными собственной страны, в империи провоцировалось перманентное состояние гражданской войны, накапливался негативный потенциал грядущих вооруженных межнациональных и этнорелигиозных столкновений.

Примером тому могут служить Сербия в 1800-х, Греция в 1820-х гг., Сирия и Палестина в середине XIX в., Курдистан 1890-х, Армения 1890–1915 гг. и т.д.

Столкновения расширялись по составу участников, по масштабам и характеру боевых действий, за счет вовлечения новых участников из числа получивших свободу бывших территорий империи и неизменно — третьих стран, добивавшихся реализации собственных целей в полыхавшем регионе.

Проанализированный в книге опыт военной истории великой империи Османов свидетельствует: если армия была втянута во внутренний конфликт “центр – периферия”, то неизбежным становилось ее вовлечение в крупномасштабные вооруженные конфликты с одной или несколькими державами; как правило, срабатывали непредсказуемые факторы, и к войне оказывались неподготовленными ни армия, ни центр власти, ни экономика империи. Ущерб оказывался неприемлемым для социума в целом. Откат в социокультурной сфере был прямо пропорционален размаху конфликта.

Основными параметрами внешнеконфликтного поведения османского центра силы оказались: дипломатические просчеты и угрожающее войной поведение в отношениях с непосредственными соседями (Россия, Греция, Черногория, Сербия, Иран); провоцирующие и малорезультативные вооруженные акции в европейской политике на континенте (участие в борьбе за “австрийское наследство” и Польшу в XVIII в., Крымская коалиция в XIX в. и др.).

14. В отступление от основной политики “баланса сил и учета противоречий между державами” Высокая Порта дважды прибегала к изоляционистской политике — в эпоху после Венского конгресса и в 1870-х гг.

На рубеже 1820-х гг. развал армии и ослабление центра власти сопровождалось изоляционистскими тенденциями, осложненными серией внутренних войн от Аравии (вахаббиты) до Балкан (Греция). В итоге были потеряны для империи наиболее развитые периферии, а армия потерпела сокрушительное поражение в 1828–1829 гг. Экономический ущерб был огромен.

Тогда, в 1820 — начале 1830-х гг. империя устояла как действенная единица в системе международных отношений. Внутривнутриполитический конфликт (войны с Египтом, Грецией) был частично скомпенсирован: а) слабой вовлеченностью империи в мировые экономические связи; б) разногласиями держав по поводу судьбы “больного человека на Босфоре”; в) энергичным началом реформ и некоторыми другими факторами, среди которых была региональная торговля.

15. *Компенсующих факторов* почти не было или же они были недостаточны в период обострения Восточного вопроса в последней трети XIX в. Новый виток политической изоляции при вовлеченности на подчиненной основе в мировое экономическое пространство сопровождался свертыванием модернизаторских процессов и новыми, но столь же тщетными, как и полвека назад, упованиями на решение национальных и социальных проблем силами армии.

Итог был аналогичен ситуации 1820-х гг. — мощный взрыв на продвинутой периферии и война 1877–1878 гг. Но был несравнимо более опасен по своим итогам для империи, для региона и для мира в целом.

В 1870-х гг. в войну на Балканах вовлеклись только что возродившиеся суверенные государства, и вооруженное противостояние приобрело перманентный характер в регионе, как оказалось, более, чем на сотню лет.

С точки зрения мирового цивилизационного процесса, османский опыт показал, что слабость и ограниченная реактивность центра власти в мультинациональной и многоукладной (в данном случае формационно дезинтегрированной) среде влечет за собой раньше или позже вспышку межнациональных конфликтов, а последние имеют очевидную тенденцию перерастать в острые международные.

Так произошло, когда в боснийско-герцеговинское восстание 1875 г. втянулись Сербия и Черногория. Апрельское восстание 1876 г. переросло в неназванную, но фактически первую балканскую войну, если принять во внимание участников — Османскую Турцию и ее балканских соседей; к решению собственно балканских проблем немедленно подключились великие державы, в том числе Россия — активно, послав свои вооруженные силы на Балканы на стороне одной группы участников столкновения, Болгарии, Черногории и Сербии.

Оставляя (на время) определение цены победы для России, можно отметить, что в итоге кризиса 1870-х гг. возник такой мощный дестабилизирующий регион фак-

тор, как панисламизм, пришедший на смену неудачному паносманизму. Не в последнюю очередь это была реакция на вмешательство извне в балкано-османские проблемы одной из великих держав. Сложился пороховой погреб Европы, причем ключей к нему было много — по числу всех заинтересованных сторон. К ним принадлежали и балканские, и европейские державы, и Османская империя. Как выяснилось, и те государства, которые возрождались на ее азиатских территориях в начале XX в. (Саудовская Аравия, шейхства зоны Персидского залива). Причем все участники конфликта активно использовали экономические рычаги.

17. Балкано-анатолийский регион Османской империи вошел в историю мировой цивилизации как уникальная контактная зона, где Восток не только встретился с Западом, но и активно взаимодействовал с ним, определяя если не вектор процесса контакта, то по крайней мере скорость его протекания. Например, на формирование мультиполярной среды международных отношений в Старом (и Новом) Свете оказало серьезное влияние на стремление османской дипломатии к политике баланса сил во взаимодействиях между великими державами.

Далее. Проливы Босфор и Дарданеллы не стали зоной прямого столкновения морских держав, пока Высокая Порта имела достаточно военной силы и дипломатического умения, чтобы поддерживать решения, в той или иной степени приемлемые для всех заинтересованных сторон. Проливы как торговая артерия глобального уровня (сохраняющая таковой и на рубеже XX–XXI веков) функционировали наиболее успешно в интересах мировой торговли тогда, когда Россия и Турция руководствовались не двусторонними интересами, а учитывали потребности мирового торгового обмена. Ведущая роль России в выдвижении инициативы такого уровня отмечена после Адрианопольского мира 1829 г., а также в последующие периоды, не связанные напрямую с вооруженными конфликтами в регионе.

18. Выдвинутая в 1840-х гг. османская инициатива по превращению Иерусалима в вольный город могла

дать позитивное решение проблемы, сотрясающей Ближний Восток и сейчас, в 1990-х годах, если бы не парализующая политика трех великих держав и индифферентность России. Бизнес молчал, зато говорило оружие.

19. И последнее.

Подобно любой нестатичной системе, Османская империя имела свои бифуркационные точки. Они приходились на эпохи реформ (особенно 1797–1807, 1826 и 1839 гг.) и войн (1853–1856 и 1877–1878 гг.). Эти переломные, определяющие годы стали отправными моментами в трех частях данной книги.

Последняя бифуркационная точка в судьбе трехконтинентальной империи относится к периоду 1910-х — начала 1920-х гг. Об этом следующая книга сериала — “Босфор. Россия и Турция в эпоху первой мировой войны (по материалам русской военной разведки)”.

ГЛОССАРИЙ

- аба* — здесь: верхняя одежда, преимущественно в иррегулярных формированиях, из грубошерстной ткани
- авариз* — один из видов чрезвычайных налогов, обычно на военные нужды
- ага* — почетный титул в Османской империи, обращение к старшему по званию в армии
- адалет* — исламское толкование принципа справедливости султана, правителя
- адет* — обычай, традиция
- акче (акча)* — мелкая серебряная монета; до конца XVIII в. примерно 120 акче составляли один *куруш*; выведена из обращения специальным указом в 1884 г.
- алай-бей (алайбей)* — начальник местного мусульманского ополчения, командир иррегулярного подразделения
- амеди* — канцелярия (“стол”) *Высокой Порты*, ведавшая после 1836 г. вопросами внешней политики
- аскер (аскери)* — военный, военные в самом широком смысле
- аян* (мн. ч. *аяны*) — местная знать, главным образом в Балканской Турции, крупные землевладельцы
- Баб-и Али (Баб-и Алиие)* — см. *Высокая Порта*
- багинет* (франц.) — штык, примыкавший к штуцеру; принят после 1836 г.
- бадестан* — крытый рынок
- байрак* — 1. знамя, обычно воинское; 2. отряд в 50–60 *яны-чар*, во главе с *байрактаром* (или байрак сахиби)
- батман* — османская мера веса, в середине XIX в. равная 6 *окка* (1 *окка* — 1224 г.)
- баи дефтердар* — глава ведомства финансов
- бей* — почетный титул, особенно в военной среде
- бейлербей* — правитель *эялета*; примерно — военный губернатор

- берат* — султанская грамота (патент) на право владения собственностью или на занятие какой-либо должности
- бююк эльчи* — чрезвычайный и полномочный посол; посол “полного”, высшего ранга, в отличие от *орта эльчи*, “среднего посла”, т.е. посланника
- вакх (вакуф)* — недвижимость и иное имущество, переданное мусульманином на религиозные цели под опеку мусульманским учреждениям
- вали* — правитель *вилайета* (примерно губернии)
- валиде* — мать; *султан-валиде*, *валиде-султан* — официальный титул матери царствующего *султана*
- везир (визирь)* — “наблюдающий, взирающий”; примерное соответствие высшим должностным лицам в Европе; министр
- великий везир (визирь)* — или *садразам (садр-и азам*, “великая грудь”), глава османского аппарата управления; после 1834–1836 гг. — глава Совета министров
- вилайет* — административная единица, примерно губерния
- Высокая (Блистательная) Порта* — обобщенное название правительственных учреждений или ведомства *великого везира* в Османской империи
- господарь* — титул верховного правителя в Дунайских княжествах
- гяур (кяфир*, т.е. “неверный”) — уничижительное название всех иноверцев в просторечии у мусульман
- дамад* — зять *султана*; официальный высокий титул в дворцовой иерархии
- дар уль-ислам* — мир ислама
- дар уль-харб* — все, что еще не завоевано войнами ислама
- Девлет-и Али (Девлет-и Алиие), Дер-и Алиие, Дер-и Саадет* (Высокая держава, Обитель Счастья) — распространенное наименование Османской империи в документах XVIII–XIX вв.
- девширме* (налог кровью) — насильственный отбор христианских детей, после обращения в ислам зачислявшихся в *капыкулу*, чаще всего в *янычары*; в описываемое время уже не применялся
- дей* (буквально — помощник) — титул правителей Алжира, Туниса и Триполи
- дели, делибаш* (безумный, отчаянный) — легковооруженная иррегулярная конница, обычно начинавшая сражение, преследовавшая отступавших, осуществляв-

- шая разведку боем (“...Делибаш уже на пике, а казак без головы...” А.С. Пушкин, 1829 г.)
- дервиш** (бедняк, нищий) — обычно странствующий аскет, приверженец какой-либо мусульманской секты
- деребей** (мн. ч. *деребеи*) — “властелин долины”, крупный держатель (владелец) земельных угодий
- дефтер** — кадастр, реестр, ведомость, перечень
- дефтердар** — высокое должностное лицо, как правило, в налоговом, финансовом ведомстве
- дефтерхане** — управление кадастра
- джами** — соборная мечеть
- джебелю** — конный воин, снаряженный за счет владельца *тимара*
- джизье** (*джизья*) — подушная подать только с немусульман; с 1856 г. заменена налогом “бедел-и аскерийе” в пользу фиска
- джихад** (*газават*) — “священная война” под лозунгами ислама
- диван**, **диван-и хумаюн** — совет, августейший совет при султанах с совещательными функциями и переменным составом
- драгоман** — переводчик при посольствах держав или при *Баб-и Али*
- дюкан** — лавка, мастерская
- зеамет** — условное пожалование за военную службу с доходом до 100 тыс. *акче*
- зимми** (ед. ч. *зиммий*) — обобщенное название всех немусульманских подданных, обязанных платить *джизье*
- ильтизам** — система сдачи частному лицу прав на сбор государственных налогов, иных поступлений в казну; откуп
- имам** — духовный глава общины у мусульман; “предстоятель”, возглавляющий службу в мечети
- ираде** — постановление, рескрипт, распоряжение
- йерли**, **йерлу** (от *йер* — место, земля) — “земцы”, местные, т.е. вид иррегулярных формирований, обычно тыловых частей, вспомогательных служб
- кади**, **кази**, **кадий**, **кадия** (на Балканах) — мусульманский судья
- кадиаскер** (буквально — войсковой судья) — второе после *шейх уль-ислама* лицо в мусульманской иерархии; в XIX в. обычно были два кадиаскера — для Румелии и для Анатолии

- каза** — административное деление, включающее несколько *нахий*; несколько каза составляли *санджак*
- каймакам** — 1. уездный начальник, глава *каймакамлыка*, или административной единицы Османской империи, подчиненной *санджаку*; 2. заместитель *великого везира* на время отъезда последнего из резиденции
- калем** — прибор для письма
- кантар** — мера веса в середине XIX в., примерно 56 кг
- канун** — закон, исходящий от имени *султана* (*падишаха*)
- канун-наме** — свод законоположений
- капитуляция** (от лат. “капитул” — статья) — первоначально, в XVI в., — торговый договор Османской империи с европейской державой, по которому иностранные подданные получали односторонние привилегии в пределах империи; в XVIII в. все державы Запада и Россия включали в капитуляционные договоры статьи политического характера; капитуляции были официально упразднены *Высокой Портой* в годы первой мировой войны
- капудан-паша** — полный адмирал, командующий морскими силами
- капыкулу** — общее название войск, состоявших на жаловании у *Высокой Порты*
- кесе** (“мешочек”, в русских документах “кошелек”) — мера счета, равная 500 *курушам* (*пиастрам*); в середине XIX в. 1 кесе — примерно 125 французских франков
- кетхуда** (в русской огласовке — *кехая, кегая*) — управляющий делами
- киле** — мера сыпучих тел, примерно 25 кг
- кнез** (славянск. — *князь*) — назначенный или выборный глава местной османской администрации
- коджабаши, кодзабас** (турецк. — *ходжа баши*) — сельский староста в греческих и других землях Балканской Турции
- куруш, гуруш** (*пиастр*, славянск. — “грош”) — монета, равная в XVIII в. 120 *акче*, в XIX в. — 100 *пара*; курс сильно колебался — в 1840-х гг. за 1 англ. фунт давали 110 *курушей*; в 1860-х гг. за 1 фр. франк — 172 *пара*; в середине XIX в. 1 *куруш* — 5,5 русск. коп. серебром
- кырджали, кырджалии** — первоначально удаленные со службы иррегулярные части османского войска в австро-турецкой войне 1787—1790 гг., ставшие затем

основой многочисленных разбойничьих группировок в Румелии; нередко нанимались на службу как к местным *аянам* и *пашам*, так и балканским вождям освободительных движений

кятиб, *башкятиб* — писарь, старший писарь

кяхья-бей — управляющий делами высокого лица, учреждения

ляйixa, *ляixa* — докладная записка

маликяне — 1. пожизненный откуп в распоряжении *мюльтезимов*; 2. земли, переданные в полную собственность (*мюльк*)

махале — квартал в городе

меджлис — административные советы при губернаторах, местные суды — арбитражи и коммерческие суды, другие государственные совещательные или постоянные совещания (советы) в Османской империи в XIX — начале XX в.

медресе — мусульманское учебное заведение

миллеты — этнорелигиозные общины подданных Османской империи

мемур — чиновник

мешверет — совещание, совет, обычно высокого уровня

мири — государственное имущество, земли

молла — почетный богослов-законотолкователь; ученый богослов

мубашир — должностное лицо, надзирающее за исполнением постановлений властей на местах

мулла — слугитель мусульманского религиозного культа

мультазим, *мюльтезим* — держатель *ильтизама*, откупщик

мутасаррыф, *мютасаррыф* — глава администрации *санджака*

муфтий — богослов-законовед высшего ранга с правом решений и суждений по юридическим нормам в виде особой *фетвы*; муфтий Стамбула являлся главным имперским муфтием (*шейх уль-ислам*)

мухассыл — государственный сборщик налогов; в XIX в. приравнялся к губернатору

мухафыз — слугитель при мечети, совершающий призыв к молитве (*азан*)

мюдюр, *мудюр* — уездный начальник

мюльк, *мульк* — форма частной собственности на мусульманском Востоке

- мютезиллим* — градоначальник, первое лицо после *мута-саррыфа*
- мюшир* — высший воинский чин в Османской империи, маршал
- назыр, назир* — управляющий, министр (после 1836 г.)
- наиб* — заместитель, представитель кади; в XIX в. выступал на процессах арбитража с иностранцами
- нахие, нахия* — судебно-податная административная единица в составе одной или нескольких деревень (кей); несколько нахий составляли *каза*
- низам* — порядок, строй; регулярные войска срочной службы
- низам-и джедит* (старотур. — новый, обновленный строй) — общее наименование реформ Селима III, от наименования полков нового регулярного строя с тем же названием
- нишан* — знак, отличие, орден
- нишанджи* — один из высших гражданских чинов империи, хранитель султанской печати
- оглу* (турецк. — “его сын”) — употребляется в сочетании с именем, аналогично русскому отчеству; Осман оглу — сын Османа
- оджак* — общее название для частей янычарского корпуса до 1826 г.
- окка* — мера веса; в различное время — от 1224 до 1282 г.
- орта* — янычарская рота
- орта эльчи* — посланник, поверенный в делах; см. *бююк эльчи*
- орф, урф* — традиция, обычай
- падишах* — государь; обычная титулатура османского монарха
- пара* — мелкая серебряная монета
- пашиа* — титул высшего военного и гражданского сановника в Османской империи
- райя* (ед. ч. *райят*) — “пасомые”; в широком смысле — все податное население империи; с XVIII в. — только немусульманское население на Балканах
- реис-эфенди, реисулькюттаб* — один из первых трех заместителей *великого везира*, ведал внешними сношениями (до создания МИД в 1836 г.) и одновременно — канцелярией по делам немусульманских подданных (до 1839 г.)
- ренегат* — иностранец, принявший ислам и принятый на службу

риджалы, капы риджалы — “государевы мужи”; общее название высшего государственного аппарата империи до середины 1830-х гг.

рисале — трактат

руми (грек, православный) — общее название жителей европейской части империи

садразам — великий везир

санджак (лива) — административная единица, подчиненная *вилайету* (*эялету*) и состоявшая из нескольких *каза*

санджакбей — правитель *санджака*, подчинялся *бейлербею*, *вали*

сейид — прямой потомок Мухаммеда по линии его внука Хусейна

сенед — акт, обязательство, соглашение

сефарет-наме — отчет о посольстве, написанный специально для султана

силяхдар — один из высших чинов империи; приближенный к султану, “оруженосец”

сипахи, спахий — 1. держатели условного земельного пожалования, составлявшие основу конного войска; 2. воины придворной конной гвардии; 3. землевладелец на Балканах, обычно мусульманин

субаши — в городах глава полицейской службы; в *вилайетах* (*эялетах*) — представитель особой военно-административной службы, подчинялся *вали* или *санджакбею*

султан — монарх, государь Османской империи; этот титул чаще употреблялся в сношениях с европейцами, чем “внутреннее” — *падишах*

сунна — предания о жизни Мухаммеда (хадисы)

суннизм — ортодоксальное направление в исламе

танзимат (“приведение в упорядоченное состояние”) — реформа, преобразование; период реформ с 1839 по 1879 г. (иногда считают — по 1876 г.)

тарих — 1. дата; 2. история (письменная); 3. хронограмма

тезкере — свидетельство, докладная

тимар — условное пожалование с доходом до 20 тыс. *акче* в год, на которые полагалось выставять определенное число *джебелю* “конно и оружно”; к исходу XVIII в. тимариотов было примерно 90–100 тыс. человек

тифтик (мохер) — шерсть и пух ангорских коз; шерстяная ткань

тугра — монограмма султана, которая ставилась на документы, исходявшие от его имени: *бераты*, *ферманы*,

- хатты* и пр.; кроме того, тугрой султана клеймись пушки, отлитые в государственных литейных мастерских во время его правления
- улемы* — мусульманские богословы, получившие специальное образование
- уста* — мастер цеха (*эснафа*)
- ушр, ашар* — десятина, налог
- фанариоты* — стамбульские греки (из квартала Фанар), традиционно занимавшие важные места в Бюро переводчиков при *Высокой Порте*, другие важные должности в торговле, финансах, духовных управлениях, в администрации Балканской Турции
- ферик* — дивизионный генерал, примерно генерал-лейтенант
- ферман, фирман* — султанский указ
- фетва* — письменное заключение *муфтия* (*шейх уль-ислама*) о допустимости того или иного акта, действия, об их соответствии нормам ислама
- фикх* — собрание законов и толкований прецедентов мусульманского права
- франк, ференг* — общее название христиан Европы, к русским обычно не применялось
- хадж* — паломничество в священные для мусульман Мекку и Медину
- хаджи* — почетное звание мусульманина, совершившего *хадж*
- халиф* — в Арабском халифате титул главы светской и духовной власти, государя; титул правителя (*султана*), претендовавшего на роль главы всего исламского мира
- харадж* — общее название трех налогов, взимавшихся с немусульман
- хатт-и хумаюн* — “августейшее начертание”, султанский указ 1856 г.
- хатт-и шериф* — “священное начертание”, султанский указ; особенно — манифест 1839 г.
- чауш* — сержант в войсках, судебный пристав, исполнитель
- чека, чеки* — груз одной вьючной лошади, от 100 до 120 *окка*
- челеби* — “ученый”, почетное звание образованного человека
- чифтлик, читлук* (на Балканах) — земельных надел в размерах, обрабатываемых *чифтом* — парой волов; частное земельное товарное хозяйство в XIX в.

чифтлик сахиби, читлуксахибия — владелец, хозяин **чит-лука, чифтлика**

чорбаджи (от турецк. “чорбу” — “тот, кто раздает суп”) — 1. командир янычарской роты (*орта*); 2. сельский староста на Балканах; 3. вежливая форма обращения к богатому христианскому поселенцу — “хозяин”

шариат — религиозный закон (право, теология, этика) у мусульман

шейх — старейшина, вождь племени, глава обители или ордена **дервишей**

шейх уль-ислам — глава мусульманского духовенства, **улемов-правоведов**, главный авторитет в толковании **шариата** и законов, светских и духовных

шехзаде — наследник османского трона, необязательно прямой потомок царствующего монарха (*падишаха*)

шехир кетхудасы — городской староста, посредник между властями и населением

шехирлю — горожане империи

эмир — повелитель, начальник, правитель

эснаф — примерно цех, корпорация ремесленников, торговцев

эфенди (“господин”) — вежливое обращение к духовным, образованным лицам, к иностранцам

эшкинджи — местное население, чаще на Балканах, определенное нести охрану дорог, караванов, перевалов и т.д.

эшкия, ишкия — разбойники, грабители на больших дорогах

эшраф — “почетные, благородные мужи”

эялет — наиболее крупная единица административно-территориального деления Османской империи; примерно губерния; трансформировалась в *вилаyet*

юзбаши — сотник в конных частях тимариотского ополчения

юк — мера веса, от 2 до 10 *киле*; также денежная мера, равная 100 тыс. *акче* или 200 *кесе* (*кисе*)

янычарский ага — командующий корпусом *янычар*, сердар, один из самых влиятельных государственных мужей Османской империи до 1826 г.

янычары (турецк. “йени чери” — новая пехота) — солдаты привилегированного постоянного пехотного войска на жаловании казны; созданы в 1361 г., упразднены в 1826 г.

БИБЛИОГРАФИЯ*

ИСТОЧНИКИ

А. Неопубликованные источники

1. Архив Внешней Политики Российской империи (АВПРИ).

Фонды: Канцелярия, дела за 1801–1878 гг.

Отчеты МИД за 1818–1876 гг.

Отчеты по Азиатскому Департаменту за 1818–1868 гг.

Главный Архив V–A₂ 1830–1876 гг.

Главный Архив II–3, II–10 1830–1870 гг.

Главный Архив I–9 1820–1860 гг.

Посольство в Константинополе (донесения за разные годы консулов и генеральных консулов России, коммерческая статистика и пр.)

Посольства: в Париже, Лондоне, Вене за разные годы.

2. Российский Государственный Военно-исторический Архив (РГВИА, г. Москва).

Фонды: Канцелярия Военного Министерства (ф. 1);

Военно-Ученый Архив (ВУА);

Турция; Франция; Англия

3. Российский Государственный архив Военно-морского флота (в С.-Петербурге).

Фонды: Канцелярия Морского Министерства;

Морской Генеральный штаб;

Фонд Морского Министра, члена Азиатского комитета А.С. Меншикова;

Военно-Морские агенты в Стамбуле, Берлине. Лондоне, Париже.

Личные фонды

4. Российский Государственный исторический архив (в С.-Петербурге)

Фонды: Общая канцелярия Министра финансов;

И.П. Липранди (1790–1878);

Непременного Совета (1801–1810);

Военных дел (1810–1854);

* Библиография включает лишь основные источники и обобщающие труды по теме книги. Более подробную отсылку на источники (с их анализом) и литературу на восточных, славянских и западноевропейских языках заинтересованный читатель найдет в моих книгах, указанных в данной библиографии.

- Департамент Министра Коммерции (1799–1811);
 Временный департамент Коммерц-Коллегии (1811–1823)
 Департамент внешней торговли (1811–1864);
 Всеподданейшие доклады по части торговли и промышленности (1764–1917);
 Фонды личного происхождения. Годы 1760-е — 1900-е.
 5. Российский Государственный архив Древних Актов (г. Москва).
 Фонды: разряд XV. Дипломатический отдел;
 разряд III. Дела внешней политики России.
 6. Архив С.-Петербургского отделения Института востоковедения РАН.
 Фонд-картотека архивных материалов по Турции (конец XVII — начало XX в.).
 7. Центральный Государственный архив Армении (г. Ереван).
 Фонд: Лазарев Я.Д. Обзор торговой деятельности в Закавказье. 1820-е — 1850-е гг.
 8. Центральный Государственный архив Азербайджана.
 Фонды: Бакинская таможня XIX в.
 Торговая статистика XIX в.
 9. Одесский областной государственный архив.
 Фонды: Рынки заграничной торговли;
 материалы Скальковского о торговле в разных областях 1850–1864.
 10. Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки (С. Петербург).
 Фонды: Д. Татищева, Духовной Академии, Дестуниса, Обручева, Бычкова, Шильдера, Михайловского-Данилевского, походная канцелярия Али-паши.
 11. Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки (г. Москва).
 Фонды: Аксаковых, Бутенева, Березина, Висковатого, Гамазова, Дашковых, Погодина, Строгановых.

Б. Опубликованные источники

- Акты исторические, относящиеся к России. СПб., 1842. Т. 2.
 Акты, собранные Кавказской археографической Комиссией. Архив Главного управления наместника кавказского (АКАК). Тифлис, 1885. Т. X.
 Адмирал Ушаков. Документы. М., 1952. Т. 2.
 Арnaudов Хр. Пълно събрание на държавните закони, устави... на Османската империя. Цариград, 1871.
 Архив Раевских. СПб., 1908. Т. 1.
 Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М., 1962.
 Березин И.Н. Современная Турция // Отечественные записки. СПб., 1856. Т. 104, отд. 1.
 Бисмарк О. фон. Мысли и воспоминания / Пер. с нем. М., 1940. Т. 1.
 Внешняя политика России XIX и начала XX века // Документы Российского министерства иностранных дел. М., 1960–1992. Т. I–XV.
 [Вронченеко М.П.] Обзорение Малой Азии в нынешнем ее состоя-

- ний, составленном русским путешественником М.В. СПб., 1839–1840. Ч. 1–2.
- Гагемейстер Ю.А.* О европейской торговле в Турции и Персии. СПб., 1848.
- Гамазов М.А.* О Турции и Персии. Из записок путешественника // Современник. 1857. № 7, 8.
- Государственная внешняя торговля России в разных ее видах. СПб., 1825–1867.
- Дорев П.* Документы из Турските държавни архиви. София, 1940. Ч. 1. [*Дюгамель А.О.*] Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля. М., 1885.
- Коллас. История Турции / Пер. с фр. 2-е изд. СПб., 1882.
- Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. М., 1863.
- Кутузов М.И. Документы. М., 1952. Т. 3.
- Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1895. Т. 11; СПб., 1895. Т. 12; СПб., 1909. Т. 15.
- (*Меньков П.К.*) Записки Петра Кононовича Менькова: В 3 т. СПб., 1898. Т. 1. Дунай и немцы. Восточный вопрос 1853–1855 гг.
- Миллютин Д.А.* Турецкая империя. Послание старому товарищу в Константинополь для исправления. СПб., 1847.
- Нахимов П.С. Документы и материалы. М., 1954. Т. 1.
- Осман-бей. Воспоминания 1855 г. События в Грузии и на Кавказе // Кавказский сборник. 1877. № 3.
- Сборники РИО. СПб., 1885–1911. Т. 43, 48, 73, 105.
- Собрание донесений о военных действиях и дипломатических актов, относящихся до войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. СПб., 1858.
- Тайны англо-французской политики в Восточном вопросе. Соч. отставного дипломата (К.М. Базили) / Пер. с фр. М., 1854.
- Тариф от сборе пошлин с перевоза в турецкие области и вывозимых оттуда российскими подданными товаров. Гельсингфорс, 1843.
- Торговый трактат между е.в. императором всероссийским и е.в. императором оттоманским. Гельсингфорс, 1847.
- Убичини А.* Изображение современного состояния Турции / Пер. с фр. СПб., 1854.
- Убичини А., Куртейль П. де.* Современное состояние Оттоманской империи / Пер. с фр. СПб., 1877.
- [*Чайковский М.С.*] Записки Михаила Чайковского (Мехмет Садык-паши) // Русская старина. 1898. Т. 10. № 10; 1900. Т. 102. № 5.
- [*Чириков Е.И.*] Путевой журнал Е.И. Чирикова / Ред. и предисл. М.А. Гамазова. СПб., 1875.
- Чихачев П.А.* Великие державы и Восточный вопрос / Сост. и авт. предисл. и прим. В.В. Цыбульский. М., 1970.
- [*Юзефович Т.*] Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб., 1869.
- Ahmet Cevdet Paşa.* Tarih-i Cevdet Cilt 1–3. Istanbul, 1966–1972.
- Aristarchi-bey.* Législation ottomane ou recueil des lois, réglemens, ordonnances, traités, capitulations et autres documents officiels de l'Empire Ottoman. Constantinople, 1875. Т. 2.

- Annual Statement of the Trade and Navigation of the United Kingdom with Foreign Countries and British possessions. London, 1855, 1859, 1862.
- Bianchi T.X.* Le premier annuaire de l'Empire Ottoman ou tableau de l'état politique, civil, militaire, judiciaire et administratif de la Turquie depuis l'introduction des réformés opérées dans ce pays par les sultans Mahmoud II et Abdul Medjid, actuellement régnant. Traduit du turc... Paris, 1848.
- Bédollière E., de.* Le Congrès de Paris. Histoire de la guerre d'Orient. Nouvelle série. Avec un dessin des plénipotentiaires par Gustav Doré. Paris, 1856.
- British and Foreign State Papers 1854–1855. London, 1865. V. 38, 44, 45.
- Benson A.Ch., Esher A., ed.* / The Letters of Queen Victoria. A Selection from Her Majesty's Correspondence between the Years 1837 and 1861. London, 1908. V. 3. 1854–1861.
- Capitulations et traités entre la France et la Porte Ottomane 1740, 1802, 1838. Paris, 1841.
- Cevdet Paşa. A. Tezakir.* Ankara, 1953. V. 1–12; Ankara, 1960. V. 13–20.
- Deutschlands und Österreichs Handel. Leipzig, 1848.
- Despatches and Papers relative to the campaign in Turkey. Asia Minor and the Crimea during the War with Russia in 1854, 1855, 1856. London, 1857.
- Evliza Celebi Siyahanamesi. I Cilt. Istanbul, 1971.
- Farley J.L.* The Resources of Turkeze. London, 1863.
- [*Fuad-pacha*] La vérité sur la question des Lieux Saints par quelqu'un qui l'a sait. s/l, 1853.
- [*Gooch G.P.*] The Later Correspondence of Lord John Russell. 2 V. London, 1925.
- [*Greville Ch.G.*] The Greville Memoirs, 1814–1860. London, 1938. V. 6, 7.
- Hansard's Parliamentary Debates. Third series. London, 1837–1878.
- Heuschling Xav.* L'Empire de Turquie. Territoire. Population. Gouvernement. Finances. Industrie, agricole, manufacturière et commerciale. Voies de communication. Armée. Culte etc. Bruxelles, Paris, 1860.
- [*MacGregor J.*] Commercial Tariffs and Regulations of the Several States of Europe and America. Part VIII. Ottoman Empire. London, 1843.
- MacGregor J.* Commercial Statistics. V. II. London, 1843.
- MacFarlane Ch.* Kismet; or the Doom of Turkey. London, 1853.
- Martens G.F. de.* Nouveau recueil général de Traités. Série 1, 15 t. Göttingen, 1857.
- Michoff N.* Contribution à l'histoire du commerce de la Turquie et de la Bulgarie. T. VI. Sofia, 1971.
- Michelsen Ed.H.* The Ottoman Empire and its Resources; With Statistical Tables of the Army, Navy, Trade, Navigation, Institutions etc. London, 1853.
- [*Meyendorf P. von*] Ein russischer Diplomat an den Hofen von Berlin und Wien. Politischer und privater Briefwechsel 1826–1863. Bd. 1–3. Berlin; Leipzig, 1923.
- [*Napoleon III*] Discours, messages, lettres et proclamations de S.M. Napoléon III, Empereur des Français. I-ère Série. 1849–1861. Paris, 1861.
- [*Nesselrode K.V.*] Lettres et papiers du chancelier Comte de Nesselrode 1760–1856. T. IX, X. Paris, 1912.

- Noradounghian G.* Recueil d'actes internatiaux de l'Empire Ottoman. V. I-II. Paris-Leipzig-Neuchâtel, 1900; V. 3, 1902.
- Preußens auswärtige Politik 1850 bis 1858. Unver öffentlichte Documente aus dem Nachlasse des Minister-Präsidenten Otto F. von Manteuffel. 3 Bd. Berlin, 1902.
- [*Prokesch-Osten A.F.*] Ein Beitrag zur Geschichte der Orientalischen Frage. Aus dem Nachlaß des Grafen A.F. Prokesch-Osten // Deutsche Révue. N 4. 1879; N 4. 1880.
- [*Rustem-efendi et Said-bey*] Response á quelques journaux relativement aux affaires de Turquie. Bruxelles, 1853.
- Saint-Denis J. de.* Histoire de l'Empire Ottoman depuis 1792 jusqu'à 1844. T. I. Paris, 1844.
- Slade A. (Mushaver Pasha).* Turkey and the Crimean War: A Narrative of Historical Events. London, 1867 (турецкий перевод: Стамбул, 1943).
- Statistical Abstracts for the United Kingdom in each of the last fifteen years (1840-1864). London, 1855-1868.
- Tableau général du commerce de la France avec les colonies 1825-1865. Paris, 1826-1876.
- Testa I. de.* Recueil des traités de la Porte Ottomane avec les puissances étrangères. T. IV. Paris, 1882.
- Thouvenel L.L.* Nicolas et Napoleon III: les préliminaires de la guerre de Crimée 1852-1854 d'après les papiers inédits de M. Thouvenel (Ed. - A). Paris, 1891.
- Young G.* Corps de droits Ottoman. T. VII. Oxford, 1905.

ЛИТЕРАТУРА

- Аль-Барави Р., Улейш М.Х.* Экономическое развитие Египта в Новое время / Пер. с араб. М., 1954.
- Ари Г.Л.* Албания и Эпир в конце XVIII— начале XIX в. (Западноевропейские папалыки Османской империи). М.: Наука, 1963.
- Бартольд В.В.* Халиф и султан // Сочинения. М., 1968. Т. 6.
- Беров Л.* Движението на цените на Балканите пред XVI-XIX в. и европейската революция на цените. София, 1976.
- България и европейските страни през XIX-XX век. Сб. по случай 75-годишната на чл.-кор. Туше Влахов. София, 1975.
- Васильев А.М.* История Саудовской Аравии. М., 1982.
- Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.
- Витол А.* Османская империя (начало XVIII в.). М., 1987.
- Горяинов С.* Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и С.-Петербургском главном архивах. СПб., 1907.
- Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII— начало XX в. Авторский коллектив: В.А. Георгиев, Н.С. Киняпина (отв. ред.), М.Т. Панченкова, В.И. Шеремет. М., 1978.
- Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А.* Очерки истории Турции. М., 1983.
- Гордлевский В.И.* Избранные сочинения. М., 1962. Т. 2, 3.
- Гулишамбаров С.Н.* Итоги торговли и промышленности России императора Николая I. 1825-1855. СПб., 1896.

- Дамьянов С.* Френската политика на Балканите 1829–1853. София, 1977.
- Данциг Б.М.* Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973.
- Дебидур А.* Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса 1814–1878 / Пер. с франц. М., 1929. Т. I–II.
- Дегоев В.В.* Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х годов XIX в. Владикавказ, 1992.
- Д'Оссон М.* Полная картина Оттоманской империи / Пер. с франц. СПб., 1795. Т. 1.
- Достян И.С.* Россия и Балканский вопрос. М., 1972.
- Дубровин Н.Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя: В 3 т. СПб., 1900.
- Дулина Н.А.* Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984.
- Желтяков А.Д.* Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции 1729–1908 гг. М., 1972.
- Жигарев С.* Русская политика в Восточном вопросе. Ее история в XVI–XIX вв. Критическая оценка и будущие задачи. М., 1896.
- Запорожец В.М.* Турция: проблемы военно-политического развития. М., 1991.
- Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1980–1913. Т. I–II.
- Золотарев В.А.* Апостолы армии российской. М., 1994.
- Золотарев В.А.* Феномен российского Ренессанса. М., 1995; Восемь других монографий В.А. Золотарева, изданные в 1983–1994 гг., приведены в примечаниях и в тексте данной книги.
- Ибрагимбейли Х.М.* Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М., 1971.
- История XIX века* / Под ред. Лависса и Рамбо; перев. с фр. М., 1938. Т. 3, 4, 5.
- Военная история Отечества с древнейших времен до наших дней.* М., 1995. Т. 1
- Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984.
- Киняпина Н.С.* Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1994.
- Конобеев В.Д.* Българското национално-освободително движение: Идеология, програма, развитие. София, 1972.
- Луцкий В.Б.* Новая история арабских стран. М., 1965.
- Мандельштам А.* Русская консульская юрисдикция в Турции и ее реформа. СПб., 1906.
- Мейер М.С.* Османская империя в XVIII в.: Черты структурного кризиса. М., 1991.
- Международные отношения на Балканах. 1815–1830.* М., 1983.
- Международные отношения на Балканах. 1830–1856.* М., 1990.
- Международные отношения на Балканах. 1856–1878.* М., 1986.
- Миллер А.Ф.* Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX в. М.; Л., 1947.
- Неболсин Г.П.* Статистическое обозрение внешней торговли России. СПб., 1850. Ч. 1–2.

- Новичев А.Д.* История Турции. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963–1978. Т. 1–4.
- Петросян Ю.А.* Османская империя. Могущество и гибель. М., 1990.
- Пловидба на Дунаву и његовим притокама кроз векове // Зборник радова са међународног научног скупа одржаног 5 и 6 јуна 1979 године / Уредник акад. Васа Чубриловић. Београд, 1983.
- Перминов П.* Посол III класса. М., 1992.
- Розен Д.Г.* История Турции от победы реформы в 1826 году до Парижского трактата в 1856 году / Пер. с нем. СПб., 1872. Ч. 1–2.
- [*Рикот*]. Монархия турецкая, описанная через Рикота, бывшего английского секретаря при османской Порте. СПб., 1741.
- Салиби К.* Очерки по истории Ливана / Перев. с араб. М., 1969.
- Семенов А.В.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г. СПб., 1859. Ч. 1–3.
- Семенов Л.С.* Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975.
- Социально-политические конфликты в сфере межнациональных отношений. М., 1990.
- Скальковский К.* Суэцкий канал и его значение для русской торговли. СПб., 1870.
- Соловьев С.М.* Восточный вопрос // Собр. соч.: В 1 т. СПб., (б.д.).
- Стојанчевић В.* Јужнословенски народи у Османском царству од Једеренског мира 1829 до Париског конгреса 1856 године. Београд, 1971.
- Тарле Е.В.* Крымская война: 2-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1950. Т. I–II.
- Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887.
- Теплов В.* Представители европейских держав в прежнем Константинополе. СПб., 1890.
- Тодоров Н.* Балканский город XV–XIX веков / Пер. с болг. / Отв. ред. Ю.А. Петросян, В.И. Шеремет. М., 1983.
- Фадеева И.Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (паносманизм-панисламизм) XIX—начала XX в. М., 1985.
- Хаммер П.* Обзорение важнейших государственных перемен... в Турции / Пер. с нем. // Московский наблюдатель. 1835. Ч.1.
- Цареградские письма о древних и нынешних турках и о состоянии их войска. СПб., 1789.
- Шеремет В.И.* К истории русско-турецкой торговли в конце XVIII — начале XIX в. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. М., 1968. Вып. 2.
- Шеремет В.И.* Некоторые вопросы английской политики на Ближнем Востоке // Актуальные вопросы истории США и Англии в новое и новейшее время. М., 1976.
- Шеремет В.И.* Турция и Адрианопольский мир 1829: Из истории Восточного вопроса. М., 1975.
- Шеремет В.И.* Суэц, Мухаммед Али и колониальные державы в 30–40-х гг. XIX в. // Международные отношения XIX–XX вв. Л., 1980.
- Шеремет В.И.* Русско-турецкие экономические связи в середине XIX в. // История СССР. 1978. № 6.

- Шеремет В.И.* Русско-турецкая торговля и балканские земли // Балканские исследования. 1984. № 9.
- Шеремет В.И.* Турецкая историография сербского освободительного движения // Югословенские земли и Русия за време Првог српског устанка 1803–1813. Београд, 1983.
- Шеремет В.И.* К характеристике положения Османской империи в годы Крымской войны (взаимосвязи политики и финансов) // Тюркологический сборник. 1979. М., 1985.
- Шеремет В.И.* Малоизвестные страницы из истории турецкой публицистики // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1983–1985. М., 1985. Ч. 1.
- Шеремет В.И.* Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX в. М., 1986.
- Шеремет В.И.* Внешняя торговля и торговая политика Турции в конце XVIII — первой половине XIX в. // Внешнеэкономические связи Османской империи. М., 1989.
- Шеремет В.И.* Империя в огне. Сто лет войн и реформ Блистательной Порты. М., 1994.
- Шеремет В.И.* Босфор. Россия и Турция в эпоху первой мировой войны: По материалам русской военной разведки. М.: ТБС, 1995.
- Широков Г.К.* Промышленная революция в странах Востока. М., 1981.
- Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / Отв. ред. Л.И. Рейснер, Н.А. Симония. М., 1984.
- Ястржембский В.* О капитуляциях в Османской империи. Харьков, 1905.
- Anderson O.A.* A Liberal State at War. English Politics and Economics during the War. London, 1967.
- Anderson M.S.* The Eastern Question 1774–1923. A Study of International Relations. London; N.Y., 1966
- Bailey F.E.* British Policy and Turkish Reform Movement. A Study in Anglo-Turkish Relations 1826–1853 // Harvard Historical Studies. Cambridge (Mass.), 1942. V. 51.
- Bairoch P.* Commerce extérieur et développement économique de l'Europe au XIX-e siècle. Paris, 1976.
- Belin F.A.* Essai sur l'histoire économique de la Turquie. Paris, 1865.
- Baumgart W.* Der Friede von Paris 1856. Studien zum Verhältnis von Kriegsführung, Politik und Friedensbewahrung. München; Wien, 1972.
- [*Bacqué-Grammont J.-L., Dumont P., éd.*] Économie et Sociétés dans l'Empire Ottoman (fin du XVIII-e début du XX-e siècle). Actes du colloque de Strasbourg (1-er—5 juillet 1980). 33 Colloques internationaux du Centre nationale de la recherche scientifique. 1983. N 601.
- [*Bacqué-Grammont J.-L., Dumont P., éd.*] Contributions à l'histoire économique et sociale de l'Empire Ottoman. Istanbul; Paris; Louvain, 1983.
- The New Cambridge Modern History. Cambridge, 1960. V. 10.
- Cameron R.E.* France and the Economic Development of Europe 1800–1914. Princenton (N. J.): Princenton University Press, 1961.
- Christopher H.* War and Society in the Nineteenth Century. Bletchley: The Open University Press, 1973.

- Davidson R.H.* Reform in the Ottoman Empire 1856–1876. Princeton (N. J.): Princeton University Press, 1963.
- Evans D.M.* The commercial crisis 1847–1848. New Abbat, 1969.
- Gallagher J. and Robinson.* Imperialism of Free Trade // *Economic History Review*. 1953. 2 ser. V. I.
- Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches. 1827–1833. Bd. 1–10.
- Herper M.* Center and Periphery in the Ottoman Empire // *International Political Science Review*. 1980. V. 1, N 1.
- Herschlag Z.Y.* Introduction to the Modern Economic History of the Middle East. Leiden, 1980.
- Issawi Ch.* The Economic History of Turkey 1800–1911. Chicago, 1980.
- Jelavich Ch., Jelavich B.* The Establishment of the Balkan National States, 1804–1920. Washington: University of Washington Press, 1977.
- Karpat K.* An Inquire into the Social Foundation of Nationalism in the Ottoman State: From Social Estates to Classes, from Millets to Nations. Princeton, 1973.
- Levi L.* The History of British commerce and economic progress of the British nation. 1763–1880. London, 1880.
- McInnes C., Sheffield G.D.* Warfare in the 20-th Century: Theory and Practice. London, 1988.
- Parkinson R.* Encyclopedia of Modern Wars. London, 1991.
- Puryear V.J.* International Economics and Diplomacy in the Near East. Stanford, 1935.
- Rosenthal St.* The Politics of Dependency: Urban Reform in Istanbul. Westport (Connect.); London, 1980.
- Shaw St.J., Shaw E.K.* History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Reform, Revolution and Republic: the Rise of Modern Turkey. 1808–1975. Cambridge (Mass.), 1977. V. 2.
- Sheremet V.* The Greek Revolution: A New Look at Old Problems // *Modern Greek Studies Yearbook*. Minnapolis (USA), 1992. N 8.
- Armaoğlu F.* Siyasi tarih. 1789–1960. Ankara, 1964.
- Avcioğlu F.* Türkiyenin düzeni (Dün, bugün, yarın). Ankara, 1969. Cilt. 1–2.
- Ayverdi S.* Türk — rus münasebetleri ve muharebeleri. Istanbul, 1970.
- Bulutoğlu K.* 100 sorunda Türkiye’de yabancı sermaye. Istanbul, 1970.
- Karal E.Z.* Osmanlı tarihi. Ankara, 1964–1957(1970). Cilt. 5–8.
- Kazgan G.* Ortak Pazar ve Türkiye. Istanbul, 1970(1992).
- Kılıçbay A.* Türk Ekonomisi. Ankara, 1985(1994).
- Kurat A.N.* Türkiye ve Rusya. XVIII yüzyıl sonundan Kurtuluş savaşına kadar türk-rus ilişkileri 1798–1919. Ankara, 1970.
- Kurmuş O.* Emperyalizmin Türkiye’ye girişi. Ankara, 1974.
- [*Kunt M. etc.*, edit. by]. Türkiye tarihi. Ankara, 1991–1993. Cilt 1–4.
- Lütfi Ahmed.* Tarih-i Lütfi. Istanbul, 1290(1878). Cilt VII, VIII.
- Öztuna T.Y.* Baslangıctan zamanımıza kadar Türkiye tarihi. Istanbul, 1967. Cilt. 11, 12.
- Uzunçarşılı İ.H.* Osmanlı tarihi. Istanbul, 1947–1959. Cilt 1–4.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	3
Введение	9

Часть первая

КОГДА БЕССИЛЬНЫ ЯТАГАНЫ

Глава 1. Размышления под грохот пушек	15
“Страна погибает. Еще немного, и уже нельзя будет ее спасти” (Селим III)	—
Христианский адресат османских реформ	28
Глава 2. “Вперед, ко вратам Цареграда”	63
Черное море: “русские берега у турецкого озера?”	—
Султан-халиф против царя-покровителя. Или об опасности эпистолярного экспансионизма в политике	87
Очаковский кризис. Стимуляция напряженности внешних параметров конфликта	99
Глава 3. Враг моего врага — мой друг?	115
Сафьяновый портфель. Дипломатия и военная разведка	—
Между Сеной, Невой и Босфором. Дипломатия и демонстрация военной силы	123
Конец “нечаянного союза”	148
Глава 4. Последние битвы янычар	192
“Венский концерт”, или почему замолчал турецкий барабан в 1815 году	—
Пограничные конфликты и дипломатическое противостояние	207
Османь, греки и русские. “Соскальзывание в конфликт”	218
“Образ врага” в османо-греческой и русско- турецкой войнах	286
Войско новое, проблемы старые	300

Часть вторая
**ПАШИ-РЕФОРМАТОРЫ, ЛОРДЫ-КОНСЕРВАТОРЫ,
 ГЕНЕРАЛЫ-ПАСИФИКАТОРЫ**

Глава 1. Пора надежд	319
Контактная зона Восток–Запад в середине XIX в.	
Динамика обмена	—
Начало эпохи танзимата. Гюльханейский	
хатт-и шериф 1839 г.	329
Борьба за “новый Босфор”. Пример интегративной	
модели выхода из конфликта	339
Глава 2. Война, торговля, политика	370
Законы рынка против обычаев базара	—
Калемы и компьютеры. О методах графической	
обработки неподробных данных	402
Когда капитуляция — путь к победе. Военные	
переговоры и торговые договоры	419
Феска и каска. Военные и политико-экономические	
аспекты вхождения Блистательной Порты	
в мировые рыночные связи	434
Глава 3. “От революции до войны — один шаг”	
(Махмуд II)	460
Картель и прокламации	—
Военная тревога 1849 г. Роль дипломатии	
в формировании очагов напряженности	477
Борьба конфессий и амбиций	488
Глава 4. Насилие — последний аргумент некомпетент-	
ного правителя	510
Английские лорды, французские пэры и османские	
башибузуки	—
“Нам пишут из Цареграда...” Турецкая разведка	
и русская дипломатия в борьбе за общественное	
мнение Европы	521
Глава 5. Три года под ружьем	536
Союз лондонского векселя и стамбульского	
штуцера	—
Осенняя кампания 1853 года	546
Кампания 1854 года на суше и на море	551
Крымская кампания. Оборона Севастополя	556
Последние залпы Восточной войны	571
Глава 6. Становление Парижской системы. Латентная	
фаза конфликта	576
Венские прелиминарии	—

Константинопольская интерлюдия и парижский финал	584
Заметки конфликтолога	599

Часть третья **В “ТОЧКЕ ЗАКАТА”**

Глава 1. И верхи могут, и низы хотят, а толку чуть...	605
Пример конфликтного поведения “силового центра” метрополии в мультинациональной среде	—
<i>Хатт-и хумаюн 1856 года. Ожидание и содержание</i>	—
Вопрос Восточный и вопрос национальный	613
Глава 2. Откат реформ. Описательный подход к погра- ничным состояниям в конфликте	647
Восточный кризис — 1: война и политика	663
Восточный кризис — 2: война и экономика	685
Заклучение	685
Глоссарий	693
Библиография	702

БИБЛИОТЕКА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ БИЗНЕСА (TBS)

Серия «Психотехнологии и эффективный менеджмент»

Кузьмин И. ПСИХОТЕХНОЛОГИИ И ЭФФЕКТИВ- НЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ

Книга содержит опыт работы Технологической школы бизнеса — первого учебного центра по менеджменту в России. В ней изложены: I уровень разработки управленческой концепции TBS, позволяющий освоить понятийный аппарат, стратегии эффективного менеджмента и эффективных коммуникаций. Отличительной особенностью книги является передача знаний на уровне технологий, что позволяет руководителям эффективно использовать имеющиеся ресурсы

Ситников А. ТЕХНИКА ЭФФЕКТИВНОЙ РАБОТЫ С ИНФОРМАЦИЕЙ

В книге описаны методики освоения динамического чтения, развития памяти, практически все известные своей эффективностью технологии совершенствования процессов переработки информации, предлагается календарный план занятий 11-недельного курса

Вахрушев В. ПРИНЦИПЫ ЯПОНСКОГО УПРАВЛЕ- НИЯ; ЭТИ НЕВЕРОЯТНЫЕ ЯПОНЦЫ / Колл. авторов

Книга содержит материал одного из ведущих отечественных специалистов по японскому менеджменту В. Вахрушева и практическое пособие TBS на основе бестселлера К. Паркинсона и М. Растомджи “Эти невероятные японцы”

БИБЛИЯ МЕНЕДЖМЕНТА / Колл. авторов

Авторы в простой форме сумели раскрыть секреты эффективного менеджмента для всех, у кого есть проблемы в межличностном общении. Практическое пособие TBS на основе “Одноминутного менеджера” К. Блэнчарда и “Библии менеджмента” К. Паркинсона поможет каждому руководителю работать более плодотворно

АЗБУКА УСПЕШНОГО БИЗНЕСА: Дайджест

Практическое руководство для всех желающих открыть собственное предприятие; содержит рекомендации для руководителей в области торгово-закупочной деятельности, бухгалтерского учета, маркетинга, ценообразования, управления финансовой деятельностью, организации работы офиса

Авдеев В. ПСИХОТЕХНОЛОГИЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМНЫХ СИТУАЦИЙ

Предлагаемая в книге технология не имеет аналогов. Она дает возможность успешно преодолевать стрессы, решать проблемные ситуации в профессиональной, внутриличностной и межличностной сферах, реализовывать личные интересы и устанавливать эффективные отношения

ДАЙДЖЕСТ ПСИХОТЕХНОЛОГИЙ

Представляет собой хрестоматию известных авторов (М. Эриксона, Д. Гриндера, Р. Бендлера, Д. Делозье, Л. Камертон-Бендлер, А. Ситникова, М. Спаркса и др.) чьи принципы и техники показали свою эффективность в менеджменте, рекламе, публичных рилейнз, психотерапии и других областях человеческой деятельности

Бейтсон Г., Бейтсон М.К. АНГЕЛЫ СТРАШАТСЯ

Г. Бейтсон — один из авторитетнейших американских философов, основоположник экологического подхода к процессу мышления. Прочитав эту книгу, Вы сможете основательно разобраться в закономерностях общения, личностного развития и эффективной деятельности

Бурмистрова Н., Котляр В. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Книга составлена на базе лексики американских печатных изданий по менеджменту и деловой документации. Она поможет Вам читать специальные тексты в оригинале, составить документ или вести деловую беседу на английском языке с зарубежным партнером по бизнесу

Петренко А. БЕЗОПАСНОСТЬ В КОММУНИКАЦИИ ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА

В книге рассматриваются приемы качественной ориентации в партнере, даются рекомендации по обеспечению надежности и эффективности деловой коммуникации в различных ситуациях, а также по особенностям коммуникации в экстремальных условиях

Драккер П. УПРАВЛЕНИЕ, НАЦЕЛЕННОЕ НА РЕЗУЛЬТАТЫ

В книге основоположника современного этапа развития менеджмента П. Драккера на большом фактическом материале освещаются стратегии эффективного управления предприятиями, анализируются пути выбора оптимальных управленческих решений с целью получения высоких результатов в бизнесе

ТРЕНИНГИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ БИЗНЕСА / Колл авторов

Книга представляет собой сборник тренингов, тестов и деловых игр, использование которых позволит проверить Ваши способности в управлении персоналом, ответить на вопрос: "Готовы ли Вы достичь успеха в ведении бизнеса в условиях рыночной экономики?"

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ: Дайджест

Книга представляет собой обобщение опыта известных западных специалистов по менеджменту в постановке стратегических целей ведущих компаний. Авторы доказывают прямую зависимость между грамотным выбором стратегии развития фирмы и ее долговременным успехом

МЕНЕДЖМЕНТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ: Дайджест

Это практическое пособие позволит руководителям высшего и среднего звеньев управления определить, как наиболее эффективно использовать имеющиеся человеческие ресурсы. Менеджмент человеческих ресурсов требует постоянного пристального внимания, особенно — в период глобальных преобразований

Кузьмин И. РЕСУРС МЕНЕДЖМЕНТА

Ресурс менеджмента позволяет каждому предприятию развиваться как живому организму. Эта книга содержит характеристику технологических особенностей формирования составляющих ресурса менеджмента: ресурса целостного образа мышления, ресурса успеха, ресурса доверия, ресурса самоутверждения, ресурса творчества, ресурса утверждения группы и ресурса управленческой культуры

Кузьмин И. ТЕХНОЛОГИИ ЭФФЕКТИВНОГО МЕНЕДЖМЕНТА: Справочник

Технологии эффективного менеджмента позволяют каждому предпринимателю по шагам усвоить: “Как эффективно управлять подчиненными, равными себе, и даже шефом? Как аккумулируются стратегический и ситуационный ресурсы? Как развивается целостный образ мышления?” Справочник объединяет технологии эффективного менеджмента первого и второго уровней управленческой концепции TBS

Ситников А. СПРАВОЧНИК ПСИХОТЕХНОЛОГИЙ

А. Ситников — авторитетный в России и за рубежом специалист в области прикладных психотехнологий, нейролингвистического программирования. Книга будет полезна профессиональным психотерапевтам, менеджерам, работникам рекламы и средств массовой информации, а также каждому, кто желает разобраться в себе и окружающих

Кузьмин И. УНИВЕРСАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ БИЗНЕСА

Универсальная технология бизнеса является результатом научных исследований, проведенных TBS в конце 80-х — начале 90-х годов. В книге обобщен опыт ведущих компаний XX века, дополненный новыми представлениями о наиболее эффективном использовании человеческих ресурсов. Данная технология может быть реализована любым предприятием, ориентирующимся на долговременное успешное развитие в XXI веке

Алексеев А., Пигалов В. ДЕЛОВОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ НА ПРАКТИКЕ

Авторы наглядно показывают, что от сегодняшнего руководителя требуются объективное отношение к внедрению новых методов планирования и распределения работы, принятие своевременных решений. Это своеобразная “настольная книга” руководителя, содержащая методики и технологии самоподготовки, управления персоналом и решения проблемных ситуаций

Слепов В., Попов Б. ЦЕНООБРАЗОВАНИЕ И МЕНЕДЖМЕНТ

В книге рассматриваются основные элементы теории и практики рыночного ценообразования, передовая технология расчета рыночных цен на национальном и международном рынках, а также возможность практического использования цен в коммерческой деятельности российских предприятий и организаций

Научно-популярное издание

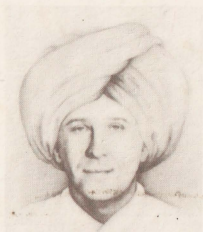
Виталий Иванович ШЕРЕМЕТ
ВОЙНА И БИЗНЕС
ВЛАСТЬ, ДЕНЬГИ И ОРУЖИЕ
Европа и Ближний Восток в новое время

Художник *В.Ю. Яковлев*
Корректор *Н.А. Бруякина*
Оригинал-макет *И.О. Резниченко*

И з д а т е л ь с т в о
“Технологическая школа бизнеса”
105215 Россия Москва, 5-я Парковая ул., 60
ЛР № 060876 от 13.03.92

Подписано в печать 25.10.95. Формат 84х108 1/32
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Уч.-изд. л. 34,6. Усл. печ. л. 41,8
Тираж 3.000 экз. Зак. 60

Отпечатано в типографии издательства “Дом печати”
432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Виталий Иванович Шеремет родился в Ленинграде в 1940 году. В 1963 г. он окончил Восточный факультет Ленинградского Университета. Постепенно складывалась сфера его научных и педагогических интересов — история мировой цивилизации от древнейших времен до наших дней.

Но все же Ближний и Средний Восток в новое время всегда оставался главной, приоритетной частью его исследовательской работы.

Научные звания и титулы В.И.Шеремета многогранны: доктор исторических наук, профессор гражданской истории, член-корреспондент и профессор военной истории и теории Академии естественных наук РФ... Доктор ноокосмологии. Зарождение интереса к этой необычной и новой для нас научной дисциплине надо искать в лекциях профессора Шеремета по проблемам ментального противостояния в мировой военной истории.

После этого был сделан решительный научный шаг к полномасштабным обобщениям в области исторической конфликтологии.

Предлагаемая читателю книга "Война и бизнес. Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время" — результат тридцатилетних архивных поисков автора и применения уникальной методики исследования, основанной на приложении принципов нелинейной причинности к историческому процессу, к месту человека в стремительно изменяющемся социокультурные ориентиры мире.

